

КЛАССИКА
СОЦИОЛОГИИ

Н. ЛУМАН

СОЦИАЛЬНЫЕ
СИСТЕМЫ

NIKLAS LUHMANN

SOZIALE SYSTEME

GRUNDRISS EINER ALLGEMEINEN THEORIE
SUHRKAMP

НИКЛАС ЛУМАН

СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

ОЧЕРК ОБЩЕЙ ТЕОРИИ

Перевод с немецкого И. Д. Газиева Под редакцией Н. А. Головина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА» 2007

УДК 316

ББК 60.5

Л84

Редакционная коллегия серии «Классика социологии»

Н. А. Головин (председатель), С. И. Голод, А. В. Дука, О. И. Иванов,

И. Г. Скворцов, Х. Тюрель (Билефельд, Германия), А. Ф. Филитов,

Р. П. Шпакова

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

проект № 05-03-160936

и Немецкого культурного центра имени Гёте

в рамках программы содействия

переводу немецкой литературы на иностранные языки

(Das Förderprogramm des Goethe-Institutm Übersetzungen deutsche

Bücher in eine Fremdsprache)

ISBN 978-5-02-026871-5 ISBN 3-518-57700-Xkart. ISBN 3-518-57684-4 Gewebe

перевод на русский

©ГазиевИ.Д., язык, 2007

© Головин Н. Л., вступительная статья, 2007

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1984

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Наука», 2007

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В современном социальном и гуманитарном знании присутствует заметный прагматический мотив. Социологическая теория не может претендовать на высокую оценку, если она не преследует практической цели служения обществу. Иными словами, она не может быть «прекрасной, потому что бесполезна», как высказался однажды Аристотель о философии. В задачи социологической теории входит эффективное объяснение сущности современного общества, механизмов, обеспечивающих его воссоздание как целостности.

Каждый шаг в развитии социологической теории связан с новым эффективным предложением, направленным на реализацию данной цели. Чтобы понять и по достоинству оценить значение таких шагов, теоретическое знание в социологии можно представить себе как двухэтажное строение. Первый этаж олицетворяет наиболее общие теоретические положения, служащие объяснительным принципом и средством выработки новых знаний об обществе, отвечающих общенаучному уровню, достигнутому * настоящему времени.

Следовательно, прорыв вперед в теории общества возможен прежде всего посредством совершенствования, разработки и углубления объяснительных принципов этой дисциплины. В ходе истории научной мысли сложились причинное объяснение, диалектика как общая теория развития и теория систем как общенаучная методология — вот минимальный перечень основ, которым здесь позволительно ограничиться.

Каждое здание должно стоять на прочном фундаменте. В качестве такового в теории, в данном случае — в теории систем, выступают общенаучные результаты. Социология заимствует и использует

в своей предметной области объяснительные положения и принципы, содержащиеся в общенаучном арсенале средств познания, эффективность и общезначимость которых подтверждается как в социальных, так и в естественных науках. Предметом социологии являются системы особого рода — социальные системы, т. е. системы, складывающиеся на основе осмысленного поведения человека, направленного на другого (М. Вебер). Немецкий социолог Ник-лас Луман существенно уточняет и осовременивает данное понятие социальных систем — это системы коммуникации (социальное действие — лишь моментальный конденсат коммуникации), основанные на согласовании взаимных ожиданий участников этого процесса. Исследуя функционирование таких комплексов, социология вносит свой вклад в общую теорию систем и методологию системного анализа.

Таким образом, механизм развития теоретического знания в социологии работает прежде всего как развитие новых объяснительных принципов и теоретических положений, что позволяет создать предпосылки нового крупного шага в развитии теории общества. Условием эффективности здесь выступает равноправное взаимодействие социологии с общенаучным процессом накопления нового методологического знания в его передовых областях — биологии и кибернетике. Тем самым можно лучше понять и значение творчества Лумана для социологии и общества, по достоинству оценить его научные результаты.

Если вернуться к метафоре двухэтажного теоретического знания, то книгу Лумана «Социальные системы: очерк общей теории» (1984) можно считать возведением первого этажа, его несущих конструкций. Завершением строительства стал выход в свет в . - , ' > i. (через год после смерти Лумана) двухтомной разработки социологической теории общества под названием «Общество общества». Эта книга, написанная не без некоторой спешки, является применением положений общей теории социальных систем (до Лумана теории социальных систем как таковой не сложилось) к разработке теории общества.

Рассматривая место общей теории социальных систем, отметим ее непосредственную связь с общей теорией систем. Последняя прошла в европейской науке длительный путь развития, восходящий к античной мысли, в результате которого можно назвать три его парадигмы, обеспечивающие получение нового знания.

Первая парадигма системно-теоретического мышления, «часть — целое», встречается уже в сочинениях Аристотеля, которому принадлежит высказывание о том, что «целое больше суммы своих частей». Иными словами, в системе как целостности возникают некоторые качества, которые не встречаются у ее элементов по отдельности. Эта парадигма описывает и объясняет возникновение системных качеств, или эффектов системы, и успешно применяется в анализе общества как целостности, в изучении свойств социальных систем.

Парадигма занимает видное место в социальной мысли, где она часто использовалась в отношении идеальных систем. Немецкий философ-просветитель И. Кант понимает под системой единство знаний,

объединенных идеей разума. Его преемник в философии Г. Гегель создал всеобъемлющую систему идеалистической философии, которая представляет собой концепцию развертывания абсолютной идеи в систему мироздания — природу, общество и дух.

Примером эффективного применения этой парадигмы в предметной области социальных наук является теория общества английского философа XVII в. Т. Гоббса. Согласно Гоббсу, государство как надындивидуальное целое подчиняет людей, служащих его сохранению. Один из родоначальников социологии — Э. Дюрк-гейм — объяснял возникновение социальных норм воздействием разной плотности населения, т. е. считал их системным свойством. Г. Спенсер широко пользовался в социологии организменной аналогией, понимая общество как квазиорганизм, в котором его подсистемы выполняют необходимые функции по сохранению общественного целого. Этот подход находит продолжение в современном функционализме.

Применение парадигмы «часть — целое» на микроуровне социальных отношений, имеющем место, например, в английской и шотландской философии морали XVII—XVIII вв., также дает результаты, ценность которых не снижается со временем. Так, А. Смит полагал, что общество возникает на основе социального взаимодействия людей, прежде всего их экономических отношений. Тем самым его внимание было направлено пусть не на общественное целое, но зато на условия возможности эффективного социального действия — фундаментальной проблемы социологии XX в., в частности социологии Т. Парсонса.

В конце XIX в. системный подход получил развитие в биологии — науке, накопившей большой эмпирический материал в отношении качества живых организмов, связанного с его системной природой, — жизни. Другое свойство организма — поведение — также стало пониматься как сложное отношение между организмом (субъектом) и окружающим его миром. Тем самым в биологии и в социологии возникла потребность в новой системно-теоретической концепции, раскрывающей сущность отношения системы и жающего мира.

Ею стала вторая парадигма системно-теоретического мышления, парадигма «система — окружающий мир», впервые четко сформулированная в термодинамике. Согласно второму закону термодинамики, всякая закрытая система стремится к росту энтропии, проявляющейся, в частности, в выравнивании температуры в системе. Иными словами, физические микропроцессы сами по себе ведут к отдаленной во времени, но, считается, неизбежной тепловой смерти Вселенной. Между тем реально существующие системы, в частности живые организмы, самой своей жизнью постоянно демонстрируют способность противостояния физическому закону роста энтропии.

Теоретическое объяснение этому противостоянию дано посредством понятия открытых систем — целостностей, которые взаимодействуют с окружающим миром, получая оттуда вещество и энергию, используя их в своей деятельности по поддержанию структуры и реализации процессов в системе, обеспечивающих феномен жизни, включая адаптацию системы к своему окружающему миру.

Новая парадигма была впервые масштабно использована в социологии Т. Парсонсом в разработке общей теории социального действия как системы и в теории общества, основанной на идеях структурного функционализма в соединении с веберовской теоретической традицией в отношении социального действия. При этом Парсонс, лекции которого слушал Луман, впервые после Второй мировой войны создал теорию современного высококодифференцированного общества, достигнув по меньшей мере ее ясности и обзримости. До Парсонса социология по сути дела работала над проблематикой социального порядка с помощью понятийного аппарата XIX в., применяя его к послевоенному обществу XX в. Преодоление этого отставания в теории стало для Лумана, как и для Парсонса, одной из важнейших установок всего научного творчества. Его социология нацелена на теоретически реализуемое овладение сложностью современного социального мира, на возможность тем самым его более адекватного понимания человеком.

Чтобы достичь столь масштабной цели, социология должна стать современной. Современность применительно к этой дисциплине означает, по Луману, переход главного познавательного интереса от вопроса «что такое общество» к вопросу о том, «как оно функционирует».

Действительно, социология как наука в течение своей короткой истории много времени и сил потратила на решение вопроса о том,

«что» есть общество, и в результате получила множество дефиниций. Для Лумана этот вопрос не столь важен — он полагает очевидным рассматривать общество как всеобъемлющую систему социальных коммуникаций. Оно присутствует всюду, где есть такие коммуникации. В гораздо большей степени для Лумана важен вопрос о том, «как» функционирует общество, каковы механизмы, обеспечивающие его постоянное самовоспроизводство.

Общетеоретический ответ на вопрос о сохранении системы в ее идентичности был получен в исследованиях процессов самовоспроизводства на уровне живой клетки в 1960-х годах. Чилийские нейрофизиологи У. Матурана и Ф. Варела в результате сформулировали новую системно-теоретическую концепцию — парадигму самовоспроизводящихся систем.

Самовоспроизводящиеся системы — это такие системы, которые состоят из компонентов и отношений, способных воспроизводить и элементы, и связи между ними с помощью лишь собственных действий, т. е. операций, относящихся к самой системе, а не к ее окружающему миру.

Научное сообщество осознало, что эта новая парадигма системной теории — концепция самовоспроизводящихся систем — по своему теоретико-познавательному потенциалу выходит далеко за пределы предметной области биологии. Новую познавательную концепцию, как в свое время Парсонс парадигму открытых систем, Луман сделал методом теоретической социологии, объясняющим проблему самовоспроизводства общества, сохранения его идентичности. Он сосредоточился на разработке на этой основе общей теории социальных систем.

При этом немецкий социолог опирается не только на идеи У. Ма-тураны и Ф. Варелы, но и на теории Ф. фон Фёрстера и Г. Спенсера Брауна, их философские концепции формы, а также на принципы теории относительности А. Эйнштейна, изящно вписав идею вклада наблюдателя в конфигурацию системы, на роль которого в обществе претендует социология. Луман опирается и на идеи кибернетики, подтвердившие высокую степень универсальности системно-теоретического знания. Последний из упомянутых идейных источников означает, что теория социальных систем Лумана может быть воспринята в российском научном сообществе, имеющем развитую школу кибернетики, далеко за пределами социологии.

В связи с этим следует отметить и большую важность идей Лумана для развития отечественной теоретической социологии, вытекающих из универсализма теории систем. Их универсализм не есть лишь дистанцирование от идеологем, вредоносных для социальных наук (что давно осознано научным сообществом), а основан на фун-

даментальном уровне системно-теоретического знания. Продолжая[^] пользоваться метафорой науки как архитектурного сооружения, можно утверждать, что универсализм заложен в самом фундаменте всей постройки, а именно в общенаучных методах системно-теоретического познания. Чтобы понять вклад Лумана в этот арсенал, отметим, что еще в 1990-е годы системная теория в социологии являлась весьма расплывчатым понятием, не имеющим интернационально признанного содержания. Одной из причин этого является направленность системной теории на проблемы функционирования реальных обществ, по сути дела — национальных государств, а не на реализацию нового проекта общества, по поводу единства которого договориться легче хотя бы потому, что он еще никогда не был реализован в задуманном виде (марксизм).

В данном случае важнее отметить еще одну причину, выступающую значимым препятствием достижения единства социологической теории. Она состоит в плюрализме обществ современного мира, в разных культурных традициях, общественных структурах, языковых средствах коммуникации, которыми пользуется в том числе и социология. Поэтому американская системная теория в социологии (Парсонс) имеет так же мало общего с французским структурализмом, как и обе они с идеологизированной системной теорией советского периода, соединяющей марксистскую теорию сфер общества с идеологией о руководящей роли коммунистической партии.

Общая теория социальных систем Лумана, основанная на общенаучных достижениях, позволяет снять перегородки в теоретическом фундаменте социологии, вырастающие из национальных социологических традиций. Она уже делает это не только посрем і ком разработки дифференцированной теории общества самим Луманом в названном итоговом труде «Общество общества», но и посредством осуществляемой его последователями разработки теории всемирного общества, предвосхищающей новые тенденции глобализации.

Поэтому настало время, когда системная теория в ее фундаментальном аспекте, разработанном Луманом, опыт и знания в области систем, накопленные в отечественных социальных науках, прежде всего в кибернетике, должны вновь соединиться, тем более что их потенциал 1960—1980-х годов использован Луманом в книге «Социальные системы».

Рассматривая историю отечественной системной теории лишь в самом общем виде, отметим ее блестящее начало в работах А. А. Богданова и А. Гастева, сменившееся отчуждением от интер-

10
национальной дискуссии в социальных науках по внутривластным причинам, и ее новую интернационализацию в нашей стране с 1960-х годов вплоть до настоящего времени, когда

системная теория стала крупной институционализированной отраслью научного знания в России, повлиявшей и на социологию Лумана. Правда, это замечание пока не в полной мере относится к современной ситуации в отечественной социологии.

Касаясь фундаментального труда Лумана по общей теории социальных систем, мы ограничились здесь лишь указанием его значения для разработки социологической теории современного общества в связи с общенаучными основами рационального знания. Хотелось бы коснуться и личностного аспекта этой теории, запечатленного в биографии теоретика.

Как известно, Луман говорил: «Если кому-либо нужно знать мою биографию, чтобы понять, *что я написал, значит, я плохо писал*». Однако жизнь Лумана как представителя современной теоретической мысли весьма поучительна. Мы обратимся к ней, подчеркнем, не ради того, чтобы пролить свет на сложные и малодоступные пониманию места в его книге, а ради того, чтобы продемонстрировать, что современная социологическая теория является делом серьезным и профессиональным, требующим самоотверженности, умения ясно формулировать цель и упорно работать над ее достижением.

Никлас Луман родился в 1927 г. в г. Люнебурге, в семье владельца пивоварни. В 1946—1949 гг. он изучал юриспруденцию во Фрайбургском университете. С 1954 по 1962 г. служил чиновником в Администрации земли Нижняя Саксония, в Министерстве по делам культуры. Глубокое понимание работы аппарата управления и природы права — пожалуй, то единственное из его личного биографического и служебного опыта, что непосредственно входит в теорию социальных систем. Показателен случай, произошедший сразу после окончания войны. Тогда молодому Луману клалось, что вместе с крахом национал-социалистического режима в Германии сам собой возникнет новый общественный порядок и начнется новая жизнь. Расставание с этой иллюзией оказалось прозаическим. Луман был интернирован американскими оккупационными властями и подвергнут насилию. Это его шокировало, и он убедился, что общественная жизнь не складывается сама собой, что требуется гигантская работа по ее постоянному созиданию и поддержке. Этим занимаются всевозможные социальные системы (в связи с этим полезно обратить дополнительное внимание на те места в книге, где речь идет о роли формальных организаций).

11

Впоследствии, став юристом и чиновником земельного управления, Луман много размышлял на эту тему, читая книги по философии и социологической теории. Когда в 1960—1961 гг. у него возникла возможность стажировки в Гарварде, где преподавал Парсонс, он воспользовался ею. Именно с того момента начинается Луман свой путь в социологии.

После стажировки Луман оставил государственную службу и в течение 1962—1965 гг. работал исследователем в Высшей школе Управления в г. Шпайере. В 1965 г. он защищает первую и вторую диссертации по социологии. Последовав рекомендации Г. Шельско-го, одного из воссоздателей социологии в ФРГ после Второй мировой войны, Луман принимает предложение о профессорстве в университете г. Мюнстера, а в 1968 г. — во вновь созданном Билефельдском университете, став его первым профессором. Одновременно Луман работает на кафедре Т. Адорно во Франкфуртском университете, знакомясь с сутью критической теории общества в дискуссиях с ее родоначальниками, в том числе со своим видным оппонентом Ю. Хабермасом. Полемика с Хабермасом по поводу теоретических основ концепции общества помогла Луману глубже сформулировать свою теорию социальных систем.

Научная жизнь Лумана является примером целеустремленности и систематичности. Уже в молодые годы Луман четко знал, что его цель состоит в том, чтобы на основе современного междисциплинарного фундаментального знания создать эффективную и реалистичную теорию современного общества. В связи с этим в одном из научных отчетов факультета социологии Билефельдского университета он шутливо замечает, что работает над долгосрочным теоретическим проектом, в отличие от эмпирических исследований не вызывающим финансовых затрат. Научное наследие Лумана включает в себя четыре группы произведений, позволяющие определить место общей теории социальных систем в его творчестве.

Во-первых, это статьи разных лет, выходящие с 1970 г. в серии сборников «Социологическое просвещение» (6 томов) и сделавшие социологию предметом широкого общественного интереса в Германии.

Во-вторых, это основополагающая книга «Социальные системы: очерк общей теории», вобравшая в себя, в частности, и итоги вышеназванной методологической полемики с Ю. Хабермасом, развернувшейся в их совместной книге «Теория общества или социальная технология. Что дает

системное исследование?» (1970). В данной книге Луман заложил основы новой теории общества.

12

В-третьих, существует ряд вспомогательных работ, содержащих разработки отдельных компонентов по теории общества, например концепцию символически генерализованных средств коммуникации. К ним относятся книги «Доверие» (1968), «Власть» (1975), «Функция религии» (1977), «Общественная структура и семантика» (1980—1995), «Любовь как страсть» (1982), «Социология права» (1972), «Правовая система и правовая догматика» (1974) и другие, большей частью вошедшие в общую теорию социальных систем. Они способствовали осмыслению специфики социальных систем и разработке ее общей теории в книге «Социальные системы» (1984).

В-четвертых, отметим важнейшую часть теоретического наследия, показывающую, что сложились основания, чтобы представить общество как всеобъемлющую социальную систему в процессе ее самовоспроизводства. Одна за другой выходят в свет книги, посвященные механизмам подсистем общества: «Экономика общества» (1988), «Наука общества» (1990), «Право общества» (1993), «Искусство общества» (1995). Луман выделяет 11 функциональных подсистем социума, из которых 4 проанализированы им подробно, а еще 7 — лишь в отдельных аспектах. Тем не менее в итоге он создал целостную теорию общества в двухтомном «Обществе общества» (1999). При этом социология как саморефлексия общества стала его важнейшей частью, в то же время оставаясь всего лишь подсистемой одной из подсистем общества — подсистемы науки.

Никлас Луман умер в 1998 г. в г. Ёрлингсхаузене (неподалеку от Билефельда).

Поначалу социология Лумана не находила последователей, количество которых было бы достаточным для формирования крупной научной школы. В 1994 г. Луман сетовал автору данных строк на это обстоятельство. Сейчас положение изменилось. Среди немецкоязычного социологического сообщества набирают силу два крупных направления в теории общества, основанных на социологии Лумана: во-первых, теория всемирного общества и, во-вторых, переосмысление всей социальной истории в категориях лумановской социологии.

В России также растет интерес к социологии Лумана — выхо-Дят в свет работы, посвященные анализу его творчества (В. В. Посконин, О. В. Посконина, Ижевск), есть его видные последователи в отечественной теоретической социологии (А. Ф. Филиппов, Москва), опубликован перевод его «Власти» (2001), а «Общество общества» издается по главам (А. Антоновский, Москва) под названиями «Общество как социальная система» (гл. 1), «Медиа коммуникации» (гл. 2), «Эволюция» (гл. 3), «Дифференциации» (гл. 4),

13

«Самоописания» (гл. 5). Есть любопытная попытка осмыслить историю русской культуры в категориях системной теории Лумана (*КречмарД.* Искусство и культура России XVIII—XIX вв. в свете теории систем Н. Лумана. М., 2000).

Нет сомнения в том, что выход в свет «Социальных систем» Лумана на русском языке будет способствовать развитию и идейному обогащению российской теоретической социологии. Правда, читать эту книгу не просто — Луман ввел множество новых социологических понятий, его текст порой поднимается на высочайший уровень абстракции, а вся теория имеет нелинейное построение. Помимо советов по работе с книгой «Социальные системы», даваемых самим Луманом в предисловии; начинающему социологу было бы весьма полезно научиться у Лумана умению работать с крупными смысловыми блоками, под которыми понимаются теоретические положения, содержащиеся в главах и разделах данной книги. Усилия, затраченные на это, позволят читателю проникнуть в структуру теории Лумана — а значит глубже понять одну из составляющих жизни нашего общества.

Н. Л. Головин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социология находится в теоретическом кризисе. Эмпирические исследования, в целом действительно успешные, увеличили наши знания, но не привели к единой социологической теории. Социология как эмпирическая наука не может не претендовать на пересмотр своих высказываний на основании данных, полученных при исследовании реальности, сколь бы ни были стары либо новы бурдюки, в которые разливают полученное знание. Однако именно на этой основе она не может обосновать особенность своей предметной области и своего единства в качестве научной дисциплины. Разочарование зашло так далеко, что этого даже больше не пытаются сделать.

Названная дилемма расколола само понятие теории. Под теорией иногда понимают эмпирически проверяемые гипотезы о взаимосвязях между данными, иногда — усилия, прилагаемые в области

понятий, в довольно широком, не очень определенном смысле. Правда, минимальное требование к теории обще обоим направлениям: теория должна открывать возможность сражений. В остальном все-таки остается спорным, посредством самоограничения какого рода можно заслужить право называть свое дело теорией. Этот спор и эта неопределенность являются одновременно следствием и причиной отсутствия собственной единой теории в социологии, на которую можно было бы ориентироваться как на образец, как на «парадигму».

Те, кто интересуется общей теорией, обращаются преимущественно к классикам. Ограничение, посредством которого заслуживают право на титул теории, легитимируется посредством обращения к текстам, которые уже носят этот титул или обсуждаются под ним.

15

В таком случае задача сводится к тому, чтобы открывать, интерпретировать, рекомбинировать уже имеющиеся тексты. Полагают уже имеющимся то, что не могут создать самостоятельно. Классики есть классики, потому что они классики; они удостоверяют себя в сегодняшнем употреблении посредством самореференции. В таком случае ориентация на великие имена и специализация на таковых могут выдаваться за теоретическое исследование. На более абстрактном уровне отсюда возникают такие «синдромы теории», как теория действия, теория систем, интеракционизм, теория коммуникации, структурализм, диалектический материализм, — вот краткие формулы для комплексов имен и идей. Тогда новое можно ожидать от комбинаций. В марксизм вводится немного системной теории. Оказывается, что интеракционизм и структурализм вовсе не такие уж разные, как считалось. Веберовская «история общества», понятие, приемлемое и для марксистов, систематизируется при помощи парсоновской техники перекрестного построения таблиц. Теория действия реконструируется в качестве теории структуры, теория структуры — в качестве теории языка, теория языка — как теория текста, теория текста — в качестве теории действия. Ввиду такого амальгамирования тогда вновь возникают возможность и необходимость заняться воссозданием подлинного образа классиков. При этом каждая деталь их биографии наводит на след и дает возможность противопоставить классика тому, что выводят из него в качестве теории.

Все это небезынтересно и небезрезультатно. Но чем дальше уходят классики в историю дисциплины, тем более необходимо будет различать теоретическую и биографическую, абстрактную и конкретную установки по отношению к ним. Однако можно ли обойтись вообще без них, если их приходится раздирать на части таким образом? Социология социологии могла бы внести здесь понимание того, что при родовых отношениях следует обязательно разбираться в генеалогиях. В таком случае, пожалуй, можно спросить, следует ли оставаться на уровне «родовых отношений», описывающих себя как плюрализм, и является ли введение генеалогических ограничений единственной возможностью обосновать использование звания теории. В результате наблюдатель прежде всего запутывается в быстро растущей сложности этой теоретической дискуссии. Чем лучше знают ведущих авторов и чем выше взвинчивают требования к анализу их текстов в контексте комментаторской литературы, чем больше предаются комбинаторским играм и чем в большей степени переносят смену эмфаз (например, десубъективацию или ресубъекти-

16

вацию) из одних теоретических рамок в другие, тем сложнее становится специальное знание, которое должно обеспечивать дальнейшее исследование. В таком случае единство социологии выступает не как теория и, тем более, не как понятие ее предмета, а как чистая сложность. Дисциплина не только становится необозримой но и приобретает единство в своей необозримости. Сложность затрагивается лишь в перспективе, и каждый рывок вносит больше изменений, чем способен контролировать. Таким образом, даже если бы исходили из того, что идейное наследие классиков рано или поздно будет исчерпано, все равно оставалось бы еще много работы над неясностью собственного производства.

Таким образом, речь идет об отношении сложности и прозрачности. Можно выразиться иначе — об отношении непрозрачной и прозрачной сложности. Отказ от создания единой социологической теории уводит не от этой проблемы, а лишь от ее постановки. Однако именно с этого начинается работа над такой теорией. Она полагает свое предметное отношение в качестве отношения необозримой и обозримой сложности. Она *никогда не обещает отражения* предметной реальности во всей ее полноте, *исчерпания* всех возможностей познания предмета, а отсюда и *исключительного* права на истину по отношению к другим, конкурирующим теоретическим разработкам. Однако такая теория, пожалуй, претендует на *универсальность* охвата

предмета в том смысле, что она в качестве социологической теории занимается *всем социальным*, а не только его фрагментами (например, социальным расслоением и мобильностью, особенностями современного общества, типами социального взаимодействия и др.).

Теории, претендующие на универсальность, легко узнать по тому, что они сами выступают в качестве своего собственного предмета (если бы они исключали его, то отказывались бы от универсальности). Тем самым и это справедливо для всех «глобальных теорий» (например, и для квантовой физики), определенные разделы классической теории науки утрачивают силу; прежде всего все то, что имеет дело с независимым подтверждением (доказательством) истинности теории. Таким образом, всегда можно будет заявить, что я вкусил ложного яблока, не того, что с древа познания. Тем самым всякий спор можно загнать в область неразрешимого. Однако в таком случае можно, пожалуй, потребовать, чтобы критик развивал для области применения теории адекватные альтернативы и не ограничивался ссылкой лишь на свою теорию, согласно которой в хитросплетениях позднего капитализма невозможно понять реальность.

17

Таким образом, теории, претендующие на универсальность, являются самореферентными. Посредством своих предметов они всегда изучают кое-что и о самих себе. Поэтому они сами по себе нуждаются в том, чтобы задавать себе смысловые ограничения — например, понимать теорию как разновидность практики, как своего рода структуру, своего рода способ решения проблем, своего рода систему или программу принятия решений. Различие с другими видами практики, структуры и т. п. может обнаруживаться в предметной области. Так, универсальная теория, в том числе и в качестве теории дифференциации, может понимать себя как результат дифференциации. Ограничение, оправдывающее звание теории по отношению к ней, заложено в этом отсутствии произвольности в ее полагании на самореференцию.

Тем самым уже сказано все основополагающее по поводу теоретической программы настоящей книги. Мы намерены взять своего рода препятствие, перед которым сегодня пасует обычная дискуссия о теории в социологии. Его можно обрисовать указанием на следующие три различия.

(1) Речь идет о формулировании универсальной теории социологии, на что со времен Парсонса больше никто не отваживался. Однако царство предметов, относящихся сюда, более не полагается субстанционально как фрагмент мира (*fails sociaux*), рассматриваемого социологией извне. Оно не понимается и лишь как коррелят своего аналитического понятийного изображения в смысле «аналитического реализма» Парсонса. В гораздо большей степени оно мыслится как совокупный мир, относящийся к системной референции социальных систем, т. е. к различию системы и окружаю л ей * > мира, характерному для социальных систем.

(2) Другой аспект, следующий отсюда, состоит в различии теорий, построенных либо асимметрично, либо замкнуто. Универсальная теория рассматривает свои предметы и саму себя в качестве одного из предметов как самореферентные отношения. Она не полагает бесспорных теоретико-познавательных критериев, а делает ставку, подобно многим философам и естествоиспытателям в последнее время, на натуралистическую эпистемологию. Это опять-таки означает, что ее собственный способ познания и принятие либо отклонение ею критериев познания выступает для нее чем-то происходящим в ее собственной области исследования, т. е. в одной из дисциплин подсистемы науки современного общества.

(3) Здесь следует принять во внимание расхожий упрек в деци-зионизме. Он не совсем обоснователен. Системы способны к эволюции, если способны разрешать неразрешимое. Это справедливо и

18

для систематических теоретических разработок, и даже для самих логик, как то можно доказать со времен Гёделя. Однако это отнюдь не сводится к произволу некоторых (или даже всех) отдельных решений. Его предотвращает неэнтропия, или комплексность. Таким образом, существует еще и третье препятствие. Социологическая теория, намеренная консолидировать отношения внутри дисциплины, должна стать не просто сложнее, а намного комплекснее по сравнению с тем, что предполагали классики дисциплины, их толкователи и даже сам Парсонс. Это требует другой техники построения теории, касающейся ее внутренней и внешней устойчивости и способности к присоединению, и не в последнюю очередь требует включения в нее рефлексии над комплексностью (следовательно, и понятия комплексности). Поэтому проблема препятствий заключается тем самым и в гораздо более высокой степени понятийной комплексности, рефлектирующей саму себя. Это весьма ограничивает возможности вариаций и исключает всякого

рода произвольные решения. Каждый шаг должен быть выверен. И даже произволу начала, как в системе Гегеля, предпочитается произвол в продвижении теории вперед. Так возникает самонесущая конструкция. Ее следует называть «теорией систем». Однако если бы хотели сохранить неизменными другие признаки конструкции и в то же время элиминировать понятие системы, то следовало бы изобрести нечто такое, что могло бы выполнять его функцию и занимать его место в теории. Это было бы нечто весьма близкое понятию системы.

Проведенные различия в отношении вещей, присущих данной дисциплине, вполне проясняют, почему социология пасует перед таким препятствием, «вскипает» и вбирает комплексность без ясного почерка. Однако продвижение вперед все-таки возможно, но лишь если во всех этих аспектах (во всех, потому что они взаимосвязаны) стремятся к теории иного дизайна. В самой социологии едва ли есть тому примеры. Поэтому мы должны будем последовать успешным междисциплинарным теоретическим разработкам, пусть и не относящимся к предмету, зато выбрав здесь исходные положения для теории самореферентных, «аутопойетических» систем. В отличие от общепринятых изложений теорий, заимствующих, если это вообще имеет место, из публикаций лишь небольшое число понятий, которым дается определение в полемике с существующими толкованиями, чтобы в дальнейшем работать в контексте понятийных традиций, здесь требуется увеличить число привлекаемых понятий и дать им определение посредством *соотношения друг с другом*. Это касается таких понятий, как *смысл, время, событие,*

19

элемент, отношение, комплектность, контингентность, действие коммуникация, система, окружающий мир, мир, ожидание, структура, процесс, самореференция, закрытость, самоорганизация, аутопойесис, индивидуальность, наблюдение, самонаблюдение, описание, самоописание, единство, рефлексия, различие, информация, взаимопроникновение, интеракция, общество, противоречие, конфликт.* Легко заметить, что такие традиционные теории, как теория действия и структурализм утопают в этой «окрошке». Мы сохраняем «теорию систем» как фирменный знак, так как в области общей теории систем можно найти важнейшие предварительные разработки теории искомого типа.

Таким образом, работа с этими понятиями идет не безотносительно (а нередко и в контрастном отношении) к предшествующему теоретическому наследию, но понятия должны, насколько это возможно, оттачивать друг друга. В таком случае каждое понятийное определение следует читать как ограничение возможности дальнейших понятийных определений. Всеобщая теория понимается как своего рода контекст, сам себя ограничивающий. При большом количестве таких понятий становится невозможным, по крайней мере в отдельном тексте, связать каждое понятие с каждым. Существуют предпочтительные линии связи, одновременно централизующие определенные понятийные позиции, например: действие/событие, событие/элемент, событие/процесс, событие/саморепродукция (аутопойесис), событие/время. Теория прописывается вдоль таких линий, окончательно не исключая тем самым других возможностей комбинаций. Следовательно, теория на самой себе практикует то, что она рекомендует, — редукцию комплексности. Однако редуцированная комплексность является для нее не исключенной, а снятой комплексностью. Она оставляет открытыми пути к другим комбинациям при условии учета ее определения понятий или их замены теоретически адекватными. Однако если бы пришлось отказаться от уровня определения понятий, то, как в тумане, исчезли бы возможности проведения других линий и пришлось бы вновь иметь дело с неопределенной, не поддающейся обработке комплексностью.

Такое строение теории требует ее изложения на необычно высоком уровне абстракции. Это должен быть полет за облаками с учетом весьма плотной облачности. Следует полагаться лишь на свои приборы. Иногда внизу открываются различные панорамы — местность с дорогами, поселками, реками или прибрежной полосой, напоминающая что-то хорошо знакомое, либо ландшафт покрупнее с потухшими вулканами марксизма. Однако ни в коем случае нельзя

20

впасть в иллюзию, что этих немногих отправных точек достаточно для управления полетом.

Абстрагирование все-таки нельзя понимать ни как чистый артистизм, ни как уход в «лишь аналитически» релевантную, формальную науку. Ведь никто не будет спорить, что в реальном мире есть нечто такое, как смысл, время, события, действия, ожидания и др. Все это является познаваемой реальностью и в то же время условием возможности возникновения науки.

Соответствующие понятия служат науке зондами, с помощью которых система, контролируемая теоретически, приспособливается к реальности; с помощью которых неопределенная

комплектность переводится в определяемую, оцениваемую в рамках науки. Вслед за Соссюром, Келли и другими можно было бы сформулировать: понятия формируют контакт науки с реальностью (и это означает здесь, как и везде, в том числе и контакт с ее собственной реальностью) в качестве опыта различия. А опыт различия является условием возможности получения информации и ее переработки. Можно пункт за пунктом установить соответствия понятия и реальности, например понятия смысла и феномена смысла, без которого не было бы человеческого мира. Однако решающим является все-таки то, что наука, создавая системы, выходит за пределы таких соответствий по каждому пункту; она не ограничивается копированием, имитацией, отражением, представительством, а организует опыт различия и тем самым получения информации, образуя для этого адекватную собственную комплексность. При этом должно сохраниться отношение к реальности, но вместе с тем наука, особенно социология, не должна обманываться реальностью.

С такой точки зрения абстрагирование является теоретико-познавательной необходимостью. При написании книг оно остается проблемой и выступает чрезмерным требованием по отношению к читателю. Это особенно справедливо, когда теория так сложна, что ее уже нельзя изложить в линейной форме. В лагсом слуиае каждая глава должна была бы в сущности начинаться сызноа в каждой иной главе и в ней же заканчиваться. Диалектические теории, как например «Критика диалектического разума» Сартра, все еще пытаются использовать линейное построение. Однако в таком случае им приходится иметь дело с проблемой переходов и испытывать искушение сделать ставку просто на сам акт перехода.

В предлагаемом ниже подходе уже учтен этот опыт и поэтому придается большое значение его избежанию. Подход направлен на разработку полицентрической теории (поэтому еще и поликонтекстуальной) в условиях ацентрически устроенного мира и общества.

21

Он вовсе не пытается согласовать форму теории с формой ее представления. Книгу, конечно, следует читать по главам, но лишь потому, что она так написана. Саму теорию можно было бы представить и в иной последовательности, рассчитывая на читателей, имеющих достаточное терпение, фантазию, ловкость и любопытство для того, чтобы узнать, что при этом произойдет с теорией.

Таким образом, строение теории похоже скорее на лабиринт, нежели на быстрый путь к счастливому концу. Конечно, последовательность глав этой книги не является единственно возможной, как и понятия, выбранные в качестве тематики глав. Я мог бы решить иначе, какие понятия вводятся как междисциплинарные и системно-сравнительные, а какие — нет; в каких случаях важно делать ссылки на историко-теоретический материал, а в каких — неважно. Это же справедливо и для того, в какой мере предварительные решения и перекрестные указания учитывают нелинейный характер теории, для определения их необходимого минимума.

Если теория, что касается ее понятийных определений и содержательных высказываний, писалась как бы сама собой, то проблемы ее компоновки стоили мне много времени и размышлений. Благодаря поддержке Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) я смог посвятить решению этой задачи целый год. Надеюсь, что решение оказалось удовлетворительным.

Билефельд, декабрь 1983

Никлас

К ВВЕДЕНИЮ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ТЕОРИИ СИСТЕМ

«Теория систем» сегодня является собирательным понятием для весьма разных значений и уровней анализа. Этот термин не имеет однозначного смысла. Если понятие системы вносят в социологический анализ без дальнейшего разъяснения, то возникает мнимая точность, которой недостает оснований. Отсюда возникают споры, позволяющие лишь догадываться или судить задним числом по аргументации, что участники, говоря о системе, понимают под ней разное. В то же время видно, что стремительно развивается область исследований, называемая «общей теорией систем». По сравнению с дискуссией о теории в социологии, которая цепляется за образцы классиков и присягает на верность плюрализму, в общей теории систем и связанных с ней междисциплинарных усилиях обнаруживаются основополагающие изменения, может быть даже «научные революции» в смысле Куна. Создание теории в социологии могло бы весьма выиграть, присоединившись к такому развитию. Смена диспозиций в общей теории систем, прежде всего в последнее десятилетие, в большей мере, чем обычно считается, отвечает теоретическим интересам социологии. Однако она требует определенной степени абстракции и усложнения, прежде не

принятого в теоретической дискуссии в социологии. В этой книге мы попытаемся создать такую связь, восполнить этот пробел.

В качестве предварительной ориентации можно ограничиться различением трех уровней анализа и поставить вопрос о том, как сказывается «смена парадигмы» на общей теории систем и общей теории социальных систем. Это намерение иллюстрируется следующей схемой.

23

О системе вообще можно говорить, когда есть признаки, отсутствие, выпадение которых ставит под сомнение системный характер предмета. Иногда системой называют также целостную совокупность таких признаков. В таком случае общая теория систем неожиданно превращается в теорию всеобщей системы. Эта проблема повторяется с соответствующими ограничениями на всех ступенях конкретизации. В дальнейшем мы будем избегать данного словоупотребления. Мы не желаем снова называть понятие (или модель) системы тем же термином «система», как не готовы называть понятие (или модель) организма, машины и общества опять-таки организмом, машиной и обществом. Иными словами, даже наиболее абстрактные теоретические положения не заставят нас обосновывать средства познания (понятия, модели и т. п.) предметной терминологией, причем именно потому, что это решение невыполнимо в более конкретных областях исследований. Высказывание «системы существуют» означает лишь, что имеются предметы исследования, демонстрирующие признаки, оправдывающие использование понятия системы; равно как и наоборот, это понятие служит тому, чтобы путем абстрагирования выделить те предметные содержания, которые с этой точки зрения сравнимы друг с другом и с предметными содержаниями иного рода в отношении тождественности/не-тождественности.

Такое *понятийное* абстрагирование (направленное на теорию) нужно отличать от *самоабстрагирования* предмета (направленного на структуру). Понятийное абстрагирование обеспечивает возможность сравнения. Самоабстрагирование позволяет дальнейшее использование одних и тех же структур в самом предмете. То и другое

Неожиданно либо вполне сознательно. См., напр.: *Le Moigne J.-L. La theorie du systeme general:*

theoriedelamodelisation. Paris, 1977, где единство общей системы заключается в функции искусственного объекта служить моделью объекта в чистом виде.

24

следует строго разграничивать. Лишь тогда и только тогда можно найти здесь нечто общее. Могут встретиться системы, использующие понятийное абстрагирование для самоабстрагирования, т. е. обретающие структуры посредством сравнения своих признаков с признаками других систем. Таким образом, можно выяснить, насколько глубоко понятийные абстракции проникают в самоабстракции предметов и тем самым выходят на структурные сравнения.

Мы используем абстрагирование трех уровней образования систем в качестве понятийной схемы. Схема позволяет прежде всего сравнить различные возможности образования систем. Однако при разработке этого приходится сталкиваться с самоабстрагированием систем в предметной области. Возможно, и имеет место применение системами к самим себе отличительных признаков понятия системы, например различение внутреннего и внешнего. В этом отношении речь идет не только лишь об аналитической схеме. В значительно большей степени сравнение систем служит нам способом проверки того, в какой мере системы основаны на самоабстрагировании и поэтому являются одинаковыми или разными.

Различение трех уровней образования систем позволяет сразу же выявить типичные «ошибки» или, по меньшей мере, неясности в предшествующей дискуссии. Сравнения разнородных систем следует проводить на одном и том же уровне². То же самое справедливо для негативных разграничений. Благодаря этому правилу элиминируются многочисленные бесплодные теоретические стратегии. Например, мало толку утверждать, что общества не есть организмы, или

в духе школьной традиции проводить различие между органическими телами (состоящими из взаимосвязанных частей) и общественными телами (состоящими из невзаимосвязанных частей). Столь же бесплодна попытка построить общую теорию социального на основе теорий интеракции. То же самое справедливо и для тенденции последнего времени, стимулированной изобретением компьютера, состоящей в применении понятия машины на уровне общей теории систем³ (что провоцирует и необоснованный отказ от этого).

² Это правило хотя и выполняется, но не формулируется. См. в качестве принципа, напр.: *MacKay D. M. Brains, Machines and Persons*. London, 1980.

³ См., напр.: *Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind* 59 (1950). P. 433—460; см. также: *Morin E. La Methode*. 1. Paris, 1977. P. 155 ff. Критическую позицию в этом отношении с указанием на нерешенные проблемы самореференции см.: *Pizzorno A. L'incompletude des systemes // Connexions* 9 (1974). P. 33—64; 10 (1974). P. 5—26 (особенно P. 61 ff.).

25

Различение уровней должно задавать отношения для плодотворных сравнений. Тогда высказывания о тождестве могут быть перенесены на более высокий уровень. Например, социальные и психические системы тождественны, поскольку они есть системы. Однако возможны тождества, имеющие место лишь в частичных областях одного уровня сравнения. Например, психические и социальные системы, но не машины и организмы, характеризуются использованием смысла. Тогда в духе проблематики общей теории следует задаться вопросом, что в машинах и организмах используется в качестве функционального эквивалента смысла.

Отнесение определенных видов систем к определенным уровням сначала может прodelьваться более или менее интуитивно. Если требует опыт исследований, то его можно корректировать. Это справедливо и для поначалу индуктивно полученного списка разновидностей систем. Однако такие коррективы могут проводиться лишь в том случае, если разграничение уровней работает как таковое. Если оно устраняется, например когда понятие «жизни» употребляется в качестве основного понятия, а не специфической характеристики организмов, то неизбежен регресс к более простым формам теории. Дальнейшие исследования жестко связаны с уровнем общей теории социальных систем. В них не предлагается, например, теории общества — общество понимается лишь как всеобъемлющая социальная система, и тем самым как частный случай других социальных систем⁴. Общая теория систем также приводится не ради нее самой. Ей следует уделить достаточное внимание, так как нашей основной идеей является вопрос о том, как смена парадигмы, намечающаяся на уровне общей теории систем, влияет на теорию социальных систем.

То, что мы предварительно назвали «сменой парадигмы», также может быть пояснено достаточно приблизительно. Мы не присоединяемся к попыткам разгадать, что мог подразумевать Кун, вводя понятие парадигмы; сегодня это уже безнадежно. Для нас важно лишь

⁴ Тем самым мы солидарны с устоявшейся в социологии точкой зрения о том, что социологию не следует понимать как науку об обществе. См., напр.: *Wiese L. von. System der Allgemeinen Soziologie als Lehre von den sozialen Prozessen und den sozialen Gebilden der Menschen (Beziehungslehre)*. 2. Aufl. München, 1933; см. также: *Tenbruck F. H. Emile Durkheim oder die Geburt der Gesellschaft aus dem Geist der Soziologie // Zeitschrift für Soziologie* 10 (1981). S. 333—350. — Правда, мы делаем это из противоположных оснований: не для того, чтобы *исключать* теорию общества из рассмотрения (из-за перегрузки предпосылками), а чтобы *включать* ее (с предпосылками, еще объяснимыми социологически).

26

различение⁵, а именно различие *супертеорий*⁶ и *основного различия*.

Супертеории — это теории с претензиями на универсальность⁷ (что также означает отношение к себе и оппонентам). Основные различия — это различия, управляющие возможностями теории по переработке информации. Они могут приобрести качество господствующей парадигмы, если организуют супертеорию так, что практически вся переработка информации подчинена им. Так, супертеория эволюции была перестроена Дарвином и его последователями на основе различия изменчивости и отбора. Прежде совокупность результатов эволюции пытались постичь с помощью соответствующих начальных единств (архэ, основание) или сверхразума провидения, а эволюцию понимали соответственно как развитие или творение. Со времен Дарвина эти воззрения на единства, допуская лишь различие по отношению к неопределенному иному, сменились единством различия (изменчивость/отбор, позднее — изменчивость/отбор/рестабилизация, отчасти также — случайность/необходимость, порядок/беспорядок). Если супертеория достигает очень высокой степени централизации различий, то возможна смена парадигмы.

Теория систем — это особенно впечатляющая супертеория. Тем больше вокруг нее споров: в ней нельзя отрицать известный процесс вызревания, и мы объясняем его тем, что она может обратиться к истории, наполненной претензиями на супертеорию, *цент-ришизациями различий* и сменой парадигм. Можно ли и насколько можно назвать такое развитие «прогрессом»; либо насколько оно повлекло за собой накопление знаний — гораздо более сложный вопрос.

Если оглянуться примерно на сто лет назад, то в том, что лишь сейчас стали называть теорией систем, обнаруживаются две основополагающие смены диспозиций. В обоих случаях имеющийся понятийный аппарат не объявляется неправильным либо непригодным; он расширяется путем целенаправленных изменений, переносится в новую теорию, и тем самым «снимается». Каждый раз новая теория

⁵ Для данного различения я не нашел никаких подтверждений и параллелей в науковедческой литературе.

⁶ К этому близко, напр., понятие «исследовательской традиции» (*Laudan L. Progress and its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley, 1977*).

⁷ Сжатый набросок см. в: *Luhmann N. Soziologie der Moral II Theorie-technik und Moral / Hrsg. N. Luhmann, S. H. Pfürtner. Frankfurt, 1978. S. 8—16(9ff.)*.

27

рия оказывается содержательнее предыдущей, достигает более высокой степени комплексности, и именно на этом основании постепенно становится все более подходящей для разработки предметов социального содержания.

Традиция, дошедшая до нас из античности, которая старше нашего употребления понятия «система»⁸, вела речь о целостностях, состоящих из частей. Проблема этой традиции состояла в том, что целое следовало мыслить дважды: целое как нечто единое и целое как совокупность частей. В таком случае хотя и можно было сказать, что целое *есть* совокупность частей или *является чем-то большим*, чем просто сумма частей, но тем самым не объяснялось, каким образом целое, состоящее лишь из частей плюс еще нечто, может обрести единство на уровне частей. Так как в сфере социальных отношений считалось, что общества состоят из отдельных людей подобно целому из частей, то ответ можно было сформулировать на основе взглядов на совместную жизнь людей. Люди должны были быть способны познать целое, в котором они живут, и быть готовы организовывать свою жизнь в соответствии с этим знанием. Это можно было считать условием их бытия как частей, условием их участия, причастности к целому, и тем самым их природой. Риск такой концентрации на познании (могущем заблуждаться) и на стремлениях (могущих отклоняться) можно было понимать как момент всеобщего разложения или несовершенства природы, которая, со своей стороны, обуславливала необходимость различия частей господствующих и частей подчиненных. При этом проблема выступала особо остро для правящих частей: они должны были иметь вер-

⁸ По поводу истории терминологии, начавшейся приблизительно в 1600 г., ср., напр.: *Ritschl O. System und systematische Methode in der Geschichte des wissenschaftlichen Sprachgebrauchs und der philosophischen Methodologie. Bonn, 1906; Losano M. C. Sistema e struttura nel diritto. T. 1. Torino, 1968; Stein A. von der. Der Systembegriff in seiner geschichtlichen Entwicklung // System und Klassifikation in Wissenschaft und Dokumentation / Hrsg. A. Diemer. Meisenheim am Glan, 1968. S. 1—13; Troje H. E. Wissenschaftlichkeit und System in der Jurisprudenz des 16. Jahrhunderts // Philosophie und Rechtswissenschaft: Zum Problem ihrer Beziehungen im 19. Jahrhundert / Hrsg. J. Bluhdom, J. Ritter. Frankfurt, 1969. S. 63—88; Kambartel F. «System» und «Begründung» als wissenschaftliche und philosophische Ordnungsbegriffe bei und vor Kant // Bluhdorn/Ritter, a. a. O. S. 99—113. Примечательно также: *Fahlbusch E. Konfessionalismus // Evangelisches Kirchenlexikon. Bd II. Göttingen, 1958. Sp. 880—884*. При этом господствуют интересы классификации и теории познания, обусловленные со своей стороны неуверенностью и ростом комплексности, в свою очередь вызванные отчасти книгопечатанием, отчасти межконфессиональной полемикой.*

28

ные стремления и добрую волю, чтобы «представлять» целое в целом.

Общественные предпосылки и научные основы этой концепции радикально изменились при переходе к современному обществу, формулировка, разработанная в конечном итоге в XVIII в., использовала категорию всеобщего. Целостность мира, соответственно человечество в целом должны быть представлены в человеке как всеобщее. В таком случае дискуссия, связанная с этим, должна была иметь дело с *формой*, в которой мир или человечество как всеобщее должны быть представлены в человеке. Ответ на этот вопрос пытались найти с помощью понятия разума, нравственного закона и тому подобных априоризмов, с помощью понятия образования или понятия государства. Несовершенство, испорченность отношений в подлунном мире в старом смысле этого представления были преодолены с помощью идеализации. Таким образом, можно было весьма сильно абстрагироваться от общественных отношений, вплоть до постулирования «свободы господства» как основного условия неограниченного представительства всеобщего в человеке. Всеобщее полагалось как безупречное и надежное, не нуждающееся в каком-либо дополнении, как бы ни выступала против этого воззрения Французская революция. Тем самым оно могло претендовать на осуществление. Дух или материя должны были встать на длинный путь реализации всеобщего в особенном.

Сегодня все это — предмет воспоминаний с более или менее настойчивыми обертонами⁹; но на самом деле упомянутая фигура мышления, в сущности, ничем не была заменена, а была оставлена.

Едва ли имеется возможность еще раз преодолеть популизм такого рода. Однако если наше предположение о том, что все это было обусловлено и вызвано лишь схемой целого и его частей, верно, то не следует ли попытаться заменить саму схему, прежде чем искать основную семантику, способную заменить фигуру «всеобщего в особенном». На этом историческом фоне возникает вопрос, отмежевалась ли теория систем, которая как раз и отвечает за это, от парадигмы целого и его частей, и как это произошло.

Сначала традиционное различие *целого и части* заменяется различием *системы и окружающего мира*. Благодаря такой перестройке, за которой стоит столь выдающийся автор, как Л. фон Бергалан-фи, возникла возможность связать друг с другом теорию организма,

⁹ Ср., напр.: *Theunissen M. Selbstverwirklichung und Allgemeinheit: Zur Kritik des gegenwertigen Bewusstseins*. Berlin, 1982.

29

термодинамику и теорию эволюции¹⁰. Тогда в теоретическом описании появляется различие открытых и закрытых систем. Закрытые системы определяются как пограничный случай — как такие системы, для которых окружающий мир не имеет значения или получает его благодаря специальным каналам. Теория занимается открытыми системами.

То, что понималось под различием целого и части, переформулируется в теорию системной дифференциации и в таком виде встраивается в новую парадигму. Системная дифференциация есть не что иное, как повторение различия системы и окружающего мира внутри самих систем. При этом совокупная система использует саму себя в качестве окружающего мира для своих частичных системных образований и тем самым реализует на уровне частичных систем невероятные состояния более высокой степени посредством более сильных фильтрующих воздействий в отношении окружающего мира, в конечном счете неподконтрольного. В соответствии с этим дифференцированная система состоит уже не просто из определенного числа частей и отношений между ними, а, скорее, из более или менее большого количества оперативно применяемых различий системы/окружающего мира, всякий раз в разных разрезах реконструирующих совокупную систему как единство частичных систем и окружающего мира. Таким образом, дифференциация рассматривается в соответствии с общей схемой образования систем; и вопрос о том, в каких формах и до какой степени комплексности возможна дифференциация систем, может быть связан с исходным различием, конституирующим совокупную систему.

Теперь центральная проблема схемы целого и части может быть решена лучше. Всегда требовали гомогенности частей по отношению к целому. Это означало, что частями дома являются комнаты, а не кирпичи, частями книги — главы, а не буквы. Но вместе с тем частями общества считались отдельные индивиды. Отсутствовали критерии гомогенности, сколько-нибудь обоснованные теоретически, тем более что мышлению такого рода было трудно различать

¹⁰ Хороший обзор см.: *Blauberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Systems Theory: Philosophical and Methodological Problems*. Moskau, 1977. P. 15ff. Ср. также: *Offene Systeme I: Beitrage zur Zeitstruktur von Information, Entropie und Evolution* / Hrsg. E. von Weizsacker. Stuttgart, 1974; *Kuhn A. The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Sozial Science*. San Francisco, 1974; *Emery F, Futures we are in*. Leiden, 1977; *Eugene J, Aspects de la theorie generate des systemes: Une recherche des universaux*. Paris. 1981.

понятия части и элемента". Кроме того, в соответствии с этой парадигмой реальное деление на части исключало иное (столь же возможное). Так, общество с социальным расслоением невозможно было мыслить иначе, нежели разделенным на слои (например, его невозможно было понимать с той же степенью реальности, как разделенное на город и село, либо по функциональным основаниям)¹². Во всех этих отношениях теория различия системы/окружающего мира предлагает лучшие возможности анализа, а именно как более точное понимание гомогенности, так и понимание возможностей одновременного использования разных точек зрения по поводу выделения частичных систем.

Обозначенные тем самым преимущества перехода к основному различию системы и окружающего мира заметны и в социологии. Классическая социология по праву характеризуется «действием внутри целостности»¹³ — в том числе и в ее концепции дифференциации. В противоположность этому новые теоретические направления, если они ориентированы системно-теоретически, предпочитают использовать понятия системы, связанные с окружающим миром, прежде всего в исследованиях организаций. Правда, переключение на «открытые системы» совершилось в социологии не без некоторой тенденциозности. Здесь оно благоприятствовало критике «статус-кво» в социальных отношениях и соединилось с тенденциями «реформирования» социальных структур, планирования, менеджмента и контроля — не в последнюю очередь, потому что его основная сфера применения находилась в области организованных социальных систем¹⁴. Отношение к окружающему миру понима-

¹¹ Попыткой, достойной внимания, является: *5aagt'0 U. Der Teil und die Gesamtheit, Actes du XIeme Congres International de Philosophie*. Bruxelles, 1953. Bd 5. Amsterdam; Louvain, 1953. P. 35—37.

¹² В связи с этим ср. различие двух разных исходных пунктов иерархизации, а именно «целое — часть» и «центр — периферия, ведущее к весьма различным представлениям о порядке»: *Roth G. Biological Systems Theory and the*

Problem of Reductionism // Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach/ Ed. G. Roth, H. Schwegler. Frankfurt, 1981, 1'. 106—120 (111 ff.).

^b См.: Poggi G. A Main Theme of Contemporary Sociological Analysis: Its Achievements and Limitations // The British Journal of Sociology 16(1965). P. 283—294.

^h Ср. ретроспективный взгляд, уже окрашенный скептически: Keren M. Ideological Implications of the Use of Open Systems Theory in Political Science // Behavioral Science 24 (1979). P. 311—324. — Впрочем, такое ограничение лишь изменением *организаций* дало повод упрекнуть теорию систем в детематизации по отношению к *обществам*, т. е. (!) в конформизме. Этот спор также мог бы начаться, если бы различали разные системные референции.

30

31

лось в соответствии со схемой «входа/выхода», структуры понимались как правила трансформации, функции — как сама эта трансформация, на которую надеялись повлиять через вариацию структур¹⁵.

В то время как эта парадигма открытых систем может считаться реализованной и признанной в теории систем, следующий более радикальный шаг был вынесен на обсуждение лишь в последние два десятилетия. Речь идет о *теории самореферентных систем*. В настоящее время нет ни проработанных, ни общепризнанных основ теории, не говоря уже о воспринятых; но уже можно оценить следствия для теории социальных систем. Кроме того, эта открытая ситуация как раз и требует внести вклад в общую теорию самореферентных систем посредством трудов в области социальных систем.

Первый шаг в таком развитии был основан на использовании понятия самоорганизации и в 1960 г. достиг кульминации на трех весьма больших симпозиумах¹⁶. Понятие самоорганизации все-таки относилось, что ретроспективно следует отметить, «лишь» к структуре системы. Его изменение своими средствами считалось в отношении понимания особенно трудной проблемой и поэтому особенно интригующей для теории систем. Тем не менее эта проблема вовсе не касается всего того, что сегодня понимается под самореферентностью. Между тем указание на целостность — системы или ее элементов — оттесняет на задний план отношение к структуре (хотя, конечно, не исключает его).

Теория самореферентных систем полагает, что выделение систем может осуществляться только через самореферентность, т. е. благодаря тому, что системы при конституировании своих элементов и элементарных операций соотносятся сами с собой (с элементами той же системы, с ее операциями или с ее единством). Чтобы сделать это возможным, системы должны производить и использовать описание своей самости; они должны по меньшей мере быть способны внутрисистемно использовать различие системы и окружающего мира как ориентацию и принцип производства информации. Поэтому самореферентная закрытость возможна лишь в окружающем

¹⁵ Совершенно типично в этом отношении, напр.: Cortes F., Prze-worski A., Sprague J. Systems Analysis for Social Scientists. New York, 1974.

¹⁶ Ср.: Self-organizing Systems / Ed. M. C. Yovits, S. Cameron. Oxford, 1960; Self-organizing Systems / Ed. M. C. Yovits, G. T. Jacobi, G. G. Goldstein. Washington, 1962; Principles of Self-organization / Ed. H. von Foerster, G. W. Zopt. Oxford, 1962.

32

мире, лишь в экологических условиях¹⁷. Окружающий мир является необходимым коррелятом самореферентных операций, потому что как раз эти операции не могут совершаться в случае солипсизма¹⁸ (можно было бы сказать: потому что все, что играет в них роль, включая саму самость, должно вводиться через различие). Различие (пока что классическое) «закрытых» и «открытых» систем будет заменено вопросом о том, как самореферентная закрытость могла бы производить открытость.

Таким образом, здесь дело тоже доходит до «снятия» прежнего основного различия в более комплексной теории, позволяющей теперь говорить о введении в системы самоописаний, самонаблюдений, самоупрощений. Теперь можно провести различие между различием системы/окружающего мира из перспективы наблюдателя (например, исследователя) и различием системы/окружающего мира, как оно используется в самой системе, причем наблюдатель может полагаться опять-таки лишь как самореферентная система. Рефлексивные отношения такого рода революционизируют не только классическую субъект-объектную эпистемологию; они не только освобождают научную теорию от догм и «нату-рализуют» ее, но и обеспечивают намного более комплексное понимание объекта посредством много более комплексного дизайна теории. В контексте теории системы/окружающего мира еще были возможны относительно простые теоретические отношения. Например, такая теория могла интерпретироваться как голое

расширение причинных связей: во всех причинных объяснениях следует учитывать как внутренние, так и внешние факторы; система и окружающий мир встречались в некоем роде со-производства. Теория самореферентных систем подмывает эту модель каузальности. Она рассматривает каузальность (так же как логическую дедукцию и любую асимметризацию) как разновидность организации самореференции; и «объясняет» различие системы и окружающего мира тем, что лишь самореферентные системы создают себе возможность упорядочивать причинность посредством разделения системы и окружающего мира. Такая теория требует понятий для форм, относящихся к уровню соотношения связей.

¹⁷ По этому поводу см. основополагающую работу: *Foerster H. von. On Self-organizing Systems and Their Environment // Yovits, Cameron, a. a. O. P. 31—48.*

¹⁸ Об этом убедительно говорится в: *Foerster H. von. On Constructing a Reality // Environmental Design Research / Ed. W. F. E. Preiser. Vol. 2. Stroud-sbourg pa, 1973. S. 35-^6.*

23ак.№4161

33

Для разработки теории самореферентных систем, включающей в себя теорию системы/окружающего мира, необходимо но-; вое основное различие, т. е. новая парадигма. На его место напрашивается различие идентичности и различия¹⁹, потому что самореференция может реализоваться в актуальных операциях системы лишь в том случае, если самость (будь она элементом, процессом или системой) может быть идентифицирована или отличена от иного благодаря себе самой. Если системы репродуцируются как самореферентные, то они должны справляться с различием идентичности и различия. Иными словами, основанием этого различия является репродукция. Это не теоретическая, а прежде всего чисто практическая проблема, касающаяся не только смысловых систем²⁰. Однако наука, соответствующая таким системам, должна создавать понятия соответствующего уровня, и, следовательно, лишь для нее различие идентичности и различия является руководящей нитью, парадигмой для разработки теории. В общей теории систем эта вторая смена парадигмы провоцирует сдвиги, достойные внимания, — от интереса к дизайну и контролю к автономии и чувствительности в отношении окружающего мира, от планирования — к эволюции, от структурной к динамической стабильности. В парадигме целого и его частей следовало где-нибудь отвести место необъяснимым свойствам — будь то свойства целого (которое больше суммы своих частей), будь то свойства вер-

¹⁹ Кто вникает, тот заметит, что речь идет о различии идентичности и различия, а не об идентичности идентичности и различия. В том месте последующие размышления уже отделяются от диалектической традиции — при всех подобиях, которые могут далее постоянно бросаться в глаза. Одним из немногих авторов, доводящих современный функционализм до этой фундаментальной проблемы, является: *Locker A. On the Ontological Foundations of the Theory of Systems // Unity Through Diversity: A Festschrift for Ludwig von Bertalanffy / Ed. W. Gray, N. D. Riz-zo. New York, 1973. Vol.1. P. 537—572.* Однако Локкер соединяет в конечном итоге в принятой им точке зрения функционализм и диалектику: «В конечном итоге функциональность приводит к единению, например, идентичности и различия» (Р. 546). Я предпочитаю оставить диалектикам возможность объяснить, как следует понимать эту последнюю идентичность. Для функционалистской системной теории достаточно исходить из различий (каждый раз выбранных контингентно). Мы еще вернемся к этому в связи с проблемой самореференции. Ср. ниже, глава 2.

²⁰ Следует напомнить об исследованиях способности иммунной системы организма к различению. Ср., напр.: *Vaz N. M., Varela F. J. Self- and Non-Sense: An Organismcentered Approach to Immunology // Medical Hypotheses 4 (1978). P. 231—267.*

34

шины иерархии, представляющей целое²¹. Наоборот, в теории само-песЪерентных систем все, относящееся к системе (в том числе все возможные вершины, границы, прибавочные стоимости и др.), включается в самопроизводство и посредством этого демистифицируется для наблюдателя²². Тем самым открыты направления, способные сделать системную теорию по-новому интересной для социологии. Очевидно, что оба сдвига были вызваны не социологией. Стимулирующим образом повлияли прежде всего термодинамика и биология в качестве теории организма, позднее — нейрофизиология, теория клетки и теория компьютера; далее, конечно, такие междисциплинарные композиции, как теория информации и кибернетика. Социология не только оставалась в стороне от содействия исследованию, но и оказалась неспособной к учебе в этом междисциплинарном контексте. Из-за отсутствия собственных фундаментальных теоретических разработок она даже не могла наблюдать за происходящим²³. Поэтому ей остается работать с собственными данными, а что касается теории — с собственными классиками. К тому же пример показывает, что не всякого рода самореферентная замкнутость способствует более комплексному видению окружающего мира. Как всегда, при усилении связей следует задать вопрос об особенных условиях, при которых системы реализуют такие связи и тем самым могут принимать

участие в эволюции.

На этом актуальном научно-историческом фоне последующие размышления понимаются как попытка переформулировать теорию социальных систем на основе достигнутого уровня развития общей теории систем. Общая теория систем должна оправдать ожидания при работе с социологическими материалами, в то же время уже существующие или намечающиеся междисциплинарные результаты, достигнутые путем абстрагирования, к опыту образования понятий должны стать доступными для социологических исследований.

²¹ Обе возможности можно особенно хорошо проследить в политической семантике, например в форме обязанности быть лояльным к «общему благу» или в форме нередуцируемого момента произвела (суверенитета) главы государства.

²² Такой антииерархический или, лучше сказать, метаиерархический способ рассмотрения особенно бросается в глаза в концепции аутопоке-сиса. Это часто отмечалось. Ср., напр.: Roth G., а. а. О.

²³ Исключение, которое можно сделать для теории общей системы действия Т. Парсонса, в то же время подтверждает основной тезис о том, что собственная теория является условием обучения в междисциплинарном контексте, так же как на уровне общей теории систем самореферентная закрытость коррелирует с открытостью в отношении сложности окружающего мира.

35

Надеюсь, что одним из важнейших результатов этого соединен! с пользой для обеих сторон является радикальная темпорализация понятия элемента. Теория самосоздающихся аутопойетических систем может быть переведена в область систем действия лишь в то* случае, если исходить из того, что элементы, из которых состоит система, не могут иметь длительности и, следовательно, должны не--; прерывно репродуцироваться благодаря самой системе этих элементов. Это выходит далеко за пределы голого замещения отмирающих частей и не объясняется ссылкой на отношения с окружающим миром. Речь идет не о приспособлении и не об обмене веществ, а о своеобразном принуждении к автономии, возникающем из того, что система в любом, даже весьма благоприятном, окружающем мире просто прекратила бы свое существование, если бы моментальные элементы, ее составляющие, не обладали способностью к присоединению, т. е. смыслом, и не репродуцировались бы в качестве таковых. Для этого могут быть разные структуры; но лишь такие, которые могут незамедлительно (а не постепенно, энтропийно) выступать против этой радикальной тенденции к исчезновению.

Глава 1 СИСТЕМА И ФУНКЦИЯ

I

Нижеследующие размышления исходят из существования систем. Таким образом, они не начинаются с теоретико-познавательного сомнения. Они не относятся также и к устаревшему принципу «исключительно аналитической релевантности» теории систем, тем более избегают слишком узкой интерпретации теории систем как просто метода анализа реальности. Само собой разумеется, не следует смешивать высказывания с их собственными предметами; нужно сознавать, что высказывания — это лишь высказывания, а научные высказывания — лишь научные высказывания. Однако, по крайней мере в случае теории систем, они касаются реального мира. Таким образом, понятие системы обозначает нечто действительно являющееся системой и тем самым отвечает за проверку своих высказываний в реальности.

Пока что этого следует придерживаться как обозначенной позиции. Сравнение с уровнем проблематики в теоретико-познавательной дискуссии, или соответственно в дискуссии в теории науки, дает тем самым лишь очень приблизительные директивы. Эти перспективы лишь намечают путь, по которому нам следует вернуться к проблематике теории познания, а именно через анализ реальных систем реального мира. Таким образом, сначала нужно разработать теорию систем, непосредственно относящуюся к реальности. Если это делается с притязанием на универсальную значимость для всего того, что является системами, то эта теория включает в себя систе-^Mbi аналитического и познавательного поведения. В таком случае она сама получает себя в качестве одного из многих других своих пред-

37

метов в реальном мире. Теория вынуждена рассматривать себя как один из своих предметов. Тогда она в состоянии сравнивать себя с другими своими предметами. Такое сравнение выполняет функцию контроля: теория систем должна быть пригодной осуществлять его и при необходимости учиться на нем. Отсюда возникает своего рода участие в научном руководстве теорией познания со стороны теории систем, а отсюда, в обратном направлении, требуется своего рода проверка системной теории на профпригодность — она должна быть способна решать наряду с другими и эту задачу.

Эти требования достигают кульминации в необходимости строить теорию систем как теорию самореферентных систем. Уже только что намеченный образ действий предполагает самореференцию в том смысле, что теория систем всегда должна иметь в виду указание на саму себя как на один из своих предметов; и это не только при рассмотрении такого специального предмета теории систем, как программа деятельности системы науки, но и во всех остальных случаях, так как в своей общей исследовательской программе она должна учитывать применимость или соответственно неприменимость к себе самой. Напротив, классическая теория познания характеризуется намерением избегать самореференций как голых тавтологий и открытости для всего, что угодно. Если с точки зрения «теории познания» вообще существовала единая научная программа, то она есть знак того. Основания для этого следует воспринимать серьезно. Но это есть основания, возникающие и в общей теории систем. Они связаны с различием системы и окружающего мира и свидетельствуют о том, что не может существовать ни одной системы созданной исключительно самореферентно, ни системы с каким угодно окружающим миром. Эти условия были бы нестабильны в том смысле, что любое событие получало бы в них порядковую значимость¹. Отсюда следует, что самореференция выступает лишь модусом обращения с окружающим миром, структурированным не любым образом, и не может выступать иначе. Это, однако, касается не специально познания, а общего предметного содержания; и системы, специализирующиеся на познании, могли бы, пожалуй, посредством анализа систем иного рода познавать, как они могут настраиваться на эти предметные содержания. Это касается не в последнюю очередь многодискутируемой сегодня возможности логики самореферентных систем.

¹ Ср., напр.: *Allan H. Du bruit comme principe d'auto-organisation // Communications 18 (1972). P. 21—36; переиздано в: Allan H. Entre le cristal et la fumee: Essai sur l'organisation du vivant. Paris, 1979.*

38

Наш тезис о том, что системы существуют, можно теперь переформулировать: самореферентные системы существуют. Прежде всего это означает лишь в самом общем смысле, что существуют системы, обладающие способностью устанавливать отношения с собой и дифференцировать их от отношений с окружающим миром². Этот тезис включает в себя факт существования системы, условия ее описания и анализа посредством других (также самореферентных) систем. Однако тем самым еще ничего не сказано об уровне абстракции понятийно-теоретического анализа, возможного в системе науки. Здесь также следует различать системные референции. Система науки может анализировать другие системы с точек зрения, для них самих недоступных. В этом смысле она способна обнаруживать и тематизировать латентные структуры и функции. Наоборот, часто возникает ситуация, а том числе и в социологии, когда системы в обращении с самими собой развивают формы доступа к комплексности, которые невозможно подвергнуть научному анализу и моделированию. В таком случае говорят, например, о «черном ящике». Соотношение относительных преимуществ и недостатков собственных и внешних аналитических возможностей имеет исторические вариации; оно зависит от состояния научной теории, и в настоящее время его трудно зафиксировать в общей теории систем из-за ее стремительного развития.

Если исходят из того, что теория систем может относиться к весьма разнородным системам, то получают относительно надежные отправные точки. Соответственно есть разные уровни общности самой теории систем. Наряду с общей теорией систем можно разрабатывать теории систем особых типов. В этом смысле в дальнейшем мы ограничиваемся теорией социальных систем. Тем самым исключается критикуемая прямая аналогия между социальными системами и организмами, а также машинами, что, однако, не исключает ориентацию на общую теорию систем, которая реализует более общие намерения. Таким образом, с методической точки зрения мы не следуем по пути прямой аналогии, а идем окольным путем генерализации и респецификации. Аналогия соблазняла бы считать сходства существенными. Окольный путь генерализации и респецификации следует считать в этом отношении скорее нейтральным; во всяком случае, он придаст анализу большую чувст-

² В этом месте мы пользуемся формулировкой «дифференцировать °т», а не «отличать от», чтобы избежать импликации сознания. Это справедливо прежде всего для биологических и нейрофизиологических исследований самореферентных систем. Однако в отношении социальных систем, разумеется, можно будет говорить о «возможности различения».

39

вительность к различиям между типами систем. Нам следует прежде всего подчеркивать непсихический характер социальных систем.

Однако нельзя исходить из того, что возврат к самому общему уровню высказываний, просто

верных для систем, приводит к наилучшему абстрагированию предпосылок дальнейшего анализа. Это означало бы, не размышляя, отдаться логике классификации, полагающей понятийные требования к конструированию классов понятий существенными признаками самих вещей. Но ведь не существует какой-либо гарантии совпадения всеобщих и сущностных форм, имманентных вещам. Всеобщности могут оказаться тривиальными. Если требуется взять под контроль результативность обобщений, то используемые понятия самого общего уровня анализа следует полагать не как понятия признаков, а как понятия проблем. В таком случае общая теория систем не фиксирует сущностные признаки, обнаруживаемые во всех без исключения системах. В гораздо большей степени она формулируется на языке проблем и их решений, одновременно проясняя, что для определенных проблем могут иметься разные функционально эквивалентные решения. Тем самым в классификационную абстракцию встраивается функциональная, которая также влияет на сравнение систем разных типов³.

В этом смысле мы ориентируем общую теорию социальных систем на общую теорию систем и тем самым обосновываем использование понятия «система». Со стороны последней в отношении теории социальных систем выдвигается требование универсальности, и поэтому мы говорим об «общей» теории социальных систем. Это означает, что каждый социальный контакт будет пониматься как система вплоть до того, что общество будет пониматься как совокупность всех возможных контактов. Иными словами, общая теория социальных систем претендует на охват всей предметной области социологии и в этом смысле на роль универсальной социологической теории. Такое притязание на универсальность выступает принципом отбора. Он означает, что груз мыслей, инициативы и критика признаются лишь в том случае, лишь в той мере, в какой сами они усвоили этот принцип. Отсюда возникает наше противостояние класси-

Без эксплицитной установки на функциональное отношение к проблеме часто встречаются именно сравнения систем совершенно разных типов. Относительно проблемы горизонта будущего, меняющегося вместе со структурами и процессами в системе, см., напр.: *Taschdjian E. Time Horizon: The Moving Boundary // Behavioural Science 22 (1977). P. 41 №* Однако сознательные функциональные перспективы побуждали бы сильнее подчеркивать различия в решениях проблем и их основания.

40

ческим социологическим контрверсам: статике и динамике* структуры и процесса, системы и конфликта, монолога и диалога, или, в проекции на сам предмет, общества и общности, труда и общения. Такие контрасты принуждают каждую сторону отказаться от претензий на универсальность и перейти к самооценке своего выбора; в лучшем случае — к построению вспомогательных конструкций с включением противоположной позиции. Такие теоретические начала не только мыслятся недиалектически, но и слишком опрометчиво отказываются от использования возможностей системно-теоретического анализа. Это известно со времен Гегеля и Парсонса.

Вместе с тем претензия на универсальность не означает претензии на исключительную правильность, значимость, и в этом смысле необходимость (безусловность) собственного начала. Если бы универсалистская теория пожелала пасть жертвой самогипостазирования (что напрашивается, так как ей приходится полагать принципы, с которыми она работает), то благодаря самореференции она весьма скоро пришла бы к чему-то лучшему. Как только она вновь открывает себя среди собственных предметов и начинает анализировать себя в качестве программы исследования частичной системы (социологии), относящейся к частичной системе (науке) системы общества, она вынуждена познавать себя как контингентную. В таком случае необходимость и контингентность своей «самости» познаются ею как артикулированное различие самореференции. Предварительный учет этого отвечает смыслу обрисованной здесь исследовательской программы. Это может быть сделано через различение претензий на универсальность и претензий на исключительность; либо через понимание того, что структурно контингентное должно вводиться как оперативно необходимое с постоянным поглощением контингентности успехом, привычками, обязательствами в системе науки.

II

Общая теория систем в настоящее время не предстает как консолидированная совокупность основных понятий, аксиом и производных высказываний. С одной стороны, она служит собирательным обозначением весьма разнообразных исследований, которые сами являются общими постольку, поскольку не обозначают своей сферы применения и ее границ. С другой стороны, такие исследования, как и исследования систем определенных типов (например, в области вычислительных машин), обеспечили опыт работы с соответствующими проблемами, включая попытки его понятийного обобщения.

Этот опыт и попытки его выражения, начинающие менять научный ландшафт вплоть до смены основ, представлены нами во введении, к чему мы присоединяемся ниже⁴.

Достигнутый уровень исследований не дает возможности начать с отчета о полученных результатах и переноса их в социологию в смысле «прикладного системного исследования».

Однако он обеспечивает возможность сконцентрировать основные положения сильнее, нежели то принято в публикациях, и привести их во взаимосвязь, одновременно учитывающую проблемные интересы и опыт социологических исследований.

1. Исходным пунктом любого системно-теоретического анализа должно быть *различие системы и окружающего мира* — на сей счет сегодня есть, пожалуй, полный профессиональный консенсус⁵. Системы ориентированы на свой окружающий мир не только случайным образом или адаптивно, но прежде всего по структуре. Они конституируются и сохраняются путем создания и сохранения различия с окружающим миром и пользуются своими границами для его регулирования. Без различия с окружающим миром не было бы даже самореференции, так как различие является функциональной предпосылкой самореферентных операций⁶. В этом смысле сохранение *границ* является сохранением системы.

При этом границы не обозначают разрыва связей. Невозможно утверждать вообще, что внутренние зависимости важнее зависимостей система/окружающий мир⁷. Однако понятие границы означает, что процессы, пересекающие границу (например, обмен энергией или информацией), продолжатся при ее переходе в других условиях⁸ (например, иные условия реализации или консенсуса);

⁴ В качестве актуального научно-исследовательского отчета с указанием возможности применения в социальных науках ср.: *Bretan S. Systems Research and Social Science // Applied Systems Research: Recent Developments and Trends / Ed. G. J. Klir. New York, 1978. P. 655—685.* Кроме того, ср.: *Socio-cybernetics / Ed. R. F. Geyer, J. van derZouwen. Vol. 2. Leiden, 1978.*

⁵ Различие системы и окружающего мира можно обосновать более абстрактно, если обратиться к общей, первичной дизъюнкции теории формы, которая определяет форму и иное *лишь* с помощью понятия различия (*Herbst Ph. G. Alternatives to Hierarchies. Leiden, 1976. P. 84 ff.*) и в принципиальном отношении (*Spencer Brown G. Laws of Form. 2 Aufl. New York, 1972.*)

⁶ В связи с этим см. соч., уже цитированное во введении: *Foerster, a. a. O. (1973).*

⁷ *Cu., Hanp.: Deutsch K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York, 1963. P. 205.*

⁸ «Определение норм в систематических терминах сталкивает нас с нормативными различиями при пересечении границы и вселяет надежду,

42

Одновременно это означает, что контингентности протекания процесса, открытость иным возможностям варьируют в зависимости от того, имеет ли он место для системы в системе или в ее окружающем мире. Только если это имеет место, есть и границы, есть и системы. Мы еще вернемся к этому в пункте 7.

Окружающий мир сохраняет свое единство лишь благодаря системе и лишь относительно ее. Со своей стороны он определен открытыми горизонтами, а не границами, которые можно пересечь; таким образом, он сам не есть система⁹. Для каждой системы окружающий мир различен, так как каждая система извлекает из него лишь саму себя. Соответственно не существует саморефлексии окружающего мира, тем более его способности действия. Отнесение к окружающему миру («внешнее отнесение») является собственной стратегией системы. Все это, однако, не означает, что окружающий мир зависит от системы или что система может распоряжаться окружающим миром по своему усмотрению. Скорее комплексность системы и окружающего мира — мы еще вернемся к этому — исключает любую форму тотальной зависимости в том или ином направлении.

Одним из важнейших следствий из парадигмы система/окружающий мир является то, что нужно различать *окружающий мир* системы и *систему в окружающем мире* данной системы. Значение этого различия трудно переоценить. Так, следует прежде всего различать отношения зависимости между окружающим миром и системой от отношений зависимости между системами. Это различие подрывает старую тематику господства/подчинения. Могут ли и насколько далеко могут развиваться отношения, в которых одна система доминирует над другой, не в последнюю очередь зависит от того, как обе системы и система их отношений зависят от соответствующего окружающего мира. В этом смысле? класть, хотя и что таким образом при пересечении границ подсистем м⁹жно обнаружить нормативные различия», — формулируют в отношении социальных систем Р. Канн и др. (см.: *Kahn R. L. et al. Organizational Stress: Studies in*

Role Conflict and ambiguity. New York, 1964. P. 161).

⁹ В другом случае см. по-прежнему распространенную точку зрения, напр.: *Klir G. J.* An Approach to General Systems Theory. New York, 1969. P. 47 ff.; *Deutsch K. W.* On the Interaction of Ecological and Political Systems: Some Potential Contributions of the Social Sciences to the Study of Man and His Environment // *Social Science Information* 13/6 (1974). P. 5—15. Критику см. прежде всего в: *Buck R. C.* On the Logic of General Behaviour Systems Theory // *The Foundations of Science and The Concepts of Psycho-bgy and Psychoanalysis*. Minnesota Studies in the Philosophy of Science / Ed. H. Feigl, M. Scriven. Vol. I. Minneapolis, 1956. P. 223—238 (234 ff.).

43

«абсолютная», из которой исходили прежние модели империи, никогда не была ни сильной, ни детерминирующей, а являлась скорее модусом описания системы, выразившим известную возможность системы распорядиться собою.

Со своей стороны системы в окружающем мире какой-либо системы ориентированы на свои окружающие миры. Однако ни одна система не может полностью распорядиться чужими отношениями система/окружающий мир, разве лишь путем деструкции¹⁰. Поэтому каждой системе ее окружающий мир дан в виде запутанной комплексной структуры взаимных отношений системы и окружающего мира и в то же время как единство, конституируемое самой системой, требующее лишь избирательного наблюдения.

2. Различие системы и окружающего мира в качестве парадигмы теории систем вынуждает к замене различия целого и части теорией системной дифференциации". Системная дифференциация есть не что иное, как повторение образования систем в системах. Внутри систем могут иметь место дальнейшие различия систем и окружающих миров. Тем самым совокупная система приобретает функцию «внутреннего окружающего мира» для частичных систем, а именно для каждой частичной системы своим специфическим образом. Таким образом, различие система/окружающий мир удваивается, совокупная система умножает себя в качестве множества внутренних различий системы/окружающего мира. Каждое различие частичной системы и внутреннего окружающего мира есть опять-таки совокупная система — но все время в другой перспективе. Поэтому системная дифференциация есть способ роста комплексности — со значительными последствиями для того, что в таком случае снс можно наблюдать как единство совокупной системы.

В смысле дифференциации заложено, что его можно рассматривать в качестве единства, единства в многообразии. В известной степени различие не дает распастаться различенному; оно именно различенное, а не неразличенное. В той мере, в какой дифференциация приводится к единому принципу (например, к принципу иерархии),

¹⁰ Эти размышления можно связать с относительной пользой внутрисистемной дифференциации, что мы оставляем пока без внимания, чтобы не слишком усложнять анализ.

¹¹ Чтобы упростить изложение, мы здесь отвлекаемся от того, что новая смена парадигмы благодаря теории самореферентных систем выдвигает вместо парадигмы система/окружающий мир новое основное различие а именно различие идентичности и различия. Мы можем отвлечься от этого, так как тем самым теория системной дифференциации лишь перемещается в более абстрактные теоретические рамки.

44

единство системы можно узнать по принципу конструирования ее дифференциации. Благодаря дифференциации система выигрывает в систематичности; помимо своей голой идентичности (в различии по отношению к *иному*) она приобретает второе понимание своего единства (в различии по отношению к *себе самой*). Она может достичь своего единства как приоритет определенной формы дифференциации, например как равенства своих частичных систем, как голой серии, как ранжира, как различия центра и периферии, как выделения функциональных систем. При этом более претенциозные (более невероятные) формы системной дифференциации являются главными достижениями эволюции, в случае успеха стабилизирующими системы на более высоком уровне комплексности.

С 1960-х годов существуют тенденции описывать системную дифференциацию как «иерархию». Под этим понимается не движение по инстанциям и не цепочка директив сверху вниз. В связи с этим иерархия означает, скорее, лишь то, что частичные системы могут выделять опять-таки частичные подсистемы, и что тем самым возникает транзитивное отношение сохранения в сохраненном¹². Рациональные преимущества иерархизации очевидны. Они зависят от того, что последующие частичные системы могут образовываться лишь внутри частичных систем. Однако это все-таки нереалистическое допущение¹³. Оно в значительной степени могло бы иметь силу для организаций, потому что здесь оно обеспечено формальными правилами. Хотя для совокупных общественных систем можно исходить из основной схемы дифференциации: будь то сегментирование, стратификация или функциональная дифференциация,

¹² Ср., напр.: Simon H. A. The Architecture of Complexity // Proceedings of the American Philosophical Society 106 (1962). P. 467—482; а также: Simon H. A. The Sciences of the Artificial. Cambridge Vass., 1969; Branson G. The Hierarchical Organization of the Central Nervous Sysce;A: implications for Learning Processes and Critical Periods in Early DevMcpirmt // Behavioural Science 10 (1965). P. 7—25; Wilson D. Forms of Hieraithy: A Sebcted Bibliography // General Systems 14 (1969). P. 3—15; Hierarchical Structures / Ed. L. L. Whyte, A. G. Wilson, D. Wilson. New York, 1969; Milsum J. H. The Hierarchical Basis for Living Systema // Trends in General Systems Theory / Ed. G.J.Klir. New York, 1972. P. 145— \Б1 LeeuwenbergE, Meaning of Perceptual Complexity // Pleasure, Reward, Preference: Their Nature, Determinants and Role in Behaviour/ Ed. D. E. Berlyne, K. B. Madson. New York, 1973. P. 99— 114; Hierarchy Theory: The Challenge of Complex Systems / Ed. H. H. Pattee. New York, 1973; Pollatschek M. A. Hierarchical Systems and Fuzzy-Set Theory // Kybemetes 6 (1977). P. 147—151; Eugene, a. a. O. (1981). P. 75 ff.

¹³ На это постоянно указывается при планировании городов и территорий, прежде всего вслед за: Alexander Ch. A City is not a Tree // Architectural Forum 122 (April. P. 58—62, May. P. 58—61).

45

что, конечно, не означает, что дальнейшее образование систем возможно лишь внутри сложившегося тем самым грубого деления¹⁴.

Поэтому на уровне общей теории социальных систем следует проводить понятийное различие дифференциации и иерархизации. Тогда иерархизация была бы особым случаем дифференциации¹⁵. Иерархизация есть род самоупрощения возможностей дифференциации системы¹⁶. Кроме того, она облегчает наблюдение системы¹⁷ (включая научный анализ: если он предполагает наличие) иерархии, то наблюдатель может регулировать глубину своего восприятия и описания в соответствии с тем, сколько иерархически, уровней он может охватить). Однако все-таки нельзя исходить из того, что эволюция комплексности более или менее неизбежно приводит к некоторой форме иерархии. Совершенно очевидно, что и другие формы намного более хаотичной дифференциации нашли возможность сохраниться и выжить.

3. Переключение на различие системы и окружающего мира имеет глубокие следствия для понимания причинности. Линия раздела системы и окружающего мира не может пониматься как изоляция и объединение «важнейших» причин в системе, она в гораздо большей степени разрезает причинные связи; и вопрос заключается в следующем: с какой точки зрения? Система и окружающий мир постоянно воздействуют во всех явлениях — в социальных системах уже лишь потому, что без сознания, которым обладают психические системы, едва ли возможна коммуникация. Поэтому необходимо выяснить, почему и как распределяются причинные отношения между системой и окружающим миром.

Не предлагая наспех критериев такого распределения, мы можем, как минимум, точнее сформулировать проблему и связать ее с другими моментами теории систем. Мы делаем это с помощью понятия *производство* (и его производных: воспроизводство, саморепродукция, аутопойесис). Мы будем говорить о производстве, если *некоторые*, но *не все* причины, необходимые для определенных последствий, могут быть поставлены под контроль системы. Су-

¹⁴ Хороший, тщательно проработанный пример тому см.: TeubnerG Organisationsdemokratie und

Verbandsverfassung. Tubingen 1978

¹⁵ Опять-таки особым случаем является то, что мы называем стратификацией. Он имеет место, если первичные подсистемы приводятся в отношение ранжирования.

¹⁶ «Иерархическое давление как самоупрощение изначально хаотичных, очень сложных систем» (см.: Ранее II. H. Unsolved Problems and Potential Applications of Hierarchy Theory //Pat tee, a. a. O. P. 129—156(135)).

¹⁷ В связи с этим ср. особенно: Leeuwenberg, a. a. O.

46

твенным в понятии является не техническая исчислимость или аническая исполнимость (это может все-таки оставаться вопросом выбора исходной точки зрения на образование систем), а названные «некоторые, но не все» причины. Такое различие способствует отбору, а отбор — гарантиям. Отсюда вследствие эволюции (или позднее — благодаря планированию) может сложиться комплекс «продуктивных причин» и, сложившись однажды, добрать подходящие причины из окружающего мира. Следует, например, напомнить о возможностях, вытекающих из концентрации населения в поселках, затем в городах, и о возникающей отсюда мифологии осуществимости¹⁸.

Чтобы понять производство, нужно исходить не из законов природы, а из преимуществ отбора. Только если и потому что отказываются от «господства» над всей совокупностью причин, доходят до абстракций, реализующихся самоорганизованно и авторепродуктивно; лишь на этом пути возникает избыток *возможностей* производства, например размножения органических систем, в отношении которых в таком случае снова могут воздействовать селективные факторы эволюции.

4. Различие система/окружающий мир следует отличать от второго, равным образом конститутивного различия — различия *элемента и отношения*. Как в том, так и в этом случае *единство* различия следует мыслить как *конститутивное*. Как редки системы без окружающего мира или окружающий мир без систем, так редки и элементы без относительных связей или отношения без элементов. В обоих случаях различие является единством (мы же говорим также о «самом» различии), но оно действует лишь как различие. Лишь в качестве различия оно позволяет присоединять процессы переработки информации.

Несмотря на это формальное сходство (что отступает помимо всего остального предпосылкой понятия комплексности), важно тщательно различать оба различия". Поэтому существуют две раз-

¹⁸ Ср. по поводу «сознания мощи» в классическое эллинизме: *Meier Ch. Die Entstehung des Politischen bei den Griechen*. Frankfurt, 1980. S. 435 ff.

¹⁹ Сходное, но менее точное различие, остающееся еще во власти мышления целого и частей, см.: *Angyal A. The Structure of Wholes // Philosophy of Science* 6 (1939). P. 25—37. — Здесь также утверждается, что системы невозможно определять как множества элементов с отношениями. Однако в подавляющем большинстве случаев происходит именно это, что делает невозможным аналитическое разделение понятийности «системы» и «комплексности». Ср. в качестве одного из многих примеров: *Boudon R. A quoi sert la notion «structure»? Essai sur la signification de la notion de structure dans les sciences humaines*. Paris, 1968. P. 30 ff., 93 ff.

47 личные возможности рассматривать декомпозицию системы. Одна направлена на образование частичных систем (точнее: внутренних отношений система/окружающий мир) в системе. Другая разлагает на элементы и отношения. В одном случае речь идет о комнатах дома, в другом случае — о кирпичах, балках, гвоздях и т. п. Рассмотрение первого вида декомпозиции будет продолжено в теории *системной дифференциации*, рассмотрение второго вида — в теории *системной комплексности*. Лишь такое различие дает возможность говорить осмысленно и без тавтологии, что вместе с усилением дифференциации или с изменением форм дифференциации повышается комплексность системы²⁰.

Элементы могут быть сосчитаны, а число математически возможных отношений между ними — рассчитано на основе их числа. Однако подсчет сводит связи между элементами к количеству. Элементы получают качество лишь благодаря тому, что они учитываются в их отношениях, т. е. в связи друг с другом. В реальных системах, начиная с какой-то (относительно небольшой) величины, это может происходить лишь избирательно, т. е. лишь при опущении других возможных связей. Таким образом, качество возможно лишь благодаря отбору, а отбор необходим из-за комплексности. Мы еще вернемся к этому при обсуждении понятия комплексности. Часто об элементах говорится так, словно их можно обнаружить исключительно аналитически; словно их единство является единством лишь для целей наблюдения, планирования, дизайна. Однако это словоупотребление (как и рассуждения о «лишь аналитических» системах, структурах и прочем, имеющем отношение к этому) никогда не подвергалось в достаточной мере теоретико-познавательной рефлексии. Оно, видимо, восходит к математической картине мира раннего Нового времени, в рамках которой действительно можно было произвольно выбрать и использовать единицы измерения, масштабы и агрегации. Однако перейдя от количественной теории к качественной, нельзя больше упускать из виду, что сама система считает свои элементы в качестве таковых и то, как она их квалифицирует в связи с этим.

Не выдерживает критики и традиционная противоположная позиция: представление о в конечном счете субстанциальном, онтологическом характере элементов. Вопреки предположению, подсказываемому выбором терминов и понятийной традицией, единство эле-

²⁰ Ср. с аналитическими сочинениями, использующими данный набросок: *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 1. Frankfurt 1980 особенно резюме (S. 34).

48

мента (например, действия в системах действий) не предзадано онтологически. В гораздо большей степени оно конституируется как единство лишь благодаря системе, использующей элемент в качестве такового для установления отношений²¹. Эта деонтологизация и функционализация элементного начала была внесена в современное движение науки через математизацию естественных наук. То, что можно сосчитать, можно разлагать и дальше, если на то есть оперативная потребность. Однако и теория действия, не используя математику в качестве техники построения теории, присоединилась к такой перспективе. Действия также обязаны своим единством строению отношений в системе, в которой они конституируются как действия²². Мы еще вернемся к этому.

По сравнению со схоластическим понятием отношения, считавшимся малоценным, потому что

оно касалось чего-то иного, кроме самого себя, эта переменная ведет к ревальвации уровня значимости отношений. Однако прежде всего она релятивизирует понятие элемента. Если бы задавали вопрос, что «есть» элементы (например, атомы, клетки, действия), то всегда приходилось бы прорываться через высококомплексные предметные содержания, которые следует относить к окружающему миру системы. Таким образом, элементом каждый раз является то, что выступает для системы в роли далее неразложимого единства (несмотря на то, что при микроскопическом рассмотрении оно есть нечто, организованное весьма сложно). «Далее не разложимое» означает одновременно, что система может конституироваться и меняться лишь посредством отношений своих элементов, но не путем их разложения и реорганизации. Это ограничение, конститутивное для самой системы, не следует использовать в наблюдении и анализе систем. Если его не придерживаются и, например, нацеливаются на нейрофизиологический анализ действий, то в таком случае отказываются от различия системы/окружающего мира, справедливого для самой системы, и переходят на другие уровни образования систем.

²¹ Одновременно здесь заложены основы концепции самореферентных систем, к которой мы еще вернемся ниже.

²² Об этом вполне ясно говорится в: *Parsons T. The Structure of Social Action. New York, 1937. P. 43*: «В качестве просто элементов механической системы в классическом смысле части целого могут быть определены лишь в терминах их свойств, массы, скорости, расположения в пространстве, направления движения и т. п.; элементы систем действия имеют, следовательно, определенные базовые свойства (здесь следовало бы сказать: связи), без которых невозможно полагать эти элементы в качестве „существующих“».

49

Представляется теоретически спорным, следует ли объяснять единство элемента как эмерджентность «снизу» или посредством конституирования «сверху». Мы решительно выступаем за последнее воззрение. Элементы являются элементами лишь для систем, использующих их как единство, и они являются единством лишь благодаря таким системам. Это формулируется в концепции ауто-пойесиса²³. Одним из важнейших следствий является то, что системы высшего (эмерджентного) порядка могут иметь меньшую комплексность, нежели системы низшего порядка, так как они сами определяют единство и число элементов, из которых состоят, т. е. в собственной комплексности они независимы от своего реального фундамента. Это также означает, что необходимая и соответственно достаточная комплексность системы не предопределена «материалом», используемым системой, а может быть вновь определена для каждого уровня образования системы в связи с релевантным окружающим миром. Согласно этому эмерджентность не есть просто аккумуляция комплексности, а представляет собой прерывание и новое начало построения комплексности. Соответственно единство действия мы считаем не психологическим, а социологическим фактом; оно осуществляется не через декомпозицию сознания на далее не разлагаемые минимальные единства, а посредством социальных процессов причисления²⁴.

5. Понятие *обусловливания* — центральное понятие теории систем — касается отношений между элементами. Системы не есть просто отношения (во множественном числе!) между элементами. Связь отношений друг с другом должна быть как-то отрегулирована". Регулирование использует основную форму обусловливания. Это означает: определенное отношение между элементами реализуется лишь при условии, что нечто иное имеет место либо не имеет. Всегда, когда мы говорим об «условиях» или соответственно об «условиях возможности» (и в теоретико-познавательном смысле), подразумевается это понятие.

²³ Подробнее см. ниже, с. 66—70 данного издания.

²⁴ К противоположной точке зрения можно было бы прийти на основе формулировки в кн.: *Morin E. La Methode. T. II. Paris, 1980. P. 311*: «...общие эмерджентные свойства организации „низшего уровня“ смешают первичные элементарные качества при построении комплексного единства высшего уровня». Такую интерпретацию можно смягчить циркулярной (кибернетической) концепцией иерархии.

²⁵ У. Р. Эшби уже здесь (где, на наш взгляд, достаточно понятия системы) вводит понятие организации: «Ядром концепта (организации. — *Н. Л.*) является, на наш взгляд, „обусловленность“. Как только отношение между двумя сущностями *A* и *B* становится, условно говоря, значением или со-

50

В этом значении отношения между элементами могут взаимно обуславливать друг друга; одно имеет место, если есть другое. Однако речь может идти и о наличии определенных элементов, о присутствии катализатора или о реализации между отношениями отношений более высокого уровня, например «форм» в смысле марксистской теории. Тогда минимальным случаем системы является голое множество отношений между элементами. Оно обусловлено правилом включения/исключения, равно как и условиями исчислимости, например постоянством

последовательности во время счета. Мы считаем, не будучи в состоянии надежно обосновать теоретически, что системы должны быть, по меньшей мере, множествами отношений между элементами, что они будут выделены типологически благодаря дальнейшим обусловливаниям и тем самым более высокой комплексности.

Успешные обусловливания, посредством которых обеспечивается возникновение того, что возможно благодаря им, в таком случае действуют как *ограничения*. Несмотря на то что они введены контингентно, от них нельзя отказаться, не утрачивая того, что было возможно благодаря им.

6. Посредством следующего шага мы вводим проблему *комплексности* и, кроме того, повторяем анализ отношений системы/окружающего мира с дополнениями, возникающими из учета комплексности²⁶.

Комплексность является той точкой зрения, которая, пожалуй, сильнее всего выражает проблемный опыт нового исследования систем²⁷. Она использует в этих опытах функцию катализа чаще всего

стоянием С, так сразу возникает необходимость в таком компоненте, как „организация“. Таким образом, *теория организации* частично пересекается с теорией функций более чем одной переменной» ("Principles of the Self-organizing System", цит. по стереотипному изданию: Medc-d Systems Research for the Behavioural Scientist / Ed. W. Buckley. Chicago, 1966. F. N*8—118).

²⁶ В целях обзора многочисленных и весьма неоднородных формулировок этого понятия ср.: *Sahal D. Elements of an Emerging Theory of Complexity per se // Cybernetica 19 (1976). P. 5—38.*

²⁷ *Blauberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Systems Theory: Philosophical and Methodological Problems. Moskau, 1977. P. 84 ff.* — Здесь в проблеме комплексности усматривается единственная точка консенсуса теорий систем, в остальном чрезвычайно разнообразных. (См. на русском языке: Проблемы методологии системного исследования / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1970. — *Прим. отв. ред.*) То же самое отмечено в кн.: *Willke H. Systemtheorie: Eine Einführung in die Grundprobleme. Stuttgart, 1982. S. 10 ff.* Ср. также: *Probst G. J. B. Kybernetische Geset-zeshypothesen als Basis für Gestaltungs- und Lenkungsregeln im Management. Bern, 1981*, с указанием новой литературы в этой области.

51

неопределенно²⁸. Это, однако, осложняет контролируемую работу с понятием. Мы выбираем, не без оснований, отмеченных в публикациях, проблемно-ориентированное понятие и определяем его на основе понятий элемента и отношения²⁹. Преимущество этого соот стоит в том, что понятие применимо также и к несистемам (окружающий мир, мир), и что оно, будучи определенным без использования понятия системы, может обогащать системно-теоретический анализ дополнительными точками зрения. Мы сохраняем, однако, связь с теорией систем благодаря вышеназванному тезису о том, что то, что в каждом случае выступает в роли элемента, не может быть определено независимо от систем. Это включает в себя известный тезис о том, что «организованная комплексность» может осуществляться лишь благодаря образованию систем; так как «организованная комплексность» означает не что иное, как комплексность с избирательными отношениями между элементами³⁰.

Если исходят из такого основного понятийного различия элемента и отношения (все-таки всегда относительно системы), то немедленно обнаруживают, что при увеличении числа элементов, которые должны удерживаться вместе *в системе* или *для системы* в качестве *ее окружающего мира*³¹, быстро сталкиваются с ограничением, не позволяющим ставить в связь каждый элемент с каждым³². К этому выводу можно присовокупить определение понятия комплексности: обозначим комплексным такое взаимосвязанное множество элементов, в котором вследствие имманентных ограниче-

²⁸ Чтобы избежать определений, разумеется, можно найти и более строгие основания; например основание самореференции: комплексное. является слишком комплексной для ее понятийного изображения

- L^CP-с указаниями в: *Luhmann N. Komplexität / Luhmann N. Soziolo-gische Aufklärung. Bd 2. Opladen, 1975. S. 204—220.*

н «Л ЧП. ?e?Ver W_ Science and Complexity I American Scientist 36 (1948) P. 536—544; *La Porte T. R. Organized Social Complexity: Challenge to Polity* с^{CS}. ^L^{oh}Су, Г?, ПСе10Пн 1975, Ср-также: *Report A. Mathematical General System Theory t Unity Through Diversity: A Festschrift for Ludwig von Bertalanffy / Ed. W. Gray, N. D. Rizzo. New York, 1973. Vol. I P 437^160 (438V* «Системно-теоретическая точка зрения фокусируется на эмерджентных свойствах, которые эти объекты или классы событий имеют в качестве живых систем, т. е. на *тех свойствах, которые возникают из весьма организованной комплексности*» (выделено нами. Н. Л.).

³¹ Выражение «должны удерживаться вместе» означает здесь что существуют ситуации, в которых множество элементов системы следует рассматривать как единство.

³² В качестве (редкого) учета этого предметного содержания в социологической литературе см., напр.:

ний их способности к присоединению становится невозможным, чтобы каждый элемент в любое время был связан с любым другим. Понятие «имманентное ограничение» указывает на внутреннюю комплексность элементов, неподвластную системе, которая одновременно обеспечивает их «способность составлять единство». В этом отношении комплексность есть само себя обуславливающее предметное содержание — из-за того, что сами элементы должны быть конституированы комплексно, чтобы быть способными входить в единство на более высоких уровнях образования систем, их способность к присоединению должна быть ограничена. Поэтому комплексность репродуцируется как неизбежная данность на каждом более высоком уровне образования систем. Забегая вперед, отметим, что в таком случае эта самореференция комплексности «ин-тернализирована» в качестве самореференции системы.

Комплексность в указанном смысле означает необходимость отбора, необходимость отбора означает контингентность, а контингентность означает риск. Всякое комплексное предметное содержание основывается на отборе отношений между своими элементами, используемом им для собственного конституирования и сохранения. Отбор квалифицирует элементы и отводит им место, хотя для них были бы возможны другие отношения. Эту «возможность также и иного бытия» мы обозначаем достаточно традиционным термином «контингентность», в то же время указывая, что, может быть, найдено не самое лучшее оформление.

Через необходимость отбора и обуславливание актами отбора можно объяснить тот факт, что из первичного пласта весьма схожих единств (например, немногих видов атомов, схожих человеческих организмов) можно создавать весьма разные системы. Таким образом, комплексность мира, его видов и классов, его системных образований возникает лишь через редукцию комплексности и через избирательное обуславливание этой редукции. Лишь так можно далее объяснить, что длительность того, что в таком случае выступает в роли элемента, может согласовываться с самоогенерацией системы.

Тем самым абстрактная теория комплексных связей приведена к месту совпадения эволюционно-теоретических и системно-теоретических объяснений. То, какие связи между элементами реализуются, не может быть дедуктивно выведено из самой комплексности; это следует из различия системы и окружающего мира и из условий его эволюционной проверки на каждом уровне образования систем. Вместе с тем, глядя в обратном направлении, проблему различия системы/окружающего мира можно прояснить с помощью понятия

комплексности. Установление и сохранение различия системы и окружающего мира становится проблемой потому, что окружающий мир любой системы сложнее самой системы. Системам не хватает «необходимого разнообразия» (Эшби), которое потребовалось бы для реагирования на всякое состояние окружающего мира либо для того, чтобы организовать окружающий мир таким образом, который бы в точности был адекватен системе. Иными словами, не существует пунктуального соответствия между системой и окружающим миром (состояние, которое, впрочем, снимало бы различие системы и окружающего мира). Именно поэтому возникает проблема установления и поддержания этого различия вопреки градиенту комплексности. Недостаток комплексности должен компенсироваться стратегиями отбора. То, что система вынуждена отбирать, следует уже из ее собственной комплексности. Какой порядок выбирается в соотношении ее элементов — следует из различия комплексности по отношению к окружающему миру. Именно таким образом можно аналитически развести оба аспекта. Они представляют собой лишь две стороны одного и того же предметного содержания, так как лишь благодаря выбору некоторого порядка система может быть комплексной³³.

Тезис о том, что окружающий мир любой системы сложнее ее самой, не предполагает постоянства градиента комплексности. Вообще справедливо, например, что эволюция возможна лишь при комплексности окружающего мира системы, достаточной для этого, и в этом смысле является ко-эволюцией системы и окружающего мира. Более высокая комплексность в системах становится возможной, лишь если окружающий мир обнаруживает не случайное распределение, а со своей стороны избирательно структурирован посредством систем в окружающем мире³⁴. Таким образом, отношение комплексности между окружающим миром и системой следует

³³ В качестве введения к "Scope and Reduction" («Масштаб и редукция». — *Прим. отв. ред.*) читаем: *Burke K. A Grammar of Motives. Prentice-hall, 1945; переиздано в: Cleveland, 1962. P. 59: «Люди ищут слова, точно отражающие реальность. Для этого они создают термины, являющиеся выборкой реальности. Всякая*

выборка реальности при определенных условиях должна действовать как преломление реальности. В той мере, в которой термины отвечают потребности *отражения*, мы можем утверждать, что у них есть неизбежные границы. Редукция заключается в их избирательности. Их границы и редукция превращаются в преломление, если данная терминология или исчисление не соответствуют субъекту содержания, которое они призваны исчислить».

³⁴ Ср.: *Emery F. E., Гаг/ E. L. Towards a Social Ecology: Contextual Appreciation of the Future in the Present.* London; New York, 1973. P. 45 ff.

54

понимать как отношение усиления, и в связи с этим ставить вопрос о том, от каких факторов зависит возможность усиления и поддержания нового равновесия.

Предложенное тем самым сочетание проблемы комплексности и теории систем вызывает необходимость новой разработки этого понятия. В каком смысле можно говорить о различии, градиенте и редукции комплексности, если она определяется как необходимость отбора?³⁵ В публикациях обсуждаются трудности измерений в случае явно многомерного понятия³⁶. Однако наша проблема касается все-таки предварительного вопроса соотносительности понятия комплексности, комплексного самого по себе.

Измерения и сравнения могут исходить как из числа элементов, так и из числа отношений, реализованных между ними. О более высокой или соответственно более низкой комплексности (различии в комплексности, ее градиенте) можно говорить в том случае, если и там, и там существует более низкая комплексность. Это имеет место в отношении системы к своему окружающему миру. О редукции комплексности в более узком смысле, напротив, следовало бы говорить в том случае, если структура отношений некоторой комплексной взаимосвязи реконструируется посредством второй взаимосвязи, с меньшим числом отношений³⁷. Лишь комплексность может редуцировать комплексность. Это может иметь место во внешних отношениях системы, а также в ее внутренних отношениях к себе самой. Так миф, ограниченный возможностями устного рассказа, сохраняет для племени мир и ориентацию в ситуациях³⁸. В таком случае потеря комплексности должна быть подхвачена лучшей организацией избирательности (например, повышением требований к достоверности). Редукция комплексности, как и любое соотнесение, также исходит от элементов. Однако понятие редукции обозначает пока еще только соотнесение отношений.

С точки зрения истории теории эта сложная формулировка проблемы редукции была необходима — пришлось отказаться от онто-

³⁵ Мое внимание на эту проблему обратила прежде всего Рената Майнц.

³⁶ Ср., напр., его разложение на несколько составляющих, измеряемых по отдельности: *La Porte T. R. Organized Social Complexity: Explication of a Concept II Organized Social Complexity: Challenge to Politics and Policy / Ed. T. R. La Porte.* Princeton New Jersey, 1975. P. 3—39.

³⁷ О таком ограничении свидетельствует и история формулировки, например ее использование в: *Bruner J. S. et al. A Study of Thinking.* New York, 1956.

³⁸ В отношении гомеровского эпоса об «энциклопедии рода» см.: *Ha-vehctc E.A.I) Preface to Plato.* Cambridge Mass., 1963; 2) *The Greek Concept of Justice.* Cambridge Mass., 1978.

55

логического понятия элемента как простейшей, далее неразложимой единицы бытия (атома). Пока предполагали такое единство, обеспечивающее гарантию бытия, редукцию комплексности можно было понимать просто как сведение к таким единицам и их отноше* ниям. В этом смысле еще и сегодня продолжаются большие споры о «редукционизме». Однако теоретическая основа для такого понимания все-таки исчезла с тех пор, как должны были признать, что элементы всегда конституируются благодаря системе, из них состоящей, и своим единством они обязаны лишь комплексности этой системы³⁹. В таком случае следовало отказаться от допущения онтологической асимметрии «простого» (неразложимого; следовательно, неуничтожимого) и «комплексного» (разложимого; следовательно, уничтожимого). На место сопутствующих проблем того, как из таких «частей» возникает «целое» и в чем заключается его прибавочная ценность, заступает совсем иное понимание комплексности, которое следует сформулировать целиком как различие комплекс-ностей. Необходимо отличать необъятную комплексность системы (соответственно ее окружающего мира), которая возникла бы, если бы все было связано со всем, от комплексности, структурированной определенным образом, которая, однако, с ее стороны, может быть выбрана тогда лишь контингентно; и следует различать комплексность окружающего мира (в обеих формах) и системы (в обеих формах), причем учитывать более низкую комплексность системы, которая должна быть восполнена ее контингентностью, т. е. посредством того, что она служит эталоном для отбора. В обоих случаях *различие* двух комплексностей есть принцип, собственно и вызывающий отбор (поскольку он придает форму); и если говорят не о состояниях, а об операциях, тогда и то и другое *есть редукция комп-*

лексности, а именно редукция одной комплексности с помощью другой⁴⁰.

³⁹ *Blauberger et al.* (1977, а. а. О. Р. 16 ff.) дают хорошее изображение этого поворота, но не доводят его до теории самореферентных систем. Подобное, но уже с включением проблем самореференции, см.: *Barel Y. Le para-doxe et le systeme: Essai sur le fantastique social.* Grenoble, 1979, в частности р. 149 ff.

⁴⁰ Только в качестве примечания здесь уже следовало бы отметить, что возникнут дальнейшие различия в отношениях между комплексностями, как только система произведет самоописания (соответственно описания окружающего мира). Тогда в кибернетике говорят о «моделях» (см.: *Co-nant R. C., Ashby W. R. Every Good Regulator of a System must be a Model of that System* // *International Journal of Systems Science* 1 (1970). Р. 89—97). В таком случае комплексность, заложенную в основу системного планирования, следует понимать по отношению к структурированной комплекс-

56

С точки зрения этих необходимостей в редукции (следующих из комплексности) было образовано второе понятие комплексности — как меры неопределенности или недостатка информации. В этом аспекте комплексность — это информация, которой не хватает системе для полного понимания и описания своего окружающего мира (его комплексности) или себя самой (комплексности системы)⁴¹. С позиций отдельных элементов, например для определенных действий или процессов переработки информации в системе, комплексность становится значима лишь в этом втором смысле, т. е. лишь как горизонт отбора. И эта вторая формулировка может использоваться в смысловых системах, с тем чтобы вновь ввести комплексность системы в систему — как понятие, как неизвестную и именно поэтому действенную величину, как фактор страха, как понятие небезопасности или риска, как проблему планирования и принятия решений, как предлог для отказа. Различение обоих понятий комплексности показывает также, что системы не в состоянии постигать собственную комплексность (тем более комплексность своего окружающего мира), но все-таки могут проблематизировать ее. Система производит свое нечеткое изображение и реагирует на него.

Здесь стоит вспомнить Канта, который боролся с предрассудком о том, что множество (в форме чувственных восприятий) должно быть задано, а единство должно конституироваться (быть синтезировано). Только разъединение этих аспектов, т. е. проблематизация комплексности, делает субъекта субъектом — именно субъектом взаимосвязи многообразия и единства, а не только производителем синтеза. Теория систем порывает с исходным пунктом и поэтому не имеет никакого применения к понятию субъекта. Она заменяет его понятием самореферентной системы. В таком случае теория систем может формулировать, что любое единство, используемое в системе (будь то единство элемента, процесса или системы), должно конституироваться ею самой, а не вноситься из ее окружающего мира.

ности системы как ее редукцию, а ту в свою очередь — как редукцию совокупной комплексности системы, не поддающейся определению.

⁴¹ Ср., напр.: *Lofgren L. Complexity Descriptions of Systems: A Foundational Study* // *International Journal of General Systems* 3 (1977). Р. 97—214; *Allan H. 1) Entre le cristal et la fumee: Essai sur l'organisation du vivant.* Paris, 1979, особенно р. 74 ff.; 2) *Hierarchical Self-Organization in Living Systems: Noise and Meaning* // *Autopoiesis: A Theory of Living Organization* / Ed. M. Zeleny. New York, 1981. Р. 185—208. Ср. также: *Rosen R. Complexity as a System Property* // *International Journal of General Systems* 3 (1977). Р. 227—232. — Здесь для автора комплексность означает необходимость большинства системных описаний, в зависимости от отношения к интеракции.

57

7. Это объединение проблематики комплексности и системного анализа оправдывает себя более точной интерпретацией функции границ системы⁴². У систем есть границы. Это отличает понятие системы от понятия структуры⁴³. Границы невозможно мыслить без представления о «за границами». Таким образом, они предполагают возможность их пересечения и реальность потустороннего мира⁴⁴. Поэтому в общем смысле у них есть двойная функция разделения и связывания системы и окружающего мира⁴⁵. Ее можно пояснить на примере различения элемента и отношения, и тем самым она сразу же вновь сводится к теме комплексности. Если границы определены четко, то элементы должны быть причислены либо к системе, либо к ее окружающему миру. Напротив, отношения могут существовать и между системой и окружающим миром. Таким образом, граница разделяет элементы, но не обязательно отношения; она разделяет события, но позволяет осуществляться причинным воздействиям.

Это само по себе старое и бесспорное понятие границы является предпосылкой новейшего развития теории систем, в котором различение открытых и закрытых систем воспринимается уже не как противоположность типов, а как отношение усиления⁴⁶. С помощью границ системы могут одновременно закрываться и открываться, чем отделяют внутренние взаимозависимости от взаимозависимости-

⁴² Теоретические рассмотрения понятия границы являются редкими и часто малоэффективными. В качестве

серьезных работ см., напр.: *Towards a Unified Theory of Human Behaviour: An Introduction to General Systems Theory* / Ed. R. R. Grinker. New York, 1956, особенно p. 278 ff., 307 ff; *Herbst P. G. A Theory of Simple Behaviour Systems II Human Relations* 14 (1961). P. 71—93, 193—239 (особенно p. 78 ff.); *Aubert V. Elements of Sociology*. New York, 1967. P. 74 ff; *Strassoldo R. Temi di sociologia delle relazioni internazionali: La societa globale, Ecologia delle potenze, La teoria dei confini*. Gorizia, 1979, особенно p. 135 ff. Кроме того, много материала в: *Confini e regioni: Il potenziale di sviluppo e di pace delle periferie: Atti del convegno "Problemi e prospettive delle regioni di frontiera"*. Gorizia, 1972; Trieste, 1973; *Boundaries: National Autonomy and its Limits* / Ed. P. G. Brown, H. Shue. To-towa N. J., 1981.

⁴³ См.: *Kolaja J. Social Systems in Time and Space: An Introduction to the Theory of Recurrent Behaviour*. Pittsburgh, 1969.

⁴⁴ Ср.: *Descartes R. Les principes de la philosophie II*, 21, цит. по: (Euvres et lettres, ed. de la Pleiade. Paris, 1952. P. 623.

⁴⁵ О территориальных границах ср., напр.: *De Greef G. La structure generate des societes*. Т. 2. Briissel; Paris, 1908, например p. 246, 250; *Lema-rignier J.-F. Recherches sur Phommage en marche et les frontieres feodales*. Lille, 1945; *Dion R. Les frontieres de la France*. Paris, 1947.

⁴⁶ Ср. прежде всего: *Morin E. La Methode*. Т. 1. Paris, 1977, особенно p. 197 ff.

мостей системы/окружающего мира и связывают их друг с другом⁴⁷. В этом отношении границы являются по преимуществу приобретением эволюции. Всякое более высокое развитие системы, прежде всего развитие систем с внутренне-закрытой самореференцией, предполагает наличие границ.

Для осуществления функции разделения и связывания границы могут быть выделены в особые устройства. В таком случае они выполняют именно эту роль благодаря специфической работе отбора. Тогда собственная избирательность пограничных устройств, зон, мест редуцирует не только внешнюю, но и внутреннюю комплексность системы⁴⁸ с тем результатом, что контакт, осуществленный через границу, не может передать какой-либо системе полную комплексность другой, даже если бы способность переработки информации сама по себе была достаточной для этого⁴⁹. Тогда соответствующая внутренняя организация избирательного соотношения с помощью выделенных пограничных органов приводит к тому, что системы становятся неопределимыми друг для друга, и для регулирования этой неопределимости возникают новые системы (системы коммуникации). В случае абстрактного понятия границы, понятия голого различия между системой и окружающим миром, невозможно решить, принадлежит граница системе или окружающему миру. Само различие есть с логической точки зрения нечто третье⁵⁰. И наоборот, если в помощь интерпретации привлекают проблему градиента комплексности, то границы можно связать с функцией стаби-

⁴⁷ В несколько более точной формулировке это означает, что между зависимостями и независимостями должны существовать отношения, сбалансированные как внутренне, так и внешне; что эти отношения не находятся в произвольном отношении между собой и что они должны осуществлять редукцию комплексности. Такая формулировка, дифференцированная больше, чем обычно, показывает попытку теории разложить предметы на отношения и отношения между отношениями; в то же время она демонстрирует, насколько комплексно устроены предметные содержания, к которым относится понятие отбора.

⁴⁸ Ср. в связи с этим специально по поводу организованных социальных систем: *Luhmann N. Funktionen und Folgen formaler Organisation*. Berlin, 1964. S. 220 ff.

⁴⁹ Ср.: *Campbell D. T. Systematic Error on the Part of Human Links in Communication Systems K Information and Control* 1 (1958). P. 334—369; *Lettvin J. Y. et al What the Frog's Brain II Proceedings of the Institute of Radio Engineers* 47 (1959). P. 1940—1951.

⁵⁰ В связи с этим Herbst (а. а. О. S. 88 ff.) приходит к выводу об акте творения теоретического положения уровня основного понятия. Размышления, изложенные выше в тексте, с точки зрения техники построения теории служат для того, чтобы избежать здесь акта творения.

58

59

лизации этого градиента, стратегии которой может развивать лишь система. В таком случае речь идет, с точки зрения системы, о «самопроизведенных границах»⁵¹, о мембранах, оболочках, стенах и воротах, пограничных пунктах, местах контактов.

Следовательно, важнейшим требованием выделения систем наряду с конституцией собственных элементов является определение границ. Границы могут считаться достаточно определенными, если остающиеся открытыми проблемы проведения пограничной линии, либо отнесения событий вовнутрь или вовне, могут обрабатываться собственными средствами системы — например, если иммунная система способна использовать свой способ операции, чтобы в результате распознавать внутреннее и внешнее, либо если общественная система, состоящая из коммуникаций, способна посредством коммуникации решать, является нечто коммуникацией или нет. В таком случае для наблюдателя (ученого)

аналитически все еще может оставаться неясным, как проходят границы, но это не оправдывает того, чтобы считать разграничение систем лишь аналитическим определением⁵² (разумеется, иное дело, когда речь идет о разграничении объектов исследования!). Наблюдатель, интересующийся реальностью, в данном случае зависит от оперативных возможностей определения системы. В перспективе динамики развития границы выступают фактором усиления. Мы обозначили этот аспект понятием *от-дифференциации* систем. Образование границ прерывает непрерывность процессов, связывающих систему с ее окружающим миром. Усиление вклада границ заключается в увеличении числа аспектов, в которых это происходит. Прерывности, произведенные тем самым, могут быть вполне упорядоченными прерывностями, дающими системе возможность рассчитывать свои контакты с окружающим миром. При их ясном выделении наблюдатели системы могут восприни-

⁵¹ См.: *Barker R. C. Ecological Psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behaviour*. Stanford Cal., 1968. P. 11 ff. Ср. также: *Barker R. G. On the Nature of the Environment* // *Journal of Social Issues* 19/4 (1963). P. 17—38.

⁵² Часто встречается и противоположная точка зрения. Ср., напр.: *Kuhn A. The Study of Society: A Unified Approach*. Homewood 111., 1963. P. 48 ff.; *Easion D. A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs N. J., 1965. P. 65. — Здесь подчеркивается, что наблюдающие системы, прежде всего науки, также являются самореферентными системами, которые согласовывают с собой все то, что они определяют. Однако это справедливо лишь в самом общем смысле и еще не приводит к исчерпывающей характеристике предмета, которым занимается наблюдатель или наука.

мать большее количество непрерывных отношений и процессов, протекающих между системой и окружающим миром (например, действия, обусловленные социализацией), нежели сама система кладет в основу своей практики.

Отношение, в котором границы определяются под давлением необходимости их вклада, следовательно, отношение, требующее более точного определения границ и их сохранения, следует из уже представленного выше различия совокупного окружающего мира и систем в окружающем мире системы. Границы системы всегда отделяют окружающий мир; однако предъявляемые здесь требования меняются, если система в своем собственном окружающем мире должна различать другие системы (и их окружающие миры) и устанавливать свои границы в соответствии с этим различием. В простейшем случае система рассматривает свой окружающий мир как другую систему. Так, государственные границы часто понимаются как границы по отношению к другому государству. Однако это становится все более иллюзорным, если отношения к экономической, политической, научной, педагогической «загранице» уже не могут быть определены посредством тех же самых границ". При таких требованиях определение границ становится внутренним делом, и себя оправдывают самореферентно-закрытые системы, определяющие границы при помощи своего модуса операций, оставляющие все контакты с окружающим миром посредничеству других уровней реальности.

8. Понятийное различие системы (понятия) и комплексности (понятия) является центральным в нижеследующем анализе — именно потому, что он посвящен комплексным системам. Кто не в состоянии проводить различие между системой и комплексностью, тот закрывает себе доступ к области проблем экологии, потому что экология должна иметь дело с комплексностью, не являющейся системой, так как она не регулируется собственным различием системы/окружающего мира⁵⁴. Именно на этом основывается трудность постижения такого рода *единства* многообразия; оно не создается как самореферентная система, а конституируется лишь благодаря наблюдению или соответственно вмешательству. Мы еще вернемся к этому⁵⁵.

⁵³ См. об этом также: *Luhmann N. Territorial Borders as System Boundaries // Cooperation and Conflict in Border Areas* / Ed. R. Strassoldo, G. D. Zotti. Mailand, 1982. P. 235—244.

⁵⁴ В понятии «экосистема» это важное положение вещей недооценивается. Вместо него следовало бы говорить об «экокомплексе».

⁵⁵ Ср. ниже, гл.10.

60

61

Здесь следует показать, пока лишь на примерах, прежде всего на примере понятия *приспособления*, как взаимодействие анализа систем и анализа комплексности меняет структуру классического арсенала понятий системной теории и приводит к теории самореферентных систем.

Первоначально это понятие обозначало простое отношение система/окружающий мир, согласно которому система, чтобы выжить, должна была приспособливаться к своему окружающему миру. В таком случае была очевидна привлекательность обратного положения: окружающий мир также мог бы приспособиться к системе и быть, как минимум, пригоден для развития системы⁵⁶. На уровне теории это оборачивание приводит прежде всего к круговой тавтологии — системы могут приспособливаться к окружающему миру, если окружающий мир приспособлен к системе, и

наоборот.

Если однажды достигнута стадия этой плодотворной тавтологии, то следует поискать помощи в затруднительном положении. Так как приблизительно в это же время улучшилось и понимание проблем структурированной комплексности, возникало желание обратиться к ним. Такое теоретическое развитие стимулировало переход от парадигмы система/окружающий мир к парадигме самореференции.

Комплексные системы должны приспосабливаться не только к своему окружающему миру, но и к собственной комплексности. Они должны справляться с внутренними невероятностями и недостаточностями. Они должны развивать устройства, строящиеся именно на этом, например устройства, редуцирующие отклоняющееся поведение, что становится возможным лишь благодаря тому, что есть доминирующие основные структуры. Следовательно, комплексные системы вынуждены к самоприспособлению, а именно в двойном смысле собственного приспособления к собственной комплексности". Лишь так можно объяснить то, что системы не могут непрерывно следовать изменениям своего окружающего мира, а должны учитывать также и другие способы понимания приспособления и в конечном итоге восходить к основам самоприспособления.

Далее, если говорят о комплексных системах, то меняется понятие *отбора*. Теперь отбор не может больше пониматься как побуждение субъекта, по аналогии с действием. Он является бессубъект-⁵⁶ Ср.: *Henderson L. J. The Fitness of the Environment: An Inquiry into the Biological Significance of the Properties of Matter. New York, 1913.*

"См. также «adaptation de soi a soi» («адаптация к самому себе» (*фр.*) — *Прим. отв. ред.*) у: *Morin E. La Methode. T. 2. Paris, 1980. P. 48.*

62

ным процессом, операцией, запускаемой возникновением различия. И здесь Дарвин является важнейшим предтечей, так как он понимал эволюционный отбор исходя не из действия упорядочивающей воли, а из действия окружающего мира. На этом основывались философия контингентности и прагматизм, которые наделяли такое понимание отбора максимальной онтологической широтой, что произвело впечатление и на социологию⁵⁸. С тех пор понятие отбора выступает основным понятием любой теории порядка, при этом нет возврата к идее системы, объясняющей возникновение порядка из своей лучшей упорядочивающей способности⁵⁹. Вместо такого обращения мы полагаем возврат к различию. Любой отбор предполагает ограничения. Основное различие упорядочивает эти ограничения, например с точки зрения полезного/бесполезного, не устанавливая сам выбор. Различие детерминирует не то, что именно должно быть выбрано, а, пожалуй, лишь то, что следует сделать выбор. Представляется, что для этого прежде всего необходимо различие системы/окружающего мира, требующее от системы совершения отбора посредством ее собственной комплексности. Таким образом, теория самореферентных систем подготовлена как в семантическом пространстве «приспособления», так и в семантическом пространстве «отбора».

9. Следующей центральной темой выступает *самореференция*. Лишь в новейших системных исследованиях она получает быстро растущее внимание, в том числе под названием самоорганизации и аутопойесиса⁶⁰. Соответствующие понятия проникают и в социоло-

⁵⁸ Роберт К. Мертон цитирует в одной из своих ранних работ Ф. К. С. Шиллера. См.: *Merton R. K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. 2 ed. New York, 1970. P. 229.* С мертоновским пониманием отбора ср. также: *Kopp M., Schmid M. Individuelles Handeln und strukturelle Selektion: Eine Rekonstruktion des Erklärungsprogramms von Robert K. Merton // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie 33 (1981). S. 257—272; Schmid M. Struktur und Selektion: E. Durkheim und M. Weber als Theoretiker struktureller Evolution II Zeitschrift für Soziologie 10 (1981). S. 17—37.*

⁵⁹ Ср.: *Classman R. B. Selection Processes in Living Systems: Role in Cognitive Construction and Recovery From Brain Damages // Behavioural Science 19 (1974). P. 149—165.*

⁶⁰ По поводу «самоорганизации» ср. указания, сделанные выше: прим. 16 во введении; по поводу аутопойесиса см. прежде всего: *Matura-na H. R. Erkennen: Die Organisation und Verknüpfung von Wirklichkeit: Aus-gewählte Arbeiten zur biologischen Epistemologie. Braunschweig, 1982; Auto-poesis: A Theory of Living Organization / Ed. M. Zeleny. New York, 1981; кроме того, см.: Eigen M. Selforganization of Matter and the Evolution of Biological Macromolecules // Die Naturwissenschaften 58 (1971). S. 465—523;*

63

гические теории, которые явно не относят себя к теории систем⁶¹, При этом понятие самореференции (рефлексии, рефлексивности) удаляется с его классического места в человеческом сознании или в субъекте⁶² и переносится в предметную область, а именно на реальные системы как предмет науки. Тем самым приобретает некоторая дистанция относительно

чисто логических трудностей самореференции. В таком случае эти трудности означают пока еще лишь то, что в реальном мире есть системы, описание которых через иные системы приводит последние(!) к неразрешимым логическим противоречиям⁶³.

Понятие самореференции обозначает такое единство, которое является для себя самого элементом, процессом, системой. «Для себя самого» означает «независимо от среза иного наблюдения». Понятие не только определяет, но и содержит предметное высказывание, так как предполагает, что единство может осуществляться лишь посредством операции соотнесения; что оно, таким образом, должно быть создано, а не всегда заранее задано в качестве индивида, субстанции, идеи собственной операции.

Это понятие может и должно быть определено весьма обще — в зависимости от понимания «само» и референции. Например, можно говорить об актах, направленных на себя (при этом направлен-

Foerster H. von. Notes pour une epistemologie des objets vivants // L'unité de l'homme: Invariants biologiques et universaux culturels / Ed. E. Morin, M. Piatelli-Pahnarini. Paris, 1974. P. 401—417; Merten K. Kommunikation: Eine Begriffs- und Prozeßanalyse. Opladen, 1977; Wahrnehmung und Kommunikation / Hrsg. P. M. Hejl u. a. Frankfurt, 1978; Luhmann N. Identitätsgebrauch in selbstsubstitutiven Ordnungen, besonders Gesellschaften // Identität. Poetik und Hermeneutik / Hrsg. O. Marquard, K. Stierle. Bd VIII. München, 1979. S. 315—345; Luhmann N., Schorr K. E. Reflexionsprobleme im Erziehungssystem. Stuttgart, 1979; Varela F. J. Principles of Biological Autonomy. New York, 1979; Barel Y. a. a. O. (1979).

⁶¹ Следует обратить внимание на центральное место понятия "reflexive monitoring of action" в: *Giddens A. General Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London, 1979, — правда, еще связанное здесь с представлением о субъективном носителе (агенте).*

⁶² Такому определению позиции следовало бы дать некоторые характеристики. Пожалуй, важнейшая из них состоит в том, что в отношении самореференции сознания в Средние века всегда присутствовала ссылка на ощущения, а в Новое время — на «наслаждение наслаждением», и что в этом заключалась (пусть недооцененная) ссылка на экзистенцию (а не только на познание). Ср., напр.: *Finance J. de Cogito Cartesien et reflexion Thomiste // Archives de Philosophie 16 (1946). P. 137—321; Binder W. "Genuff in Dichtung und Philosophie des 17. und 18. Jahrhunderts // Binder W. Aufschlüsselung: Studien zur deutschen Literatur. Zürich, 1976. S. 7—33.*

⁶³ Подробнее об этом в гл. 8.

64

ность является конституирующей для акта), или о множествах, содержащих самих себя (при этом такое содержание является конституирующим для множества). Тогда референция использует именно ту операцию, которая конституирует «самость» и при этом условии становится либо излишней, либо парадоксальной. Она становится парадоксальной, если добавляется возможность отрицания, а отрицание можно отнести либо к реферирующей, либо к реферируемой самости, и между этими двумя возможностями невозможно сделать выбор на основе самореференции. Становиться парадоксальным означает утрату определенности, следовательно, способности к присоединению дальнейших операций. Итак, самореференция сама по себе не представляет собой ничего дурного, запретного, того, что нужно избегать⁶⁴ (точнее говоря, ничего такого, что допустимо лишь для субъекта и должно быть оставлено в нем); но если самореференция приводит к парадоксам, то должны быть приняты дополнительные меры для обеспечения способности присоединения.

Эта проблема отсылает к образованию систем. Она одновременно расширяет аналитический инструментарий теории систем далеко за пределы проблемы комплексности. Самореференция в форме парадокса обладает неопределяемой комплексностью. Следовательно, самореферентно оперирующие системы могут становиться комплексными лишь в том случае, если им удастся решить эту проблему, т. е. избавиться от парадоксальности.

Систему можно назвать самореферентной, если элементы, из которых она состоит, она сама конституирует как функциональные единства⁶⁵ и во всех отношениях между этими элементами обеспечивает ссылку на это самоконституирование, таким образом непрерывно воспроизводя его. В этом смысле самореферентные системы неизбежно оперируют в контакте с самими собой и не имеют каких-либо иных форм контакта с окружающим миром, нежели этот. Сюда включен тезис о рекуррентности* в качестве тезиса о косвенной самореференции элементов: элементы обеспечивают обратную связь с собой, осуществляемую через другие элементы — нечто вроде усиления нейронной активности или определения действия через ожида-

⁶⁴ Ср. об этом также: *Wormell C. P. On the Paradoxes of Self-Reference // Mind 67 (1958). P. 267—271; Lofgren L. Unfoldment of Self-reference in Logic and Computer Science / Ed. F. V. Jensen, B. H. Mayoh, K. K. M01-ler // Proceedings from the 5th Scandinavian Logic Symposium. Aalborg, 1979. P. 250—259.*

⁶⁵ Это высказывание предвосхищено нами при введении понятий элемента и связи.

* Рекуррентия — возвращение (лат.). — *Прим. пер.*

ЗЧак. ЛГ «4К,1

65

ние другого действия. Самореферентные системы являются на уровне этой самореферентной организации *закрытыми* системами, так как они в своем самоопределении не допускают никаких иных форм осуществления этого процесса. Так, социальные системы не используются в сознании, а системы личности — в частотных изменениях системы нейронов (этим, конечно, не оспаривается, что неиспользованное выступает условием возможности системы, а именно инфраструктурным условием возможности конституирования элементов).

Чтобы прояснить, насколько сильно отличается это понятие базальной самореференции от прежней дискуссии о «самоорганизации», У. Матурана и Ф. Варела предложили обозначение «ауто-пойесис»⁶⁶. Последствия этой понятийной замены и ее отношения к проблемам, обсуждавшимся в философии сознания и философии жизни (Фихте, Шеллинг), в настоящее время еще невозможно оценить по достоинству. Во всяком случае, в теории систем тем самым сделан значительный шаг, позволяющий переместить самоотнесение с уровня образования систем и изменения структур на уровень конституирования элементов.

Аутопойесис не содержит обязательного требования, чтобы в окружающем мире системы вообще не было бы операций того же вида, которые система использует для самовоспроизводства. В окружающем мире живых организмов есть другие живые организмы, в окружающем мире сознания — другие сознания. Однако в обоих случаях собственный процесс репродукции системы применим лишь внутренним образом. Его нельзя использовать для связывания системы и окружающего мира, т. е. нельзя затрагивать другую жизнь, другое сознание и переводить их в свою систему. (Трансплантация органов как механическое вмешательство не есть то исключение, когда жизнь привносит саму жизнь.) В социальных системах дело обстоит иначе двояким образом. С одной стороны, вне коммуникационной системы общества вообще нет какой-либо коммуникации — эта система является единственной, использующей такой тип операций, и постольку с необходимостью реально закрытой. С другой стороны, это не распространяется на все остальные социальные системы — поэтому они должны дать определение своему специфическому способу операций; либо посредством рефлексии определить свою идентичность, чтобы быть в состоянии регулировать то, какие смысловые единства обеспечивают внутреннюю саморепродукцию системы; следовательно, должны вновь и вновь воспроизводиться.

⁶⁶ Ср. выше, прим. 60.

66

Учитывая это важное отличие, можно задаться вопросом, есть ли вообще смысл преодолеть его на уровне общей теории систем с помощью общего понятия аутопойетической системы. Мы считаем это общее понятие возможным, даже необходимым — отчасти потому, что оно способствует объединению ряда высказываний о таких системах; отчасти потому, что оно указывает на эволюционную связь, в которой сформировались, с одной стороны, более явное особое положение общественной системы, с другой стороны, ее внутренние проблемы разграничения.

Одно из важнейших следствий относится к теории познания: несмотря на то что элементы, из которых состоит система, конституируются самой системой в качестве единств (какой бы комплексной ни была при этом «основа» — энергия, вещество, информация), отсутствует базальная общность систем любого рода. Что бы ни выступало в качестве единства, его нельзя наблюдать извне, а можно лишь осваивать. Поэтому любое наблюдение должно придерживаться схем различия, обеспечивающих затем заключения о том, что именно, в отличие от иного, функционирует в качестве единства. Ни одна система не способна аналитически разложить другую на компоненты, чтобы дойти до последних элементов (субстанций), обеспечивающих последнюю опору познанию и его надежное соответствие объекту. Скорее, каждое наблюдение должно использовать схему различия, причем единство различия конституируется в наблюдающей, а не в наблюдаемой системе. Это ни в коем случае не исключает самонаблюдения, но его нужно кропотливо отличать от единства репродукции единств системы (от аутопойесиса). Самореферентная, на уровне элементов «аутопойетическая», репродукция должна обеспечивать элементы тех типов, которые определены системой. Ведь имеет место: репродукция! Так, в системах действий вновь и вновь должны воспроизводиться действия, а не клетки, макромолекулы, представления и др. Именно это обеспечивается посредством самореференции элементов⁶⁷. Тем самым задаются границы вариаций. Эшби говорил в этом смысле о «существенных переменных» системы⁶⁸. Однако в качестве элементов комп-

⁶⁷ Мы дадим более подробную разработку этого вслед за Уайтхе-дом при анализе темпоральности элементов социальных систем (событий). Ср. ниже, гл. 8, III.

⁶⁸ Ср. также: *Aulin A. The Cybernetic Laws of Social Progress: Towards a Critical Social Philosophy and a Criticism of Marxism. Oxford, 1982. P. 8 ff.* (Понятие существенных переменных введено У. Эшби для организменных систем. До тех пор пока воздействия окружающего мира не превышают некоторых величин, существенные переменные остаются в некоторых гра-

67 лексных систем рассматриваются лишь те комплексы, которые еще не определены этим ограничением; следовательно, такие, для которых существует не только установленный образец. Лишь в случае, открытости в заданных рамках могут быть развиты структуры, определяющие (ограничивающие) позицию и функцию отдельных элементов.

Для всей совокупности систем, открытых окружающему миру, (например, психических или социальных), вместе с переходом от «самоорганизации» к «аутопойесису» меняется ключевая проблема, лежащая в основе теории. До тех пор пока исходили из проблемы образования и изменения структур и усматривали в этом динамику систем, можно было считать высказывания теории научения фундаментальной теорией⁶⁹. В таком случае проблема состояла в особых условиях, при которых вероятно *повторение* сходного действия или (соответственно) *ожидание повторения* сходного переживания. Напротив, в теории аутопойетических систем в первую очередь возникает вопрос о том, как вообще переходят от одного элементарного события к следующему; основная проблема заключается здесь не в *повторении*, а в *способности присоединения*. Для этого необходимо выделение самореферентно-закрытой репродуктивной связи; и лишь в отношении системы, созданной тем самым, можно формулировать проблемы образования и изменения структур. Иначе говоря, структуры должны, если не хотят отказываться от своей основы существования, обеспечивать способность присоединения аутопойетической репродукции, что и ограничивает сферу возможных изменений, возможного научения. Следует особо отметить наиболее важное структурное следствие, с необходимостью вытекающее из самореферентного устройства системы. Оно заключается в *отказе от возможностей одностороннего контроля*. Могут иметь место различия во влиянии, иерархии, асимметричности, но какая-либо часть системы не может контролировать другую, сама не подпадая под контроль; в этих условиях

нищах своих значений — физиологических границ. При сильном воздействии окружающего мира система переходит в неустойчивое состояние, а существенные переменные грозят выйти за пределы физиологических границ. Система переходит в критическое состояние, начинает процесс отбора возможных способов поведения, что заканчивается нахождением нового устойчивого состояния, т. е. соответствующего способа поведения. Подробнее об этом см.: *Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 280, 388. — Прим., отв. ред.*)

⁶⁹ Отчасти даже в той форме, когда индивидуальное научение считали основным процессом изменения структур в социальной системе (см.: *Schmid M. Theorie sozialen Wandels. Opladen, 1982. S. 37 ff.*)

68

возможно, причем в смысловых системах даже весьма вероятно, что всякий контроль осуществляется в антиципации встречного контроля. Поэтому сохранение вопреки этому асимметричной структуры (например, во внутрисистемных отношениях власти) всегда требует дополнительных особых мер предосторожности⁷⁰.

Отчасти эта проблематизация контроля компенсируется акцентированием *самонаблюдения*. Наблюдение означает в связи с этим, т. е. на уровне общей теории систем, не что иное, как умение обращаться с различиями⁷¹. Лишь в случае психических систем это понятие предполагает сознание (можно было бы также сказать: на основе наблюдения возникает собственная среда системы — сознание). Другие системы должны приобретать собственные возможности наблюдения. Поэтому самонаблюдение является введением различия система/окружающий мир в систему, конституирующуюся с помощью этого различия; и одновременно самонаблюдение выступает оперативным моментом аутопойесиса, так как при репродукции элементов должна быть обеспечена их репродукция в качестве элементов системы, а не в качестве чего-то иного.

Данная концепция самореферентно-закрытой системы не противоречит *открытости* систем *окружающему миру*, закрытость самореферентного способа оперирования является, скорее, формой расширения возможных контактов с окружающим миром. Конституируя элементы, более приспособленные к определению, она усиливает комплексность окружающего мира, возможного для системы. Это положение противоречит как классическому противопоставлению теорий закрытых и открытых систем⁷², так и понятию аутопойесиса Матураны, требующего другую систему в качестве наблюдателя для создания отношений между системой и окружающим

миром⁷³. Однако если понятия наблюдения и самонаблюдения

⁷⁰ В этом месте особенно отчетливо обнаруживается упомянутая во введении перестройка теории систем от проекта и контроля на автономию.

⁷¹ Словоупотребление опирается в этом отношении на логику Спенсера Брауна. Ср., напр.: *Malurana H. R. Autopoiesis // Zeleny, a. a. O. (1981). P. 21—33 (23): «Базовая когнитивная операция, выполняемая нами как наблюдателями, — это операция различия. Посредством этой операции мы определяем единство как существенное отличие от фона, на котором оно существует, характеризуем и то и другое свойствами, которыми эта операция наделяет их, и определяем их раздельность».*

⁷² Ср. основополагающую работу: *Bertalanffy L. von. General Systems Theory II General Systems 1 (1956). P. 1—10.*

⁷³ См., напр.: *Malurana H. Strategies cognitives II Morin, Piatelli-Palmari-«', a. a. O. P. 418—432 (426 ff.)* и здесь же критические возражения Г. Атла-на (p. 443).

69

применяют на уровне общей теории систем и, как указывалось, связывают с понятием аутопойесиса, то самонаблюдение становится необходимым компонентом аутопойетической репродукции. В таком случае именно на этом основании появляется возможность различать органические и нейрофизиологические системы (клетки, нервные системы, иммунные системы и т. п.) от психических и социальных систем, конституирующих смысл. Для всех этих уровней образования систем справедлив основной закон самореференции, но для первой из названных групп в более радикальном, исключительном смысле, нежели для смысловых систем. Смысловые системы также являются совершенно закрытыми, поскольку лишь смысл может быть связан с другим смыслом и лишь смысл может менять смысл. Мы еще вернемся к этому⁷⁴. Однако границы систем и их окружающий мир включаются в смысловые структуры и процессы иначе, нежели в нервных системах. Они приобретают смысл для процессов самореферентных систем (а не для себя!) таким образом, что эти системы могут осуществлять внутренние операции посредством различия «система/окружающий мир». При всех внутренних операциях смысл способствует постоянному наличию ссылок на саму систему и на более или менее сформировавшийся окружающий мир; при этом выбор основ ориентации может оставаться открытым и быть оставлен последующим операциям, одновременно воспроизводящим смысл с отсылками вовне и вовнутрь. Отсюда ясно виден эволюционный выигрыш такого достижения, как «смысл», основанный с тех пор на безудержной самореферентности в устройстве систем, — он состоит в новой комбинации закрытости устройства системы и его открытости окружающему миру; иными словами, в комбинации различия «система/окружающий мир» и самореферентного устройства системы. В этой особой области смысловых систем, которая будет инте-ресовать нас в дальнейшем опять-таки лишь выборочно, а именно в отношении социальных систем, отнесение смысла к окружающему миру (например, отнесение причинности вовне) может использоваться для решения проблемы циркулярности, содержащейся во всякой самореференции. Самореференция и данные тем самым взаимозависимости всех смысловых моментов сохраняются; однако ссылка на окружающий мир вводится внутренним образом в качестве прерывателя взаимозависимостей⁷⁵ — система асимметризирует себя саму!

⁷⁴ См. гл. 2.

⁷⁵ См.: *Mutter N. Problems of Planning Connected with the Aspect of Re-flexivity of Social Processes // Quality and Quantity 10(1976). P. 17—3 8 (22 ff.).*

70

10. Со своей стороны самореференция предполагает принцип, который можно было бы обозначить как принцип *составной конституции*. Эти идеи мы будем обсуждать подробнее ниже с точки зрения «двойной контингентное™», а здесь, в наброске общих системно-теоретических основ, ограничимся лишь немногими замечаниями.

В литературе речь идет и о диалоге, или о мутуалистических* системах (и о системах «плотного значения» как таковых)⁷⁶, или об общении⁷⁷. В каждом случае подразумевается требование (по меньшей мере) двух комплексов с расходящимися перспективами в отношении конституции того, что в системе функционирует в качестве единства (элемента); что, наоборот, означает, что для анализа системы такое единство не может быть растворено в направлении дивергенции конституирующих его комплексов. Правда, можно исследовать обратное воздействие этого мутуалистически-диалогич-ного конверсационного единства, единства общения и его «языка», на конституирующие его комплексы. Можно, например, задаться вопросом о том, в какой мере и в каких границах оно допускает их «индивидуализацию». Ощущается нечто, отдаленно напоминающее «диалектику»; однако тем самым вовсе не утверждается, что конституция единства требует отрицания противоречия между перспективно разными комплексами; с таким же успехом

речь может идти о комплиментарности ожидания поведения разного рода, на что Парсонс ориентировал свою общую теорию системы действия.

Тезис о составной конституции обладает в теории системы эффектом, позволяющим заложить более глубокое понятие коммуникации и в связи с этим определить понятие комплексности иначе, нежели по традиции. Эта смена диспозиций по сравнению со старыми способами мышления столь важна, что мы должны остановиться

⁷⁶ Например: *Breten S.*, а. а. О. (1978). P. 658 ff. Ср. также *Breten S. Competing Modes of Cognition and Communication in Simulated and Self-Reflective Systems*. Ms. Oslo, 1978.

⁷⁷ См. многочисленные работы, в частности: *Pask G.*: 1) *Conversation, Cognition and Learning*. Amsterdam, 1975; 2) *Conversation Theory: Applications in Education and Epistemology*. Amsterdam, 1976; 3) *Revision of the Foundations of Cybernetics and General Systems Theory*, VIII International Congress on Cybernetics 1976 II Proceedings Natur, 1977. P. 83—109; 4) *Organizational Closure of Potentially Conscious Systems // Zeleny, а. а. О. P. 265—308.*

* От лат. *mutus* — взаимный. — *Прим. отв. ред.*

71

на ней особо⁷⁸. О коммуникации, каким бы ни было при этом **техни**ческое оснащение процесса, можно говорить лишь в том случае, если изменение состояния комплекса *A* корреспондирует с изменением состояния комплекса *B*, несмотря на то что оба комплекса могли бы иметь другие возможности определения состояния. В этом отношении коммуницирование означает ограничение (подвергать ограничениям самого себя и другого)⁷⁹. Это понятие коммуникации может быть встроено в теорию комплексных систем лишь в том случае, если отказаться от старого представления о том, что системы состоят из элементов *и* связей между ними. Оно заменяется тезисом о том, что осуществление связей вследствие комплексности требует отбора, так что оно не может просто прибавляться к элементам. Осуществление связи служит квалифицированию элементов с точки зрения выбора их возможностей. Иными словами, в качестве комплексности система содержит избыток возможностей, который она самоизбирательно редуцирует⁸⁰. Эта редукция осуществляется в коммуникативных процессах, а для этого система нуждается в «мутуалистической» основной организации, т. е. в подчинении своих элементов комплексам, способным к коммуникации.

Это требование сложной конституции самореферентных процессуальных единств, кроме того, вновь осложняет тематику системы/окружающего мира. То, что мы предусмотрительно нечетко обозначали как «комплексы с расходящимися перспективами», должно

⁷⁸ Весьма ясное изображение имеется в: *Aschby W. R. Principles of Self-Organizing Systems // Principles of Self-Organization / Hrsg. H. von Foerster, G. W. Zopf*. New York, 1962. P. 255—278, переиздано в: *Modern Systems Research for the Behavioural Scientist / Ed. W. Buckley*. Chicago, 1968. P. 108—118 (в частности, p. 109). В этом загадочном исходном пункте о том, что должно быть по меньшей мере два «нечто», которые лишь вместе могут создавать различие, т. е. получать информацию, обнаруживается больше осмысленности в: *Bateson G. Geist und Natur: Eine notwendige Einheit, dt. Obers. Frankfurt, 1982. S. 87 ff.*

⁷⁹ Обычно считается, что коммуникация *предполагает* такие ограничения; она предполагает, например, язык и нормы, которые регулируют либо принятие, либо отклонение сообщений. И это правильно. Однако с точки зрения нашего тезиса о самореферентности необходимо также учитывать, что такие ограничения со своей стороны создаются лишь путем коммуникации, так что в точном смысле это должно звучать так: коммуникация способствует себе самой посредством самоограничения.

⁸⁰ Впрочем, согласно Эшби, лишь для наблюдателя, который проецирует возможности вплоть до основ собственной самореферентной организации. Я считаю это пережитком классического параллельного использования эпистемологии и теории модальностей и ненужным усложнением предметных высказываний, равно как и теоретико-познавательного аппарата теории систем.

72

быть предусмотрено в конституции элементов системы и связей между ними и, таким образом, не может пониматься как комбинация таких элементов и связей. Следовательно, оно не может быть частью системы, а должно относиться к окружающему ее миру. Это справедливо для клеток мозга в отношении нервной системы и для индивидов в случае социальных систем⁸¹. Мы вконец коснемся этой особой проблематики ниже, при обсуждении «взаимопроникновения»⁸².

11. Одно из важнейших следствий перехода к теории самореферентных систем касается оперативного уровня, точнее говоря, системных процессов. Самореферентность на уровне элементов означает, что они сцепляются друг с другом посредством возвратного отношения к самим себе и благодаря этому обеспечивают возможность связей и соответственно процессов. Однако это может происходить лишь при однородности элементов. Поэтому, поясняя на крайних случаях, следует отметить, что не может существовать какого-либо системного единства механических

операций и операций, относящихся к сознанию; химических и коммуникативно-смысловых операций. Существуют машины, химические системы, живые системы, системы сознания, коммуникативно-смысловые (социальные) системы; однако не существует никаких объединяющих все это системных единств. Человек может казаться себе самому либо наблюдателю единством, но он не есть система. Тем более система не может быть образована из множества людей. При таких допущениях упускалось бы из виду то, что человек даже не способен наблюдать то, что в нем происходит при физических, химических, жизненных процессах⁸³. Его жизнь недоступна его психической системе; чтобы побуждать к операциям другой уровень образования систем — сознание психической системы, у него должно чесаться, ему должно быть больно, либо внимание должно быть привлечено как-либо иначе. Следовательно, аутопойетическая репродукция зависит от наличия гомогенности системных операций, что и определяет единство систем определенного типа. Можно, конечно, обоб-

⁸¹ Такого теоретического решения, на первый взгляд странного и, во всяком случае, «не наглядного», можно было бы избежать лишь в том случае, если бы систему и окружающий мир не считали абсолютной дихотомией, а допускали бы нечто третье, не относящееся ни к системе, ни к ее окружающему миру. Мы считаем недостатки такой позиции опаснее, нежели отказ от привычки и наглядности.

⁸² Гл. 6.

⁵³ Редко бывает, когда нечто настолько само собой разумеющееся специально фиксируется и познается в своей теоретической значимости. Ср., однако: *Serres M. Le point de vue de la biophysique S Critique* 32 (1976). P. 265—277.

73

щать предметные содержания и наблюдать их с иных точек зрения; однако самореферентную конституцию системы наблюдать нельзя, если не придерживаться установленной ею процессуальной и системной типизации.

12. На основе самореферентных системных отношений может быть дан ход неизмеримому расширению границ структурной приспособляемости и соответствующего радиуса действия внутрисистемной коммуникации. Принцип такого расширения можно понять лучше всего, если исходить из понятия информации. Информация осуществляется лишь в том случае, если избирательное событие (внешнего или внутреннего рода) действует в системе избирательно, т. е. может выбирать состояния системы. Это предполагает способность к ориентации в различиях (одновременно или последовательно), со своей стороны связанную с самореферентным модусом операций системы. «Бит информации, — говорится у Бейтсона⁸⁴, — определяется как различие, создающее различие». Это значит, что различия *как таковые* начинают действовать, если и поскольку они могут рассматриваться в самореферентных системах как информация.

В этом заключается неизмеримое расширение возможных причинных отношений и смещение структурной проблематики под их контроль. Расширение идет в двух направлениях: в одном из них теперь неналичествующее также может воздействовать на переработку информации; ошибки, нулевые значения, разочарования воздействуют причинно, поскольку могут быть включены в схему различия. В другом направлении причинные воздействия способны вызывать не только события, но и состояния, структуры, непрерывности, поскольку в них могут быть распознаны различия. Тем самым пребывание в неизменном состоянии может быть причиной изменений⁸⁵. Структурная причинность способствует самоопределению. Системы могут аккумулировать возможности воздействия на себя и запрашивать их по мере надобности при помощи схем различия⁸⁶. Примечательно, что структура действует не как таковая,

⁸⁴ *Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. San Francisco, 1972. P. 315. Ср. также: P. 271 ff., 189ff.*

⁸⁵ Это энергично оспаривается в: *MacKenzie K. D. Where is Mr. Structure? ff Communication and Control in Society / Ed. I. C. Krippendorff. New York, 1979. P. 73—78.* — Однако тезис, следующий отсюда, о том, что структуры, с точки зрения каузальности, являются излишними, пожалуй, едва ли приемлем. Каузальность является более универсальной схематизацией, что означает: все, что она позволяет, должно заключаться в ней, а именно оказываться причиной.

⁸⁶ Здесь заложены подходы к теории *памяти*, в которой память понимается как *выделенная структурная каузальность*, а также к теории *боли*

74

не на основе присущей ей силы. Она входит лишь в опыт различий, который со своей стороны делает возможным информацию, не детерминируя с необходимостью того, что происходит далее. Так, система создает себе прошлое в качестве собственной причинной основы, позволяющей ей дистанцироваться от причинного давления окружающего мира, без того, чтобы то, что происходит в столкновении с внешними событиями, было бы установлено лишь посредством внутренней причинности. Важность этого эволюционного завоевания становится очевидной, если вспомнить, что за автономию жизни живые системы платят генетической детерминацией.

Вместе с этим модус операций самореферентных систем переходит к таким формам каузальности, которые в значительной степени уводят его от надежного внешнего управления. Воздействуя на систему извне или с помощью ее самой, предполагают, что система может воспринимать в качестве информации и внешний стимул, т. е. как опыт различия, и в такой форме фиксировать его в себе. Системы, создающие собственную причинность, в таком случае больше не подлежат «причинному объяснению» (разве что в схеме редукции наблюдателя), и это не только из-за непрозрачности их комплексности, а по логическим основаниям. Они предполагают себя как продукцию самопроизводства⁸⁷.

III

Следующую тему, которая приумножает все проблемы, мы пока обходили стороной: это — время. Всякая теория систем, относящаяся к реальности, должна исходить из того, что не все остается таким, как есть. Есть изменения, в системах имеется специфическая чувствительность к ним, и отсюда для некоторых систем существует время как собирательное понятие для всех изменений. Мы оставляем открытым вопрос о том, что «есть» время, потому что можно сомневаться, может ли быть дано в органических системах со сходными функциями. Выводы в отношении социальной коммуникации см.: *Ridder P. Die Sprache des Schmerzes. Konstanz, 1979.*

⁸⁷ Этот тезис занимает то место, где раньше ощущалась потребность различать «механистические» и «гуманитарные» теории и методы. Соответствующие теоретико-познавательные следствия в настоящий момент еще не оценены и не обсуждаются. См., напр.: *Mariyama M. Heterogenistics and Morphogenetics; Toward a New Concept of the Scientific // Theory and Society 5 (1978). P. 75—96.*

75

какое-либо понятие времени, выходящее за пределы голого факта¹ изменений, без системной референции. Вместе с тем нам будет недостаточно чисто хронологического понятия времени в смысле меры движения относительно раннего и более позднего, потому что с его помощью невозможно в достаточной мере реконструировать проблемы, имеющиеся у систем во времени и со временем. Поэтому мы исходим из таких проблем и при этом опираемся на основные точки зрения различия системы/окружающего мира, комплексности и самореференции.

1. Связь комплексности и отбора, из которой мы исходим, не является описанием состояния. Она уже имеет своим следствием время, она осуществляется лишь благодаря времени и лишь во времени. Время является основой необходимости отбора в комплексных системах, так как если бы мы располагали бесконечно большим временем, то все могли бы согласовать со всем. С этой точки зрения «время» есть символ того, что если происходит нечто определенное, то всегда совершается и нечто иное, так что ни одна отдельная операция не может когда-либо приобрести полный контроль над своими условиями. Кроме того, сам отбор является временным понятием: он предстоит, он требуется, затем осуществляется и тогда является свершившимся. Поскольку отбор занимает время, чтобы утвердить себя в уже темпорализованном окружающем мире, можно было бы сказать, что он является динамикой комплексности. Всякая комплексная система должна настраиваться на время — в какую бы форму, оперативно доступную системе, в таком случае ни приводилось это требование.

2. Для этого базального, оперативного теоретического положения о временном характере систем все, что может быть обозначено как «изменение», есть уже особая, производная проблема. Она касается только структур. Лишь в отношении изменений имеют смысл понятия обратимости и необратимости. Изменения могут быть либо *обратимыми*, либо *необратимыми*. Между ними невозможно провести четкую границу, так как обращение зачастую требует затрат времени и средств, и нужно смириться с определенными необратимостями. Однако проблема того, что встречается *и то, и другое*, не затрагивается, а лишь подтверждается указанной нечеткостью. Чем бы ни «было» время, оно не вынуждает к необратимости.

Поскольку само время задано прежде всего лишь в изменениях, оно дано обратимо и необратимо. Как сегодня часто допускается, необратимость времени является в свою очередь лишь абстракцией пространственно-временного континуума, охватывающего обратимое и необратимое; однако в качестве абстракции оно не есть лишь

76

понятие, но есть и факт макроскопического порядка природы⁸⁸. Однако первоначально само время (и поэтому, как мы увидим позднее, настоящее) задано нечетко и оставляет пространство для перехода необратимого в обратимое более высокого порядка, и наоборот.

Несмотря на это, на основе преимуществ порядка макрофизического мира предпочтительно представление и сознание времени в метафорах необратимости. Это ведет вплоть до представления о втором мире с противоположно текущим временем, который нам недоступен, потому что все, что стремится из этого мира в наш, согласно нашему времени возвращается в

окружающем миром) различия обратимости и необратимости во времени, введенном как необрати-
мое⁹⁴.

Структуры удерживают обратимость времени, так как они оставляют открытым ограниченный репертуар возможностей выбора. Их можно устранить или изменить, либо получить с их помощью гарантию для изменений в других отношениях⁹⁵. Напротив, процессы обозначают необратимость времени. Они состоят из необратимых событий⁹⁶. Они не могут идти в обратном направлении. Однако и то и другое в предметном отношении по-разному служит усилению избирательности, предварительному отбору возможностей выбора. Структуры создают возможность для открытой комплексности связать каждый элемент с каждым другим элементом в более узкой модели «действенных», обычных, ожидаемых, повторяемых или каких бы то ни было еще предпочтительных связей. Посредством этого отбора они могут направлять дальнейшие акты отбора, каждый раз редуцируя при этом возможности до обозримых ситуаций. Процессы осуществляются благодаря тому (посредством чего и должно быть здесь определено понятие процесса), что конкретные события выбора выстраиваются во времени относительно друг друга, соединяются друг с другом, и, следовательно, прежние акты отбора, соответственно его ожидаемые акты, встраиваются в отдельный акт отбора в качестве его предпосылок. Поэтому предварительный отбор подлежащего отбору воспринимается в случае структуры как действующее, а в случае процессов, напротив, как последствие

живают высокую степень постоянства (будь то длительность или повторяемость). Ср.: *Some Considerations on the Theory of Social Change // Rural Sociology* 26 (1961). P. 219—239.

⁹⁴ См. в связи с этим опыт историка о том, что структуры имеют иное время (а не просто более длительны), нежели процессы; *Koselleck R. Darstellung, Ereignis und Struktur // Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt, 1979. S. 144 ff.

⁹⁵ Сюда примыкают рассуждения (также ориентированные во времени) о когнитивных, либо соответственно нормативных структурах ожиданий, которые встретятся в тексте ниже. Это отличие касается разочарования или изменения ожиданий.

⁹⁶ Однако не из готовых фрагментов, которые посредством процесса лишь собираются вместе, а из событий в смысле самореферентных элементов, которые связываются с другими событиями, через отношение к самим себе. Об основах этого см.: *Whitehead A. N. Prozeß und Realität: Entwurf einer Kosmologie*, в немецком переводе. Frankfurt, 1979. Подробнее см. ниже, гл. 8, 111.

79

конкретных событий. Следовательно, обе формы рефлексивного отбора тем самым направляют отбор в относительно широкую область предпосылок, таким образом, в невероятное, и для этого требуют времени. Можно достичь чего-то большего, чем минимальной величины и малой комплексности отдельных систем лишь в том случае, если системы располагают обеими возможностями усиления избирательности — и структурной, и процессуальной — и если у них, есть на это достаточно времени⁹⁷.

Система, располагающая собственными структурами и процес* сами, способна подчинить таким формам усиления избирательности все элементы, производимые и воспроизводимые ею. Благодаря этому она может регулировать собственный аутопойесис. Однако в условиях окружающего мира такой учет всей совокупности возможных элементов посредством форм усиления избирательности все-таки не может иметь исключительное применение. Он работает лишь как схема различия. Это означает: в отношении структур следует считаться с конформными и отклоняющимися событиями, а в отношении процессов — с вероятными и невероятными. Приращение порядка заключается в том, что система может ориентироваться и настраивать свои операции на эти различия.

4. В отдельных случаях бывают весьма разнообразные формы решения проблемы выигрыша времени. По отношению друг к другу они функционально эквивалентны, поэтому в сложных предварительных структурных условиях могут взаимно разгружать и дополнять друг друга. У них есть имманентные для них ограничения способностей дальнейшего развития, а их комбинация содействует необозримому прогрессу эволюции.

Во-первых, могут быть устройства, обеспечивающие накопление «успешных» опытов для повторного использования. Структуры (например, память), обеспечивающие это, абстрагируются от момента опасностей или от возможностей. Они реагируют на проблему времени на уровне *любой моментальности*. Простейшие предварительные формы представлены в системах, обладающих собственной комплексностью, достаточной для дальнейшего развития, но способных реализовать эту возможность лишь в комбинации

Данным выделением конституционной связи различия структуры и процесса мы выступаем против теорий, которые используют для структур или процессов либо логическую или онтологическую, либо аналитическую или эмпирическую первооснову. Значительная часть дискуссионной социологической литературы существует посредством таких споров о приоритетах.

80

с благоприятным окружающим миром⁹⁸. Их возможности до поры до времени, так сказать, приостановлены и заготовлены для того момента, когда случайная комбинация системы и окружающего мира даст им шанс реализовать себя.

Во-вторых, следует помнить о *быстроте* — об устройствах, позволяющих системе придавать своим процессам более быстрый темп по сравнению с релевантными для нее процессами окружающего мира. С ее стороны преимущество в темпе может быть использовано в весьма разных целях — например, для моделирования возможных процессов окружающего мира и для подготовки к возможным обстоятельствам, для того чтобы спастись бегством и догнать, но в то же время чтобы избежать слишком четкой специализации, зависимой от окружающего мира. Быстрый может между делом успеть кое-что еще.

В-третьих, проблему выигрыша времени можно было бы решить как *агрегацию и интеграцию временных отношений*. Этот способ предполагает последовательный доступ к чрезмерно сложным предметным содержаниям, к которым мы вернемся в следующей главе, названной «Смысл». Таким образом, его можно ожидать лишь от психических и социальных систем, способных привести свои отношения комплексности в смысловую форму. В принципе речь идет о способности актуализировать нечто с точки зрения времени неактуальное, принимая в расчет риск неверного воспоминания или неверного предвосхищения. Тогда создание таких возможностей производит в качестве рамочных условий агрегатное представление о времени, интерпретацию необратимости в смысле различия прошлого и будущего и использование настоящего для интеграции расхождений, связанных со временем. Классическое обозначение для этого — «пруденция»* как признак, отличающий людей от животных", — одновременно означало, что потенциал актуализации неактуального строго ограничен правильным использованием. Также важно то, что этот потенциал, с одной стороны, экономит быстроту, с другой стороны, предполагает быстроту на других процессуальных и системных уровнях. Еж и ежиха как социальная система обладали пруденцией по отношению к зайцу: они могли быстро комму-

⁹⁸ См. размышления об «условности» как основном качестве «организаций»: *Aschby W. R. Principles of the Self-Organizing System*, a. a. O.

⁹⁹ Ср.: *Cicero, de officiis* (Кн. 1, гл. IV, II). Цит. по: *Loeb's Classical Library*. Vol. XXI. London, 1968.

* От лат. *prudentia* — благоразумие, рассудительность. — *Прим. отв. ред.*

81

низировать высокоизбирательным образом, в то время как заяц мог лишь быстро бегать. Древним обществам такая пруденция казалась достаточной. Лишь в высокоорганизованных обществах, в Новое время, интерес к пруденции, охватывающей время, заменяется интересом к ускорениям — XVIII век обнаруживает, что о вкусах можно судить быстрее, чем о разуме, потому что здесь можно индивидуализировать свои критерии и легитимировать их посредством само-/ наблюдения.

5. Если относительная автономия системы во времени обеспечена той или иной комбинацией средств дистанцирования, то система также может использовать масштаб времени для того, чтобы лучше решить проблемы собственной комплексности (в отличие от проблем в отношении окружающего мира), прежде всего, чтобы посредством использования времени усилить собственную комплексность. Назовем это *темпорализацией комплексности*¹⁰⁰.

Темпорализация собственной комплексности является приспособлением системы к необратимости времени. Посредством того, что система уменьшает длительность собственных элементов или вовсе редуцирует их к несуществующим событиям, она может участвовать в создании необратимости времени; ей этого не дано, но она может копировать необратимость и допускает в таком случае внутри себя лишь структуры, способные связывать возникающие и исчезающие элементы. Иначе говоря, темпорализованная система вынуждает себя учитывать необратимость времени посредством конституирования своих элементов.

Темпорализация комплексности ведет к избирательному порядку соединения элементов во временной последовательности. Или более абстрактно: мощность избирательного соотнесения всегда может быть увеличена, если система способна создать также и упорядоченное разнообразие возможностей соединения в последовательности, следовательно, смену образцов соотнесения

согласно внутренним и внешним запросам. С одной стороны, это требует абстракции структур, которые еще обеспечивают это, — сами они могут не быть идентичными с элементарными связями; с другой стороны, это требует темпорализации последних элементов системы — они должны идентифицироваться в связи со временем в качестве событий, информации или действий и тем самым отдаваться необратимости времени. Абстракция структур обеспечивает, а темпорализация элементов требует постоянного изменения модели от-

¹⁰⁰ Ср.: *Luhmann N. Temporalization of Complexity ff Sociocybemetics / Ed. R. F. Geyer, J. van der Zouwen. Vol. 2. Leiden, 1978. P. 95—111.*

82

ношений. Действие не остается просто информацией, событие не остается просто событием. Темпорализованные элементы также невозможно усилить путем повторения; они изначально ориентированы на присоединение *чего-то иного*. Они могут актуализировать лишь «мгновенные» связи и поэтому в каждый момент создают новые ситуации, намечающие повторение или изменение. Отсюда следует, что системы такого рода имманентно беспокойны, подвержены эндогенно производимой динамике и именно поэтому вынуждают себя определять подходящие структуры.

Темпорализация комплексности осуществляется, как уже сказано, посредством темпорализации элементов системы. Система образуется из нестабильных элементов, существующих лишь кратковременно или даже, как например действия, вообще не имеющих собственной длительности, уже прекращающихся вместе с возникновением. С хронологической точки зрения каждый элемент, конечно, имеет определенную продолжительность во времени; однако длительность, в которой он рассматривается как далее неразложимое единство, определяется самой системой; имеет приданный, а не бытийный характер. Соответственно стабильная система состоит из нестабильных элементов; ее стабильность кроется в ней самой, а не в ее элементах; она создается на вовсе не «существующей» основе и именно в этом смысле является аутопойетической системой¹⁰¹.

Несмотря на это, такая система *состоит* из своих элементов, т. е. событий, у нее нет основы для длительности вне событий (вот почему мы переживаем настоящее как краткое). Поэтому нельзя отделять события от системы, в этом даже нет смысла; событие «не отделяется от целого, а выделяется в целом»¹⁰². Теоретически правильным различием является не «элемент(событие)/система», и не «элемент(событие)/процесс», а «элемент(событие)/отношение». Наиболее впечатляющим следствием теории темпорализации является то, что возникает новая *взаимозависимость разложения и репродукции* элементов. Системы с темпорализованной комплексностью *обречены на постоянный распад*. Текущая дезинтегра-

¹⁰¹ В имеющейся литературе об «аутопойесисе» эта связь минимальной темпоральности и саморепродукции обсуждена недостаточно. Именно здесь я усматриваю особые возможности специфически социологического влияния на общую теорию систем. Ибо больше, нежели для других видов ауто-пойетических систем, именно для систем действия очевидно, что они состоят *лишь* из элементов *очень краткой длительности* и как раз не могут приобретать стабильность, смешивая относительно краткие и относительно продолжительные фрагменты.

¹⁰² *Maclver R. M. Social Causation. Boston, 1942. P. 64.*

83

ция как будто создает место и потребность в преемственных эдек ментах, она является необходимой сопричиной репродукции. Кроме того, она дает в распоряжение свободные материалы, возникающие) при распаде, например неустойчивую способность химического или психического связывания. М. Целени дает этому меткую формулировку: «Оставляя в стороне представления о происхождении и рассматривая уже существующую систему, видно, что дезинтеграция „производит“ субстратную необходимость производства, производство „производит“ каталитическую необходимость себя самого и вытекающую из этого необходимость связывания, а связывание „производит“ материальную необходимость дезинтеграции»¹⁰³.

Отсюда следует, что темпорализованные системы должны быть быстрыми («горячими»), что они должны уметь обращаться с закрытостью и способностью к ограничению наблюдения (само-наблюдение) и что то, что сохраняется, как раз и является этой закрытостью и способностью к наблюдению, причем в формах, могущих удовлетворять требованиям темпорализации. В таком случае можно также утверждать, что собственная работа системы заключается в *обусловливании*^{LM} *взаимозависимости распада и репродукции*. Тогда в качестве структур принимается во внимание лишь то, что может развертывать эту взаимозависимость, а именно расширять и ограничивать ее. Тем самым *репродукция* становится для систем с темпорализованной комплексностью длительной проблемой. Следовательно, в данной теории речь идет не о возвращении в стабильное состояние покоя через поглощение возмущений, как то имеет место в классических теориях

равновесия, а об обеспечении непрерывного обновления элементов системы; иными словами, не о статической, а о динамической стабильности. Все элементы исчезают, они не могут сохраняться во времени в качестве элементов; следовательно, они должны непрерывно воспроизводиться, причем на основе конstellляции элементов, актуальной в данный момент. Следовательно, воспроизводство означает не просто повторение производства тождественного, а рефлексивное производство, производство из продуктов¹⁰⁵. Для того чтобы яснее акцентировать то, что имеется

В

¹⁰³ Zeleny M. What is Autopoiesis? // Zeleny M., a. a. O. (1981). P. 17(9).

¹⁰⁴ В смысле, указанном выше, раздел II данной главы.

¹⁰⁵ Такое понимание репродукции имеет традицию, во всяком случае, было введено задолго до Маркса. Ср., напр.: Wagner J. J. Philosophic der Erziehungskunst. Leipzig, 1803. S. 48; «Производить из продуктов — значит репродуцировать».

84

виду не неизменное сохранение системы, а процесс на уровне элементов, необходимый для любого сохранения и изменения системы, назовем репродукцию событийных элементов *операцией*. Когда в дальнейшем речь идет об «операциях» системы, всегда имеется в виду именно это.

6. Из соображений об аутопойетической репродукции при условии темпорализированной комплексности возникает понятие системно-имманентной *энтропии*. Система является энтропийной для наблюдателя, если информация об одном элементе не позволяет делать обратные заключения о других. Система является энтропийной для самой себя, если в процессе репродукции, следовательно, в процессе замены утраченных элементов, любой преемственный элемент одинаково возможен. Иначе говоря, в случае энтропии отсутствует какая-либо узкая направленность способности присоединения и поэтому отсутствует и выигрыш во времени, вытекающий из того, что учитывается не все. Тем самым понятие обозначает пограничный случай, представляющий собой случайную репродукцию системы из нее самой.

7. Системы с темпорализированной комплексностью обладают свойствами, отсутствующими на нижележащих уровнях реальности. Они принуждают себя к постоянной смене своих состояний благодаря тому, что минимизируют длительность элементов, из которых состоят. С точки зрения времени таким путем они комбинируют стабильность и нестабильность, а в предметном отношении — определенность и неопределенность. В таком случае каждый элемент (событие, действие и т. п.) является *одновременно определенным и неопределенным*: определенным в своей моментальной актуальности и неопределенным в своей ценности для присоединения (которая, со своей стороны, также должна быть актуализирована в данный момент). Благодаря тому, что эта комбинация *гарантирована* посредством от-дифференциации соответствующей системы, возможны результаты в области порядка, основанные на этом.

Так, системе, вынуждающей себя постоянно менять состояние, необходимо заимствовать из своего окружающего мира информации, позволяющие ей определять последующие состояния (состояния, примыкающие *внутренне**). Одна самореференция не дает для этого достаточных указаний, если все ее элементы являются лишь событиями. Тем более это справедливо для «целей», для инстинктов самосохранения или что бы еще не постулировалось в теориях, чтобы вывести ответ на этот вопрос из описания системы. Такие ответы сводятся, как показывает длительная история теории, к тавтологиям. Здесь на их место становится теория системы/окружающе-

85

го мира. Это значит: темпорализация комплексности подразумевает зависимость от более претенциозной внутренней оранжировки; одновременно и вследствие этого — повышенную зависимость от информации из окружающего мира. Благодаря этому усиливается от-дифференциация системы. За счет эндогенно произведенной «возбудимости» она становится более чувствительной к отдельным аспектам своего окружающего мира.

Второй эмерджентный признак касается внутренней ориентации на собственную нестабильность. Темпорализация возможна лишь в самореферентных системах. Но это означает также, что эффекты темпорализации встраиваются в самореференцию. Система становится не просто беспокойной, но и обеспокоенной своим беспокойством¹⁰⁶. Беспокойство по поводу беспокойства может увеличивать беспокойство. Отсюда следует вопрос о наличии границ самодестабилизации, при пересечении которых система развивается деструктивно, и о том, как такие границы контролируются в конкретном случае. Эту проблему (и даже примыкающую сюда проблему смены таких границ) можно пояснить на примере проблемы цен, в соответствии с которыми в экономической системе осуществляются обменные сделки. С одной стороны, цены должны быть

до определенной степени нестабильными, должны все время меняться, чтобы колебания спроса и предложения, вызванные причинами вне системы, сделать доступными для коммуникации в системе. При жесткой структуре цен (и в случае внутренней реакции именно на это в смысле самопроизведенной достоверности) система стала бы фиксировать основы собственных операций способом, все более чуждым окружающему миру. С другой стороны, допущение нестабильности выдвигает проблемы ее границ, если опять принимают в расчет внутренние реакции на нестабильность. Формулировка таких границ поначалу шла с помощью прямых ссылок на нравственные оценки и тем самым ориентировалась на системную референцию общества. Цены должны были быть «справедливыми». После того как эта мысль была оставлена по мере усиленной от-дифференциации экономической системы общества, в качестве ее замены предпочтение отдадут либо чисто экономическому («рыночному»), либо политическому решению; обоим присуща тен-

¹⁰⁶ Первые теоретические формулировки этой самореференции, подкрепляющей и усиливающей проблему, должны быть обязаны антропологии XVII в., во многом превосходящей позднейший неогуманизм. Ср. в связи с этим: *Luhmann N. Frühneuzeitliche Anthropologie: Theoretische Lösungen für ein Evolutionsproblem der Gesellschaft* // *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 162–234.*

86

денция учитывать нестабильность других уровней систем и/или иные системы, что означает денежные расходы, соответственно коллективно обязывающие решения — посредством чего внутрисистемные реакции переносятся на стабильность либо на нестабильность.

Если темпорализация приводит тем самым к концентрации определенности и неопределенности в моментальных элементах, ко внутренней переработке базальной нестабильности, к обеспокоенности беспокойством и к структурам, охватывающим время и предполагающим изменения, то для системы приобретает новое значение не только лишь само время. Связи между последовательностью во времени и предметное разнообразие также выдвигают требования нового рода. Мы уже отметили, что первичным моментом временного характера представляется то, что где-то происходит нечто иное. И последовательность также заметна лишь в том случае, если последующее отличается от того, что только что как раз имело место. Эта взаимная связанность отношения времени и предметного отношения представляется усиленной посредством темпорализации комплексности и моментализации элементов. Различия во времени и предметное различие разделяются все отчетливее и в то же время становятся все сильнее взаимозависимыми. Можно предположить, что это является исходным пунктом эволюции, в котором, сначала в качестве грандиозного упрощения, образуется смысл и посредством необходимости формы достигается то, что во всем, что может стать операцией, соединяются указания в предметном и временном направлениях.

Староевропейская традиция подготовила для этого понятие «движение». Ее физика вплоть до Ньютона была физикой движения. Система Гегеля все еще не обходится без понятия движения. Тем самым благодаря данному понятию значимость феномена была настолько преувеличена, что это заблокировало более точный анализ взаимозависимости временных и предметных условий системных операций. Лишь сегодня, по мере того как развиваются другие возможности концептуализации темпорализированной комплексности, обнаруживается трудность решения этой проблемы посредством метафоры движения.

Мы можем здесь больше не пояснять этого. Структурное значение таких темпорализации едва ли можно переоценить, и по сравнению с этим уровень социологического исследования далеко отстал. Внутренне беспокойные системы являются со своей стороны предпосылкой для более высоких уровней образования систем. Темпорализация комплексности начинается задолго до мира людей. То, что

87

может быть построено на такой беспокойной основе, должно быть способно переводить флуктуации в стабильность. Однако это не единственная проблема. Для систем, тогда еще возможных, а мы имеем в виду прежде всего, конечно, социальные системы, требуется динамичный окружающий мир с необходимыми для этого предпосылками условий организации и сохранения собственной комплексности. Мы еще вернемся к этому с точки зрения «Взаимопроникновения».

IV

С помощью предшествующих соображений мы выдвинули на передний план точки зрения на проблему, тщательно избегая структурных определений теории. Мы не представили никаких «моделей» во избежание любой видимости структурных определений. Мы ограничились

обогащением понимания проблем теории систем. Это есть следствие концепции самореферентных систем. В то же время это делается ради создания исходных пунктов для *функционального анализа*.

Метод функционального анализа, который мы будем постоянно иметь в виду, со своей стороны основывается на понятии информации. Он служит получению информации (служит ли он «объяснению», зависит от формулировки этого понятия). Он регулирует и уточняет условия, при которых различия отличаются друг от друга. Иными словами, речь идет об особом горизонте жизненного мира, организованном для специфических намерений, который то, что так или иначе происходит при всякой переработке информации, а именно нащупывание различий, ставит в определенные условия и тем самым вводит в определенную форму. Тем самым функциональный анализ представляет собой разновидность техники построения теории, наподобие математики; и вместе с математикой он должен был пасть под приговором Гуссерля¹⁰⁷, если бы мы уже не удалили основы этого приговора — допущение о субъекте, изначально утверждающем смысл. При всяком выборе метода, даже в любой эпистемологии, явно тяготеют к определенным понятийным планам теории. В данном случае — к познавательным интересам, обозначенным понятиями комплексности, контингентности, отбора. Функциональный анализ

¹⁰⁷ См.: Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Husserliana. Bd VI. Den Haag, 1954.

использует соотнесения с целью понять наличное как контингентное, а разнородное — как сопоставимое. Он соотносит данность, будь то состояния или события, с проблемными точками зрения и пытается прояснить и реализовать возможность так или иначе решить проблему. При этом связь проблемы с ее решением понимается не ради нее, а в гораздо большей степени как руководящая нить поиска других возможностей, других функциональных эквивалентов.

Проблемы лишь тогда являются проблемами, когда они не могут быть выделены, переработаны шаг за шагом и решены. Именно на этом основана их проблематика. Таким образом, проблемы существуют лишь как системы проблем (или соответственно как системные проблемы)¹⁰⁸.

Поэтому всякая функциональная ориентация направлена на неразложимую (а лишь разрушимую) связь. Мы отведем много места «от-дифференциации» функциональных устройств; что, однако, означает не выделение или отделение от первоначальной связи, а лишь формирование относящихся к функциям различий внутри системы, проблем которой касаются функциональные устройства. Например, от-дифференциация функциональных подсистем означает формирование новых различий система/окружающий мир внутри первоначальной системы. Тем самым функциональная ориентация сохраняет «холистическую» черту прежних теорий систем, но комбинирует ее со способностью большей проблемной спецификации. Это справедливо как для уровня реальных систем, определяющих свою структуру посредством ориентации на функции, так и для уровня научного анализа таких систем.

Продуктивность функционального метода и объяснительная ценность его результатов зависят от того, как может быть специфицировано отношение между проблемой и ее возможным решением. Специфицировать означает задавать более узкие условия возможности, а для эмпирической науки — это возврат к причинности. Разумеется, функциональный метод состоит не просто в обнаружении причинных закономерностей в целях объяснения определенных действий как необходимых (либо вероятных) при наличии определенных причин. Прирост знания проходит как бы поперек причинных зависимостей, он состоит в их сравнении. Его можно получить,

¹⁰⁸ Ackoff R.L. Redesigning the Future: A Systems Approach to Societal Problems. New York, 1974. P. 21. — Здесь предлагается специальное выражение «неприятность». На практике это означает начало всякого планирования со скандала.

89

даже если причинные зависимости поначалу допускаются лишь гипотетически, как еще мало изученные¹⁰⁹. Нужно лишь не забывать чистую гипотетичность причинных допущений и включать их в сравнение. Тогда приходят к высказываниям типа: если инфляция (что на самом деле верно) относительно бесконфликтно решает проблемы распределения (с какими бы то ни было сопутствующими эффектами), то она выступает функциональным эквивалентом политически более рискованного государственного планирования, так как оно более конфликтно¹¹⁰. Лишь на основе таких опорных высказываний представляется оправданным эмпирическое исследование основополагающих причинных зависимостей¹¹¹. В этом смысле функциональный метод в конечном счете является сравнительным, и его внесение в реальность служит тому, чтобы обеспечивать взгляд на существующее со стороны ради обнаружения других возможностей¹¹². В конечном итоге функциональный метод устанавливает связи между связями — он относит нечто к

проблемной точке зрения, для того чтобы возникла возможность связать это с другими решениями проблемы. И вследствие этого «функциональное объяснение» не может быть ни чем иным, как установлением (в общем) и исключением (в конкретном отношении) функциональных эквивалентов.

¹⁰⁹ Разумеется, это должно произойти, поскольку речь идет о функциональном анализе каузальных отношений. Прирост знания является бесспорным. Ср., напр.: *Dobert R. Systemtheorie und die Entwicklung religib-ser Deutungssysteme: Zur Logik des sozialwissenschaftlichen Funktionalismus*, Frankfurt, 1973. S. 50 ff.; *Grimm K. Niklas Luhmanns «soziologische Aufklärung» oder Das Elend der aprioristischen Soziologie*. Hamburg, 1974. S. 29 ff.; *Giegel H. J. System und Krise: Kritik der Luhmannscher Gesellschaftstheorie*. Frankfurt, 1975. S. 24 ff.; *Febbrajo A. Funzionalismo strutturale e sociologia del diritto nell'opera di Niklas Luhmann*. Milano, 1975. P. 50 ff. Мне кажется, что согласия в этом споре больше, чем различий. Различия понимания могли бы, в сущности, восходить к вопросу о том, понимается наука как поиск наилучших объяснений или как своеобразная форма усиления и редукции комплексности.

¹¹⁰ Этот пример основан на: *Baugartner T., Burns T. R. Inflation as the Institutionalized Struggle over Income Distribution // Acta Sociologica* 23 (1980) P. 177—186.

¹¹¹ Правда, господствующая тенденция социологического исследования отказывается от такой теоретико-методологической конструкции и просто ограничивается разоблачением неудобных каузальных отношений, латентных функций и т. п. Это называют «критическим» или «прогрессивным». Однако это ведет лишь к вопросу о том, как иначе можно решить основополагающие проблемы.

¹¹² Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Funktion und Kausalität // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 1. Opladen, 1970. S. 9—30.*

90

Против этого всегда возражали, что отношения между функциональными эквивалентами, к которым все сводится, остаются неясными или сводятся к чистому прибавлению: «...в качестве решения проблемы возможно *A*, а также *B*, а также Сит. д.»¹¹³. Однако это все-таки не соответствует действительности. Решающим является то, что благодаря проблемной точке зрения добавление получается ограниченным — во внимание принимается не все, а лишь некоторое и зачастую немногое. Например, если при производстве фильма необходимы различия света и тени, то не нужно ждать солнца, можно использовать искусственные источники света; иные возможности найти не так просто, во всяком случае, они не всегда имеются в распоряжении в необходимом количестве. Вклад функциональной ориентации заключается в расширении и лимитировании возможного.

Таким образом, собственный вклад теории, подготавливающий использование функционального анализа, состоит в конструировании проблем. Отсюда вытекает связь функционального анализа и теории систем¹¹⁴. Классическая версия этой связи понимала под главной проблемой проблему существования или стабильности системы. Это не является неверным, а является недостаточным. Вышеназванные темы различия системы и окружающего мира, комплексности, самореференции и комбинации во времени необратимости и обратимости (процесса и структуры) с методологических точек зрения можно понимать как артикуляцию проблемы существования — артикуляцию с целью найти лучшие, прежде всего более комплексные, возможности анализа и сравнения¹¹⁵. Однако следует все-таки учитывать поворот, произведенный концепцией самореферентной, аутопойетической системы — речь больше не идет о единстве с определенными свойствами, о существовании или несуществовании которых принимается общее решение; речь идет о продолжении или прекращении репродукции элементов через их соотносительную аранжировку. Сохранение является здесь сохранением замкнутости и непрерывности репродукции элементов, уже вновь исчезающих вместе с возникновением.

¹¹³ См., напр.: *Larmore Ch. Function and System in the Social Sciences^ Geschichtsbewusstsein und Rationalität / Hrsg. E. Rudolph, E. Stove. Stuttgart, 1982. S. 225—252 (232).*

¹¹⁴ См.: *Luhmann N. Funktionale Methode und Systemtheorie // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 1, a. a. O. S. 31—53.*

¹¹⁵ Впрочем, здесь также есть возможности обращения к исследовательским традициям, более ранним, нежели теория систем. Ср. в основном: *Subjektivität und Selbsterhaltung / Hrsg. H. Ebeling. Frankfurt, 1976.*

91

Как и предписывает метод сравнения, понятие функции обозначает предметное содержание, выходящее за пределы голой вепре*-ривности самореферентной репродукции («поддержания постоянства»). Применительно к организмам это понятие означает нечто большее, нежели просто «жизнь»¹¹⁶. Оно обозначает интенцию сравнения, расширение контингентное™, перспективу наблюдения. Тем самым остается открытым вопрос о том, способны ли самореферентные системы и в какой мере они способны наблюдать себя, описывать себя и обнаруживать при этом функциональные отношения.

«Теория систем» и функциональная методология определяют прежде всего место функционального анализа в системной референции системы науки. Это справедливо как в эмпирическом, так и в историческом отношении. Фактически именно здесь появляется предметное содержание «функционального анализа». Система науки ни в коем случае не пользовалась лишь функциональным анализом, однако по крайней мере с XVII в. в ней имеется тезис о том, что функциональное отношение является в сущности плодотворным принципом отбора (!) научных данных¹¹⁷. Мы здесь также называем «функциональным методом» правила, действующие в данной системной референции. Системная референция науки не исключает функционально ориентированного самоанализа личностных и прежде всего социальных систем (опять же включая систему науки), равно как и «общение» между системой науки и другими системами по поводу функционального анализа и его результатов. Переход к самоанализу может осуществляться также и частично. Например, он может охватывать лишь отношение к решению проблем как таковое и не касаться вопроса неуверенности в существующем за счет сравнения с другими функционально эквивалентными возможностями, либо соответственно блокировать его посредством ценностных определений. Он может приводить функциональные эквиваленты к форме «невозможных альтернатив» и таким образом использовать их для легитимации уже постоянно практикуемого действия¹¹⁸. Абстракция раскрытия проблемы также является

¹¹⁶ Ср.: *Varela F. G. Principles of Biological Autonomy. New York, 1979. P. 64 ff.*

¹¹⁷ «Я... не стану утверждать, что кто-либо нуждается в объяснении мотивов для своих привычек и поступков», — говорится, напр., в: *Lamy G. Discours anatomiques. 1 6d. Brussel, 1679. S. 10.*

¹¹⁸ Ср.: *Brunsson N. The Irrationality of Action Rationality: Decisions, Ideologies and Organizational Actions // Journal of Management Studies 19 (1982) P. 29—44 (34).*

92

проблемой принятия аналитической техники. В той мере, в какой проблемные отношения функционального анализа подвергаются абстрагированию и радикализации, другим системам становится сложнее применять их к себе; и даже наука, во всяком случае еще в настоящее время, отгораживается от функционального самоанализа при помощи догматики «теории науки». Такая система, как наука, наблюдающая и выполняющая функциональный анализ других систем, использует в отношении их неконгруэнтную перспективу. Она не просто обрисовывает то, как эти системы переживают себя и свой окружающий мир. Она не просто удваивает предназначенное видение себя. Скорее, наблюдаемой системе приписывают способ репродукции и повышения комплексности, невозможный для самой науки. Наука использует в своем анализе понятийные абстракции, не соответствующие конкретному знанию окружающей среды и текущему самопознанию наблюдаемой системы. На основании таких редукций, и это оправдывает их, в поле зрения попадает больше комплексности, нежели это доступно самой наблюдаемой системе. Таким образом, функциональный метод в качестве техники научного наблюдения и анализа представляет свой предмет комплекснее, нежели он выступает в этом отношении для себя. В этом смысле он предъявляет чрезмерные требования к самореферентному порядку своего предмета. Он подрывает его интуитивные очевидности. Он вводит в заблуждение, вселяет неуверенность, нарушает и, по возможности, разрушает, если естественная латаргия не способна защитить свой предмет.

Такое завышенное требование имманентно всякому наблюдению¹¹⁹. В системах интеракций ему противодействуют, например, посредством техник самопрезентации и такта. В научном анализе отсутствуют институциональные сдержки такого рода. На их место заступают трудности коммуникации. В случае функционального анализа эта всеобщая проблема приобретает специфическое выражение, причем, в двойном отношении. Во-первых, функциональный анализ может прояснять «латентные» структуры и функции, что означает: рассматривать связи, не являющиеся очевидными для системы-объекта и, возможно, не могущие стать таковыми, так как

¹¹⁹ Ср. в связи с этим исследования атрибутивных расхождений между актером и наблюдателем, напр.: *Jones E. E., Nisbett R. E. The Actor and Observer: Divergent Perceptions of the causes of Behavior // Jones E. E. et al. Attribution: Perceiving the Causes of Behavior. Morristown N. J., 1971. P. 79—94; Kelley H. H. An Application of Attribution Theory to Research Methodology for Close Relationships // Close Relationships: Perspectives on the Meaning of Intimacy / Ed. G. Levinger, H. L. Raush. Amherst, 1977. P. 87—113 (96 ff.).*

93

сама латентность имеет функцию¹²⁰. Во-вторых, функциональный анализ переводит известное и знакомое, т. е. «явные» функции (цели) и структуры, в контекст иных возможностей. Это уводит их от сравнения и подвергает рассмотрению в качестве контингентных, не считаясь с тем, могла сама система-объект иметь в виду соответствующую перестройку или нет. Таким образом, в обоих отношениях — латентности и контингентноеTM — анализ предъявляет завышенные требования к своему объекту, а понятийный аппарат системной теории делает это возможным.

Тогда отнесение к самим себе, в том числе самотематизация систем, предстает на фоне функционального анализа как самоупрощение системы-объекта¹²¹, выполняющей со своей стороны функцию необходимой (но не безусловно, а необходимой так, а не иначе) редукции

возможной комплексности. Основание для необходимости редукций заложено в структуре проблемы комплексности, а именно в том, что комплексность вынуждает к отбору предпочтительных моделей соотношения. Тем самым функциональный анализ отказывается от тематизации систем-объектов, по-видимому, от этой необходимости. Он реконструирует контингентности системы, несмотря на то, что они как таковые могут даже совсем не использоваться. Однако функциональный анализ приписывает своему объекту такие степени свободы, которыми тот сам не располагает. Но он компенсирует такую переоценку реальности тем, что именно в этом усматривает последнюю проблему. Он рефлексивизирует чрезмерное содержание анализа в своих абстракциях. Через проблему комплексности в анализ входит различие самореференции в объекте и самореференции в анализе, подвергается рефлексии различие наблюдаемой и наблюдающей систем.

Это оправдывает переориентацию функционального анализа в теории систем на проблему комплексности вместо проблемы сохранения. Этот вывод поднимает функционализм на уровень проблематики, требуемый сменой парадигмы в направлении концепции си-

¹²⁰ Это, в отличие от следующего пункта в вышеизложенном тексте, — многократно обсуждавшаяся тема. Ср., напр.: *Merlon R. K. Social Theory and Social Structure*. 2 ed. New York, 1957. P. 60 ff.; *Kluckhohn C. Navajo Witchcraft*. Cambridge Mass., 1944. S. 46 ff.; *Johnson ff. M. Sociology*. New York, 1960. P. 66 ff. Мы вернемся к этому в главе о структуре (гл. 8, XV).

¹²¹ Ср.: *Levins R. The Limits of Complexity // Hierarchy Theory: The Challenge of Complex Systems* / Ed. H. H. Pattee. New York, 1973. P. 109—127 (113): «Нашим аргументом в общем смысле является то..., что динамика произвольной комплексной системы будет результатом упрощающего структурирования ее комплексности».

94

схема/окружающий мир и теории самореферентных систем, затронутой во введении. Тем самым функциональный анализ самореферентно обосновывает выбор своей последней проблемы, а именно ориентацию на проблему, которая может быть понята как имманентная предмету, но в то же время становится проблемой в значительной мере благодаря самому анализу. С выбором проблемы, формулирующей единство различия познания и предмета, функциональный метод выходит за пределы чисто методологического решения и претендует стать теорией познания. Для познания методом функционального анализа хотя и нет абсолютных гарантий — ни в теории, ни в методе адекватных действий¹²², но есть, как минимум, важный отправной пункт. Можно предположить, что рассуждения обладают тем большей познавательной ценностью, чем разнообразнее предметные содержания, в которых они могут найти подтверждение. Поэтому функционирование, вопреки гетерогенности, само является своего рода подтверждением. Господствующая теория науки и методология, ослепленные предпосылкой параллельности структуры высказываний и структуры предмета, недооценивали этот метод повышения надежности познания¹²³, что привело к широкому скепсису относительно методологической плодотворности функционального анализа. Пересматривая эти теоретико-познавательные предпосылки, устаревшие и в иных отношениях, в связи с переходом к теоретико-эволюционной эпистемологии, возникает возможность иначе оценить методологическую эффективность функционально-сравнительного анализа.

Согласно старому разумному правилу, истины выступают во взаимосвязи, а заблуждения, напротив, порознь. Если функциональ-

¹²² Уже в XVIII в. был распространен тезис о том, что для необычного сравнения, охватывающего очень разнообразное, необходима гениальность, остроумие, сила воображения либо нечто подобное, во всяком случае *лишь индивидуальная* способность. Ср.: *Baumler A. Das Irrationalitätsproblem in der Ästhetik und Logik des 18. Jahrhunderts bis zur Kritik der Urteilskraft*. Halle, 1923; Darmstadt, 1967. S. 141 ff.

¹²³ См. значение идеи «сходящихся подтверждений», соответственно «триангуляции» в эпистемологии Кэмпбелла, инспирированной психологически, напр., в: *Campbell D. T., Fiske D. W. Convergent and Discriminant Validation by the Multitrait-multimethod Matrix // Psychological Bulletin* 56 (1959). P. 81—105; *Campbell D. T. Natural Selection as an Epistemological Model // A Handbook of Method in Cultural Anthropology* / Ed. R. Naroll, R. Co-ben. Garden City N. J., 1970. P. 51—85 (67 ff.). Импульс восходит к функциональной психологии Э. Брунсвика, использующей небогатые методологические источники.

95

ному анализу удастся выявить связи, невзирая на гетерогенности[^] и разнообразие явлений, то это можно считать индикатором истин^{^1}ны, даже если связи очевидны лишь наблюдателю. Во всяком случае, при такой технике понимания становится все труднее и труднее придерживаться убеждения в том, что результаты можно объяснить ошибочным методом, заблуждением, лишь силой воображения. Тем самым ни в коем случае не утверждается, что семантическая форма, в которой они представлены,

«соответствует» реальности; но допускается, что она, пожалуй, «схватывает» реальность, т. е. имеет оправдание как форма порядка по отношению к реальности, также упорядоченной.

Глава 2 СМЫСЛ

I

Во второй главе мы тоже все еще не занимаемся узкой областью теории социальных систем. В ней рассматривается тема, связанная с психическими и социальными системами — психическими как конституированными на основе единой (самореферентной) связи сознания и социальными системами, построенными на базе единой (самореферентной) связи коммуникаций. Иные виды систем здесь не принимаются во внимание.

Психические и социальные системы возникли в ходе ко-эволюции. Соответственно системы одного вида есть необходимый окружающий мир систем другого вида. Обоснованием данной необходимости выступает эволюция, обеспечившая возникновение разных систем. Индивиды не могут возникать и жить без социальных систем, справедливо и обратное¹. Ко-эволюция привела к общему достижению, используемому как психическими, так и социальными системами. От него зависят системы обоих типов, оно обязательно выступает необходимой, неопровержимой формой их комплексности и самореферентности. Мы называем это достижение «смыслом».

¹ Отсюда, конечно, не следует традиционный вывод о том, что человек как *социальное животное* является частью общества и что, таким образом, общество «состоит из людей». Теорию систем, обрисованную в первой главе, невозможно развивать из такой предпосылки. Поэтому ее сторонник с гуманистической установкой должен стать противником универсалистских претензий теории систем.

43ак.№4161

97

Уже «бихевиоризм» преодолел одностороннее определение по-; нятия смысла, связанного с сознанием, — правда, лишь с помощью: противоположного понятия «поведение», которое со своей стороны¹ недостаточно, так как (1) слишком сильно ограничивает и (2) незаслуженно выдвигает в качестве основы смысла консенсус и согласованное поведение². Вместо солидаризации с этим было бы лучше прежде всего избежать всякой ссылки на объект, всегда неизбежно что-либо отбрасывающей, и ввести понятие смысла как «не имеющее различий» и вместе с тем подразумевающее себя³. Чем является смысл (мы сейчас не касаемся вопроса о том, что он обеспечивает), лучше всего можно показать в форме феноменологического описания⁴. Попытка дать определение не устроила бы, так как сам вопрос предполагает, что вопрошающий знает, о чем идет речь⁵.

Феномен смысла появляется в форме избытка указаний на дальнейшие возможности переживания и действия. Что-то находится в центре внимания, намерения, а иное отмечается лишь маргинально как горизонт «и-так-далее». Все, что входит в намерение, в та-

² Последствия отклонения от верного пути «натуралистической» теории смысла можно изучить на примере философии Дж. Дэви. Ср., напр.: *Dewey J. Experience and Nature*. 2 ed. New York, 1958. P. 179 (переиздание 2-го издания): «Полагание... это не психическая сущность, а прежде всего свойство поведения». Уже «свойство» является несоответствующим, а тем более — отнесение к поведению, которое может придавать смысл самому себе, лишь ссылаясь на что-либо иное.

³ Это предложение дискутируется, однако в большинстве случаев его не понимают, отдавая предпочтение эмфатическому понятию смысла, отделяемому от голы природы. См., напр.: *Sauter G. Was heist: nach Sinn fragen? Eine theologisch-philosophische Orientierung*. Munchen, 1982; *Koh-lerj. Die Grenze von Sinn: Zur strukturalen Neubestimmung des Verhältnisses Mensch — Natur*. Freiburg, 1983.

⁴ Язык этого описания внушает психическую системную референцию. Однако от этого все-таки нужно и можно абстрагироваться. Гуссерль абстрагировался в направлении теории трансцендентального субъекта. Мы — в направлении общей значимости для личностных и социальных систем. Это означает, что такие понятия, как *интенция, указание, ожидание, переживание, действие*, обозначают в данной работе элементы структуры, из которых могут состоять как психические, так и социальные системы. Таким образом, терминология еще не связывает нас на этом уровне образования теории с одной из системных референций, исключая другие.

⁵ Так, см.: *Smedslund J. Meanings, Implications and Universals: Towards a Psychology of Man//Scandinavian Journal of Psychology* 10(1969). P. 1—15. Однако в таком случае посредством этого аргумента Смедслунд опрометчиво отказывается и от попытки феноменологического описания.

98

кой форме оставляет для себя открытым мир в целом, всегда гарантируя тем самым и актуальность мира в форме его доступности⁶. Само указание актуализирует себя как позиция действительности, однако она касается не только действительного (соответственно предполагаемого действительного), но также возможного (условно действительного) и негативного (недействительного, невозможного). Совокупность указаний, исходящих от смысловых предметов, дает больше, нежели то, что фактически может быть актуализировано следующим шагом.

Таким образом, смысловая форма посредством своей структуры указаний *вынуждает* следующий шаг к *отбору*. Эта принудительность отбора также входит в сознание смысла, а для социальных систем — в коммуникацию об осмысленном, так что чистая фактичность актуального течения жизни не может дать последних гарантий присоединения ни сознанию, ни коммуникации.

Используя несколько иную формулировку, можно также отметить, что смысл наделяет когда-либо актуально осуществленное переживание или действие избыточными возможностями⁷. Тем самым в то же время вновь компенсируются неопределенности отбора. Функцией избыточности является повышение определенности. Можно позволить себе ошибки, так как ими еще не исчерпаны возможности. Можно вернуться к исходной точке, избрав иной путь.

При ретроспективном обзоре вышесказанного о комплексности нетрудно заметить, что *предписание такой формы относит смысл к проблеме комплексности*. Тем самым мы возвращаемся от феноменологического описания к проблемно ориентированному функциональному анализу. *Всяким, любым* смыслом демонстрируется возможность охватить более высокую комплексность (комплексность мира) и сделать ее доступной для операций психических и соответственно социальных систем. При этом, с одной стороны, смысл способствует тому, что эти операции не могут ликвидировать комп-

⁶ Ср.: Husserl E. 1) Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomeno-logischen Philosophie. Bd I // Husserliana. Bd III. Den Haag, 1950. S. 57 ff., 500 ff.; 2) Erfahrung und Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Hamburg, 1948. S. 23 ff.

⁷ Это есть определенная «копия» нейрофизиологических избыточностей иного уровня систем. См. об этом: MacKay D. M. The Place of "Meaning" in the Theory of Information // Information Theory: Third London Symposium / Ed. C. Cherry. Butterworths, 1956. P. 215—224; переиздано в: Mac-Koy D. M. Information, Mechanism and Meaning. Cambridge Mass., 1969. P. 79—93.

99

лексность, а непрерывно регенерируют ее, используя смысл. Осу-: шествление операций не приводит к тому, что мир дает усадку,¹ лишь *в мире* можно учиться организовывать себя как систему, выбирая возможные структуры. С другой стороны, любой смысл переформулирует необходимость отбора, возникающую в условиях всякой комплексности, и всякий определенный смысл квалифицирует себя в том, что он настойчиво рекомендует определенные возможности присоединения, (временно) исключая другие возможности как невероятные, затруднительные либо отдаленные⁸. Тем самым смысл — по форме, но не по содержанию — является воспроизведением комплексности, а именно формой воспроизведения, позволяющей пошаговый доступ к ней, где бы то ни было, но в то же время удостоверяет каждый такой доступ как отбор и, если можно так выразиться, берет его под свою ответственность.

Проблема *самореференции*, как и проблема комплексности, вновь возникает в форме смысла. Всякая смысловая интенция является самореферентной, поскольку одновременно предусматривает свою повторную актуализацию, т. е. воспринимает себя в своей структуре указаний снова как одну из многих возможностей дальнейшего переживания и действия. Смысл вообще может приобрести актуальную реальность всякий раз лишь посредством указания на иной смысл; в этом отношении нет никакой последовательной самодостаточности, либо «per se potum»*. Наконец, в этом отношении общая проблема самореференции копируется в том, что и в смысловой сфере также безрезультатно хождение по кругу чистого самоотнесения либо короткозамкнутых тавтологий. Тем самым такая возможность не исключается, а заявляется. Можно мыслить, что эта роза является розой, является розой, является розой. Однако использование рекурсивного пути результативно лишь в том случае, если ставится в зависимость от определенных условий, т. е. не всегда осуществляется тотчас же. Чтобы приобрести ценность для

⁸ ЮТ, кто подчеркивает этот аспект, определяет понятие вдоль той же самой функциональной линии, что и в данном случае, но несколько уже по содержанию. См., напр.: Frese J. Sprechen als Metapher für Handeln // Das Problem der Sprache // Achter Deutscher Kongress für Philosophie. Heidelberg 1966 / Hrsg. H.-G. Gadamer. München, 1967. S. 45—55 (51). — Здесь отмечается: «Смысл действия есть заданный в качестве определенной ситуации ансамбль возможностей присоединения к этому действию следующих действий; т. е. смысл действия есть разнообразие возможностей присоединения, открываемых им. Это равнозначно тому, что смыслом действия является его ссылка на одно или множество мест в системе, в которой он выполняется в качестве функции».

* Самостоятельных качеств (лат.). — Прим. отв. ред.

100

структурирования комплексных систем, взаимозависимости должны удовлетворять общему условию быть обусловленными.

Необходимость смысла, налагаемая на все процессы в психических и социальных системах, имеет также следствия для *отношений системы и окружающего мира*. Не все системы перерабатывают комплексность и самореференцию в форме смысла; но для совершающих это существует *лишь* такая возможность. Для них смысл становится формой мира и преодолевает тем самым различие системы и окружающего мира. Окружающий мир также дан им в форме смысла, и границы с ним являются смысловыми границами, отсылая тем самым одновременно вовнутрь и вовне. Тогда смысл вообще и его границы в частности гарантируют непрерывную связь системы и окружающего мира, причем в форме, свойственной для смысла, — посредством избыточных указаний. Ни одна смысловая система не может окончательно затеряться в окружающем мире либо в себе самой, так как всегда заданы имплициты смысла, отсылающие обратно за границу. Отдифференциация системы посредством особых смысловых границ артикулирует связь указаний, универсальную для мира, вследствие чего система может определить, каким образом она направлена на себя и свой окружающий мир. Однако сама граница обусловлена системой, так что различие системы и окружающего мира, с ее стороны, может пониматься как вклад системы, а именно тематизироваться в самореферентных процессах.

Наконец, смысл как эволюционная универсалия соответствует также тезису о *закрытости самореферентных системных образований*. Закрытость самореферентного порядка отождествляется здесь с *бесконечной открытостью мира*. Последняя конституируется и непрерывно реактуализируется именно благодаря самореферентности смысла. Смысл вновь и вновь указывает на смысл и никогда не отсылает за пределы осмысленного. Поэтому системы, связанные со смыслом, не могут переживать и действовать без смысла. Они не могут подрывать указания от смысла к смыслу, откуда они сами вытекают неисключаемым образом. В самореферентно-смысловой организации мира существует возможность отрицания, но она может быть использована, со своей стороны, лишь осмысленно. Отрицания также обладают смыслом, лишь поэтому они являются присоединимыми. Таким образом, всякая попытка отрицания смысла вообще вновь предполагала бы смысл, должна была бы совершаться в мире. Следовательно, смысл является неотрицаемой категорией, не содержащей различий. Ее уничтожение было бы в самом строгом смысле слова «аннигиляцией» — делом рук внешней инстанции, которую невозможно помыслить.

101

Поэтому «бессмысленность» никогда не может быть получена через отрицание осмысленности⁹. Бессмысленность есть особый феномен, вообще возможный лишь среди знаков и заключающийся в их беспорядке. Беспорядок же объектов никогда не бывает бессмысленным. Например, груда развалин тотчас узнается как таковая; и чаще всего сразу видно, что она возникла из-за древности, землетрясения или «вражеских действий».

Этим тезисом универсального, самореферентного связывания форм всякого осуществления смысла¹⁰ не утверждается, конечно, что вне смысла ничего не существует. Это противоречило бы системно-теоретическим пограничным условиям анализа функции смысла и непосредственно доступному содержанию опыта, которое в литературной и философской традиции известно как наслаждение, фактичность, экзистенция. Не в последнюю очередь следовало бы вспомнить и религиозный опыт трансценденции. На место таких обозначений, смысл которых не может охватить всего того, что они подразумевают, сегодня могло бы заступить воззрение о том, что генезис и репродукция смысла предполагают реальную основу, постоянно меняющую свои состояния. Тогда смысл извлекает из нее различия (обладающие смыслом лишь в качестве таковых), чтобы обеспечить переработку информации, ориентированной на различия. Тем самым всякому смыслу навязана темпорализованная комплексность и необходимость непрерывного смещения актуальности¹¹, без того, чтобы сам он вибрировал в унисон этой основе. Вибрации исключаются посредством эмерджентных самореферентных систем¹².

⁹ Как это часто решительно заявляется, напр., в: *Gomperz H. Uber Sinn und Sinngebilde, Verstehen und Erklaren. Tubingen, 1929. S. 32 ff.*

¹⁰ Здесь, возможно, вспоминается высший принцип всех синтетических суждений: «Всякий предмет подчинен необходимым условиям синтетического единства многообразия наглядного представления в возможном опыте»; и «...условия *возможности опыта* вообще суть вместе с тем условия *возможности предметов опыта*». — *Kant. Kritik der reinen Vernunft, B 197* (см. также в русском переводе: *Кант И. Критика чистого разума. М., 1998. С. 188. — Прим. отв. ред.*). В отличие от Канта мы затрагиваем тему комплексности (единства многообразия) в отношении *отбора*, а не возможностей синтеза суждений (во всяком случае, не в первую очередь).

¹¹ Поэтому и трансцендентальная теория была вынуждена работать с понятиями движения, чтобы в

конечном итоге дать отчет об их происхождении.

¹² Для подобного предметного содержания Г. Бейтсон пользуется небезопасным обозначением «mind», в немецком переводе — даже «дух». См.: Bateson G. Mind and Nature: A Necessary Unity, в немецком переводе: Geist und Natur: Eine notwendige Einheit. Frankfurt, 1982.

102

Как бы ни объясняли такое положение вещей, как бы ни меняли объяснения на основании исследований, в самореферентно-закрытых системах смысла оно должно быть осмысленно сформулировано. Смысловым системам в принципе доступно все, но лишь в форме смысла. В этом отношении универсальность не означает исключительности. Однако все, что может быть воспринято и обработано в мире смысловых систем, должно принимать эту форму смысла, чтобы иначе не оставаться мгновенным импульсом, мрачным настроением, даже шоком без связности, коммуникабельности и системного эффекта.

II

При таком статичном описании смысла возникла бы совершенно неудовлетворительная картина. Даже включение в феноменологию смысла темпорального измерения, например через понятие движения, все еще оставляло бы впечатление того, что смысл доступен как некая данность, о которой можно судить, есть она или нет. Однако во всяком переживании смысла и тем самым в любом описании и понятийной проработке, направленных на фиксацию этого феномена, в основе лежит момент беспокойства. Смысл сам вынуждает себя к изменению. В таком случае постижим ли результат как течение, процесс, движение, уже есть вопрос семантической обработки, не вполне удовлетворенной существующим положением вещей; поэтому при всех межкультурных сравнениях уже здесь следует проявлять осторожность, так как культуры могут расходиться уже в семантике первичной обработки этой необходимости самоизменения.

Вплоть до Нового времени мир описывали с помощью предметной схемы¹³. Предполагалось нечто, учреждающее единство элемента смысла. Можно сказать, что смысл использовался, но не понимался. В качестве описания мира схема вещей имела универсальное значение.

Соответственно в роли основного различия выступало различие *res corporales/res incorporates**, обеспечивавшее обобщение схемы. Так, в нее могли быть включены душа и разум, преходящее и непреходящее. С помощью понятия идеи можно было копировать предметную схему для использования в ментальных операциях.

¹³ Нижеследующие рассуждения могли бы быть разработаны с учетом социально-структурной эволюции общественной системы как социология знания эволюции смысла. Однако они служат здесь лишь очищению от возможных и исторически оправданных предварительных толкований.

* Вещь телесная и вещь бестелесная (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*

103

Сам мир понимался как *imiversitas return**, а в своем становлении протекании — как природа. Устойчивость таких представлений вся еще обнаруживается в их разложении и реконсолидации со временем! позднего Средневековья: разложение начинается с проблемы познания, а не с самой вещи; тем самым оно выбирает окольный путь,] весьма значимый для всей истории мысли Нового времени. Так, завышенные претензии и беспокойство, присущие смыслу, обнаружили прежде всего в отношении не вещей, а человека, который как раз этим и выделяется из мира вещей. Традицией раннего Нового времени является интерпретация момента беспокойства в контексте антропологии, т. е. в таких понятиях, как сознание либо как наслаждение, приписываемых человеку. Для прорыва к современному пониманию мира было важным, что тем самым нечто отрицаемое все еще понималось и фиксировалось как природа (откуда можно было в то же время вывести цели совершенствования и критику цивилизации)¹⁴. Однако вытекающая отсюда узкая направленность на сознание все-таки не удовлетворяет положению вещей. С одной стороны, уже в нейрофизиологических системах (может быть, даже в атомах и солнцах) есть свое базальное беспокойство. С другой стороны, весь мир социальной коммуникации основан на исключении монотонности, и можно коммуницировать, лишь меняя темы и выступления. Если нечего сказать, нужно быстро что-то придумать. Ни в коем случае нельзя все время повторять сказанное, пока не потребуются что-нибудь новое. Это невозможно свести ни к сознанию, ни, с таким же успехом, к нейрофизиологии и т. п. Впрочем, у сознания, безусловно, есть опыт поддержания коммуникации, как бы труден он ни был. На этих основаниях мы исходим из основополагающего условия базальной нестабильности без попытки какого-либо ее редукционистского «объяснения» (в итоге получив «темпорали-зированную» комплексность) и считаем, что все смысловые системы, будь то психические либо социальные, всегда отмечены этим. Таким образом, смысл является базально нестабильным, лишь так он может рассматриваться как реальность с точки зрения эмерджентного образования систем. Это имеет принудительные следствия для создания социальных систем, которые мы разберем ниже при рассмотрении тем коммуникации,

действия, события и структуры. Однако прежде следует по возможности выяснить, что именно
"Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Friihnezeitliche Anthropologie-Theonetechmsche Losungen fflr ein
Evolutionproblem der Gesellschaft II* Luhmann N. *Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 162—
234

* Совокупность вещей (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*

дает такая принудительность образования смысла как чего-то базально нестабильного, беспокойного, содержащего врожденную необходимость самоизменений.

Стратегия улавливания и развертывания своей нестабильности, специфическая для смысла, по-видимому, заключается в *использовании различий для последующей переработки информации*¹⁵. То, что все время меняется, является не просто «предметом» интенции, развертывание смысла, скорее, выступает постоянным новообразованием различия актуального и возможного, конституирующего смысл. Смысл есть текущая актуализация возможностей. Однако, так как смысл может быть смыслом лишь в качестве различия актуального и горизонта смысловых возможностей, всякая актуализация всегда ведет и к виртуализации возможностей, присоединяемых на этом основании. Нестабильность смысла заложена в непрочности ядра его актуальности; а его рестабилизируемость дана тем, что все актуальное имеет смысл лишь в горизонте предъявленных возможностей. «Обладать смыслом» как раз и означает, что одна из присоединяемых возможностей может и должна быть выбрана в качестве преемственной актуальности, как только то или иное актуальное поблекнет, истощится, утратит свою актуальность в силу собственной нестабильности. Тем самым различие актуальности и возможности позволяет использование, смещенное во времени, и тем самым реализацию чего-то актуального по линии предъявления возможностей. Следовательно, смысл является единством актуализации и виртуализации, ре-актуализации и ре-виртуализации в качестве процесса (обусловленного системами) с собственной тягой.

Как это происходит, полностью понятно, лишь если наряду с этим учесть и второе различие. Мы будем говорить вслед за Спенсером Брауном, когда речь идет об операциях, о различении (*distinction*) и обозначении (*indication*)¹⁶. Соответствующие семантические результаты называются различием и идентичностью. Различие различия и идентичности вводится поперек различия актуальности и возможности, для того чтобы можно было контролировать его в операциях. Возможное понимается как различие разных возможностей (включая уже актуализированные и те, к которым можно вернуться), а идентичность возможности, подлежащая актуализации, обозначается тогда как «не-что-иное-как-это». Такое обозначение не элиминирует неактуализируемое, но подменяет его в случае текущей

104

¹⁵ Это включает использование себя самого в качестве отличия от мира, к чему мы скоро вернемся.

¹⁶ См.: *Spencer Brown G. Laws of Form*. 2 ed. New York, 1972.

105

неактуальности. Неактуализируемое может сохраняться как возмояс-1 ность в ходе ре-виртуализации и включаться в новые горизонты.

Таким образом, смысл в целом выступает своим развертыванием согласно основоположениям различий, а именно различий, не заданных в качестве таковых, а приобретающих свою оперативную применимость (тем более, конечно, свою понятийную формулировку) исключительно из самой осмысленности. Самодвижение феномена смысла является аутопойезисом по преимуществу. На этой основе всякое событие (сколь бы кратким оно ни было) может приобрести смысл и стать элементом системы. Тем самым утверждается не нечто вроде «чисто духовной экзистенции», а, пожалуй, закрытость взаимных указаний в процессе самовоспроизводства. В этом отношении смысловые движения автономно конституированы в качестве функции содействия получению и переработке информации. У них есть свой радиус действия, своя комплексность, свой темп. Однако смысловые движения, конечно, не существуют в вакууме либо в царстве духа. Они не пережили бы разрушения жизни, ее химических и физических основ. Однако эта зависимость в отличие от вышеупомянутых схем различий не является оперативной предпосылкой смысла как феномена. Таким образом, смысл обеспечивает комплекс качеств, необходимый для образования системных элементов, а именно возможность определять себя через указания на иные элементы системы. Самореференция, избыточность и излишек возможностей гарантируют неопределенность, необходимую для этого. Ориентация на семантически фиксированные различия управляет этим аутопойетическим процессом определения смысла, в котором она в то же время учитывает и оформляет тот факт, что посредством любого отбора того, что актуально по преемственности, исключается нечто иное¹⁷.

III

Мы обозначили смысл как процессирование в соответствии с различиями. Можно было бы сказать: процессирование себя. Такая формулировка проблемы смысла дает повод точнее определить что именно осуществляется. Допустим, что все, что осуществляется посредством

смысла, должно иметь смысл, но все-таки остается во-

¹⁷ *Bare!* Y. Le paradoxe et le systeme: Essai sur le frantastique social Grenoble, 1979. P. 185 ff. — Автор называет это (пока что) исключенное отгеснение «потенциализацией». Тогда эмерджентность новых форм можно объяснить обращением к ранее потенцированным состояниям смысла.

106

прос, каким образом это высказывание может вывести за пределы голой тавтологии. Для этого пригодно понятие *информации*.

Информацией здесь следует называть *событие, определяющее состояния системы*. Это возможно лишь на основании структур, ограничивающих возможности и предварительно отбирающих их. Таким образом, информация предполагает структуру, но сама она является не структурой, а лишь событием, актуализирующим использование структур¹⁸. События являются элементами, фиксированными во времени, что мы еще рассмотрим подробнее¹⁹. Они наступают лишь единожды и в малый отрезок времени, необходимый для их появления (*specios present**). События идентифицирует осуществление во времени, т. е. они неповторимы. Именно поэтому они подходят друг к другу как элементарные единицы процессов²⁰, что теперь легко подтвердить на примере информации. Информация, повторяемая с неизменным смыслом, уже не есть информация. При повторении она сохраняет свой смысл, но теряет информационную ценность. Например, сообщение в газете, что курс немецкой марки поднялся, уже прочитанное в другой газете, не имеет информационной ценности (не меняет собственного состояния системы), хотя структурно предлагает тот же выбор. Вместе с тем информация, исчезая как событие, не пропадает. Она поменяла состояние системы, произвела тем самым структурный эффект, а система в таком случае реагирует и на эти измененные структуры, реагирует с их помощью²¹.

¹⁸ Часто обнаруживаются противоположные мнения, но обычно без эксплицитного решения вопроса, является информация структурой *или* событием. См., напр.: *Bohme G. Information und Verstandigung // Offene Systeme I: Beitrage zur Zeitstruktur von Information, Entropie und Evolution / Hrsg. E. von Weizsacker. Stuttgart, 1974. S. 17—34 (18).*

¹⁹ Ср. гл. 8, III.

²⁰ Можно лишь вообразить путаницу в процессе при повторении одного и того же. В таком случае процесс продолжался бы и в то же время (и вместе с тем не в то же) начал бы свое повторение!

²¹ Эта *связь* информационного события и измененного способа операций предстает в качестве «памяти» лишь для *наблюдателя*. Сама система воспроизводит себя только в настоящем и для этого не нуждается в памяти. Однако при известных условиях она может наблюдать себя, приписывая себе «память» или даже «плохую память». В таком случае из самонаблюдения можно снова получать актуальную и неожиданную информацию о своем состоянии. Однако это ничего не меняет в том, что обозначаемое памятью *существует лишь для наблюдателя*. Тот, кто не признает этого, не может использовать представленное здесь понятие информации. Ср. в связи с этим также: *Maturana H. R. Erkennen: Die Organisation und Verkbr-perung von Wirklichkeit. Braunschweig, 1982. S. 60 ff.*

* Зримый подарок (лат.). — *Прим. пер.*

107

Иными словами, время само вынуждает различать смысл и ин-« формацию, хотя всякое воспроизводство смысла осуществляется[^] посредством информации (и постольку также может называться переработкой информации), а всякая информация имеет смысл²². Это-ч различие становится возможным благодаря понятию *изменения состояния системы*. Таким образом, информация всегда является информацией системы (что, конечно, может одновременно относиться к нескольким системам). Но к характеристике систем, способных получать и перерабатывать информацию, следует добавить существенный признак, также косвенно служащий определению понятия информации. Следует говорить о *системах, самореферентно оперирующих*, следовательно, о таких, которые должны сами постоянно участвовать в изменении своего состояния. В противном случае речь шла бы о простом изменении системы под внешним воздействием. Лишь для самореферентных систем внешнее воздействие выступает предписанием к самоопределению и информацией, меняющей внутренний контекст самоопределения, не устраняя той структурной закономерности, что системе самой предстоит добиваться всего, следующего отсюда. Тем самым информации являются событиями, ограничивающими энтропию, но не определяющими саму систему¹³. Информация редуцирует комплексность, поскольку объявляет выбор, исключая тем самым иные возможности. Однако она может и повысить комплексность, что бывает, например, если исключенная возможность являлась негативным ожиданием. Всегда думали, что священники — мужчины, но вдруг выясняется, что пастор — женщина. Что делать: говорить — «священница»? Целовать ей руку? Разумеется, случается, что информация представляет собой новый объект, для которого схема возможностей может быть конституирована лишь как информация и, пожалуй, лишь весьма абстрактно. В любом случае информация может не только уменьшать, но и увеличивать

неопределенность²⁴; и лишь благодаря этому возможна эволюция смысловых форм большей мощности получения и переработки информации.

Посредством смысловой переработки информации отношение системы и окружающего мира приобретает форму, соответствующую высокой сложности и взаимозависимости.

Информация

²² Ср. сходную позицию прежде всего в: *MacKay D. M. Information, Mechanism and Meaning. Cambridge Mass., 1969.*

²³ О «принуждении к энтропии» см. также: *Communication and Control in Society / Ed. K. Krippendorff. New York, 1979. P. 439.*

²⁴ Ср.: *Schroder H. M., Driver M. J., Streufert S. Human Information Processing. New York, 1967.*

108

возможна лишь в системе, лишь благодаря ее самореференции, ее схеме восприятия. Однако система может приписать информацию окружающему миру. Информация предстает как отбор из области возможностей, который проектирует сама система и расценивает их как релевантные; но она предстает и как отбор, осуществляемый не системой, а окружающим миром. Информация переживается, а не добывается. Тем самым система может набрать дистанцию от окружающего мира, благодаря чему и отдаться его влиянию. Она может обуславливать свое отношение к нему, все-таки при этом оставляя за ним решение о том, когда и какие условия заданы. Так, если заранее решили²⁵, что важно количество, например вес, а затем обнаруживается, что банка мармелада весит всего 430 граммов (недовес), то можно либо жаловаться, либо вернуть товар, либо больше не покупать его, либо вообще никак не реагировать.

Если смысл и информация выступают доступными достижениями эволюции, то может начаться собственная эволюция смысла, пробуемая практически, какие схемы получения и переработки информации оправданы с точки зрения возможностей присоединения (прежде всего, в прогностическом и деятельностном отношении). Лишь благодаря такой эволюции смысл может приобрести форму и структуру. Все дальнейшие рассуждения данной главы основаны на том, что такая история смысла уже сформировала структуры, с которыми мы сегодня работаем как с очевидными.

IV

Таким образом, какая-либо система, конституирующая смысл, не может отказаться от осмысленности всех своих процессов. Однако смысл указывает на дальнейший смысл. Циркулярная закрытость этих указаний предстает в своем единстве как конечный горизонт всякого смысла — как *мир*. Поэтому мир обладает такой же неизбежностью и неотрицаемостью, какой и смысл. Любая попытка мысленно переступить смысл лишь расширяет его; она должна учи-

²⁵ В литературе подобное предварительное решение часто характеризуется (несколько утрированно) как *вопрос, ответ* на который дает затем понятие информации. Однако решающее значение имеет лишь то, что может быть задано (либо образовано при поступлении информации — скажем, констатации, что пьяный шатается) схема различия. Соответственно «опытом» можно назвать способность воспринимать неожиданные информационные сообщения как *хорошо знакомые* и подчинять их схеме различия, придающей им информационную ценность, с которой можно работать (официант в джинсах, следовательно, попали не в ресторан).

109

тывать смысл и мир и поэтому быть тем, чем стремится не быть. Гуссерль описывал это положение вещей метафорой «горизонта»,¹ не вдаваясь в подробный анализ самореференции всего смысла.

Все доказательства этого высказывания уже должны предполагать его, они не могут оперировать иначе, нежели посредством рефлексии в мире о мире. Поэтому мы исходим из феноменологического описания смыслового опыта и конститутивной связи смысла и мира, но не обосновываем это описание наличием сверхмирового субъекта, предшествующего ему (от которого каждый узнает, что он существует в виде сознания), а понимаем его как самописание мира в мире. Историческая семантика понятий мира отражала этот двойной статус мира как содержащего себя самого в качестве описания и одновременно по-разному трансцендирующего — например, как *soma toQ k6smou**, как *machina mundi***, либо также как отношение к Богу» который везде познаваем как центр мира и нигде — как его граница. Всякое самонаблюдение и самописание является в конечном счете различием, дистинктирующей операцией. Поэтому самописание мира должно характеризоваться посредством основного различия. Для этого в качестве последней действенной формы принимается во внимание лишь различие смысла и мира. *Единство* смысловой конституции мира (мировой конституции смысла) артикулируется для феноменологического описания как *различие* и в этой форме может служить получению информации.

Отношение смысла и мира может быть описано также и понятием децентрирования²⁶. В качестве смысла мир доступен повсюду — в любой ситуации, детализации, в какой угодно точке на шкале

от конкретного к абстрактному. Из любой исходной точки можно продвигаться к любым иным возможностям мира; именно об этом свидетельствует мир, манифестированный в любом смысле. Этому соответствует ацентрическое понятие мира²⁷.

В то же время мир есть большее, нежели лишь сумма всех возможностей осуществления смысловых указаний. Он есть не только

²⁶ Мы не подразумеваем понятие децентрирования эгоцентрически определенной системы мира Пиаже, ибо исходим не из субъекта. Однако связи очевидны. Психические и социальные системы могут посредством научения либо эволюции набирать дистанцию в отношении себя, потому что всякий смысл открывает децентрированный доступ к миру. Пиаже предполагает используемое здесь понятие в качестве условия возможности эгоцентрического децентрирования.

²⁷ О его образовании ср.: *Lovejoy A. O. The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge Mass., 1936; переиздано: 1950. P. 108 ff.*

* Мировое тело (*греч.*). — *Прим. пер.* ** Машина мира (*лат.*). — *Прим. пер.*

110

сумма, но и единство этих возможностей. Это означает прежде всего, что горизонт мира гарантирует всякому различию его собственное единство в качестве различия. Тем самым он снимает и различия всех отдельных системных перспектив тем, что для всякой системы мир выступает единством собственного различия системы и окружающего мира. Тем самым мир в своих определенных воплощениях функционирует как «жизненный мир». Так, он является одновременно несомненным в текущий момент бытием, существующим до понимания, непроблематичным фоновым убеждением²⁸ и ведущей мета-уверенностью в том, что мир как-то обеспечивает конвергенцию любых начинаний и всех различений. В текущий момент и вообще он предполагает закрытость циркулярности смысловой самореференции.

Достижение единства лишь предполагает закрытость самореферентных связей. Оно есть не что иное, как эта закрытость. Следовательно, оно возможно без тематического фокусирования, без иерархизации и тем более без практически-телеологической конвергенции мировых процессов. Однако с помощью таких интерпретаций описание мира в мире может быть выполнено очень хорошо. История семантики мира есть история таких попыток, и они, очевидно, коррелируют с комплексностью общественной системы. Это справедливо как для иерархизированных, так и для универсальных исто-рико-процессуальных истолкований, для предметной схемы, для представления о *series regum** как упорядоченности совершенств, равно как и для «темпорализации» этого порядка посредством учений о священной истории или об историческом прогрессе. Однако различия, придающие ориентацию таким семантикам (вверху/внизу, раньше/позже), в свою очередь предполагают мир как единство различия; и они стабильны лишь до тех пор, пока могут соответствовать структурам и опытам, фактически имеющим решающее значение для исторического положения общественной системы.

Отношение к миру, внутренне присущее всякому смыслу, исключает определение нами смысла как знака²⁹. Следует четко разли-

²⁸ В общем это называется жизненным миром. См., напр.: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd 1. Frankfurt, 1981. S. 106. Критику см.: Matthiesen U. Das Dickicht der Lebenswelt und die Theorie kommunikativen Handelns. Munchen [1983?].*

²⁹ Такова распространенная точка зрения, предлагаемая в качестве альтернативы определению смысла через субъективное намерение. Ср., напр.: *Warriner Ch. K. The Emergence of Society. Homewood 111., 1970. P. 66 ff.*
* Порядок вещей (*лат.*). — *Прим. пер.*

lit

/

чать структуру указаний и знаковую структуру³⁰. Функция знака-всегда требует указания на нечто определенное при исключении самореференции. Она требует асимметрирования базальной, ре-курсивной самореференции. Иначе говоря, не существует ни знака мира, ни знака, обозначающего себя. Однако то и другое, универсальность и самореференция, есть обязательные свойства смысла. Поэтому смысл является основополагающим предметным содержанием: чтобы выполнять свою функцию, знак должен иметь смысл, но смысл не есть знак. Смысл образует контекст любого обозначения, *conditio sine qua* поп* его асимметрирования, однако в качестве знака смысл понимался бы лишь как знак самого себя, т. е. как знак неисполнения функции знака.

Таким образом, смысл является всеобщей формой самореферентной установки на комплексность, которую невозможно охарактеризовать через какое-либо определенное содержание (исключая при этом другое). Обозначенную тем самым структуру в более ранних общественных системах понимали иначе, последствия чего ощутимы вплоть до сегодняшней дискуссии о понятии смысла. Староеропейская традиция поддерживала понятие реальности, связанное с благом и совершенством,

подчиняла ему «сущностные» смысловые отношения³¹. Этим были обозначены границы совместимости и феномены, выпадающие из порядка, а при переходе к Новому времени тем самым иногда фиксировался мир, разрушающийся, теряющий свой порядок. В Новое время были приняты соответствующие

³⁰ Это различие подготовлено анализом отношения выражений и признаков у Гуссерля. Ср.: *Husserl E. Logische Untersuchungen II*, 1,3. Aufl. Halle, 1922. S. 23 ff.

³¹ Такая точка зрения подвергнута критике в: *Hubner W.* 1) *Perfektion und Negation / Positionen der Negativität, Poetik und Hermeneutik VI* / Hrsg. H. Weinrich. München, 1975. S. 470—475; 2) *Die Logik der Negation als ontologisches Erkenntnismittel II* Ibid. S. 105—140. Несомненно, что в понятиях отрицания и в философских теориях имелось много больше, нежели просто метафизика совершенства. Однако такие представления, как космос, совершенство, творение на благо, словно обладали преимуществом убедительности, в отношении которого скепсис если и был возможен, то, например, в качестве формулировки, а не теории. Это, не в последнюю очередь, обнаруживается и в религиозном предустановлении, выраженном в понятии *annihilatio*.

* Непременное условие (*лат.*). — *Прим. пер.* 112

предпосылки теории субъекта. Если смысл, как обычно, определяют, ссылаясь на субъект, то действует традиция, исключаящая, исходя из своего ключевого понятия, нежелательное, «бессмысленное»³². Тогда наиболее общее подвергается новой спецификации с учетом имманентной нормативности фактичности субъекта. Шаг (если таковой вообще делается) от основного понятия, не имеющего различий, к операциональным понятиям теории смысла осуществляется в форме скачка от целого к части и тем самым вызывает (слишком быстрый!) отказ от притязаний на универсальность. Они заменяются «критикой», посредством которой позиция субъекта вновь возвращается к универсальности.

Космологии либо субъекты — в любом случае респецификация смысла шла через определенные части мира, способные иметь свои контуры и не исключавшие хаотическое, бессмысленное, а лишь отсылавшие его «вовне». Можно также сказать: предпочтительный смысл должен был заниматься привилегированными сущностями, привилегированным временем и местом, привилегированными представлениями (очевидностями), которые должны были гарантировать порядок. В то же время он был импозантно использован для целого. Лексика космологии или субъективности имела ценность ориентира, оставляя несовершенства миру или обществу³³. Соответственно то, что мы хотим представить как измерения мира, а именно предметность (*realitas*), временность и социальность, представало либо как космическое, либо как структура сознания субъекта-

³² См., напр.: *Hofmann P.* 1) *Das Verstehen von Sinn und seine Allgemeingültigkeit: Untersuchungen über die Grundlagen des apriorischen Erkennens*. Berlin, 1929; 2) *Sinn und Geschichte: Historisch-systematische Einleitung in die Sinn-erforschende Philosophie*. München, 1937. — Отказ от отнесения к субъекту в новой философии чаще всего связывается с онтологическими постановками вопросов; см., напр.: *Muller M.* *Ober Sinn und Sinngeführung des menschlichen Daseins* // *Philosophisches Jahrbuch* 74 (1966). S. 1—29. К собственно проблеме необходимости осмысленного понимания ситуации социальные исследования приводят скорее. См., напр.: *McHugh P.* *Defining the Situation: The Organization of Meaning in Social Interaction*. Indianapolis, 1968.

Достойно сожаления прежде всего то, что под «субъектом» уже не так строго подразумевается связь самореференции и смысла. Иначе теория субъекта должна была бы также ориентироваться на закрытость самореферентных систем с тем следствием, что для нее также больше не может существовать ничего, что не предстает в качестве смысла. Исходя из такого начала теории, следовало бы отказаться и от разговоров об «утрате смысла», «угрозе смыслу», «бессмысленности бытия» (в Модерне).

³³ К вопросу о «*score and reduction*» ср. цитату К. Вурке, приведенную выше, в гл. 1, прим. 33.

ИЗ

екта. С помощью предметной схемы предметное измерение доминировало над тем, что можно описать как «реальность», о чем свидетельствуют и затруднения субъекта, пытающегося выделить «я», но все время вынужденного ставить себе в упрек «опредмечивание». Такой образ мыслей гармонировал со структурами социальных слоев древнего мира и с буржуазным обществом, их разрушающим. Сегодня его невозможно адекватно продолжить. Всякое исходное положение было бы разрушено критикой и заранее отягощено сознанием этого.

После критики субъективизма, доведенного до крайности, наконец сложилось «герменевтическое» понятие смысла, ориентирующее на понимающее включение в более широкую связь — подобно тому, как тексты следует понимать в более широком контексте. Тем самым «опыт бессмысленности» может быть сформулирован как отказ от такого включения, как изоляция соответствующего, как случайная зависимость. Однако именно социологии следует считать себя неспособной воспользоваться таким понятием смысла. С момента своего возникновения или,

самое позднее, со времен Дюркгейма она пыталась отнести этот опыт бессмысленности и случайности, назвав его аномией, обратно к обществу как всеобъемлющей системе. Если общественный контекст переживания и действия, который следует учитывать как задающий смысл, создает (или, во всяком случае, провоцирует) опыт бессмысленности, то, очевидно, требуется иное понятие смысла. В противном случае смысл-в-кон-тексте следовало бы объявить чем-то бессмысленным, вынуждая к рефлексии о смысле бессмысленности.

На методологическом уровне такое понятие смысла исключает тезис об особой методологии в отношении смысловых предметных содержаний³⁴. Для систем, конституирующих смысл, все имеет смысл; для них нет бессмысленных предметов. Законы Ньютона и Лиссабонское землетрясение, движения планет и ошибки астрологов, морозоустойчивость плодовых деревьев и требования фермеров о компенсации убытков — все имеет смысл. Лишь в сфере смысла, т. е. в мире, системы, конституирующие смысл, способны различать, имеют они дело с системами, для которых справедливо то же самое, либо с системами, реагирующими на себя и свой окружающий мир «бессмысленно». Таким образом, прежде всего нет оснований требовать для смысловых предметов особой мето-

Как оспариваемая, так и поддерживаемая точка зрения. Ср.- *Haber-mas J. Theone des kommunikativen Handelns. Bd 1. Frankfurt, 1981 S 152ff.* См. также ссылки на литературу выше, прим. 3 в данной гл

14
логии. Лишь в осмысленно организованном мире социальное измерение *всякого* смысла направляет внимание на то, что *некоторые другие* системы обладают осмысленным переживанием, а некоторые — нет.

Лишь в случае социальной рефлексивности, когда речь идет о переживании переживания и действия других систем, в поле зрения оказывается особая форма переработки смысла, которую называют «пониманием». Само схватывание смысла еще не есть понимание в этом строгом значении³⁵. Скорее, понимание возможно, если переживание смысла или осмысленное действие проецируют на иные системы с собственным различием «система/окружающий мир». Лишь с помощью данного различия переживание трансформируют в понимание, и это также лишь в том случае, если одновременно учитывают, что другие системы различают самих себя и свой окружающий мир столь же осмысленно. Подобное положение вещей можно сформулировать также, исходя из понятия наблюдения. Наблюдением является всякое оперирование с различием³⁶, т. е. наблюдение также есть базовая операция понимания. Однако понимание осуществляется лишь в том случае, если используется определенное различие, а именно различие «система/окружающий мир» (а не только форма/фон, текст/контекст), и на это различие проецируют смысл, воспроизведенный самореферентно-закрытым образом. Лишь понятие смысла, концепция системы и окружающего мира и самореференция, вместе взятые, поясняют область применения особой методологии понимания.

При возвращении к более общему, обыкновенному универсальному понятию смысла, пересекающему границы понимания, возникает однако вопрос о «функциональности» такого понятия, которое больше не относится к (имеющимся) субъектам и контекстам. Во-первых, нам нужно точнее описать способ функционирования. Это может быть выполнено с помощью понятия (самореферентного) *различия*. Во-вторых, мы должны прояснить декомпозицию такой абстракции, как «смысл». Это осуществляется с помощью понятия *смыслового измерения*.

Тем самым мы можем отказаться и от понятия субъекта. Этим не восстанавливается первенство предметного измерения; оно снимается не противопоставляемым ему субъектом, а тем, что мы рассмат-

³⁵ Мы уходим здесь от обыденного словоупотребления в интересах более точного определения «понимания вызываемого действия». В обиходе говорят, что понимают, откуда на южном побережье Исландии берется древесина, хотя на острове деревья не растут.

³⁶ Ср. с. 69 данного издания.

115

риваем предметные ссылки лишь как одно из многих измерений смысла. Они не противопоставляются субъекту, а обязаны, если смысл должен быть комплексным, связываться с временными и социальными смысловыми указаниями сложными взаимозависимостями.

VI

Принцип работы смысла понимается недостаточно, если он связывается с идентичностью, которая придает легитимность осмысленному — будь оно космосом, совершенным в себе, либо субъектом, либо контекстом, определяющим смысл. Такой идентичности требуется различие осмысленного и бессмысленного, которое она не может реализовать в качестве идентичности. Происхождение такого

различия остается неясным, остается проблемой теодицеи.

Вместо этого мы исходим из того, что во всяком смысловом опыте сначала *имеется различие*, а именно различие *актуально данного* и *возможного* на основе этой данности. Это основное различие, которое с необходимостью воспроизводится во всяком переживании смысла, придает ему информационную ценность. В процессе дальнейшего употребления смысла выясняется, что имеет место то, а не иное; что переживают, коммуницируют, действуют так, а не иначе; что преследование определенных дальнейших возможностей либо оправдано, либо нет. Это является основным различием актуального и горизонта возможностей, позволяющим ре-дифференцировать различия между открытыми возможностями; постигнуть, типизировать их, схематизировать и придать информационную ценность последующей актуализации. На этом основании для упорядочения различий вводят такие идентичности, как слова, типы, понятия³⁷. Они служат зондами для прощупывания того, что именно проявляется как отличие от другого; и тогда, конечно, — чтобы удерживать и воспроизводить проявившееся.

³⁷ Одним из источников такого понимания является, как известно, Соссюр, согласно которому понятия «чисто дифференциальны, т. е. определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своим отношением к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» (*Saussure F. de. Cours de linguistique generate. Paris, 1973. P. 162*). (Перевод цитаты заимствован из: *Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики / Ред. Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с фр. А. Сухотина. Екатеринбург, 1999. С.117. — Прим. отв. ред.*) При этом понятийная форма уже является мощной специализацией, обеспечивающей работу с более смелыми различиями, по сравнению с тем, что обычно дает идентичность.

116

Таким образом, вначале существует не идентичность, а различие. Лишь это дает возможность наделять случайности информационной ценностью и тем самым создавать порядок; ибо информация есть не что иное, как событие, способствующее связыванию различий, — различие, создающее различие³⁸. Здесь заложено основание тому, чтобы мы *обнаруживали* также и *декомпозицию смысла как таковую* не только как различие, но и как *декомпозицию на различия*. Назовем этот вы^од понятием *смыслового измерения* и будем различать в нем *предметное, временное и социальное измерения*. Каждое из них приобретает актуальность в различии двух горизонтов, т. е. является различием, со своей стороны дифференцируемым относительно иных различий. Каждое измерение, с их сторон, вновь дано как универсально-смысловое и, таким образом, формально не содержит никаких ограничений того, что возможно в мире. В этом отношении можно говорить и о мировых измерениях.

Кроме того, данная дифференциация различий, ее декомпозиция на три смысловых измерения представляет собой первый шаг к детавтологизации самореференции смысла. Смысл имеет смысл, что несомненно (соответственно несомненны такие высказывания, как: любой смысл имеет смысл, лишь смысл имеет смысл). Однако одновременно самореференция смысла ре-специфицируется по измерениям, а именно посредством различий, специфических для конкретных измерений. Будущее является будущим лишь как будущее настоящего, имеющего прошлое; однако оно не есть прошлое и в конечном счете не переходит в него (как внушала модель круговорота). Мой консенсус есть консенсус лишь относительно твоего консенсуса, но он не есть твой консенсус, и нет никаких предметных аргументов или разумных оснований, способных (опять-таки в силу предметного измерения) в конечном счете обеспечить их совпадение³⁹. Самореференции, если эволюция смысла однажды привела к такому разделению, должны артикулироваться в рамках измерения. Ориентация в противоположном горизонте, ре-специфицирующая самореференцию в каждом из смысловых измерений,

³⁸ Согласно: *Baleson G. Steps to an Ecology of Mind. San Francisco, 1972, P. 489. Ср. также: P. 271 ff., 315. Мы еще вернемся к этому в главе о коммуникации.*

³⁹ Тем самым также исключается, что простые предметные содержания (например, простые ощущения у Локка) можно было бы определить путем консенсуса наблюдателей. См. об этом: *Churchman C. W. The D^sign of Inquiring Systems: Basic Concepts of Systems and Organization. New York, 1971. P. 97 ff.*

117

не может быть достигнута в горизонтах иного измерения. Например, нельзя заменить будущее консенсусом, а консенсус — внут., ренним горизонтом содержания систем (что, в частности, постоянно! пытается сделать психоанализ). Однако в той мере, в какой сложилось различие смысловых измерений (-различие различий, специфических для измерений), взаимозависимости измерений могут служить обусловливанию и де-тавтологизации самореференций. Цикличности прорываются. Предметный мир вынуждает к асимметричному мышлению времени. Время вынуждает мыслить отношение внешнего и внутреннего мира также асимметрично, в виде градиента комплексности. Лишь таким образом мир обретает осмысленно структурированную комплексность, в которой могут найти себе место операции смысловых систем.

Вместо того чтобы по традиции метафизической онтологии сразу же ре-специфицировать смысл в качестве предпочтительного (наполненного смыслом), концепция смысловых измерений *на первом* этапе ре-спецификации все еще *сохраняет универсальность притязания на значимость с включением всех возможностей отрицания*. Во всяком смысле, сформулированном либо позитивно, либо негативно, все три его измерения являются доступными формами дальнейших указаний. Тогда первоначальная декомпозиция смысла вообще заключается в этих трех измерениях, а все дальнейшее превращается в вопрос их рекомбинации⁴⁰.

О предметном измерении речь должна идти относительно всех предметов смысловой интенции (в психических системах) либо тематики смысловой коммуникации (в социальных системах). В этом смысле предметами или темами могут выступать индивиды и их группы. Предметное измерение конституируется посредством того, что смысл разлагает структуру указаний мыслимого на «то» и «иное». Следовательно, исходным пунктом предметной артикуляции смысла является *первичная дизъюнкция*, отделяющая еще неопределенное нечто от иного⁴¹. Тем самым дальнейшее исследование делится далее на внутреннее и внешнее, соответственно ориентированное внутренним либо внешним горизонтом⁴². Отсюда возникает «форма» в смысле возможности пересекать границы и

⁴⁰ Попытку реализации этого положения применительно к праву (генерализованным поведенческим ожиданиям) см.: *Luhmann N. Rechtssoziologie. 2. Aufl. Opladen, 1983.*

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Herbst Ph. G. Alternatives to Hierarchies. Leiden, 1976. P. 86 ff.*

⁴² Подробнее об этом см.: *Husserl E. Erfahrung und Urteil, a. a. O. S. 26 ff.*

18

получать отсюда выводы⁴³. Так можно поступать со всем. В этом отношении предметное измерение является универсальным. В то же время оно вынуждает всякую следующую операцию к выбору направления, каждый раз противопоставляя его противоположному направлению, но не снимая доступности противоположного. Тем самым предметное измерение обеспечивает операции присоединения, решающие, остаются они все еще при сём либо должны уйти к иному. «Внутреннее» и «внешнее» в качестве взаимосвязанных указаний вместе выступают как горизонты. Следует вкратце остановиться на такой форме агрегации возможностей. Она символизирует, с одной стороны, бесконечность «и-так-далее» возможной актуализации, а с другой стороны, бесплодность актуального осуществления такой бесконечности. Горизонт не есть граница, его нельзя перешагнуть. Когда-нибудь придется повернуть назад, и противоположный горизонт указывает направление⁴⁴.

Впрочем, «повернуть» означает, что всякое следование намерениям или темам всегда воспринимается как приближение к горизонту и никогда — как удаление от него. Даже при такой работе с объектом его внешний мир не отодвигается во все большее удаление, и также не нужно проигрывать обратно все реализованные последовательности переживания и действия, чтобы снова увидеть противоположный горизонт. Он всегда со-представлен и прямо доступен через непосредственность возвращения, обеспеченную просто самой дуалистичностью.

К наихудшим свойствам нашего языка (из-за них общее изложение теории систем в данной книге неадекватно, даже вводит в заблуждение) относится принуждение субъекта предложения иметь предикаты и тем самым внушать представление и в конечном итоге постоянно поддерживать старую привычку думать о том, что речь идет о «вещах», которым приписываются некие свойства, отношения, действия либо связи. Однако предметная схема (или соответст-

⁴³ Такой исходный пункт выбирает Г. Спенсер Браун, см.: *Spencer Brown G. Laws of Form. 2 ed. New York, 1972.*

⁴⁴ Более подробный анализ ср., напр., в: *Kuhn H. The Phenomenological Concept of "Horizon" // Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl / Ed. M. Farber. Cambridge Mass., 1940. P. 106—123; Peursen C. A. van. L'horizon// Situation 1 (1954). P. 204—234; Graumann C. F. Grundlagen einer Phanomenologie und Psychologie der Perspektivitat. Berlin, 1960, в частности S. 66 ff.; Schuhmann K. Die Fundamentalbetrachtung der Phanomenologie: Zum Weltproblem in der Philosophie Edmund Husserls. Den Haag, 1971, в частности S. 47 ff.*

119
вении восприятие мира как «реальности») предлагает лишь упрощенную версию предметного измерения. Вещи являются ограничениями комбинационных возможностей в предметном измерении^{4*}. Поэтому относительно вещи можно накапливать соответствующий опыт и воспроизводить его экспериментально. В этой форме вещи предоставляют удобные отправные точки для обращения с отношениями в мире. Однако они также затушевывают, что постоянно | и неизбежно существуют два горизонта, совместно участвующие в предметной конституции смысла; и что соответственно были бы необходимы двойные описания, задающие внешний и внутренний профиль, для того чтобы фиксировать предметный смысл⁴⁶. Отсюда у нас постоянно возникает повод указывать на то, что главным предметом (или его разновидностью) теории систем является не «система», а различие

системы и окружающего мира.

Временное измерение конституируется посредством того, что различие «до» и «после», непосредственно воспринимаемое во всех событиях, относится к особым горизонтам, а именно распространяется на прошлое и будущее. Поэтому время освобождается от связи с непосредственно познаваемым, оно постепенно освобождается от подчиненности различию присутствующего и отсутствующего⁴⁷, становится самостоятельным измерением, упорядочивающим переживания и действия лишь как «когда», а не как «кто», «что», «где» и «как». Время приобретает нейтралитет относительно присутствующего и отсутствующего, а отсутствующее может тогда пониматься без учета времени на его достижение как одновременное. Сразу же становится возможным единое, унифицированное измерение времени, а в семантике времени в таком случае также можно разделять и связывать друг с другом хронологические последовательности и отношения прошлое/настоящее/будущее.

В таком случае время также растянуто между особыми горизонтами, лишь ему подвластными, маркирующими недостижимое и его

⁴⁵ «Понятием внешних вещей является ограничение сочетаний», — говорится с учетом контингентности в: Monsieur Teste — Valery P. // (Euvres T. 2. Paris, ed. de la Pleiade, 1960. P. 65.

⁴⁶ Г. Бейтсон, у которого двойное описание является центральным понятием теории, также указывает на эту проблему. См.: Bateson G. Geist und Natur: Eine notwendige Einheit, dt. Obers. Frankfurt, 1982. S. 81.

⁴⁷ Следует подчеркнуть, что это развитие шло медленно, и даже мыслители-новаторы в отношении времени, как и Августин, все еще видели слияние прошлого и будущего в далекой темноте отсутствующего. Вообще слияние далекого будущего и далекого прошлого на мистических обочинах доступного нам мира, по-видимому, символизирует все еще доминирующую схему присутствующего/отсутствующего, близкого/далекого.

120

способность к указаниям, — между прошлым и будущим. Согласно этому воззрению время выступает для смысловых систем⁴⁸ лишь интерпретацией реальности в отношении различия прошлого и будущего. При этом горизонт прошлого (равно как и будущего) не есть, например, начало (либо конец) времени. Понятие горизонта как раз исключает такое представление о начале и о конце. В гораздо большей степени совокупное прошлое и равным образом совокупное будущее функционируют как горизонт времени, будь они представлены в настоящий момент в хронологическом, т. е. линейном, виде либо нет. Без этого невозможно переживать или действовать где-то в прошлом или будущем; это невозможно, потому что по мере продвижения во времени вперед сдвигаются и временные горизонты. Будущее и прошлое, и в этом отношении они полностью тождественны, могут либо выступать как намерение, либо тематизироваться, но не могут быть пережиты или подвергнуты обработке. Отрезок времени, заключенный между прошлым и будущим, в котором происходит становление необратимости изменения, познается как настоящее. Настоящее длится столько же, сколько и становление необратимости. Присмотревшись повнимательнее, можно заметить, что всегда одновременно даны два настоящих и что лишь их различие производит впечатление течения времени⁴⁹. Одно настоящее предстает в точечной форме: оно всегда отмечается чем-то (например, стрелками часов, звуками, движениями, ударами волн), что происходит необратимо. Частоты изменений в мире достаточно, чтобы символизировать неизбежность текущих событий. Иное настоящее продолжается и символизирует тем самым обратимость, реализуемую во всех смысловых системах. Самореференция обеспечивает возврат к прежним переживаниям и действиям и постоянно указывает на эту возможность: вещь все еще находится там, где ее оставили; несправедливость может быть исправлена. Окончательное исполнение действия можно задержать, снять демонстративным намерением, пока еще ждущим становления необратимости. Оба этих настоящих взаимно поляризуются как различие событий

⁴⁸ Включение слов «для смысловых систем» призвано еще раз подчеркнуть здесь, что временное измерение в качестве структуры смысловых указаний интерпретирует нечто и в самореферентной организации смысловых систем делает реализуемым также то, что было бы временем и без смысла.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Luhmann N. Temporalstrukturen des Handlungssysteme: Zum Zusammenhang von Handlungs- und Systemtheorie № Verbalten, Handeln und System: Talkott Parsons' Beitrag zum Entwicklung der Sozialwissenschaften / Hrsg. W. Schluchter. Frankfurt, 1980. S. 32—67.

121

и составов, изменения и длительности, что опять-таки способствует презентации в необратимом событии в настоящем все еще различимого прошлого и уже различимого будущего. Лишь так можно постоянно сознавать, что некое прошлое уходит в неповторимое и что начинается какое-то будущее. Контраст данного перехода к синхронной длительности основной самореферентной организации становится познаваемым как контраст и чаще всего символизирует непрерывность движения или течение времени. Однако это лишь метафора, помогающая по жизни

ориентироваться во времени, но недостаточная для аналитических целей.

Следовательно, через презентацию времени и его вокабуляра в самореферентно-смысловую организацию психических и социальных систем вводится информация, что существуют подлежащие ей необратимости и в то же время встречная самоотнесенность, заранее лишаящая нечто его необратимости. При этом метафорика и аналитика времени достаточно открыты и пластичны, чтобы в ходе общественного развития быть в состоянии приспособиться к более высокой комплексности. Историческая семантика времени варьирует вдоль двойного различия прошлого и будущего необратимых либо обратимых текущих событий⁵⁰. Однако ни одна из этих вариаций не способна подорвать указания времени на смысл и осмысленность самого времени, так как самореферентные системы являются закрытыми, а смысл может ссылаться лишь на смысл, В заключение следует иметь в виду, что во времени как особом измерении смысла может конституироваться *история*. Под историей здесь следует понимать не просто фактическую последовательность событий, согласно которой настоящее может постигаться как результат действия прошлых причин и соответственно как причина будущих действий. В гораздо большей мере особенным в смысловой истории является то, что она обеспечивает свободный доступ к смыслу прошлых и будущих событий, то есть пропуски в последовательности. История возникает через свободу от последовательностей. Смысловая система обладает историей в той мере, в какой она лимитирует себя доступными ей обращениями — будь то определенными событиями прошлого (разрушение храма, коронация императора Папой, поражение под Седаном; или на микроуровне: бракосочетание, перерыв в учебе, первый приговор к тюремному заключению, «выход» гомосексуальности), будь то финализа-

» Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Temporalisierung von Komplexität: 219 Semantik neuzeitlicher Zeitbegriffe II* Luhmann N. *Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 1. Frankfurt, 1980 S 235—300 cnnjiansiniK

122

цией будущего. Поэтому история всегда есть настоящее прошлое или настоящее будущее; всегда — воздержание от голой последовательности; и всегда — редукция полученной тем самым свободы выборочного обращения ко всему прошлому и будущему.

Социальное измерение касается всего воспринимаемого как себе подобное, как «alter Ego», и артикулирует его значимость для всякого познания мира и фиксации смысла. Социальное измерение также имеет значимость, универсальную для всего мира; так как если вообще существует alter Ego, то оно, как и само Ego, релевантно для всех предметов и тем.

С самого начала важно не допускать какого-либо сплавления социального и предметного измерений. Основной ошибкой гуманизма было и остается понимание человека лишь в рамках его отличия от животных, наделение его социальностью (*animal sociale*) и темпоральностью (*temporalia*, *phantasia*, *prudentia*) и, в конечном итоге, провозглашение субъектом. Даже теория субъекта все еще ставит одно-единственное отношение «внутреннего и внешнего» на то место, где предметное и социальное измерения можно было бы различать как разные горизонты⁵¹. Однако при этом человек всег-

⁵¹ См. подкупающее различие трансцендентности и интросцендентности* в: *Hoffmann P. Sinn und Geschichte: Historisch-systematische Einleitung in die Sinn-erforschende Philosophie*. München, 1937. S. 5 ff. u. b.

* Понятие интросцендентности предлагается современным немецким философом Г. Гюнтером взамен двузначной логики Аристотеля для более полного и точного познания многообразия реального мира. «Для классической традиции мир представляет собой чистую поверхность, просветленную сознанием, — пишет Г. Гюнтер. — То, что она скрывает посюстороннюю глубину, столь же беспричинную, как и потусторонность, но в то же время принадлежит к земному „здесь и теперь“, — классическая традиция не подозревает. Между тем на этом новом воззрении основана теоретико-познавательная ситуация кибернетики. К классической трансцендентности (которая тем самым ничуть ни умалется) присоединяется посюсторонняя интросцендентность, в которой эмпирически реальный мир относится к самому себе через беспричинное. Формулируя более научно, невозможно дать достаточно полное описание физической системы без выхода за ее пределы, так как она находится в реальной зависимости, т. е. в среде, являющейся трансфизической для всякого образования понятий физики. Более общие физические понятия в конечном итоге могли бы включить часть этой среды непосредственно в физическую картину мира. Однако этот процесс незавершаем, так как физическое покоится на причинно необоснованной „второй трансцендентности“, которую я называю интросцендентностью, так как мышление направлено здесь не от мира к потусторонним небесам, а проникает все глубже внутрь „материи“ и ее способности к рефлексии» (см.: *Gunter G. Das Ratsel des Seins S Vordenker*. Sommer-Edition, 2004. S. 7—8). — *Прим. отв. ред.*

123

да остается предпочтительным предметом, наряду с которым е< и другие, что видно по тенденциям реантропологизации трагическо-цендентальной философии и ее понятия субъекта. Соответственно; гуманизм воспроизводит понятие природы, и в таком случае ему; приходится иметь дело с дилеммой

собственного ограниченного! бытия.

Различие предметного и социального измерений не следует пре-! вратно понимать как различие природы и человека. Прогресс в теор-ии как раз и заключается в преодолении этой ограниченности] гуманизма. В противоположность всякой предметной артикуляции смысла социальное измерение обладает всепроникающей самостоятельностью. Она следует из того, что наряду с перспективой Ego во внимание принимается и перспектива Alter (даже многих Alter). В таком случае для любого смысла также может потребоваться указание на социальное. Иными словами, на этом основании о любом смысле можно спросить, переживает его другой точно так же, как я, или иначе. Таким образом, смысл является социальным не как связь с определенными объектами (людьми), а как носитель своего рода удваивания возможностей понимания. Соответственно понятия Ego и Alter (alter Ego) олицетворяют здесь не роли, личности или системы, а опять-таки особые горизонты, собирающие и соединяющие смысловые указания. Социальное измерение конституируется, следовательно, также посредством двойного горизонта; оно приобретает значимость по мере того, как в переживании и действии намечается, что перспективы понимания, относимые системой к самой себе, не разделяются другими. И здесь связь Ego и Alter с горизонтами означает незавершимость процесса дальнейшего исследования⁵², так как тем самым двойной горизонт является конститутивным для самостоятельности смыслового измерения, и в этом отношении социальное нельзя сводить к результатам усилий сознания субъекта-монады. В этом кроется неудача всех усилий теории субъективной конституции «интерсубъективности»⁵³.

Скорее, для данного феномена больше подходит социально-психологическое исследование, восходящее к проблеме консен-

⁵² Здесь было бы уместно вновь согласиться с идеей дискурса (Хабер-мас) и отсутствием ограничений во времени.

⁵³ В конечном счете больше всего впечатляет мощная борьба с этой попыткой Гуссерля. Ср.: *Husserl E. Cartesianische Meditationen // Husserl-hana. Bd I. Den Haag, 1950. S. 121 ff.*, а из литературного наследия — *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität // Husserliana. Bd 13—15. Den Haag 1973* Об этом же: *Schutz A. Das Problem der transzendentalen Intersubjektivität bei Husserl // Philosophische Rundschau 5 (1957). S. 81—107* суса/диссенсуса⁵⁴. Если социальное в тематике смысла понимается как указание на (по возможности, на разные) перспективы понимания, то именно такой опыт уже нельзя приписать субъекту. Различение двойного горизонта здесь также является конститутивным для того, что в качестве смысла остается в подвешенном состоянии. В таком виде лишь «я» вообще не могло бы существовать.

Подобно тому как в предметном измерении существует стимул первичной дизъюнкции, а во временном измерении — «перпендикулярная» проблема обратимости и необратимости, которая и обеспечивает возможность упорядочивания опыта относительно временного измерения, в социальном измерении содержится та же проблема противоположности консенсуса и диссенсуса. Лишь если в качестве реальности или возможности намечается диссенсус, то возникает повод включить двойной горизонт социального как ориентирующее измерение, особенно важное в данный момент. Лишь с той интенсивностью, с какой это происходит, или, в специфических смысловых связях, — насколько отчетливо, в общественной эволюции возникает особая семаг./гика социального, которая в качестве

⁵⁴ В частности, можно вспомнить о модели «АВХ» Т. Ньюкома*, в которой рассматриваются вопросы консенсуса на примере предметных ориентации. Ср.: *Newcomb T. M. 1) An Approach to the Study of Communicative Acts // Psychological Review 60 (1953). P. 393—404; 2) The Study of Consensus // Sociology Today / Ed. R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell Jr. New York, 1959. P. 277—292; и об этом же: *Siegrist J. Das Consensus-Modell: Studien zur Interaktionstheorie und zur kognitiven Sozialisation. Stuttgart, 1970.* Ср. также: *Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations 7 (1954). P. 117—140; Capella J. N. A Dynamic Mathematical Model of Mutual Influence According to Information Processing Theory // Communication and Control in Society / Ed. K. Krippendorff. New York, 1979. P. 347—365.**

* Теодор Ньюком (1903—1984) — представитель американской социальной психологии. Согласно теории «балансных моделей», сходства в atti-тюдях относительно важных объектов, в том числе и самих себя, усиливает взаимное тяготение членов малой группы. Согласно психологу Ф. Хайде-ру, система отношений сбалансирована, если отношение членов группы к опосредующему неличностному объекту совпадает. В таком случае возникает межличностное притяжение, в противном — отталкивание. Люди предпочитают сбалансированные ситуации, поэтому корректируют свое поведение таким образом, чтобы максимизировать баланс, меняя свое отношение к другому лицу либо к объекту. Ньюком уточнил теорию Хайде-ра, включив в нее концепцию воспринимаемых ориентации. В его модели межличностных отношений в группе пять переменных: симпатия, воспринимаемая симпатия, аттитюд данной личности (отношение к неличностному объекту), восприятие другого, восприятие аттитюда другой личности. — *Прим. отв. ред.*

124

125

теории этого различия, со своей стороны, вновь может обеспечивать консенсус или диссенсус⁵⁵. Тем самым здесь также посредством аранжировки, специфичной для данного измерения,

предыдущее различие наделяется смыслом, а значит, приспосабливается к оперативным возможностям самореферентных систем. Если социальное измерение уже имеется, то оно всегда обеспечивает постоянно сопровождающее его сравнение того, что могут и могли бы пережить другие, либо то, как они могли бы выстраивать свои действия.

Как в предметном измерении предметная схема упрощает отношения к миру, так и социальное измерение сливается с моралью. Ре-алистика соответствует моралистике миропонимания. В обоих слу-, чаях указание на «и-так-далее» заменяется в горизонтах иного пере-! живания и действия ограничениями комбинаций. Мораль обозначает условия, при которых индивиды могут либо не могут уважать себя и других⁵⁶. Она свертывает слишком широкие наличные возможности, пытаясь подчинить общественное согласие если не «нравственному закону», то хотя бы обозримым условиям взаимного ограничения.

Для обществ, становящихся все более комплексными, общее программирование социального измерения в форме морали становится все более неадекватным — отчасти потому, что зона толерантности морали должна быть растянута слишком широко, отчасти потому, что все исключенное должно быть нравственно дискредитировано; а на практике еще и потому, что и то и другое происходит одновременно, и поэтому мораль плюрализируется. Это не означает, что мораль постепенно исчезает. В повседневной жизни ориентация на условия уважения и неуважения необходима так же, как и ориентация на вещи. Однако проблематика социального измерения выходит далеко за пределы этого, и в конце концов всякая мораль оказывается относительной в тех горизонтах, в которых ей может быть задан вопрос, почему некто переживает, судит, действует таким образом, и что это значит для других.

Здесь особенно уместно напомнить восходящую к античной традиции двойственную концепцию *дружбы* (мыслимой для системы взаимодействия) и *общности* (для общественной системы), которые затем были скорее, метасемантически реинтегрированы посредством представлений о совместной жизни в городе или в кодексах поведения высших слоев. Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Wie ist soziale Ordnung möglich? // Luh-mann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd2. Frankfurt, 1981. S. 195—285.*

⁵⁶ Подробнее об этом см. гл. 6, VII в связи с темой взаимопроникновения.

VII

Гуссерль описывал лишь феноменологически то, что мир, хотя и представляет собой бесконечный горизонт, обеспечивает собственную определенность. Это непосредственно приводит к представлению о типизации или связи с ней всякого переживания и действия, с которым затем феноменологическая социология продолжала работать⁵⁷. Однако самореферентность бесконечного в направлении спецификации не может быть понята в достаточной мере как голое содержание опыта и условие познаваемости. Представленная здесь декомпозиция мира по смысловым измерениям и приписывание каждому из них двойного конститутивного горизонта обеспечивают дальнейшие аналитические шаги, прежде всего способствуют более четкому описанию условий возможности определения смысла.

В соответствии с основными представлениями теории эволюции мы не считаем, что мир сам себя ре-специфицирует к определенности, а, скорее, исходим из наличия механизмов, которые, действуя по каким бы то ни было причинам, производят достаточную определенность. Для этого процесса непрерывного самоопределения смысла различие смысла и мира формируется как различие порядка и помех, информации и шума. И то и другое есть и остается необходимым. Основой операционности выступает и остается единство различия. Это может быть недостаточно акцентировано. Предпочтение смысла миру, порядка — помехам, информации — шуму является всего лишь предпочтением. Оно не делает противоположности ненужными. В этом отношении смысловой процесс живет за счет хаоса, питается беспорядком, распространяется шумом и требует для всех технически точных, схематизированных операций «исключенного третьего»⁵⁸. Типизация сущностных форм, с помощью которой в таком случае фактически ориентируется повседневное поведение, есть результат предшествующих определений смысла, которые не могут быть отнесены ни миру в смысле онтологии сущностных форм, ни субъекту в смысле теории конституции. Ско-

⁵⁷ Ср.: *Husserl E. Erfahrung und Urteil*, а. а. О., в частности S. 398 ff.; *Schutz A. Collected Papers. 3 Vol. Den Haag, 1962 ff., passim*, в частности Bd III. P. 92—115; *Schutz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Neuwied, 1975.*

⁵⁸ Постоянные ссылки на это относятся к методологическому «стилю» Э. Морина. Ср. также: *Allan H. Entre le cristal et la fumée: Essai sur l'organisation du vivant. Paris, 1979; Serres M. Der Parasit, dt. Übers. Frankfurt, 1981; Dupuy J.-P. Ordres et Désordres: Enquête sur un nouveau paradigme. Paris, 1982.*

рее, они вытекают из того, что операции самореферентных систем связанные со смыслом, вызываются посредством стартовых проблем (первичной дизъюнкции, необратимости, диссенсуса), и в следствие этого двойные горизонты измерения смысла попадают под давление необходимости выбора.

Такие границы указаний вынуждают любую операцию расширять ее подразумеваемый смысл в структуре измерений и их горизонтов. Операция должна осуществлять соответствующие определения — не столько ради собственной определенности, сколько потому, что в противном случае ни одна из дальнейших операций не смогла бы присоединиться. Выбор определения является требованием системного объединения, и на любую операцию возлагается обеспечение соответствующей способности присоединения посредством самореференции. Хотя выбор того, в каком направлении происходит определение, и служит присоединению *дальнейшего* переживания или действия, все же он является требованием *всяко*, операции, так как каждая операция делает вывод о себе самой возможностей присоединения и лишь таким образом может определять себя.

Очевидно, что при таком наложении обеспечения способности присоединения на отдельную операцию, касающуюся смысла, в каждом отдельном измерении оправдана более сильная *схематизация* выборов. Во всяком случае, в эмпирическом исследовании обнаруживается ряд схематизации, облегчающих такие отнесения и их смену⁵⁹. В *предметном измерении* в качестве главной схематизации выступает различие *внешнего и внутреннего отнесения* (атрибуции)⁶⁰. Оно проясняет: связывание дальнейших операций должно исходить из внешних или из внутренних причин. В зависимости от направленности отнесения смысловая система различает в отношении себя и других систем *переживание* и *действие*. Если отбор смысла приписывается окружающему миру, то имеет место переживание, и возможность присоединения для дальнейших действий следует

⁵⁹ Ср. также: *Luhmann N. Schematismen der Interaktion // Luhmann N. So-ziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 81—100.*

⁶⁰ Ср.: *Rotter J. B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs 80 (1966). P. 1—28.* См. новые исследования, напр.: *Phares E. J. Locus of Control in Personality. Morristown N. J., 1976; New Directions in Attribution Research / Ed. J. H. Harvey, W. J. Ickes, R. F. Kidd. Hillsdale N. J., 1976; Meyer W.-V. Internale-externe Bekräftigungskontrolle, Ursachenzuschreibung und Erwartungssimulungen: Einige Anmerkungen // Interne/externe Kontrollüberzeugung / Hrsg. R. Mielke. Bern, 1982. S. 63—75.*

т искать в окружающем мире системы (пусть система и участвовала как переживающая!). Если, напротив, отбор смысла приписывается самой системе, то имеет место действие (несмотря на то, что такое-действие совершенно невозможно без отношения к окружающему миру)⁶¹.

Благодаря различию переживания и действия возникает возможность различать репродукцию смысла и репродукцию системы. Отнесение к переживанию, включая переживание действия, служит репродукции смысла, продолжающимся актуализации и виртуализации, о чем уже шла речь в пункте II данной главы. Отнесение к действию, в том числе к действию, подготавливающему и направленному на поиск переживания, служит репродукции социальной системы тем, что определяет исходные точки дальнейшего действия. Можно сказать, переживание актуализирует самореференцию смысла, действие — самореференцию социальных систем, оба разделяются и связываются благодаря атрибутивной деятельности. Так как здесь всегда идет речь об осмысленном, т. е. о переживаемом действии, репродукция смысла постоянно выступает предпосылкой репродукции системы; посредством действия невозможно уйти от переживания (но, конечно, можно избежать наблюдения со стороны других). Также следует принять во внимание, что действием можно хорошо реагировать на переживание (а не только на действие) — когда идет дождь, открывают зонт. Несмотря на эти перекрещивания дифференциальная атрибуция является важным и необходимым регулятором, способствует выделению в широкой неопределенной области осмысленного переживания высокоселективных систем действия, обеспечивающих приписывание своих выборов себе.

Здесь отчетливо видно, как схематизм редуцирует комплексность, обрубают указания и облегчает связывание. Совместное функционирование обоих горизонтов «внутри» и «вовне» также сохраняет и поддерживает возможность поворота назад. Поэтому постоянно может существовать и диссенсус отнесения — одному кажется действием то, что другой воспринимает в первую очередь как реакцию на переживание. Несмотря на это, схематизм оказывает незаменимую помощь во

взаимопонимании и упрощении осуществления связей, открытых смыслу, необходимых для сохранения комплексных систем. Системы предстают друг для друга в своих соответствующих рамках самореферентной интерпретации и в качестве си-

⁶¹ Подробно об этом см.: *Luhmann N. Erleben und Handeln*. // *Luhmann N. Soziologische Aufklärung*. Bd 3, a. a. O. S. 67—80.

53ак.№416!

129

стем действия, что и сохраняют в интеракции как полезное сжат» реальности. Мы вернемся к этому в главе 3 о «двойной контингентности».

Подобное характерно и для *временного измерения*. И здесь схематизация опосредуется процессами отнесения, но главное отличие* по-видимому, заключается в вопросе о том, касается отнесение постоянных или переменных факторов⁶². В зависимости от предварительного заключения по этому вопросу принимается решение о дальнейшем рассмотрении предмета или события, а трудности этого рассмотрения могут снова проблематизировать предварительное; решение.

Наконец, в *социальном измерении* Ego и Alter персонализируются в целях отнесения или идентифицируются с определенными социальными системами. Несмотря на функционирование как Ego или Alter, для alter Ego они сохраняют идентичности, имена и адреса. Однако социальный схематизм не может подразумевать эти системы в качестве предметных данностей мира, он, скорее, касается лишь их функционирования как Ego, соответственно как Alter и последствий, вытекающих отсюда. В языке эта дистанция по отношению к предметному измерению выражается личными местоимениями, меняющимися вместе с теми, кто ими пользуется, но которые, несмотря на это, можно отнести к тому, кто не меняется вместе с речью. В таком случае предметное отношение позволяет удерживать следствия схематизма отнесения, а социальная схематизация позволяет использовать *обоих* партнеров, *обе* перспективы, перспективу Ego и перспективу Alter вместе или последовательно, и в каждом случае решать, что подразумевается в каждой из перспектив. Тем самым в устоявшихся и согласованно понимаемых системных идентичностях может возникать диссенсус относительно того, принимает ли «я» как отнесение отборов, предназначенных ему как некоему «ты». Схематизация означает здесь, что социальное отнесение может быть в подвешенном состоянии по отношению к устоявшемуся предметному миру и осуществляться самореферентно и что диссен-

⁶² Такое различие восходит к Ф. Хайдеру. До сих пор оно использовалось главным образом в связи с исследованиями мотивации достижения. См., напр.: *Weiner B. Achievement Motivation and Attribution Theory*. Morristown N. J., 1974. В новых исследованиях различий отнесения к деятелю либо наблюдателю это различие также играет роль. В качестве характерной работы такого направления см.: *Johnes E. E., Nisbett R. E. The Actor and the Observer: Divergent Perceptions of the Causes of Behavior II Jones E. E. et al. Attribution: Perceiving the Causes of Behavior*. Morristown N. J., 1971. P. 79—91.

сус на этом уровне не отменяет тотчас с необходимостью также вещи, личности или события предметного измерения.

Здесь, как и в других случаях, очевидно, что схематизация допускает грубые упрощения и сокращения ради обеспечения возможности присоединения. Как переживание не существует без действия, постоянство — без изменчивости, так и Ego не существует без указания на Alter и без эмпирического обеспечения того, что Alter есть alter Ego. Однако дальнейший процесс требует сокращения этих взаимоотношений указаний до одного пункта, соответственно сжатия информации и поглощения неопределенности; тем самым в дальнейшем процессе в распоряжении новых соотношений появляется нечто определенное. Именно постоянные флуктуации связей в коммуникативном процессе, как в мозгу, требуют достаточной моментальной определенности, способной стать рискованной, так как в случае необходимости ее можно снова устранить. Схематизмы вынуждают к нереалистичным выборам и тем самым структурируют непрерывное самоупрощение системы, не детерминируя его.

То, что схематизация в каждом измерении опосредуется через отнесение, в конечном итоге означает, что она должна содержаться в качестве предпосылки во всех процессах коммуникации. О схематизации и о выборе, открывшихся благодаря ей, не коммуницируют. Сделанное предположение уже не является предметом коммуникации, а просто используется. Это ускоряет коммуникативный процесс и не стимулирует его к далеко идущим отрицаниям. Если кто-либо говорит «я», то специально не обсуждают, не подает ли он себя в качестве (зависимого) «ты» иного «я». Выигрыш в скорости и непрерывность процесса при сохранении открытости обратных тематизаций — вот функции схематизмов. Таким образом, они в целом снова приобретают

функциональное отношение к проблемам времени, поставленным через различие системы и окружающего мира⁶³.

VIII

Предметное, временное и социальное измерения не могут выступать изолированно. Они вынуждены к комбинации. Их можно анализировать порознь, но в каждом реальном подразумеваемом смысле они предстают втроем. Исходя из этого, анализ может быть продолжен в двух направлениях. Поскольку оба они быстро попада-

⁶³ Ср. выше, гл. 1, с. 77 и следующие данного издания.

130

131

ют в зависимости от анализа с позиций теории общества, их можно обозначить здесь лишь вкратце.

Первый основной момент: различимость предметного, временного и социального измерений и даже масштаб их дифференциации друг относительно друга являются результатом социокультурной эволюции, т. е. меняются вместе с общественной структурой⁶⁴. Пожалуй, наиболее важным эволюционным достижением, вызывающим данное разъединение смысловых измерений, является изобретение письменности⁶⁵. Благодаря ей коммуникация становится сохраняемой, независимой от живой памяти участников интеракции и даже от интеракции вообще. Такая коммуникация может дойти до того, кого сейчас здесь нет, причем время ее поступления можно выбрать практически каким угодно, иногда даже без организации интеракционных цепочек (курьеров, слухов, рассказчиков). Коммуникация, хотя по-прежнему требует действия, освобождается в ее социальных эффектах от времени первого появления, формулирования. Тем самым при использовании письменности можно увеличить способность к вариациям, свободную от непосредственного давления интеракции, — можно предлагать варианты необозримых социальных ситуаций, не будучи вынужденным присутствовать в них. Это значит также, что предметные и социальные ориентации могут сильнее отличаться друг от друга, и в этом смысле становится возможной «философия» (= коммуникация из радости от самого предмета)⁶⁶. Более высокие степени свободы, контингентности, инвариантности и изменчивости выступают рука об руку. Зафиксированное письменно является прежде всего несомненным; его меняют, лишь желая этого; но лишь тогда и возможно желать этого.

Лишь с разъединением предметного, временного и социального измерений социокультурная эволюция впервые обеспечивает себе

⁶⁴ Ср. об этом также: *Luhmann N. Gesellschaftliche Struktur und semantische Tradition // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 35 ff.*

⁶⁵ Прежде всего это опять-таки очень медленный процесс, в котором «алфавитизация» письменности маркирует особое препятствие, потому что она (1) способствует быстрому обучению и тем самым ее универсальному распространению и (2) дифференцирует региональные языки по отношению друг к другу и, таким образом, приводит к необходимости переводов. Ср. специально об этом: *Havelock E. A. 1) Origins of Western Literacy. Toronto, 1976; 2) The Literate Revolution in Greece and Its Cultural Consequences. Princeton N. J., 1982.*

⁶⁶ Это подчеркивается в: *Havelock E. A. Preface to Plato. Cambridge Mass., 1963.* Ср. также *Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History 5 (1963). P. 305—345.*

132

артикуляционные рамки для комплексности, ею же самой созданной. Растущая дифференциация может быть формально описана как растущая обособленность двойных горизонтов, соответствующим образом конституирующих измерение. Так, четкость и различимость горизонтов прошлого и будущего, которые для древнего мышления в конечном счете совпадали во мраке края света, увеличивается в той мере, в какой предметные различия можно теперь объяснять иначе, а именно различием внутреннего и внешнего. Терминология прошлого, настоящего, будущего (*varietas, praesens, po-vus*), первоначально ориентированная предметно, используется тогда в отношении времени⁶⁷. После осуществления такой дифференциации возможны новые комбинации — например в форме наук, которые начиная с XVIII в. на основе одновременно существующего (следовательно, эмпирически!) делают заключения о неодновременном с ними.

Социальное измерение выигрывает в самостоятельности по отношению к предметному также лишь постепенно, прежде всего благодаря преобразованию позиции, предназначенной человеку. Значимость социального измерения, конституирующая смысл, обнаруживается в фарватере семантической интерпретации индивидуума лишь очень постепенно и в той мере, в какой этого требуют социо-структурные изменения на окольном пути обособления человека, которое в таком

случае должно сохраняться и, несмотря на это, нивелироваться. Человек сначала понимался как особый вид животного с качествами, связанными со временем и с социальностью, затем как цель и вершина творения, наконец как живой индивидуум с его отношением к миру. Под аккомпанемент философской теории такая дифференциация предметного и социального измерений подготавливается в Новое время рефлексией бесконечности внутреннего горизонта на примере любого индивидуального сознания. Прежде всего эта рефлексия утверждает конгруэнтность «я» и мира как двух бесконечностей (хотя и в инверсивной формулировке, опосредованной отрицанием); но тогда она требует возврата «я» из его внутренней затерянности, что не может быть сделано посредством вещного мира, лишь обуславливающего отчуждение — то есть другого «я»: или «тебя»⁶⁸. «Я» приобретает свою я-специфическую актуальную

⁶⁷ См. об этом: *Freund W.* *Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelealters.* Köln, Graz, 1957.

⁶⁸ Такому объяснению в значительной мере следует Г. Понтер. Однако Гюнтер все-таки развивает уровни рефлексии, приводящие к нового рода актуальной бесконечности самосознания, к автономному событию рефлексии о рефлексии. Поэтому он не может осуществить «дедукцию ты»,

133

бесконечность (если можно так назвать семантический коррелят этого развития, начатого социоструктурно), т. е. свою трансфинитную* самость, лишь в контрасте с другим подобным «я» («ты»), препятствующим ему во всякой онтологической самофиксации тем, что *она наблюдает его*⁶⁹.

Особую форму наблюдения, соответствующую социальному измерению, мы охарактеризовали выше (в пункте V) как понимание. Понимание требует наблюдения с помощью различия система/окружающий мир; оно требует, чтобы систему, которую стремятся понять, понимали как систему, осмысленно ориентирующуюся с помощью собственного окружающего мира. Так как осмысленная ориентация всегда подразумевает мир, понимающая система не может не встретить себя в окружающем мире понимаемой системы. Таким образом, дело доходит до отражений Ego и alter Ego. Понимающая система видит саму себя как alter Ego своего alter Ego. Можно предположить, что всякое социальное отношение по меньшей мере рудиментарно провоцирует к попыткам понимания. Посредством понимания поведение другого по крайней мере доступнее, более наблюдаемо и ожидаемо. Следовательно, в провоцировании понимания, в его результативном превосходстве, в самом понимании и состоит механизм, выделяющий социальное измерение относительно предметного и временного, в конечном итоге формулирующий специальную семантику, удобную для этого. Тем самым различие кон-сенсус/диссенсус становится более важным и в то же время менее

«ты» вводится им дополнительно. В данном тексте, напротив, предполагается, что философия сознания Нового времени хотя и готовит место для усиленного выделения социального измерения, но пока ее можно определять лишь через исходный пункт предметного измерения, а именно в различии мышления и бытия (по Гюнтеру: прафеноменальная ситуация «я мыслю нечто»), она *не может выразить* самостоятельность социального измерения и *подчиненную ему бесконечность внутренних горизонтов «я»*. Формулировки Гюнтера содержатся прежде всего в: *Metaphysik, Logik und die Theorie der Reflexion*// *Archiv für Philosophie* 7 (1957). S. 1—44, новое издание: *Gunter G.* *Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik.* Bd 1. Hamburg, 1976. S. 31—74.

⁶⁹ То, что самонаблюдение, самоописание и автобиографизация могут иметь одинаковый эффект разъединения, особенно если они совершаются перед и ради других (например, для печати), отмечалось довольно часто. См., напр.: *Gusdorf G.* *La découverte de soi.* Paris, 1948, в частности P. 69 ff. Здесь результатом также выступает проникновение в глубины своего горизонта, в которой самонаблюдение в конечном итоге не обнаруживает ничего определенного, а может наблюдать пока лишь самого себя.

* Trans|fi|nit (лат., *новолат.*) — в философском и математическом смысле бесконечный, лежащий в бесконечности. — *Прим. пер.*

134

важным — более важным, потому что лишь оно артикулирует социальное измерение как информационно нагруженное, и менее важным, так как оно артикулирует только социальное измерение.

Лишь этот последний шаг интерпретации фиксирует самостоятельность социального измерения всякого смысла — в отличие от обособления человека, только подготавливающего ее, и в отличие от понимания социального как предпочтительной коммуникации среди по-особому («хорошо») живущих существ, пригодного для стратифицированных обществ. Конечно, эти модификации интерпретации сами по себе не «способствуют» выделению социального измерения, но являются эмпирическими индикаторами того, что соответствующие изменения должны осуществляться и по мере возможности вводиться в семантический репертуар общества.

Всеобщая самореференция всякого смысла, означающая, что всякое его переживание проецируется в нечто сверх того и вновь обнаруживает себя там, специфицируется через

дифференциацию измерений смысла. В той мере, в какой она приживается, обнаруживаются самореференции, специфические для измерений; и если они сформированы, то это усиливает дифференциацию измерений смысла. Тогда в ходе истории образования смысла возникают особые семантики, обслуживающие эти результаты дифференциации — прежде всего семантику времени и семантику социального, — которые отличимы от порядка вещей и, самое позднее, в XVIII в. освобождаются от представления о том, что они обслуживают лишь особый предмет — человека и занимаются лишь его отличиями от животного.

Здесь нет возможности проследить историю этой дифференциации, объяснить ее связь со структурным изменением общественной системы и показать, какую роль играет в связи с этим самореференция, специфически сформулированная для измерений⁷⁰. Здесь достаточно лишь держаться отправной точки образования более детальных гипотез.

⁷⁰ Ср. об этом же для временного измерения: *Luhmann N.* 1) *Weltzeit und Systemgeschichte* ff *Luhmann N.* *Soziologische Aufklärung*. Bd 2. Opladen, 1975. S. 103—133; 2) *The Future Cannot Begin* ff *Luhmann N.* *The Differentiation of Society*. New York, 1982. P. 229—254; 3) *Zeit und Handlung: eine ver-gessene Theorie* ff *Luhmann N.* *Soziologische Aufklärung*. Bd 3. Opladen, 1981. S. 101—125; 4) *Temporalisierung von Komplexität: Zur Semantikneuzzeitlicher Zeitbegriffe* ff *Luhmann N.* *Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 1. Frankfurt, 1980, S. 235—301; в частности, для социального измерения см.: 5) *Wie ist soziale Ordnung mbglich?* ff *Luhmann N.* *Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 195—285.

135

Так, время отражается во времени с помощью прошлого и будущего как горизонтов измерения. Это значит, что не только любой момент времени обладает своим будущим и прошлым и именно поэтому неповторим во времени. Когда это познано, обнаруживается, что прошлое и будущее любого момента времени может разлагаться на другие моменты, для которых все это также справедливо. Тем самым открывается сколь угодно протяженная бесконечность времени — не только в направлениях его начала и конца, но, в частности, и для любого момента в горизонтах любого момента времени. Тогда «время» является в лучшем случае хронологической конвенцией, собирательным выражением совокупности возможностей времени, открывающихся во времени. Если во время вкладывается так много времени, то следует спросить, как в таком случае редуцируется столь высокая комплексность, и чем обусловлены такие редукции. Иначе говоря, благодаря самореферентному овременению времени возникает бесконечное повторение времени во времени и в связи с этим потребность в исторической семантике времени, устанавливающей акценты для определенных эпох, обществ, социальных систем одновременно со знанием о произвольной возможности разложения времени во времени. Само время историзируется, и вся семантика времени должна смириться с этим, настроиться на это.

Точно такие же отношения можно наблюдать и в социальном измерении. Здесь также отражаются перспективы в перспективах: я знаю, что ты знаешь, что я знаю...; я отношу к тебе твои действия, прекрасно понимая, что ты относишь ко мне то, что я отношу к тебе твои действия. Здесь тоже бесконечно расходится связь указаний, специфичная измерению, а точки консенсуса, как и точки во времени, существуют лишь относительно горизонта таких возможностей, т. е.

конвенционально.

В предметном измерении подобный опыт возникает относительно внутреннего и внешнего горизонта вещей. В том, что каждый горизонт этой пары снова появляется в себе, мир становится сколь угодно большим либо сколь угодно маленьким. В картине мира Нового времени это выступает как снятие всех внешних границ и разложение всех элементов, всех предельных оснований. Представление о том, что лишь боги распоряжаются элементами, дает (пусть и недостижимые) гарантии границ. Но тогда вместе с элементами исчезают и боги, поэтому предметные отношения следует понимать как какую-то беспочвенную конструкцию, как невероятность, ставшую вероятной.

Эта внутренняя бесконечность разделяет отдельные смысловые измерения резче, чем всякое определение смысла, которое в конеч-

136

ном итоге всегда претендует на охват всех измерений. Поэтому развитие самореференции в отдельных измерениях приводит к большему разьединению и ослаблению взаимных импликаций. Например, в таком случае время не может выступать причиной, а одно лишь существование вещи еще не гарантирует длительности. Реализация самореференций, специфических для измерений, приводит прежде всего к разложению всех естественных оснований и получению смысла посредством рекомбинаций, которые в таком случае сами должны обеспечивать свою устойчивость. Нам нужно поразмыслить об этом и определить адекватную семантику, когда

становление комплексности общества ведет к такому развитию.

То, что это разъединение и обретение относительной самостоятельности смысловых измерений есть эмпирический исторический процесс, еще раз подтверждает самореферентная конституция общества как социальной системы *par excellence*, а также самореферентная конституция смысла как такового. В частности, усиление дифференциации означает, что отрицания в одном измерении не приводят с необходимостью к отрицаниям в другом измерении. Это приводит, с одной стороны, к растущей блокировке «необходимости» консенсуса в предметном содержании⁷¹, а с другой стороны, к «консенсусным теориям истины»⁷². Указание на будущее, по-видимому, позволяет почти любые отрицания предметных содержаний в настоящем; таким образом, временнб и предметное измерения дают больше свободы друг другу, отсюда и дискуссия о «связи во времени» как необходимой функции социальных механизмов, например языка⁷³.

В самом семантическом аппарате с этим коррелирует большая ясность и отчетливость в соответствующих двойных горизонтах внутреннего и внешнего, прошлого и будущего, Ego и Alter. В каждом случае соответствующая дихотомия, с одной стороны, приносит выделение измерения смысла, с другой стороны, она приводится к более высокой комплексности.

Возможности разложения и рекомбинации

⁷¹ В этом отношении симптоматично понимание Парсонсом «обязательства» как средства и как переменной в его теории действия как социальной системы. Ср.: *Parsons T. On the Concept of Value-Commitments II Sociological Inquiry* 38 (1968). P. 135—160.

⁷² Однако то, что понятие истины само следует менять в этом процессе, конечно, делает вещь сложнее, нежели это видно в данной весьма упрощенной формулировке.

⁷³ Ср., напр.: *Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-aristotelian Systems and General Semantics*, 1933; переиздано: 3 ed. Lakeville Conn., 1949.

137

в предметном отношении увеличиваются, возрастает объем исторического сознания, сходным образом возрастает и то, что можно было бы быть обозначить как отрефлектированная социальная чувствительность. Поэтому все труднее опосредовать между собой смысловые измерения и возникает необходимость понимать комплексность лишь в зависимости от контекста либо как предметную, либо как временную, либо как социальную с тем следствием, что соответствующим образом диверсифицируются и стратегии редукции⁷⁴. Такие далеко идущие дифференциации сегодня возможны не только аналитически. Они относятся также к смысловой реальности современного общества как фона сознания. Одним из последствий этого выступает критикуемая эрозия традиционных культур. Другое следствие заключается в распространенных трудностях легитимации и обоснования. Происходит распад обобщений, например в форме противопоставления совершенства и несовершенства либо идеала и реальности, одновременно выполняющих во всех измерениях связующую функцию. Тем самым ни в коем случае не ослабляется отношение каждого измерения к смыслу. Их взаимозависимости сохраняются, они принимают лишь новые формы, подтверждение которых в значительной мере еще отсутствует. На место таких компактных допущений, выполняющих связующую функцию во всех измерениях одновременно, по-видимому, требуется комбинаторное сознание, которое лучше всего можно, пожалуй, охарактеризовать через груз последствий выбора. Если определяют себя в предметном отношении (например, когда «инвестируют»), то во временном и социальном отношении это не может иметь произвольных последствий. Если горизонты будущего меняются (например, из-за ускоренной флуктуации отношений приближаются к настоящему), то это влияет как на возможности консенсуса (уже нельзя «удовлетворить» все новых обиженных — ведь все хотят получить все немедленно), так и на то, что в краткосрочном плане еще можно сделать в предметном отношении. Многообразие этих и других комбинационных проблем не исключает возможности исследования конкретных ситуаций, получая крупные обобщения. Однако для груза последствий выбора, сознательно созданного, уже нет какой-либо общей формулы блага или истины, так как исходные точки выбора варьируются от измерения к измерению и по-разному переводят последствия структурных решений общественной системы в осмысленность переживаний. Однако есть и решения проблемы, связанные именно с этим. Следует вспомнить о повышенной способности к консенсусу искусственных статистических данных, опосредующих предметное и временное измерения.

138

вания и действия. Системе недостает разума. Его реставрация с учетом избытка контингентности, представляющая собой смысл и непрерывно репродуцируемая как смысл, была бы возможна лишь принудительно. Это также является аспектом пока еще наличной свободы функциональных

систем испытывать свои возможности и аспектом открытости эволюционного развития. Именно в самореферентных условиях смысл, больше, чем когда-либо, проявляет тенденцию не к планированию, а к эволюции.

IX

Следующий тезис, завершающий рассмотрение понятия смысла, гласит: самореферентное осуществление смысла требует *символических, генерализаций*. При этом понятия символа и символического должны обозначать средства образования единства, а понятие генерализации — его функцию оперативной обработки множественности. Очень приблизительно говоря, речь идет о том, что множество подчиняется единству и символизируется им. Отсюда возникает различие оперативного (процессуального) и символического уровней, которое вообще и обеспечивает самореферентное оперирование⁷⁵. Интенции такого образования понятий, включая термин «генерализация», восходят к психологическим исследованиям. Их исходным пунктом было разложение схемы «стимул—реакция» представлением, содержащимся в теории психических систем, о том, что состояния или события окружающего мира должны пониматься в самой системе глобально, т. е. генерализованно, так как сенсорная или моторная продуктивность уже недостаточна для их детального пошагового рассмотрения⁷⁶. Параллельно Парсонс разработал понятие действия, требующее осмысленно-символической генерализации уже на уровне «единичных актов», из которых складываются системы. В соответствии с этим действие возможно лишь благодаря

⁷⁵ Парсонс сказал бы, что лишь коммуникация обеспечивает генерализацию (см., напр.: *Parsons T. The Social System. Glencoe Ill., 1951. P. 10 ff.*; *Parsons T., Bales R. F., Shils E. A. Working Papers in the Theory of Action. Glencoe Ill., 1953. P. 31 ff.*),

⁷⁶ Ср. уже в: *Pavlov I. P. Conditioned Reflexes: An Investigation of the Physiological Activity of the Cerebral Cortex, o. O. (Oxford U. P.), 1927. P. 110 ff.*; кроме того, напр.: *Hull C. L. Principles of Behavior. New York, 1943. P. 183 ff.*; *Brown R. Words and Things. Glencoe Ill., 1958. P. 286 ff.*; *Gibson E. J. A Re-examination of Generalization // Psychological Review 66 (1959). P. 340—342*; *Stendenbach F. J. Soziale Interaktion und Lernprozesse. Kuhn, Berlin, 1963. S. 90 ff.*

139

символически-генерализующей идентификации единства связи/иго компонентов. Оно, как элемент системных образований, есть уже эмерджентный феномен, осуществимый лишь благодаря использованию символов. Смысл и генерализация в этом плане совпадают. Теория самореферентных систем, со своей стороны, была стимулирована как более точным анализом взаимозависимостей в сенсорных и моторных процессах, так и усиленным акцентированием «субъектной» референции в понятии действия; она объединяет оба этих теоретических направления в новом синтезе.

При желании уточнить, как смысл может быть использован на уровне самореферентных системных процессов, сталкиваются с потребностью, которую можно было бы обозначить как необходимость самосимволизации или самоабстрагирования. Любая осмысленно понимаемая данность должна быть не только полностью представлена в настоящий момент и тем самым способна «выполнять» переживание или действие; она должна, кроме того, организовать и самоотнесение, следовательно, мочь заранее позаботиться о том, чтобы при необходимости вновь быть доступной, причем в ситуациях (более или менее) иного рода, в иные моменты времени и, возможно, с другими партнерами по социальной коммуникации. Возможность снова быть в распоряжении вводится в конкретное переживание и действие через символические генерализации. В качестве возможности быть в распоряжении для других она выступает еще и предпосылкой коммуникации, и не только ею. При этом смысл понимается, с одной стороны, как полный и конкретный, с другой стороны, как неповторимый и непереносимый; но одновременно он относится и к конденсатам единства, делающим комплексное доступным предметно и соответственно тематически. Иначе говоря, благодаря символическим генерализациям потоки переживаний наделяются идентичностями — идентичностями в смысле всякий раз редуктивных отношений к себе.

Все это гарантировано уже на уровне конкретных, известных вещей и событий. По специфическому шуму понимают, что мусорные баки уже опорожнены. Выйдя на улицу, сразу же находят среди других свой бак, не нуждаясь при этом ни в словах, ни в наименованиях, ни даже в понятиях. Слова и наименования не гарантировали бы, например, узнавание своего мусорного бака, а понятия помогли бы лишь связать сомнительные случаи и употребления с истинным смыслом. Таким образом, символические генерализации возникают уже в конкретном обращении с объектами и событиями и предназначены для сохранения возможности повторного доступа; лишь в случае необходимости для агрегаций более высокого уровня возни-

кают общие обозначения, представления о типах и понятия, включающие гетерогенное. Тогда они могут быть внесены в осмысленный У^ИР лишь с помощью языка.

Мы не можем разрабатывать здесь следствия для понятия и теории языка. Понятие символической генерализации самоотнесения смысла заменяет понятие знака, до сих пор господствующего в теоретической традиции. Бесспорно, что слова (как и вещи) могут использоваться как знаки, т. е. как ссыла на нечто, существующее независимо от языка. Однако сам язык не следует понимать как голое сшивание знаков, так как он ни в коем случае не обладает (даже преимущественно) лишь функцией указания на нечто существующее. Язык также не есть лишь средство коммуникации, так как он функционирует в психических системах и без коммуникации. Его подлинная функция заключается в генерализации смысла с помощью символов, которые — в отличие от обозначения *чего-либо иного* — сами являются тем, что они обеспечивают. Лишь в функции посредника коммуникации, что с эволюционной точки зрения, видимо, есть его изначальная функция, язык связан с кодированием, т. е. с акустическими либо оптическими знаками для смысла.

Исследования, существовавшие до сих пор (прежде всего психологические), связывали понятие генерализации с отношениями система/окружающий мир функциональным образом. Генерализация в этом смысле есть инструмент преодоления градиента комплексности между окружающим миром и системой. Мы добавляем сюда два следующих соображения, скорее, связанных с проблемами смысла как таковыми. Генерализация имеет также функцию, специфическую в смысловом отношении, шунтировать множество измерений смысла и обеспечивать их доступность для любого смыслового момента. Смысл, если можно так выразиться, о-генерализовывается во всех измерениях. При этом исходят из определенной длительности (пусть лишь доли секунд) и из известной независимости от несущественных вариаций в предметном отношении (кастрюля с отбитыми ручками все равно кастрюля) и полагают способность к консенсусу. Иными словами, у всех измерений смысла наготове любая возможность разложения, например за счет более точного измерения времени, либо уточнения, чьи переживания тождественны по смыслу; а генерализация останавливает дальнейшее возможное разложение, исходя из потребностей где-либо использовать смысл. Самореференция может возникать прежде всего посредством генерализации, рудиментарно заложенной во всяком смысле, и прежде всего за счет генерализации можно выделить локальные «единицы смысла», к которым в первую очередь обра-

141
щаются в данный момент и которые представляют все измер смысла, однако не сразу тематизируя их.

Кроме того, генерализация смысла позволяет решить практически все логические проблемы. Противоречие и парадокс также обладают смыслом. Лишь так вообще возможна логика. Иначе при первом же противоречии можно провалиться в смысловую яму и пропасть в ней. Только при включении всех противоречий мир смысла может приобрести характер самореферентной закрытости, лишь так он является коррелятом самореферентно-закрытой коммуникационной системы общества. Мы вернемся к более подробному анализу особой функции противоречий в главе 9. Сейчас следует лишь учесть, что генерализация смысла демонстрирует горизонты, всегда неуклонно обеспечивающие перед лицом различий (или, заостряя, — противоречий) возврат к смысловому единству различия (противоречий)⁷⁷.

Это не в последнюю очередь означает, что логика, стремящаяся переформулировать такие предметные содержания для собственных целей, должна работать с множеством уровней, либо иерархией типов (что бы то ни означало). Когда к генерализациям присоединяется расчет или коммуникация (например, когда, речь заходит о деньгах), то при этом нельзя указывать на оперативные схемы различий осуществления смысла: актуализацию и виртуализацию, различение и обозначение в вышеуказанном смысле (пункт П). Генерализации являются сокращениями высокой степени независимости от вида и способа их реализации — точно так же как и представления сознания не могут сводиться к указаниям на нейрофизиологические процессы, которым они обязаны своим существованием. Независимость вознаграждается присоединениями, возможными благодаря ей. Она существует, способствуя наполнению горизонтов, и тогда предоставляется себе в распоряжение в качестве структуры в форме оперативного осуществления смысла.

Чтобы на основе вышесказанного улучшить формулировки, мы вводим понятие *ожидания*TM. Символические генерализации кон-

Я не думаю, что это уже дает основание считать концепцию, представленную здесь, «диалектической».

Однако серьезное обсуждение ее отношения к великим теориям XIX в. (Гегель, Маркс, Дарвин), начинающим с различия и направленным на поиск единства, должно, конечно начинаться с этого пункта.

⁷⁸ Обращение к «ожиданиям» проникло в публикации по психологии прежде всего в связи с вопросом о генерализации, а в социологию — в связи с ролевой теорией. Ср., напр.; *MacCorquodale K., Meeh! P. E. Preliminary Suggestions as to a Formalization of Expectancy Theory II Psychological* 142

центрируют структуру указаний всякого смысла в ожидания, показывающие, что обещает данная смысловая ситуация. Точно так же справедливо и обратное: ожидания, подтверждаемые и нуждавшиеся в Конкретных ситуациях, направляют и поправляют генерализации. На основе ожиданий, испытываемых непосредственно или от которых невозможно отказаться без серьезного ущерба для ориентации, принимают решение о степени необходимой генерализации. Так, не трудно убедиться, что продавщице в универсаме не скажешь: «Я хотел бы „что-нибудь" купить», — это слишком высокая генерализация и ее необходимо изменить.

В области теории социальных систем мы будем иметь дело в основном с поведенческими ожиданиями. Поэтому структуры таких систем можно определить как генерализованные поведенческие ожидания⁷⁹. В рамках общей теории самореферентно-смысловых систем это все-таки особый случай, и сами социальные системы оперируют большим количеством ожиданий, относящимся к обстоятельствам, внешним для человека: например, в них считается, что часы ходят, автомобили ездят, технологии работают и т. п.

Понятие ожидания означает, что структура указаний предметов или тематики смысла может быть использована лишь в сжатой форме. Без сжатия бремя отбора для операций присоединения было бы чересчур велико. Поэтому ожидания возникают в результате промежуточного отбора более узкого репертуара возможностей, в которых можно лучше и прежде всего быстрее ориентироваться. Соответственно символические генерализации, посредством которых определяется идентичность вещей, событий, типов либо понятий, удерживаются и воспроизводятся в сети ожиданий. Они служат организации или, точнее, постоянной реорганизации ожиданий, причем в зависимости от протекания переживания либо действия они Review 60 (1953). P. 55—63; *Kelly G. A. The Psychology of Personal Constructs*. New York, 1955, в частности Vol. 1. P. 46 ff.; *Stogdill R. M. Individual Behavior and Group Achievement*. New York, 1959. P. 59 ff.; *Gaitung J. Expectations and Interaction Processes II Inquiry 2* (1959). P. 213—234; *Rosenblatt F. Perceptual Generalization over Transformation Groups // Self-organizing Systems / Ed. M. C. Yovits, S. Cameron*. Oxford, 1960. P. 63—96; *Foschi M. On the Concept of "Expectations" II Acta Sociologica 15* (1972). P. 124—131; кроме того, значение понятия в контексте «общих положений» у Парсонса см.: *Toward a General Theory of Action / Ed. T. Parsons, E. A. Shils*. Cambridge Mass., 1951. P. 11 ff., 14 ff., либо уже у М. Вебера: *Weber M. Uber einige Kategorien der verstehenden Soziologie ff Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. 3. Aufl. Tubingen, 1968. S. 427—474, в частности S. 440 ff.

⁷⁹ Подробнее об этом речь будет идти в гл. 8.

>

143

У

поднимают наверх материалы глубинных слоев указания на смысловые связи и дают осесть слишком редко используемым. /

Генерализация ожиданий в направлении типического или/нормативного обладает, следовательно, двойкой функцией: с одной стороны, она осуществляет отбор из совокупности представленных возможностей и, таким образом, репродуцирует заложенную в смысле комплексность, не уничтожая ее; с другой стороны, она преодолевает разрывы в предметном, временном и социальном отношении, так что ожидание все еще годно и в том случае, если ситуация изменилась, — обжегшись на молоке, дуют на воду. Поэтому напрашивается вывод, что отбор осуществляется преодолением; что, таким образом, в ожиданиях сконцентрированы указания, подлежащие генерализации и использованию в целях преодоления смысловых разрывов. В качестве отбора генерализация является *ограничением* возможного и одновременно обнаружением *иных* возможностей. Как единство обоих этих аспектов она приводит к возникновению структурированной комплексности.

Тезис о связи отбора с преодолением предметных, временных и социальных разрывов, основанной на практическом опыте, должен объяснить, как избыточная комплексность используется в процессах эволюционного созидания. С историко-теоретической точки зрения этот тезис замещает допущение о том, что ожидания всегда имеют оценочное либо «катектическое» отношение к объекту⁸⁰. Возможно, что отбор успешных указаний невозможен без оценивания, либо он оседает

в сознании и в коммуникации как оценка, но тогда является лишь способом выражения последующего управления пробами. Теоретически и прежде всего функционально представляет интерес принципиальное обстоятельство — то, что избытки смысла вообще *должны быть использованы селективно*, и что это «должны» *есть «могут» в смысле выбора ожиданий, перекрывающих смысловые разрывы и могущих пробовать себя в качестве генерализаций.*

⁸⁰ Ср.: *Parsons, Shils*, a. a. O. P. 11 ff., 14 ff.; *Gross N., Mason W. S., McEachern A. W.* Explorations in Role Analysis: Studies of the School Super-intendency Role. New York, 1958. P. 58 ff.; *Stogdili*, a. a. O. P. 63; *Foschi*, a. a. O., в частности P. 126. В связи с «катексисом» и «комплексностью» примечательны пассажи Парсонса в: *The Theory of Symbolism in Relation to Action ff Working Papers*, a. a. O. P. 31—62 (41 ff.). Парсонс исходит из того, что для нормативного и катектического отношения к объекту требуются комплексные объекты, ибо только они могут предоставить возможности замены в меняющихся условиях. По сравнению с этим с позиции, представленной здесь, напротив, следовало бы сказать, что удачная организация комплексных объектов поддерживается нормированием и «вознаграждается» чувствами.

144

X

Понятие смысла, презентация которого на этом закончена, мы ввели формально в рамках теории социальных систем, но подчеркнули, что отношение всех операций к смыслу есть неизбежная необходимость как для психических, так и для социальных систем. Системы обоих типов возникли в процессе ко-эволюции. Одна невозможна без другой, и наоборот. Они, если можно так выразиться, выделились на смысле. Смысл является подлинной «субстанцией» этого эмерджентного уровня эволюции. Поэтому не следует, как это делает антропоцентризм, приписывать психическому, т. е. сознательно фиксируемому, некоего рода онтологическое преимущество перед социальным. Ошибочно вообще искать «носителя» смысла. Смысл несет себя сам тем, что самореферентно обеспечивает собственную репродукцию. *И лишь ее формы дифференцируют психические и социальные структуры.*

Понимание этого в отношении социальных систем может проясниться лишь в рамках рассмотрения понятия коммуникации (гл. 4) и связи события и структуры (гл. 8). Однако, предвосхищая это, здесь следует представить по крайней мере основную идею. В конечном итоге психические и социальные системы различаются в соответствии с тем, выбирается в качестве операциональной формы сознание или коммуникация. Этот выбор невозможен для отдельного события, так как в нем сознание и коммуникация не исключают друг друга, а гораздо чаще более или менее совпадают друг с другом. Выбор заключается в использовании смысловой самореферентности, т. е. в том, через какой дальнейший смысл актуальный смысл указывает на самого себя. Смысл может включаться в последовательность, связанную с телесным ощущением жизни, и тогда предстает как сознание⁸¹. Однако смысл может включаться и в последовательность, содержащую понимание других, и тогда он предстает в качестве коммуникации. Актуализируется смысл как сознание

⁸¹ Для этого имеет руководящее значение гуссерлевский анализ конституции сознания времени: *Husserl E.* Vorlesungen zur Phanomenologie des inneren Zeitbewusstseins // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* 9 (1928). S. 367—496. Однако то, что выше названо «связанностью с телесным ощущением жизни», явно обнаруживается лишь в философии позднего Гуссерля. В *этом* вопросе не в последнюю очередь *решающим* является различие биологических систем (собственного организма) и психической системы. *Единство и автономия сознания обусловлены тем, что оно не может сознательно проследить свои физические процессы.*

145

либо как коммуникация, не обнаруживается «лишь впоследствии», а определяется уже соответствующей актуальностью самого смысла, так как он всегда образуется самореферентно и при этом постоянно включает в себя указание на иное как путь указания на него самого. Хотя и существуют высококомплексные эволюционные предпосылки образования смысла, однако нет каких-либо привилегированных его носителей, нет какого-либо оптического* субстрата смысла. Ни сознание, ни коммуникация не есть претенденты на эту роль. Лишь форма их сетевого соединения, которая есть одновременно условие возможности актуальности и условие возможности аутопоietической репродукции, приводит либо к сознанию, либо к коммуникации. Сознание может реализовать себя лишь посредством указания на иное сознание, что верно применительно к другим отношениям и для коммуникации. Следовательно, «носителем», если угодно сохранить этот термин, *является различие в смысловых указаниях, в свою очередь имеющее основание в том, что любая актуализация указаний должна быть селективной.* Трудность понимания этого основывается на том, что любое сознание, пытающееся это понять, само является самореферентно закрытой системой и поэтому не может оторваться от сознания. С

точки зрения сознания коммуникация может быть запущена лишь сознательно и далее также накладываться на какое-либо сознание. Однако *для самой коммуникации это не так*. Она вообще возможна лишь как событие, трансцендирующее закрытость сознания, — как синтез большего, нежели содержание отдельного сознания. Это опять-таки можно осознать (во всяком случае, для себя), об этом можно коммуницировать (не будучи в своем сознании уверенным, что это удастся).

XI

Теория, которая в теоретическом положении о понятии смысла затрагивает психические и социальные системы, сознание и коммуникацию, а также связывает их с базальной самореференцией содержит следствия для того, что традиционно называют «метафизикой». Следствия касаются двух уровней, связывая их между собой-содержательный уровень метафизических теорий и «идейно-исто-

* От греч. *ontos* — сущее. Оптический — относящийся к порядку сущего (существующего тем или иным способом). — *Прим. отв. ред.*

146

рический» уровень их становления в корреляции с развитием общественных структур.

Ири желании сохранить термин можно было бы назвать метафизику учением о самореференции бытия. Бытие создает в себе отношения к себе; так, физическое — даже тот же физик — использует физическое «чтобы понять себя»⁸². Метафизикой занимаются на уровне наблюдения за этим, ибо она подчинена физике. Чаще всего во избежание тавтологических формулировок и/или слишком детального анализа бытие, поскольку оно производит самореференцию, называют мышлением. Тогда можно утверждать, что в метафизике речь идет о бытии и мышлении, о мышлении бытия.

В классической системе онтологической метафизики для разделения и связи бытия и мышления используется бинарный схематизм логики. С одной стороны, на уровне языковых формулировок мышление обеспечивает себе дистанцию, отклонение, противоречие; с другой стороны, логика с ее запретом противоречия удаляет из памяти то, что в мышлении расходится с бытием. Мышление осознает себя в качестве сознания и характеризует себя при отклонении от бытия негативно — как ошибка, как заблуждение⁸³. Стремиться к нему грешно.

Структурная зауженность, служащая обоснованием закрытости и безальтернативности этой концепции, заключается в том, что логика как бинарный схематизм подчиняется мышлению *и одновременно используется для упорядочивания отношений мышления и бытия*. Позитивная оценка бытия требует в таком случае негативной оценки отклонений мышления от него и перекалибровки мышления в смысле его приспособления к бытию⁸⁴. Следовательно, структурная зауженность тем самым изначально служит адаптивному понятию мышления. Поэтому она, с

точки зрения социологии знания, убедительна для общества, противопоставляющего себя

⁸² *Spencer Brown G. Laws of Form. London, 1969; переиздано: 1971. P. 105. Ср., кроме того, итоги конференции, посвященной именно этой теме: Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach / Ed. G. Roth, H. Schwegler. Frankfurt, 1981.*

⁸³ Ср. об этом и, в частности, о возврате к нерелефлексивной двузначности: *Gunther G. Metaphysik, Logik und die Theorie der Reflexion, a. a. O.*

⁸⁴ Конечно, следует согласиться с тем, что концепция реализуется не так просто. Пожалуй, важная модификация состоит в том, что и за бытием тоже признается возможность негативного, но лишь в форме упущений (*steresis, privatio*) по отношению к совершенству, предусмотренному самому по себе. (*Steresis (греч.) — лишенность, privatio (лат.) — ограбление.* — *Прим. отв. ред.*)

147

«природе», которую оно не может ни покорить, ни производить; она выражает уже различимую, но еще относительно малую степень/вы-деления общественной системы.

v

При переходе к обществу Нового времени, т. е. от стратификационной к функциональной дифференциации общественной системы, сменились основания убедительности этой концепции метафизики, причем именно в том отношении, о котором здесь пойдет речь. Общество все больше находится в непрерывном возрастающем противостоянии с созданной им же реальностью — с индивидами, представляющими собой то, что они есть, благодаря социализации и воспитанию, — с физико-химически-органической природой, управляемой техническими процессами. Таким образом, всегда уже была причастность к возникновению проблем, которыми следует заниматься, и, в известной мере, всегда уже было желание того, чего не хотят. Метафизика, если она вообще возможна, должна была бы настраивать концепцию самореференции бытия на такое положение вещей.

На основе метафизики субъекта Нового времени, исходившей из субъективности сознания, для данного положения вещей в конечном счете не было развито ни одного убедительного представления — может быть, прежде всего потому, что противопоставление бытия и мышления невозможно было развивать дальше как противопоставление бытия и субъективного сознания. В частности, само сознание, лежащее в основе бытия («субъект»), пытались мыслить как лишенное бытия. Однако субъект, изгнанный тем самым из бытия и ищущий себя, специализировался на теории познания либо становился революционным — то и другое с точки зрения целого является неудовлетворительным выходом. Но тогда лишенность места и нефиксируемость внемирового субъекта символизируют в конечном счете лишь ошибочное понятие теории — а не то, что сознательное «я» может открыть в самом себе.

Не нам решать, возможна ли метафизика в современном обществе. Вышеизложенная теория смысла не ведет себя как метафизика. Эта теория сознательно избегает отождествления (равно как и противопоставления) смысла и бытия. Она не формулирует ни альфу, ни омегу философии самореференции бытия. Она избегает и предметного подчинения «философии». Но их связь не следует оспаривать. Теория самореферентно-смысловых систем находится вне сферы действия норм всякой метафизики классического стиля, равно как и норм метафизики субъекта Нового времени. Однако она формулирует для них концепцию самосоотнесенной закрытости, которая вновь включает в эту сформированную концепцию и

148

ее формулирование⁸⁵. Ее значение для метафизики заключается в этой изоморфности постановки проблем. Если речь идет о работающей науке, то метафизические теории уже больше невозможно развивать без отношения к таким концептуализациям. Однако важнее прежде всего ускорять развитие теории в области самореферентно-смысловых систем, избегая цензурных вмешательств с метафизических позиций, уже не соответствующих новым проблемам.

Все это имеет следствия для возможностей и конкретной ситуации научного анализа. Прежнее понимание состояло в том, что наука была связана с встречной рациональностью предмета. Это понимание в виде онтологии было отброшено трансцендентальной философией. В корреляции с включением самореференции в «субъект» его место занял тезис о непознаваемости реальности «в себе». Посредством выполненной здесь реобъективации самореферентной системы этот тезис не объявляется ошибочным, а лишь генерализируется — всякая самореферентная система имеет лишь такой контакт с внешним миром, который обеспечивает себе она же, а не окружающий мир «в себе». Однако именно это «обеспечение себе» окружающего мира невозможно в бесструктурном, произвольном, хаотичном окружающем мире, потому что в нем оно не может приобрести каких-либо «внутренне» убедительных подтверждений, а с точки зрения эволюции — какой-либо стабильности⁸⁶. Тем самым не возвращаются к постулату встречной рациональности или закономерности природы, но познание, в частности поведение системы, в общем предполагает структурированную и вполне доступную комплексность.

Если на этом основании ставят более частный вопрос, как самореферентно-смысловые системы могут наблюдать и анализировать другие самореферентно-смысловые системы, то сам анализ смысла мог бы стать ключом к ответу. Использование смысла в любом

⁸⁵ Следует особо отметить логические проблемы, возникающие здесь. Они касаются не только этого «повторного вхождения» (re-entry) теорий в область их объектов (ср.: *Spencer Brown*, a. a. O. P. 69 ff., *Varela F.J. A Calculus for Self-reference // International Journal of General Systems* 2 (1975). P. 5—24), но и, абсолютно в общем, использования (с неизбежностью бинарного?) логического схематизма для структурирования (выражаясь классически) отношения мышления к бытию: таким образом, интерпретации принципа идентичности, запрета противоречия и закона исключенного третьего. К этим связям проявил интерес прежде всего Г. Гюнтер (см.: *Gunther G.*, a. a. O.).

⁸⁶ Это равнозначно вышеизложенному тезису (гл. 1, с. 38 данного издания), что не существует конституции, обусловленной исключительно эндогенно. Окружающий мир как минимум должен создавать «шум».

149

случае требует генерализации, выделения проверяемых ожиданий вместе с сопутствующим поглощением риска. Эта самоабстракция, т. е. самоупрощение, смысла структурирует материал, который может предполагаться смысловыми системами, если они сталкиваются в своем окружающем мире со смысловыми системами. Очевидно, что окружающий мир, также имеющий внутреннюю обусловленность, может быть познан и переработан лишь смысловой системой, и лишь в форме смысла. Это справедливо для физических, химических и органических систем окружающего мира, которые сами не оперируют в смысловых формах. Смысловые системы в *окружающем мире* являются особым случаем, для которого верно, что не только

структурированная комплексность в общем, но и генерализации, специфические в отношении смысла, создают предпосылки, при которых окружающий мир является наблюдаемым, понятным и анализируемым для оперирующих самореферентно-закрытых смысловых систем. Еще раз формулируя более узко: это справедливо и для научного анализа, который, будучи от-дифференцирован, образует свою самореферентно-закрытую смысловую систему, которая (помимо всего прочего) занимается смысловыми системами своего окружающего мира. Это не вступает в коллизию с постулатом «свобода от ценностей», используемым в науке, так как этот постулат (что бы он ни обозначал в конкретных спорных истолкованиях) символизирует лишь связь всех операций с самореференцией системы науки; тем самым он не отрицает наличия в объекте генерализованных структур и нормативных механизмов, поддерживающих их⁸⁷.

⁸⁷ В качестве программы осуществления самореферентных отношений в системе науки постулат «свобода от ценностей» имеет методологическое значение. (Мы считаем такими программами методы!) Однако убедительность, с которой этот постулат может быть применим к методам, зависит и от отношения к предмету, в частности от комплексности теорий в системе науки. Он является шагом в направлении свободы от ценностей в той мере, в какой развиваются теории, отказываются от простого тезиса о нормативной конституции социального и продвигаются к более точным высказываниям о функциях норм и ценностей.

Глава 3 ДВОЙНАЯ КОНТИНГЕНТНОСТЬ

I

Понятие, обозначающее тему данной главы, приводит нас к теории социальных систем. Оно занимает видное место в «Основных положениях» сборника «К общей теории действия»¹, предназна-

¹ См.: Towards a General Theory of Action / Ed. T. Parsons, E. Shils. Cambridge Mass., 1951. —

Соответствующая формулировка гласит: «Взаимодействию присуща двойная контингентность. С одной стороны, удовлетворение Ego зависит от того, какие альтернативы он выбирает из числа имеющихся. В свою очередь реакция Alter будет зависеть от осуществляемого Ego выбора, и, сверх того, определяется еще и выбором со стороны Alter. Вследствие этой двойной контингентности коммуникация, являющаяся необходимым условием для культурных образцов, не может существовать как без обобщения и отвлечения от частного в конкретных ситуациях (которые никогда не бывают идентичными для Ego и Alter), так и без стабильности значения, которое могут гарантировать только „конвенции“, соблюдаемые обеими сторонами». (Перевод цитируемого фрагмента заимствован из: Пирсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук II Парсонс Т. О структуре социального действия / Пер. с англ. Под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М., 2002. С. 436—437. — При этом он уточнен: термин "double contingency" переведен нами как «двойная контингентность», а не как «двойная зависимость от обстоятельств» в вышеуказанном переводе — здесь и далее, на с. 177 данного издания. — Прим. отв. ред.)

В этой формулировке, исходящей из проблемы социального измерения, «обобщение» олицетворяет решение проблемы в предметном измерении, а «стабильность» — во временном. Позднейшая формулировка включает в себя и тему социальной рефлексии: «Ключевых отправных пунктов анализа взаимодействия — два: (1) любой актер является и действующим агентом, и объектом ориентации — по отношению и к себе, и к другим; и

151

ченного послужить программным введением развития общей теории в социальных науках. Однако до сих пор это понятие и сочетание проблем, заложенных в нем, не находили должного внимания². Это справедливо не в последнюю очередь и в отношении последующих работ самого Парсонса³. Поэтому нам следует в точности изучить формулировку понятия, чтобы выяснить, в каком отношении она находится с ситуациями в теории, обсуждавшимися ранее. Мы увидим, что все встречается вновь — система, комплексность, самореференция, смысл.

Парсонс исходит из того, что социальное действие невозможно, если Alter ставит его в зависимость от действий Ego, а Ego стремится связать свое поведение с Alter. Чистый, далее не разработанный круг самореферентного определения оставляет действие неопределенным, делает его неопределимым. Таким образом, речь идет не о голом согласовании поведения, не о координации интересов и намерений различных акторов. В гораздо большей степени речь идет об основном условии возможности социального действия как такового. Без решения проблемы двойной контингентности никакое действие не осуществляется, так как отсутствует возможность его определения. Поэтому решение этой проблемы Парсонс видит в *понятии* действия — обязательным отличительным признаком дейст-

(2) как действующий агент, он ориентируется на самого себя и на других, а как объект имеет значение для себя и для других во *всех* важнейших модусах или аспектах... Из этих посылок проистекает фундаментальное положение о *двойной* контингентности взаимодействия. Результат достижения цели

зависит не только от успешного познания и управления акторами объектами окружающей среды, как это происходит в случае изолированных действующих единиц, будь то животное или человек, но, поскольку наиболее важные объекты также включены в акт взаимодействия, этот результат зависит и от взаимодействия акторов при вмешательстве в ход событий» (*Parsons T. Interaction; Social Interaction, International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 7. New York, 1968. P. 429-441 (436)*). Дальнейшую разработку ср. прежде всего в: *Olds J. The Growth and Structure of Motives: Psychological Studies in the Theory of Action. Glencoe 111., 1956.*

² Ср. опять-таки: *Asch S. E. A Perspective on Social Psychology // Psychology / Ed. S. Koch. Bd 3. New York, 1959. P. 363—383*; кроме того: *Kuhn A. The Logic of Social Systems. San Francisco, 1974. P. 140* (мутуалистическая контингентность (*mutual contingency*) лишь как особый случай социальной интеракции, которая, по Куну, и при односторонней контингентности заслуживает названия «социальной»).

³ Об этом см.: *Luhmann N. Generalized Media and the Problem of Contingency / Explorations in General Theory in Social Science: Essays in Honor of Talcott Parsons / Ed. J. J. Loubser et al. New York, 1976. Vol. 2. P. 507— 532. 152*

вия он считает нормативную ориентацию, приводящую к консенсусу. На этом основана его схема четырех функций.

Данное приращение теории легкомысленно не замечать. Важно, что Парсонс явно выходит здесь за пределы теорий приспособления и координации. Мы считаем, что проблема двойной контингентности относится к условиям возможности действий. Следовательно, элементы систем действия, т. е. действия, могут конституироваться лишь в этих системах и лишь благодаря решению проблемы двойной контингентности⁴. Тем важнее осмотрительность при переходе от *проблемы* двойной контингентности к представлениям о ее *решении* — вот то место, где наши пути с Парсонсом расходятся.

Парсонс, как отмечено выше, усматривал решение проблемы в допущении (на самом деле весьма неявном) о ценностном консенсусе, в согласованной нормативной ориентации, в «общей символической системе» (*shared symbolic system*), имеющей, подобно «коду», нормативный характер. С точки зрения истории теории это предложение было сформулировано в переходный период. В нем, как и во всей социологии первой половины XX в., предполагается, что общества передают культуру по традиции, поэтому культура всегда предшествует любой социальной ситуации. Долговременные структуры, постоянно обеспечивающие социальный порядок, уже существуют в культурном наследии, т. е. в прошлом. Соответственно проблема социального порядка представляет собой не столько проблему политической власти, сколько проблему социализации. Используемое Парсонсом понятие взаимопроникновения сводит эти аспекты к единой формуле. Однако тем самым постановка проблемы лишь отодвигается в прошлое. В таком случае социокультурную эволюцию еще можно понимать как отклоняющуюся социализацию, но в принципе конституция социальных систем всегда связана с наличным культурным кодом, хотя должна бы объяснять его возникновение и функцию.

Вместе с тем формула двойной контингентности в силу своей имманентной циркулярности выводит за пределы этого традиционного начала теории, обещая нечто новое. Решение проблемы двойной контингентности не обязательно искать только в наличном консенсусе, т. е.

исключительно в социальном измерении. Существуют и функциональные эквиваленты, например временное измерение. В еще неясной ситуации Alter определяет свое поведение методом

⁴ Тем самым обозначено место, открывающее возможность дальнейшего анализа с помощью концепции аутопоэтических систем, к которому мы вернемся ниже. Ср. с. 169 и следующую данного издания.

153

проб. Он начинает с приветливого взгляда, жеста, подарка — и ждет, примет ли и как примет Ego предлагаемое определение ситуации. В свете этого начала каждый последующий шаг является действием с определяющим эффектом — позитивным либо негативным, — уменьшающим контингентность. Мы еще вернемся к этому.

Посредством такого расширения рамок решения проблемы, лежащей в основе теории Парсонса, теория становится более открытой случайностям. Мы можем непосредственно следовать принципу "order from noise"* общей теории систем⁵. Теперь не нужно допущения о ценностном консенсусе, проблема двойной контингентности (т. е. пустая, закрытая, неопределимая самореференция) прямо-таки всасывает случайности, она становится чувствительной к ним, и если бы ценностного консенсуса не было, то его следовало бы создать. Система возникает, *etsi non daretur Deus***.

Такая переориентация требует дальнейших корректив исходных положений теории Парсонса. Парсонс размышлял о субъектах действия (в нестрогом смысле), выступающих друг перед другом не только с естественными, но и с самостоятельно сформулированными потребностями,

удовлетворение которых зависит друг от друга. Такая формулировка проблемы все-таки имеет неприкрытые фланги. Возникает вопрос, что это за субъекты действия (агенты, акторы), названные Ego и Alter, если то, что является в них «организмом» (позднее: «поведенческой системой») и «личностью», выделяется только в системе действия, а не предзадано ей. И еще: как понимать контингентность, если любой определенный порядок возникает лишь на основе проблемы двойной контингентности.

Чтобы получить ответ, мы переносим проблему двойной контингентности на более общий теоретический уровень, на котором рассматриваются конституция и непрерывный процесс осуществления смысла. Тогда об Ego и Alter, как уже отмечено в предыдущей главе, следует говорить лишь как об открытых возможностях определения смысла, которые даны переживающему их или другому всякий раз как определение горизонта. Проблема двойной контингентности существует виртуально, если дана психическая система, переживающая смысл. Она диффузно сопутствует всякому пе-

⁵ См.: Foerster H. von. *On Self-Organizing Systems and Their Environments // Self-Organizing Systems* / Ed. M. C. Yovits, S. Cameron. Oxford, 1960. P. 31—48.

* Буквально "order from noise" (англ.) — порядок из шума. — Прим. отв. ред.

** Даже если бы не было Бога (лат.). — Прим. отв. ред.

154

реживанию, пока не сталкивается с другой личностью или с социальной системой, обладающей свободным выбором. Тогда она актуализируется в форме проблемы согласования поведения. Повод для актуализации дают конкретные реальные психические или социальные системы или следы, оставленные ими (например, письменность). Однако голой фактичности встречи все-таки недостаточно для того, чтобы проблема двойной контингентности обострилась; эта проблема приобретает мотивирующее значение (и тем самым конституирующее значение для социальных систем) лишь в том случае, если системы переживаются и рассматриваются друг другом специфическим образом, а именно как бесконечно открытые возможности определения смысла, в своей основе недоступные постороннему вмешательству. Отсюда — специальная терминология Ego и Alter, соответственно alter Ego. Следовательно, понятия Ego и Alter должны оставлять открытым вопрос о том, идет речь о психических или о социальных системах; и о том, допускают ли они тот или иной процесс осуществления смысла.

Соответственно мы должны расширить понятие контингентности, а именно привести его к изначальной формулировке в теории модальности. Понятие образуется благодаря исключению необходимости и невозможности. Контингентное есть нечто, не являющееся ни необходимым, ни невозможным; таким образом, оно может быть таким, каково есть (было, будет), но может быть и иным⁶. Следовательно, понятие обозначает нечто данное (испытанное, ожидаемое, помысленное, пофантазированное) в виду возможности иного бытия; оно обозначает предметы в горизонте возможных изменений. Понятие предполагает данный мир и, таким образом, обозначает не возможное вообще, а лишь то, что с точки зрения реальности воз-

⁶ Данная формулировка понятия исторически восходит к Аристотелю. Среди множества логико-исторических исследований см., напр.: *McCall S. Aristotles* Modal Syllogisms*. Amsterdam, 1963, в частности p. 66 ff; *Bro-gan A. P. Aristotles' Logic of Statements about Contingency K Mind* 76 (1967). P. 49—61; *Becker-Freyseng A. Die Vorgeschichte des philosophischen Terminus "contingens": Eine Untersuchung iiber die Bedeutung von "contingere" bei Boethius und ihr Verhaltnis zu den Aristotelischen Moglichkeitsbegriffen*. Heidelberg, 1938; *Barth H. Philosophic der Erscheinung*. Bdl. Basel, 1947. S. 326 ff.; *Jalbert G. Necessite et Contingence chez saint Thomas d'Aquin et chez ses predecesseurs*. Ottawa, 1961; *Solaguren C. Contingencia y creaci6n en la filosofia de Duns Escoto S Verdad y Vida* 24 (1966). P. 55—100; *Schepers H, 1) Moglichkeit und Kontingen: Zur Geschichte der philosophischen Termino-logie vor Leibniz*. Turin, 1963; 2) *Zum Problem der Kontingen bei Leibniz: Die beste der moglichen Welten ff Collegium Philosophicum: Studien J. Rit-ter zum 60. Geburtstag*. Basel; Stuttgart, 1965. S. 326—350.

155

можно иначе. В этом смысле с недавних пор говорят также о «возможных мирах» относительно реального жизненного мира⁷. Таким образом, в понятии контингентности предполагается реальность этого мира как первое и незаменимое условие возможности бытия.

Двойная контингентность в таком понимании, модифицированном по сравнению с парсоновским, обладает двояким эффектом. Она позволяет выделить особое *измерение мира* для социально различных смысловых перспектив (социальное измерение) и обеспечивает выделение особых *систем действия*, а именно социальных систем. Соответственно социальное в любом смысле доступно в качестве проблемы тождественности и расхождения смысла в перспективах понимания.

Одновременно оно выступает особым поводом селективного согласования действий в системах,

отличающих себя от своего окружающего мира. Благодаря модификации основ теории Парсонса можно соединить феноменологию и системную теорию, анализ смысла и анализ отношений системы и окружающего мира. Однако для этого нужна еще одна разработка, превышающая парсоновский уровень абстракции.

II

Формулировка проблемы двойной контингентности соблазняет и на стороне Ego, и на стороне Alter представлять себе людей, субъектов, индивидов, личностей как чисто конкретные экзистенции. Это не есть ни целиком неверно, ни совершенно верно. Теорема двойной контингентности служит как раз для того, чтобы снимать столь компактные предпосылки. Но это возможно, когда предлагается замена. Мы отправляем существенную часть этой проблематики в главу 6 «Взаимопроникновение». Здесь необходимы лишь некоторые пояснительные замечания о теоретических преимуществах, обретаемых путем такого снятия.

Прежде всего мы должны освободиться от традиционного способа рассмотрения путем попытки решения проблемы двойной контингентности (даже если она называется иначе) при помощи таких понятий, как «взаимодействие», «отражение», «взаимность перспектив» и даже взаимных результатов. Тем самым искомое единство находилось в некоем симметричном соединении разного. В соответствии с этим социальное мыслилось как отношение между инди-

⁷ Так, напр.: Rescher N. Topics in Philosophical Logic. Dordrecht, 1968, в частности p. 229 ff.; Elster J. Logic and Society: Contradictions and Possible Worlds. Chichester, 1978.

156

видами. При этом считалось, что индивиды не могут выпасть из отношения без того, чтобы оно само не исчезло. Это представление постепенно и почти незаметно стало неадекватным, а именно вследствие того, что все больше и больше подчеркивались собственная селективность перспектив и непостижимость визави. В конечном итоге всякая модель симметрии такого рода рушится при столкновении с проблемой комплексности и ее необходимо-селективной редукции, всегда управляемой внутрисистемно и самореферентно.

Если говорят об отражении, то в определенной степени еще можно считать, что взаимно отражающиеся зеркала либо увеличивают, либо уменьшают, либо как-то иначе искажают, внося «субъективный» компонент. Однако метафора все-таки становится неадекватной по мере увеличения актов выбора по отношению к себе. Она становится неадекватной прежде всего тогда, когда считают, что кривое зеркало не учитывает искажение другого зеркала. Это означает, что метафора рушится на уровне отношений между самореферентно оперирующими системами. Зеркала бьются. Однако без такой метафоры нельзя мыслить взаимность перспектив. Благодаря ей исчезает представление о попеременно антиципирующем себя («наполненном целями») взаимном влиянии. Иначе говоря, сомнительно, как вообще еще можно мыслить единство отношения, тесно связывающее множество самореферентных систем. Само отношение становится редукцией комплексности. Однако это означает, что оно должно быть понято в качестве эмерджентной системы.

Так же мало удовлетворителен (хотя совсем по другим причинам) и «символический интеракционизм». Это теоретическое направление встраивает контингентно действующее alter Ego в Ego и совершенно справедливо усматривает процесс опосредования в использовании символов. Однако оно рассматривает проблему лишь со стороны интеракции, полагая, что с другой стороны имеет место то же самое. Это направление разбирает, так сказать, лишь половину двойной контингентности и поэтому остается лишь теорией действия. Однако социальные системы возникают вследствие того (и лишь вследствие того), что *оба* партнера испытывают *двойную* контингентность и что неопределенность такой ситуации придает структурообразующее значение для *любой* активности обоих, имеющей место в таком случае. Этого нельзя охватить понятием действия как основным понятием.

В контексте теории социальных систем, основанной на проблемном понятии двойной контингентности, дифференциация социальных и психических систем может быть яснее принята в расчет. Разумеется, ситуации с двойной контингентностью, способные во-

157

обще запустить коммуникацию, требуют, самое малое, некоторого взаимного наблюдения и минимума ожиданий, основанных на знаниях. Одновременно в силу комплексности таких ситуаций исключено, что участники полностью понимают друг друга, а именно понимают каждый вариант реализации системы, подразумеваемый любым участником. На обычном социологическом языке это можно выразить тем, что степень взаимного знания, необходимая для воспроизводства социальной системы, есть переменная величина, актуализируемая в той или иной

мере в зависимости от системы, от типа социальной системы и тем самым от разнообразия таких типов, возникшего в ходе социокультурной эволюции. Таким образом, следует принимать во внимание различные формы и степени «персонализации» социальных систем (и соответствующую переменную, если Ego и Alter есть не психические, а социальные системы). Это означает отказ от любого субстанциализированного понимания индивидов или акторов, обеспечивающих образование социальных систем в качестве носителей определенных качеств. Вместо этого на уровне социальных систем возникает вопрос о том, насколько глубоко должны понимать друг друга участники, чтобы быть в состоянии осуществлять коммуникацию.

Психические системы, наблюдаемые другими психическими или социальными системами, назовем *личностями*. Поэтому понятие личностной системы является понятием, включающим в себя перспективу наблюдателя, в том числе и самонаблюдение (так сказать, самоперсонализацию). Так как можно допустить, что любая теория психических систем актуализирует перспективу наблюдателя, о психических и личностных системах можно говорить почти в одном и том же смысле. Однако понятийное различие не теряет важности, так как в понятии личности сильнее акцентируется значимость для наблюдателя. Мы говорим не о «психологизации», а о «персонализации» социальных систем, когда речь идет о том, чтобы выразить зависимость воспроизводства коммуникативной социальной системы от личных определений участников. Следующую проблему, также терминологическую, тоже трудно решить при помощи выражений, понятных в повседневной жизни. Для плодотворного анализа здесь также необходимо больше ясности и больше понятийной дифференциации, чем обычно требуют того от себя социологи. К основанию, предполагаемому в теореме двойной контингентности, принадлежат использующие смысл высококомплексные системы, непрозрачные и непредсказуемые друг для друга. Это могут быть психические или социальные системы. Пока мы должны воздержаться от их различения и поэтому гово-

158

речь о «черных ящиках»⁸. В таком случае основная ситуация двойной контингентности проста: два черных ящика должны иметь дело друг с другом, неважно почему. Каждый из них определяет собственное поведение посредством комплексных самореферентных операций в своих пределах. Поэтому то, что за ними наблюдаемо, с необходимостью является редукцией. Каждый предполагает в отношении другого то же самое. Поэтому при всех усилиях и затратах времени (по отдельности они всегда действуют быстрее!) черные ящики остаются друг для друга непрозрачными. Даже если они оперируют лишь механически, *в отношении друг друга* они должны допускать индетерминированность и детерминированность. Даже если они оперируют «вслепую», они действуют *в отношении друг друга* лучше, если взаимно допускают детерминированность в отношениях система/окружающий мир и на основании этого наблюдают друг друга. Попытка просчитать другого неизбежно потерпела бы неудачу. Попытка повлиять на него через его окружающий мир может увенчаться успехом и позволяет накапливать опыт. Непредсказуемость охватывается уступками свободы⁹, можно сказать, почти «сублимируется»¹⁰. Черные ящики, если они встречаются, создают, так сказать, мудрость, во всяком случае достаточную транспарентность, для общения друг с другом. Они создают достоверность реальности *посредством ее голого допущения*, потому что такое допущение ведет к допущению допущения у alter Ego", Ассимиляция

⁸ Тем самым становится понятным, что последующая аргументация может быть транспонирована на уровень общей теории систем, если опустить предпосылку об осмысленном переживании и действии. В связи с этим и в связи с нижеследующим ср. особенно: *Glanville R.* 1) *Inside Every White Box There Are Two Black Boxes Trying to Get Out.* Ms., 1979; 2) *The Form of Cybernetics: Whitening the Black Box II General Systems Research: A Science, a Methodology, a Technology.* Louisville, Kentucky, 1979. P. 35—42.

⁹ См. об этом также: *MacKay D. M.* *Freedom of Action in a Mechanistic Universe.* Cambridge Engl., 1967.

¹⁰ Так как совершенно забывают, что сублимация означает то, от чего *следует* отказаться, вновь получают ее назад с повышенной значимостью.

¹¹ Аргумент против всякого интроспективно обоснованного солипсизма (и как замена божественного аргумента Декарта) формулирует также Х. фон Фёрстер (Я, *von Foerster*, а. а. О. (1960). P. 35): «Если предположить, что я единственная реальность, тогда окажется, что я существую в воображении кого-нибудь другого, из чего в свою очередь следует, что *он* является единственной реальностью. Естественно, этот парадокс легко разрешить, признав как реальный тот мир, в котором мы счастливо живем». Конечно, все не так быстро и не так просто! То, что возникает таким образом, является не признанием существования высшей реальности где-то там, а лишь конституцией реальности относительно уровня эмерджентности порядка взаимного допущения (просматриваемого для каждого в отдельности!).

смысловых материалов на этом уровне порядка предполагает — мы уже говорили о «взаимной» конституции¹² — две взаимно наблюдающиеся самореферентные системы. Для тех немногих отношений, о которых заходит речь в их общении, может быть достаточно их мощности переработки информации. Эти системы остаются разобщенными, не сплавляются в единое целое, не понимают друг друга лучше, чем прежде; они концентрируются на том, что могут наблюдать в другом как в системе-в-окружающем-мире в качестве «входа» и «выхода», и каждый раз самореферентно обучаются в собственной перспективе наблюдателя. Эти системы могут попытаться повлиять на то, что наблюдают, своим действием и опять-таки могут обучаться по обратной связи. Таким образом, может возникнуть эмерджентный порядок, обусловленный комплексностью систем, его обеспечивающих, *который, однако, не зависит от того, что эта комплексность также может просчитываться и контролироваться*. Мы называем этот эмерджентный порядок социальной системой.

Для всего нижесказанного о структурах важно в точности придерживаться ограничений, вступающих здесь в силу, в том числе учитывать, какого рода неуверенности здесь либо элиминируются, либо все-таки сохраняются в незначительной степени. Социальная система основывается не на том и не зависит от того, что системы, находящиеся в ситуации двойной контингентности, могут взаимно просматривать и прогнозировать поведение друг друга.

Социальная система именно потому является системой, что не существует никакой фундаментальной уверенности ее состояния и нет никаких прогнозов поведения, основанных на этом. Контролируются лишь *следующая отсюда* неуверенность в отношении *собственного* поведения участников¹³. Благодаря образованию системы в такой ситуации ограничиваются (= структурируются) возможности *укрепиться в соб-*

¹² Ср.: гл. 1,11, пункт 10.

¹³ Эту точку зрения может пояснить следующая, пожалуй, несколько длинноватая цитата: «Теперь из-за того, что Вы бормочете какие-то непонятные слова, Вы, конечно, превращаетесь в совершенно произвольный объект. Но если я смогу завязать с Вами беседу, то Вы перестанете быть таким объектом. Почему так происходит? Конечно же, потому, что я не могу предугадать, что Вы скажете в следующую секунду... Однако самая важная неопределенность в отношении Вас совсем другого рода и заключается в том, что я не вполне знаю, что я должен выяснять в этом случае». — А такую неуверенность уже можно контролировать с помощью беседы (*Pask G. A Proposed Evolutionary Model // Principles of Self-Organization / Ed. H. von Foerster, G. W. Zopf. Oxford, 1962. P. 229—248 (230)*).

160

ственном поведении. Только так происходит аутопойетическое воспроизводство, осуществляется действие в ответ на действие. Поглощение неуверенности происходит через стабилизацию ожиданий, а не через стабилизацию самого поведения, что, конечно, предполагает, что поведение выбирается не без ориентации на ожидания.

Благодаря этому ожидания в контексте двойной контингентности приобретают структурную ценность в создании эмерджент-ных систем и тем самым своего рода реальность (= ценность присоединения). Это также справедливо — и здесь будет совершенно ясно, что мы не основываемся более на принципах Парсонса, — для всех семантических редукций, с помощью которых участвующие системы создают транспарентность, достаточную для взаимного наблюдения и коммуникации. Я имею в виду такие понятия, как личность, интеллект, память, обучение. «Личность» является обозначением для невозможности наблюдать, как получается, что благодаря своей связи в психической системе вероятность распознавания ожиданий увеличивается (или, в другой формулировке: увеличивается) надежность распознавания. «Интеллект» является обозначением для невозможности наблюдать, как получается, что самореферентная система в контакте с самой собой выбирает то, а не иное решение проблемы. «Память» является обозначением того, что невозможно наблюдать, как комплексное актуальное состояние системы переходит в следующее, так что вместо этого следует обратиться ко «входам» как индикаторам, избранным в прошлом. «Обучение» является обозначением невозможности наблюдать, каким образом информации вызывают далеко идущие последствия тем, что способствуют частичным структурным изменениям в системе, не нарушая ее самоидентификации. Примеры можно было бы продолжить¹⁴. Они показывают, что напрасно было бы искать психический или даже органический субстрат личности, интеллекта, памяти, обучения. Речь идет лишь об искусных приемах наблюдателей, с помощью которых ненаблюдаемое объясняется и переводится на эмерджентный

¹⁴ Мы взяли примеры, за исключением «личности», используемые Г. Цопфом для иллюстрации такого же тезиса. См.: *Zopf G. W. Attitude and Context // Principles of Self-Organisation / Ed. H. von Foerster, G. W. Zopf. Oxford, 1962. P. 325—346 (327 ff.)*. Впрочем, для «потребностей» было бы справедливо в соответствующем

аспекте то же самое. Уже Гегель видел в потребностях абстракцию, уже Парсонс был вынужден заниматься генерализацией на уровне конфигурации потребностей. Поэтому социология, основанная на понятии потребностей, должна была бы прежде всего объяснить, откуда у нее такая смелость все это игнорировать. Во всяком случае натурализм сам по себе еще не есть осмысленная программа.

63ак. №4161

161

уровень контакта систем. Если такое происходит и наблюдаемый сам его испытывает, то это может стимулировать его к тому, чтобы ориентироваться на свое самонаблюдение (безусловно, стоящее перед той же проблемой). По мере приобретения успешного опыта он будет считать, что он — личность, что он обладает интеллектом и памятью, может учиться и т. п. И никто не сможет ему возразить, так как никто не может наблюдать его точнее, нежели позволяют эти понятия.

Следовательно, «психологическое» такого рода относится к эмерджентной реальности социальных систем, обязанной своим возникновением автокатализу двойной контингентности. Это ни в коем случае не означает, что речь идет о кажущемся мире, о фикциях, о голых словах по сравнению с твердыми фактами самих систем, лежащих в их основе. В эмерджентных отношениях нет большей или меньшей реальности, нет никакой убывающей реальности, а существует лишь способность присоединения различной степени избирательности. Речь идет о восстановлении просматриваемости, несмотря на непросматриваемую комплексность, что может быть достигнуто лишь благодаря эмерджентности новых уровней образования систем.

Однако за относительную просматриваемость, полученную таким путем, приходится платить. Она оплачивается *опытом контингентности*. Отсутствие почвы для приращения структуры компенсируется общей уступкой, что оно могло бы произойти иначе. Недостижимое знание и просчитывание партнера заменяются уступкой свободы, и тогда можно ограничиться знаниями, помогающими обращаться с контингентностью. *Данная редукция* — центральный теоретический тезис высокой интегрирующей силы, — *связывается с переживанием действия* и поэтому регулируется непосредственно уступкой в свободе. Смысловое единство действия конституируется как синтез редукции и возможностей выбора. Его функция есть удержание этого как способного к присоединению. Поэтому то, что происходит в отношениях между черными ящиками, предстает для них как *действие*. Действие есть отбор, приписанный системе. Как бы ни рационализировалось оно в таком случае в качестве выбора из альтернатив, как бы ни представлялось решением, как бы ни было связано с мотивами, прежде всего оно есть не что иное, как актуализированная контингентность и, с точки зрения наблюдателя, ожидание, возвращенное в непредсказуемом. Мы еще вернемся к этому подробнее в главе 4 «Коммуникация и действие». Одно из важных следствий касается вопроса о том, при каком, собственно, *различии* система, основанная на двойной контингент-

162

ности, *начинает действовать*. В контексте современного индивидуализма и теории действия здесь напрашивается возможность исходить из пользы действующего или из его целей (как всегда субъективных, иррациональных, безграмотно сформулированных и ошибочных). Однако теорема двойной контингентности все-таки ведет к иному результату. Система начинает действовать и поэтому ориентируется прежде всего посредством вопроса о том, *примет или отклонит партнер коммуникацию*, или, сводя к действию: *принесет ему действие пользу или вред*. Позиция, представляющая собственный интерес, возникает лишь вторично на основе того, как реагирует партнер на смысловое предложение. Преследование своей выгоды — слишком претенциозная позиция, чтобы считать ее универсальной (соответствующие теории являются весьма поздними)¹⁵. Наоборот, ни одна социальная система не пришла бы в действие, если бы начинающий коммуникацию не мог знать или не интересовался бы реакцией партнера на то, положительна она или отрицательна. Ситуация была бы совершенно неопределенной в этом отношении, если бы любой контакт прерывался прежде, чем возникнут усилия по прояснению предпосылок различия, касающегося партнера.

Наконец, следует также учесть, что опыт контингентности, генерированный таким образом, становится всемирно действующим. Он не может оставаться лишь в межсистемных отношениях, ограничиваться лишь эмерджентной социальной системой действия, так как черные ящики обращаются друг с другом как с системами-с-окружающим-миром в своем окружающем мире. Каждый из них может различать свой окружающий мир, или мир как таковой, и системы-с-их-окружающим миром в своем окружающем мире. Средством этого помимо действия приобретает значение и переживание, касающееся окружающего мира, — уже лишь потому, что системы могут воздействовать на другого лишь в том случае, если знают, каким образом благодаря этому они

сами переживаются в окружающем мире другого. Наконец, обобщенным результатом постоянного оперирования в условиях двойной контингентности является социальное измерение всякого смысла — чтобы при любом содержании смысла можно было спросить, как он познается и перерабатывается другими.

¹⁵ Это возражение касается как объективистского утилитаризма, так и программы «понимающей социологии». Оно следует из приоритетности вопроса о системной референции, не подменяя собой психологического объяснения.

163

Эта сложная структура непросматриваемых систем, ориентирующихся на окружающий мир, в котором существуют системы, ориентирующиеся на окружающий мир, вынуждает к тому, чтобы отличать различие система/окружающий мир, конститутивное для каждой системы, от отношений между определенными системами¹⁶. Это есть тот испытательный фон, который позволяет рассматривать эволюцию смысла и эволюцию различия переживания и (приписываемого) действия. Каждый смысловой момент предоставляет точку опосредования для различных референций системы/окружающего мира, так сказать, возможность интеграции ad hoc. Одновременно это соображение проясняет связь социального измерения, имманентного смыслу, и образования социальных систем. Социальное измерение всякого смысла касается всего мира, всего пространства собственного и (оцениваемого) чужого переживания на «выходе», каждого конкретного «здесь» и «сейчас». Такой мировой широте соответствует лишь то, что она должна сводиться к сопутствующему маргинально. Социальные же системы, напротив, образуются лишь там, где действия различных психических или социальных систем должны быть согласованы друг с другом, так как предпосылкой для выбора одного действия является другое, и наоборот. Конституция социального измерения есть необходимое, но недостаточное условие для конституции социальных систем (так же, как переживание есть необходимая, но недостаточная предпосылка действия). Социальное измерение обнаруживает во всяком смысле возможности расхождения системных перспектив. Обще-понимаемое может означать для участников весьма разное. В таком случае это расхождение может использоваться для образования социальных систем, оно может давать тому повод, оно может более или менее принуждать к тому. В разнообразии переживания заложены побуждения к действию. Двойная контингентность вынуждает к действию. Однако в то же время из различия переживания и действия видно, что различия в способе видения и переработка событий еще не определяют, каким образом будут действовать. Для образования социальных систем следует решить еще одну проблему — проблему двойной контингентности социального действия, возникающую вместе с любым образованием смысла.

¹⁶ Этого уже давно требовал Х. Хартман. См.: *Moderne amerikanische Soziologie: Neuere Beiträge zur soziologischen Theorie* / Hrsg. H. Hartmann Stuttgart, 1967. S. 85 ff. (Введение).

164

III

Прежде чем проследить дальше проблему двойной контингентности, конституирующую системы, следует подключить научно-теоретическую рефлексия, касающуюся формы теории. Теория, разработку которой мы начинаем, ориентирована не на некое совершенство или его дефицит, а на специфически научный интерес к разложению и рекомбинации содержания опыта. Она исходит не из того, что мир находится «в порядке», а из того, что у него есть недостатки, устранимые с помощью науки. Ее не касаются какие-либо исходные теоретические положения, связанные с угрожающими стабильности «социальными проблемами» или вызывающие отклонения, экспоненциальное развитие или преступность. Разумеется, не оспаривается то, что существуют темы такого рода, достойные исследования, однако не они определяют начала теории и ее проблематику. Интерес не состоит в одобрении, врачевании или сохранении существующего, а носит прежде всего аналитический характер: он направлен на прорыв видимости нормальности, на отвлечение от опыта и привычек и в этом смысле — от феноменологической редукции (понятие употребляется здесь не в трансцендентально-теоретическом значении).

Методологический рецепт здесь таков: искать теории, способные признать нормальное невероятным¹⁷. В функционалистской перспективе этого можно достичь постановкой проблемы, представляющей нормальное содержание опыта жизненного мира как удачное решение проблем, но вместе с тем допускающее их иное решение. С началом отхода от религиозного мироустановления, с XVII в., накапливается множество примеров такой техники улучшения. Декарт высказывался против всякого правдоподобия: не существует какой-либо связи между настоящим, предыдущим и последующим моментами; отсюда — Бог должен каждый момент за-

ново творить мир. Позднее на место такого решения проблемы заступает тезис о всемирно-историческом сознании, каждый раз возникающем в собственном горизонте времени. Или, например, Гоббс считал, что каждый человек боится другого и поэтому обладает превентивной враждебностью, а другой, принимая это в расчет, тем более вынужден упреждать ее. В случае такой постановки проблемы, сформулированной контраиндуктивным образом, *creatio continua*¹⁷ Ср. также: *Luhmann N. Die Unwahrscheinlichkeit der Kommunikation* // *Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 25—34.* * Создание континуума (лат.). — *Прим. пер.*

165

вменяется в обязанность государству. Другой автор считает, что если кто-то дает что-либо другому, то когда позднее встает вопрос о благодарности или вознаграждении, невозможно договориться о стоимости дара. Решение проблемы осуществляется здесь механизмом рынка/цены. Последний пример касается и воспитания: как вообще возможно воспитывать к свободе, если для этого необходимо влияние воспитателя на воспитанника¹⁸. Во всех этих случаях было бы банальным отправлять проблему обратно в жизненный мир, к фактичности истории, к функционирующим институтам (однако именно это обычно и делают), потому что речь идет как раз о реконструкции этого жизненного мира на фоне иных возможностей.

В ранних примерах техники построения теории, признающей нормальное невероятным, бросаются в глаза два момента. Все эти примеры разработаны в связи с проблемой времени и касаются специфических проблем определенных функциональных подсистем¹⁹. В обоих моментах они сохраняют зависимость прежде всего от проблем, требующих первоочередного рассмотрения и приведения к новым семантическим формам в процессе перестройки — от словесного устройства общественной системы к функционально дифференцированной системе²⁰. Вопрос о том, как возможен социальный порядок в специфически научном стиле рефлексии Нового времени, также приобретает аналитическую остроту²¹. В частности, социология уже около ста лет пребывает в поисках собственной теоретической интеграции на основе такой постановки вопроса²².

¹⁸ Ср.: *Ritter, Kritik der Pädagogik zum Beweis der Notwendigkeit einer all-gemeinen Erziehungs-Wissenschaft II* // *Philosophisches Journal* 8 (1798). S. 47—85; *Zachariae K. S. Über die Erziehung des Menschengeschlechts durch den Staat*. Leipzig, 1802, в частности S. 98 ff.

^В отношении самого раннего примера, примера Декарта, в этом, пожалуй, можно усомниться. Однако и здесь функциональная система, а именно религия, рассматривается специфическим образом; и вопрос звучит так: как религиозные ориентации могут сохранить свой статус, если сознание еще прежде убедилось в собственной субъективности?

²⁰ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Frankfurt, 1980 — Bd 1; 1981 — Bd 2.

²¹ Ср. об этом подробнее: *Luhmann N. Wie ist soziale Ordnung möglich?* / *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 195—285.

²² В качестве обзора ср.: *Eisenstadt S. N., Curelaru M. The Form of Sociology: Paradigms and Crises*. New York, 1976. Само собой разумеется, в предыстории и в эксплицитной теоретической традиции в социологии существуют и не столь общие постановки проблемы, прежде всего в тре-

166

В специфически социологических постановках проблем точно так же можно обнаружить оба типа вопросов, и здесь также существуют «очень милые» теории, способные помочь, и теории, очарованные превращением невероятного в вероятное. Первый вариант имеет свою традицию, второй напрашивается в случае эксплицитного вопроса о том, как возможен социальный порядок.

Всецело традиционное понимание видит решение проблемы социального порядка в устранении или подавлении неприемлемого поведения, враждебных, разрушительных и вредных действий, препятствующих в социальных отношениях праву других удовлетворять собственные потребности и чувствовать себя комфортно. Ведущей формулой здесь выступали *paq et iustitia*, т. е. безопасность и порядок, а средством — хорошая полиция. Необходимой предпосылкой образования социальных систем в таком случае считаются формирование правового политического порядка (Гоббс) или достаточный ценностный консенсус. Так как такое предварительное условие всегда уже выполнено, оно лишь «легитимирует» существующий порядок. Можно исходить из него, исключая тем самым из рассмотрения фундаментальную проблематику. Если спрашивают о возникновении таких предпосылок, то компетентности ради адресуются к теориям эволюции или социализации.

Однако все-таки следует задать вопрос, действительно ли основная проблема образования социальных систем сводится к элиминированию всего вредного или не способного к приспособлению. Или, в более острой формулировке: достаточно ли понимать социальный порядок как бойкотирование бойкотирования, не следует ли первым делом выяснить, как он

вообще возможен и достаточно ли вероятен? Другая точка зрения определена вопросом об «условиях возможности» и вместе с ним ищет более абстрактную и широкую основу теории (например, включающую в себя конфликты как системы).

Этот взгляд подготовлен радикализацией проблемы двойной кон-тингентности. Он артикулирует вопрос о том, «как возможен социальный порядок?» в таком виде, который представляет эту возмож-

угольнике индивидуальности, культуры и социального порядка (более или менее признанного, определенного властью), а также в формулах рациональности для такого отношения. Ср. об этом, напр.: *O'Neill J. The Hobbesian Problem in Marx and Parsons // Explorations in General Theory in Social Science: Essays in Honor of Talcott Parsons / Ed. J. J. Loubser et al. New York, 1976. P. 295—308; Robertson R. Aspects of Identity and Authority in Sociological Theory // Identity and Authority: Explorations in the Theory of Society / Ed. R. Robertson, B. Holzner. Oxford, 1980. P. 218—265.*

167

ность прежде всего как невероятную²³. Если каждый действует кон-тингентно, т. е. может действовать иначе, и каждый знает это о себе самом и о другом и принимает это в расчет, то прежде всего невероятно, что собственное действие вообще найдет точки присоединения в действиях другого (и тем самым приобретет смысл); ибо самоопределение предполагало бы самоопределение других, и наоборот. Однако одновременно с *невероятностью* социального порядка эта концепция объясняет также и его *нормальность*; так как при таком условии двойной контингентности каждое самоопределение, сколь бы случайно оно ни возникло и как бы ни было просчитано, приобретет ценность в качестве информации и возможности присоединения для другого действия. Именно потому, что такая система образуется самореферентно-закротно, так что *A* определяется через *B*, а *B* — через *A*, каждая случайность, каждое возмущение, каждая ошибка становятся продуктивными. Генезис системы предполагает структурированную комплексность в смысле не любых распределений. Без «шума» нет системы. Однако при этом условии возникновение порядка (сколь бы краток или конфликтен он ни был) является нормальным, если двойная контингентность может быть познана теми, кто определяет свое действие, т. е. может быть создана дву-сторонне контингентная ситуация для Ego и Alter.

На первый взгляд, может показаться удивительным, что удвоение невероятности (в отношении любого специфического поведенческого выбора) приводит к вероятности. Следовательно, речь идет не просто о линейной проблеме увеличения либо уменьшения. Если в дополнение к неопределенности собственного поведения поведенческий выбор другого также является неопределенным и одновременно зависит от моего собственного поведения, то как раз и возникает возможность ориентироваться именно на это и определять собственное поведение относительно этого. Следовательно, это и есть эмерджентность социальной системы, которая становится возможной посредством удвоения невероятности и тем самым облегчает определение собственного поведения.

²³ В этом состоят параллели с атаками этнометодологии, ее попытками поставить под сомнение само собой разумеющийся характер повседневной жизни и путем фронтального наступления с помощью эксперимента или развитого языка показать контингентность научных формулировок метауровня. Однако такие усилия (во всяком случае так представляется в настоящий момент) основаны лишь на своих собственных жестах. Это обстоятельство может проясниться для самих усилий, и они могут вести свою жестикуляцию в качестве повседневного поведения. Однако экспрессивное поведение, сколь бы отрефлектировано оно ни было, представляет собой не теорию, а лишь жестикуляцию.

168

IV

Теперь нам следует задаться вопросом о том, каким образом проблема двойной контингентности «решает саму себя»; или в несколько более острой формулировке: как получается, что возникновение проблемы запускает процесс ее решения.

Главным здесь является самореферентный круг: я делаю то, что ты хочешь, если ты делаешь то, что хочу я. Этот круг в рудиментарной форме представляет собой новое единство, не сводимое к одной из участвующих систем. В каждой из них он может быть представлен как содержание сознания или соответственно как тема коммуникации; но при этом всегда предполагается, что он представлен и в других системах. Эта предпосылка, какова бы ни была основа ее реальности, возникает произвольным образом. В крайних случаях эта предпосылка может основываться на заблуждении (другой вообще еще не заметил или не оценил меня как возможного партнера по интеракции); но, будучи вовлечена, она создает соответствующую реальность, если не дает другому возможность не ввязываться и тотчас прекратить контакт.

Нам не нужен уточненный анализ предпосылок — то, что возникает, и без того ново, всегда, при

любых предпосылках возникает одно и то же — циркулярно закрытое единство. В нем определение каждого элемента зависит от другого, и именно в этом оно заключается. Этот основной факт можно охарактеризовать как неопределенность, создающую саму себя: я не позволяю тебе определять меня, если ты не позволяешь мне определять тебя.

Речь идет, как видно, о структуре, крайне нестабильной в своей сердцевине, немедленно распадающейся, если далее ничего не происходит. Однако этого исходного положения оказывается достаточно, чтобы определить ситуацию, содержащую возможность образования социальной системы. Такая ситуация обязана своим единством проблеме двойной контингентности, поэтому она также несводима ни к одной из участвующих систем²⁴. Для каждой из них она представляет собой момент собственного отношения к окружающему миру²⁵, но в то же время является ядром кристаллизации

²⁴ См.: Osterberg D. Meta-sociological Essay. Pittsburgh, 1976, особенно с. 71. — Здесь в том же смысле говорится о "double dialectics" («двойной диалектике» (фр.). — Прим. отв. ред.) (а. а. О. S. 94) и в связи с этим также подчеркиваются новизна, единство и недедуцируемость социальных ситуаций.

²⁵ С этой точки зрения социальные ситуации рассматриваются в: Mag-kowitz J. Die soziale Situation: Entwurf eines Modells zur Analyse des Verhaltens zwischen personalen Systemen und ihrer Umwelt. Frankfurt, 1979. 169

эмерджентного отношения система/окружающий мир. Иными словами, такая социальная система основана на нестабильности. Поэтому она с неизбежностью реализуется как аутопойетическая система. Она работает с циркулярно замкнутой основной структурой, распадающейся при переходе от одного момента времени к другому, если этому не противодействуют. Формально это происходит через дедуктивизацию, а что касается энергии и информации — через использование окружающего мира. С точки зрения истории теории тем самым объединяются понятийные образования, возникшие раздельно. Теорема двойной контингентности и теория аутопойетических систем сходятся, их конвергенция дает возможность использовать понятие действия, «свободного от субъекта», в качестве понятия для наблюдения краевых элементов социальных систем.

Мы вернемся к этому в отдельном анализе в главе 4 «Коммуникация и действие». Однако уже здесь следует придерживаться того, что проблема двойной контингентности придает всякому поведению (сколь бы ни было оно обусловлено органически и психически) участвующих систем дополнительное качество — поведение редуцирует именно ту неопределенность, которая следует из двойной контингентности. С этой точки зрения оно квалифицирует само себя как действие. Поведение оказалось свободным в пространстве неопределенности с двойной контингентностью, так что всякое его осуществление означает отбор, а всякий отбор — ограничение²⁶. На уровне эмерджентности социальных систем сначала конституируются лишь те элементы, из которых они производят себя, и такой аутопойетический процесс требует конституции единства системы в качестве самореферентного круга.

Правда, «чистая» двойная контингентность, т. е. социально совершенно неопределенная ситуация, нигде не встречается в нашей общественной реальности. Тем не менее этот исходный пункт позволяет дальше проследить некоторые вопросы. Например, можно

"Именно такую сцену описывает Жан Жене (см.: Querelle de Brest цит. по: Œuvres complètes. Vol. 3. Paris, 1953. P. 301): «Марио хотелось оставить за собой это право выбирать. Продлить это мгновение абсолютной свободы. Он готовился к., только это не могло длиться вечно. Стоило ему выпрямить ногу, слегка ослабить какой-нибудь мускул — и выбор будет сделан, его свобода будет ограничена. Следовательно, он должен был сохранить это зыбкое равновесие неопределенности до тех пор пока у него хватит на это сил» (Перевод цитаты дается по изданию- Жене Ж Кэрель: роман / Пер. с фр. Т. Кондратович. СПб., 1995. С. 180. — Прим. отв. ред.).

170

поразмывать: если *все* годится для того, чтобы прервать круг внешнего определения посредством самоопределения, то что тогда подходит *в особенности!* В чем же заключаются *преимущества отбора*, делающие вероятным то, что одни социальные структуры возникают скорее, нежели другие?

Если ставят вопрос так, то все, что входит в ситуацию по предварительному пониманию, может считаться возможностью управления отбором. Однако дополнительно можно поставить вопрос (хотя лишь в отношении пока открытой области остаточной контингентности), нельзя ли получить более общие представления об относительных возможностях реализации предлагаемого смыслового содержания. Иными словами, можно спросить, что является особенно подходящим, если речь идет о предварительном конструировании последующих событий в открытой ситуации и повышении их вероятности путем самоопределения и внешнего определения?

Во временном отношении, несомненно, имеет значение *преимущество в темпе*. Предпочтение получают темы, которые можно быстро развивать. Цепочки отборов, способные оперировать быстрее, вытесняют требующие долгих размышлений о том, с чем их можно связать. Отсюда следует, что тот, кому первому приходит в голову то, что можно операционализировать, остается в выигрыше²⁷. В

предметном и социальном отношении все зависит прежде всего от *способности присоединения*. Это означает, что в качестве следующего события выбирается то, которое позволяет понять, что может стать событием, следующим далее²⁸. Таким образом, как и в столь оспариваемой биологической эволюции жизни, видимо, существуют различия в темпах и образовании последовательностей, все-таки способствующие возникновению структур в ситуациях, в которых поначалу они казались невероятными.

Как бы ни разрешались вопросы такого рода, для эволюционно-теоретического (соответственно, морфогенетического) начала важно, чтобы правила, в соответствии с которыми реализуются преимущества отбора и подавляется все другое (тоже возможное), не обладали бы каким-либо «сходством» со структурами, созданными благодаря этому и, таким образом, не действовали бы, например,

²⁷ Соответствующие наблюдения см. в: *Simon H. A. Birth of an Organization: The Economic Cooperation Administration II Public Administration Review* 13 (1953). P. 227—236.

«^«мн

²⁸ Здесь уместно напомнить старую максиму общения: выбирать темы, по которым все могут что-нибудь сказать, а не вести лишь свои осконечный монолог.

171

как «модели» или «планы». Так, с помощью простейших правил может быть построена высококомплексная система, которая в то же время обеспечивает участие уже достигнутой степени консолидации в дальнейшей игре в качестве преимущества отбора. Наряду с темпом и способностью присоединения и именно потому, что он обеспечивает выигрыш в темпе и в способности присоединения, в таком случае всегда проявляет себя и *status quo*.

V

Если участвующая система расценивает ситуацию как ситуацию с двойной контингентностью, то это влияет на ее поведение. Таким образом, двойная контингентность выступает проблемой, обладающей последствиями как таковыми. Поведение в пространстве свободы иных возможностей определения становится действием. Кроме того, под впечатлением двойной контингентности возникают темпоральные границы. Чисто аутистически мотивированное поведение отдельной личности было бы непрерывным, если бы другие личности лишь входили в поле взаимного восприятия и покидали его. Опыт двойной контингентности, напротив, делает возможным и создает ультраперспективу, придающую поведенческим цепочкам свои темпоральные границы, т. е. периодически дисциплинирует поведение²⁹. Следовательно, проблема двойной контингентности обладает свойствами автокаталитического фактора — она способствует, не «расходуя» саму себя, созданию структур на новом уровне порядка, который регулируется благодаря указанной перспективе перспектив. Потому-то и можно говорить об «авто»-катализе, что проблема двойной контингентности сама является составной частью возникающей системы. Опыт контингентности позволяет начаться образованию систем — лишь благодаря тому, что это происходит, он возможен и вследствие этого подпитывается темами, информацией, смыслом³⁰.

²⁹ Ср.: *Rossler O. E. Mathematical Model of Proposed Treatment of Early Infantile Autism: Facilitation of the "Dialogical Catastrophe" in Motivation Interaction // Proceedings of the San Diego Biomedical Symposium / Ed. J. I. Martin. Febr. 1975. P. 105—110.*

³⁰ Мысль, безусловно, не новая. «Органы вызывают потребности, а потребности в свою очередь создают органы», — говорится в «Сне Д'Алам-бера». (Цитата приводится по: *Дидро Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 403. — Прим. отв. ред.*) В этой формулировке обыгрывается противоречие, но тем самым возбуждается процессуальное мышление, которым еще не вполне владеют теоретически.

172

Как только благодаря реакции на собственную проблему двойной контингентности социальная система отрывается от физико-химическо-органическо-психической реальности и образует собственные элементы и границы, для нее возникает возможность случайности. Случайность производится в эмерджентности систем, так что у системы достаточно беспорядка для собственного воспроизводства. Случайность понимается здесь, как всегда, не как абсолютное отсутствие условий и причин, а лишь как отсутствующая координация событий со структурами системы — как «отсутствующая» координация, которая в качестве негативного может иметь последствия для системы — запускать каузальные процессы.

Следовательно, то, что вносит опыт контингентности, есть *конституция и раскрытие роли случайности для функций обуславливания в системе*^ и, таким образом, есть *трансформация случайностей в вероятности создания структур*. Все дальнейшее является лишь вопросом отбора того, что оправдывает себя и годится в дальнейшем. Где бы не состоялась встреча в условиях взаимно познавае-

В «теории импетуса» также занимались подобной проблемой в контексте заданного наглядного понимания движения и разработали собственные основные понятия, позволяющие объяснять обратное влияние акциденции на собственный субъект. См.: *Maier A. Zwischen Philosophie und Mechanik*. Rom, 1958. S. 341 ff. (343); более подробно: *Wolff M. Geschichte der Impetustheorie: Untersuchungen zum Ursprung der klassischen Mechanik*. Frankfurt, 3978.

Теория импетуса (от лат. *impetus* — напор, сильное течение, страсть, сила) — средневековый вариант аристотелевской физики, развиваемый в позднесcholasticкой натурфилософии XIV в. и получивший широкое признание в XV—XVI вв. Представляет собой попытку более корректного, нежели у Аристотеля, объяснения феномена движения брошенных тел, не испытывающих воздействия силы. У Аристотеля источником такого движения считается сопутствующий воздух, некоторое время выступающий в роли промежуточного двигателя. В физике импетуса полагается некая нематериальная движущая сила, называемая «запечатленной силой» (*virtus impressa, virtus motiva, impetus impressus*), которую двигатель, двигая тело, запечатлевает в нем. Затем брошенное тело расходует импетус на преодоление собственной инерции, обеспечивая свое движение подобно тому, как нагретый предмет, остывая, расходует теплоту. Теория импетуса не выходит за рамки принципов аристотелевской физики. Она обозначила пределы перипатетической физики, подготовив переход к классической механике, в которой сформулирован закон инерции. Именно это переходное место идеи импетуса в физической теории акцентирует Луман в связи с разработкой новых основных положений собственной теории самоорганизующихся систем. — *Прим. отв. ред.* ³¹ Ср. выше: с. 38—39 данного издания.

173

мой двойной контингентное™, продолжение контакта может быть достигнуто лишь через согласование селективных определений поведения, а это — лишь через образование системы. Связь двойной контингентности и образования системы еще не дает никаких гарантий постоянства на этом пути. Она еще ничего не говорит о том, продолжится строительство системы или прервется. Она обосновывает прежде всего лишь *возможность отбора* того, что (пока что) удастся, удовлетворяет, кажется достойным продолжения. Она способствует эволюции специфически социальных порядков — причем эволюция опять же обозначает лишь строительство и деструкцию структурированных порядков на эмерджентных уровнях реальности. Автокатализ социальных систем сам создает свой катализатор в виде проблемы двойной контингентности. Это становится ясным, если точнее проанализировать, как и почему возникает взаимная неопределенность в поведении. Поведение не является само по себе неопределимым, «от природы свободным» в смысле возможности его произвольного определения. Поведение другого становится неопределимым *лишь в ситуации двойной контингентности*, в частности для того, *кто пытается его предсказать*, чтобы навязать собственные определения поведения. В таком случае в метаперспективе двойной контингентности возникает *неопределенность, созданная предсказанием*. Сколь бы привычным и ожидаемым ни было поведение, но если ясно, что его предсказуемость, основанная на этом, используется для мотивации комплиментарного поведения, то это может послужить поводом изменить предсказанное поведение, лишив предсказание его основы и отделив тем самым присоединяющееся поведение, основывающееся на этом. Если теперь Ego со своей стороны знает, что Alter знает, что Ego пытается предвидеть поведение Alter, то Ego также должен учитывать действие этой антиципации. Этого нельзя сделать в виде более точного предвидения, так как это лишь вновь ставило бы ту же самую проблему. Она повторяется на всех ступенях ее рефлексии: по мере того как предсказание конкретизируется (это, в сущности, означает: по мере того как проясняются интересы присоединения), другой именно благодаря этому может уклониться от предсказанного. Лишь если и лишь всегда если его поведение предсказано, он может действовать «иначе», соответственно поставить осуществление ожидания в зависимость от условий. Таким образом, предсказание способствует, даже стимулирует свое опровержение. Что бы ни было очевидным в возможностях определения, все оно утрачивает свое содержание и тем самым отсылает к образованию нового. Самореференция, заключен-

174

ная в круг взаимного внимания, становится негативной — и именно потому плодотворной. Открытость для нового обуславливания основывается на том же условии, что и негативность, а именно на удвоении контингентности — Ego познает Alter как alter Ego. Однако вместе с *неидентичностью перспектив* он одновременно познает *идентичность этого опыта с обеих сторон*. Вследствие этого для обоих ситуация является неопределимой, нестабильной, невыносимой. В *этом опыте перспективы сходятся*, что и позволяет допустить интерес отрицания этой негативности, интерес определения. Тем самым, формулируя в понятиях общей теории систем, задается «состояние условной готовности»³², возможность образования системы в состоянии ожидания, способная использовать почти любую случайность для развития структуры. Допущение об основной проблеме, действующей автокаталитически, идет во многом поперек распространенных теоретических предпосылок. Оно не совместимо ни с допущением природы (в

смысле чего-либо, выросшего само по себе), ни с априоризмом (в смысле чего-либо значимого самого по себе). Скорее, оно предполагает автономные эмерджентные уровни порядка в смысле теории самореферентных систем — как в отношении реализации «снизу», так и в отношении обуславливания «сверху», а тем более, в отношении любого гипостазирования этих линий зависимости с помощью понятий материи или духа. На место подобных концепций крайней перестраховки заступает представление о проблеме, становящейся продуктивной в случае достаточной комплексности существующей реальности. Понятие двойной контингентности служит более точной формулировке этой проблемы для уровня эмерджентности социальных систем; и одновременно оно направляет в определенное русло дополнительный вопрос о том, что здесь означает достаточная комплексность наличной реальности. Таким образом, это понятие совершенно иначе, нежели ранее ожидали от понятия роли³³, комбинирует теорию саморегуляции социальных систем и предпосылку достаточных биохимическо-органическо-психических субстратов для познания и проблематизации двойной контингентности³⁴.

³² См.: MacKay D, M. Formal Analysis of Communicative Processes // Non-verbal Communication / Hrsg. R. A. Hinde. Cambridge Engl., 1972.

Р. 3—25 (12 ff.).

³³ См., напр.: Dahrendorf R. Homo Sociologicus. 7. Aufl. Köln-Opladen, 1968.

³⁴ Этот аспект и его следствия для соотношения психических и социальных систем разрабатываются ниже в понятии взаимопроникновения.

175

Когда здесь говорится о проблемах, речь идет, разумеется, эде • только об артефактах искусства научной постановки проблем. Насколько *понятие* проблемы, *понятие* двойной контингентности, *понятие* автокатализа образованы и требуют своего места, функции, проверки и последующих понятий в системно-специфическом контексте научных усилий, настолько же реальным обстоятельством выступает *подразумеваемое* в предметной области анализа. Таким образом, мы утверждаем, что проблемы существуют не только для науки. Реальность реагирует на возникающие проблемы посредством отбора. Фактически проблемы являются эффективными катализаторами социальной жизни. Это основное представление, которое было процессуализировано в «диалектике» (возможно, слишком опрометчиво). В системной теории оно обогащается и артикулируется прежде всего такими понятиями, как комплексность, самореференция, смысл.

VI

Если принимается такое представление о двойной контингентности как проблеме, действующей автокаталитически, то возникают радикальные последствия для здания теории, воздвигнутого на таких основаниях. Теория работает со свободно консолидированной реальностью, с самоучрежденным предприятием, что придает ей как теории своеобразное эмоциональное содержание, особый колорит. Она не может обосновывать устойчивость социального порядка ни природой, ни а priori значимыми нормами или ценностями. Что заступает на их место? Идея, предлагаемая для этого с XVII в., поначалу гласила, что основа порядка должна быть в сокровенном и непознаваемом. Необходимым условием порядка выступает латентность. Рука, всем управляющая, остается незримой. Нити, на которых все висит, закреплены на немислимой высоте. Благодаря хитрости разума мотивы действий непреднамеренно упорядочиваются. Метафоры такого рода выступали в то же время компромиссными предложениями в адрес религий, которые по-своему превозносят неопределенное, определяют и формулируют его. Однако общество не могло выбрать одну из нескольких религий, ему хватало непознаваемости в общем виде. По крайней мере это было четко и верно подмечено. В самом деле, чтобы обеспечить непрерывность найденного социального порядка, не требуется консенсус в его обоснованиях, как не требуется оптика, чтобы видеть. Однако масштаб

176

структурных изменений, наблюдаемый со времен Французской революции и вследствие индустриализации, все-таки привел в дальнейшем к утрате убедительности. В какой мере возможны попытки скорректировать незримую руку? Как сильно можно раскачиваться на нитях, подвешенных в заоблачных высотах, не оборвав их?

Во всяком случае социология, которой пришлось иметь дело с такими вопросами в начале своей истории, не могла больше удовлетворяться ссылкой на неведомое. Ей требовалась иная теория. Обычно, ссылаясь на Вебера и Дюркгейма, следуют идее фундаментального ценностного консенсуса, гражданской религии, веры в легитимность. Формулировки варьируют в зависимости от роли политической власти в гарантиях порядка. Парсонс эксплицитно связал эту концепцию с

двойной контингентностью и придал ей тем самым окончательную формулировку. Он писал: «Кроме того, такая двойная контингентность предполагает нормативную ориентацию действия, поскольку „внутренняя“ или непосредственная поведенческая реакция Alter на первоначальный выбор Ego оказывается сверх того еще и реакцией наказания или вознаграждения. Если при некоторых условиях наказание или вознаграждение со стороны Alter проявляются вновь и вновь (repeatedly), то эта реакция приобретает для Ego значение закономерного следствия конформности или отклонения от *общей для них обеих символической системы* (shared symbolic system)... Такая система с взаимностью нормативной ориентации является логически наиболее элементарной формой культуры. В этом элементарном социальном отношении, так же как и в социальных системах большого масштаба, культура обеспечивает эталоны (ценностные ориентации), которые используются в процессах оценивания. Без культуры невозможны ни человеческие личности, ни человеческие социальные системы»³⁵. Ответ ясен, но он не решает нашу проблему. Он предполагает, что в социальной системе, способной к выживанию, посредством разделяемой символической системы вырабатываются достаточный ценностный консенсус и согласие. Предполагается возможность этого. Парсонс должен был бы акцентировать «неоднократность» (repeatedly), а не «общие символические системы» (shared symbolic system). Ведь следовало продумать, не заложено ли имплицитно в новейших теоретических разработках, что именно на то место в тео-

³⁵ Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. С.437.

177

рии, где раньше в роли источников надежности выступала природа, нормы или ценности, в полной мере заступают время и история. Это происходит отчасти незаметно (как парсоновское «неоднократное»), отчасти в предметных исследованиях, недостаточно обобщенных теоретически, например по поводу стратегий поведения в интимных отношениях³⁶ или при проверке на доверие³⁷. XIX век сначала попытался заменить более неуверительное *a priori* через веру в *направленность* исторического процесса, интерпретируя эволюцию как прогресс. Замена временем и историей в такой форме является неудачной для основания теории. Однако этим возможности не исчерпываются. Если время рассматривают как структуру процесса отбора, непрерывно уравнивающего необратимость и обратимость³⁸, то сразу же обнаруживают, что основания всякого отбора создаются благодаря отбору и цементируются использованием в дальнейшем процессе отбора, так что повторение становится труднее, но оно не исключено. Поясняя это на примере, отметим: обязывающую силу договоров до сих пор обсуждали главным образом с точки зрения обоснования нормы, предписывающей необходимость соблюдения договоров (*pacta sunt servanda**). Трудности абсолютного обоснования такой нормы вели к попыткам ее замены. Дюркгейм выдвигал на ее место общество как факт морали, Кельзен — теоретико-познавательную гипотезу об «основной норме». Однако ожидания по поводу учредительной основы не изменились. В связи с этим можно утверждать, что лишь теория самореферентных систем вынуждает к смене диспозиции. То, что «считается» правовой формой договора, является лишь рамочным условием координации актов отбора, связывающих самих себя тем, что они взаимно полагаются друг на друга, используют друг друга, строятся друг на друге, отклоняют альтернативы. Для этого им нужно время, и оно у них есть. В симво-

«Ср., напр.: Davis A/. S. Intimate Relations. New York, 1973.

Ср.: Luhmann N. Vertrauen: Em Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexitat. 2. Aufl. Stuttgart, 1973, в частности S. 40 ff.

Ср выше: с. 121 и следующая данного издания. Кроме того, подробнее об этом см.: Luhmann N. Temporalstrukturen des Handlungssystems-Zum Zusammenhang von Handlungs- und Systemtheorie / Luhmann N. Soziolo-gische Aufklarung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 126-150. В связи с этим важно понятие «связывание времени» ("time Binding"), предложенное и развитое в отношении языка А. Коржибским (см.: Korzybski A. Science and Sanity An Introduction to Non-anstotelic Systems and General Semantics; переиздано-3 ed. Lakeville Conn., 1949).

срешдано.

* Договоры следует соблюдать (*лат.*). — Прим. отв. ред. 178

лическом интеракционизме в таком случае говорят о «договорном порядке» или «договорной идентичности»³⁹. Необходимым условием является познание каждого акта отбора как контингентного, создание очередности во времени, чтобы акты отбора в своих предвосхищениях и обращениях в прошлое могли взаимно определять друг друга, исходя из того, что является будущим или прошлым с точки зрения их положения. Основанием связи выступает и то и другое — контингентность и время вместе, — а договор есть форма, обеспечивающая возможность этого «вместе» (в отличие от других способов соединения)⁴⁰.

В более абстрактной формулировке время есть не просто мера движения, которая становится познаваемой, исчисляемой, осуществимой и повторяемой по мере того, как выяснено, какие состояния в какие другие оно переводит. Время — это не просто хронология, зависимая от законов природы. Время организуется не в расчете на счастливый конец, которым обычно увенчиваются процессы. Время не есть просто телеология. Время есть асимметризация самореференции в отношении порядка актов отбора, и в социальной сфере оно овременяет двойную контингентность социального действия с самореференциями, в ней протекающими, с тем чтобы способствовать почти неизбежному возникновению невероятного порядка везде, где бы ни встречалась двойная контингентность.

С помощью дополнительного рассуждения такое понимание важности времени можно еще раз связать с проблемой двойной контингентности. Двойная контингентность поначалу дается в симметричной форме — в неопределенности, принципиально одинаковой для обеих сторон. В качестве симметрии она является проблемой, возвращающейся к себе самой. Другой есть *alter Ego*. Или, формулируя вместе с Г. Гюнтером: «В тематическом обороте Ты всегда „есть" Я»⁴¹. Однако он есть не только «я», но и *alter Ego*. Его действие можно опередить или присоединить, используя его локализацию во времени. Проблема возникает в симметричном виде, а ее

³⁹ Ср., напр.: *Brittan A. Meanings and Situations. London, 1973. P. 26, 147 ff.*

⁴⁰ Более точный анализ обеспечивает понятие взаимопроникновения. Мы вернемся к этому в главе 6, IV.

⁴¹ См.: *Gunther G. Metaphysik, Logik und die Theorie der Reflexion (1957)*, цит. по новому изданию в: *Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik. Bd I. Hamburg, 1976. S. 31—74 (67)*. Гюнтер делает отсюда вывод о необходимости прерывной манеры рефлексии во избежание бесконечной итерации. Вместо этого мы ориентируемся на то, что можно было бы назвать само-асимметризацией реальных систем.

179

решение осуществляется через асимметризацию, и тогда определенными результатами являются консенсус или диссенсус.* — т. е. ре-симметризации. Они вновь становятся консенсусом или диссенсусом для обеих сторон в одинаковой мере.

VII

Тезис о том, что двойная контингентность неизбежно ведет к образованию социальных систем и в этом смысле действует авто-каталитически как постоянная проблема (а не только как толчок), нужно пояснить далее в форме сравнения теорий на примере вопроса границ системы. В качестве исходного пункта мы выбираем экскурс Зиммеля о социальном отграничении⁴². Уже в начале экскурсии встречается такой тезис: «Везде, где интересы двух элементов относятся к одному и тому же объекту, возможность их сосуществования зависит от того, чтобы их сферы внутри объекта разделяла пограничная линия». Вместе с включением в социальные отношения, по Зиммелю, запускается и процесс отграничения. Однако границы, подразумеваемые Зиммелем, не отделяют социальную систему от окружающего мира; они разрезают объекты в соответствии с различием моей/твоей сфер влияния, моих/твоих прав; стороны, видимой мною/тобою. Таким образом, интеракция формируется через границу, как в игре в теннис. Зона общего может простираться более или менее свободно, каждый может более-менее глубоко проникать в характерные особенности другого; но в конечном счете нельзя касаться личной сферы другого, за ним нужно признавать право на особенности и тайны. Таким образом, черный ящик следует понимать как моральный принцип, как «частная собственность на духовное бытие»⁴³.

⁴² *Simmel G. Soziologie: Untersuchungen Über die Formen der Vergesellschaftung. 2. Aufl. München, 1922. S. 467—470.*

⁴³ Таков и противоположный случай, когда индивид хотел бы целиком войти в коллектив, но его признают и принимают лишь частично. Это могла быть личная история Зиммеля как немецкого еврея, которую он воспроизвел в своей теории. Так, он пишет: «Отсюда иногда возникает трагизм, когда группа ограничивает степень принадлежности индивида к ней, а у него нет такого ограничения, и он сам чувствует свою полную принадлежность тому, где его признают лишь частично» (*Simmel G., a. a. O S. 468*).

* От *dissensus (лат.)* — разногласие, несогласие, расхождение, разлад, распря. — *Прим. отв. ред.*

180

С точки зрения теории систем такой вариант учитывает лишь системную референцию психических систем. Собственный мир социальных систем не замечается из-за отсутствия теоремы двойной контингентности. При каталитическом действии проблемы двойной контингентное™ и работающем в результате этого отборе возникают совсем иные границы. Они не разделяют и не связывают индивидов, а конституируют собственную область социальной системы по отношению к тому, что становится тогда ее окружающим миром. Все, способствующее решению проблемы двойной контингентности, относится к системе. Все, связанное с пробой или выбором присоединений, относится к самой системе. Остальное —

конечно, прежде всего неизмеримые множества смыслов, о которых никогда не шла речь, — целиком отдается окружающему миру. Так, политическая партия не интересуется ни тем, чистят ли зубы ее члены по утрам, вечерам и еще днем; ни почему листья зеленые; ни как небесные светила сохраняют равновесие. Социальная система может определять свои смысловые границы более или менее открыто и прозрачно, но тогда она должна вводить внутренние правила отбора, позволяющие принимать или отклонять темы.

В результате соединения актов отбора в ходе коммуникации друг с другом конденсируется область приемлемого и запрашиваемого, границы которой проходят поперек мира смысла.

Психические системы становятся тем самым личностями, т. е. коллажами ожиданий, выступающих в системе в роли исходных пунктов для дальнейших актов отбора. Это может иметь последствия, более или менее ясные им. Однако и другие смысловые фонды инкорпорируются всякий раз тоже лишь частично в соответствии с организующими идеями, системы. Книги могут украшать комнату или быть издательской продукцией, библиотечными фондами или темой коммуникации в определенных научных кругах. Охрана природы имеет весьма различный смысл в зависимости от того, подведомственна она министерству сельского хозяйства, министерству внутренних дел или министерству культуры, и от того, кто ею преимущественно занимается: лесничие, полиция или озеленители. Тогда двойная контингентность, будучи обработанной, выступает как облегчение коммуникации и в то же время как ее барьер; а прочность таких границ объясняется тем, что повторное допущение полностью неопределенных контингентностей относится к сфере невозможного. Границы все еще можно переносить, а область допустимого — расширять или ограничивать; однако если система обладает историей, то это можно сделать лишь в отдельных точках, для определенных тем, лишь в виде исключения.

181

VIII

Одним из важнейших следствий двойной контингентности является возникновение *доверия* или *недоверия*⁴⁴. Последнее возникает, если участие в ситуациях с двойной контингентностью воспринимается как особенно рискованное. Другой может действовать иначе, чем я ожидаю; и может именно потому, что знает мои ожидания. Он может держать меня в неведении или вводить в заблуждение относительно своих намерений. Если бы эта возможность всегда требовала отказа от социальных отношений, то дело едва ли доходило бы до образования социальных систем, которые возникали бы с трудом, в очень узком, непродолжительном смысле (например, как на границах примитивных обществ в контактах с незнакомцами — и именно здесь возник институт гостеприимства). Если образование социальных систем всегда связано с преодолением имеющегося порога страха, то необходимы и соответствующие стратегии типа «несмотря на». При этом речь может идти о доверии либо о недоверии; и первое облегчение заключается в том, что это есть предмет выбора и что нет связи лишь с одним основанием поведения. Проблема решается благодаря различию, которое одновременно вводит избирательную чувствительность и возможность смены доверия недоверием.

Доверие является стратегией с большим радиусом действия. Тот, кто оказывает доверие, значительно расширяет свой потенциал действия. Он может опираться на неопределенные предпосылки и вследствие того, что он делает это, повышать степень их надежности; ибо трудно обманывать оказанное доверие (что, конечно, согласно социальным стандартам, не относится к невероятному легкомыслию). Так открывается доступ к большей возможности комбинаций, т. е. большая рациональность в выборе собственного поведения. Недоверие является более ограниченной (но все-таки расширяющей) стратегией. На риск идут, если предусмотрели все случайности, например когда располагают санкциями или надежно застрахованы от ущерба. Это различие в эффективности создания порядка поддерживается также благодаря тому, что доверие само побуждает себя превращаться в недоверие и для этого окружает себя контрольными сенсорами. «Слепое» доверие считается глупым, нежелательным, вредным. Часто достаточно лишь малейших признаков злоупотребления доверием или ранее не замеченных свойств, чтобы спровоцировать радикальное изменение отношения. И то, что это знают, опять-таки

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Vertrauen*, а. а. 0.

182

стабилизирует социальную систему, основанную на доверии. Противоположный процесс, переход от недоверия к доверию, должен решать совершенно иные проблемы; он не может быть внезапным; и если вообще осуществляется, то лишь постепенно. Он зависит от дополнительной поддержки (например, правом). Здесь дело не катится под гору, а с большим трудом идет в гору в

направлении более комплексного социального порядка⁴⁵.

Следовательно, типичные признаки аутогенеза социальных систем из двойной контингентности можно изучать как раз на примере доверия и недоверия. Прежде всего важно, что доверие и недоверие могут встречаться лишь в области двойной контингентности, т. е. их не следует путать с общим жизненным оптимизмом или пессимизмом, боязнью болезней или других несчастий, предпочтением знакомого и т. п. Доверие должно оказываться контингентно, т. е. добровольно. Поэтому его нельзя ни требовать, ни предписать нормативно. Оно обладает социально ценной функцией лишь в том случае, если видит возможность недоверия — и отклоняет ее; т. е. если основано на отрицании противоположности. Кроме того, именно здесь важны временная структура и последовательность построения социальных отношений: начинают с небольших рисков и строят отношения на проверках; а доверие гарантировать легче, если оно требуется с обеих сторон — так, чтобы доверие одного могло найти поддержку у другого.

Однако доверие прежде всего обладает *циркулярным* характером, предполагающим и подтверждающим себя, свойственным всем структурам, возникающим из двойной контингентности. Оно обеспечивает возможность образования систем и затем черпает оттуда силы для более мощного, более рискованного воспроизводства⁴⁶. Именно поэтому оно зависит от *символического* обеспечения — реагирует на критическую информацию не ради фактов, содержащихся в ней, а потому что они выступают индикаторами того, что заслуживает доверия. Вместе со всеми этими признаками синдром доверия/недоверия выступает особым обстоятельством, значимым лишь в особых ситуациях, в которых приходится либо идти на заведомо неподконтроль-

⁴⁵ См. о настойчивых усилиях по созданию политического доверия в конце гражданской войны конфессий: *Lapide H.* *Dissertatio de ratione status in Imperio Nostro Romano-Germanico.* Freistadt, 1647. III, 4. P. 549 ff. Этот исторический пример в то же время показывает, что проблему следовало решать не лозунгами, а лишь на основе публичного права.

⁴⁶ Ср. об этом на примере отношений обмена: *Blau P. M.* *Exchange and Power in Social Life.* New York, 1964. P. 94, 97 ff., 112 ff., 315.

183

ные риски, либо отказываться от такого участия. Однако в сущности все ситуации с двойной контингентностью обладают таким характером, так как они всегда отданы собственным самоопределениям, связывающим прежде, чем другой осуществил бы соответствующую связь. В этом отношении доверие есть универсальный социальный факт. Это поглощается лишь тем, что существуют функционально эквивалентные стратегии создания надежности и ситуации, почти лишенные свободы выбора, например в области права и организации⁴⁷. Однако и здесь может потребоваться доверие как разновидность запаса надежности, если обычные регуляторы поведения расшатаны. Тогда прибегнут скорее к недоверию, нежели к доверию, потому что не было возможности изучить и испытать доверие.

IX

Вернемся к общей теме двойной контингентности. В ситуациях с двойной контингентностью, следовательно, и в любых порядках, возникающих отсюда, налицо однозначная самореферентность отношений. Теория сознательного субъекта упустила это и поэтому не смогла прояснить амбивалентность понятийной формулировки того, что значит здесь «само», имеющую решающее значение.

Связь двойной контингентности и самореференции обеспечивается ситуацией Ego/alter Ego, причем в точном и строгом смысле. Если Ego переживает Alter как alter Ego и действует в контексте этого переживания, то любое определение, даваемое Ego своему действию, указывает само на себя. Alter отражает его, причем не только реально, но и в антиципации Ego, т. е. в самом определении. Действие сознает себя не только как осуществление своей интенции, но (и не редко в первую очередь!) и как действие «для тебя», «по отношению к тебе», «до тебя», как предназначенное для восприятия, как документирование собственной интенции, которое не следует воспринимать как интенцию документировать. Насколько вовлечены в это участвующие личности, их мораль и их авторитет — это другой вопрос⁴⁸. Личности для себя всегда уже есть высоко агреги-

⁴⁷ «У него нет никаких возможностей оказывать кому-либо доверие в системе, в которой нет взаимного согласия», — отмечается в: *Crazier M.* *Le phenomene bureaucratique.* Paris, 1963. P. 298. Ср. также о трудовой ориентации как причине утраты доверия; *Schottlander R.* *Theorie des Ver-trauens.* Berlin, 1957. S. 38 ff.

⁴⁸ О тонкостях этой отрефлексирующей самореференции см.: *Goff-man E.* *The Presentation of Self in Everyday Life.* 2 ed. Garden City New York 1959.

рованные самореференции. Сначала и прежде всего процесс базального самореферентного определения начинается на уровне отдельных действий. «Само», о котором здесь говорится и к которому идет обратное обращение, есть, таким образом, не что иное, как действие, установившее свой смысл и, так сказать, попавшее на этом, что оно и учитывает. Таким образом, базальная самореференция всегда уже встроена в процесс определения смысла, только и конституирующий действия. Элементы или элементарные события, из которых образуются системы, без такой самореференции вообще не происходят, они конституируются самореферентно и лишь на этой основе развивают свои возможности построения структур и свой очищающий потенциал. Таким образом, первоначальное самоотнесение есть самоотнесение элементов, созданных для избирательной комбинации и предоставленных ей. Поскольку эта самореференция осуществляется все-таки через alter Ego, постольку определенное действие опосредует не только сам действующий, но и другой уровень самореференции, а именно отношение к социальной системе, которая, обеспечивая базальную самореференцию, сама участвует в развертывании действия. Следовательно, к самореференции относится, с одной стороны, то, что действие контролирует само себя в перспективе alter Ego, и, с другой стороны, то, что именно этим оно подчиняет себя социальной системе, в которой совершается. Таким образом, вместе с конституированием самореферентных связей действий одновременно возникает самореференция социальной системы, а именно совместное освоение сферы действия двойной контингентности и ее предметных, временных и социальных границ. В качестве участника социальных ситуаций еще можно, пожалуй, дей-ствовать аутистски, но лишь демонстративно аутистски, с учетом обоих самореферентных кругов: во-первых, это деформирует само действие в направлении демонстративное™ (желают этого или нет!), и, во-вторых, это получает некоторое значение в социальной системе, запускает реакции, творит историю и тем самым выходит из-под контроля самого действия. Так, элементарная самореференция является условием конституции социальной самореференции, и наоборот; это означает не что иное, как то, что элементы являются элементами лишь в системе.

Любое воздействие проблемы двойной контингентности протекает, как только она возникает, через оба этих самореферентных круга и связывает их друг с другом. При этом обе формы перенаправления самореференции через alter Ego и через социальную систему взаимно контролируются и корректируются. Чтобы увидеть

это отчетливее, следует обратить внимание на то, что проблема двойной контингентное™ формулируется по-разному в зависимости от того, с точки зрения какой из самореференций она рассматривается.

Если исходят из противостояния еще не определенных намерений действия, то элементарная самореференция не может приобрести какой-либо определяющей функции, так как, принимая во внимание alter Ego, она выливается в нечто неопределенное и возвращается обратно к себе в таком виде. В этом случае сначала и прежде всего речь идет о прерывании и расширении замкнутой накоротко элементарной самореференции действия. Ego не может действовать до тех пор, пока не узнает, как будет действовать Alter, и наоборот; а система слишком мало определена и тем самым заблокирована. Но для смысловых систем это в то же время означает необходимость высокой чувствительности почти для любых определений. В этой ситуации двойная контингентность с точки зрения времени действует как ускоритель строительства системы. Всякое начало является легким. Незнакомцы прежде всего сигнализируют друг другу о важнейших основах поведения: определении ситуации, социальном статусе, намерениях. Тем самым кладется начало истории системы, подхватывающей и реконструирующей проблему контингентности. Тогда система все больше имеет дело с реальностью, созданной ею самой, — обращается с созданными фактами и ожиданиями, устанавливающими большую или меньшую степень свободы поведения, нежели в начале. В таком случае двойная контингентность уже не дана в своей первоначальной, циркулярной неопределенности. Ее самореференция детавтологизировалась; она инкорпорировала случайность, выросла на этом и выступает теперь в том, что является определенным или по возможности определимым, уже только как «возможное-также-и-иначе». Тем самым возможна и вторая самореференция, самореференция действия как элемента социальной системы. Действие получает селективную определенность, включая ограниченные возможности «бытия иначе», из своей функции элемента в социальной системе.

Таким образом сдвигаются, наслаиваются и дополняют друг друга две разные формулировки

проблемы двойной контингентности: одна, замкнутая накоротко, реферирующая лишь неопределенность, и другая, структурированная, принимающая в расчет обусловленность и ограниченные альтернативы, зависящая от установок системы. Обе формулировки в процессе развития системы могут меняться ведущей ролью; однако уже структурированной системе обычно трудно регенерировать неопределенности или вер-

186

нуться в состояние отсутствия ожиданий. Не в последнюю очередь это осложняется использованием истории для создания структуры, ведь время переживается как необратимое. Поэтому восстановление неопределенности требует формы *противоречия*. Оно не возвращается в безысторичность, а лишь производит неопределенность через то, что следует за предыдущим. Мы еще вернемся к этому в главе 9 «Противоречие и конфликт».

Перемещение проблемы из открытой формы в структурированную использует в качестве направляющей самореференцию, заложенную во всякой двойной контингентности. В этом отношении основополагающая проблема остается идентичной. Однако она постепенно снижает возбудимость случайностями и заменяет ее проблемными ситуациями, зависимыми от структуры. Система теряет открытость всему и обретает специфическую чувствительность. Тем самым происходит дифференциация окружающего мира и системы. Окружающий мир и система более не являются почти конгруэнтными в качестве частной определенности и открытости всему возможному. Скорее благодаря ходу истории собственного выбора система приобретает окружающий мир, в котором возможно многое, но лишь немного значимо для нее. Вовне складываются горизонты окружающего мира, презентующие мир-в-остальном. На фоне этих горизонтов появляются темы и предметы, с которыми работает система⁴⁹. Двойная контингентность сохраняется в системе как ее внутренний горизонт, в конечном счете всегда включающий в себя действия, «возможные-также-и-иначе». На фоне горизонта функционируют повседневные ожидания, с которыми постоянно связаны дополнительные увязки поведения в системе. Тогда проблемы, требующие актуального участия, определяются этими ожиданиями, их непостоянством и вариациями, зависимыми от окружающего мира, их разочарованиями. Открытость исходной ситуации трансформируется в структурную проекцию и риск разочарования; причем как в отношении окружающего мира, так и в отношении самой системы, однако по-разному, так что в самой системе следует различать систему и окружающий мир.

Подобное положение вещей можно выразить системно-теоретическим понятием *обусловливания*. Без обусловливания связей невозможно образование какой-либо системы, ибо лишь посредством обусловливания можно отграничить одну область возмож-

⁴⁹ См. в связи с этим понятие *"enacted" environment* («созданная» окружающая среда): Weick K. E. *The Social Psychology of Organizing*. Reading Mass., 1969. P. 63 ff.

187

ностей от другой⁵⁰. Однако чистая двойная контингентность обуславливается лишь по типу короткого замыкания, а именно посредством ссылки на Alter, который в свою очередь определяется посредством обратной отсылки к Ego. Для такой системы, несмотря на обусловливание, было бы возможно все. Функция обусловливания, заключающаяся в отграничении пространства возможностей, не выполнялась бы. Речь шла бы о полностью закрытой системе, которая вместе с тем полностью открыта для любого дальнейшего обусловливания, способствующего ограничению ее возможностей.

Поэтому обусловливание двойной контингентностью обладает лишь функцией обеспечения чувствительности к дальнейшим обусловливаниям. Оно создает чувствительность к случайностям и тем самым запускает эволюцию. Без него не возникло бы социокультурной эволюции. Могут возразить (подобно возражению против аргумента «*status naturalis*»* в теориях естественного права), что такое идеальное состояние двойной контингентности не существует и его никогда не было в истории. Не бывает встреч личностей без каких-либо условий, без каких-либо ожиданий друг к другу; и они также могут переживать контингентность в смысле «возможно-го-также-и-иначе», лишь руководствуясь типичным поведением и ожиданиями. Однако такое возражение только подтверждает, что общество является аутопойетической системой, которая в своем воспроизводстве должна полагать саму себя. То, что познается и воспроизводится как двойная контингентность, есть именно те степени свободы, которые необходимы для непрерывного воспроизводства на основе элементарных темпоральных событий в постоянно меняющихся условиях.

Наконец, с помощью понятия обусловливания можно по-новому понимать проблему *взаимности*.

В новейшей социологии это понятие снова и снова используется как основное либо рассматривается просто как условие социальности⁵¹. Однако речь идет лишь об особом случае обусловливания (несомненно, широко распространенном) — продуктивность одного в случае взаимности зави-

»Эшби пытается сформулировать это с помощью понятия «организация». Ср.: *Ashby W. Principles of the Self-Organizing System / Principles of Self-Organization / Ed. R von Foerster. G. W. Zopf. New York 1962* переиздано в: *Modern Systems Research for the Behavioral Scientist: A Source-book / Ed. W. Buzwell. Chicago, 1968. P. 108—118 (108 ff.)*

⁵¹ Ср., напр.: *Bhaskar R. Meanings and Situations. London, 1973*, в частности p. 33 ff.

* Естественное состояние (*лат.*). — *Прим. отв. ред.* 188

лима от продуктивности другого. Таким образом, двойная контингентность сводится к двойному обусловливанию. Само по себе это имеет много преимуществ, например быстрое понимание. Однако в ходе развития более сложных обществ проявляются также и отрицательные стороны, а преимущества могут оборачиваться недостатками, если меняется структура общества. Так, взаимность в значительной степени открыта оценке услуг с учетом социального слоя. Услуги «верхов низам» ценятся выше, чем услуги «низов верхам». Это приспособливает взаимность к потребностям стратифицированных обществ — и становится фактором беспокойства, когда складываются функциональные подсистемы⁵². В таком случае главная норма взаимности должна истончаться⁵³ и уже не годится для многих определений действий.

Х

Затронутых здесь тем — понятия структуры и понятия ожидания — мы коснемся подробнее в специально отведенной для этого главе. В настоящий момент интересно лишь то, что (и как) двойная контингентность артикулируется и вследствие этого изменяется. В конечном счете основой этому выступает то, что в горизонте опыта контингентности все происходит как отбор и благодаря этому действует структурообразующим образом, если и насколько *в этом участвуют другие отборы*.

Таким образом, анализ двойной контингентности ведет обратно к теме отбора. Обе предыдущие главы уже содержат введение в эту тему. Как прояснение понятия сложности, так и прояснение понятия смысла позволили выступить на передний план своего рода необходимости отбора. В том случае, если число связываемых элементов превышает некоторую малую величину, и в том случае, если комплексное познается в форме смысла, всегда возникает необходимость отбора, возникает фактическая избирательность всего реа-

⁵² Например, «суверен», связанный взаимностью, отказался бы от по-виновения, если бы кто-нибудь заявил, что он не выполняет своих обязанностей. Эта проблема (и этим все определяется) *уже не может быть решена путем переоценки его услуг с учетом социального слоя*. Ср., напр.: *Silhon J. de. De la certitude des connoissances humaines. Paris, 1661*, в частности p. 203 ff, несмотря на трактовку взаимности как высшего морального правила общества (*Ibid.* P. 111 ff).

⁵³ Ср., напр.: *Gouldner A. W. The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement // American Sociological Review 25 (1960). P. 161—178 (171 ff.)*.

189

лизуемого. Выбирается, сознается ли это как отбор из всей совокупности возможностей соотношения или отсылка к иному, указанных в каждом актуально заданном смысле. Так далеко заходят, если предполагают отдельную позицию, с которой комплексное или осмысленное рассматривается с точки зрения возможных вариаций. Анализ двойной контингентности выводит за рамки этого, подхватывая то, что в рассуждениях об общей теории систем уже было намечено как «мутуалистическая», или «диалогическая», конституция. Вопрос звучит теперь так: что можно дополнительно и точнее утверждать об отборе и его взаимосвязях, если допустить двойную контингентность.

Выводы относительно отбора можно обобщить с двух точек зрения. Во-первых, *связи, присущие отбору, встраиваются в отдельный акт отбора*, так как любой Ego функционирует еще и как Alter своего alter Ego и принимает это в расчет. Это ни в коем случае не является предварительной гарантией ни консенсуса, ни согласованности связей при отборе, так как можно ошибаться в проекциях, либо сознательно идти на конфликт, либо доводить дело до разрыва. Значение такого встраивания связей при отборе в акты отбора проявляется, и в этом заключается вторая точка зрения, в совершенно ином отношении, а именно в том, что *связи, присущие отбору, также могут быть выбраны*. Отбор приобретает *двойную селективность*: происходит выбор из имеющихся возможностей — эти (а не иные); и происходит выбор областей возможностей, так называемого «из чего» отбора, в котором прежде всего намечается определенное число

альтернатив с отчетливыми тенденциями к определенным выборам.

О такой двойной избирательности заходит речь в системной теории не впервые. Когда один весьма почтенный автор в отношении придворной службы в частности и в отношении дружбы в общем говорит о *necessita cercata*⁵⁴, то подразумевается именно то, что свободно выбирается область контактов, в которой тогда требуется взаимное приспособление и от которой можно снова отказаться лишь в целом, — с тем чтобы в следующий раз опять попасть в подобную ситуацию.

Это есть сформулированный жизненный опыт, потому и убедительный. Его перевод в теоретический контекст лишь открывает далеко идущие возможности в понятийном пла-

⁵⁴ Так, см.: *Peregrini M. Difesa del savio in corte*. Macerata, 1634 P 250 Ср. также: *Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge Mass., 1970. (*Necessita cercata* — безусловная необходимость (итал.). — Прим. отв. ред.)

190

не. Это особенно справедливо при абстрактной постановке вопросов.

Для теоретической связи системной теории с теоремой двойной контингентности имеет решающее значение то, как следует понимать этот отбор областей отбора. Прежде всего напрашивается утверждение о том, что областью отбора является (социальная) система, что сначала выбирают принадлежность к такой системе, а затем — действия в ней. Однако такое понимание противоречило бы разработанной выше концепции системы/окружающего мира и результатам феноменологического анализа смысла; оно слишком сильно реифицировало бы то, что полагается в качестве системы. Тем не менее исходный пункт не является ошибочным, мы должны лишь модифицировать его. В качестве областей отбора выбираются не системы, изолированные в остальном от мира, а перспективы редукции для отношений системы и окружающего мира. Системы выбираются не как множества предметов, а как аспекты порядка, в которых доступно отношение системы и окружающего мира. Они выбираются как редукция комплексности, которая всегда должна предполагаться (и, несмотря на это, все же может быть выбрана), если необходимо сориентировать отборы. Области отбора не могут выбираться *как* системы в том смысле, что тем самым не выбирался бы и не отсортировывался бы и окружающий мир; они могут и должны идентифицироваться на основе систем. Чтобы удержать эту теоретическую позицию, мы будем говорить в дальнейшем о *системных референциях*, если требуется подчеркнуть, что системы выбираются как перспективы редукции для себя самих и для своего окружающего мира. Мы говорим о *множестве системных референций*, если нужно подчеркнуть избирательный и комбинационный характер этой ориентации на редукции, центрированные на систему.

Так, принимается в расчет тот факт, что системы могут быть образованы лишь в отношении гораздо более комплексного окружающего мира и что самореферентно-смысловые процессы постигают сами себя в качестве внутрисистемных; однако в качестве внутрисистемных только так, чтобы их смысл отсылал их к своему окружающему миру и чтобы все, что является для них окружающим миром, могло быть отослано обратно к ним самим. Хотя осуществленное через двойную контингентность самоуправляемое событие отбора и производит понимание себя в качестве внутрисистемного, однако именно это всегда отсылает также и к ориентации на окружающий мир. Тогда окружающий мир в каждом случае является тем, что не определяет процесс отбора через каждую актуальную

191

двойную контингентность, но может, пожалуй, стать для него темой[^] и мотивом. Там, где двойная контингентность меняет детермина*цию избирательных согласований, процесс отбора всегда основывается также и на различии системы и окружающего мира. И лишь поэтому возможно выбирать области отбора как специфические редукции для отношения системы и окружающего мира с их стороны. Их можно выбирать только как единство, и только как единство различия системы и окружающего мира.

Глава 4

КОММУНИКАЦИЯ И ДЕЙСТВИЕ

I

Анализ самореферентного образования систем на основе двойной контингентности вынуждает нас к пересмотру распространенного представления о том, что социальная система состоит если не из лиц, то хотя бы из действий. Обоснование этого с помощью теории действия можно рассматривать как господствующее в настоящее время. Оно, по-видимому, позволяет связать субъективные и системно-теоретические исходные пункты. Однако как можно мыслить такое «начало» теоретически, как можно реализовать его? Как М. Вебер, так и Т. Парсонс оперируют

ограничением. Для Ве-бера социальное действие является особым случаем действия, определенным через социально направленное намерение. У Парсонса, против мнения которого можно было бы возразить с позиции Вебе-ра, совершенно иная концепция — образование социальных систем есть аналитически обнаруженный вклад в эмерджентность действия как такового. Согласно этому социальные системы основаны на типе действия или на его аспекте, а субъект, так сказать, входит в систему через действие. Однако можно задаться вопросом, правильно ли так понимать отношение действия и социальности, прежде всего Достаточно ли плодотворно такое понимание.

Если исходить из потенциала теории самореферентных систем и проблем комплексности, то многое говорит за то, чтобы отношение ограничения просто подвергнуть оборачиванию.

Социальность не есть особый случай действия, а действие конституируется в социальных системах через коммуникацию и атрибуцию как редукция комплексности, как необходимое самоупрощение системы. Уже на

⁷Зак. №4161

193

уровне общей теории систем говорят о «мутуалистической», или «диалогической», конституции. Тем самым подразумевается, что самореференция на уровне базальных процессов возможна лишь в том случае, если существуют по меньшей мере два процессора, перерабатывающих информацию, которые могут относиться друг к другу и тем самым к самим себе. Таким образом, самореференция предполагает дискретную инфраструктуру. Устройствами, необходимыми для этого, не могут быть ни элементы, ни подсистемы социальной системы, так как и элементы, и подсистемы производятся лишь их посредством. Системы состоят, скорее, лишь из избирательных согласований, создающих взаимодействие этих процессоров; а структура таких систем обладает лишь функцией делать вероятным непрерывное изменение и новое создание таких согласований. Это соображение непосредственно ведет к теме данной главы. Базальный процесс социальных систем, производящий элементы, из которых они состоят, может быть в таких обстоятельствах лишь коммуникацией. Тем самым мы исключаем психологическое определение единства элементов социальных систем, что отмечалось при введении понятия элемента¹. Но как относится этот коммуникационный процесс к действиям, элементам системы, которые он производит? Состоит социальная система в конечном счете из коммуникаций или из действий? Является предельное единство, при распаде которого исчезало бы социальное, успешным соединением разных отборов либо отдельным отбором, относимым на счет действия? Прежде всего следует научиться видеть, что здесь вообще имеет место различие, т. е. вопрос, подлежащий решению; и еще нужно научиться не поддаваться искушению отвечать на него просто и быстро, что, мол, мы стоим на позиции коммуникативного (= социального) действия.

По данному вопросу мы считаем, что коммуникация либо действие являются предельным элементом, основополагающим выбором, решительно определяющим стиль основанной на нем теории, например ее дистанцию от психического. Поэтому ему следует уделить некоторое внимание.

В литературе встречаются обе точки зрения: наряду с традиционной, основанной на теории действия², есть и коммуникацион-

¹ Ср.: гл. 1, II, пункт 4.

² В соответствии с этим коммуникация является одним из видов действия наряду с другими. Такая точка зрения обычно вводится без доказательства, словно она единственно мыслимая. См., напр.: *Moles A. A., Roh-тег E. Theorie des actes: Vers une ecologie des actions. Paris, 1977. P.15 ff.*

194

но-теоретическая³, и, как правило, мало осмысливается их различие. У этой расплывчатости есть свои основания, ее невозможно устранить тотчас. По-моему, проблема состоит в том, что коммуникация и действие на самом деле не могут быть оторваны друг от друга (но, пожалуй, различимы) и образуют отношение, которое можно понимать как редукцию своей комплексности. Элементарный процесс, конституирующий социальное как особую реальность, есть процесс коммуникации. Однако чтобы быть способным к саморегуляции, этот процесс должен сводиться к действиям, разлагаться на них. Поэтому социальные системы создаются не из действий, которые будто бы производятся органическо-психической конституцией человека и существуют сами по себе; они разлагаются на действия и благодаря этому приобретают основания для присоединения дальнейших шагов коммуникации.

II

Поэтому предпосылкой всего дальнейшего выступает прояснение понятия коммуникации. Обычно

здесь пользуются метафорой «переноса». Говорят, что коммуникация переносит сообщения или информацию от отправителя к получателю. Мы попытаемся обойтись без данной метафоры, потому что она обременяет предвзятыми проблематичными выводами.

Метафора переноса не годится, потому что из нее следует слишком много онтологии. Она внушает, будто отправитель передает то, что получает адресат. Это неверно уже потому, что отправитель ничего не отдает в том смысле, что сам утрачивал бы. Все метафоры обладания, владения, отдачи и приобретения, весь предметный метафоризм не подходит для понимания коммуникации.

Метафора переноса помещает суть коммуникации в акт переноса, в сообщение. Она направляет внимание к сообщающему и тре-

³Ср., в частности, труды Г. Паска, построенные на понятии общения: 1) *Conversation, Cognition and Learning*. Amsterdam, 1975; 2) *Conversation Theory: Applications in Education and Epistemology*. Amsterdam, 1976; 3) *Revision of the Foundations of Cybernetics and General Systems Theory a Proceedings of the VIII International Congress on Cybernetics 1976 II Natur*, 1977. P. 83—109; 4) *A Conversation Theoretic Approach to Social Systems II Sociocybernetics* / Ed. R. F. Geyer, J. van der Zouwen. Vol. 1- Leiden, 1978. P. 15—26; 5) *Organizational Closure of Potentially Conscious Systems; f Auto-poiesis: A Theory of Living Organization* / Ed. M. Zeleny. New York, 1981. P. 265—308.

195

бует его умений. Однако сообщение есть не что иное, как предложение сделать выбор, есть побуждение⁴. Лишь благодаря тому, что это побуждение подхватывается, возникает возбуждение, происходит коммуникация.

Кроме того, метафора преувеличивает идентичность того, что «переносится». При ее использовании возникает соблазн считать, что переносимая информация одинакова для отправителя и получателя. В этом может быть доля истины, но в любом случае идентичность еще не гарантирована содержательным качеством информации, а конституируется лишь в процессе коммуникации. В остальном идентичность информации следует мыслить вместе с фактом, что для отправителя и получателя она означает разное. В конце концов метафора переноса внушает, что коммуникация есть двузначный процесс, в котором отправитель нечто сообщает получателю. Здесь тоже следует сделать оговорку. Поэтому сначала надлежит перестроить терминологию. Если исходят из понятия смысла, то первым делом становится ясно, что коммуникация всегда есть избирательное событие. Смысл не оставляет иного выбора, нежели делать выбор. Коммуникация выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конституирует, *нечто* и оставляет в стороне *иное*. Коммуникация есть осуществление отбора. Правда, она отбирает не так, как берут что-либо из запасов. Такое воззрение отбросило бы нас к теории субстанции и к метафоре переноса. Отбор, актуализирующийся в коммуникации, конституирует свой собственный горизонт; он уже конституирует то, что отбирает как отбор, а именно как информацию. То, что информация сообщает, не только отбирается, оно само уже есть выбор и в силу этого сообщается. Поэтому коммуникация должна пониматься не как двухзвенный, а как трехзвенный процесс отбора. Всякий раз речь идет не только об отправлении и получении при избирательном внимании; в гораздо большей степени избирательность информации сама есть момент коммуникативного процесса, потому что лишь с ее учетом можно активизировать избирательное внимание.

⁴ Это понятие см.: *Wagner J. J. Philosophie der Erziehungskunst*. Leipzig, 1803 (например, на с. 55 говорится: «Всякое сообщение есть побуждение»). Не случайно, что такие представления возникают в контексте, который расширен теорией трансцендентального и проработан в теории отношений. В нем в то же время полемически выступают против непосредственного стремления к совершенствованию человека с помощью технических средств, предварительно поставив вопрос об «условиях возможности».

Общепринятое со времен Шеннона и Уивера⁵ понятие информации облегчает формулирование этого обстоятельства. Информация есть, согласно принятому сейчас пониманию, отбор из (известного или неизвестного) репертуара возможностей. Без данной избирательности информации не шел бы какой-либо коммуникативный процесс (сколь бы малой ни была новизна обмена сообщениями при том, что коммуникация ведется лишь ради нее самой, ради голого заполнения пустот общего бытия). Кроме того, кто-то должен выбирать поведение, которым сообщается эта информация. Это может происходить либо преднамеренно, либо непреднамеренно. Решающее значение имеет возможность опоры третьего отбора на различие, а именно различие информации и ее сообщения. Так как это имеет решающее значение, а коммуникация может быть понята лишь отсюда, мы (несколько неестественно) обозначаем адресата «Ego», а сообщающих — «Alter».

Уже различие информации и поведения по передаче сообщения открывает широкие возможности анализа. Так как и то и другое требует смысловых истолкований, коммуникант Alter испытывает раздвоение. Для его самопонимания даны две возможности присоединения, которые нельзя согласовать друг с другом. В отношении информации Alter должен понять себя как часть смыслового мира, где информация бывает верной или неверной и значимой, служит оправданием сообщению, может быть понята. Сообщающий ее должен признавать за собой свободу делать это или нет. В одном отношении он должен понимать себя как часть постигаемого мирового знания, так как информация (иначе бы он вообще не мог пользоваться ею) указывает обратно на него. В другом отношении он распоряжается собой как самореферентная система. Д. Генрих называет это «дистанцией между позицией субъекта и его принадлежностью к миру» и видит в ней обоснование необходимости единой интерпретации жизни⁶.

Однако с точки зрения социологии эта дистанция не является чем-либо изначальным, и философия также ничего не слышала о ней до Канта. Мы видим ее не как фактичность трансцендентальной си-

⁵ Ср.: Shannon C. E., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana 111., 1949. — То, что понятие информации, представленное здесь, должно было служить лишь техническим расчетам и совершенно упускает из виду смысловые отношения, хорошо известно; однако отсюда, разумеется, не следует заключать, что в смысловых контекстах дело не доходит до избирательности.

⁶ Ср.: Fluchtlinien: Philosophische Essays. Frankfurt, 1982, в частности S.92.

196

197

туативности, а как следствие того факта, что Его понимает поведение Alter как коммуникацию и вследствие этого требует от него держать эту дистанцию. Речь идет здесь, конечно, не о вопросе, кто первый приходит к идее так рассматривать ситуацию — Его или Alter, Решающим является то, что лишь социальность толкования ситуации создает эту апорию. Это объясняет также, что только большая от-дифференциация коммуникационной системы общества порождает осознание этой апории и соответствующие усилия в культурной семантике. Это рассуждение также показывает, что в коммуникации речь никогда не идет о событии с двумя точками отбора — ни в смысле метафоры переноса как передачи и приема, ни в смысле различия информации и поведения по передаче сообщения. Коммуникация осуществляется лишь в том случае, если это последнее различие наблюдается, требуется, понимается и кладется в основу выбора присоединяющегося поведения. При этом понимание включает в себя в качестве нормального более или менее значительные разногласия; но речь пойдет, как мы увидим, о контролируемых и корректируемых разногласиях.

Таким образом, коммуникация рассматривается в дальнейшем как трехзвенное единство. Мы исходим из того, что для осуществления коммуникации как эмерджентного события должны быть синтезированы три отбора. Важно четко держаться этого тезиса, так как часто обнаруживали предметное содержание, лежащее в основе, но затем использовали для него иной понятийный аппарат. Например, Бюлер говорит о трех «достижениях», или трех «функциях», человеческого языка, а именно (я меняю последовательность) изложении, выражении и обращении⁷. Первое наименование подразумевает избирательность самой информации, второе — отбор ее сообщения, третье — ожидание успеха, ожидание принятия в результате отбора. Это направляет внимание не на условия эмерджентного единства, а на вопросы относительного доминирования трех функций и доминирования одной из них. У Аустина подобное троичное деление принимает форму типологически различаемых высказываний (utterances) или языковых действий (acts), а именно идиоматических, неидиоматических и переходно-идиоматических актов⁸. Вследствие этого интерес направлен на изолируемость соответствующих образов. Мы тоже не хотим исключать эти интересы, но

Ср. высказывания о «модели языка как органа» в: *Bühmer K. Sprach-theorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. 2. Aufl. Stuttgart, 1965. S. 24 ff.⁷ Ср.: *Austin J. L. How to do Things with Words*. Oxford, 1962, в частности p. 94 ff. Аустин также говорит о функциях (p. 99).

198

считаем их скорее маргинальными по сравнению с вопросом об условиях эмерджентности их единства. От-дифференциация функционально-специфических актов или функционального доминирования того или иного горизонта отбора возможна лишь в том случае, если прежде уже гарантируется единство коммуникативного синтеза в качестве нормального положения вещей. Объединение информации, сообщения и ожидания успеха в одном акте внимания предполагает «кодирование». Сообщение должно дублировать информацию, т. е., с одной стороны, оставлять

ее вовне, с другой стороны, использовать для сообщения и придавать ей вторую форму, пригодную для этого, например языковую (и, смотря по обстоятельствам, устную, письменную и др.). Мы не будем подробнее останавливаться на технических проблемах такого кодирования. С точки зрения социологии важно прежде всего, что это также способствует от-дифференциации коммуникативных процессов. События должны теперь различаться как кодированные и некодированные. Кодированные события действуют в коммуникативном процессе как информация, а некодированные — как помехи (шум, noise).

Кодирование как оперативная унификация информации и сообщения должно применяться Alter и Ego равносильно. Это требует высокой стандартизации — что также является отличием от окружения, бросающегося в глаза и привлекающего к себе внимание. (Артикулированная речь мешает тому, кого она не касается, больше, нежели просто шум.) Минимальной предпосылкой осуществления коммуникации (как бы плохо она ни была кодирована) является, разумеется, то, чтобы в качестве Ego функционировала система, полностью не детерминированная собственным прошлым, следовательно, вообще способная реагировать на информацию⁹. В отличие от голого восприятия информативных событий коммуникация осуществляется лишь благодаря тому, что Ego может различать два отбора и, со своей стороны, использовать это различие. Встраивание этого различия прежде всего и делает коммуникацию коммуникацией, особым случаем переработки информации как таковой. Различие заключается прежде всего в наблюдении Alter со стороны Ego.

⁹ Wiener N. Time, Communication, and the Nervous System // Annals of the New York Academy of Sciences 50 (1947). P. 197—219 (202). — Винер формулирует это требование с точки зрения теории коммуникации как пограничный случай: «Если все, что я могу сделать, должно в конечном итоге создать систему коммуникации — прочное образование, полностью характеризующее в терминах его прошлого, то я прекращаю передавать информацию».

199

Ego в состоянии отличать поведение по передаче сообщения от того, что оно сообщает. Если Alter, со своей стороны, знает, что за ним наблюдают, то он может сам перенимать это различие информации и поведения по передаче сообщения и усваивать его, использовать и применять для управления коммуникативным процессом (более или менее успешного). Коммуникация становится возможной, так сказать, позади, в обратном направлении к ходу процесса во времени. Поэтому расширение возможностей комплексности, данных тем самым, должно пользоваться антиципацией и антиципацией антиципации. Это придает понятию ожидания центральное место в любом социологическом анализе.

То, что понимание есть необходимый момент осуществления коммуникации, имеет важное значение для ее понимания в целом, а именно: отсюда следует, что коммуникация возможна *лишь как самореферентный процесс*.

Если за одним коммуникативным действием следует другое, то всегда одновременно проверяется, была ли понята предшествующая коммуникация. Сколь бы ни была неожиданна присоединяющаяся коммуникация, она также используется для того, чтобы продемонстрировать и проследить, что она основана на понимании предыдущей коммуникации. Проверка может дать отрицательный результат, и в таком случае она часто дает повод к рефлексивной коммуникации о коммуникации. Однако чтобы обеспечить ее (а, чаще всего, сэкономить), проверка понимания должна всегда сопутствовать коммуникации, так что часть внимания все время отводится контролю понимания. В этом смысле Уорринер говорит о «подтверждении» как о существенном моменте любой коммуникации¹⁰. Это подразумевает время. Лишь по присоединяющемуся поведению можно установить, что понимание достигнуто; но при наличии некоторого опыта можно заранее организовать свою коммуникацию так, что можно ждать понимания. В каждом случае каждая отдельная коммуникация рекурсивно обеспечена возможностями связи с присоединяющимися дальнейшими коммуникациями и контролем понимания, иначе бы ее вовсе не было. Она есть элемент лишь как элемент процесса, сколь бы малым и эфемерным он ни был.

¹⁰ Ср.: Warriner Ch. K. The Emergence of Society. Homewood 111., 1970. P. 110 ff. — Прежде всего важно понимание того, что именно в этом «подтверждении» реализуется и вновь закладывается в основу intersубъективности процесса. «Эти действия подтверждения обоими актерами завершают процесс коммуникации. Тогда каждый актер знает, что другой знает что он знает, что другой „имел в виду“ (p. 110)».

200

При этом речь идет прежде всего лишь о *базальной самореференции*¹¹, следовательно, о том, что процесс должен состоять из элементов (событий), которые посредством использования своей связи с другими элементами того же самого процесса относятся к самим 'себе. В то же время базальная самореференция выступает предпосылкой дальнейших стратегий, по-особому использующих ее. Если известно и необходимо учитывать, что понимание подвержено контролю,

то можно и симулировать его; и можно заметить эту симуляцию, но все же не допустить этой догадки в процесс коммуникации; на метауровне можно коммуницировать о том, что нельзя коммуницировать о симуляции и ее обнаружении, а тогда и на этом уровне снова можно контролировать взаимопонимание. Однако прежде всего непрерывное подтверждение коммуникации более или менее часто дает повод для коммуникации о коммуникации. Лишь это отвлечение мы назовем *рефлексивной* коммуникацией (в отличие от *базальной* самореференции). Ниже мы вернемся к этому более высокому, эксплицитному и поэтому более рискованному контролю коммуникации, предназначенному для особых случаев¹².

Из допущения о том, что коммуникация есть базально-самореферентный процесс, координирующий в каждом из своих элементов три разных отбора, с точки зрения теории систем следует, что для коммуникации *не может быть какого-либо соответствующего коррелята в окружающем мире*. Единству коммуникации ничего не соответствует в окружающем мире. Поэтому коммуникация действует *необходимо от-дифференцирующим образом*TM, и голое понимание комплексности окружающего мира становится проблемой коммуникации, поглощающей чрезвычайно много времени. Разумеется, всякая коммуникация как потребление энергии и информация остается зависимой от окружающего мира, и так же мало можно оспорить то, что любая коммуникация с помощью смысловых указаний прямо или косвенно отсылает к окружающему миру системы. От-дифференциация относится строго к единству и тем самым к замкнутости связи отборов, к заключающейся в этом отборе отборов редукции комплексности, обеспеченной тем самым. Поэтому система коммуникации никогда не является автаркической, но может приобрести автономию через собственное обусловливание коммуникативных синтезов.

¹¹ Подробнее об этом понятии см. с. 573 данного издания.

¹² Ср. с. 211—212 данного издания.

¹³ Отсюда мы позже опять-таки сделаем вывод, что общество, т. е. в каждом случае наиболее обширная социальная система, должно пониматься как оперативное и самореферентно закрытая система. Ср. гл. 10. 201

Данная теория коммуникативных синтезов и в другом аспекте высвечивает своеобразные отношения системы и окружающего/мира. Система может коммуницировать не только о себе самой, но и так же свободно, даже, может быть, еще лучше, о другом. В отличие от жизни она не связана с пространственным существованием. Ее можно вообразить как постоянную пульсацию: с каждым, тематическим выбором система расширяется и сжимается, включает, принимает одни смысловые содержания и опускает другие. В этом аспекте система коммуникации работает со структурами, открытыми для смысла. Несмотря на это, она может создавать собственные границы и придерживаться их, потому что *завышенные запросы* коммуникации в системе могут быть ограничены¹⁴. Отсюда лишь вторично вытекают новые ограничения в выборе тем или форм выражения, с которыми следует считаться определенным системам. Ненормально, если в дипломной работе встречается выражение «все это — дерьмо»; но именно впечатление ненормальности выступает предпосылкой проверки понимания высказывания и его отнесения к системе.

III

Только что представленное понятие коммуникации проясняется как таковое. Чтобы показать его важность, здесь необходим небольшой экскурс. Он касается трансцендентально-теоретического поворота в феноменологическом анализе Гуссерля, а также критики, которой подверг этот поворот Ж. Деррида.

Различие информации и сообщения, к которому относится понимание и которое со своей стороны проецируется на понимание, выступает в «Логических исследованиях» Гуссерля¹⁵ как различие признака и выражения. Нас интересует отличие этой понятийной

¹⁴ С этой точки зрения изобретение книгопечатания имело бы успех лишь в том случае, если бы одновременно расширялись пределы возможностей, предполагаемые интересы вероятных читателей и создавались соответствующие воспитательные учреждения. См. об этом: *Giesecke M. "Volkssprache" und "Verschriftlichung des Lebens" im Spätmittelalter — am Beispiel der Genese der gedruckten Fachprosa in Deutschland / Literatur in der Gesellschaft des Spätmittelalters / Hrsg. H. U. Gumbrecht. Heidelberg, 1980. S. 39—70.*

¹⁵ *Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd 2. 1, 3. Aufl. Halle, 1922. §§ 1—8.* — Для краткости изложения ниже мы опускаем подробные доказательства.

202

диспозиции от теории социальных систем¹⁶. Понятие признака всегда подразумевает заявление о чем-то ином — воспринимают ли нечто как знак чего-либо иного, принимают ли сообщение как знак намерения о сообщении и поддерживающих его представлениях. Всякое сообщение должно осуществляться с помощью признака, но бывают признаки и вне всякой коммуникации —

например, каналы на Марсе есть знак разумных марсиан. Однако признаки имеют выразительную ценность, и тем самым значение, лишь в том случае, если они функционируют в «одиноким душевной жизни» и оживляют ее смыслом.

В переводе на язык наших понятий «выражение» означает не что иное, как аутопойесис сознания, а «смысл» или «значение» — необходимость приобретения структуры для этого в форме интенционального отношения к чему-либо. Согласно этому, существуют знаки с выразительной ценностью и знаки без таковой, бывают выражения с использованием знаков и без такового (последнее в случае просто-напросто «одиноким душевной жизни», внутренней речи). *Лишь в случае коммуникации то и другое с необходимостью совпадают* — в коммуникативной речи все выражения функционируют как признаки.

Философский интерес Гуссерля относится все-таки не к признаку, а к выражению, т. е. к тому, что сознание осуществляет в себе самом для себя самого. Этот интерес предопределен историко-философскими диспозициями, однако он опирается также и на недостаточное понимание коммуникативной реальности. Коммуникация понимается как действие, как речь, как оповещение, как сообщение (таким образом, не так, как здесь предлагается, — т. е. не как единство информации, сообщения и понимания). Так ограниченное понимание коммуникации способствует возврату философской теории к собственной жизни сознания, которое при случае (но не всегда, и не только) мотивирует себя к коммуникативному действию. В то же время именно поэтому от сознания следует требовать большего, нежели быть лишь операционным модусом психических систем. В трансцендентально-теоретическом понимании сознание вводится как субъект, т. е. как *subiectum* всего иного. Проблема «интерсубъективности» становится тем самым неразрешимой. На языке теории систем это означает, что такая философия использует лишь системную референцию психической системы и пытается скомпенсировать эту односторонность (помогающую ей мыслить единство) трансцендентально-теоретическим усилением.

¹⁶ К теории психических систем мы вернемся в гл. 7.

203

Критика Ж. Деррида совсем иная¹⁷. Она легко уводит от выржи жения и признака к противоположной позиции — к знаку как знаку[^] Трансцендентальная философия и ее центрирование на субъекте за**меняется семиологией с центрированием на различии. Это ориенти- рует на утонченный анализ взаимодействия присутствия и отсутст* вия, с которым работает Деррида. Такое исходное положение помогает нам в том, чтобы при анализе коммуникации исходить из различия, а именно из различия сообщения и информации. Оно становится понятным через использование знаков и одновременно темпорализируется как "difference" (в смысле временного сдвига единства и различия). Проблема времени становится проблемой обозначения через различия и в такой форме занимает место старого вопроса о том, откуда берется субъект.

Нам не нужно выбирать здесь между философскими теориями, трансцендентальной теорией и семиологией. Возникшие при этом понятийные нюансы должны быть лишь проверены, прежде чем они будут переняты в эмпирических науках, которые тем не менее могут почтиться у философии теоретическим усилиям. Для построения теории в социологии важно прежде всего понимание, что *обе* позиции изложенной здесь контрверзы кладут в основу ограниченное понимание коммуникации. С помощью понятия коммуникации, которое мы используем, эти позиции прежде всего отбрасываются. Поэтому мы не возвращаемся ни к субъектно-теоретическому (связанному с теорией действия), ни к знаково-теоретическому (связанному с теорией языка, структуралистскому) основоположению, а должны при необходимости в отдельных случаях выяснять, какие из пониманий, полученные в этих теоретических перспективах, можно перенять.

IV

Если коммуникацию понимают как синтез трех отборов как единство информации, сообщения и понимания, то она реализуется тогда, когда осуществляется понимание, и в той мере, в какой оно осуществляется. Все дальнейшее происходит «вне» единства элементарной коммуникации и предполагает его. Это особенно справедливо для четвертого вида отбора: для принятия либо отклонения сообщенной редукции смысла. В случае адресата коммуникации понимание смысла ее отбора следует отличать от принятия или отклонения того или иного выбора как предпосылки собственного поведения. Это различие имеет существенное теоретическое значение. Поэтому мы посвящаем ему самостоятельный раздел.

Если мы говорим, что коммуникация имеет целью и вызывает изменение состояния адресата, то тем самым подразумеваем лишь понимание ее смысла. Понимание является тем третьим отбором, который завершает акт коммуникации. Например, информация о том, что табак, алкоголь, масло и мороженое мясо вредят здоровью, действует в зависимости от того, доверяют ей либо нет. В текущий момент эту

информацию уже невозможно игнорировать, а можно лишь доверять ей или нет. Как бы ни решали, коммуникация создает состояние получателя, которого без нее бы не было, но которое определяется лишь самим получателем. Поэтому принятие или отклонение, а также дальнейшая реакция не входят в *понятие* коммуникации¹⁸.

В качестве смены состояния получателя коммуникация действует как ограничение — она исключает еще не определенную произвольность настоящего момента (энтропию). В другом отношении, причем именно вследствие этого, коммуникация, однако, расширяет возможности. Она провоцирует (можно ли сказать, со-про-воцирует?) возможность отклонения. «Любое произнесенное слово инициирует противоположный смысл»¹⁹, именно противоположный смысл, которого без произнесенного слова вообще не могло бы быть. Таким образом, определение всегда способствует и сопротивлению, что можно знать и учесть, прежде чем решиться на коммуникацию.

Однако принятие и отклонение требуемого и понятого выбора не являются частью коммуникативного события; это — акты присоединения. В самой коммуникации противоположный смысл дан лишь латентно, лишь как отсутствующее присутствующее. Единство отдельной коммуникации есть в динамическом отношении не что

"Derrida, J. La Voix et le phenomene Paris, 1967. Немецкое издание: D. Stimme und das Phänomen: Ein Essay Über das Problem des Zeichens in der Philosophie Husserls / Hrsg. J. Horisch. Frankfurt, 1979.

204

¹⁸ Для этого не следует требовать каких-либо дальнейших объяснений, но мы предусмотрительно добавляем, что в противном случае отклоненная коммуникация вообще не была бы никакой коммуникацией, а отклонение коммуникации было бы невозможным. Но это была бы совершенно нереалистичная понятийная конструкция. Коммуникация отличается именно тем, что она *открывает* ситуацию для принятия/отклонения.

¹⁹ Из: Ottiliens Tagebuche. Die Wahlverwandtschaften, цит. по: Goethe's Werke / Hrsg. L. von Geiger. Bd 5. 6. Aufl. Berlin, 1893. S. 500.

205

иное, как способность присоединения. Оно должно быть и оста^ ваться единством ради способности снова стать различием в другой форме, а именно различием принятия и отклонения. И вопрос о том, * принимает ли кто-либо сообщенную информацию как предпосылку собственного поведения, возникает лишь в отношении дальнейшего события. Это — такие отборы, с помощью которых коммуникация оказывает влияние на свой окружающий мир и/или возвращается к себе самой. К коммуникации относится то, что она создает социальную ситуацию, позволяющую ожидать таких решений о присоединении. Это — намеренный эффект создания такого рода обостренного, но открытого положения, и коммуникация может включать в себя элементы давления, которые оказывают на получателя нажим в направлении скорее принятия, нежели отклонения. Такое давление осуществляется отчасти перспективой избежать конфликт, отчасти (что тесно связано с этим) — символически генерализованными средствами коммуникации. Мы еще вернемся к этому.

Самым абстрактным выражением такого давления являются смысловые знаки, которые функционируют как высказывания о существовании (либо соответствующие логические операторы, например высказывания о модальности), прежде всего как высказывание «существования». Они направляют за пределы коммуникации к предполагаемой необходимости принятия ее отбора. Отсюда возникают онтологические учения в виде побочного продукта коммуникации и в конечном итоге, благодаря подходящим кодам символически генерализованных средств коммуникации, становятся более или менее обособленными. Они неизбежно возникают, что справедливо *mutatis mutandis** и для семантик, следующих за ними, именно потому, что коммуникация неизменно постоянно репродуцирует свободу принятия или отклонения²⁰.

В несколько иной формулировке можно утверждать, что коммуникация трансформирует различие информации и сообщения в раз-

²⁰ С научной точки зрения язык «существования» (!) чрезвычайно легко вводит в заблуждение, так как он не способен выражать различие, по отношению к которому нужен выбор и что поэтому следует опустить. Бюрократический язык с его раскритикованной излишней обстоятельностью («делать сообщение», «принимать решение», «вносить предложение», «принимать к сведению» и т. п.) намного лучше подходит для этого. Он операционализирует контингентность, несмотря на то что и здесь сознание различия и альтернатив привносится лишь абстрактно. Ср. об этом (вслед за Е. А. Singer) также: Churchman C. W. The Design of Inquiring Systems: Basic Concepts of Systems and Organization. New York, 1971. P. 201 ff.

* С изменениями, с оговорками (лат.). — Прим. пер. 206

личие принятия *или* отклонения сообщения, и таким образом транс-формЦрует «и» в «или». При этом, в соответствии с теоремой двойной контингентное™, следует принимать во внимание, что не Alter представляет одно, а Ego — другое различие, но оба различия должны быть замечены и использованы обеими сторонами. Речь идет не о социальном различии позиций, а о временной

трансформации. В соответствии с этим коммуникация есть совершенно самостоятельный, автономный, самореферентно-закрытый процесс осуществления актов отбора, никогда не утрачивающих характера актов отбора. Она есть процесс непрерывного изменения формы смысловых материалов, преобразования свободы в свободу в меняющейся обусловленности; причем при условии, что окружающий мир организован достаточно комплексно, а не как угодно; постепенно накапливается подтверждающий опыт, включаемый обратно в процесс. Таким образом, в эпигенетической эволюции возникает мир смысла, который способствует осуществлению менее вероятной коммуникации.

Для дальнейшего рассмотрения поставленного тем самым (и постоянно подтверждаемого) вопроса о принятии или отклонении смысла, предлагаемого в коммуникации, в сегодняшней социологии имеются в основном два теоретических положения. Эта проблема проходит преимущественно под ключевым понятием *транзакция*. Под ней понимаются интеракции, реагирующие на ценностные различия между участниками, прежде всего — обмен и конфликт²¹. Однако ни теория обмена, ни теория конфликта не могут быть убедительны как универсальные теории в той степени, что и теории коммуникации. Поэтому транзакцию в обеих этих формах можно лучше всего понять как использование уровня интеракции для рассмотрения ценностных различий и осуществления исполнения либо отказа. В отличие от этого теория *символически генерализованных средств коммуникации* рассматривает семантическое предвосхищение выбора между принятием и отклонением, скорее, макросоцио-

²¹ Ср. в качестве выдающихся примеров: *Thibaut J., Kelley H. H. The Social Psychology of Groups*. New York, 1959; *Homans G. C. Social Behaviour: Us Elementary Forms* (1961). 2 ed. New York, 1974; *Schelling T. C. The Strategy of Conflict*. Cambridge Mass., 1960; *Emerson R. M. Power Dependence Relations // American Sociological Review* 27 (1962). P. 31—41. О четком разделении коммуникации и транзакции в разных областях анализа см. прежде всего: *Kuhn A. The Logic of Social Systems*. San Francisco, 1974. P. 137 ff. В качестве ретроспективных оценок ср. также: *Ekeh P. P. Social Exchange: The Two Traditions*. London, 1974; *Chadwick-Jones J. K. Social Exchange Theory: Its Structure and Influence in Social Psychology*. London, 1976. 207

логически и уже в рамках общей теории коммуникации. Однако и она не «объясняет», почему, несмотря на управление через средств коммуникации, возникает поведение, противоречащее кодам, ш неэффективная коммуникация, не достигающая цели управления поведением. Поэтому следует скомбинировать теорию транзакций: и теорию средств коммуникации, чтобы понять, какие последствия-имеет открытость коммуникации для принятия либо отклонения. предложенного смысла в социальных системах. Следовательно, разработка этой темы предполагала бы развитую теорию общества и теорию интеракции. Не вступая на этот окольный путь, вернемся к общей теории коммуникации.

Понятие коммуникации, ориентированное на различие и отбор, проясняет проблемы и границы коммуникативного поведения, наблюдаемые и описываемые уже столетиями. Однажды включившись в коммуникацию, уже не вернуться в рай простых душ (даже, как надеялся Кляйст, с черного хода). Это типически демонстрируется в теме искренности, актуальной прежде всего для Нового времени²². Искренность является некоммуникабельной, так как посредством коммуникации она становится неискренней. Ибо коммуникация предполагает различие информации и сообщения, причем и то и другое как контингентных. В таком случае, весьма вероятно, можно сообщать что-либо и о себе, о своих состояниях, настроениях, позициях, намерениях; однако лишь таким образом, чтобы демонстрировать себя как контекст информации, которые могли бы быть и другими. Поэтому коммуникация вносит всеобъемлющее, универсальное, неустраняемое подозрение, а любое заверение и успокаивание лишь регенерируют его. Этим объясняется и значимость этой темы в ходе усиленной дифференциации общественной системы, которая затем все больше и больше рефлектирует о своеобразии коммуникации. Неискренность искренности становится темой, как только общество познает нечто сохраняемое не как естественный порядок, а как коммуникацию²³.

²² Ср., напр.: *Trilling L. Sincerity and Authenticity*. Cambridge Mass. 1977?

([^][^][^]s[^]-ir[^]rss-T P^{людей} r[^]= [^][^][^]dr[^]-[^]"-
o-[^]r[^]

²³ *caies/ to. t. uaire. Kans, 1846, переиздано: Genf, 1971. P. 657—821 (663). 208*

Эта проблема зафиксирована прежде всего как антропологическая; однако она восходит к общему парадоксу теории коммуникации. Не обязательно думать то, что говорят (например, произносятся:

«Доброе, утро»). Но нельзя также утверждать, что мыслят то, что говорят. Хотя что-то можно выразить словами, но уверение в этом вызывает сомнение и вредит намерению. Кроме того, здесь следовало бы допустить, что могут сказать не то, что думают. Но когда говорят это, то партнер не может знать, что именно думают, когда утверждают, что не имеют в виду то, что говорят. Он попадает в парадокс Эпименида. Он не может знать этого, даже если бы постарался понять говорящего; таким образом, коммуникация теряет смысл.

Основания для парадокса некомуникабельности заключаются в том, что понимающий должен предполагать у коммуницирующе-го самореференцию, чтобы на ее основе отделять информацию от сообщения. Поэтому в каждой коммуникации сообщается возможность дивергенции самореференции и сообщения. Без этого фона коммуникация не могла бы быть понятой, а без перспективы понимания она вообще не состоялась бы. Можно ошибаться самому, вводить в заблуждение другого; но нельзя исходить из отсутствия такой возможности.

Хотя, как уже отмечалось, коммуникация возможна и без намерения сделать сообщение, если Ego все-таки может различать информацию и сообщение. При этом условии коммуникация возможна и без языка, например с помощью улыбки, вопросительного взгляда, нарядов, отсутствия, — а в общем и целом обычно через отклонение от общепринятых ожиданий²⁴. Однако сообщение всегда следует интерпретировать как отбор, а именно как самоопределение ситуации с воспринятой двойной контингентностью. Поэтому коммуникации недостаточно, когда наблюдаемое поведение понимается лишь как знак чего-либо иного. В этом смысле быстрая походка может быть воспринята как знак спешки, а темные тучи — как знак дождя; но быструю походку можно понять и как наигрыш спешки, занятости, недоступности и т. п., и ее можно использовать с целью вызвать такое впечатление.

²⁴ То, что в *разрыве* или *прерывании* ожидаемого хода событий содержатся *особые шансы для коммуникации*, должно было иметь особое значение для эволюции от-дифференцировавшихся форм коммуникации. Мы можем здесь лишь указать на это соображение. Оно могло бы подтвердить, что эволюция на самом деле обращается к случаям, способствующим комплексности.

209

Таким образом, для определения понятия коммуникации *мц* не можем пользоваться интенциональностью и ее языковым характером¹⁵. Вместо этого мы ориентируемся на понимание различия как различия информации и сообщения, встроенного в любую коммуникацию.

Коммуникация, так сказать, осуществляет это различие. В то же время отсюда ясно, как возможна эволюция языка и что она дает. Задолго до нее была возможность использовать нечто в качестве знака для иного. Язык превращает эту возможность в искусственную, освобождает ее от ограничений природными закономерностями и благодаря этому усиливает ее почти до бесконечности. Вместе с тем в случае языковой коммуникации намерение коммуникации является бесспорным (хотя часто можно спорить, соответствует ли то, что думали, тому, что высказали, так как языковую коммуникацию можно использовать и для того, чтобы ненароком сообщить что-то преднамеренно). Ограничивает возможности коммуникации и необходимость устанавливать, что именно можно представить как намерение сообщения либо, в крайнем случае, привести в форме не прямой, намеренно непреднамеренной коммуникации. В то же время это дает более четкое различие, собственную избирательность сообщения в отношении избирательности информации. Таким образом, языковая коммуникация нуждается с точки зрения ее социальной уместности в усиленном контроле, а контролировать свое вербальное поведение может лишь тот, кто умеет и молчать²⁶.

При языковой коммуникации отходит на задний план и зависимость коммуникативного процесса от наблюдательности Ego, от ее амбивалентности. Ego не только сам видит различие, но оно недвусмысленно навязывается ему. Например, Alter говорит ему о чем-то. Даже если бы Alter хотел говорить о себе или о своих словах, он все же репродуцировал бы то самое различие, т. е. должен был бы перерабатывать нечто в себе самом или в своих словах в качестве инфор-

²⁵ Впрочем, это всецело соответствует господствующему воззрению. Слишком многие важные феномены — даже в преднамеренной языковой коммуникации, которая часто преувеличивает и искажает то, что было задумано и выражено на языке, — были бы исключены в случае слишком узкого определения понятия коммуникации.

²⁶ Тема, которая много обсуждалась в XVII и XVIII вв. См., напр.: *Fa-ret N. L'honeste homme, ou Tart de plaire a la Cour*. Paris, 1630, цит. по изданию: Paris, 1925. P. 73 ff; *BosgJ. du. L'honneste femme*; переиздано: Rouen, 1639. P. 56 ff.; *Scuderi M. de. De parler trop ou trap peu, et comment il faut parler ff* Scuderi M. de. *Conversations sur divers sujets*. T.I. Lyon, 1680. P. 159—204; *Morvan de Bellegarde J.-B. Conduite pour se taire et pour parler, principalement en matiere de religion*. Paris, 1696.

210

мации, подлежащей сообщению. Таким образом, учитывая языковое поведение, Ego может

полагаться на то, что различие, которое конституирует коммуникация, уже произведено. Соответственно он может чувствовать себя разгруженным. Его внимание свободно для понимания того, что говорится.

Это можно обобщить в тезисе, что язык способствует от-дифференциации процессов коммуникации из контекста восприятия (как всегда, претенциозного, комплексного). Лишь благодаря их отдифференциации могут отдифференцироваться и социальные системы. Они ни в коем случае не состоят лишь из вербальной коммуникации; но в силу их отдифференциации на основе языка находит выражение все то, что еще предстоит в социальном действии, даже в социальных восприятиях. Отдифференциации способствует не только особая феноменальная точность, эксцентричность и возвышенность вербального поведения. Важно и то, что язык обеспечивает рефлексивность процесса коммуникации и тем самым способствует саморегуляции. Рефлексивными являются процессы, применимые и к самим себе. В случае коммуникации это означает, что можно коммуницировать о коммуникации. В коммуникации можно тематизировать ход коммуникации, можно спрашивать и объяснять, как подразумевалось нечто, можно просить о коммуникации, отклонять ее, устанавливать коммуникативные связи и т. п. Здесь также в любом случае в основе заложено различие информации и сообщения; единственно лишь в случае рефлексивной коммуникации сама коммуникация рассматривается как информация и становится предметом сообщения. Это едва ли возможно без языка²⁷, так как воспринятое просто как коммуникация определено недостаточно для дальнейшей коммуникативной обработки. Как бы то ни было, и здесь рефлексивность процесса предполагает определенную отдифференциацию и функциональную спецификацию. Лишь язык обеспечивает рефлексивность в смысле всегда доступной возможности, уже не удивляющей своей способностью отнести коммуникативный процесс обратно к себе.

В таком случае рефлексивность может служить тому, чтобы компенсировать риск более высокой комплексности и более жесткой избирательности. Можно отважиться на неожиданные, необычные сообщения, можно выражаться коротко и без проверки полагать го-

²⁷ Merten K. Kommunikation: Eine Begriffs- und Prozeßanalyse. Opladen, 1977. — Этот автор, напротив, считает рефлексивность единственным генерализируемым отличительным признаком коммуникации как таковой.

211

ризонты понимания, можно коммуницировать с совершенно недна- / комыми, если в случае сомнений или трудностей взаимопонимания-есть возможность переспросить. Нет необходимости все осуществлять в прямой коммуникации, если в распоряжении, имеется метауровень для коммуницирования об успехе или неудаче коммуникативного взаимопонимания.

В вербальной коммуникации рефлексивный возврат к ней самой настолько прост, что требуются специальные барьеры для его исключения. Они срабатывают в случае сознательного употребления метафор и образных выражений, преднамеренных двусмысленностей, парадоксов, остроумных, шуточных оборотов речи. В то же время эти формы речи сигнализируют о том, что нет смысла переспрашивать о том, «почему» и «каким образом». Они функционируют лишь в данный момент либо вообще не работают²⁸.

Соображения данного раздела позволяют понять, как складываются отношения усиления. Все зависит от того, что можно установить исходное различие. Оно заключается в различии наблюдателем двух избирательных событий: информации и сообщения. Если это имеет место, то сюда может примкнуть дальнейшее, в отношении чего могут формироваться ожидания, соответственно развиваться и кодироваться специализированное поведение, а именно речь. Понятия можно определять по-разному; в частности, для понятия коммуникации есть много действительно разных предложений²⁹. Мы закладываем в основу формулировку, ориентирующую на то, чему коммуникация способствует прежде всего, а именно на различие, конституирующее процесс и обеспечивающее его свободу.

VI

Коммуникация является координированной избирательностью. Она осуществляется лишь в том случае, если Ego определяет свое собственное состояние на основе сообщенной информации. Коммуникация имеет место и в том случае, если Ego считает информацию неправильной, не хочет выполнять пожелание, содержащееся в ней,

а См.: Gregory J. A Comparative View of the State and Faculties of Man with those of the Animal World. 2 ed. London, 1766. P. 145 ff. — Остроумие и юмор сегодня указывают на своего рода короткое замыкание в различии уровней логических типов. Однако при этом не уделяется внимания темпоральной структуре, необходимой связи с текущим моментом

» В приложении к соч.: Merten K., а. а. О. дается 160 определений понятия коммуникации.

212

не хочет следовать нормам, на которые она указывает в данном случае. То, что Ego должен различать

информацию и сообщение, делает его способным к критике, и в случае необходимости — к неприятию. Это ничего не меняет в том, что коммуникация состоялась. Напротив, как обсуждалось выше, неприятие также является определением своего состояния на основе коммуникации. Таким образом, *возможность* неприятия *необходимо* встроена в процесс коммуникации. Исходя из этого, мы можем определить элементарное событие коммуникации как минимальное единство, которое еще можно отрицать. Это мыслится не логически, а коммуникативно-практически. Каждая фраза, каждое требование открывают много возможностей отрицания: не то, так это; не так; не сейчас, и т. п. Эти возможности остаются открытыми как смысловые указания до тех пор, пока Его не реагирует. Поначалу само сообщение есть лишь оферта для участия в отборе. Лишь реакция завершает коммуникацию, и лишь по ней можно судить, что осуществляется в качестве единства. Именно поэтому коммуникацию нельзя понимать как действие; причем и тогда, когда задают вопрос о последнем, далее неразложимом единстве. Мы вернемся к этому в разделе VIII.

Прежде всего интересно, что коммуникация редко выступает как отдельное единство — как возглас предостережения, крик о помощи; как тотчас же выполняемая просьба; как приветствие; как приглашение у двери о том, кто пройдет вперед; как покупка билета в кино. Отдельные коммуникации такого рода часто безмолвны, часто возможны почти без слов, но в каждом случае весьма контекстуальны. Более яркое выделение коммуникативного события требует связывания в процесс большего количества коммуникативных единиц — процесс берется здесь в смысле, определенном выше³⁰, как темпоральное связывание множества избирательных событий через взаимное обуславливание³¹. От-дифференциация требует осуществления коммуникации с доступом к самореференциям нового рода. Коммуникативный процесс может реагировать в себе на самого себя; в случае необходимости он может повторять, дополнять, пересматривать сказанное; он допускает диалог; он может быть рефлексивным, рассматривая себя как коммуникативный процесс. От-дифференциация и относительная независимость от контекста предполагают, очевидно, упорядоченное внутреннее отсутствие про-

³⁰ С. 78—80 данного издания.

³¹ Мы помним о том, что единство самой коммуникации основано на связи избирательных событий; но это — другой вопрос.

213

извольности, ибо лишь так оно может устранять ситуативные пред-*jj* посылки понимания и само обеспечивать понятную коммуникацию. Однако как вообще коммуникация может стать процессом? Здесь как условие возможности, по-видимому, опять действу*.-особое, функционально-специфическое различие, а именно *различия тем и выступлений*. Коммуникативные связи должны упорядочиваться темами, к которым могут относиться выступления³². Темы™ живут дольше выступлений, они объединяют различные выступления в длительную, непродолжительную или продолжительную; смысловую связь. Одни темы можно обсуждать вечно, другие — «почти бесконечно». Темы регулируют, кто и что может говорить. В темах различают выступления и тем самым выступающих. Так, к требованиям коммуникации ради общительности относится выбор тем, по которым все могут что-то сказать, — таких, которые не задевают чьей-либо индивидуальности и в то же время каждому дают „ возможность сделать индивидуальное выступление, по которому он J узнаваем³³.

Различие тем и выступлений еще недостаточно охарактеризовано как «различие уровней».

Содержательно с его помощью регулируется возможность отрицания. С одной стороны, существуют пороги тематизации, например в отношении непристойностей, религиозных чувств или вероисповеданий, либо конфликтной материи вообще³⁴. С другой стороны, признание темы является предпосылкой того, что выступления могут снабжаться отрицательными комментариями, отклоняться по содержанию, корректироваться, модифицироваться. Пороги тематизации могут быть высоки именно потому, что в случае принятия темы можно встретить слишком большое количество отрицательных выступлений. Таким образом, различие уровней устраняет слишком узкие возможности отрицания, неизбежно касающиеся личностей; и не случайно, что литература раннего Нового времени начинает учитывать это по мере того как

³² В отношении личностных систем и ситуации с ними см.: *Markowitz J.* Die soziale Situation. Frankfurt, 1979, в частности S. 69 ff., а по поводу промежуточного понятия «тематического поля» — S. 115 ff.

³³ *Schleiermacher F. D. E.* Versuch einer Theorie des geselligen Betragens II Werke: Auswahl in 4 Bd. 2. Aufl. Leipzig, 1927. Bd 2. S. 1—31.

³⁴ Обширная литература об этом относится прежде всего ко второй половине XVII и первой половине XVIII в. Ср., напр.: *Buffler C.* Traite de la soci^te civile. Paris, 1726, в частности Т. II. P. 91 ff.; *Paradis de Moncri-fe F.-A.* Essais sur la necessite et sur les moyens de plaire. Amsterdam, 1738, в частности p. 190. О порогах тематизации по правовым вопросам ср. также: *Luhmann N.* Kommunikation uber Recht in Interaktionssystemen / Luh-mann N. Ausdifferenzierung des Rechts. Frankfurt, 1981. S. 53—72.

0 коммуникативных связях все сильнее выступают отдельные личности³⁵.

В целях координации выступлений темы имеют предметное содержание — речь может идти о любовных связях актрисы, о биржевых курсах и их объяснении, о новой книге, о детях рабочих-иностранцев. Для специализации нет никаких границ, кроме следующих из интереса продолжения коммуникации. Однако темы также имеют временной аспект. Можно вспомнить о более ранних выступлениях на тему. Темы бывают старыми или новыми, уже наскучившими или все еще интересными; все это, пожалуй, в разной степени для разных участников. Когда-то они насыщаются настолько, что больше невозможно рассчитывать на новые выступления. В таком случае для сохранения старой темы следует привлечь новых участников. И наоборот, новая тема для многих участников может оказаться слишком новой, чтобы вообще вызвать толковые выступления³⁶.

Наконец, как уже показал пример «общительной» коммуникации, важен и социальный аспект выбора тем. В нем подразумевается не только конгенитальность; не только то, что темы более или менее идут навстречу участникам и их возможностям выступлений. Социальное измерение актуализируется главным образом в том, что коммуникации как видимое действие более или менее связывают участников. Это значит, что участники высказывают в коммуникации нечто и о себе, о своих мнениях, установках, опыте, желаниях, зрелости своих суждений, интересах. Коммуникация служит также самопрезентации, знакомству друг с другом; и тогда она может привести к тому, что участники вынуждены войти в некую форму, что-

³⁵ В общем об этом см.: *Toldo P.* Le Courtisan dans la litterature franchise et ses rapports avec l'oeuvre de Castiglione // Archiv fur das Studium der neueren Sprachen und Literaturen 104 (1900). S. 75—121; 313—330; 105 (1900). S. 60—85; *Anton H.* Gesellschaftsideal und Gesellschaftsmoral im ausgehenden 17. Jahrhundert: Studien zur Franzosischen Moral!iteratur im AnschluB an J.-B. Morvan de Bellegarde. Breslau, 1935; *Strosetzki Ch.* Konversation: Ein Kapitel gesellschaftlicher und literarischer Pragmatik im Frankreich des 18. Jahrhunderts. Frankfurt, 1978; *Luhmann N.* Interaktion in Oberschichten // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 72—161.

³⁶ Темпоральное положение тем, прежде всего благодаря современным средствам массовой коммуникации, приобрело важное, если не решающее значение, определяющее их выбор. Ср. об этом: *Luhmann N.* 1) Offentliche Meinung // Luhmann N. Politische Planung. Opladen, 1971. S. 9—34; 2) Veranderungen im System gesellschaftlicher Kommunikation und die Massenmedien // Luhmann N. Soziologische Aufklarung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 309—320.

214

215

бы в конце концов быть теми, в качестве кого выступали в коммуникации, — соблазнитель должен в конце концов влюбиться³⁷.

Связующий эффект усиливается, если темы коммуникации допускают моральные обертоны или вообще являются моральными темами. Мораль регулирует условия взаимного уважения или неуважения³⁸. Поэтому с помощью тем, подходящих для морализации коммуникации, можно провоцировать уважение; можно демонстрировать самого себя как достойного уважения и осложнять другим возможность возражения; можно проверить, заслуживает ли некто уважения; можно попытаться поймать других в сеть условий уважения, чтобы потом содержать их в ней; но можно вынудить других к моральным обязательствам, чтобы затем бросить их на произвол судьбы наедине с обязательствами; можно использовать морализирование, чтобы показать, что не дорожат чьим-то уважением. В зависимости от того, сколько свободы дает общество в обращении с моралью³⁹, она может либо по-дюркгеймовски служить усилению солидарности, либо акцентировать критику, преимущества соблюдения дистанции и конфликты.

Таким образом, темы служат одновременно социальными, предметными и временными структурами коммуникативного процесса, причем они функционируют как генерализации, потому что не определяют, какие выступления, когда, в какой последовательности и кем делаются.

Поэтому на уровне тем можно актуализировать смысловые указания, которые вряд ли можно сделать заметными в отдельной коммуникации. В конечном итоге благодаря этому коммуникация является типично, но не обязательно, тематически управляемым процессом. В то же время темы являются редукциями комплексности, открытой благодаря языку. Чисто языковая правильность формулировок еще ни о чем не говорит. Лишь на основании тем можно контролировать правильность своего и чужого коммуникативного поведения в смысле тематической пригодности.

В этом

³⁷ Это излюбленная тема романов (см., напр.: *Constant B.* Adolphe). Соответствующие временные сдвиги отмечаются и эмпирическим исследованием: мужчина влюбляется первым и романтически, женщина — несколько позже и по-настоящему. Ср.: *Murstein B. I.* Mate Selection in the 1970s // Journal of Marriage and the Family 42 (1980). P. 777—792 (785).

³⁸ Таково, во всяком случае, социологическое понятие морали. Подробнее см.: *Luhmann N.* Soziologie der Moral // Theorietechnik und Moral / Hrsg. N. Luhmann, S. H. Pfurtnner. Frankfurt, 1978. S. 8—116.

³⁹ Отчасти (а для обывательского мышления в первую очередь) это — вопрос дифференциации морали и права; отчасти — вопрос социальной мобильности, легкости и относительной безболезненности прекращения контактов.

216

отношении темы являются как бы вербальными программами действия⁴⁰. В таком случае, даже когда говорят лишь о том, как лучше ловить мышей мышеловкой, можно сказать еще очень многое, но не все, что угодно; тема дает предварительную ориентацию, достаточную для быстрого отбора своих выступлений и проверки гоже-го в выступлениях других; по мучениям, претерпеваемым мышами, можно проверить моральную чувствительность участников и поменять тему, если чувствуется, что она уже исчерпана для себя и остальных.

VII

И темы, и выступления могут быть отклонены. Помимо этого в любой коммуникации следует считаться с немалой долей потерь, с неясностями, с некондиционной продукцией. Тем не менее это терпимые трудности, это — лишь фрагменты проблематики, заложенной гораздо глубже. Теперь, после того как мы обрисовали функционирование коммуникации, мы должны спросить более категорично, возможно ли вообще ее нормальное функционирование.

В контексте достижений эволюции успех коммуникации поначалу должен выглядеть крайне невероятным⁴¹. Коммуникация предполагает живые существа, живущие сами по себе со своим окружающим миром и собственным аппаратом переработки информации. Каждое живое существо рассматривает и перерабатывает то, что оно воспринимает, само по себе. Как при таких обстоятельствах вообще возможна коммуникация, т. е. скоординированная избирательность? Этот вопрос лишь усугубляется благодаря нашему расширению понятия коммуникации с двухзвенного отбора до трех-звенного. Речь идет не только о том, что живые организмы находятся в согласии друг с другом; и не только о простой увязке их поведения, как в танце. Они должны искать и находить согласие в контингентных обстоятельствах мира, которые, таким образом, могут быть и иными. Если даже преодоление двойной контингентности не есть нечто надежное, то как можно использовать эту нена-

⁴⁰ В смысле, которого мы коснемся подробнее ниже, на с. 415—421 данного издания, посредством различения ценностей, программ, ролей и личностей.

⁴¹ Я следую здесь уже опубликованным рассуждениям. См.: *Luhmann N. Die Unwahrscheinlichkeit der Kommunikation / Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 25—34.*

217

дежность, чтобы приобрести гарантии относительно ненадежных обстоятельств мира? Иначе говоря, возможна ли коммуникация как *переработка информации!*

Если спрашивают подробнее, то сталкиваются с множеством проблем и препятствий, которые должна преодолеть коммуникация, чтобы вообще осуществиться.

Если мысленно перенестись в исходную точку эволюции, то прежде всего невероятно, что *Ego понимает* то, что думает *Alter*, — при разделении и индивидуализации их тел и сознания. Смысл может быть понят лишь в контексте, а в качестве такового для каждого работает прежде всего то, что дают восприятие и память. Кроме того, как уже вскользь отмечалось выше, понимание всегда включает в себя и непонимание, и эта составляющая, если нет возможности опереться на специальные условия, становится столь высокой, что продолжение коммуникации делается невероятным, (Эта проблема встречается в любой ситуации, претендующей на коммуникацию, и, не в последнюю очередь, в теоретической дискуссии в социологии.)

Вторая невероятность касается *достижения* адресатов. Невероятно, что коммуникация достигает большего числа лиц, нежели тех, которые присутствуют в конкретной ситуации; и эта невероятность возрастает при дополнительном требовании трансляции коммуникации в неизменном виде. Проблема заключается в ее распространении в пространстве и во времени. Система интеракции присутствующих в данной ситуации гарантирует их внимание, требуемое для коммуникации. Однако нельзя принудить выполнять правила, действующие здесь и за пределами системы интеракции. Даже если сама коммуникация приобретает легко транспортируемого и постоянного во времени носителя смысла, то невероятно, что она найдет внимание по ту сторону границ итеракции. Где-то в другом месте люди заняты чем-то иным.

Третья невероятность есть невероятность *успеха*. Даже если коммуникация будет понята тем, кого она достигает, то тем самым вовсе не гарантировано, что она будет принята и исполнена. Наобо-

рот, «любое произнесенное слово инициирует противоположный смысл». Коммуникация успешна лишь в том случае, если Ego перенимает ее селективное содержание (информацию) в качестве предпосылки собственного поведения. Принимать может означать действовать по соответствующим директивам, но также и переживать, мыслить, обрабатывать дальнейшие информации при условии, что определенная информация соответствует действительности. Коммуникативный успех — это удачное соединение отборов.

218

Три эти невероятности являются не только препятствиями осуществления коммуникации, не только трудностями в достижении цели, но и порогами утраты уверенности. Тот, кто считает коммуникацию бесперспективной, отказывается от нее. Отсюда прежде всего следует ожидать, что коммуникация может вообще не осуществиться, а если и осуществится, то вновь элиминируется эволюцией. Однако без коммуникации не могут возникнуть какие-либо социальные системы. Таким образом, следовало бы ожидать энтропии, но происходит как раз обратное. Теорема невероятности не опровергается; и тем точнее она показывает, где заложены проблемы, решение которых в ходе эволюции обеспечивает коммуникации, запускает образование систем, трансформирует невероятное в вероятное. Имманентные невероятности коммуникативного процесса и способ, которым они преодолеваются и трансформируются в вероятности, одновременно регулируют и построение социальных систем. Процесс социокультурной эволюции следует понимать как преобразование и расширение возможностей перспективной коммуникации, как консолидацию ожиданий, вокруг которых общество образует затем свои социальные системы; и очевидно, что это не просто процесс развития, а избирательный процесс, определяющий, какие виды социальных систем становятся возможны, как общество отмежевывается от чистой интеракции и что исключается как слишком невероятное.

В этом эволюционном отборе заметна некоторая структура, в которой указанные невероятности просто невозможно постепенно перерабатывать и по частям преобразовывать в вероятность. Они, скорее, взаимно усиливают и ограничивают друг друга. Так, история социокультурной эволюции, основанной на коммуникации, не дает картины целенаправленного прогресса в направлении все лучшего взаимопонимания. Она, скорее, походит на гидравлический процесс ограничения и распределения давления проблем. Если решена одна из проблем, то решение других становится менее вероятным. Подавленная невероятность проступает, так сказать, в других проблемах. Если Ego правильно понимает коммуникацию, то у него больше оснований отклонить ее. Если коммуникация выходит за круг присутствующих, то понимание затрудняется, а отклонение — облегчается: нет помощи в истолковании и давления конкретной интеракции, способствующих принятию. Эта взаимозависимость проблем избирательно действует на то, что проходит через коммуникацию и сохраняется в ней. Как только письменность обеспечивает распространение коммуникации за пределы узкого круга присутствующих в общем пространстве и времени, больше невозмож-

219

но полагаться на увлекательность устных выступлений; следует усилить аргументацию, исходящую из самого предмета. Этому, тью-ви-димому, обязана своим происхождением «философия»⁴². Она есть «софия»* — умение, необходимое для того, чтобы в столь напряженной ситуации все-таки обеспечивать серьезную, универсальную, достойную сохранения коммуникацию, связанную с распространением письменности.

Эволюционные достижения, используемые в этих местах разрыва коммуникации и строго функционально служащие трансформации невероятного в вероятное, мы называем *средствами*⁴³. В соответствии с тремя видами невероятности коммуникации следует различать три разных средства, взаимно содействующих, ограничивающих и обременяющих друг друга последующими проблемами. Средство, усиливающее понимание коммуникации далеко за пределы воспринимаемого, есть *язык*.

Язык — средство, отличительным признаком которого является использование знаков. Он использует для обозначения смысла акустические или оптические знаки⁴⁴. Это приводит к проблемам комплексности, решаемым благодаря правилам употребления знаков, благодаря редукции комплексности, благодаря овладению ограниченной комбинаторикой. Основным процессом все же остается регулирование различия поведения по передаче сообщения и информации. Сформулированное в качестве знака, оно может быть положено в основу коммуникации Alter и Ego, и благодаря равнозначному употреблению знаков оба они могут укрепляться во мнении, что думают одно и то же. Таким образом, здесь речь идет о совершенно особой технике, с функцией *pac-*

velock F ' A rhl°r Л ° Prefa? t0 Plat0r Bridge Mass., 1963 // HaltsSubstnt Б РЫ г СОК^C epl Й JuStice: From Its Shadows in Homer to

Greece Since Cuh", *Journal of American Studies* 12 (1978): 2. * Literate Revolution in Greece and its Cultural Consequences. Princeton N. J., 1982

Историческая теория включает в себя фрагменты прежних исследований, здесь также возникают терминологические проблемы. Термин «средства» употребляется прежде всего в исследованиях массовой коммуникации и с ним популярен. Наряду с этим есть и спиритическое словоупотребление, связанное с коммуникацией с необычными партнерами, а также есть его использование в теории Парсонса применительно к посредничеству в обмене. Мы предлагаем в данном тексте свою, новую, чисто функциональную формулу:

«От этого следует отличать функцию языка для генерализации самореференции смысла, изложенную выше, на с. 141 данного издания хотя в ходе эволюции то и другое могут возникать лишь вместе»

* Мудрость (*греч.*). ~ Прим. пер.

220

Исторический репертуар понятной коммуникации практически до бесконечности и тем самым обеспечивать, чтобы почти любые события могли представлять и обрабатываться как информация. Значение этой знаковой техники едва ли можно переоценить. Тем не менее она основывается на функциональной спецификации. Поэтому следует видеть и ее границы. Ни смысл как таковой не является знаком, ни знаковая техника языка не объясняет, какой отбор знаков будет успешен в процессе коммуникации. На основе языка развивались средства распространения, а именно: письмо, печать и радио. Они основаны на неконгруэнтной декомпозиции и рекомбинации разложимых в языковом отношении единиц⁴⁵. Тем самым достигается неизмеримое расширение дальности процесса коммуникации, что, со своей стороны, оказывает обратное влияние на то, что оправдано как ее содержание⁴⁶. Средства распространения отбирают при помощи своей техники, создают свои возможности сохранения, сравнения и улучшения, которые в каждом случае могут быть использованы лишь на базе стандартизации. За счет этого, по сравнению с устной передачей на основе интеракции и памяти, непомерно расширяется и в то же время ограничивается то, какая коммуникация может выступать основанием дальнейших коммуникаций.

Вместе с таким развитием техники речи и ее распространения тем более сомнительно, какая коммуникация вообще может быть успешной, то есть мотивировать к принятию. Вплоть до позднего Нового времени на повышенную невероятность усиленно реагировали с помощью техники убеждения; например, красноречие становилось целью воспитания, риторика являлась учением об особом искусстве, диспут — искусством разрешения конфликтов и внедрения

⁴⁵ Это в высшей степени справедливо для усовершенствования письма посредством алфавита. Ср.: Havelock E. A. *Origins of Western Literacy*. Toronto, 1976.

⁴⁶ Эта тема привлекает много внимания в последнее время. Наряду с уже названными работами Havelock см. также: Goody J., Waul. *The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History* 5 (1963). P. 304—345; Ong W. J. *The Presence of the Word*. New Haven, 1967; Eisenstein E. L. *The Printing Press as an Agent of Social Change: Communications and Cultural Transformations in Early-modern Europe*. 2 Vol. Cambridge Engl., 1979; Giesecke M. 1) *Schriftsprache als Entwicklungsfaktor in Sprach- und Begriffsgeschichte // Historische Semantik und Begriffsgeschichte / Hrsg. R. K. o-selleck*. Stuttgart, 1979. S. 262—302; 2) "Volkssprache" und "Verschriftlichung" des Lebens im Spätmittelalter — am Beispiel der Genese der gedruckten Fach-prosa in Deutschland // *Literatur in der Gesellschaft des Spätmittelalters / Hrsg. H. Gumbrecht*. Heidelberg, 1980. S. 39—70. 221

имя в жизнь. Даже изобретение книгопечатания не состарило эти старания, а, скорее, лишь усилило их⁴⁷. Однако успех заключался не в этом, скорее консервативном, направлении, а в развитии символически генерализованных средств коммуникации, касающихся этой проблемы строго функционально⁴⁸.

Назовем символически генерализованными средствами те, которые используют генерализацию для символизации связи отбора и мотивации, т. е. представляют ее как единство. Важные примеры тому — истина, любовь, собственность (деньги), власть (право); в своих основаниях также и религиозная вера, искусство, а сегодня, пожалуй, стандартизированные цивилизацией «основные ценности». Во всех этих случаях, хотя и по-разному и для весьма различных ситуаций интеракции, речь идет об осуществлении отбора коммуникации таким образом, чтобы коммуникация одновременно могла выступать средством мотивации, т. е. обеспечивать исполнение предлагаемого выбора. Наиболее успешная и наиболее богатая последствиями коммуникация осуществляется в сегодняшнем обществе через такие средства коммуникации, а возможности образования социальных систем определяются соответствующими функциями. Дальнейшее обсуждение этого вопроса следует вести в теории общества. Однако общая теория социальных систем и их коммуникативных процессов может заострять внимание на высокоизбирательном характере этих функционально привилегированных способов коммуникации.

Язык, средства распространения и символически генерализованные средства коммуникации

являются, следовательно, эволюционными достижениями, которые, будучи зависимы друг от друга, обосновывают и повышают мощности по переработке информации.⁴¹ Т. Кэмпбелл, «Теология и коммуникация» // *Ong W. J. Communications Media and the State of Theology // Cross Currents* 19(1969) P 462-480 О риторике см напр.: *Kapp V. Rhetorische Theoriebildung im Frankreich des 17-18 Jahrhunderts // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur* 89 (1979), где имеются дальнейшие ссылки

⁴ Инициатором понятия и развития теории был прежде всего Т. Парсонс. См. в немецком переводе: *Parsons T. Zur Theorie der Sozialen Interaktionsmedien / Hrsg. S. Jensen. Opladen, 1980*. В рамках парсоновской теории исходная проблема образования средств массовой информации является все же отношением обмена между (аналитическими) подсистемами общей системы Действия. О ее переносе в рамки теории коммуникации ср.: *Ш-манн N 1) Einführende Bemerkungen zu einer Theorie symbolisch generalisierter Kommunikationsmedien / Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 2. Opladen, 1975. S. 170-192; 2) Macht. Stuttgart, 1975; 3) Liebe als Passion: Zur Codierung von Intimität. Frankfurt, 1982.*

222

мации, достижимые посредством социальной коммуникации. Таким образом, общество производит и воспроизводит себя как социальную систему. Если однажды коммуникация была приведена в действие и поддержана в нем, то неизбежно и образование социальной системы, ограничивающей ее; а из развития социальных систем следуют условия поддержки, способствующие образованию ожиданий в отношении того, что невероятно само по себе, и тем самым в отношении условий трансформации невероятного в вероятное. На уровне социальных систем это является строго аутопоэтическим процессом, который сам производит то, что его обеспечивает.

Развитие таких средств касается не только внешнего «приращения» коммуникации, оно изменяет и ее образ действия. В чем заключается исходный пункт изменения, можно понять, если учесть, что коммуникация предполагает опыт различия сообщения и информации. Он не дан безусловно, как однозначный факт, но более или менее ясен. Лишь так возможна постепенная эволюция в направлении от-дифференциации специфически коммуникативных (социальных) систем. В этом отправном пункте средства воздействуют на социокультурную эволюцию. Устные высказывания в интеракции среди присутствующих и последующее придание им высокого стиля ораторской речи, хотя и предполагают предмет разговора (и, как учат в школах риторики, компетентность в предмете), могут сплавлять сообщение и речь в единство действия, могут компенсировать недостаток информации захватывающей речью, могут синхронизировать говорение, слушание и восприятие как ритмическую рапсодию, буквально не оставляя времени на сомнения. Лишь письменность вызывает однозначное различие сообщения и информации, а затем книгопечатание еще раз усиливает подозрение, вытекающее из специального исполнения сообщения, что оно следует своим мотивам, а не есть просто слуга информации. Лишь письменность и книгопечатание настаивают на подключении коммуникативных процессов, реагирующих не на единство, а как раз на различие сообщения и информации, — процессы контроля истинности, процессы артикуляции подозрения с последующей его универсализацией в психоаналитическом и/или идеологическом направлении.

Таким образом, письменность и книгопечатание иницируют опыт различия, конституирующий коммуникацию. В этом строгом смысле они являются более коммуникативными формами коммуникации и тем самым вызывают реакцию коммуникации на коммуникацию в гораздо более специфическом смысле, нежели это можно

223

сделать в форме устного разговора⁴⁹. В ходе этого рассуждения в конечном итоге вновь следует ввести различие тем и выступлений, продемонстрированное в предыдущем разделе. Оно является предпосылкой того, чтобы элементарные коммуникативные события вообще формировались как процессы с упорядоченной, от-дифференцированной избирательностью. Общественная репродукция коммуникации должна, в соответствии с этим, идти через репродукцию тем, которые затем сами организуют свои выступления. Темы не создаются каждый раз случайным образом сызнова, но вместе с тем они и не заданы языком в достаточном количестве, как например слова в лексике (так как в языке все слова считаются равными, а не ранжируются по тематической пригодности в коммуникативных процессах). Следовательно, необходимо нечто промежуточное, примиряющее интеракцию и язык — своего рода запас возможных тем, имеющихся наготове для быстрого и сразу же ясного начала конкретных коммуникативных процессов. Мы называем этот тематический запас *культурой*⁵⁰, а если он сохраняется специально для целей коммуникации, то — *семантикой*. Следовательно, серьезная, достойная сохранения семантика является частью

культуры благодаря тому, что передает нам историю понятий и идей. Культура не является с необходимостью нормативным смысловым содержанием, она является, пожалуй, установлением смысла (редукцией), способствующим различию в тематических коммуникациях подходящих и неподходящих выступлений, либо корректного или некорректного использования тем⁵¹.

Такое терминологическое упрощение комплексной теоретической дедукции позволяет сформулировать вопросы об отношении культуры (точнее, семантики) и системных структур в общественном развитии⁵². Однако чтобы при этом прийти к исторически при-

⁴⁹ Обыденное восприятие мыслит как раз обратное, потому что оно интерпретирует коммуникацию телеологически, как направленную на согласие. В таком случае устное общение (диалог, дискурс) должно, конечно, выступать идеальной формой, а всякая технизация коммуникации через письменность и печать — это признак упадка или временная мера.

⁵⁰ Мы не можем пускаться здесь в обсуждение этого понятия культуры по сравнению с другими.

Предложенный в тексте термин не очень далек от обычного словоупотребления. Археологи наверняка отнесли бы к культуре и мышеловки, мы же — лишь возможность делать их предметом коммуникации, репродуцированную в объекте.

⁵¹ В иной терминологии, но не по существу, см.: *Parsons T. Culture and Social System Revisited // The Idea of Culture in the Social Sciences / Ed. L. Schneider, Ch. Bonjean. Cambridge Engl., 1973. P. 33-^6 (36).*

"Отдельные статьи об этом см. в: *Luhmann N, Gesellschaftsstruktur und Semantik. 2 Bd. Frankfurt, 1980—1981.* См. также известный тезис о ди-

224

емлемым высказываниям, аппарат гипотез должен быть насыщен все-таки намного сильнее, чем это возможно на уровне общей теории социальных систем. Здесь можно ограничиться лишь обозначением исходных пунктов.

VIII

В начале этой главы мы затронули вопрос, чем, собственно, является предельный, далее не разложимый элемент соотношений в социальных системах — действием или коммуникацией? Сейчас мы возвращаемся к этому вопросу. Попытаемся ответить на него, выяснив соотношение коммуникации и действия, и в то же время определить, как конституируются элементы социальных систем.

В качестве исходного пункта следует придерживаться того, что коммуникация не может пониматься как действие, а коммуникативный процесс — как цепочка действий. Коммуникация включает в свое единство больше избирательных событий, нежели акт сообщения. Поэтому коммуникативный процесс нельзя понять полностью, если видеть в нем не более чем сообщения, одно из которых влечет за собой другие. В коммуникацию всегда входит и избирательность сообщаемого, информации, и избирательность понимания. Именно те различия, которые обеспечивают это единство, составляют сущность коммуникации.

К тому же в социальных системах, образующихся посредством коммуникации, для разложения элементов есть лишь коммуникация. Можно анализировать высказывания, проследить их во временных, предметных и социальных смысловых отношениях, можно образовывать все меньшие смысловые единства в деталях, вплоть до бесконечной глубины внутреннего горизонта — однако все это всегда лишь посредством коммуникации, значит, с большой затратой времени и социально претенциозным образом. В распоряжении социальной системы нет иного способа разложения, она не может использовать ни химические, ни нейрофизиологические, ни ментальные процессы (хотя все они существуют и содействуют ей). Иначе говоря, конститутивный уровень коммуникации не может не использоваться, он имеется в распоряжении для разложения, продолжающей вергенции культуры и социальной структуры (правда, без системно-теоретического понимания) в: *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York, 1973, в частности p. 477.*

Консервативная и прогрессивная литература о бедствиях постоянно создает подобные представления.

ЯЗак. №4161

225

щегося по мере надобности все дальше, но не может отказаться от формы образования своего единства — сплавления информации; сообщения и понимания, не завершая тем самым своих операций.; Отсюда следует также, что социальные системы, образующиеся по-; средством коммуникации как коммуникативные системы, регулируют, в каком направлении и насколько далеко может пойти коммуникация, не становясь скучной⁵³. Следовательно, существует собственный горизонт коммуникации, способствующий продвижению вперед, но никогда не достижимый и в конечном итоге тормозящий и стопорящий коммуникацию, если она заходит слишком далеко.

Важнейшим следствием данного анализа является то, что коммуникация не может быть

наблюдаема непосредственно, а может быть лишь раскрыта⁵⁴. Поэтому, чтобы быть доступной наблюдению, либо наблюдать себя, коммуникативная система должна быть обозначена как система действия. Так же и сопутствующий самоконтроль, о котором мы говорили выше⁵⁵, функционирует лишь в том случае, если по сопряженному действию можно судить о наличии либо отсутствии понимания.

Кроме того, коммуникация, если здесь уже не просматривается действие, является симметричным отношением нескольких отборов, что тоже скрыто метафорой переноса. Коммуникация является симметричной, поскольку каждый отбор может управлять другими и отношения лидерства могут постоянно оборачиваться. Средоточие и центр тяжести полагают в том, что может быть понято; тогда в первую очередь снова важны новые информации, а затем вскоре возникает потребность сообщения как таковая. Таким образом, не существует раз и навсегда установленного направления усиления отбора. Отношения являются обратимыми и, отсюда, обладают чрезвычайно высокой способностью к приспособлению. *Лишь через встраивание понимания действия в коммуникативное событие коммуникация асимметризируется*, лишь благодаря этому она приобретает направленность от отправляющего к принимающему сообщению, которая может оборачиваться лишь вследствие того, что принимающий в свою очередь начинает что-то сообщать и, таким образом, действовать.

⁵³ Литература об этом относится прежде всего к XVII и XVIII вв. См., напр.: *Deslandes. L'art de ne point s'ennuyer*. Amsterdam, 1715. P. 91 ff.

⁵⁴ В этом может быть причина того, что социологи предпочитают исходить из понятия действия, а не из понятия коммуникации. См. также: *War-riner*, а. а. О. P. 106: «Основная проблема теории коммуникации заключается в общем нежелании представителей социальных наук иметь дело с непосредственно наблюдаемым».

⁵⁵ Ср.: с. 200 и следующая данного издания.

226

В соответствии с различием информации и сообщения действие социально конституируется в двух различных контекстах: либо как информация (соответственно как тема коммуникации), либо как действие по передаче сообщения. Иначе говоря, существует целиком и полностью некоммуникативное действие, через которое коммуникация лишь информирует о себе. Однако и его социальная значимость опосредуется коммуникацией. Коммуникативные системы сами решают, коммуницировать о действиях либо о чем-то ином; тем не менее они должны понимать само сообщение как действие, и лишь в этом смысле действие становится необходимым компонентом саморепродукции системы от одного момента времени к другому. Поэтому самопонимание коммуникативной системы как системы действия никогда не может быть ошибочным, оно может быть, пожалуй, лишь односторонним. Лишь благодаря действию коммуникация фиксируется как простое событие в данный момент времени.

Итак, на базе основного события коммуникации и с помощью ее оперативных средств социальная система конституируется как система действия. Она готовит в себе собственное описание для управления дальнейшим ходом процессов, репродукцией системы. В целях самонаблюдения и самоописания симметрия коммуникации подвергается асимметризации, ее открытая возбудимость редуцируется ответственностью за последствия. И в этом сокращенном, упрощенном, поэтому более понятном, самоописании в качестве последнего элемента выступает действие, а не коммуникация.

Действия конституируются благодаря процессам отнесения. Они осуществляются тем, что отборы, по каким бы то ни было основаниям, в каких бы то ни было контекстах и с помощью каких бы то ни было семантик («намерение», «мотив», «интерес»)⁵⁶, приписыва-

⁵⁶ Существующие серьезные разработки терминологии «мотивации» противоречат прежде всего предлагаемому здесь понятию действия. Ср.: *Mills C. W*, *Situated Actions and Vocabularies of Motive // American Sociological Review* 5 (1940). P. 904—913, а также: *Gerth H.*, *Mills C. W*. *Character and Social Structure*. New York, 1953; кроме того, см.: *Burke K.* 1) *A Grammar of Motives* (1945); 2) *A Rhetoric of Motives* (1950); обе работы переизданы: Cleveland, Ohio, 1962; *Blum A. F.*, *McHugh P.* *The Social Ascription of Motives // American Sociological Review* 36 (1971). P. 98—109. По поводу терминологии, связанной с «интересом», по меньшей мере историческое исследование свидетельствует о том, что она развивалась из интереса не к субъективности, а к объективному определению. Ср.: *Gunn J. A. W.* 1) "Interest Will Not Lie": A Seventeenth Century Political Maxim // *Journal of the History of Ideas* 29 (1968). P. 551—564; 2) *Politics and the Public Interest in the Seventeenth Century*. London, 1969, в частности p. 35 ff.

227

ются системам. Очевидно, что такое понятие действия не дает ка* кого-либо удовлетворительного причинного объяснения действия уже лишь потому, что оно не уделяет никакого внимания

психическому⁵⁷. В избранном здесь понятийном аппарате все определяется тем, что отборы относятся к системам, а не к их окружающим мирам, и что на этом основании устанавливаются адресаты для дальнейшей коммуникации, точки присоединения дальнейшего действия, чем бы ни была причина тому.

Поэтому чем именно является отдельное действие, можно установить лишь на основе социального описания⁵⁸. Это не означает, что действие возможно лишь в социальных ситуациях; однако в отдельных случаях действие выделяется из потока поведения, лишь если напоминает о социальном описании. Только так действие обретает свое единство, свое начало и конец, несмотря на то что ауто-пойесис жизни, сознания и социальной коммуникации продолжается. Иными словами, единство может обнаруживаться лишь в системе. Оно вытекает из возможностей ответвления других действий.

Уже в этом можно усмотреть, что всякое установление действия требует упрощения, редукции комплексности. Это становится еще яснее с учетом распространенного предрассудка, которого придерживаются даже социологи, хотя они-то могли знать ему цену. Предрассудок заключается в приписывании действия отдельным людям — как будто «агентом» действия всегда должен быть человек, причем весь целиком. То, что есть физические, химические, температурные, органические, психические условия возможности действия, — само собой разумеется, но отсюда не следует, что действие можно приписать лишь отдельным конкретным людям. Фактически никогда действие не определяется полностью и прошлым отдельного человека. Многочисленные исследования обнаружили границы возможностей психологического объяснения действия⁵⁹.

Доминирует — и это как раз в соответствии с самопониманием психической

⁵⁷ Разумеется, с историко-теоретической точки зрения мы реагируем на проблематику, связанную с намерением М. Вебера объяснить действие через понимание.

⁵⁸ Этот тезис особенно хорошо разработан в «символическом интер-акционизме». См. о конституировании «единицы действия» в «потоке действия»: *Warriner Ch. K. The Emergence of Society*. Homewood 111., 1970. P. 14 ff.; кроме того: *Charon J. M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration*. Englewood Cliffs N. J., 1979. P. 111 ff.

⁵⁹ В качестве лишь одного примера из обширного направления исследований см.: *Kohn M. L., Williams Jr. R. M. Situational Patterning in Inter-group Relations // American Sociological Review* 21 (1956). P. 146—174. 228

системы! — ситуация выбора действия⁶⁰. Наблюдатели могут лучше предвидеть действие на основе знания ситуации, а не личности; соответственно их наблюдение действий часто, если не в подавляющем большинстве случаев, относится не к ментальному состоянию действующего, а к со-осуществлению аутопойетической репродукции социальной системы. *Несмотря на это, повседневное действие приписывают индивидам.* Столь нереалистичное поведение может быть объяснено лишь потребностью редукции комплексности.

Лучше всего постоянное производство отдельных действий в социальных системах можно понять как осуществление сопутствующего самонаблюдения, благодаря которому элементарные единства маркируются так, что возникают точки опоры для примыкающих действий⁶¹. Если положить в основу логику формы Дж. Спенсера Брауна для операций образования, то принятые здесь теоретические решения можно объяснить с помощью понятий различения, индикации и повторного вхождения и обосновать их способность к связям на весьма абстрактном логическом уровне⁶².

Различение, использованное при конституировании действий, есть различение системы и окружающего мира, в котором система (а не окружающий мир) обозначается как инициатор отбора, а различение, как и обозначение, осуществляется как операция самой системы (а не только внешнего наблюдателя) либо, по крайней мере, предполагается возможной у нее. Тем самым можно связать такие весьма разнородные по своему происхождению теории и исследования, как логику форм операций образования, теорию действия, системную теорию и исследования атрибуции. Следствием является то, что, по крайней мере, в социальных системах нельзя разделять аутопойетическую репродукцию и операции самоописания и самонаблюдения, которые используют различие системы и окружающего мира в самой системе⁶³.

⁶⁰ Впрочем, различие отнесения к личности и отнесения к ситуации и соответствующая теоретическая полемика, со своей стороны, являются упрощениями, которые уже подвергают критике. Ср.: *Mischel W. Towards a Cognitive Social Learning Reconceptualization of Personality // Psychological Review* 80 (1973). P. 252—283.

⁶¹ См. также: *Moles A. A., Rohmer E. Theorie des actes: Vers une ecologie des actions*. Paris, 1977. P. 30 ff.

⁶² Ср.: *Brown G. S. Laws of Form*. 2 ed. New York, 1972; *Zollschan G. K., Overington M. A. Reasons for Conduct and the Conduct of Reason: The Eightfold Route to Motivational Ascription // Social Change: Explorations, Diagnoses, and Conjectures / Ed. G. K. Zollschan, W. Hirsch*. New York, 1976. P. 270—317.

⁶³ Иной выбор для общей теории аутопоиетических систем делает ее автор — У. Матурана. Ср. выше, с. 69—70 данного издания.

229

Различение сохраняет свою аналитическую ценность — но лишь чтобы выдвинуть гипотезу о том, что социальные системы могут осуществлять саморепродукцию посредством самонаблюдений и самоописаний.

Следует дополнительно иметь в виду момент темпорализации. Как требуется от всех элементов в темпорализированных системах, действия комбинируют определенность и неопределенность⁶⁴. В своей настоящей актуальности действия являются определенными, на что бы ни возлагалась ответственность за это в качестве основания отнесения; они неопределенны в отношении того, что именно они воспринимают в себя в качестве ценности присоединения. Это может пониматься, например, как различие поставленной и достигнутой цели. Однако и другие семантические формы, обеспечивающие способность смысла действия к образованию традиции, должны выполнять, по меньшей мере, следующее: *комбинировать* определенность и неопределенность *в данном моменте*, а не допускать их распада на настоящее и будущее.

Такое же положение вещей обнаруживается в социальном измерении. Если коммуникация предстает как действие по передаче сообщения, то она в данный момент одна и та же для всех участников, именно *одновременно одна и та же*⁶⁵. Поэтому социальная ситуация синхронизируется^м. Сам действующий также втягивается в эту синхронизацию; например, он не может больше оспаривать, что сказал именно то, что сказал. В данный момент *все* имеют дело с *одним и тем же* объектом, и отсюда следует умножение возможностей присоединения в следующий момент. Окончание открывает ситуацию, определение вновь создает неопределенность. Однако дело не доходит ни до противоречия, ни до блокировки, потому что событие упорядочено асимметрично как последовательность и переживается как таковое.

Семантические средства, затраченные в связи с таким самоописанием коммуникативной системы как системы действия, являются отчасти культурно-исторической, отчасти ситуационно-специфической проблемой. Хватит ли у семантики сил и средств, чтобы не

⁶⁴ Ср.: гл. 1, II, пункт 10.

Это уже не имеет силы (и поэтому должно компенсироваться усилением ясности, например грамматической и синтаксической правильностью), если коммуникация фиксируется лишь в письменной форме

⁶⁵ Мид назвал «жест», отвечающий этому условию, «значимым символом». Ср.: *Mead G. H. A Behavioristic Account of the Significant Symbol // The Journal of Philosophy 19 (1922). P. 157—163*; См. немецкий перевод в *Mead G. H. Gesammelte Aufsätze. Frankfurt, 1980. S. 290—298.*

230

подчиняться чьим-то интересам, должна ли она найти «внутреннее согласие» со своим действием на исповеди или в юридическом процессе, чтобы прочно и свободно позиционировать действие в окружающем мире, следует психологизировать действие или свести его к факторам, не осознанным действующим, а предписанным ему, — все зависит от обстоятельств, которыми располагает социальная система. В таком случае действующего можно с успехом научить более или менее адекватному самоотнесению. Так, он может своевременно (по возможности заранее) заметить, что действует, и разгрузить социальный контроль самоконтролем.

Вероятно, есть прежде всего два основания для отнесения самоописания социальной системы к действиям. Мы уже назвали одно из них — действия легче замечать и рассматривать, чем коммуникации. Единство действия не только осуществляется через понимание другого, но и не зависит от того, что наблюдатель может воспринимать различие информации и поведения; он должен лишь уметь пользоваться правилами отнесения, общепринятыми в определенных социальных системах. Несомненно, что и действия, чтобы использоваться в социальной системе, должны найти вход в коммуникативные процессы — в качестве сообщения или в качестве информации. Всякое самописание, всякое самонаблюдение социальной системы, со своей стороны, вновь являются коммуникацией, и возможны лишь так (в противном случае речь шла бы только об описании или наблюдении извне, например со стороны личности). Упрощение заключается в том, что в качестве мест связывания для соотношений служат лишь действия, а не целые коммуникативные события. Таким образом, можно ограничиться абстракцией, если речь идет о коммуникации по поводу действия либо о простом присоединенном действии, и при этом можно в значительной степени не учитывать комплексности целого коммуникативного события. Разгрузка заключается прежде всего в том, что не требуется проверять (либо требуется лишь в особых случаях), какой информации касается сообщение и кто его понял.

Второе основание для отнесения самоописания социальной системы к действиям мы тоже уже

назвали. Оно состоит'." в том, что редукция к действию облегчает асимметризацию социальных отношений во времени. Обычно мы мыслим коммуникацию уже всегда как действие и на этом основании можем представлять себе цепочки коммуникаций как цепочки действий. Однако реальность коммуникативного события гораздо сложнее — оно предполагает использование двойной контингентности Ego и Alter с обеих сторон. На некоторое время повиснув в воздухе, коммуникация может потребо-

231

вать дополнительных вопросов многозначительным молчанием, н[^], решительностью, прежде чем закончиться пониманием; либо, Н£« смотря на представленность сообщения действием, она может теф петь неудачу как коммуникация. В противоположность этому ориентация облегчается, если последовательности действий можш представить себе как цепочки фактов, в которых одно действие спо?[^] способствует другому, когда их можно четко зафиксировать. В то вре-| мя как коммуникации сохраняют обратимость во времени — можно j затрудниться в понимании, отклонить его, пытаться скорректировать сообщаемое (даже если оно бесспорно имеет место в качестве *действия* по передаче сообщения), — действия обозначают необратимость времени и, таким образом, хронологически упорядочены относительно друг к другу.

Лишь с помощью такой пунктуализации и асимметризации может образоваться аутопойетическая социальная система. Лишь так проблема способности присоединения приобретает зримые очертания. Таким образом, опережения и возвраты коммуникации в выборе понятных сообщений должны, несмотря на то что они, как предполагается, охватывают время, относиться к моменту времени — к тому моменту, в котором действует сообщающий. Следовательно, социальная система конституируется как система действия, но при этом она должна предполагать его коммуникативный контекст; таким образом, и действие, и коммуникация, необходимы, оба они должны постоянно взаимодействовать, чтобы обеспечивать репродукцию из элементов репродукции⁶⁷.

Соответственно аутопойетическая репродукция не означает, что определенное действие будет повторено в подходящих случаях (например, что каждый раз, закуривая сигарету, будут пользоваться зажигалкой). Повторяемость должна быть дополнительно обеспечена образованием структуры. Воспроизводство означает лишь производство из произведенного; а в случае аутопойетической системы

⁶⁷ Предусмотрительно следует еще заметить, что эта аргументация не является необходимой ни логически, ни теоретически. Как всегда, при функциональных характеристиках нельзя исключать функциональные эквиваленты, таким образом, в данном случае — иные возможности самонаблюдения, самоописания, самоупрощения. Правда, редукция к действию эволюционно оправдалась и утвердилась так, что даже социология чаще всего осуществляет ее неотрефлексированно и рассматривает социальные системы просто как системы действия. В то же время это разъяснено теорией, представленной в данной книге, и рассматривается в качестве контингентного. Можно напомнить прежде всего об исторических исследованиях, которые непредвзято изучают вопрос, насколько соответствовала жизнь ранних культур модели действия.

232

оно означает, что система как раз не завершается, а продолжается посредством актуальной активности. Однако это продолжение заложено в том, что действия (преднамеренно либо вопреки их намерению) обладают коммуникативной ценностью.

Мы можем сделать следующий шаг, связав представление о соотношении коммуникации и действия с проблемой самонаблюдения и самоописания. Уже на уровне общей теории систем можно констатировать, что любая комплексность ограничивается благодаря структурирующему самоупрощению. Можно оставить открытым вопрос о том, насколько вообще оправдано, например для макромолекул или для объектов как таковых вообще⁶⁸, утверждать, что они содержат в себе свое описание. Социальные системы, область наших объектов, по-видимому, в любом случае нуждаются в самоописании и развивают его тем, что редуцируют соотносимые события к действиям, хотя их собственная действительность намного богаче. Самонаблюдение есть прежде всего момент в процессе собственной переработки информации. Сверх того, оно способствует самоописанию, фиксируя то, о чем коммуницирует система, коммуницируя о себе самой. Самонаблюдение способствует самоописанию и, может быть, даже вызывает рефлексию в смысле тематизации идентичности (в отличие от иного), дающую в качестве единства для соотнесенной область, наблюдающую себя.

С помощью понятий теории самореферентных систем⁶⁹, а именно при помощи представления о том, что системы своими собственными операциями могут выполнять самописание и наблюдать

себя, связь коммуникации, действия и рефлексии можно выделить из теории субъекта (теории субъектности сознания). Разумеется, мы не допускаем, что социальные системы могли бы существовать без такого сознания. Однако субъектность, данность сознания, его основоположенность понимаются как *окружающий мир* социальных систем, а не как их *самореференция*. Лишь с помощью такого дистанцирования мы получаем возможность разрабатывать действительно «самостоятельную» теорию социальных систем.

Между тем редукция самоописания к действию приводит к проблеме, которую здесь можно лишь обозначить, чтобы позже вновь вернуться к ней⁷⁰. Как раз из теории самореферентных систем

⁶⁸ См., напр.: *Glanville R. A Cybernetic Development of Epistemology and Observation, Applied to Objects in Space and Time (as Seen in Architecture)*, Diss. Brunei University Ms., 1975.

⁶⁹ Мы вернемся к этому более подробно в гл. 10.

⁷⁰ В гл. 5 «Система и окружающий мир». Ср. ниже, с. 274—275 данного издания.

233

следовало бы понимать самописание системы как *различие системы и ее окружающего мира*.

Самописание есть не только способ копирования, опускающий детали, не просто набросок модели или географическая карта «я»; оно должно — во всяком случае лишь так оно способно оправдать себя — повышать доступную пониманию комплексность тем, что представляет систему как ее различие с окружающим миром и на этом основании приобретает информацию и точки присоединения примыкающего поведения. Редукция к действию, по-видимому, идет в противоположном направлении; она представляется направленной на моменты голый саморепродукции — саморепродукции как стимулирования действия действием. Эта узкая направленность, видимо, не дает гарантии удовлетворения требований, сформулированных здесь для самоописания, как раз если считают, что совершают редукцию от коммуникации к действию (через смысловые темы, отсылающие к окружающему миру).

На эту дилемму традиция, не формулируя проблемы как таковой, реагировала тем, что каждый раз предлагала два понятия действия: поietическое и практическое, производственно-техническое и самооценочное⁷¹. Тем самым мы оказываемся в семантике дискуссии о «рациональности». Однако тема рациональности в конечном итоге распалась на типологию разных рациональностей, отношение которых друг к другу уже не может быть больше установлено в соответствии с требованиями рациональности — например, по принципу иерархии, С точки зрения техники конструирования теории, это — по-видимому, ложный путь: вместо того чтобы возвратиться к основной проблеме (трансцендирующей действие), различают два ее типа; вместо проблематизации приходят лишь к дуализму. Проблему рациональности также следует отложить для последующего рассмотрения. Однако его исходный пункт лежит именно здесь и заключается в вопросе о том, как в самописание социальной системы, редуцированное к взаимосвязям действий, можно встроить различие систем и окружающих миров и благодаря этому приобрести ин-

⁷¹ В этом месте также стоит посмотреть со стороны на парсоновскую теорию общей системы действия.

Парсонс получает свою схему четырех функций через декомпозицию понятия действия и затем репроецирует ее на мир (*Parsons T. A Paradigm of the Human Condition ff Parsons T. Action Theory and the Human Condition. New York 1978. P. 352—433*). Таким образом, *различие* системы и окружающего мира смягчается *изоморфией*, и на основании этого возникает возможность работы с моделями входа и выхода, с моделями двойного обмена и т. п. Такое предложение может позволить себе не кокетничать с двумя разными понятиями действия, а использовать одно для критики другого, придав затем этой критике оттенок общественной.

234

формационный потенциал. Либо, формулируя лаконичнее: как можно посредством редукции комплексности усиливать комплексность, доступную пониманию.

IX

Ответ гласит: через обусловливание коммуникации, т. е. через образование социальных систем, При этом коммуникацию можно понимать как способ самовозбуждения системы и наполнения ее смыслом. Она возбуждается опытом двойной контингентности, осуществляется при этом условии так же хорошо, как и неизбежно, и на этом основании приводит к образованию структур, оправдывающих себя в данных условиях. Можно представить себе, что это предоставляет в распоряжение как бы неиспользованный потенциал эволюции, который, за неимением лучшего, будет использовать любую случайность, чтобы создать порядок. В этом отношении эта концепция согласуется с теорией "order from noise".

Вне всякого сомнения, к условиям возможности коммуникативного системного образования относятся высококомплексные окружающие миры. Прежде всего должны быть обеспечены две противоположные предпосылки: с одной стороны, мир должен быть достаточно плотно структурирован,

поэтому не по чистой случайности возникает согласованное понимание вещей; коммуникация должна быть способна схватывать что-либо, что нельзя как угодно разлагать или перемещать в себе (даже если никогда не удастся понять, что это есть в конечном итоге)⁷². С другой стороны, именно на том же основании должны существовать различные наблюдения, различные «ситуирования», постоянно репродуцирующие неодинаковые перспективы и неконгруэнтные знания⁷³. Этим предпосылкам соответствует, что коммуникация не может пониматься как вклад,

⁷² Также и на общетеоретическом уровне можно сформулировать, что «сгруппированные окружающие миры» являются предпосылкой более высокоорганизованных разновидностей систем. См., напр.: *Emery F.E., Trist E. L. Towards a Social Ecology: Contextual Appreciation of the Future in the Present. London, 1973. P. 45 ff.*

⁷³ Следствия можно проследить вплоть до структурных проблем социальных систем. См., напр.: *Williamson O. E. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, 1975.* — Здесь говорится о неравномерном распределении знаний, об «информационном воздействии» и о вытекающих отсюда относительных преимуществах рынков и иерархий в экономической системе.

235

интегрирующей систему, как создание консенсуса. Это как раз означало бы, что она подрывает свои предпосылки и может жить лишь за счет некоторой безуспешности⁷⁴. Однако что же еще, если не консенсус, есть результат коммуникации?

К важнейшим достижениям коммуникации относится обеспечение чувствительности системы к случайностям, к возмущениям, к «шумам» любого рода. С помощью коммуникации можно делать понятным неожиданное, нежелательное, разочаровывающее. При этом «понятное» не означает, что могут быть поняты основания и изменены обстоятельства. Коммуникация делает это не безусловно. Решающим является необходимость для возмущений вообще принимать смысловую форму, что дает им возможность быть рассмотренными в дальнейшем. В таком случае можно различать, возникают ли помехи в самом коммуникативном процессе, например как опечатки (понятие придает смысл бессмыслице, а опечатки можно заметить и устранить); или возмущения следует искать в темах коммуникации и в выступлениях, так что их нельзя скорректировать просто технически, а необходимо устанавливать их основы. Благодаря коммуникации система создает и повышает свою чувствительность и, таким образом, посредством постоянной чувствительности и раздражимости поддается действию эволюции.

Для корректировки этого беспокойства консенсус не слишком пригоден: в таком случае опасность заблуждения, ошибки, бездействия была бы слишком велика. Если коммуникация действует, то, скорее, возникает двойной феномен *избыточности* и *различия*; это есть вторая опора принципа беспокойства коммуникации. Понятие избыточности обозначает лишние возможности, которые тем не менее выполняют функцию. Если *A* посредством коммуникации информирует о чем-либо *B* и *B* принимает информацию, то *C* и всякий другой, если желает получить информацию, может обращаться как к *A*, так и к *B*¹⁵. Возникает избыток информационных возмож-

⁷⁴ Всякие теории консенсуса должны также выдерживать вопрос, который Х. Шельски однажды задал (в устной форме) Ю. Хабермасу: что же все-таки было бы правильным *в соответствии* с консенсусом?

⁷⁵ См. об этом эссе "Cybernetic Explanation" и "Redundancy and Coding" (*Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. San Francisco, 1972. P. 405 ff.*, 417 ff.). Впрочем, здесь видно также, как метафора переноса суживает проблематику и ориентирует обоих партнеров на консенсус либо диссен-сус («В более широкой вселенной, распределяемой с позиций наблюдателя, это выступает не как „передача“ информации, а, скорее, как распространение избыточности. Действия *A* и *B* объединились, чтобы сделать вселенную наблюдателя более предсказуемой, более упорядоченной, более избыточной» (*Bateson., a. a. O. P. 413*)).

236

ностей, который, однако, является функционально оправданным, потому что делает систему менее зависимой от определенных связей и предохраняет ее от возможных потерь. Одно и то же знание, одна и та же установка теперь представлены многократно. Уже благодаря только этому может возникнуть впечатление объективности, нормативной или когнитивной адекватности и выводится соответствующая надежная основа поведения. Избыточность способствует также отфильтровыванию того, что оправдывает себя во множестве коммуникаций, и в этом смысле образует структуру; система становится более независимой от опосредованности всех коммуникаций индивидуализированным сознанием, и в этом аспекте в ней может реализовываться лишь то, что предварительно обработано психикой.

Однако в то же время коммуникация производит и различие. Если бы всякое осуществление информации сводилось лишь к избыточности, то чрезмерно выросла бы угроза всеобщих ошибок. Известно, что эта опасность не может быть устранена; быстрое распространение явлений в сущности узколобой интеллектуальной моды, которые именно поэтому пригодны для

коммуникации, постоянно дают новые наглядные примеры тому. Однако одновременно коммуникативные системы постоянно производят и самокоррекцию. Любая коммуникация приглашает к протесту. Как только предлагается принять нечто определенное, его можно отрицать. Система структурно не настроена на принятие и даже на его предпочтительность. Отрицание любой коммуникации является возможным и понятным на уровне языка. Оно может быть антиципировано и избегнуто посредством уклонения от соответствующей коммуникации; однако это — лишь способ применения различия на практике, его перемещение назад от понимающего Ego к сообщающему Alter.

Таким способом коммуникация запускает образование системы. Если она постоянно поддерживается в активном состоянии, то образуются тематические структуры и избыточные смысловые содержания. Возникает собственная критическая масса, предлагающая возможности принятия либо отклонения. Все это от-дифференцирует-ся в качестве процесса из окружающего мира, который может быть наготове в темах, может выступать в коммуникации как намерение и производит события, которые в дальнейшем могут быть обсуждены в системе в качестве информации. Система находится, по мере того как участники взаимно воспринимают друг друга, в состоянии так называемого длительного возбуждения, которое самовоспроизводится, но может быть и стимулированным извне, подобно нервной системе. Вместе со всем этим она приобретает собственную комплексность и одновременно воспроизводит порядок в смысле

237

редуцированной комплексности. Она сама себе обеспечивает во: возможность ориентированного продолжения коммуникации посредством самоописания как редукции коммуникации к действию. Такие системы подвержены эволюционному отбору способом, не вытекающим непосредственно из биологической эволюции. То, что они переводят случайности в осмысленную информацию, для них неизбежно; однако оправдывается ли в эволюции то, что они в таком случае производят как избыточность и как различие, и на протяжении какого времени это оправдывается, невозможно вывести из неизбежности образования порядка.

Если коммуникация запущена, то возникает система, поддерживающая особый род отношения к окружающему миру. Окружающий мир доступен ей лишь как информация, познаваемая как отбор, понятная лишь через изменения (в самой системе либо в окружающем мире). Несомненно, существуют другие бесчисленные предпосылки окружающего мира, прежде всего, конечно, наличие людей с сознанием. Однако эти условия возможности коммуникации не входят в коммуникацию автоматически; они могут, но не должны стать ее темой. Таким образом, предметное содержание как раз параллельно собственной позиции систем сознания в окружающем мире. Здесь также осознаются не физиологически комплексные процессы восприятия, а лишь их продукты⁷⁶. С помощью таких редукций возникают новые степени свободы в обращении с окружающим миром. Не подчеркивая различия психических и социальных систем, сознания и коммуникации, Морин формулирует принцип: «В итоге мы фактически обречены на знание одного лишь мира сообщений, и больше ничего. Но в то же время мы можем читать мир в форме сообщений»⁷⁷.

X

Таким образом, на вопрос, из чего состоят социальные системы, мы даем двойной ответ: из коммуникаций и из их отнесения в качестве действий. Ни один из этих моментов не был бы способен к эволюции без другого.

Важно ретроспективно продемонстрировать себе, что мы ответили на многократно уточненный вопрос. Сама постановка вопроса

⁷⁶ Обстоятельство, важность которого для теории познания редко оценивается по достоинству. Но ср.: *Serres M. Le point de vue de la bio-physique* // *Critique* 32 (1976). P. 265—277.

⁷⁷ *Aforin E. La Methode*. T. 1. Paris, 1977. P. 356.

238

не нацелена на совокупность того, что необходимо для возникновения и поддержания социальных систем. Магнетизм и желудочный сок, воздух, распространяющий голосовые волны, двери, которые можно закрыть, часы и телефоны — все это представляется более или менее необходимым. Однако парадигма различия системы и окружающего мира учит, что не все, в чем есть потребность, может быть объединено в системное единство.

Поэтому мы задаем вопрос о предельных единствах, из которых состоит социальная система и через соотнесение которых она может отличать себя от своего окружающего мира. Раньше этот вопрос вызывал два противоположных ответа: субстанциональный, т. е. онтологический, и аналитический. Единство элементов предопределено (как единство действия через намерение действующего у М. Вебера), гласил один ответ. Оно есть лишь аналитический конструкт (как единый акт у Т. Парсонса), гласил другой ответ. Оба ответа преодолены второй сменой парадигмы, переходом к теории ауто-

пойетических систем. Что бы ни функционировало как единство, оно становится единством через единство самореферентной системы. Оно не есть ни единство само по себе, ни единство только лишь за счет способа отбора наблюдателем; оно не является ни объективным, ни субъективным единством, а есть лишь относительный момент способа связывания системы, который репродуцируется именно через это соединение.

В таком случае в эту теорию может и должно быть вновь встроено различие конституирования и наблюдения. Это сделано выше с помощью различения коммуникации и действия. Коммуникация является элементарным единством самоконституции, действие является элементарным единством самонаблюдения и самоописания социальных систем. Оба являются высококомплексными обстоятельствами, которые используются как единство и сокращаются до формата, необходимого для этого. Различие коммуникации в полном смысле синтеза отборов и относимого действия способствует избирательной организации сопутствующей самореферентности; а именно в том смысле, что *коммуникацию* можно использовать лишь рефлексивно (например, оспаривать, переспрашивать, возражать), если можно определить, кто *действовал* коммуникативно. Поэтому на вопрос об индивидах, атомах, элементах, из которых состоят социальные системы, нельзя дать более простой ответ. Любое упрощение в этом месте было бы утратой богатства отношений, которую вряд ли может позволить себе общая теория социальных систем.

Глава 5 СИСТЕМА И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

I

Центральная парадигма новой теории систем именуется «система и окружающий мир».

Соответственно понятия функции и функционального анализа относятся не к «системе» (в смысле чего-то сохраняемого, произведенного эффекта), а к отношению системы и окружающего мира¹. В различии системы и окружающего мира заложено последнее основание всякого функционального анализа. Именно поэтому системы, связывающие свои операции с данным различием, способны ориентироваться на функциональные эквиваленты; и тогда, когда они, исходя из собственной потребности, рассматривают большинство состояний окружающего мира как функционально эквивалентные; и тогда, когда у них наготове внутренние возможности субституции, чтобы с достаточной гарантией реагировать на определенные проблемы окружающего мира. Следовательно, эквиваленты функционализма являются оперативным противовесом градиента комплексности между окружающим миром и си-

Такие констатации, хотя они нужны для развития теории, встречаются довольно редко. См., напр.: *Detatire P. Systeme, structure, fonction, evolution: Essai d analyse epistemologique. Paris, 1971. P. 73.* Впрочем, прежде всего в психологической теории Э. Брунсвика разработаны функциональные возможности субституции в системе как необходимости ее связи с окружающим миром. См.: *Brunswick E. 1) The Conceptual Framework of Psychology. Chicago, 1952, в частности p. 65 ff.; 2) Representative Design and Probabilistic Theory in a Functional Psychology // Psychological Review 62 (1955) P. 193—217; а также: Hammond K. R. The Psychology of Egon Brunswik New York, 1966.*

240

стенной. Без него надлежащее восприятие реальности не было бы ни осмысленным, ни возможным. Однако эти размышления о связи различия системы и окружающего мира с функциональной ориентацией и даже классический контраст понятий субстанции и функции (Э. Кассирер) еще не полностью высвечивают значение данного теоретического положения. Понятие окружающего мира не следует понимать как разновидность остаточных понятий. В гораздо большей мере отношение к окружающему миру *конститутивно* для образования системы. Оно имеет не только «акцидентальное» значение по сравнению с «сущностью» системы². Окружающий мир важен не только для «сохранения» системы, снабжения ее энергией и информацией³. Для теории самореферентных систем он является, скорее, предпосылкой идентичности системы, так как идентичность возможна лишь через различие. Для теории темпорализированных аутопойетических систем окружающий мир необходим, так как события в системе прекращаются в каждый момент, а дальнейшие могут быть произведены лишь при помощи различия системы и окружающего мира. Таким образом, исходным пунктом всех системно-теоретических исследований, связанных с этим, является не идентичность, а различие.

Это приводит к радикальной де-онтологизации рассмотрения предметов как таковых — вывод, отвечающий итогам анализа комплексности, смысла, необходимости отбора и двойной контингентное™. Соответственно этому в мире нет однозначной локализации «отдельных предметов» любого рода и их однозначной субординации относительно друг друга. Все, что происходит, *всегда одновременно* относится к *системе* (либо к нескольким системам) и к *окружающему миру других систем*. Всякая определенность предполагает

² Поэтому в онтологии субстанций и сущностей вообще не было понятия окружающего мира. Переосмысление начинается в XVIII в. на основе размышлений о значении *среды* для спецификации форм, недостаточно сформированных природой (например, людей). Перемену можно заметить не в последнюю очередь по самому понятию *milieu* (изначально: *mitte* — середина (нем.). — Прим. отв. ред.). Ср.: *Feldhoff J. Milieu // Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd 5. Basel, 1980. Sp. 1393—1395; см. также: *Canguilhem G. La connaissance de la vie*. 2 eU Paris, 1965. P. 129—154. Впрочем, о сложности этой идеи говорит продолжительность периода ее усвоения: уже с XVI в. в Европе множатся термины, образованные от "self-", "selbst-" (сам (англ., нем.). — Прим. отв. ред.). Понадобилось целых двести лет, чтобы понять, что для этого требуется окружающий мир.

³ Такова теория «открытых систем» — см.: *Bertalanffy L. von. Zu einer allgemeinen Systemlehre // Biologia Generalis* 19 (1949). S. 114—129.

241

ет осуществление редукции, а всякое наблюдение, описание, пот мание определенности требуют демонстрации системной референции, в которой нечто определено либо как момент системы, ли(?), как момент ее окружающего мира. Любое изменение одной системы есть изменение окружающего мира других систем; любой прирост комплексности в одном месте увеличивает комплексность окружающего мира всех остальных систем.

Не просто придерживаться данного представления во всех ответвлениях системно-теоретического анализа. Особенно часто критика теории систем хоронит эту основную идею, считая, что есть повод упрекать теорию систем в «реификации», т. е. в зауженном рассмотрении реальности.

Однако в данном случае теоретическое положение не понимают в корне. Различие нельзя рассматривать как вещь, его «реификация» есть лишь заблуждение самих критиков. В качестве различия, дающего основания, оно лишает различаемое оценочной составляющей. Правда, всегда необходимо указывать системную референцию, которую имеют в виду (в качестве наблюдателя), и отмечать, когда подразумевают систему, а когда — ее окружающий мир⁴. Однако ни онтологически, ни аналитически система не есть нечто более важное, чем окружающий мир, так как они есть то, что есть, всегда лишь относительно друг друга.

Так, высказывание о том, что люди относятся к окружающему миру социальных систем, тоже не содержит какой-либо оценки их значимости для них самих или в ином отношении. Здесь подвергается пересмотру лишь завышенная оценка, заложенная в понятии субъекта, а именно тезис о субъектности сознания. «В основе» социальных систем лежит не «субъект», а окружающий мир, и тогда под термином «лежит в основе» подразумевается лишь то, что существуют предпосылки от-дифференциации социальных систем (в том числе и люди как носители сознания), которые не от-дифференцируются вместе с ними.

Второе предварительное замечание касается позиционирования различия системы и окружающего мира в реальности. Различие не является онтологическим, в этом и заключается трудность понимания. Оно не разрезает всю реальность на две части: здесь — система, а там — окружающий мир. Его «либо... либо...» не абсолютно, оно справедливо, скорее, лишь относительно системы, но тем не менее объективно. Оно является коррелятом операции наблюдения, которая вносит в реальность это различие (как и другие). При этом

⁴ По поводу понятий «различие» и «признак» см. основные понятия логики в: *Spencer Brown G. Laws of Form*. 2 ed. New York, 1972.

242

мы вместе с новым развитием эпистемологии⁵ исходим из «натуральных» операций и не пользуемся при наблюдении, описании, познании каким-либо «метафизическим», субъективно особым положением. Наблюдение есть не что иное, как использование различения, например системы и окружающего мира. Оно уже не есть операция, специализированная на получении знания, оно не есть анализ. В этом смысле все системы, о которых мы будем говорить, способны к самонаблюдению. Если наблюдать их, то можно понять, как они используют различие системы и окружающего мира в отношении самих себя. Можно проигнорировать это и провести границы системы иначе; но тогда это будет совершенно произвольная операция, требующая оправдания, если она претендует на познание. Прежде всего от научной теории требуется соответствие схемы ее наблюдения с тем, что используется в самой системе, т. е. идентификации системы в соответствии с ней самой. Во всяком случае, наши размышления следуют этому требованию и усматривают в нем связь познания с реальностью.

Различие системы и окружающего мира, осуществляемое системой, наслаивается на текущую реальность и предполагает ее. Так, магнитное поле Земли важно для организмов и их окружающего мира, без того чтобы «рассматривать в качестве» магнитного поля границы между организмом и окружающим миром. Коммуникативная социальная система, хотя и упорядочивает

все в темах своей коммуникации как внутреннее и внешнее, таким образом осуществляет на практике собственное различие системы и окружающего мира как универсального в той мере, в какой речь идет о своей коммуникации. Однако в качестве условия возможности данной практики она полагает, что физические, химические, органические, психические реальности своим собственным порядком подрывают это различие, так что теплота движет одновременно систему и ее окружающий мир, невзирая на эту границу; что наряду с этим и люди в социальной системе действуют сами по себе, не разрывая изнутри границ социальной системы, Этот тезис, лежащий в основе реальности, соответствует высказанному выше⁶ допущению о том, что все элементы конституи-

⁵ Ср.: Maturana H. R. *Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit: Ausgewählte Arbeiten zur biologischen Epistemologie*. Braunschweig, 1982. — Поначалу здесь сбивает с толку тезис, что различие системы и окружающего мира доступно лишь наблюдателю и недоступно самому аутопоийетическому процессу. Однако затем это первое впечатление корректируется допущением самонаблюдения.

⁶ С. 49—50 данного издания.

243

руются на основе предполагаемой комплексности как эмерджент* ные единства, которые для самой системы далее не разложимы. Сейчас мы можем добавить, что такая предполагаемая комплексность, обеспечивающая образование элементов, именно поэтому может рассматриваться в *системе* лишь как *окружающий мир*. Именно в этом смысле химическая система клетки является для мозга его окружающим миром, а сознание человека для социальной системы — ее окружающим миром. Никакая декомпозиция нейрофизиологических процессов никогда не столкнется с отдельной клеткой как предельным элементом, и никакая декомпозиция социальных процессов — с сознанием.

Скрупулезный системно-теоретический анализ возможен лишь с учетом этих обстоятельств. Невозможно в случае необходимости сделать выбор на основе различения между «лишь аналитических» различий системы и окружающего мира и конкретно существующих различий. Вместе с отказом от «субъективной» теории познания, полагающей, что она имеет надежный фундамент вне реальности, рушится и различие аналитического и конкретного⁷. В любом случае оно должно быть релятивизировано, т. е. должно вновь получить связь с реальностью.

Непосредственные операции систем в каждом случае преследуют особые смысловые отношения на основе актуальной ситуации; например, в качестве коммуникаций они вносят нечто в прояснение темы и в осуществление дальнейших коммуникаций. Различие системы и окружающего мира кладется в основу наблюдений, чтобы обеспечить отнесение этих операций либо к системе, либо к окружающему миру. Оно больше заинтересовано в порядке, например в контроле и в обучении. При этом речь **может** идти о внешнем наблюдении или о самонаблюдении. Научный анализ есть особый случай внешнего наблюдения со специальными задачами получения знания. Он едва ли справился бы со свои-

⁷ Если оно возникает, то следуя теории науки, чаще всего выбирают «аналитическое». Ср., напр.: Hall A. D., Fagen R. E. *Definition of System // General Systems 1* (1956). P. 18—28 (20); Blalock H. M., Blalock A. B. *Towards a Clarification of System Analysis in the Social Sciences // Philosophy of Science 26* (1959). P. 84—92 (85); Kuhn A. *The Study of Society: A Unified Approach*. Homewood 111., 1963. P. 48 ff.; Boston D. *A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs N. J., 1965. P. 65; Jensen S. *Bildungsplanung als Systemtheorie*. Bielefeld, 1970; Cavallo R. E. *General Systems and Social Science Research*. Boston, 1979.

Советские системные исследования также весьма единодушны в чисто аналитико-методологическом понимании системы. Во всяком случае, (бесспорную) свободу выбора тем научного анализа не следует путать с (весьма спорной) свободой в определении границ объекта.

244

ми задачами, настаивая на чисто аналитических различиях и не учитывая того, что в системах, которые выступают для него объектами, идут процессы самонаблюдения, обеспечивающие применение различия системы и окружающего мира в самих системах.

Можно не сомневаться, что различие социальных систем и окружающего мира имеется в распоряжении самих систем и может быть использовано для регулирования их операций. Форму самоописания, способствующую самонаблюдению, мы уже знаем. Она использует редукцию коммуникации к действию. В то время как коммуникация включает в себя информацию (когда информация поступает из окружающего мира, она обогащена его смыслом), в отношении действий всегда легче определить, относятся они к системе или нет. Смысл действия может указывать на окружающий мир, например в случае производства для рынка; но отбор самого действия осуществляется в системе, регулируется ее правилами и с точки зрения ответственности рассматривается иначе, чем действие окружающего мира. Таким образом, коммуникативное

действие особенно подходит в качестве оперативного осуществления в системе различия системы и окружающего мира.

Выполнение описания, сводящего социальную систему к совокупности действий, есть, следовательно, предпосылка любого наблюдения, использующего различие системы и окружающего мира, таким образом, например, приписывающего системе признаки, благодаря которым она отличает себя от своего окружающего мира. Это в равной степени справедливо для внешнего и для внутреннего наблюдения⁸. Внутренним наблюдением (самонаблюдением) может считаться лишь то, что становится темой в коммуникативных процессах системы, ибо система доступна себе лишь через коммуникацию. Наблюдение посредством психических систем, участвующих, содействующих коммуникации, соуправляющих действиями, уже есть внешнее наблюдение⁹. Различие внешнего и внутреннего наблюдения уже предполагает, со своей стороны, различие системы и окружающего мира. Оно служит отличием от наблюдения наблюдения; может быть важно в теории и методологии так называемого «включенного наблюдения», которое, со своей стороны, при наблю-

⁸ 3 частности, в научном наблюдении здесь возникает проблема необходимости судить по действию о коммуникации и рассматривать нечто ненаблюдаемое (либо наблюдаемое с трудом, либо лишь косвенно) как верифицируемые данные, информацию.

⁹ Однако часто встречается и противоположная точка зрения, согласно которой люди по старинке считаются «частью» социальных систем. См., напр.: *Allan H. Entre le cristal et la fumee*. Paris, 1979. P. 96 ff. 245

дении наблюдения должно допускать, что его объект принимает форму действия.

Все это еще не проясняет, как возможно путем самоописания в качестве системы действия осуществлять отношения с окружающим миром; или как в такое описание системы можно встроить различие системы и окружающего мира. Во всяком случае, речь не может идти просто о «приспособлении», и столь же мало — лишь о «редукции комплексности». Система, включающая в себя самописание, может рассматривать и разрабатывать различие системы и окружающего мира не только в одном направлении. Всегда включено и другое. Поэтому здесь обычно оправдывали себя двучленные формулировки проблемы, с помощью которых пытались операционализировать различие системы и окружающего мира как противоположность, которую следует обусловить, например разложение и рекомбинация, прибыль и издержки, изменчивость и избирательное сохранение, редукция и повышение комплексности¹⁰. Так к различию системы и окружающего мира присоединяются дальнейшие различия, предполагающие его.

Для социальных систем, понимающих себя как системы действия, это следует отнести к базисному процессу действия, которому можно приписать отношение. Лишь то, что можно сделать, обладает реальностью, контролируемой в системе, и лишь данная реальность принимается в расчет. В таком случае окружающий мир следует представлять себе как продолжение ряда действий вовне — как контекст условий действий и их результатов в системе. В качестве теоретической концепции эта идея используется с XVII—XVIII вв., начиная с Гоббса и Вико, вместе с новым понятием действия. Именно с тех пор используются двучленные формулы. Мы вернемся к этому при рассмотрении схемы входа/выхода в пункте VII.

II

Окружающий мир — феномен, относительный к системе. Каждая система выделяет из своего окружающего мира лишь себя. Поэтому окружающий мир каждой системы разный. Таким образом, единство окружающего мира также конституируется благодаря системе. Окружающий мир есть лишь негативный коррелят системы.

¹⁰ Как пример такой иной интерпретации ср.: *Fuller M., Loubser J. J. Education and Adaptive Capacity //Sociology of Education 45 (1972) P 271— 287.*

246

Он не есть единство, способное к операциям, он не может воспринимать систему, обсуждать ее, влиять на нее. Поэтому можно также утверждать, что посредством указания на окружающий мир и допущение его неопределенности система *тотализирует саму себя*. Окружающий мир — это просто «все остальное».

Это не означает, однако, что окружающий мир есть лишь воображаемый визави, голое явление. Нужно, скорее, отличать «окружающий мир» от систем в окружающем мире. Окружающий мир содержит большое количество более или менее комплексных систем, способных входить в связь с системой, для которой они являются окружающим миром. Потому что для систем в окружающем мире системы сама система есть часть их окружающего мира, и в этом отношении — предмет возможных операций. Поэтому мы сочли необходимым уже на уровне общей теории систем

отличать отношения системы и окружающего мира от межсистемных отношений. Последние предполагают, что системы взаимно обнаруживают друг друга, каждая в своем окружающем мире. В дальнейшем анализе различия системы и окружающего мира предполагается, что *окружающий мир всегда намного сложнее, нежели сама система*. Это справедливо для всех систем, которые мы можем представить себе. Это верно и для совокупной социальной системы общества. Чтобы сразу понять это, достаточно вспомнить, что общество состоит исключительно из коммуникаций и что к его окружающему миру относится высококомплексная организация отдельных макромолекул, отдельных клеток, отдельных нервных систем, отдельных психических систем — со всеми их взаимозависимостями, существующими между данными системами на одном и том же и на разных уровнях. Никакое общество не способно проявлять в отношении такого окружающего мира соответствующую комплексность или «необходимое разнообразие». Сколь бы комплексны ни были его языковые возможности, сколь бы чувствительной ни была его тематическая структура, общество никогда не может обеспечить коммуникацию обо всем, что происходит во всех системах его окружающего мира на всех уровнях образования систем. Поэтому оно, как и любая система, должно быть в состоянии компенсировать свой проигрыш в комплексности выигрышем в упорядоченности.

Иными словами, различие окружающего мира и системы стабилизирует градиент комплексности. Поэтому отношение окружающего мира и системы с необходимостью асимметрично. Градиент идет в одном направлении, которое нельзя изменить. Любая система должна утверждать себя в условиях превосходящей комплексности своего окружающего мира, и каждый успех такого рода, любая ста-

247

бильность, любое воспроизводство делают окружающий мир всех остальных систем более комплексным. Следовательно, в условиях множества систем каждый эволюционный успех является увеличением различия в комплексности между другими системами и их окружающим миром и, таким образом, избирательно воздействует на то, что в таком случае возможно далее. Взятый как различие и связанный с различием окружающего мира и системы сам градиент комплексности обладает важной функцией. Он вызывает разные формы рассмотрения и редукции комплексности, в зависимости от того, идет речь о комплексности окружающего мира или о комплексности системы. Окружающий мир может рассматриваться, так сказать, более широкомасштабно, может быть более или менее целиком не принят. Действует своего рода гипотеза обратной релевантности — в то время как внутренние события и процессы предположительно являются релевантными для системы и, таким образом, запускают присоединяющие действия, события и процессы окружающего мира предположительно являются для системы нерелевантными; на них можно не обращать внимания. Система приобретает свободу и автономию саморегуляции за счет индифферентности к своему окружающему миру. Поэтому дифференциацию системы можно также описывать как повышение чувствительности к чему-то определенному (внутренне способному к присоединению) и повышение невосприимчивости ко всему остальному — т. е. одновременный рост зависимости и независимости.

Эти формулировки уже дают понять, что отношение системы и окружающего мира регулируется через структуру системы; что, таким образом, отбор на уровне структуры служит компенсации проигрыша в комплексности". Это можно прояснить и с помощью понятия случайности. Обозначим влияния окружающего мира на систему и системы на окружающий мир как случайные, если они структурно не связаны с прошлым или будущим системы. В этом смысле никакая система не может избежать случайностей, так как нет систем, обладающих достаточной комплексностью, чтобы реагировать на все, что происходит, «системно». Таким образом, выбор структуры во многом определяется случаем. Эта «воля случая» также есть средство редукции комплексности, оправдывающее себя, если с тем, что отдается воле случая, фактически можно обращаться *ad hoc*¹².

¹¹ Именно поэтому следует подчеркнуть *избирательный* характер всякой фиксации структуры. См. выше, с. 79—80 данного издания.

¹² Это, конечно, не исключает, что против случайностей создаются специальные меры предосторожности и что тем самым толерантность к случайностям повышается и в то же время систематизируется. Так, универс-

248

Это лишь первые отправные точки для того, чтобы по-разному рассматривать комплексность в окружающем мире и в системе и по-разному обращаться с ней. Градиент комплексности является реальной основой, обеспечивающей различию окружающего мира и системы шансы на успех. В то же время различие артикулирует градиент комплексности, создаваемый его посредством, что и

оправдывает введение различия окружающего мира и системы в качестве структуры ориентации в саму систему. В таком случае система способна дифференцировать различные формы рассмотрения слишком высокой комплексности и одновременно использовать их в зависимости от того, относятся они к системе или к окружающему миру. Она может, например, — вспоминая об общинных культурах или о факультетах — нравственно обуславливать собственную комплексность, а комплексность окружающего мира — согласно стратегической схеме различения друга и врага.

Мы продвинемся далее общих размышлений о градиенте комплексности в том случае, если учтем, что он может актуализироваться и обрабатываться одновременно на нескольких уровнях¹³. На *оперативном* уровне процессуальной каузальности градиент комплексности приводит к отбору релевантного с точки зрения причин и следствий окружающего мира в горизонте обширного мира возможного вообще¹⁴. На уровне *образования структуры* система становится независимой от пунктуальных соответствий этому релевантному окружающему миру. Релевантность окружающего мира генерализуется, респецифицируется и в этой форме, может быть, принимается во внимание при внутреннем управлении процессом. Это рискованно. На уровне *рефлексии* система определяет свою собственную идентичность в отличие от всего остального. Здесь градиент комплексности приобретает самую чистую, самую абстрактную форму — идентичность в отличие от всего остального есть, в сущности,

маги не обеспечивают каждого покупателя продавцом. Несмотря на заинтересованность, они полагаются на случай в том, что покупатель найдет нужный товар и продавца, продающего именно этот товар. Для реинтеграции этих случайностей в универмагах имеется справочное бюро, указатели, а товар размещается спланированно.

¹³ К этому побуждает различие технического, управленческого и институционального уровней (*Parsons T. Some Ingredients of a General Theory of Formal Organization // Parsons T. Structure and Process in Modern Societies. New York, 1960. P. 59—96*).

¹⁴ Впрочем, по развитию семантической формулировки категории каузальности можно отчетливо видеть, что растущая от-дифференциация социальных систем учитывается путем пренебрежения «сходством» причин и следствий и их «соприкосновением».

249

не что иное, как определение и локализация градиента комплексности.

Кроме того, мы знаем, что комплексность постоянно создает давление отбора и опыт контингентное™. Поэтому градиент комплексности понимается и тематизируется в системе преимущественно как контингентность отношений к окружающему миру¹⁵. Такая тематизация может принимать две разные формы в зависимости от того, как рассматривается окружающий мир: если он понимается как *ресурс*, то система ощущает контингентность как *зависимость*. Если он понимается как *информация*, то система познает контингентность как *ненадежность*¹⁶. Тематизации взаимно не исключают друг друга, так как информации также могут рассматриваться как ресурсы и потому что в отношении ресурсов могут возникать информационные проблемы; однако внутрисистемные формы управления контингентностью расходятся в зависимости от выбора тематизации. В случае недостатка ресурсов наготове будут внутренние избыточности, запасы на крайний случай, запасы на складах¹⁷. В случае ненадежностей следовало бы рекомендовать образование сугубо внутренних основ достоверности, независимых от окружающего мира, самостоятельно создаваемые очевидности, акты или протоколы¹⁸. Вопросы такого рода обсуждались до сих пор главным образом в отношении формально организованных социальных систем¹⁹, а

¹⁵ Этот аспект со ссылкой на формально организованные социальные системы разработан в качестве отдельной исследовательской основы — так называемой «теории контингентное™». В качестве исходного пункта обширных дальнейших разработок ср.: *Lawrence P. Я., Lorsch J. W. Organization and Environment: Managing Differentiation and Integration. Boston, 1967*.

¹⁶ Это важное различие см.: *Aldrich H. E., Mindlin S. Uncertainty and Dependence: Two Perspectives on Environment // Organization and Environment: Theory, Issues and Reality / Ed. L. Karpik. London, 1978. P. 149—170. Ср. также: Aldrich H. E. Organizations and Environments. Englewood Cliffs N.J., 1979. P. 10 ff.*

¹⁷ Ср.: *Landau M. Redundancy, Rationality, and the Problem of Duplication and Overlap // Public Administration Review 27 (1969). P. 346—358. Ср. также: Cyert R. M., March J. G. A Behavioural Theory of the Firm. Englewood Cliffs N. J., 1963; по вопросу «слабой организации» см. p. 36.*

¹⁸ Ср.: *McWhinney W. H. Organizational Form, Decision Modalities and the Environment // Human Relations 21 (1968). P. 269—281.*

¹⁹ Помимо уже цитированных работ см.: *Duncan R. B. Characteristics of Organizational Environments and Perceived Environmental Uncertainty / Administrative Science Quarterly 17 (1972). P. 313—327.* — Здесь имеется очерк теории, в котором следуют различию предметного измерения (про-

250

организации фактически могут иметь внутренне усовершенствованный механизм выравнивания

проблем. Однако следует помнить не только об этой отдельной группе случаев. Религиозные и иные ритуализации также обладают сходной функцией. Они переводят внешние неопределенности во внутренний схематизм, который может быть или не быть, но не может варьироваться и поэтому нейтрализует способность к обману, лжи, отклоняющемуся поведению²⁰. Ритуализации предъявляют невысокие требования к комплексности системы. Наверное, поэтому они помогают до тех пор, пока в конфигурации организации не возникают комплексные системы, способные развивать функциональные эквиваленты поглощения ненадежностей²¹.

III

Градиент комплексности между окружающим миром и системой может возникать и расширяться лишь в том случае, если система от-дифференцируется и в темпоральном измерении. Весьма абстрактно можно сформулировать, что возникает собственное системное время, которое должно сочетаться с мировым временем. Однако время все же есть смысловое измерение со множеством переменных (например, двойными горизонтами, необратимостью, темпом, ограниченностью, скоростью), так что нужно точнее указывать, в каких отношениях возможно от-дифференцирование во времени и чем являются его последствия²².

В принципе от-дифференцирование во времени следует понимать через от-дифференцирование собственных элементов системы. В той мере, в какой они определяются через отношение ко времени, т. е. принимают характер событий, возникает двойной эффект. С одной стороны, здесь, как обычно, справедливо, что на базе элементов не может существовать пунктуальных соответствий между системой и окружающим миром. С другой стороны, именно поэтому — комплексный) и временного измерения (статический — динамический) и приходят к выводу о том, что для возникновения неопределенности важнее временные отношения, нежели предметные.

²⁰ Ср. об этом: *Rappoport R.A.* 1) *The Sacred in Human Evolution K Annual Review of Ecology and Systematics* 2 (1971). P. 23-4; 2) *Ritual, Sanctity and Cybernetics ff American Anthropologist* 73 (1971). P. 59—76.

²¹ Термин заимствован из теории организации. См.: *March J. G., Simon H. A. Organizations.* New York, 1958, P. 165.

²² Ср. основательное изучение этой темы: *Bergmann W. Die Zeitstrukturen sozialer Systeme: Eine Systemtheoretische Analyse.* Berlin, 1981.

251

му требуется идентичность моментов времени и их отношений¹ системе и окружающем мире, т. е. соразмерное течение времени. А. Шюц говорил об общем старении²³. Никакая система не может продвигаться в будущее быстрее, чем другие, и, таким образом, терять синхронность, необходимую для контактов с окружающим миром. Даже если бы «время», согласно Эйнштейну, позволяло это, то система оставалась бы склеенной со своим окружающим миром. Различие окружающего мира и системы может быть сформировано лишь как единовременное. Таким образом, текущая связь окружающего мира и системы предполагает общую хронологию²⁴. Тем не менее, даже если допускают это, то исходя из абстрактности хронологических форм смысла можно допустить, что в случае более сильных от-дифференцирований общность времени должна быть слабее.

Кроме того, требование синхронности устанавливает, что всякое настоящее должно использоваться как точка различия между будущим и прошлым. Тем самым обеспечивается также, что горизонты будущего и прошлого системы и окружающего мира остаются интегрируемыми и, таким образом, могут быть объединены в мировые горизонты. Лишь в них и в соответствии с одинаковым течением времени возможно временное выделение смысловых систем. По-видимому, оно заключается прежде всего в том, что системы образуют собственные границы релевантности в направлении будущего и прошлого и собственные правила (каждое из которых практикуется в настоящем) связывания будущих и прошлых событий (как собственных, так и окружающего мира).

То, чем будет собственное время, от-дифференцированное системой, определяется избранной связью отображенных событий будущего и прошлого. Это — время, которое можно «иметь», которое бывает ограниченным; время спешки или время скуки²⁵. В своей функции связывания будущего и прошлого настоящее может испытывать давление. Масштаб обратимости, допускающий предусмотр-

²³ Ср.: *Schutz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt: Eine Einleitung in die verstehende Soziologie.* Wien, 1932. S. 111 ff.

²⁴ Так как окружающий мир как таковой не способен ни к переживанию, ни к действию, это может означать, разумеется, лишь то, что система должна использовать единую хронологию, подходящую для окружающего мира и для нее самой.

²⁵ В повседневном языке, а также в социологической литературе это понятие «времени, которое можно

иметь или не иметь», к сожалению, часто сливается с более фундаментальным понятием, обозначающим времен-нбе измерение всякого смыслового переживания и действия, т. е. единства необратимости и обратимости, будущего и прошлого.

252

ренную интеграцию будущего и прошлого, также варьируется от системы к системе. Кроме того, в более комплексных социальных системах одновременно наблюдается нехватка времени и его незанятость, цейтнот в одних операциях и простой в других. Все это приводит к системно-специфическим проблемам времени, не имеющим каких-либо соответствий в окружающем мире системы.

Таким образом, временная автономия доставляет системе вторичные проблемы, требующие решений²⁶. Вместе с тем она является необходимым предварительным условием автономии в предметных вопросах. Если бы система должна была реагировать на касающиеся ее события окружающего мира всегда в тот самый момент, когда они наступают, она вряд ли могла бы выбирать способ реагирования. Лишь предвидение, с одной стороны, и задержка реакции, с другой, открывают свободу действий для своих стратегий. Прежде всего лишь так можно прийти к использованию реакций, подготовка которых в самой системе стоит времени. Однако вместе со всем этим время системы также становится важным, часто решающим ограничением выбора контактов с окружающим миром и тогда зачастую замещает ориентацию на содержательные приоритеты.

С помощью вышеизложенного можно объяснить, почему в более комплексных обществах интерес к некоторым проблемам времени растет и соответствующим образом меняется семантика времени. Препрежнее внимание к «подходящему моменту» и к соответствующим пометкам в календаре трансформируется в интерес к ускорению и путям экономии времени²⁷. Свидетельства тому есть уже в XVI в., например в связи с книгопечатанием и интересом к систематизации ради ускорения распространения знаний. Усиливается критика бесполезной траты времени, которая постепенно отделяется от границ индивидуального времени жизни. В конечном итоге железная дорога придает новому темпу наглядность; но важнее, пожалуй, то, что понятие труда в монетарной экономике относится и к представителям высших слоев: они также начинают трудиться, по-

²⁶ Ср. также: *Luhmann N. Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten II* Luhmann N. Politische Planung. Opladen, 1971. S. 143—164. См. также: *Schwartz B. Waiting, Exchange, and Power: The Distribution of Time in Social Systems // American Journal of Sociology* 79 (1974). P. 841—870.

²⁷ Множество указаний содержится в; *Koselleck R. Vergangene Zu-kunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt, 1979. Ср. также: *Luh-mann N. Temporalisierung von Komplexitat: Zur Semantik neuzeitlicher Zeit-begriffe // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 235—301.*

253

этому **им** тоже не хватает времени. В таком случае подходящие моменты вытекают уже не из природы, а из проблем синхронизации, из логистики самого времени.

IV

Градиент комплексности между окружающим миром и системой находит свое наиболее отчетливое выражение в том, что, однажды имея это различие, каждая дальнейшая дифференциация должна переживаться и рассматриваться по-разному, в зависимости от того имеет она место в окружающем мире или в системе. Только что рассмотренное различие релевантностей времени является лишь одним из примеров тому. Кроме того, различие окружающего мира и системы обеспечивает различие дифференциации окружающего мира и дифференциации системы; оно усиливается в той степени (мы называем это также «от-дифференциацией»), в какой дифференциация окружающего мира и дифференциация системы придерживаются разных позиций по поводу порядка.

Каждая система должна считаться с другими системами в окружающем ее мире. В зависимости от того, насколько отчетливо мир может быть воспринят, в нем наблюдается все больше разных систем. Если система, из которой мы исходим, обладает способностью к пониманию, то системы в *их* окружающем мире можно понять, исходя из «х окружающего мира. Тем самым система разлагает первично заданные *единства* своего окружающего мира на *связи*. В таком случае окружающий мир системы предстает дифференцированным на разные перспективы систем и окружающих миров, взаимно пересекающихся и постольку представляющих единство окружающего мира в целом.

С учетом этого вывода система может развивать стратегии агрегации. Она может объединять и упорядочивать системы окружающего мира в соответствии со своими схемами дифференциации. Пожалуй, таким простейшим случаем является дифференциация с точки зрения того, идет в

окружающем мире речь о системе того же рода, что и система, из которой мы исходим, или о системе иного рода. Например, для каждого человека другие люди в окружающем мире вполне заметны. Кроме того, есть тенденция переоценивать область окружающего мира, обладающую подобием, например относить незнакомое к модели «личности». Социальные системы также могут развивать те же тенденции и те же предпочтения для окружающего мира одного и того же вида.

Так, организации предпочи-
254

тают общение с организациями и часто рассматривают другие секторы своего окружающего мира (например, своих клиентов) так, как будто те являются организацией: ведут документацию, могут принимать решения, должны реагировать на жалобы и т. п. Иными словами, если для окружающего мира избрана схема дифференциации «того же самого/иного вида», то можно ждать определенных последствий.

Конечно, есть много иных моделей дифференциации в отношении окружающего мира, например близкий/далекий или друг/враг, конкурент/партнер или, ближе к операциям системы, поставщик и получатель. Многообразие таких возможностей заставляет разрабатывать теории выбора моделей дифференциации. Здесь важен вопрос о том, насколько стратегия дифференциации связана со своеобразием системы (например: одного/иного рода), либо насколько она может абстрагироваться от этого (например, в качестве «научной» типологии систем окружающего мира). За этим вопросом стоят, по-видимому, проблема достижимой степени объективации и вопрос о ее условиях. Объективирующие схемы дифференциации непременно предполагают в системах высокую системную комплексность, которую они могут развивать и использовать.

Вместе с тем системная комплексность ни в коем случае не означает, что система полностью переходит от дифференциаций, относящихся к ней самой, к более объективирующим дифференциациям окружающего мира. Более высокая комплексность, как мог бы показать всякий анализ общества, означает, по-видимому, лишь то, что *обе* возможности имеются в распоряжении одновременно и/или альтернативно. Так, современное общество не может не выделять особо человека в своем окружающем мире из всех остальных систем, хотя научный (как раз общественный) анализ давно разъял предположенное тем самым системное единство на множество аспектов.

Эти вопросы важны для дальнейшего развития теории социальных систем. Однако их разработку можно продолжить лишь в подробных исследованиях, от которых мы должны здесь отказаться²⁸. Для нас здесь все определяется предыдущим различием, обеспечивающим прежде всего все нюансы и вариации, — различием внешних и внутренних дифференциаций. При этом интересует уже не всякое семантически возможное различие, а лишь основополагающая дифференциация системы и окружающего мира.

²⁸ В социологической традиции в качестве важных предварительных разработок можно было бы рассматривать прежде всего исследования классификаций, начатые Э. Дюркгеймом.

255

Внутренние дифференциации (системные дифференциации) идут совсем по-другому. В то время как дифференциация окружающего мира касается необходимости его *наблюдения* системой и поэтому одновременно и стимулируется, и ограничивается²⁹, внутренняя дифференциация возникает из процесса *аутопойетической репродукции*. Связь репродукции и дифференциации³⁰ становится вполне ясной, если под репродукцией понимают не идентичное или почти идентичное повторение того же самого (например, как восполнение запасов), а как текущее новое конституирование присоединяемых событий. В таком случае репродукция постоянно приводит к репродукции возможности репродукции. Однако для социальных систем это означает восстановление двойной контингентности. С одной стороны, репродукция подпадает под условие иметь способность присоединения, она должна соответствовать ситуации; с другой стороны, она может предоставлять возможности образования в системе новой системы с собственным различием системы и окружающего мира — и, пожалуй, такой системы, которая будет сохраняться дольше, чем исходная. Например, на вечеринке замечают, что дама достает сигарету, и опережают ее (она медлит), поднося свою зажигалку³¹. Освоенная системная дифференциация стабилизирует возможности репродукции посредством ограничивающих условий — понятности коммуникации и соответствия способов поведения. Однако в то же время избыточность смысла, которая при этом также должна со-репродуцироваться, предоставляет все новые возможности инновативного образования систем, т. е. возможности включения новых различий и новых ограничений и, таким образом, возможности усиления ограниченности исходной системы посред-

²⁹ Мы, напомним, определили наблюдение как восприятие информации с помощью различия.

¹⁴ Обширным исследованием этой связи является: *Barely*. La reproduction sociale: Systemes vivants, invariance et changement. Paris, 1973.

³¹ Можно было бы привести в порядке примечания и другой, не столь интеракционистский пример, ради продолжения отсюда дискуссии о формальной и неформальной организации. Формально организованная социальная система может быть формально дифференцирована согласно плану, однако она неизбежно предлагает и возможности неформального образования систем, которые затем входят в противоречие с формальными правилами. Тем самым можно лучше, нежели в прежних исследованиях организаций на основе понятия группы, определить существующие связи между текущей репродукцией, дифференциацией, внутренним ростом, увеличением комплексности и растущей канализацией стихийности дальнейших дифференциаций; в противоположность мнению, господствовавшему ранее, можно будет предположить, что не неформальная, а именно формальная организация обеспечивает гибкость и приспособляемость.

256

ством дифференциации. Лишь так возможно увеличение комплексности системы.

Внутренние дифференциации связаны с границей уже выделенной системы и рассматривают ограниченную тем самым область как особый окружающий мир, где могут возникать другие системные образования. Иными словами, такой внутренний окружающий мир обнаруживает особые редукции комплексности, обеспечиваемые внешними границами. По отношению к внешнему миру он является уже прирученным и умиротворенным внешним миром меньшей комплексности. Кроме того, он является окружающим миром подобного рода, ибо внутренняя дифференциация может осуществляться лишь в таком же роде. Живые системы могут дифференцироваться только на живые системы, а социальные — только на социальные. Поэтому при дальнейшем образовании систем можно допустить определенные внутренние регулировки. К ним могут присоединяться новые, менее вероятные системные образования. В соответствии с этим системная дифференциация является повторением образования систем в системах в направлении повышения и нормализации невероятности. Отсюда системную дифференциацию можно также охарактеризовать как рефлексивное образование систем и соответственно как рефлексивное усиление от-дифференциации системы: процесс образования системы применяется к себе самому и тем самым усиливается в функциональном отношении. Как и всякое образование социальных систем, внутрисистемное образование систем происходит автокаталитически, т. е. самоизбирательно. Оно не предполагает какой-либо «активности» совокупной системы или какой-либо ее способности к действию, не говоря уже о каком-то общем плане. Так же мало помогает дальнейшему продвижению вперед утверждение о том, что совокупная система делится или разлагается на подсистемы. Совокупная система с помощью своего устройства обеспечивает лишь собственный выбор подсистем. Однако если возникают подсистемы, то они запускают процессы приспособления, потому что в таком случае для всего того, что не выделилось в качестве новой подсистемы, возникает новый окружающий мир. Так, продолжая пример Э. Дюркгейма³², положение семьи меняется, если в обществе помимо нее как подсистемы возникают еще другие, а именно корпоративные, подсистемы. В таком случае единство совокупной системы должно находить выражение в способах, которыми каждая из этих разных под-

³² Из предисловия ко второму изданию книги «О разделении общественного труда» (см.: *Durkheim E. Über die Teilung der sozialen Arbeit*, Dt. Obers. Frankfurt, 1977. S. 39 ff.).

9 Зак. №4161

257

систем строит свое отношение к окружающему миру (содержащему другие окружающие миры)³³; ибо в дифференцированных системах каждая подсистема одновременно является и окружающим миром для остальных³⁴.

Несмотря на то что процессы внутренней дифференциации могут начинаться почти как угодно и не управляются посредством «развиваемой» формы, существует, по-видимому, разновидность отбора, отбирающая лишь то, что может обладать прочностью. Так, пожалуй, можно было бы объяснить то, что в конечном счете есть лишь немногие формы дифференциации, способные сохраняться в длительно существующих системах: прежде всего, дифференциация на родственные единства (сегментирование), дифференциация на центр и периферию, на конформное и отклоняющееся (официальное и неофициальное, формальное и неформальное), иерархическая и функциональная дифференциация. Устойчивыми представляются лишь формы дифференциации, способные мобилизовать процессы усиления отклонений (положительную обратную связь) себе на пользу, предотвращая новое нивелирование³⁵.

В связи с этим можно было бы разработать массу исследовательских вопросов, плодотворных прежде всего для теории общества. Предпосылкой стало бы уточненное объяснение эволюции посредством избыточного производства, отбора и стабилизации каждой отдельной формы дифференциации. Далее следовало бы выяснить, совместимы ли друг с другом и насколько совместимы различные формы,

соответственно предполагают ли они друг друга генетиче-

³³ Поэтому Т. Парсонс справедливо допускает, что всякая системная дифференциация идет по бинарному принципу. См.: *Parsons T. Comparative Studies and Evolutionary Change II Comparative Methods in Sociology: Essays on Trends and Applications / Ed. I. Vallier. Berkeley, 1971. P. 97—139 (100)*. Однако предметные отношения гораздо сложнее, чем думает Парсонс. Они состоят не просто в том, что одна (функционально диффузная) система заменяется двумя (функционально определенными). Бинарность основана, скорее, непосредственно на различии системы и окружающего мира, т. е. на том, что это различие придает всякой дальнейшей от-дифференциации двойной эффект: как вновь образующейся системе и как окружающему миру всех остальных.

³⁴ На языке староевропейских понятий здесь была бы такая формулировка: каждая часть есть одновременно самоцель и средство для других. Ср.: *Aquino Th. von. Summa Theologiae 1 q. 65 a. 2*. Цит. по изданию: Turin, 1952. Vol. 1. P. 319; *Kant I. Kritik der Urteilskraft §§ 65—66*, в частности введение к § 66 — "innere ZweckmaBigkeit" — цит. по: *Vorlander K. 3. Aufl. Leipzig, 1902. S. 245 ff*.

« Ср.: *Shizuyama M. The Second Cybernetics: Deviation-Amplifying Mutual Causal Processes II General Systems 8 (1963). P. 233—241*.

258

ски (будь то стартовое условие, будь то в процессе отбора или стабилизации путем положительной обратной связи). Так, не следовало бы исключать, что дифференциация на центр и периферию выступает развивающим условием возникновения многоступенчатых иерархий, но потом вступает в конфликт с ними³⁶. Кроме того, надлежало бы сразу учесть, что формы внутренней дифференциации со-определяют степень от-дифференциации совокупной системы. В случае примата иерархической дифференциации для нее устанавливаются ограничения, обеспечивающие контроль со стороны вершины иерархии (или господствующего центра) пограничных отношений системы, так как в противном случае она теряет власть. В случае более сильной от-дифференциации и более комплексных внешних отношений такое становится невозможным, что влечет за собой переход к функциональной дифференциации, как и, наоборот, форсирование функциональной дифференциации усиливает от-дифференциацию и снижает власть господствующих центров.

Системная дифференциация неизбежно приводит к повышению сложности совокупной системы. И точно так же справедливо обратное: системная дифференциация возможна лишь в том случае, если совокупная система способна конституировать и соединять более строгими связями больше разнообразных элементов. Системная дифференциация, безусловно, означает не только то, что в системе образуются меньшие единства; системная дифференциация, скорее, повторяет образование совокупной системы в себе самой. Совокупная система реконструируется как внутреннее различие подсистем и их окружающих миров для каждой подсистемы по-разному. В зависимости от внутренней линии разреза совокупная система в таком случае многократно содержится в себе самой. Она умножает свою реальность. Так, современная социальная система общества одновременно является политической функциональной системой и ее окружающим миром в обществе; экономической функциональной системой и ее окружающим миром в обществе; научной функциональной системой и ее окружающим миром в обществе; религиозной функциональной системой и ее окружающим миром в обществе, и т. п.

Однако дифференциация есть не лишь усиление сложности; она способствует вместе с тем и новым формам ее *редукции*. Каждая подсистема, если можно так выразиться, берет на себя часть сово-
³⁶ См. об этом: *Eisenstadt Sh. N. The Political Systems of Empires. New York, 1963*. — Несмотря на разработку с иных точек зрения, содержащийся материал наводит на обрисованную здесь проблематику.

259

купной сложности тем, что ориентируется лишь на свое различие системы и окружающего мира, которым, однако, она реконструирует совокупную систему саму по себе. Так, подсистема может чувствовать себя разгруженной благодаря допущению о том, что многие потребности по репродукции совокупной системы осуществляются где-то в другом месте. Соответственно удваивается ее зависимость от совокупной системы — она сама есть часть совокупной системы и в то же время зависит от внутреннего окружающего мира и, таким образом, иными путями, опять-таки от совокупной системы.

Подобно сложности совокупной системы также и ее самореференция меняет структуру посредством внутренней дифференциации, ибо каждая подсистема функционирует как артикуляция самореференции совокупной системы. Она не может идентифицировать себя как «часть» без указания на целое, и это указание является *циркулярным* — оно предполагает в целом само себя. Однако в то же время каждая подсистема артикулирует целостность, а так как подсистемы и внутрисистемный окружающий мир различны, эта артикуляция является *асимметричной*, отсюда — богатой последствиями. В таком случае циркулярность и асимметрия взаимно предполагают друг друга. В практике непрерывной коммуникативной саморепродукции

это требует постоянной смены перспектив, которая, со своей стороны, становится возможной благодаря тому, что такая практика состоит из темпорализированных элементов (событий, действий).

Таким образом, из данной сложной организации возникают требования к тому, что в такой совокупной системе еще способно функционировать как элемент поверх ограничений дифференциации. Более дифференцированные системы должны темпорализировать свои элементы, т. е. конституировать их относительно моментов времени и репродуцировать в каждый момент. Они должны понимать элементы более абстрактно, чтобы обеспечить их связь поверх системных границ. Мы уже пришли к такому результату при описании самоописания социальных систем. Самоописание предполагает редукцию к действию — во всяком случае, в современном обществе, в котором и для которого разрабатывается данная теория³⁷.

³⁷ Во избежание недоразумений не следует, конечно, исключать, что современное общество создает с помощью своего возможного понятийного аппарата абстрактные теории, применимые и к устаревшим общественным системам. Но тогда по семантике этих прежних обществ можно понять, что они не стали бы разрабатывать для себя такую теорию и не сочли бы ее приемлемой. Отсюда можно, впрочем, показать, что на старый спорный вопрос о том, в состоянии ли вообще современные теории адекватно понимать тра-

260

То, что окружающий мир воспринимается дифференцированным (внешняя дифференциация), по-видимому, неизбежно для образования систем. В отношении окружающего мира, воспринимаемого полностью недифференцированным, не могли бы развиваться какие-либо стратегии редукции. Система нуждается в различиях в своем окружающем мире для получения и переработки информации³⁸. Напротив, внутренняя дифференциация не неизбежна для образования систем. Встречаются совершенно недифференцированные социальные системы, например интеракционные системы контакта между присутствующими, не предусматривающие каких-либо внутренних систем. Чтобы особо подчеркнуть данный случай, будем говорить о простых социальных системах. В этом смысле не все, но многие системы интеракции между присутствующими являются простыми. Для систем интеракции весьма характерно, что они лишь с трудом могут консолидировать в себе устойчивые подсистемы. Порой дело доходит до разговоров шепотом, либо даже просто до того, что влюбленные находятся вместе, рядом. Время от времени могут от-дифференцироваться и внутренние конфликты. Таким образом, существуют отправные точки дальнейшей дифференциации, но они, уже лишь по причине помех, не могут развиваться очень далеко.

Поэтому внутреннюю дифференциацию нельзя понимать как существенный признак социальных систем; но она есть важный момент их от-дифференциации. Благодаря ей дополнительно используются и поэтому укрепляются внешние границы. Внутренние различия системы и окружающего мира сходятся на внешних границах и являются устойчивыми лишь в том случае, если последние отделяют внешний окружающий мир. Отличие от окружающего мира вторично усиливается, если внутренняя схема дифференциации выбирается автономно и не связана с данностями окружающего мира (либо с его предположительными данностями). Общественная система, дифференцированная вертикально по принципу стратификации, предполагает, что общественная дифференциация проводится по различию лиц, их «качества», их предназначения к жизни в операционные общества, можно ответить как утвердительно, так и отрицательно; отрицательно — когда выдвигают требование о том, чтобы сегодняшнее описание соответствовало бы самоописаниям, допустимым в таких обществах.

³⁸ Ср. в связи с этим также и кибернетическое понимание информационно-технических преимуществ «дискретных» состояний. См., напр.: *Ash-by W. R. Systems and Their Informational Measures* *Trends in General Systems Theory* / Ed. G. J. Klir. New York, 1972. P. 78—97 (в частности, p. 81).

261

деленных кастах или группах. С переходом к функциональной дифференциации ее схема выбирается автономно, она руководствуется уже лишь функциональными проблемами самой общественной системы без какого-либо соответствия в окружающем мире; и поэтому ориентация на человека становится отныне идеологией, важной лишь для ценностей, которым должны следовать общественные процессы. Или другой пример: если подразделения организации образуются в соответствии с различными внешними группами, клиентурой, кругом обслуживаемых лиц и т. п., то это усиливает влияние данных групп на организацию; они обнаруживают «свое» представительство в системе. Если деление выбрано по чисто внутренним основаниям, то это усиливает от-дифференциацию организационной системы.

По мере того как система, благодаря самореферентно обоснованным схемам дифференциации, становится независимой от окружающего мира, она может самостоятельно проектировать и собст-

венную дифференциацию его феноменов — не в том смысле, что она становится поэтому независимой от уже имеющейся дифференциации окружающего мира³⁹, а, пожалуй, в том, что способна объединять его феномены и отличать их друг от друга с самостоятельных позиций. Таким способом усиление от-дифференциации системы оказывает обратное влияние на возможности приобретения информации. То, что функционирует как внешняя граница системы, в большей степени не отфильтровывает, а, наоборот, пропускает; система, если она структурирована иначе, чем окружающий мир, одновременно становится чувствительнее к нему, когда схема дифференциации избрана адекватно этой функции усиления.

Такие связи внешней и внутренней дифференциации предполагают их различие. Однако оно не является простым фактом, установленным учредительным актом. Речь идет, и лишь так возможна эволюция, о градуированном феномене. Однако градуировка не может выполняться как угодно; она повторяет и усиливает основополагающий процесс образования системы. В этом отношении дифференциация различий принимает решение о степени «системности» системы — о масштабе и интенсивности ее системного бытия.

³⁹ Напротив, «соответствие дифференциации» становится на этом основании насущной потребностью. Ср. суждение, содержащееся в: *Foa G. et al Differentiation Matching // Behavioral Science 16 (1971). P. 130—142.* Предпосылкой таких рассуждений является отсутствие какого-либо «естественного» соответствия схем различий, а также то, что проблема заложена отнюдь не только в познании, бинарно схематизированном на истину и ложь.

262

V

При различии системы и окружающего мира и его дальнейшей дифференциации речь идет о предметных связях, которые нужно рассматривать на уровне общей теории систем. Однако в предыдущих разделах мы уже адаптировали наши мысли к особому миру социальных систем. Следующий шаг теперь должен состоять в том, чтобы четче проработать, как на этом уровне социальных систем рассматривается градиент комплексности системы и окружающего мира. Особенность социальных систем состоит в том, что они ориентируются на комплексность в форме смысла (глава 2). Это означает, что различие окружающего мира и системы опосредуется исключительно *смысловыми границами*. Правда, это справедливо и для психических систем. Однако психическая система все еще может видеть свои границы в собственном теле, вместе с которым она живет и умирает. Для социальных систем такие отправные точки отпадают. Замену тому в известной мере предлагает принцип территориальности. Существуют группы, идентифицирующие себя, подобно животным⁴⁰, со своим жизненным пространством, которое они знают и защищают⁴¹. Однако для социальной системы таких групп, в чем единодушны многие, границы «ее» территории имеют только лишь символическое значение⁴². В остальном же территориальность, во всяком случае сегодня, совершенно не типична для социальных систем. Она — экзотический принцип разграничения, скорее, мешающий нормальной общественной мобильности. Территориальные границы есть особый случай смысловых границ. Однако что такое смысловые границы и как они возникают?

⁴⁰ В обзоре по этому вопросу см.: *Carpenter C. R. Territoriality: A Review of Concepts and Problems // Behaviour and Evolution / Ed. A. Roe, G. G. Simpson. New Haven, 1958; переиздано: 1967. P. 224—250.*

⁴¹ Ср. интеракционистскую позицию: *Roos Ph. D. Jurisdiction: An Ecological Concept // Human Relations 21 (1968). P. 75—84; Patterson M. Spatial Factors in Social Interaction // Human Relations 21 (1968). P. 351—361; Lyman S. M., Scott M. B. A Sociology of the Absurd. New York, 1970. P. 89 ff.*

⁴² Впрочем, об этом свидетельствует и историческая литература о возникновении *линейных* государственных границ. См. выше, с. 58, гл. 1, прим. 45. Однозначность границ, поначалу основанная прежде всего на каноническом праве, требовалась для решения проблем юрисдикции. Епископ, путешествующий вне своей территории, не имел никакой власти. Если бы все дело было лишь в успешном разделе жизненного пространства между народами, то эту функцию гораздо лучше выполняли бы необжитые места, горы, маркировки.

263

Лишь радикализация теории систем в вопросе отношения¹ к окружающему миру и самореференции позволяет дать на этот вопрос убедительный ответ. Смысловые границы не есть лишь внешняя оболочка, которая, подобно органу среди других, выполняет определенные функции. Они, скорее, подчиняют элементы, из которых система состоит и которые репродуцирует. С такой точки зрения всякий элемент принимает решение о своем подчинении и тем самым о границах. Всякая коммуникация в социальной системе, а не только, например, коммуникация, выходящая за границы, использует отличие от окружающего мира и тем самым способствует определению и изменению границ системы. И наоборот, представления о границах обладают упорядочивающей функцией для конституции элементов; они позволяют оценить, какие

элементы могут быть образованы в системе, на какие коммуникации можно рискнуть. Данную взаимную связь между смысловой границей и коммуникацией можно лучше понять, учитывая, что всякая коммуникация содержит *завышенные запросы*. Она претендует, как минимум, на время и на внимание. Сверх того, каждое сообщение, сколь бы осторожным оно ни было, выражает и ожидание быть принятым; а такие ожидания успеха могут быть усилены прежде всего при помощи символически генерализованных средств коммуникации — тот, кто признается в любви, уже почти рассчитывает на право быть любимым⁴³. Поэтому всякий запускающий коммуникации или расширяющий тематический репертуар системы вокруг новых элементов поступит правильно, наглядно продемонстрировав себе избыточное содержание коммуникации и удостоверившись в ее возможностях, — *он расширяет границы системы*.

Здесь, как это часто бывает, старая литература также более восприимчива и продуктивна, чем современные «исследования коммуникации». Связь тем и границ была в центре сочинений о светском общении. Чтобы удерживать систему интеракции ради общительности в подходящих ей границах, исключали, например, религиозные и политические, деловые и семейные темы, а также темы, связанные с эрудицией или точным знанием (педантизм — запретное поня-

⁴³ Много обсуждаемая тема — прежде всего в связи со стратегиями подогрева и предварительного осведомления, необходимых для объяснения в любви. См., напр., двойственное воздействие признания и отказа в первых письмах, приводимых в романе (1732): *Сэ́вИллон С. (fils). Lettres de la Marquise de M. au Comte de R. Paris, 1970*. Речь здесь идет явно о границах системы!

264

тие!)⁴⁴. Оставшееся предусматривало возможность быстрой смены тем в течение беседы, т. е. выбиралось в определенной мере конформно структуре.

Кроме того, с помощью данной связи тем и границ можно анализировать процессы старения и свертывания социальных систем. Именно такие системы, от которых требуется высокая чувствительность, испытывают тематические сжатия, так как любой уже знает, что другой тоже знает, как быть с темой. В таком случае система ограничивает свою коммуникацию побуждениями окружающего мира, а в остальном довольствуется монотонным продолжением известных тем⁴⁵. Благодаря вопросу (каждого участника к себе), что и от кого можно ожидать в коммуникации, система переходит в действие. Необходимо решиться участвовать в коммуникации действием, ориентируясь социально, и следует использовать коммуникативное действие, чтобы отклонить неприемлемую коммуникацию. Таким образом, проведение границ в конечном счете — процесс торга (молчаливо предполагаемого, скрытого или явного); он идет через самоупрощение системы, мирясь или не мирясь с коммуникативным действием в системе.

Этот процесс можно осуществлять через тематические ожидания. В таком случае границы системы можно определять по приемлемым темам. Однако наряду с прямыми существуют также косвенные темы и определения границ. Наряду с предметным измерением темпоральное и социальное также дают возможности регулирования границ. Время коммуникации можно сократить⁴⁶, например, демонстративной спешкой или грамотно организованным графиком встреч. В таком случае все должно происходить так быстро, что уже ничего невозможно «решить в ходе обсуждения». Все серьезное и трудное откладывается на потом⁴⁷. Однако прежде всего напрашивается

⁴⁴ См. об этом, в частности: *Breiding K. Untersuchungen zum Typus des Pedanten in der französischen Literatur des 17. Jahrhunderts*. Diss. Frankfurt, 1970. Ср. также: *Mornet D. Historie de la littérature française classique 1660—1700: Ses caractères véritables, ses aspects inconnus*. Paris, 1940. P. 97 ff.

⁴⁵ Здесь впору вспомнить о браках. Ср. в связи с этим одобрение по-видимости неизбежного в: *Mayo E. Should Marriage be Monotonous?* // *Harpers Magazine* 151 (1925). P. 420—427. В коммуникации же влюбленных, наоборот, всегда удивляло, что они могут, по-видимому, постоянно общаться без ограничения во времени и предметах, потому что у них все сводится к удовольствию быть вместе.

⁴⁶ Краткость может быть навязана с тем следствием, что темы и системы, требующие некоторого времени, могут создаваться лишь девиантным поведением («Не мешкайте» в общественных туалетах!).

⁴⁷ Отсюда понятно, что социальная утопия бесконечной и открытой дискуссии могла быть обращена к угнетенному.

265

регулирование тем и смысловых границ через допуск к участию, например посредством социального расслоения или удостоверения компетентности. Поэтому существуют системы, получившие в современном обществе неотъемлемую значимость в качестве «формальных организаций», регулирующие свои границы в первую очередь через роль своих членов и путем приема в члены, рассматривающие темы как нечто такое, что можно требовать от членов системы на основании членства⁴⁸. Посредством социального измерения можно в конечном итоге

регулировать, что принимается системой во внимание как действие и какие действия следует приписывать окружающему миру. Тем самым границы системы получают дополнительную точность, сводимую к самоописанию системы как системы действия.

Данные комментарии показывают, что смысловые границы более приспособлены к абстрагированию, нежели все остальные виды системных границ; в то же время они более, чем остальные, представляют собой «самогенерирующиеся границы»⁴⁹. Смысловые границы находятся в распоряжении в самой системе. Это ни в коем случае не означает, что ими можно распоряжаться как угодно, а означает лишь, что их регулирует сама система. Это относится и к структурам ожидания и коммуникативным процессам, на чем мы в дальнейшем (глава 8) остановимся подробнее. Избыточное содержание тем, меняющее границы системы, можно выводить из предыстории вопроса, из того, что как раз возможно в данной ситуации, но также и из общих структур ожиданий. Последние могут детально предписывать, как и о чем коммуницируют в супермаркете, на футбольном поле, на трамвайной остановке, за семейным обедом, при заказе авиабилета по телефону и т. п. Именно спонтанность может в таком случае проявляться в высокостандартизированных формах, например таких как наклейка на автомобиле.

⁴⁸ Если регулирование членства рассматривают как абстрактный субститут, благоприятствующий комплексности прямо указанного тематического регулирования, то становится ясно, что здесь и только здесь возникает потребность в «неформальной организации». Члены организации при выполнении своих задач хотели бы говорить еще и о чем-либо другом: о своем новом автомобиле, об отношениях дома, о личном отношении к начальству, к работе, к «трудным» коллегам. Посредством таких побочных тем границы формальной системы не меняются. Однако неформальная организация, как известно из обширных исследований, значима для трудовой мотивации, не обеспеченной лишь формальной организацией.⁴⁹ В смысле Баркера. Ср. выше: гл. 1, прим. 51.

266

VI

Различие системы и окружающего мира становится релевантным в конституции каждого смыслового элемента. Однако на этом основании оно может стать и специальной темой особых устройств, в таком случае повышающих чувствительность системы к окружающему миру и освобождающих другие устройства для выполнения внутренних функций. Тогда система повторяет различие системы и окружающего мира, на которое она постоянно ориентируется, внутри себя в форме структурной дифференциации. Для пространственной организации есть хорошо работающие примеры тому: мембраны, оболочки, и на этом основании — особые устройства, такие как подвижные органы, глаза и уши. Уже на этом уровне реальности решающее значение имеет то, что данные устройства обладают такими отношениями с окружающим миром, в которых участвует уже не каждый элемент системы, и в то же время они могут влиять на систему подобно окружающему миру как таковому. Эти устройства связаны с самореферентной контактной сетью системы и могут выполнять свою функцию границ лишь на основе циркулярно-закрытых внутренних процессов⁵⁰. Они осуществляют свои интерпретации, затем продолжающиеся в системе, — так что обычно не замечают роли глаза в зрении. Есть ли нечто подобное на уровне социальных систем и смысловых границ? Или мы сталкиваемся здесь с более примитивными формами порядка?

Проблему *спецификации* контактов с окружающим миром как ограничение и расширение общего положения системы в окружающем мире следует считать центральной проблемой всех комплексных систем как своего рода порог в эволюции более высокой комплексности. На уровне социальных систем эта проблема концентрируется в *способности к коллективному действию* и на необходимых для этого дополнительных устройствах.

Эта тема связана с давней традицией, которую можно упомянуть здесь лишь вкратце. До XVII в. ответ давали посредством теории «двух тел», способность к действию которых допускалась⁵¹. Изучение таких устройств стимулировало формулирование концепции аутопойесиса. Ср.: *Lettvin J. U., MaShzana H. R., McCulloch W. S., Pitts W. R. What the Frog's Eye Tells the Frog's Brain II Proceedings of the Institute of Radio Engineers 47 (J959). P. 1940—1951.*

⁵¹ В качестве примера такой труднодоступной сегодня литературы ср., напр.: *Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton N. J., 1957; Michaud-Qantin P. Umversitas: Expressions du mouvement communautaire dans le moyen age latin. Pans, 1V7U,*

267

Индивидуальное тело, как и социальное, было способно к действию, видимо, от природы, которая, чтобы обеспечить это, требовала власти тела над самим собой (*potestas in seipsum*), что в случае социального или политического тела означало господство политического режима над индивидами. С XVII в. естественная способность социального тела к действию стала спорной и была заменена договорной конструкцией, предназначенной для объяснения того, как все-таки

возможно то, что не само собой разумеется. Разрушение этого конструкта на закате прав разума открыло дорогу дальнейшему, и в этой ситуации в конечном итоге делом социологии было повторять (собственно говоря, перенимать) критику договорных теорий и самой искать ответы. Однако и социология довольствовалась прежде всего тем, чтобы выдвигать и толковать коллективную способность к действию в качестве результата. У Парсонса для этого есть особое понятие «коллективность», определяемое отчасти способностью к действию, отчасти — особо плотным ценностным сознанием, которое должно, пожалуй, касаться связи обеих точек зрения". Кроме того, подчеркивается, что социальная система, стремящаяся к коллективному действию, должна изменить структуру внутренних отношений власти и включить в себя новые уровни принятия решений⁵³. На основе теории системы и окружающего мира в центр внимания попадает ранее маргинальная позиция — функция придания действию коллективного характера как отношения системы к окружающему миру. За этим стоят не потребности в координации (как полагала общественно-политическая традиция), а выигрыш позиций в отношении с окружающим миром, ведущих к образованию агрегатов коллективного действия.

Способность к коллективному действию еще ни в коем случае не возникает из того, что социальная система состоит из действий

Archambaud P. The Analogy of the Body in Renaissance Political Literature // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance* 29 (1967). P. 21—53.

Подлинной направленностью метафоры тела было, впрочем, не обоснование способности к действию (которая допускалась), а ее связь с внутренним порядком целого. Соответственно метафора разрушается, так как при переходе к абсолютизму она может включать в себя слишком гетерогенные позиции (умеренные и радикальные) и, между прочим, включает искусственное доверие нового рода, например аналогичное существующему между врачом и пациентом.

⁵² Ср.: *Parsons T.* The Social System. Glencoe 111., 1951. P. 41, 96 ff.; *Parsons T., Smelser N. J.* Economy and Society. Glencoe III., 1956. P. 15.

⁵³ Ср.: *Coleman J. S.* 1) Loss of Power // *American Sociological Review* 38 (1973). P. 1—17; 2) *Macht und Gesellschaftsstruktur*. dt. Übers. Tübingen, 1979.

268

или конституируется как система действий. Тем самым гарантируется прежде всего лишь то, что элементы системы рассматриваются в ней как действия, т. е. могут, например, запускать действия присоединения. Одно это еще не приводит к отбору определенных действий как обязательных для системы. Само собой разумеется, что всякое действие обладает внешними эффектами; однако из одного лишь этого еще не вытекает, что такие внешние эффекты могут регулироваться процессами отбора в системе, ограничением возможностей системы. Этим ни в коем случае не утверждается, что кратковременная социальная система, возникающая на базе очереди в театральную кассу, действует коллективно, если кто-то лезет без очереди или когда касса не открывается. Дело может дойти до коллективного ропота и даже до действий отдельных людей, пользующихся молчаливой поддержкой других. Однако как далеко может заходить такое действие, не теряя коллективности и *ultra vires* * являясь действием отдельного человека? Многое свидетельствует о том, что данная неопределенность изначально подавляет всякий импульс коллективности в готовности к действию, — каждый выжидает, и чем дольше ничего не происходит, тем вероятнее, что вообще ничего не произойдет.

Иными словами, не всякая социальная система является способной к коллективному действию, хотя всякая и состоит из действий. Лишь при особых условиях действия объединяются в коллективно связующее единство решений и действий. И если окружающий мир пробуждает систему к единому действию, то возникает вопрос, имеются ли предпосылки либо они могут быстро доразвиться. Даже там, где уже есть представления о коллективной ответственности, предполагающие, что члены группы отвечают друг за друга и должны вместе нести наказание за возможные проступки отдельных лиц, еще вовсе не обеспечена какая-либо коллективная способность к действию; реакция на такие ситуации может ограничиваться избеганием внутренних действий, способных подавить коллективное действие⁵⁴. Организацию возможности коллективных действий следует рассматривать как одно из важнейших ранних достижений эволюции социальных систем — за счет внутренних ограничений она смогла решительно улучшить отношение этих систем вовне.

⁵⁴ Ср. об этом же: *Moore S. F.* Legal Liability and Evolutionary Interpretation: Some Aspects of Strict Liability, Self-help and Collective Responsibility // *The Allocation of Responsibility* / Ed. M. Gluckman. Manchester, 1972. P. 51—107.

* Свыше своих сил (*лат.*). — *Прим. пер.*

269

Само собой разумеется, что и коллективное действие предстает собой отдельное действие, таким образом, всегда одно из многих элементарных событий в системе. Оно должно быть лишь особо выделено символами, показывающими, что совокупная система связывается им. Это может происходить весьма по-разному. Например, через случайный консенсус всех присутствующих или посредством ритуализации действия как безальтернативного (в случае клятв религиозных сил, убедительных лишь как коллективное действие). Следующая ступень развития достигается, если символы коллективного действия как такового имеются в распоряжении относительно независимо от контекста и, что в таком случае необходимо, оставляют содержание решения более или менее открытым. Достигнутые тем самым степени свободы внутренне предполагают вторично усиленные ограничения. Формой, найденной для этого, является иерархия, символизирующая своей вершиной постоянно готовый управленческий потенциал для коллективного действия. Мы охарактеризовали смысловые границы, сославшись на завышенные запросы коммуникаций, и теперь можем добавить: поддержание готовности к коллективному действию изменяет смысловые границы системы. Отныне может потребоваться поддержка потребностей коллективного действия и соответствующих решений. Такое требование является, по меньшей мере, оправданной составной частью операций системы. Одобрение может быть дано, но в нем может быть и отказано; и в системе может быть обусловлено, например распределением компетенций, принципом большинства, методами регулирования, для каких коллективных действий надо ожидать одобрения или рассчитывать на него.

Не следует считать, что иерархия является единственной возможностью решить эту проблему с гибкостью, требуемой сегодня. Однако при желании отказаться или смягчить иерархизацию следует уметь иначе решать проблему соответствующей внутренней обусловленности, ибо коллективное действие всегда означает коллективную связь; а это значит, что оно включается как предпосылка в смысл иных действий системы и, таким образом, будет ограничивать возможности. Лишь благодаря этому коллективное действие отличается от чистой фактичности нормальных отдельных действий, всегда совершающихся и репродуцирующих систему.

Нашим исходным пунктом было отношение системы и окружающего мира. Мы не утверждали, что способность к коллективному действию есть совершенно необходимая предпосылка порядка, ибо это отнюдь не подтверждается на уровне социальных систем. Однако речь идет о важной возможности отделить отношения системы

270

и окружающего мира от общей репродукции системы и сконцентрировать его в устройстве, подготовленном для этого функционально-специфически. Системы, обладающие такой возможностью, могут контролировать свое влияние на окружающий мир и варьировать его в случае необходимости. В таком случае им нужны соответствующие ресурсы и информация. Системы должны быть способны обуславливать внутренние поведенческие возможности. В таком случае они нуждаются в большем влиянии на окружающий мир, чтобы выдержать дополнительные внутренние нагрузки. Отношение к окружающему миру на уровне более высокой комплексности системы должно быть репродуцировано с большими возможностями и с большими ограничениями. Известно, что общественные системы, не имеющие возможности развивать способность к коллективному действию, не могут превзойти низкий уровень развития. Известно, что от-дифференциация относительно автономного управления коллективным действием в так называемых «политических» центрах вплоть до Нового времени была проблематичным, спорным достижением. Известно, что развитие этого достижения сопровождалось и поддерживалось изменениями в религиозной семантике. Известно, какие трудности чинились вплоть до Нового времени для того, чтобы даже представить себе коллективную корпорацию и наделить ее полномочиями «нравственного лица». По всему этому видна невероятность такого завоевания, которое сегодня обыденно функционирует в сфере политической системы общества и среди социальных систем с формальной организацией. То, что в связи с этим обсуждаются проблемы «легитимации», доказывает лишь, что само по себе это достижение уже не ставят под вопрос. Желающий этого должен решиться стать «анархистом».

VII

Теория «открытых окружающему миру» систем, вслед за Л. фон Берталанфи, рекомендовала описывать отношение систем вовне при помощи понятий входа и выхода". Эта понятийная схема⁵⁵ В качестве репрезентативной разработки см.: *Cortes F., Przeworski A., Sprague J. Systems Analysis for Social Scientists*. New York, 1974. В качестве дальнейших, широко известных примеров ср.: *Knox J. B. The Sociology of Industrial Relations*. New York, 1955. P. 144 ff; *Stogdill R. M. Individual Behaviour and Group Achievement*. New York, 1959. P. 13 ff., 196 ff., 278 ff.; См. многие публикации Т. Парсонса, начиная с 1950-х годов, напр.: *Parsons T., Smelser N. J. Economy and Society*. Glencoe 111., 1956 или публи-

271

имеет множество достоинств. Прежде всего функцию системы можно идентифицировать с ее преобразованием и внутренние условия такого преобразования рассматривать как структуру. Эта модель способствует переформулировке теорий равновесия в том смысле, что равновесие сохраняется, если входы и выходы работают без перегрузки и недогрузки. При этом «внутреннее» системы, обеспечивающее «прохождение», можно представить как нечто комплексное и непроецируемое (пожалуй, моделируемое) и все же объяснять наблюдаемые регулярности в поведении входа и выхода систем «системно-теоретически»⁵⁶. Таким образом, схему входа/выхода можно связать с концепцией «черного ящика» и с попытками повлиять на неизвестное и всегда разнообразное поведение системы через изменение внешних условий входа и выхода. В конце концов можно представить себе внутрисистемные структуры и стратегии, связывающие вход и выход и работающие с ориентациями на меняющиеся проблемы в зависимости от того, возникают ли узкие места на входе/выходе, и в зависимости от того, есть ли возможности замены в области входа/выхода.

Тем самым проясняется привлекательность этой схемы для теории систем, ориентированной на рационалистические интересы управленческой техники. С другой стороны, она подталкивает к структурно-функциональному рассмотрению, весьма зауженному. В 1950—1960-е годы в системной теории дело доходит до роста значимости структурализма и схемы входа/выхода. Это совпадение было не случайным. Оба начала взаимно поддерживают друг друга.

кация, представленная формулировкой "the most general case of systems analysis": An Approach to Psychological Theory in Terms of the Theory of Action // *Psychology: A Study of a Science* / Ed. S. Koch. Vol. III. New York, 1959. P. 612—711 (640); кроме того, см.: *Almond G. A.* Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics // *The Politics of the Developing Areas* / Ed. G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton, 1960. P. 3—64; *Herbst P. G.* A Theory of Simple Behaviour Systems // *Human Relations* 14 (1961). P. 71—94, 193—239; *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. New York, 1965; *Luhmann N.* *Die Routine* // *Luhmann N.* *Politische Planung*. Opladen, 1971. S. 113—142; *Herriott R. E., Hodgkins B. J.* The Environment of Schooling: Formal Education as an Open System, Englewood Cliffs N. J., 1973. Как пример использования (не обязательно системно-теоретического) в экономической теории см. также: *Leontief W.* 1) *The Structure of American Economy 1919—1939*. 2 ed. New York, 1951; 2) *Studies in the Structure of the American Economy: Theoretical and Empirical Explorations in Input/Output Analysis*. New York, 1953.

⁵⁶ Поэтому некоторые авторы приходят к заключению о том, что вход и выход вообще бывают лишь для наблюдателя, а не для самой системы. См., напр.: *Varela F. J.* *Principles of Biological Autonomy*. New York, 1979. 272

При помощи схемы входа/выхода структуры можно было понимать как правила преобразования, в принципе признавать их изменчивость, однако при этом чувствовать себя обязанным направлять конкретный анализ систем на структуры, считающиеся инвариантными. В этом смысле говорили о динамике системы, но под ней подразумевали лишь текущий процесс, а не саморегуляцию на уровне структур⁵⁷.

Кроме того, следует спросить, какие предпосылки необходимы, чтобы вообще определить вход и выход — либо для самой системы, либо для наблюдателя. Отождествление «открытости окружающему миру» со «входом и выходом» сначала затушевывало эту проблематику, и в области организованных социальных систем при использовании теории можно было опираться на предварительные условия, не вызывающие сомнения. Однако если следовать новой теории аутопоэтических, самореферентных систем и исходить из того, что отличие от окружающего мира не только проблемно для управления движением, переходящим границу, но и конститутивно для репродукции элементов и самоидентификации системы, то можно прийти к сомнению в эффективности схемы входа/выхода⁵⁸. Так, есть множество положений об отношении системы и окружающего мира, не укладывающихся в схему входа/выхода, например тезис о том, что комплексные системы требуют комплексного окружающего мира. В социальных системах есть своего рода негласная ориентация на окружающий мир (например, учет социальных последствий роли других участников), не сводимый к связям входа и выхода по мощности уже потому, что предполагает окружающий мир единым, а не дифференцированным на источник на входе и приемник на выходе. Этот вопрос об (ограниченной) системно-теоретической релевантности схемы входа и выхода можно связать

⁵⁷ В этом смысле различают динамику и диахронию — см.: *Cortes et al.*, а. а. О. Р. 10. Против данного уровня исследований возражают прежде всего авторы, предлагающие для структурного уровня такие понятия, как морфогенез, самоорганизация, саморегуляция. Относительно социальных систем см.: *Buckley W.* *Society as a Complex Adaptive System* // *Modern Systems Research for the Behavioral Scientist* / Ed. W. Buckley. Chicago, 1968. P. 490—513.

⁵⁸ Сегодня эта схема также предлагается лишь как одна из возможных концептуализаций отношений системы и окружающего мира. Ср.: *Hage J.* *Towards a Synthesis of the Dialectic Between Historical-Specific and Sociological-General Models of the Environment* // *Organization and Environment: Theory, Issues and Reality* / Ed.

L. Karpik. London, 1978. P. 103—145. Однако простая рядорасположенность разных возможностей вряд ли удовлетворительна.

273

с вопросом о том, какое значение имеет редукция коммуникации к действию для отношения системы и окружающего мира. Выше⁵⁹ нам пришлось оставить этот вопрос открытым. Сейчас мы можем ответить на него в смысле соответствия между редукцией к действию и схемой входа/выхода.

Посредством конституирования и определения смыслового элемента действия и соединения действий в процессы, где каждый избирательный элемент усиливает избирательность остальных, система придает собственным событиям асимметричную форму, синхронную с необратимым течением времени. С учетом данной предпосылки различие системы и окружающего мира принимает двойственную форму — в соответствии с асимметрией процесса оно предстает как граница на входе и граница на выходе, смещение или сплавление которых в системе следует исключить. Различие этих границ в системе становится предпосылкой упорядоченного понимания различия системы и окружающего мира. Окружающий мир в таком случае предстает согласно временной структуре системы как разделенный на поставку и прием, и если эта проекция как-то обнаруживает и схватывает отношение к реальности, то ее можно использовать для усиления в системе редукции к действию и управлять процессом действия, руководствуясь потребностями окружающего мира.

В перспективе процесса действия, с одной стороны, необходимы *условия*, чтобы действие вообще могло начаться и репродуцироваться, — например, подходящие помещения, средства коммуникации, «рассматриваемые» объекты, мотивационная готовность. Все эти условия должны быть обеспечены *заранее*. С другой стороны, процессу действия следует обеспечить подчинение структуры ожиданий, нацеленной на *результаты*, — например, производимые работы, изменяемые состояния, пусть даже лишь развлечения участников. Нечто подобное следует ожидать как состояние *после* действия. В ориентации по таким «до» и «после», таким условиям и результатам, редукция к действию может выигрывать в надежности отбора⁶⁰. Если состояние окружающего мира системы поддерживает такую асимметризацию, поощряет ожидания результата и создает условия для этого, то система может посредством действия осуществлять превращение входа в выход. По крайней мере, она может корректировать действие своего отбора в данном направлении.

⁵⁹ См. с. 233 данного издания.

⁶⁰ Мы совершенно сознательно не говорим здесь о легитимации или о рациональности. Введение этих понятий следует оставить дальнейшим обусловливаниям.

274

Это происходит в форме *программирования* действия на основании либо условий его начала, либо желательных последствий, либо того и другого⁶¹. Соответственно можно провести различие между программами, касающимися условий, и целевыми программами⁶².

С помощью таких редукций не только к самому действию как таковому, но и к определенным действиям либо действиям, быстро определяемым как адекватные, различие системы и окружающего мира приобретает форму, удобную для обработки в системе. В нее никогда не входит все то, что со-конституируется, исходя из предпосылки окружающего мира при от-дифференциации системы. Однако слишком комплексное отношение к окружающему миру становится еще одной формулировкой ориентации внутренних операций, которые могут быть проверены и в случае необходимости откорректированы. Одновременно система, развивающаяся в этом направлении, становится независимой от других форм внутренней репрезентации окружающего мира, например от хорошего вкуса или от нравственных образцов.

Отнюдь не все социальные системы используют данную возможность реконструировать себя в окружающем мире по схеме вход/выход. Одна лишь редукция к действию не вынуждает, а только способствует этому. Однако по мере ее достижения она приводит к более отчетливому выделению социальных систем, идущих по данному пути. Различие системы и окружающего мира выносится тем самым на уровень комбинирования, где одновременно может быть актуализировано и больше зависимостей, и больше независимостей. Система становится более зависимой от таких свойств или процессов своего окружающего мира, которые релевантны для входа или для восприятия функции выхода, и, напротив, — более независимой от других его аспектов. Она может позволить себе больше чувствительности, больше четкости в восприятии окружающего мира и одновременно больше индифферентности. Одно обуславливает другое. Оба момента обуславливаются более высокой степенью внутренней автономии. Система может (в

ограниченной мере) варьировать свой выход в зависимости от того, что имеет в распоряжении в качестве входа. И наоборот, она может варьировать свой вход, блокировать избыток, а в случае дефицита пускаться в усиленные поиски либо использовать заменители, чтобы обеспечить постоянство

⁶¹ См. об этом сравнительно с другими формами идентификации взаимосвязи ожиданий ниже — глава 8, XI.

⁶² Ср.: *Luhmann N. Lob der Routine II Luhmann N. Politische Planung. Opladen, 1971. S. 113—142.*

275

своего выхода или его расширение. Автономия означает в таком¹ случае, что можно выбирать между аспектами зависимости от окружающего мира; и возможность такого выбора увеличивается, если система способна организовать «смену лидерства» между входом и выходом, так что однажды ее можно определить через пограничные проблемы и узкие места на входе, а в другой раз — на выходе. Данную открытую ситуацию можно отобразить изнутри по схеме цель/средство, причем цели ограничивают выбор средств, а средства — выбор целей. Диффузное, нравственно-эстетическое согласование с окружающим миром заменяется в таком случае артикулированными ценностными точками зрения, способными обосновывать легитимации в выборе целей и средств⁶³.

Учреждение своего рода второй формулировки отношения между системой и окружающим миром через схему вход/выход позволяет регулировать, дифференцировать, контролировать деятельность, переходящую границы. На границе выхода отсюда развиваются тенденции к коллективизации действия. Действия, передаваемые окружающему миру, касаются всей системы; и если это «случается» более или менее часто, то напрашивается необходимость развивать внутренние контролирующие устройства, например возможность репрезентативных решений для совокупной системы. В этом смысле властные позиции являются изначально прежде всего «пограничными пунктами» системы и могут отсюда легитимировать свои претензии на соответствующую власть и полномочия. Тем самым мы опять подрываем представление о том, что «иерархия» является «естественной» предпосылкой порядка как такового.

На входной границе можно сделать соответствующие дифференциации. Они обнаруживаются в от-дифференциации пунктов приема, получения специфического вклада окружающего мира, например информации. В исследованиях коммуникации при описании селективного вклада таких пунктов говорят о «воротах» (gates) и о «привратниках» (gate-keepers). Не последним преимуществом является также то, что для внутренних и внешних процессов присоединения имеются адреса и что завышенные поведенческие ожидания в этих точках можно нормализовать. В случае особых форм такого рода обычно подразумеваются политико-административные органы и экономические организации. Ради завершения данной темы возьмем менее очевидный пример.

⁶³ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalität: Über die Funktion von Zwecken in sozialen Systemen. Neudruck Frankfurt, 1973.*

276

Сложную связь между усилением выделения и автономией, основанную на внутренних редукциях и упрощающих самоописаниях и, тем не менее, продуктивнее связанную с окружающим миром, можно пояснить и через различие социализации и воспитания. Социализация осуществляется без особых затрат внимания посредством совместной жизни в социальных связях. Она предполагает участие в коммуникации, в частности возможность прочитывать поведение других не только как факт, но и как информацию — как информацию об опасностях, разочарованиях, всякого рода совпадениях, осуществлении отношения к социальным нормам, уместном в данной ситуации. Для этого требуется нечто большее, нежели просто атрибутированный отбор. Воспитание же, напротив, использует для достижения цели редукцию к действию, что предполагает координацию большого количества усилий; таким образом, оно не может быть отдано случайным социализирующим событиям. Лишь в качестве воспитания социализация может быть приведена к схеме вход/выход. Дают определение желаемым состояниям и способам поведения, дают оценку исходному положению (степень зрелости, способности, предварительные знания) как условиям и выбирают педагогические средства, чтобы все-таки достичь того, что не возникает само по себе. Колоссальные интеракционные и организационные затраты на уроках, в школьных классах, в системах образования есть лишь выражение данного принципа. По результату можно четко видеть, как в то же время возрастают восприимчивость и невосприимчивость воспитания к запросам окружающего мира, как затем возникает автономия системы воспитания (хотят ее или нет) и чем в таком случае должен быть заполнен вакуум необходимой внутренней детерминации — идеалами и организацией, идеологиями и политикой профессиональных групп, но прежде всего автономными теориями рефлексии⁶⁴.

Выход за пределы чистой социализации и воспитания от случая к случаю, по-видимому, неизбежен во всех более-менее комплексных обществах. Лишь так можно воспроизводить знания и умения, приобретаемые в длинных цепочках отдельных скоординированных шагов. Лишь так возможны процессы специализации и основанного на ней распределения ролей. Это понятно. Также понятна критика школы за отрыв от жизни и ненужность преподаваемого знания. Однако в первую очередь критика направлена на содержание учебных программ, на политическое вмешательство, на бюрократию, ве-

⁶⁴ См. об этом, в частности: *Luhmann N., Schorr K. E. Reflexionsprobleme im Erziehungssystem. Stuttgart, 1979. 277*

дающую вопросами культуры и просвещения, и с недавних пор на капитализм, проявляющийся и здесь. Критике следовало бы начинать гораздо фундаментальнее, ибо она нацелена на последствия целей воспитания. Прежде всего следовало бы полнее учитывать, что педагогически стилизованное действие само вновь становится коммуникацией именно с таким намерением. Поэтому в педагогическом контексте неизбежна своего рода вторичная социализация. Действие приходит в систему со своими намерениями, идеалами, ролевыми требованиями, переживается и оценивается в ней. Оно, так сказать, вновь захватывается петлей самореференции и дает воспитаннику свободу реагировать на это намерение как таковое — чисто оппортунистически следовать ему либо по возможности, избегать. Воспитание стремится к выходу. Оно оценивает наличные условия: способности, предварительную подготовку, учебную дисциплину. В надежде на успех воспитание пробует разные педагогические средства ради достижения результата. Но все это дает эффекты социализации в системе, не поддающиеся оценке⁶⁵. Они трансформируют равенство в неравенство. Они создают мотивацию и лишают ее. Они присоединяют успешный опыт к успешному, а неудачный — к неудачному. Они содействуют установкам, помогающим обходу, в частности, с воспитателями, учителями, школами и школьным классом. Автономия от-дифференцированного устройства входа/выхода должна в таком случае обеспечивать корректировку реальности, созданной ею же самой, чтобы вновь управлять поведением реальности, противоречащим ожидаемому. Системе с невероятной структурой, пытающейся полностью идентифицировать себя с преобразованием входа в выход, приходится иметь дело с проблемами, вытекающими из редукции своих усилений.

Вход и выход являются упорядочивающими позициями, устанавливаемыми только относительно системы. Кроме того, речь идет о сильно редуцированных к окружающему миру через эти пункты обращения, о редукции комплексности окружающего мира на границах и посредством границ системы. Отсюда в коммуникационных процессах системы могут возникать темы, определяющие ее смысловые границы. То, что это могло бы исполниться примерно в такой форме полностью и в соответствии с реальностью, все-таки остается иллюзией — в лучшем случае хорошо функционирующей.

« В качестве (слишком оптимистичной) оценки ср.: *Dreeben R Was wir in der Schule lernen, Dt. Übers. Frankfurt, 1980. Ср. также: Luhmann N., Schorr K. E. Wie ist Erziehung möglich? II Zeitschrift für Sozialisationsforschung und Erziehungssoziologie I (1980). S. 37__54.*

278

VIII

- Лишь если смысловые границы удерживают в распоряжении различие системы и окружающего мира, возможен *мир*. Системы, конституирующие и использующие смысл, тем самым подвержены миру. Они познают свой окружающий мир, себя и все, что в них действует в качестве элемента, как отбор в горизонте, включающем в себя все наличные и дальнейшие возможности, показывающем предел и выход за него, ограничивающем необходимо и в то же время произвольно из любой позиции. Мир в этом понимании является коррелятом идентичности смысла, он весь дан в каждом смысловом элементе причем дан так, что он один и тот же для всех смысловых элементов.

Понятие мира можно задать, конечно, по-разному, например как совокупность всего пагубного для священного вне своей группы⁶⁶ либо как визави (в таком случае необходимого внемирового) субъекта⁶⁷. Представление (привлекательное прежде всего для социологов) об «интерсубъективной» конституции мира⁶⁸ также не помогает намного продвинуться вперед; оно является слишком очевидным и не достаточно плодотворным в теории. Мы вводим здесь понятие мира как понятие для *смыслового единства различия системы и окружающего мира* и тем самым используем его как предельное понятие, недифференцируемое далее. Приведенное к такой точке зрения понятие мира не обозначает (какой бы то ни было всеобъемлющей, тотальной) совокупности вещей, какой-либо *universitas re-rum**, которую нельзя было бы мыслить без

различий⁶⁹. Понимаемый как изначальное и феноменологически, мир дан как непостижимое единство. Благодаря образованию систем и относительно

⁶⁶ Так, см.: *Hofer J*, *Vorstand einer Hutteriten-Siedlung in Alberta. Canada* (1981).

⁶⁷ См. о мире как корреляте сознания, чисто интенциональном бытии: *Husserl E*. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Bd I. *Husserliana*. Bd III. Den Haag, 1950. S. 114 ff

⁶⁸ Ср.: *Schutz A*. *Das Problem der transzendentalen Intersubjektivität bei Husserl* // *Philosophische Rundschau* 5 (1957). S. 81—107; *Gutwitsch A*. *The Commonsense World as Social Reality: A Discourse on Alfred Schutz II* *Social Research* 29 (1962). P. 50—72; *Berger P. L., Lucbmann Th*. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, New York, 1966; *Sozialität und Intersubjektivität* / Hrsg. R. Grathoff, B. Waldenfels. München, 1983.

⁶⁹ Все попытки сделать это до сих пор постулируют пустоту, ничто, хаос как отличие от мира.

* Совокупность вещей (лат.). — *Прим. отв. ред.*

279

него мир становится определимым как единство различия⁷⁰. В обо* их отношениях справедливо, что понятие мира обозначает единство, актуальное лишь для смысловых систем, способных отличать себя от своего окружающего мира и на этом основании рефлексировать единство этого различия как охватывающее две бесконечности; внутреннюю и внешнюю. Таким образом, мир в этом смысле конституируется посредством от-дифференциации смысловых систем, посредством различия системы и окружающего мира. Постольку, поскольку он не является (в отличие от мира, данного феноменально) чем-либо первоначальным, архаичным, а выступает завершающим единством как итоговое представление, связанное с различием. Он является миром после грехопадения.

Тем самым совершается отказ от традиционного центрирования понятия мира в «центре», а затем и на «субъекте»⁷¹, но не просто и не без замены. Его замещает центрирование на различии; точнее, на различиях системы и окружающего мира, которые от-дифференцируются в мире и тем самым конституируют его. Каждое различие становится, таким образом, центром мира, и именно это придает миру необходимость — он интегрирует для каждого различия системы и окружающего мира все различия системы и окружающего мира, обнаруживаемые любой системой в себе и в своем окружающем мире⁷². В этом смысле мир является мультицентричным, но таким, что каждое различие может включать другие различия либо в свою систему, либо в ее окружающий мир.

На первый взгляд все это может показаться надуманным. Однако и другие понятия мира тоже не предлагают шагов, заслуживающих особого доверия. С помощью данного понятия мира мы сразу же получаем возможность предложить исследования, связывающие семантику «мира» с социально-структурным развитием общественной системы. Ибо эта эволюция, чем бы она еще ни была, как бы ни определялась и ни объяснялась, является разработкой различия си-

⁷⁰ По крайней мере, в качестве примечания следует напомнить о том, что здесь речь идет о смысловых системах, способных к самонаблюдению; и что вне системы и окружающего мира существуют и иные схемы наблюдения, задающие мир, например: фигура и фон, одно и другое.

⁷¹ Известной темой является «всемирная» история, ср., напр.: *Love-joy A. O*. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*, 1936; переиздано: Cambridge Mass., 1950. P. 108 ff.

⁷² Можно почти что вновь воспользоваться одной из патетических формул мира, принадлежащей Плинию Младшему: «*extra intra cuncta complexus in se*» (объемлющее в себе все внутреннее и внешнее (лат.). — *Прим. отв. ред.*). Ср.: *Cajus Plinius Secundus*. *Naturalis Historia* / Hrsg. Mayhoff; переиздано: Stuttgart, 1967. Vol. II, 1. P. 128 ff.

280

семы и окружающего мира на эмерджентном уровне социальных систем.

Не следует забывать, что любое «либо... либо...» должно быть введено искусственно на основании, которого оно не касается⁷³. Всякое различие навязывает себя. Оно приобретает способность к операциям, способность стимулировать получение информации через исключение третьих возможностей. Этому принципу следует классическая логика. Логика мира, наоборот, может быть лишь логикой включенного исключенного третьего. Как могли бы выглядеть логики, учитывающие это, является проблемой, обсуждаемой со времен Гегеля⁷⁴. Мы должны ограничиться здесь лишь постановкой данной проблемы.

⁷³ Ср. выше, с. 60—61 данного издания.

⁷⁴ Обсуждается прежде всего архитектура и операциональная способность такой логики. К сожалению, так называемый «спор о позитивизме» велся на гораздо более низком интеллектуальном уровне, нежели требуемый здесь. Вместо этого ср.: *Gunther G*. *Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik*. 3 Bde. Hamburg, 1976—1980. В общих теориях систем проблемы рекурсивной логики, допускающей самореференцию, и, может быть, даже «диалектической» логики также привлекают все больше внимание. См., напр.: *Foerster H. von*. *The Curious Behavior of Complex Systems: Lessons from Biology* // *Futures*

Глава 6 ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ

і

Эта глава описывает особый окружающий мир социальных систем — людей и их отношения с этими системами. Мы пользуемся понятием «человек», включающим в себя психическую и органическую системы. В связи с этим мы в значительной степени избегаем использования понятия «личность», оставляя его для обозначения социальной идентификации комплекса ожиданий в адрес отдельного человека.

Тема человека и его отношения к социальному порядку имеет давнюю традицию, которую мы не можем здесь раскрыть исчерпывающе¹. Она воплощается в «гуманистических» представлениях о нормах и ценностях. Поскольку мы хотим отмежеваться от нее, требуется точно определить точки расхождений. Ведь если традиция не может быть продолжена (а мы считаем, так всегда и бывает в случае радикального изменения структуры общества), необходимо выяснить различие, чтобы найти возможности перевода на иной язык.

Точкой расхождения выступает то, что согласно гуманистической традиции человек находился внутри, а не вне социального порядка. Он считался составной частью социального порядка, элементом самого общества. Если человек назывался «индивидуумом», то потому, что был для общества далее неразложимым предельным элементом. Невозможно было подумать о разделении его души и

¹ Ср.: *Luhmann N. Wie ist soziale Ordnung möglich? // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 195—285*

282
тела и дальнейшем их отдельном анализе. Такая декомпозиция разрушала бы то, чем является человек в обществе и для него. Соответственно, считалось, что человек не только зависит от социального порядка (с чем никто не станет спорить), но и предназначен для жизни в обществе. Форма его экзистенции могла осуществляться лишь здесь. На протяжении Средневековья политический (городской) характер общественного порядка сменился социальным; однако тем самым принцип не изменился, а лишь расширился. Из животного политического (*zoon politikon*) возникло животное социальное (*animal sociale*). В обоих случаях подразумевалось, что *природа* человека (способность к развитию, к реализации формы) определена нормативными требованиями *социального* порядка. *Природой* человека была его *мораль*, его способность приобретать либо терять уважение в социальной жизни. В этом смысле его совершенство вкладывалось в социальную реализацию. Это не исключало, что оно могло и разбиться о всякого рода коррумпированность.

Семантика такого порядка должна была быть в строгом смысле «естественно-правовой». Она должна была понимать саму природу как нормирующую. Это имело не только правовые, но и онтологические аспекты. Невозможно было не использовать уровень реальности, который еще можно было понимать как «природное бытие». Отсюда человек понимался как предельный элемент природы, а общество — как совместная жизнь людей, сложившаяся в городе, как тело особого рода, состоящее из физически не связанных тел, и, далее, как совокупность людей, человечество. Общность основывалась на понятии жизни, которое могло включать в себя «хорошую жизнь» как признак. Такое изображение в свою очередь поддерживало импульсы нормативного характера вплоть до неогуманистического представления В. Гумбольдта: человек должен реализовать в себе человечество, насколько это возможно. Как же человек мог отрицать интерес к человечеству, отклонять столь высокие запросы?

Первый шаг семантической реконструкции обнаруживается в поздних естественно-правовых (рационалистических) теориях общественного договора. Они определенным образом фиксируют изменения общественных структур, требующие больше подвижности и ослабляющие предполагаемые связи (например, с ограниченной локальной домашней жизнью)². Идея рассматривать общество как

² В качестве весьма наглядного изложения см.: *James M. Family, Lineage, and Civil Society: A Study of Society, Politics, and Mentality in the Durham Region. Oxford, 1974*. Исходя из наших теоретических предпосылок, следует учитывать прежде всего роль книгопечатания в таком развитии.

283

договор формулирует для этого переходного периода новую максиму — «свободно, но прочно». Следующее далее развитие структуры общества, политическая и индустриальная революция, диверсификация наук о человеке, подрывают и данное «свободно, но прочно». Биология,

психология и социология разделяются; и сами науки приобретают дистанцию по отношению к нормативным установлениям права, религиозным представлениям, политическим ценностям и целям. Уже в XIX в. «организменная аналогия» работает с натяжкой³ и, особенно с учетом прогресса в «биологии», неестественно⁴, с тех пор ее критикуют⁵. Гуманизм возвращается от природы к духу. Социология ставит вопрос о недоговорных основах связующего действия договоров. Человек сам по себе уже не способен к заключению договора. Своей социальностью он обязан обществу.

Вероятно, вместо того, чтобы вопреки фактам вращаться в сферах слабеющей убедительности, предпочтительнее было бы дать формулировку различия. Путь огульной критики староевропейских понятий или выводов по аналогии приводит лишь к абстрагированию от остатков традиции, которые в таком случае должны быть представлены «нонконформистски». Оказавшись на этом пути, приходят к сомнительной полемике с «конформизмом», надеясь на конформизм с «нонконформизмом». В данной ситуации напрашивается попытка перейти от безнадежных концептуализации к невероятным.

Если человека рассматривают как часть окружающего мира общества (вместо того, чтобы видеть в нем часть самого общества), то меняют предпосылки всех традиционных постановок вопроса, в том числе и классического гуманизма. Это не означает, что человека считают не столь значимым, чем традиционно. Тот, кто так считает (такое допущение явно или неявно заложено в основе любого спора с данным тезисом), не понял суть смены парадигмы в теории систем.

Это объясняется не в последнюю очередь тем, что «аналогия» как аргумент уже не столь убедительна, сколь в античности и в средневековье — что опять-таки связано с концом риторики.

⁴ Ср., напр.: *Worms R. Organisme et societe. Paris, 1895.*

⁵ В качестве типичных примеров ср.: *Kellermann P. Kritik einer Soziologie der Ordnung: Organismus und System bei Comte, Spencer und Parsons Freiburg, 1967; Gregor A. J. Political Science and the Uses of Functional Analysis // The American Political Science Review 62 (1968). P. 425-439.* Как вывод поучительный для международного права, см.: *Niemeyer G. Law Without Force: The Function of Politics in International Law. Princeton 1941 в частности p. 290 ff. 284*

Теория систем исходит из единства различия системы и окружающего мира. Окружающий мир есть конститутивный момент данного различия, таким образом, не менее важен для системы, чем она сама. Теоретическая установка данного уровня абстракции все еще вполне открыта разным оценкам. Окружающий мир может содержать гораздо более важное для системы (с любых точек зрения), нежели сами ее компоненты; но понятна и противоположная ситуация в теории. Однако при помощи различия системы и окружающего мира возникает возможность понимать человека как часть окружающего мира общества комплекснее и в то же время свободнее, нежели при его понимании как части общества; ибо окружающий мир по сравнению с системой как раз и является областью различия, обнаруживающей более высокую комплексность и меньшую упорядоченность. Так, допускается больше свободы человека в отношении *ego* окружающего мира, особенно свободы неразумного и аморального поведения. Он уже не выступает мерилем общества. Данная гуманистическая идея не может быть продолжена, ибо никто не может обдуманно и всерьез утверждать, что общество можно создать подобно человеку, увенчав головой, и т. д.

II

Мы используем понятие «взаимопроникновение» для обозначения вклада особого рода в создание систем со стороны систем окружающего мира. Данную роль понятия в отношениях системы и окружающего мира следует определить очень точно — особенно из-за распространенного нечеткого понимания взаимопроникновения⁶.

Прежде всего отметим, что речь идет не об отношении системы и окружающего мира вообще, а о межсистемных отношениях си-

⁶ У Парсонса это понятие приобретает отчетливые контуры в общей архитектуре его теории, хотя и здесь многое спорно. Ср. в связи с этим: *Jensen S. Interpenetration — Zum Verhältnis personaler und sozialer Systeme // Zeitschrift für Soziologie 7 (1978). S. 116—129; Luhmann N. Interpenetration bei Parsons // Zeitschrift für Soziologie 7 (1978). S. 299—302.* В остальном оно остается неопределенным, когда им без дальнейших пояснений обозначают лишь взаимное пересечение систем. Ср., напр.: *Breiger R. L. The Duality of Persons and Groups // Social Forces 53 (1974). P. 181—190; Munch R. 1) Über Parsons zu Weber: Von der Theorie der Rationalisierung zur Theorie der Interpenetration // Zeitschrift für Soziologie 9 (1980). S. 18—53; 2) Theorie des Handelns: Zur Rekonstruktion der Beiträge von T. Parsons, E. Durkheim und M. Weber. Frankfurt, 1982.*

стем, выступающих друг для друга окружающим миром. В сфере межсистемных отношений понятием взаимопроникновения следует обозначать более узкое предметное содержание, которое

должно отличаться прежде всего от отношений (вклада) входа и выхода⁷. Мы будем говорить о *проникновении*, если одна система предоставляет в распоряжение собственную *комплексность* (а вместе с тем неопределенность, контингентность и принуждение к отбору) *для построения другой системы*. Именно в этом смысле социальные системы предполагают «жизнь».

Взаимопроникновение соответственно имеет место в том случае, когда такое положение вещей имеет место взаимно, таким образом, если обе системы содействуют друг другу благодаря тому, что всякий раз вносят свою собственную, уже конституировавшуюся, комплексность в другую. В случае проникновения можно наблюдать, что *поведение* проникающей системы со-определяется поведением принимающей (и, пожалуй, вне ее протекает ненаправленно и беспорядочно, как поведение муравья без муравейника). В случае взаимопроникновения принимающая система оказывает обратное воздействие и на *образование структуры* проникающих систем; таким образом, она вторгается в них дважды: извне и изнутри. В таком случае, вопреки (нет, благодаря!) такому усилению зависимостей, возникает возможность большей свободы. Это также означает, что в ходе эволюции взаимопроникновение сильнее, чем проникновение, индивидуализирует поведение.

Это положение имеет особую силу в отношении людей и социальных систем. Понятие взаимопроникновения дает ключ к его дальнейшему анализу. Оно заменяет не только естественно-правовые учения, но и попытки в социологии работать с основными понятиями ролевой теории, с понятийным аппаратом, касающимся потребностей, с понятиями теорий социализации. Как взаимопроникновение данное отношение может быть понято более фундаментально, нежели через перечисленные социологические концепции. Взаимопроникновение не исключает их, а включает в себя.

Напоминаем, что комплексность означает, что большое количество элементов, в данном случае — действий, может быть связано лишь избранным образом. Следовательно, комплексность означает необходимость отбора. Эта необходимость является в то же время свободой, а именно свободой по-разному обуславливать выбор. Отсюда определение действия обычно имеет разные источники, психические и социальные. Стабильность (= предсказуемость) действий определенного рода есть, следовательно, результат комбина-

⁷ Ср. гл. 5, VII.

286

ционных игр, игр по смешиванию мотивов. Эволюция отфильтровывает то, что приемлемо как психически, так и социально, и затем снова разрушает виды, ситуации, контексты и системы действий тем, что лишает их психического или социального обуславливания. Достаточно лишь представить себе, что «застройщик» 1883 г. попробовал построить дом в сегодняшних условиях — его ожидания почти не имели бы связей не только в технической, но и именно в социальной сфере; он разочаровал бы всех, имеющих с ним дело. Невозможно переоценить центральный момент данной концепции: взаимопроникающие системы остаются друг для друга окружающим миром⁸. Это означает, что комплексность, предоставляемая ими во взаимное распоряжение, является для соответствующей воспринимающей системы непостижимой, т. е. беспорядком. Поэтому можно также утверждать, что психические системы обеспечивают социальные беспорядком, и наоборот. Таким образом, взаимопроникновение не ставит под сомнение собственный выбор и автономность систем. Даже если и нужно было бы представить себе системы как полностью детерминированные, то вследствие взаимопроникновения они были бы инфицированы хаосом и непредсказуемостью своих элементарных событий. Всякая репродукция и образование структуры тем самым предполагает комбинацию порядка и беспорядка — собственной структурированной и непостижимой чужой, упорядоченной и свободной комплексности. Построение социальных (равно как и психических) систем следует принципу «порядка из шума» (Ферстер). Социальные системы возникают на основе шумов, производимых психическими системами при их попытках вступить в коммуникацию.

Посредством данной формулировки понятия сознательно оставлен гораздо более легкий путь сделать ставку на элементы, из которых состоят взаимопроникающие системы. Можно было бы поддаться искушению ограничиться тезисом о том, что люди и социальные системы пересекаются в отдельных элементах, а именно в действиях. Тогда действия — это действия людей, но в то же время, вероятно, и компоненты социальных систем. Без человеческого действия нет никаких социальных систем, и наоборот, человек может обретать способность действовать лишь в социальных системах. Такое понимание является не ложным, а слишком упрощенным. *Поня-*

⁸ Само собой разумеется, это справедливо и для других случаев взаимопроникновения. Так («собственный»)

организм является окружающим миром психической системы, клетки мозга — окружающим миром нервной системы и т. д. О поведенческой и биологической системе см.: *Kuhn A. The Logic of Social Systems. San Francisco, 1974. P. 40.*

287

тие элемента *не есть предельный элемент* системнотеоретического/ анализа; это мы выяснили уже в анализе понятий комплексности'я самореферентной системы. Соответственно мы де-онтологизировали понятие элемента⁹. События (действия) ни в коем случае не есть элементы без субстрата. Однако их единству не соответствует какое-либо единство их субстрата; оно создается в работе системы посредством способности к присоединению¹⁰. Элементы сами конституируются системами, которые из них состоят, и в связи с этим имеет значение то обстоятельство, что комплексность требует избирательного соотнесения элементов. Таким образом, нельзя ограничиваться указанием на элементы как на камешки мозаичной картины, ибо сразу же возникает вопрос, как объяснить способность избирательного конституирования элементов. Теория систем использует структурные условия избирательности намного радикальнее, чем «теория действия». Касаясь данного вопроса, понятие взаимопроникновения должно обозначать не только взаимное пересечение в элементах, но и взаимный вклад в их избирательную конституцию, ведущий в итоге к такому пересечению. Решающим является то, что комплексность человека может развиваться прежде всего в отношении социальных систем и в то же время используется ими для того, чтобы, если можно так выразиться, извлекать из нее действия, удовлетворяющие условиям социальной комбинаторики.

Хотя и верно, что взаимопроникающие системы сходятся в отдельных элементах, т. е. используют одни и те же элементы, однако *они придают им всякий раз разную избирательность и разную способность присоединения, разное прошлое и разное будущее*. Так как речь идет о темпорализированных элементах (событиях), конвергенция возможна лишь в настоящем. Отсюда элементы, пусть и идентичные как события, означают в участвующих системах разное — они все время выбирают из разных возможностей и всякий раз приводят к иным последствиям. Это означает, не в последнюю очередь, что ближайшая конвергенция *снова есть отбор*; что, та-

⁹ Ср.: гл. 1, II, пункт 4.

¹⁰ Здесь особенно очевидны параллели и расхождения с кантонской трактовкой проблемы комплексности. Кант тоже исходит из разнообразия и ставит вопрос о пути к единству. Однако из-за того, что он пытается дать ответ путем ссылки на синтез сознания, постановка вопроса в целом «психологизируется»; но так как это опять-таки неприемлемо, приходится пользоваться трансцендентализмом. Сегодня, напротив, склоняются к ре-натурализации постановки вопроса (включая теорию познания), не возвращаясь тем самым к онтологии.

288

ким образом, в процессе взаимопроникновения происходит репродукция различия систем. Лишь так вообще возможна двойная кон-тингентность *как контингентность* — т. е. как нечто такое, что благодаря комплексности, заложенной в ее основе, всегда может быть иным и должно учитываться вместе с данным указанием на иные возможности.

Данная концепция позволяет дать окончательный ответ на вопрос, оставленный открытым при рассмотрении проблемы двойной контингентности (глава 3). Понятие взаимопроникновения отвечает на вопрос об условиях возможности двойной контингентности. Оно избегает при этом ссылки на природу человека или возвращения к субъективности сознания (будто бы все обосновывающей). Понятие взаимопроникновения не формулирует проблему и в качестве проблемы «интерсубъективности» (предполагающую субъектов). Исходным является, скорее, вопрос о том, какие предпосылки реальности должны быть налицо, чтобы возник частый и плотный опыт двойной контингентности и тем самым — социальные системы. Ответом служит взаимопроникновение. В то же время оно уточняет предпосылки самого вопроса. Речь идет не просто о таком устройстве мира, при котором его верхние слои не могут создаваться раньше, чем закончены нижние. Скорее, вместе с эволюцией более высоких уровней самого образования систем эти предпосылки приводятся в форму, удобную для этого. Они возникают при их использовании. Поэтому эволюция возможна лишь через взаимопроникновение, т. е. через *взаимное* содействие. Эволюция является в этом смысле, с точки зрения теории систем, более циркулярным процессом, конституирующимся в реальность (а не в ничто!).

Необходимость различать действие и коммуникацию также получает в понятии взаимопроникновения дополнительные смысловые коннотации. Действие требует отнесенности к индивиду как момент своего конституирования. Таким образом, оно возникает по принципу разделения. Коммуникация же, напротив, осуществляется через совпадение трех различных отборов. Совпадение не может происходить иногда, случайно, а должно регулярно воспроизводиться и ожидаться. Для этого в случае достаточного подтверждения возникает собственная

система — социальная система, которая, однако, должна включать в себя способность к производству отбора. По крайней мере, для сообщения и понимания, а во многом и для производства фактов, выступающих в коммуникации в качестве информации, требуются люди. Поэтому взаимопроникновение, т. е. соуправление комплексностью при построении эмерджентной системы, имеет место в форме коммуникации; и наоборот, каждый

ЮЗак. №4161

289

конкретный запуск коммуникации предполагает отношение взаимопроникновения. Данная циркулярность вновь показывает, что социальные системы могут возникать лишь как самореферентные. Кроме того, она подтверждает, что их образованию способствуют не определенные, уже имеющиеся характеристики человека (например, наличие центральной нервной системы, подвижного большого пальца, способности к членораздельным звукам и слушанию своего голоса и т. п.), а то, что все эти характеристики приводят к образованию социальных систем лишь тогда и потому, что они *полагаются в качестве темпорализированной комплексности*, которая в каждый момент *выбирает* свои состояния и, будучи *в них*, может воспринимать воздействия.

Наконец, в данные размышления входит эмпирически подтвержденная гипотеза: социальные системы, способные использовать более комплексные психические системы, имеют менее высокую потребность в структуре¹¹. Они способны выдержать большую нестабильность и более стремительные структурные изменения. Они скорее могут быть подвержены случайностям, разгружая тем самым свой нормативный механизм. Это тоже понятно, лишь если комплексность и взаимопроникновение понимать как необходимость отбора, усиливающуюся по мере роста, и как явную обусловленность именно такой необходимостью.

Взаимопроникновение нельзя представлять себе ни как связь двух отдельных вещей, ни как две частично пересекающиеся окружности. Все пространственные метафоры здесь особенно вредны. Решающее значение состоит в том, что *границы одной системы могут быть переняты в операционную область другой*. Так, границы социальных систем попадают в сознание, относящиеся к психическим системам. Тем самым сознание подхватывает и поддерживает возможность проводить границы социальных систем как раз потому, что они не есть в то же время границы сознания. То же самое справедливо и в противоположном случае — границы психических систем попадают в область коммуникации социальных систем. Коммуникация прямо-таки вынуждена постоянно ориентироваться на то, что психические системы уже приняли в свое сознание, а что — нет. Это также возможно лишь потому, что границы психических систем не являются в то же время границами коммуникативных возможностей. Каждая система, участвующая во взаимопроникнове-

¹¹ Ср.: *Stager P. Conceptual Level as a Composition Variable in Small-Group Decision Making II Journal of Personality and Social Psychology 5*

290

нии, реализует в себе самой иную систему как ее различие системы и окружающего мира, не распадаясь при этом сама. Так, каждая система может осуществлять в отношении другой свое превосходство в комплексности, свои способы описания, свои редукции и на этой основе предоставлять в распоряжение другой свою комплексность.

Системный вклад взаимопроникающих система друг в друга состоит, таким образом, не в предоставлении ресурсов, энергии, информации. Конечно, и такое возможно. Например, человек что-то видит и рассказывает об этом, содействуя тем самым социальной системе информацией. Однако то, что мы называем взаимопроникновением, все-таки есть более глубинная связь, связь не вкладов, а конституций. Любая система стабилизирует свою комплексность. Она поддерживает стабильность, хотя и состоит из событийных элементов, таким образом, она вынуждена своей структурой к постоянной смене состояний. Так она одновременно производит сохранение и изменения, обусловленные структурно. Несколько обостряя, можно было бы сказать: любая система стабилизирует свою нестабильность. Тем самым она гарантирует непрерывную репродукцию еще неопределенных потенциалов. Их определение может быть обусловлено. Обусловливание всегда происходит самореферентно и, таким образом, всегда является моментом аутопойетической репродукции своих элементов; однако при этом оно, именно потому, что чистая самореферентность была бы тавтологичной, постоянно воспринимает стимулы из окружающего мира. Поэтому самореферентные системы в состоянии поддерживать наготове наличный потенциал построения систем на эмерджентных уровнях реальности и настраиваться на созданный тем самым особый окружающий мир. Понятие взаимопроникновения, как видно, влечет за собой следствия из смены парадигмы в теории систем — переходу к парадигме система окружающий мир и к теории самореферентных систем. Оно предполагает смену теоретической позиции и в том отношении, что понимает автономию взаимопроникающих систем как усиление и отбор зависимостей от окружающего мира.

III

О взаимопроникновении речь должна идти лишь тогда, когда системы, предоставляющие свою комплексность, также являются аутопойетическими. Поэтому взаимопроникновение есть взаимоотношение аутопойетических систем. Такое ограничение поня-

291

тийной области обеспечивает возможность рассматривать классическую тему человека и общества под более широким углом зрения, который не сразу задан значением термина «взаимопроникновение».

Как саморепродукция социальных систем, запуская коммуникацию коммуникацией, протекает словно сама по себе, если не прекращается вообще, так существуют и виды воспроизводства, самореферентно замкнутые на человека, которые при грубом рассмотрении, достаточном здесь, можно различать как органические и психические. В одном случае средой и формой проявления¹² является *жизнь*, в другом — *сознание*. Аутопойесис как жизни, так и сознания является предпосылкой образования социальных систем, что означает в том числе, что социальные системы могут осуществлять собственную репродукцию лишь в том случае, если гарантирована продолжительность жизни и сознания.

Это высказывание звучит тривиально. Оно никого не удивит. Тем не менее концепция аутопойесиса вносит в картину дополнительные перспективы. Как для жизни, так и для сознания саморепродукция возможна лишь в закрытых системах. Это дало возможность философии жизни и философии сознания называть свой предмет «субъектом». Несмотря на это, аутопойесис на обоих уровнях возможен лишь в экологических условиях, а к условиям окружающего мира саморепродукции человеческой жизни и сознания относится общество. Чтобы сформулировать такое понимание, следует, как уже неоднократно подчеркивалось, выразить закрытость и открытость систем не как противоположность, а как отношение условий. Социальная система, основанная на жизни и сознании, со своей стороны, обеспечивает аутопойесис данных условий тем, что способствует их постоянному обновлению в закрытой репродукционной связи. Жизни и даже сознанию не нужно «знать», что они так себя ведут. Однако они должны организовывать свой аутопойесис так, чтобы закрытость функционировала как базис открытости.

Взаимопроникновение предполагает способность включения различных видов аутопойесиса — в нашем случае органической жизни, сознания и коммуникации. Оно не превращает аутопойесис в аллопойесис, тем не менее создает отношения зависимости, имеющие свое эволюционное подтверждение в том, что они совместимы с аутопойесисом. Отсюда становится яснее, почему понятие смысла в отношении техники построения теории должно иметь столь высо-

¹² Я дополнительно называю «форму проявления», чтобы указать на возможность наблюдения, возникающую в результате аутопойесиса.

292

кий ранг. Смысл способствует взаимопроникновению психических и социальных системных образований при сохранении их аутопойесиса; смысл способствует самопониманию и дальнейшему самопродолжению сознания в коммуникации и в то же время обратному отнесению коммуникации к сознанию участников. Тем самым понятие смысла оставляет понятие *animal sociale*. Это не есть свойство живых существ особого рода, а есть богатство смысловых указаний, обеспечивающее образование общественных систем, благодаря которым люди обладают сознанием и способны жить.

Это обстоятельство проясняет, когда чистую саморепродукцию как просто продолжение жизни, сознания, коммуникации отличают от структур, с помощью которых она осуществляется.

Аутопойесис — это источник комплексности, неопределенной для системы. Структуры служат определяющей редукции и именно благодаря этому обеспечивают репродукцию неопределенности, которая при определении вновь и вновь выступает как горизонт возможностей. Лишь вместе они обеспечивают взаимопроникновение. Отношение взаимопроникновения выбирает в таком случае, со своей стороны, структуры, обеспечивающие саморепродукцию взаимодействующих систем. Или, пользуясь формулировкой Матураны, «ауто-пойетическая система есть система с изменяющейся структурой, позволяющей останавливать выбор на непрерывном существовании посредством интеракции в среде, в которой система реализует свой аутопойесис», а отсюда следует, что «аутопойетическая система либо имеет постоянную структурную стыковку со средой, либо распадается»¹³.

Таким образом, подразумеваемое здесь предметное содержание можно сделать доступным лишь посредством сложных формулировок. Это — *различие и тесный взаимный охват аутопойесиса и структуры* (причем один постоянно воспроизводящийся, а другая — дискретно меняющаяся), необходимые для осуществления обоюдного взаимопроникновения между *органически-*

психически-

" *Maturana H. R. Man and Society // Autopoiesis, Communication, and Society: The Theory of Autopoietic System in the Social Sciences / Ed. f. Ben-seler, P. M. Hejl, W. K. Kock. Frankfurt, 1980. P. 1—31 (12). Под «средой» в данной цитате подразумевается социальная система. Впрочем, высказывания Матураны о социальных системах и об их собственном аутопойесисе все же неполноценны из-за того, что он как биолог считает социальные системы живыми и в недостаточной мере понимает их как «совокупность (.) взаимодействующих живых систем» (Р. 11). Таким образом, у Матураны отсутствует удовлетворительный анализ того обстоятельства, которое мы здесь пытаемся понять как взаимопроникновение.*

293

ми и социальными системами. Понимание этой ситуации предполагает данное взаимодействие большинства различий. Теряя из виду хотя бы одно из них, срываются обратно в старую и всегда бесплодную идеологическую дискуссию об отношении индивида и общества.

Принятые понятийные решения позволяют распрощаться с любыми мифами об общности — точнее, отослать их на уровень самоописания социальных систем. Если общность означает частичное сплавление личностных и социальных систем, то это прямо противоречит понятию взаимопроникновения. Чтобы выяснить этот вопрос, будем различать инклюзию и эксклюзию. Взаимопроникновение ведет к инклюзии постольку, поскольку комплексность вкладывающихся систем используется принимающими на совместных началах. Однако оно приводит и к эксклюзии, поскольку большинство взаимодействующих систем, чтобы обеспечивать взаимопроникновение, должны отличаться своим аутопойесисом. Говоря менее абстрактно, участие в социальной системе требует от человека личного вклада и приводит к тому, что люди отличаются друг от друга, действуют по отношению друг к другу эксклюзивно; ибо они должны сами вносить свой вклад, должны сами себя мотивировать. Как раз когда они кооперируются, вопреки любому природному сходству требуется выяснить, кто какой вклад вносит. Э. Дюрк-гейм сформулировал это как различие механической и органической солидарности; но речь идет не о разных формах взаимопроникновения, а о том, что более глубокое взаимопроникновение требует больше инклюзии и больше (взаимной) эксклюзии.

Вытекающая отсюда проблема решается посредством «индивидуализации» личностей.

Выведение следствий для теории психических систем выходит за рамки данной главы. Однако мне кажется (это все-таки следует отметить), что в данном контексте вновь всплывают некоторые темы и даже амбиции философии сознания. Правда, мы отказываемся от утверждения, что сознание есть субъект. Оно является им лишь для самого себя. Несмотря на это, можно дополнить, что аутопойесис в среде сознания является одновременно закрытым и открытым. Каждой структурой, воспринимаемой, адаптируемой, изменяемой или отклоняемой им, он связан с социальными системами. Это справедливо для «распознавания образов», для языка и для всего остального. Несмотря на это сцепление, он поистине автономен, так как структурой может быть лишь то, что способно направлять и воспроизводить в себе аутопойесис сознания. Тем самым обнаруживается и доступ к потенциалу сознания, трансцендирующему любой соци-

294

альный опыт, и к такой типизации потребностей в смысле, которая гарантирует сознанию его аутопойесис при смене всех специфических смысловых структур. В связи с исследованием «интерпретаций жизни» Д. Г. Глюк рассматривал счастье и нужду как истолкования жизни, пронизывающие все сознание, не будучи выраженными и изменяемыми в смысловых формах¹⁴.

IV

Если исходить из данного вывода о том, что взаимопроникновение обеспечивает отношение автономного аутопойесиса и структурной стыковки, то в дальнейшем можно рассмотреть и уточнить понятие «связывания». Оно должно касаться отношения структуры и взаимопроникновения.

Образование структуры невозможно ни в вакууме, ни лишь на основе аутопойесиса структурообразующей системы. Оно предполагает наличие «свободных», несвязанных материалов и энергии или, говоря абстрактнее, еще не вполне определенных возможностей взаимодействующих систем. Связывание в таком случае есть определение смысла использования данных открытых возможностей посредством структуры эмерджентной системы. Можно вспомнить о связывании нейрофизиологических процессов запросами памяти, т. е. о накоплении информации. В нашем случае речь идет, конечно, о связывании психических возможностей социальными системами.

Тем самым можно объединить и унифицировать множество несогласованных употреблений похожих представлений. Чаще всего понятие вводится как обыденное (или как основное?) и употребляется без дальнейших комментариев. Часто используемая формулировка связывания по времени ("time-binding") принадлежит А. Кор-жибскому и обозначает прежде всего способность языка обеспечивать доступ к единому смыслу¹⁵. Т. Парсонс, тоже без дальнейших

¹⁴ См.: *Gluck D. H. Fluchtlinien: Philosophische Essays. Frankfurt, 1982. S. 11 ff.*

¹⁵ *Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-aristotelian Systems and General Semantics. 1933; переиздано: 3 ed. Lakeville Conn., 1949. См. также трактовку связывания по времени ("time-binding") как «элемен-*

тарного свойства нервной системы»: *Pribram K. H. Languages of the Brain*. Englewood Cliffs, 1971. P. 26; кроме того, см. космологические генерализации по поводу идеи связи пространства и времени: *Jantsch E. The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution*. Oxford, 1980. P. 231 ff. 295

пояснений, формулирует два разных понятия, отношение между которыми не прояснены: обязывающие ценности (*value commitment*) как среда социальной системы для сохранения образца (*pattern maintenance*) и коллективно связывающие решения (*collectively binding decisions*) как функция политики. За ключевым словом «связывающие» обнаруживаются многочисленные чисто социологические и социально-психологические исследования, которые по определению можно свести к своего рода собственным обязательствам индивида, к исключению контингентности, к ограничению возможности выбора или же к связыванию по времени, причем (социально-психологическое) участие других систем или социальных систем (социологическое) чаще всего также входит в понятие¹⁶. Понятие предлагает одну из позитивных генерализаций, охотно используемую американскими социологами¹⁷; однако, точнее говоря, то, что связывает, само по себе как таковое не есть ни благое, ни дурное; оно может сделать счастливым и несчастным, помочь и навредить как психическим, так и социальным системам.

Сегодня наблюдается тенденция сдвига представлений об *обосновании* связываний, что является еще одним направлением их исследования; сдвиг идет от ссылок на супернормы естественного

¹⁶ Ср., напр.: *RobyTh.B. Commitment // Behavioral Science* 5 (1960). P. 253—264; *Gouldner H. P. Dimensions of Organizational Commitment // Administrative Science Quarterly* 4 (1960). P. 468^90; *Becker H. S. Notes on the Concept of Commitment // American Journal of Sociology* 66 (1960). P. 32—40; *Moore W. E., Feldman A. S. Spheres of Commitment // Labor Commitment and Social Change in Developing Areas / Ed. A. S. Feldman*. New York, 1960. P. 1—77; *Kerr C. et al. Industrialism and Industrial Man: The Problems of Labour and Management in Economic Growth*. Cambridge Mass., 1960, в частности p. 170 ff.; *Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations: On Power, Involvement and Their Correlates*. New York, 1961; *Korn-hauser W. Social Bases of Political Commitment: A Study of Liberals and Radicals // Human Behavior and Social Process: An Interactionist Approach / Ed. A. M. Rose*. Boston, 1962. P. 321—339; *The Psychology of Commitment: Experiments Linking Behavior to Belief / Ed. A. Kiesler*. New York, 1971; *banter R. M. Commitment and Community*. Cambridge Mass., 1972; *Johnson M. P. Commitment: A Conceptual Structure and Empirical Application // Sociological Quarterly* 14 (1973). P. 395—406; *Rosenblatt P. C. Needed Research on Commitment in Marriage // Close Relationship; Perspectives on the Meaning of Intimacy / Ed. G. Levinger, H. L. Raush*. Amherst Mass., 1977. P. 73—86. Примеры должны продемонстрировать, что данное понятие стало модным в 1960-е годы в связи с поисками иной точки опоры в кризисе лояльности и мотивации в индустриальную эпоху, затем сместилось в сторону более личностного и частного.

¹⁷ См. об этом, в частности: *Holland R. Self and Social Context*. New York, 1977.

296

права («*practa sunt servanda*»*) или минимальных условий любого порядка («как пройти туда-то?...») к временным последовательностям. Каждое событие такой последовательности обладает избирательным эффектом¹⁸, исключает одни возможности и открывает другие. Вследствие этого чисто фактически возникает ответственность и вводятся связывания, которые затем могут быть проинтерпретированы в системе нормативно и рассмотрены как обязательства. Так возникает уровень бесспорного, «договорный порядок» при продолжающемся диссенсусе и невзирая на сознательные различия. Различия не снимаются, они лишь нейтрализуются для специфических операций присоединения.

В связи с другими исследованиями появляются такие понятия, как сцепление ("coupling") или скрепление ("bonding")¹⁹. Они обозначают временную связь независимых единств. При этом перспектива наблюдателя находится на переднем плане. Она не проникает внутрь единств, но может устанавливать, что они порой объединяются, в различных переменных принимают одинаковые или комплементарные значения или же действуют как единая система.

Из данной совокупности разнородных теоретических фрагментов можно извлечь основную идею. Связывания осуществляются актами отбора, способными (более или менее надежно) исключать иные возможности. Речь идет не о результате природного влечения этих процессов к отбору; связывания не есть и результат применения ценностей или норм к предметному содержанию либо одобрения лучших состояний и т. п. Они могут быть дополнительно изображены так в защитной семантике, однако это не объясняет ни их генезиса, ни их имманентной историчности.

Возникновение связыва-

¹⁸ Ср., напр.: *Hewes D. E. The Sequential Analysis of Social Interaction // Quarterly Journal of Speech* 65 (1979). P. 56—73; *Manderscheid R. W., Rae D. S., McCarrick A. K., Silbergeld S. A Stochastic Model of Relational Control in Dyadic Interaction // American Sociological Review* 47 (1982). P. 62—75.

¹⁹ Ср.: *Classman R. B. Persistence and Loose Coupling in Living Systems // Behavioral Science* 18 (1973). P. 83—

98; Weick K. E. Educational Organizations as Loosely Coupled Systems // Administrative Science Quarterly 21 (1976). P. 1—19. Об использовании термина "bonding" см., напр.: Zeleny M. Self-organization of Living Systems: A Formal Model of Autopoiesis // International Journal of General Systems 4 (1977). P. 13—28, или: Uribe R. B. Modeling Autopoiesis // Autopoiesis: A Theory of Living Organization / Hrsg. M. Zeleny. New York, 1981. P. 51—62. О понятии "systemic linkage" в социологии см.: Loomis Ch. P. 1) Tentative Types of Directed Social Change Involving Systemic Linkage // Rural Sociology 24 (1959). P. 383—390; 2) Social Systems: Essays on Their Persistence and Change. Princeton, 1960.

* «Договоры должны соблюдаться» (лат.). — Прим. пер.

297

ваний в значительной степени случайно, т. е. не мотивировано преимуществами самого соединения. Однако если соответствующие отборы запущены, то они демонстрируют тенденцию к самбусиле-нию, опирающуюся на необратимость времени. Затем это доводится до чистоты в форме чувств или оправдательных оценок. Можно утверждать, что избирательно реализованное соединение уже отсутствует. В таком случае силу связывания, как например в мифе о любви, можно прямо объяснить свободой выбора. Однако это лишь переводит парадоксальность избранного связывания, *necessita seg-cata**, произвольной фатальности в семантику, которая хвалит то, что и так невозможно изменить.

V

Отношения взаимопроникновения и связываний существуют не только между человеком и социальной системой, но и между людьми. Комплексность одного человека будет иметь значение для другого, и наоборот. Если речь идет именно об этом, то мы будем говорить о межчеловеческом взаимопроникновении²⁰, и нам следует учесть данное обстоятельство, прежде чем говорить о социализации.

Понятие взаимопроникновения при таком использовании не меняется. Отношение человека к человеку приводится тем самым к такому же пониманию, что и отношение человека к социальному порядку²¹. В таком случае именно в идентичном понятии обнаруживаются разные феномены в зависимости от того, к каким видам систем оно относится.

Само собой разумеется, что отношение человека к человеку остается социальным феноменом. Лишь как таковое оно интересует социологию. Это означает не только то, что условия и формы его осуществления являются социальными и зависят от дальнейших социальных условий. Помимо этого социальные условия и формы входят и в то, что люди предоставляют друг другу как свою комп-

О терминологии: отходя от прежнего словоупотребления, я не говорю здесь о межличностном взаимопроникновении, так как следует учитывать также телесное поведение и так как психическое не должно полагаться в социально конституированной форме персональности.

О семантической традиции, на которую намекает данная двойная постановка вопроса ср.; Luhmann N. Wie ist soziale Ordnung möglich? // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd2. Frankfurt, 1981. S. 195—285.

* Избранной необходимости (итал.). — Прим. пер. 298

лексность. Лишь благодаря социальной системе общества люди могут быть комплексными в той степени, которая имеет место, — в смысле строго формального понятия комплексности²². Эти ссылки не исключают изучения феномена межчеловеческого взаимопроникновения как такового. При этом следует учесть, что всегда вследствие изменения в ходе эволюции социальных предпосылок конституции людей подразумевается исторически относительный феномен; исторически относительный из-за постоянно допускаемого взаимопроникновения людей и социальных систем.

Для лучшей формулировки обозначим отношение межчеловеческого взаимопроникновения как *интимное* — понимая тем самым интимность как обстоятельство, способное к усилению. Интимность начинается, когда все больше и больше областей личных переживаний и физического поведения одного человека становится доступным и значимым для другого, и это обстоятельство становится взаимным. Такое возможно, лишь если двойная контингентность операционализируется через личное отнесение. Поведение Alter в таком случае не просто развертывается в соответствии с ситуацией, а постигается как внутренне управляемый отбор — обусловленный комплексностью собственного мира²³ Alter, а не просто комплексностью окружающего мира Ego (в котором Alter выступает наряду со многими другими). Alter познает себя находящимся в своем мире. Условие о том, что сам он действует исходя из своего мира, обеспечивает отнесение такого рода, которое обосновывает интимность.

Таким образом, генезис интимности невозможно понять ни эволюционно-исторически, ни в отдельном случае при помощи схемы эгоизм/альтруизм (хотя данная схема также поддерживает процессы отнесения и, так сказать, помогает распознавать). Соответственно

²² Здесь было бы уместно сравнение с другими формулировками подобных высказываний. На то место, где выше по тексту речь идет о комплексности, сегодня часто ставят понятие индивидуальности или идентичности. Однако тогда сталкиваются с проблемой необходимости точно указывать, что подразумевают, когда индивидуальность или идентичность считают социально более сильным обстоятельством по шкале «больше-меньше». (В отношении «комплексности» сделать подобное прояснение тоже нелегко из-за многомерности понятия, хотя и не столь безнадежно, как в случае индивидуальности и идентичности.) В остальном различие между двумя формами теории не столь велико, как может показаться, так как понятие комплексности тоже всегда обозначает единство комплексного, а не следующие отсюда множество и разнообразие как таковые.

"Мира в смысле, поясненном выше, на с. 279—281 данного издания, т. е. в смысле двойного горизонта отношения системы и окружающего мира.

299

теории, пользующиеся представлением о взаимном поощрении, упускают проблему. Грубо говоря, любят не за подарки, а за их значение. Оно состоит не в передаче поощрений, не в косвенном удовлетворении собственных потребностей, опосредованном другими²⁴, а именно во взаимопроникновении — не в услугах, а в комплексности другого, приобретаемой через интимность в качестве момента своей собственной жизни. Оно заключается в новой, эмерджентной реальности, которая, как умеет говорить семантика любви с XVII в., проходит поперек обычного мира и создает свой собственный²⁵.

В противоположность длительной традиции, которая вплоть до конца XVII в. описывалась как дружба, в интимности личных отношений невозможно усмотреть совершенную форму социальных систем или даже подлинное «средоточие» общества. Усиление интимности обусловлено функциональной от-дифференциацией соответствующих мелких систем. Оно требует в существенных отношениях нетипичного поведения или даже, как часто предполагают, непостоянного поведения. Интимность из-за ее зависимости от специфических форм отнесения не может стать рутинной. В любовном кодексе XVII в. это звучало в требовании «эксцессов», в XVIII в. — становится утонченностью, в XIX столетии — бегством от мира труда²⁶.

Стабильным компонентом всех этих трансформаций является интерес к социальным формам, способным учитывать растущую индивидуализацию личности и ее признание в социальных контактах. Свое «я» посредством особых признаков, относящихся лишь к нему, становится предметом коммуникаций, в которые оно втягивается. Оно представляет себя, оно наблюдает себя с точки зрения не только соблюдения норм, но и сугубо личных особенностей. Только если такой интерес к своей индивидуальности утвердился в общест-

²⁴ Такой взгляд обнаруживается на протяжении всего XVIII в. и у современных психологов. См., напр. (на пути к соответствующей теории двойной контингентное™); *Sears R. R. A Theoretical Framework for Personality and Social Behavior* *American Psychologist* 6 (1951). P. 476—483 — по крайней мере, с той точки зрения (в противоположность формулировкам, представленным выше по тексту), что личности вступают в интеракцию как «потенциалы действия».

²⁵ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Liebe als Passion: Zur Codierung von Intimität*. Frankfurt, 1982.

²⁶ Однако в качестве нескольких типичных, но совершенно произвольных примеров, см.: *Jaulnay (Charles)*. *Questions d'amour ou conversations galantes: Dediees aux Belles*. Paris, 1671; *Rabuiin B. Histoire amoureuse des Gaules*. Paris, 1856; переиздано: *Nendeln/Liechtenstein*. 4 t. 1972, в частности: Т. 1. P. 347—398; *СзѣблПон С. (fils)*. *Les egarements du cœeur et de Pesprit* (1736); цит. no: (*Euvres completes*. London, 1777. Т. III; *Michelet J.* *L'amour*. Paris, 1858.

300

венной и культурной сфере, дело может дойти до от-дифференциации интимных отношений, в которые каждый вкладывает все свое самое существенное и получает его обратно в улучшенном состоянии. Феномен интимного взаимопроникновения между людьми нуждается в объяснении в большей мере, чем это сегодня обычно считается. Мы используем в связи с этим размышления, связанные с теорией отнесения. Тот, кто рискнул на социально не гарантированные, сами по себе весьма невероятные интимные отношения с другим²⁷, должен найти ориентиры, позволяющие прежде вероятному их распаду выступить в качестве невероятного. В данном противодействии энтропии он может найти опору лишь в индивидуальности партнера. Все остальные ресурсы находятся вне системы, специализирующейся на межлическом взаимопроникновении. Поэтому он прочитывает поведение другого, исходя из стабильных личностных признаков, в то же время пригодных для того, чтобы прояснить обращение партнера именно к данному интимному отношению. Собственное «я» другого становится исходной точкой в какой-то мере парадоксальной атрибуции — оно должно дать возможность распознать стабильные диспозиции и одновременно обеспечить готовность трансцендировать самого себя в направлении другого, таким

образом, готовность следовать не только своим интересам и привычкам²⁸.

Эту парадоксальность можно разрешить лишь в том случае, если партнер понимается не просто как сумма отличительных признаков или свойств, а как индивидуализированное отношение к миру²⁹. Тогда становится ясно, что в его мире тот, к кому он обращается, имеет место и может приобрести значение, специфическое для данного мира. Ego, задающийся вопросом о том, любит ли его Alter, должен, таким образом, видеть Alter как alter Ego, для которого Ego в качестве Alter превращается в мотив выхода за свои пределы. Отнесение к иному «я» как таковому, гарантирующее непрерывность даже в том случае, если оно изменяется, если действует вне своих привычек, если откладывает свои интересы, предполагает не только двойную контингентность, но и отношения системы и окружающего мира, взаимопроникающие в этой контингентности. Лишь благо-

²⁷ Об этом риске см.: *Slater Ph. E. On Social Regression II American Sociological Review* 28 (1963). P. 339—364.

²⁸ По поводу требований к диспозиционной атрибуции ср.: *Kelley n. n. Personal Relationships: Their Structures and Processes*. Hillsdale N. J. New York, 1979, в частности p. 93 ff.

²⁹ *Формулировка* этой концепции обязана, как известно, романтикам и неогуманизму, прежде всего В. фон Гумбольдту.

301

даря этому возможно понимание, локализирующее собственное ««» в мире другого и другое «я» — в своем мире.

Прежние теории были способны сформулировать данное предметное содержание лишь более или менее тавтологично. Они обращались к таким способностям, как чуткость, эмпатия, симпатия (хотя и предупреждали, что сон нельзя объяснить через *vis dormiti-va**)³⁰. Теория отнесения, напротив, исходит из наблюдаемого поведения и ставит вопрос о том, как люди относят поведение к его причинам; и лишь при анализе условий и форм отнесения она вводит требования завышенной невероятности, зависящие от культуры и интеракции, соответствующие тому, что прежде ждали от эмпатии. Следствием является, как видно из вышеизложенных разработок, намного более сложный теоретический аппарат, но в то же время дополнительные объяснительные возможности. Кроме того, возникает возможность присоединения большого количества отдельных актуальных вопросов, связанных с интимными отношениями. На основании парадоксальной проблематики отнесения, выступающей одновременно на многих смысловых уровнях, становится, например, понятно, что генезис и репродукция интимности предполагают тонкое знания ситуации и обстановки, таким образом, высокую культуру; ибо лишь на такой основе возможны мельчайшие нюансы в наблюдении и отнесении. Поэтому интимность считали возможной прежде всего лишь в высших слоях общества и придавали большое значение изысканным формам общения и различным торжествам как ситуативному контексту завязывания интимных отношений³¹. Юный Вертер ведет наблюдение уже в более широких рамках повседневной активности, а семантика романтической любви постепенно распространяется на всю природу как отзвук этого чувства.

Однако именно данное расширение, утверждающееся в семантике субъекта, включающего в себя мир, создало ожидания и вос-

30 разумеется, следует предположить, что это способствовало весьма тонким описаниям. См., напр.: *Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie*. 5. Aufl. Frankfurt, 1948. Ср., однако, эмпирическое исследование, продолженное на основе данных понятий, напр.: *Vernon G. M., Stewart R. L. Empathy as a Process in the Dating Situation // American Sociological Review* 22 (1957). P. 48—52; *Hobart Ch. W., Fahlberg N. The Measurement of Empathy // American Journal of Sociology* 70 (1965). P. 595—603. Кроме того, см. статью: *Wispe L. G. Sympathy and Empathy II International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 15. New York, 1968. P. 441-447.

³¹ Ср. свидетельство Стендаля: *Stendhal. De l'amour* (1822). Paris, 1959. P. 33 ff; и, напр.: *Garve Ch. Ueber Gesellschaft und Einsamkeit*. Bd 1. Bre-slau, 1797. S. 308 ff.

* Желание спать (*lat.*). — *Прим. пер.*

302

приимчивость, приносящие новые проблемы. На основе (правда, еще не очень надежных) эмпирических изысканий можно считать, что общие атрибутивные различия между действующими и наблюдателями³² можно устанавливать также (и именно) в интимных отношениях, хотя здесь позиция деятеля или наблюдателя может быть реализована почти одновременно с обеих сторон³³. Действующие лица больше ориентируются по ситуации, наблюдатели в большей мере занимаются отнесением к личностным признакам (это, видимо, справедливее для наблюдателей, подвергающих испытанию доверие или любовь и желающих знать, могут ли они рассчитывать на стабильное отношение со стороны

другого). Так, водитель считает, что он действует с наилучшим знанием ситуации. Наблюдающий за ним пассажир относит особенности езды к индивидуальным качествам водителя и, если личность водителя для него важна и он рассчитывает на ответное внимание, ощущает необходимость комментировать езду и сообщать, как бы он сам вел машину, как бы ехал. Но основания действий водителя уже в прошлом, уже пережиты, если вообще пережиты, в контексте ситуации, и он не переносил их на уровень личных отношений с пассажиром. Браки заключаются на небесах, а в автомобилях они распадаются, потому что сталкиваются с конфликтами отнесения, в значительной мере не поддающимися коммуникативной обработке³⁴.

Даже без этой особой проблематики известна высокая нагруженность интимных отношений конфликтами. Возможно, следова-

³² Ср.: Jones E. E., Nisbett R. E. *The Actor and the Observer: Divergent Perceptions of the Causes of Behavior* // Jones E. E. et al. *Attribution: Perceiving the Causes of Behavior*. Morristown N. J., 1971. P. 79—94. В качестве пока что более дифференцированного изложения см. также: Kelley H. H. *An Application of Attribution Theory to Research Methodology for Close Relationships* // *Close Relationships: Perspectives on the Meaning of Intimacy* / Ed, G. Levinger, H. L. Raush. Amherst Mass., 1977. P. 87—113 (96 ff.).

³³ См. об этом таблицу 4.2, основанную на гораздо более общих данных, в: Kelley, a. a. O. (1979). P. 101. Деятель берет на себя 11,4 % причинности, но партнер приписывает ему 33,9%. Деятель объясняет 3,3 % своего поведения негативными установками по отношению к партнеру, а партнер—12,9%.

³⁴ Пример является экстремальным — здесь позиции деятеля и наблюдателя технически расходятся и кратковременно становятся взаимно незаменимыми. Опасность такого дифференцирования позволяет в то же время найти выходы из трудного положения, а именно: либо жесткое и само собой разумеющееся разделение ролей (он всегда за рулем, она им восхищается), либо (что в данном примере как раз невозможно) сильное сжатие цепочки действий и наблюдения, например через физический контакт или разговор.

303

ло бы ожидать, что именно здесь конфликты, возникающие при по* вседневном поведении и восприятии ролей, на метауровне коммуникации могут быть приостановлены благодаря предполагаемому взаимопроникновению. Известно, что мелкие ссоры в конечном-ито-ге не в счет и что есть взаимопонимание, которое они не разрушают. Однако именно такое различие уровней опасно и все время подвержено опасности из-за того, что партнеры относят поведение к лицу и по поведению судят, поддерживает ли (еще) лицо позиции, поддерживающие отношение³⁵.

I

Подобные примеры можно было бы продолжать.' Однако они лишь подтвердили бы то, что и так ясно: крупного увеличения взаимной значимости людей можно достичь лишь через от-дифференциацию особых социальных систем, которые, как и все создающееся в русле функциональной спецификации, должны отвечать особым требованиям и нагрузкам. Такие интимные связи вводят в соблазн нелояльности к более широким и «важным» общественным обязанностям — например, религиозному, политическому и профессиональному долгу³⁶. Поэтому их редко и неохотно признают допустимыми. Сколь бы сильно не превозносилась важность друзей, ценность дружбы связана с понятиями, конформными обществу. Лишь при переходе к современному обществу возникают более свободные, индивидуализированные возможности. С исторической и теоретической точек зрения человек возник не из межчеловеческого взаимопроникновения, а благодаря социальному взаимопроникновению, которое лишь много позже создает возможность особого случая — совпадения социального и углубленного межчеловеческого взаимопроникновения.

Бесспорно, что в соответствии с этим взаимопроникновение между людьми возможно лишь благодаря коммуникации, т. е. образованию социальной системы. Несмотря на это, следует придерживаться различия межчеловеческого и социального взаимопроникновения, причем не только по аналитическим причинам. Взаимопроникновение между людьми выходит за пределы возможностей коммуникации. Тем самым указывается не только на пределы языковых возможностей и подразумевается не только значение физического контакта. Скорее, интимность включает в себя и некоммуни-

³⁵ См. об этом; Braiker H. B., Kelley H. H. *Conflict in the Development of Close Relationships* // *Social Exchange in Developing Relationships* / Ed. R. L. Burgess, T. L. Huston. New York, 1979. P. 135—168.

³⁶ Тема, много дискутировавшаяся еще в античности. Ср. в связи с этим: Steinmetz F.-A. *Die Freundschaftslehre des Panaitios*. Wiesbaden, 1967.

304

кабельное, тем самым и опыт некоммуникабельности. Alter приобретает важность для Ego в тех отношениях, которые Ego не может сообщить Alter. Дело не в отсутствии слов и не в нехватке времени на коммуникацию. Речь идет не просто об избавлении другого от непосильных

коммуникаций. Коммуникация в качестве сообщения всегда может придать сообщению иной, не подразумевавшийся смысл; но это сразу же видно в интимных отношениях. То, что в таких случаях не срабатывает, — это принцип коммуникации, а именно различие информации и сообщения, придающее самому сообщению характер избирательного события, требующего реакции. В условиях интимности эта необходимость реакции еще более усиливается и антиципируется в таком качестве. Настолько хорошо знают друг друга, что не могут сделать ни шагу, чтобы не вызвать ответа. Дальнейшее — молчанье*.

Пожалуй, не случайно, что именно век Просвещения, когда все понятия социальных наук считались родственными понятию взаимодействия, занимался данной проблемой. Больше никогда не предлагали такой богатый набор уловок — от сознательно шуточного использования форм, создание парадоксов, иронию и цинизм вплоть до концентрации на сексуальности как на еще единственно твердом позитивном. При этом всегда речь шла о себе в коммуникации, и вопрос заключался в том, в каких формах его можно сознательно допустить и опять-таки сознательно избежать. Это проблема известна со времен открытия интимных отношений, однако она, по-видимому, не поддается какой-либо эффективной формулировке. Социология, пожалуй, последняя из призванных давать советы безмолвной любви.

VI

Взаимопроникновение ставит участвующие системы перед задачами переработки информации, которые невозможно решить надлежащим образом. Это одинаково справедливо для социального и для межличностного взаимодействия. Взаимопроникающие системы никогда не могут в полной мере использовать вариационные возможности сложности соответствующей другой системы, т. е. никогда не могут целиком и полностью перевести их в свою систему. В этом смысле следует всегда помнить: нервная клет-

* "The rest is silence". — Фраза из трагедии В. Шекспира «Гамлет», означающая некую тайну, которую зрителю не дано узнать. — *Прим. отв. ред.*

305

ка не есть часть нервной системы, а человек не есть часть общества. Полагая это, мы должны уточнить, как в таком случае, несмотря на 1 это, возможно использование сложности соответствующей другой системы для построения собственной. Для области психических и социальных систем, т. е. для смысловых, ответ гласит: посредством бинарной схематизации. Интеграция осуществляется не через присоединение сложности к сложности. Она заключается и не в строгом соответствии элементов различных систем по всем пунктам, где каждому событию в сознании соответствует социальное событие и наоборот. Таким путем ни одна система не могла бы использовать сложность другой, в таком случае она должна была бы проявлять и соответствующую собственную сложность. *Вместо этого* должен быть найден иной путь, «более экономный» в затратах элементов и связей, сознательного внимания и времени коммуникации.

Первый ответ (который мы в дальнейшем дезавуируем) может быть сформулирован на основе общей теории системы действия Т. Парсонса. Он исходит из структурных связей, гарантированных нормативно³⁷. Отсюда следует, что любое взаимодействие приводится к схеме конформности — отклонения. Норма никогда не в состоянии реализовать свое видение реальности; поэтому она предстает в реальности как процесс расщепления, как различие соответствия и отклонения. Все факты в сфере нормативного регулирования сортируются в соответствии с тем, какую возможность они реализуют. И в зависимости от этого происходит выбор других присоединений.

Для случая взаимодействия человека и социальной системы это означает, что социальный смысл действия оценивается в первую очередь по его соответствию норме. Другие возможные смысловые отношения — например то, какой характер здесь проявляется, — постепенно ослабевают. Социальный порядок почти идентифицируется с правопорядком. На основе этой предварительной договоренности в Европе со времен Средневековья вплоть до раннего Нового времени распространялась концепция «естественного права». Она означает, что порядок сам по себе всегда уже есть данная

³⁷ С точки зрения техники построения теории нормативная гарантия ее структуры используется как «вторая из лучших» форм теории; таким образом, она также предназначена для нового разложения. В этом смысле Парсонс говорил о «структурном функционализме». Необходимость довольствоваться следует из сложности реальности, вынуждающей теоретика *начинать* с редукций и настоятельно советуемой ему при этом опираться на (нормативные!) редукции, которые уже имеются в реальности.

схема соответствия и отклонения, что он сложился так естественным путем.

Менее разработаны следствия, которые должна иметь такая схематизация взаимопроникновения для формирования личности. Она должна была бы означать, что социальное становится значимым для него лишь (или хотя бы в первую очередь) как схема соблюдения или отклонения от норм. Лишь в такой редуцированной форме она располагает социальной комплексностью для построения собственной комплексной системы. Нормативная схема структурирует успех и неудачу, по крайней мере принятие и отклонение, и заставляет тем самым биографически консолидироваться на той или иной стороне. Чем отчетливее различие обеспечивает предварительное структурирование поведения и опыт присоединения, тем вероятнее необратимое течение социализации по тому или иному пути.

Нормативная схема действует как редукция комплексности во взаимопроникающих связях с обеих сторон, и в обоих направлениях она действует как различие. Для социальных систем она является относительно простой гарантией порядка — особенно если нормы можно менять и приводить в действие механизм наказания отклоняющегося поведения. Для общественной системы это означает примат таких функциональных областей, как политика и право. В значительно меньшей мере определено, что в таких условиях есть успех и как его достичь. Быть может, людей можно распределить по этому критерию. Однако вместе с возрастающей индивидуализацией формирования личности следует учитывать реактивацию «исключенного третьего». Нормативная схема как таковая уже неприемлема. С точки зрения поддержки порядка она, бесспорно, необходима, но низводится в качестве носителя предельных смысловых высказываний. Даже в теории Парсонса, которая еще целиком обязана данной схеме и определяет структуры нормативно, исключенное третье возникает как исключение, т. е. как раз там, где мы его предполагаем. В личностно ориентированном поведении, в воспитании и других терапевтических усилиях допускается, а с точки зрения профессиональной этики даже требуется, «разрешающая» установка³⁸. Однако прежде всего индивидуализированные личности в настоящий момент представляют собой тихий резервуар протестных движений; личностям всегда легче договориться о том, что действующие нормы есть в сущности неприемлемые требования.

³⁸ Однако см., напр., неуверенную, осторожную, теоретически не проверяемую (!) формулировку уступки: *Parsons T. The Social System. Glen-coe III., 1951. P. 235, 299 ff.*

307

Такие явления — достаточный повод для ревизии основ теории. Пока отложим анализ самого понятия нормы³⁹. Сейчас речь идет лишь о том, чтобы рассмотреть нормативную схему в качестве бинарной схематизации, спроецировать ее обратно во взаимосвязь взаимопроникающих отношений и представить как редукцию комплексности, которая могла бы осуществляться и иначе. Поэтому мы вновь возвращаемся к вопросу о том, как системы могут рассматривать комплексность, которую они используют в своем построении в качестве комплексности других систем.

Первый шаг трансформации, возможный для смысловых систем, заключается в понимании комплексности как особого горизонта операций системы. Определенное совершают либо усматривают на фоне иных возможностей, которым нельзя дать определение. Под комплексностью часто понимается отсутствие информации, необходимой для верного расчета⁴⁰. Тем самым взаимопроникающие системы разгружаются без необходимости отказа от комплексности. Они могут ориентироваться на (сколь угодно нагруженные смыслом) глубины другой системы, наблюдая и исследуя их, пытаясь в них проникнуть, но никогда ни достигая твердого дна. Это вытекает уже из «горизонтности» функционирующей комплексности. В случае отношений взаимопроникновения добавляется, что всякая операция наблюдения и разведывания в то же время изменяет свой предмет. Она является операцией сразу в обеих системах. Она сама становится частью своего предмета. Ее «объект» спокоен, а оперирует и потому меняется. Например, изучают возможность консенсуса в социальной системе по какому-то предложению и данной операцией меняют в ней условия консенсуса; дают понять, что это для кого-то важно; сдерживают себя, пока не поймут, согласны ли другие; тем самым формулируют альтернативу согласия либо отклонения и с помощью данного заострения создают возможности присоединения для «да» или «нет», которых раньше вообще не было в такой форме (либо, по крайней мере, с ныне очевидными социальными последствиями).

Проверка возможностей консенсуса, их зондирование в принципе есть операция, возможная все далее⁴¹; однако и в данном случае операция и дальнейшая настойчивость в ее проведении (либо стремительность смирения) меняют ситуацию, а с ней — и горизонт по-

³⁹ Мы вернемся к этому ниже, в гл. 8, XII при обсуждении вопроса об образовании структуры в социальных

системах.

⁴⁰ Ср. выше, с. 56—57 данного издания.

⁴¹ Об этом см.: *Olsen J. P. Voting "Sounding Out" and the Governance of Modern Organizations II Acta Sociologica 15 (1972). P. 267—283.*

308

следующих возможностей. Однако, как всегда в долгом поиске, когда-то возникает необходимость завершить его и обратиться к иным вещам. Следовательно, уже в горизонтной структуре всякого смыслового переживания заложен бинарный схематизм: либо продолжать, либо прерваться.

На этом основании происходит схематизация элементов, используемых обеими системами. Их *контингентность* интерпретируется как *различие*, которое подчиняется определенной *смысловой схеме*. Ее можно по мере надобности уточнять далее и отделять от других схематизации. Таким образом, *в отдельном элементе* создается структурированная открытость, которую

взаимопроникающие системы могут использовать по-разному. Интеграция заключается не в идентичности, наличествующей в конечном счете (субстанциальной, субъектной), и не (как чаще всего говорят) в частичном взаимном пересечении систем. Она состоит в том, что разные системы используют в репродукции своих элементов одну и ту же схему различия для переработки информации, возникающей из комплексных операций соответствующей иной системы. Не единство, а различие выступает формулой взаимопроникновения, и оно относится не к «бытию» систем, а к их оперативной репродукции.

На данном уровне фундаментального теоретического рассмотрения изложение неизбежно остается абстрактным, так как не может определяться понятиями, предполагающими сознание и коммуникацию и соответственно имеющими силу лишь в отношении либо психических, либо социальных систем. Однако основную проблему можно легко уяснить, отнеся ее к случаю социального взаимопроникновения. Здесь сознание используется для репродукции коммуникации и в то же время коммуникация — для репродукции сознания, *без их сплавления друг с другом*. Разобщенность систем и тем самым контекстов, в которых элементы каждый раз избирательно связываются и репродуцируются, выступает предпосылкой самой репродукции — один акт сознания определяется исходя из необходимости коммуникации (или же исходя из иного смыслового опыта) посредством отношения к другим его актам. Аналогично одно коммуникативное событие определяется отношением к другим таким событиям, причем используется сознание нескольких психических систем, а также самоизбирательное разнообразие прочих внешних обстоятельств. События имеют аналогичную структуру с обеих сторон. Это способствует взаимопроникновению и тем самым реализации информации, различной для сторон. То, что способствует совместному существованию, — это взаимное полагание репродукции и смысловая форма, обеспечивающая непрерывную артикуляцию

309

взаимопроникновения: смысловая форма схематизируемого различия.

На фоне проблематики комплексности взаимопроникающих систем особенно очевидно общеизвестное техническое преимущество бинарной схематизации — при условии собственного определения схемы выбор между двумя возможностями можно оставить за другой системой. Комплексность другой системы принимается во внимание постольку, поскольку неизвестно, какую из двух возможностей она реализует; в то же время комплексность де-проблематизируется тем, что для каждой из двух возможностей имеется готовое присоединяющееся поведение.

Последствия отказа от предварительного расчета минимизируются. Определение категории может быть сделано по-разному, а его оперативная функция не предполагает безусловного консенсуса.

Одна система может схематизировать использование комплексности другой как дружественное/враждебное, верное/неверное, конформное/отклоняющееся, полезное/вредное, либо как бы то ни было еще. Схематизм сам вынуждает систему уповать на контингентность поведения и тем самым на автономию другой системы. Для этого система должна иметь готовую, пригодную, отвечающую автономии собственную комплексность. И одновременно схематизация открыта для второго усилия, канализованного тем самым — теперь можно попытаться выяснить, действует другая система скорее дружественно, нежели враждебно, скорее во благо, чем во вред, и в этом отношении можно формировать ожидания, способствующие кристаллизациям в своей системе⁴².

Не в последнюю очередь следует учесть, что бинарные схемы являются еще и предпосылкой возникновения фигуры, титулованной в новейшей философии как субъект. Необходимой предпосылкой тому является возможность иметь истинные и *ложные* суждения (а именно: чтобы они *были* бесспорны), равно как и возможность действовать правильно и *неправильно*, хорошо и

плохо. Познание показывает, что проблема субъекта не может быть сведена лишь к проблеме свободы. Субъект индивидуализируется, скорее, историей жизни истинных и ложных суждений, правильных и неправильных действий, которая уникальна в своем роде в данной конкретной форме, в то время как в качестве лишь суммы адекватного отражения мира она была бы не более, чем просто адекватной. Таким образом, «субъект» является субъектом (если под смыслом понятия все еще всерьез понимают момент предельной представлен-

⁴² Понятие используется в: *Stendhal, De l'amour*; цит. по: *Martineau H Paris, 1959, см., напр., p. 8 ff, 17 ff.*

310

ности) лишь для стечения обозначений и реализаций, неповторимого в истории жизни, оставляющего открытыми бинарные схематизации. Он обязан своей возможностью данной заданной величине, а не самому себе. И если учитывать это, то можно заметить, что субъектность есть не что иное, как формулировка результата взаимопроникновения. Уникальность и крайняя позиция, со своей стороны, не есть фигуры обоснования, а есть конечный продукт истории, выбросы и кристаллизации взаимопроникновения, которые затем вновь используются во взаимопроникновении.

VII

Предварительные теоретические разработки, учитываемые нами, позволяют сформулировать вопрос. Мы провели различие между социальным и межличностным взаимопроникновением. Кроме того, основываясь на проблемах комплексности в отношениях взаимопроникновения, мы показали преимущества бинарных схематизации. Вопрос звучит так: существует ли бинарная схематизация, обслуживающая одновременно оба типа взаимопроникновений и действующая в функциональном отношении достаточно диффузно, чтобы редуцировать комплексность как для социального, так и для межличностного взаимопроникновения. Ответ гласит: да. Это есть особая функция морали.

Прежде чем развивать понятие морали (оно, разумеется, не может быть дедуцировано из функции), стоит кратко зафиксировать допущения, вытекающие из данной функциональной констелляции для всего того, в чем используются свойства морали. Будучи полифункциональной, мораль будет лимитировать возможности функциональной спецификации. В таком случае социальное взаимопроникновение не может быть выделено без учета межличностных отношений. Там, где это происходит — следует вспомнить, например, сферу формально организованного труда, — возникает своя мораль. Точно так же невозможно углублять интимность между людьми, если она связана с общественной моралью. Так, если общество способствует большей интимности, то на место общеобязательной морали заступают своеобразные кодексы любовной страсти, ссылки на природу, эстетические высказывания. Такие тенденции, широко распространившиеся в Европе с XVIII в., подрывающие мир прежних общественных форм, оставляют впечатление, будто бы мораль, обладавшая общественно-интегративной функцией, уже не выполняет ее в полной мере. Однако такое понимание упускает из виду

311

конфликтность морали, ее способность вызывать полемику. С точки зрения социологии знания мораль есть продукт ситуации, которую сама считает достойной сожаления. Только при поверхностном и к тому же одностороннем рассмотрении мораль предстает как связующее средство, удерживающее людей в обществе. Между тем она и отталкивает, ссорит, затрудняет разрешение конфликтов — опыт, реакцией на который помимо всего прочего стало разделение права и морали. Во всяком случае, функции морали точно не определены ссылкой на потребность общества в интеграции. К счастью, общество не есть факт морали. Разумеется, что теория, оспаривающая это, взваливает на себя тяжелое бремя аргументации и обязана предложить что-то взамен. Мы пытаемся сделать это с помощью понятия взаимопроникновения, что означает, что феномен морали касается уже не простого отношения человека и общества, а отношения между отношениями — координации двух различных отношений взаимопроникновения.

Всякая мораль касается в конечном итоге вопроса о том, уважают или не уважают люди друг друга и при каких условиях⁴³. Под уважением (*estime, esteem*) следует понимать генерализованное признание и почтение, которым вознаграждается то, что другой соответствует ожиданиям.

Ожидания, по общему мнению, должны предполагаться в случае продолжения социальных отношений. Личность наделяется уважением, каждый способен приобретать и терять его (хотя в прежних обществах важной предпосылкой уважения или неуважения была принадлежность к определенной группе). В любом случае личность понимается как цельная — в отличие от оценки отдельных ее заслуг или способностей, профессионального, спортивного, любовного и другого

мастерства⁴⁴. Таким образом, уважение является символической генерализацией, нацеленной на личность и ею же ограниченной. Границы проведены нечетко, и вполне может быть, что личности приписывают больше (или меньше), чем она заслуживает с точки зрения других наблюдателей. Вы-сокоморализованные системы имеют тенденцию к сверхотнесению.

«Ср. более подробные разработки: *Luhmann N. Soziologie der Moral // Theonetechnik und Moral / Hrsg. N. Luhmann, S. H. Pfortner. Frankfurt 1978 S. 8—117 (в частности, S. 43 ff.)*.

« См. также различие уважения и одобрения в: *Parsons T. The Social System. Glencoe 111 1951. P. 186, 192*. Оно старо. См., напр., различие понятия *eshme, consideration, respect* и др. в: *Abbadie J. L'art de se connoltre soi-mesme, ou la recherche des sources de la morale. Rotterdam 1692 P 430* или возникшее тогда же насмешливое понятие «виртуоз», оторванное от моральных качеств.

312

Важно, что личность подлежит оценке как цельная. Это является предпосылкой бинарной схематизации: либо уважают, либо нет, но смешанных оценок — таких как физически слаб, гуманен, глуп — не дают.

Моралью социальной системы мы будем называть совокупность условий, в соответствии с которыми в данной системе принимают решение об уважении и неуважении. Вопросы морали могут использоваться совершенно противоположно. Само понятие не подразумевает какого-либо консенсуса, хотя, конечно, его возможная степень есть важный момент функциональной способности морали. В отношении связи и совместимости моральных требований есть попытки систематизации. Их теоретическая форма со времен Аристотеля обычно называется этикой. В ее рамках развиваются, особенно в Европе Нового времени, теории рефлексии, сталкивающиеся с трудностями признания того, что было бы нравственно действовать определенным образом ради приобретения уважения или избежания неуважения. Этика может требовать соблюдения нравственного закона ради него самого. Однако для социологов такая экстравагантность будет скорее симптомом кризиса, нежели научным озарением.

Социологическая теория морали не заступает на место этики, но заменяет теории морали, приписывающие стремление к уважению и избежание неуважения природе человека и оставляющие его как таковое⁴⁵. Понятие природы заменяется понятиями теории систем, еще более абстрактными и, шире, присоединимыми; они поясняют функциональное отношение морали. Мораль есть *символическая генерализация*, редуцирующая полную рефлексивную *комплексность* отношений Ego и Alter, имеющих двойную контингентность, к проявлениям уважения и посредством данной генерализации открывающая: (1) пространство *обусловливания* и (2) возможность реконструкции комплексности через *бинарную схематизацию* уважения и неуважения.

Генерализация посредством отнесения отдельных действий к цельной личности и респецификация данной генерализации посредством обусловливания — вот техника, объединяющая социальное и межличностное взаимопроникновение. Люди взаимно подтверждают

⁴⁵ Либо в этом усматривали сущность заботы творца о порядке, как например уже в: *Abbadie, a. a. O. P. 378 ff.* Ср., кроме того: *Buffler C. Trai-te de la societe civile. Paris, 1726. T. I—III (сквозная пагинация). P. 53 ff., 260 ff.; Pluquet A. De la sociabilite. Yverdon, 1770. T. 1. P. 200 ff., 212 ff.* См. также: *Lovejoy A. O. Reflections on Human Nature. Baltimore, 1961. P. 128 ff.*, где приводятся свидетельства XVIII в.

313

ют друг другу, что им важно уважение. Они ставят уважение в зависимость от условий, в которые могут быть включены потребности совместной социальной жизни. Уважение другого человека становится тем самым якорем потребности в социальном порядке, и одновременно данные потребности варьируют то, что символизирует для другого условие уважения либо его утраты. Понятие морали, выражающее конвергенцию социального и межличностного взаимопроникновений, приводит к эмпирически проверяемой гипотезе, согласно которой мораль испытывает затруднения и должна отдать свои функции общественной системе, если обе формы взаимопроникновения «дрейфуют» друг относительно друга. В высококомплексных обществах это, по-видимому, неизбежно. Ситуация весьма драматично обостряется в первой половине XVIII в. С одной стороны, вместе с отходом от религиозного обоснования мира, конфессиональной сегментации религии и после провала движений религиозного фанатизма на мораль возлагаются растущие ожидания. Социальное все еще, а сейчас — тем более, определяется в терминах морали. С другой стороны, семантические коды интимных отношений и публичной общительности расходятся. Понимание дружбы приватизируется, представления о любви психологически развиваются в направлении социальной рефлексивности и переходят из литературы о моральных требованиях в романы. И наоборот, социальное взаимопроникновение становится пробле-

матичным, поскольку исключает взаимопроникновение людей. Тема смешного, модная в первые десятилетия XVIII в., служит здесь размежеванию и ориентации рефлексии⁴⁶. Смешное — это скрытый враг морали, потому что оно отчасти конкурирует с ней. Утончен-ное общество утверждает себя лишь только через смешное, после того как пришлось признать особое развитие частных отношений и дружбы⁴⁷ — в этом и винит его нравственная литература. Очевидно, что особые пути развития личной социальной чувствительности и публичного общения уже нельзя объединять в каноне аристократической морали; однако вместе с тем ожидания, адресуемые морали, все еще достаточно велики, чтобы дать понять, насколько сильно

⁴⁶ Ср., напр.; *Bellegarde J. B. M. de. Reflexions sur le ridicule, et sur les moyens de l'eviter*. 2ed, Amsterdam, 1701; *Duclos Ch. Considerations sur les moeurs de ce siecle* (1751); цит. по изданию: *Magny O. de*. Paris, 1970. P. 187ff.

⁴⁷ Одной из представительниц здесь является маркиза де Ламбер. Она весьма осознанно делает такой вывод из (увы, прискорбной) гибели прежней галантности. Ср., в частности: *Traite de l'amitie*, цит. no: *Marquise de Lambert A. Th. GEuvres*. Paris, 1808. P. 105—129.

314

отличается от них реальность. Поэтому попытка Шефтсбери поставить смешное в качестве теста на службу морали, основанной на естественном разуме⁴⁸, в перспективе должна потерпеть неудачу.

Эти тенденции в сфере морали сигнализируют об ослаблении связывания. В этом заключается, с точки зрения всего общества, и высвобождение возможностей связывания более специфических (уже не касающихся личности в целом) и в то же время кумулятивных приложений. Следует вспомнить о модных течениях (например, движение религиозных фанатиков XVII в.), о социальных движениях, о досуговых объединениях и об организованном поведении. Агрегации такого рода кумулятивно дают особенные эффекты, сегодня определяющие общество, пожалуй, сильнее, нежели моральная схематизация — особенно если ориентация политики на публику, а экономики — на потребление располагают особой чувствительностью к ним. Все это предполагает у индивидов хотя и ослабленную, преходящую, однако экспансивную способность связывания⁴⁹. Предположив данные социально-структурные тенденции развития, мы смогли уяснить контекст возникновения потребности в моральной рефлексии. Этические теории пытаются компенсировать эту структурную проблематику теоретически, пытаются предотвратить и семантическую девальвацию морали. Какое-то время это делается путем протаскивания морали в природу⁵⁰, а в конечном итоге — как реакция на то — путем строгого трансцендентально-теоретического обоснования нравственного закона.

С помощью социологического понятия морали мы можем проследить некоторые проблемы дальше. При этом остальные либо исключаются, либо оставляются этике. Кроме того, этические теории могли бы позаботиться о формулировке принципов правильной деятельности либо выполнить генерализацию моральных правил для множества случаев; но сегодня, пожалуй, важнее хотя бы выработать пути для этого. Социология морали рассматривает все

**** Shaftesbury A. E. C. An Essay on the Freedom of Wit and Humor (1709); цит. no: Shaftesbury A. E. C. Characteristicks of Men, Manners, Opinions, Times. Vol. 1. London, 1714. P. 57—150. См., в частности, точку зрения «свободы клубов», которая неприменима ни в политике, ни для публики!**

⁴⁹ Поражает параллель со слабой, кумулятивной и специфически химической способностью к связыванию определенных крупных молекул как предпосылкой возникновения жизни.

⁵⁰ Типичным примером (если не желают все время обращаться к Руссо) является: *Merrier L.-S. L'homme sauvage, histoire traduite de...* Paris, 1767.

315

как усилия экспертов в своей предметной области. Подлинным предметом социологии могло бы быть изучение того, как семантическое обеспечение морали сочетается с типами социальных систем, прежд» де всего с социокультурной эволюцией. Это ни в коем случае не означает беспочвенного релятивизма. Наоборот, благодаря социологическому анализу вопрос об условиях и границах морализации тех или иных тем приобретает, вероятно, большее значение, чем он имел, основываясь на этических принципах. Во всяком случае, право признания/непризнания тем как моральных ни в коем случае не оставляется на личное усмотрение (чь?). Мораль реализуется, если удастся состыковать обе формы взаимопроникновения, т. е. связать условия, в которых можно лично и с общечеловеческой точки зрения полагаться на другого, опять-таки создав общую социальную систему (либо уже живя в ней), и если, наоборот, непрерывность операций такой системы не мыслится независимой от того, что люди лично полагают друг о друге и как они встраивают комплексность и свободу решений другого человека в свое самопонимание.

Однако так мы получаем не только возможность идентифицировать морализированные темы и определить их социально-структурные условия, но и возможность проанализировать феномены различия и наблюдать смещение тем относительно морали⁵¹. Так, начиная примерно с 1650 г, можно говорить о почти 150 годах морального кризиса тематического комплекса любви и сексуальности. Любовь (в связи с сексуальностью) редуцируется к краткому, если вообще не моментальному, феномену, означающему наивысшее удовлетворение участников — но лишь на миг⁵². Это означает, что наивысшая форма межчеловеческого взаимопроникновения в то же время требует отказа от создания социальной системы (типа брака), обеспечивающей продолжительность. Отсюда следует, что в игре соблазнения, сопротивления, готовности отдаться следует отказаться от моральных гарантий и даже от уважения — при всем огорчении и сопутствующих психологических тяготах (особенно для женщин). Правда, хотя на поверхности речь все еще идет о добродетели

⁵¹ В качестве кейс-стади см.: *Duster T. The Legislation of Morality- Law Drugs, and Moral Judgement. New York, 1970.*

⁵² Критическая литература усматривает в этом прежде всего тему XVIII в. См., напр.: *Poulet G. Etudes sur le temps humain. T. II. Paris 1952-Cherpack C. An Essay on Crebillon fils. Durham N. C., 1962 P 28 ff/ Ver-sini L. Laclos et la tradition: Essai sur les sources et la technique des Liaisons Dangereuses. Paris, 1968. P. 436 ff.* Однако сиюминутность и непостоянство любви вместе с тезисом, что они вытекают из самой ее логики, уже вполне явно обнаруживаются и в литературе второй половины XVII в.

316

и репутации, но подлинной проблемой выступает необходимость отказа от социальной поддержки из-за непостоянства любви. Фокус морали перемещается к семантике дружбы, когда речь заходит об отношениях двоих.

Совершенно иначе обстоит дело в экономической теории. Здесь общественные изменения начинаются с того, что производительный труд уже не совершается в домохозяйстве (или, поначалу, не только там), а включается в экономику посредством денежного механизма. При этом межчеловеческое взаимопроникновение отступает на задний план, а на передний план выходят новые формы социального взаимопроникновения — рынок и организация. Результаты труда обмениваются на определенную плату согласно специфическим требованиям. При этом полного включения комплексности человека в комплексность другого не просто не нужно, а следует избегать как фактор помехи. Таким образом, социальное взаимопроникновение уже не может поддерживать межчеловеческое. Уважение выносится за рамки оценки работоспособности и платежеспособности. А. Смит пишет свою экономическую теорию помимо своего основного произведения — «Теории моральных чувств»⁵³.

Таким образом, возникает не только более глубокое понимание «истории идей», как бы ни касалась она границ морализации предметного содержания; но возникает и возможность обнаружить, в частности для Нового времени, где зарождаются данные предметные содержания и то, что их появление не случайно. Возрастающие запросы к морали по поводу индивидуализации, наблюдаемые с XII в., являются постоянными, но не достаточными для объяснения. Они как раз не подрывают мораль, а лишь трансформируют ее. Феномены дифференциации — мы уже называли любовь и денежную экономику, могли бы указать еще и на политическую теорию государственного резона и, конечно, на автономизацию позитивного права — появляются типичным образом там, где должны быть от-дифференцированы слишком самостоятельные функциональные сферы и затем самореферентно аргументированы с помощью собственных теорий рефлексии. Запускающим моментом является, по-видимому, смена формы общественной дифференциации. Разумеется,

⁵³ Известную проблему отношения «Исследования о природе и причинах богатства народов» к «Теории нравственных чувств», конечно, невозможно объяснить голым различием альтруизма (естественной симпатии) и эгоизма. См. обзор дискуссии по этому вопросу во введении издателя В. Экштайна (W. Eckstein) к: *Smith A. Theorie der ethischen Gefuhle. Leipzig, 1926.* Для этого требуется прежде всего достаточно избирательное понятие морали.

317

нет обществ, отказывающихся от морали; нет уже лишь потому, что в интеракции между людьми вновь и вновь возникает проблема взаимоуважения. Однако координация отдельных вкладов в круп*ные функциональные сферы уже не может выполняться с помощью морали. Она становится фактором помехи, во всяком случае — аттитюдом, за которым наблюдают с недоверием, который следует держать в границах. Максимумы, которые Макиавелли пытался дать правителям, занимали в то время нравственно настроенные умы. Сегодня в предвыборном штабе

партии, наверное, были бы шокированы, услышав: «Люди прежде всего желают знать, кто добр, а кто — зол, и мы расскажем им об этом»⁵⁴.

VIII

Продолжая рассматривать вопросы социализации, следует напомнить:

- 1) что проблемы каузальности мы считаем вторичными по сравнению с проблемами самореференции;
- 2) что всякая переработка информации начинается не с идентичностей (например, с оснований), а с различий;
- 3) что мы должны были различать коммуникацию (как конституирующий и репродуцирующий аутопоисис) и действие (как конституированный элемент социальных систем);
- 4) что мы рассматриваем людей как окружающий мир социальных систем; и
- 5) что отношения человека и социальной системы понимаются с точки зрения взаимопроникновения.

Указанные предпосылки есть проделанная предварительная работа, забытые сваи, к которым можно пришвартовать теории социализации.

Исследования социализации, весьма навредив себе, превратились сегодня в область специальных исследований наряду с другими. То, что у Г. Зиммеля и Дж. Г. Мида они были моментом общей теории, вспоминается еще лишь благодаря ссылкам на данных авторов. В остальном исследования социализации как бы изнутри устраняют некоторые слишком упрощенные предпосылки — например, допущение о линейной каузальности, в соответствии с которой социальный порядок формирует индивида через своих агентов социа-

⁵⁴ Я не делаю ссылку к данной цитате (что следовало бы сделать, связывая с цитированием моральную оценку, уважение и неуважение).

318

лизиции — но не заботятся об адекватной замене на уровне общей теории. Само по себе бесспорное обстоятельство, что люди различаются помимо всего прочего в результате того, в каких социальных условиях они растут, стимулирует все новые исследования, которые, однако, за недостатком понятийной поддержки, не приобретают каких-либо четких контуров. Поэтому и нет научно обоснованного отпора поверхностным синтезам эмпирии и идеологии: констатируемые различия нивелируются и становятся средствами манипуляции в интересах создания «государства всеобщего благоденствия».

Вышеперечисленные теоретические продукты теперь могут служить контрольными предпосылками. В самом общем случае называем *социализацией процесс формирования психической системы человека и его подконтрольного телесного поведения посредством взаимопроникновения*. Тем самым понятие охватывает множество системных референций, включает в себя эффекты, оцениваемые позитивно и негативно, особенно конформное и отклоняющееся, болезненное (например, невротическое) и здоровое поведение. В этом смысле социализация не есть нечто обреченное на успех (в крайнем случае, она может оказаться неудачной). Теория, определяющая *понятие* социализации через формирование приспособительного поведения, соответствующего ожиданиям, была бы не в состоянии объяснить возникновение противоположной модели поведения и оказалась бы беспомощной против утверждений, что, например, приспособление как раз и может означать признаки неврозов и что приспособление и неврозы усиливают друг друга⁵⁵.

Указанные недостатки заставляют пересмотреть объяснительную цель теории социализации. То, что следовало бы понять и объяснить, есть прежде всего усиление связи редукции и комплексности. Тогда исходным вопросом был бы следующий: как редукции, переживаемые психической системой во взаимопроникновении, способствуют построению собственной комплексности?⁵⁶ Данную поста-

⁵⁵ См., напр.: Рупей С., Путней Г. Дж. *The Adjusted American: Normal Neuroses in the Individual and Society*. New York, 1964.

⁵⁶ Психологическими теориями, отвечающими данному вопросу и способными обосновать его, являются, скорее всего, те, которые отводят центральное место синдрому «когнитивной комплексности» переменных. Ср., в частности: *Harvey O. J., Hunt D. E., Schroder H. M. Conceptual Systems and Personality Organization*. New York, 1961; *Streufer S., Schroder H. M. Conceptual Structure, Environmental Complexity and Task Performance* *S Journal of Experimental Research in Personality* 1 (1965). P. 132—137; *Schroder H. M., Driver M. J., Streufer S. Human Information Processing*. New York, 1967; *Ko-gnitive Shukturiertheit: Theorien, Analysen, Befunde* / Hrsg. Th. B. Seiler. Stuttgart, 1973.

319

1 новку вопроса можно уточнить с помощью вышеперечисленных-предпосылок.

Прежде всего социализация — это всегда самосоциализация. Основной процесс здесь не «перенос» смысловой модели от одной системы к другим, а самореферентная репродукция системы, обуславливающей и испытывающей социализацию на самой себе. В этом отношении социализация уподобляется эволюции, тоже предполагающей базальную самореферентность и отклоняющуюся репродукцию⁵⁷. Тем самым мы отнюдь не признаем очень проблематичное допущение *фазовой* аналогии онтогенетических и филогенетических *процессов*, а лишь подразумеваем, что основа всех процессов социализации, равно как и основа всей эволюции, заложена в самореферентности системы, способной к воспроизводству и переживанию отклоняющейся репродукции. Само собой разумеется, что при этом окружающий мир играет решающую роль. Впрочем, нет особого смысла спрашивать, что важнее при определении результата социализации — система или окружающий мир, так как это есть именно то различие, которое делает социализацию вообще возможной.

Кроме того, социализация возможна лишь в том случае, если существуют *схемы различий*, способные *подчинять* психическую систему *окружающему миру* и *относить ее к себе*, — например, обращение «к» либо отвращение «от» референтного лица, понимание либо непонимание, конформность либо отклонение, успех либо неудача. Все отношения взаимопроникновения, как было показано, создают такие схематизации в ходе своей реализации. Лишь с их помощью возможно понимание ситуаций и их использование для получения информации. Лишь в схематизации понимания/непонимания имеется эффект узнавания, вспыхивающий вместе с неожиданными событиями, который можно засчитать как успешное переживание. Только в схематизации обращения/отвращения можно изучать сигналы, создающие тот или иной случай. Это, — вновь цитируя Бейтсона, — различие, которое производит различие. В схеме различий уже содержится предварительное решение вопроса о возможном выборе в соответствии с ней; и уже данное предварительное решение, а не только лишь выбор, имеет важное значение для процесса социализации. Социализация, обусловленная лишь обращением/отвращением, должна, при всем желании(!), оказаться весьма скудной и неизбежно привести к тому, что свобода и самостоя-

⁵⁷ Ср., в частности: *Varela F. J. Principles of Biological Autonomy* New York, 1979, особенно p. 37. 320

тельность могут быть достигнуты, если вообще могут, лишь через отвращение.

На процесс социализации, который тем самым идет под управлением различий (следовательно, именно недетерминированно!), психическая система реагирует развитием своих включателей различий. Грехопадение случилось, и уже никогда не достичь новой полноты бытия. Все, что можно вообразить, есть нечто по сравнению с иным, и лишь так можно обеспечивать получение и переработку информации. Соответствующая психологическая теория разработана Дж. А. Келли⁵⁸. В соответствии с ней всякое обращение к окружающему миру происходит через биполярную схему «персональных конструкторов», т. е. через информацию, зависимую от различий; и всякое вытеснение, всякое «бессознательное», всякая тотализация есть лишь сокрытие всегда со-подразумеваемого другого. В таком случае психотерапия должна быть Просвещением в отношении со-подразумеваемого другого⁵⁹.

Данное акцентирование понятия различия не предполагает, что смысл вообще может переживаться лишь двузачно и всегда выступает в уже ранее установленных схематизациях. Эта оговорка была бы тем более справедлива при допущении, что обе стороны схемы должны быть заранее определены в виде таких «дуальностей», как холодный/теплый, мокрый/сухой⁶⁰.

Удерживаться должно как раз то, что при образовании различий речь всегда идет о редуциях, но как раз о тех, которые оправдывают себя в отношениях взаимопроникновения и поэтому формируются в процессе социализации в первую очередь.

⁵⁸ Ср.: *Kelly G. A. The Psychology of Personal Constructs*. 2 vol. New York, 1955. Дальнейшее исследование см. в: *Bannister D. Perspectives in Personal Construct Theory*. New York, 1970. Интересно, кроме того, сравнение данной психологической бинарности с лингвистически-антропологической у К. Леви-Строса в: *Levi-Strauss C. Ray Holland, Self and Social Context*. New York, 1977. P. 148 ff.

⁵⁹ О психотерапии, отвечающей здесь, см.: *Kelly G. A. Clinical Psychology and Personality*. New York, 1969.

⁶⁰ Само собой разумеется, что иногда надо напоминать, что подобные суждения следует понимать относительно, с учетом вида социальных систем и уровня социокультурной эволюции. Очевидно, что более ранним обществам было известно гораздо более широкое и сильнее генерализованное (однако, не

эксклюзивное!) использование конкретных дуализмов. В таком случае это должно было иметь большое значение для процесса социализации. В качестве репрезентативного сборника и дальнейших свидетельств ср.: *Right and Left: Essays on Dual Symbolic Classification* / Ed. R. Needham. Chicago, 1973; кроме того: *Lloyd G. E. R. Polarity and Analogy: Two Types of Argumentation in Early Greek Thought*. Cambridge, England, 1966.

И Зак. №4161
321

Тем самым отнюдь не отрицается, что социализация определяется и тем, какое значение схемы превращается в доминирующий опыт — например, опыт возможности либо опыт невозможности понимания; надежда на успех либо страх перед неудачей⁶¹, основанные на предшествующем опыте; умение вызывать обращение либо опыт отворачивания, не зависящего от своего поведения, т. е. несвободного. Каждая схема, взятая сама по себе, повышает вероятность аккумуляции опыта социализации на той или иной линии. Если это так, то для социализации должно иметь большое значение, чтобы в ее ходе не доминировала лишь одна-единственная схема.

В специально планируемой воспитательной практике к данной проблеме пытаются подойти посредством того, что условно совмещают обе схемы — прежде всего в виде программы: в случае конформности — обращение, в случае отклонения — отворачивание. На фоне изложенной здесь концепции социализации сразу же видна узость таких (и всех) педагогических концепций. Она заключается как в подборе комбинируемых схем (более двух — непрактично, в итоге возникают неоднозначные ситуации), так и в четкости их условного связывания. Для педагогизации процесса социализации, очевидно, есть узкие рамки.

Это имеет и иные причины, объяснимые различием коммуникации и действия⁶². Всякая социализация происходит как социальное взаимопроникновение, а всякое социальное взаимопроникновение — как коммуникация. Коммуникация удается и считается удачной, если все три отбора (информация/сообщение/понимание) образуют единство, к которому может присоединяться нечто последующее. Участие в данном событии — либо в качестве источника информации, либо в роли передатчика, либо в качестве понимающего информационное сообщение — есть основа всякой социализации. Коммуникацию как смысловое единство никогда нельзя целиком сводить к смыслу целенаправленного и относимого действия; и этого вообще не следует делать, если само действие стремится стать коммуникацией или включить в себя коммуникативные аспекты. Прежде всего социализирует само коммуникативное событие —

⁶¹ С помощью данного различия Х. Гекгаузен, как известно, аргументирует свою концепцию мотивации достижения. Двучленный характер образования понятий содержит указание на архитектуру различий, которые актуализируются в конечном счете различием системы и окружающего мира. Ср.: *Heckhausen II*. 1) *Hoffnung und Furcht in der Leistungsmotivation*. Meisenheim am Glan, 1963; 2) *The Anatomy of Achievement Motivation*. New York, 1967.

⁶² Ср. выше, гл. 4.

322

не потому, что оно санкционирует правильное или неправильное поведение, а благодаря тому, что оно удается в качестве коммуникации⁶³.

Следствия для теории воспитания здесь могут быть лишь намечены. Воспитание, и в этом заключается его отличие от социализации, является интенциональной и относимой к интенции деятельностью. Оно может достигать своей цели (отвлечемся от возможности косвенной, незаметной манипуляции) лишь через коммуникацию. В таком случае воспитание в качестве коммуникации также социализирует, но не столь однозначно, как придает целенаправленность. Тот, кому требуется воспитание, путем коммуникации с такой целью, скорее, приобретает свободу либо дистанцирования, либо вообще поиска и нахождения «иных возможностей». Прежде всего всякая конкретная педагогическая деятельность нагружена различиями. Например, она определяет направление успеха и обосновывает тем самым возможности неудач. Обучение и умение запоминать предусматривает и забывание, познаются границы своих возможностей в качестве невозможного. Кроме того, вместе со всеми конкретизациями повышается вероятность того, что воспитатель и воспитанник основываются на разных схемах различий, разных отнесениях, разных предпочтениях внутри схем различий. Приняв все это во внимание, едва ли еще можно считать воспитание эффективным действием. Гораздо лучше полагать, что на основе педагогически преднамеренных и разумных действий выделяется особая функциональная система, производящая свои эффекты социализации. В таком случае педагогическая деятельность и соответствующая коммуникация должны быть вновь внесены в данную систему в качестве вклада в самонаблюдение системы и как постоянная коррекция созданной ею действительности.

IX

Взаимопроникновение касается не только психической системы человека. Сюда вовлекается и

тело. Разумеется, это происходит отнюдь не в полном объеме всех его физических, химических и органических систем и процессов. Поэтому Парсонс принял понятие

⁶³ Как бы то ни было, следует обращать внимание на то, что «удается» включать и весьма негативные опыты: неудача еще раз подчеркивается коммуникацией, отклонение становится благодаря коммуникации окончательным, оскорбление провоцирует реакцию и т. п.

323

«бихевиоральной системы» (в отличие от «органической системы человека»), чтобы дедуцировать аспекты, значимые в отношении действия⁶⁴. В соответствии с этим необходимо (всегда из перспективы системы действия!) делать различия между «внешним окружающим миром физических и биологических условий действия и внутренними окружающими мирами» (имеется в виду: бихевиоральной, личностной, социальной и культурной систем)⁶⁵. Отсюда и человеческий организм в значительной мере остается окружающим миром системы действия; однако система действия совершает от-диф-ференциацию своих требований к организму, определенным образом соотносит их с подсистемами и тем самым может лучше приспособиться к физическим, химическим и органическим условиям жизни.

С совершенно иной перспективы необходимость такого различия следует и для теории социальных систем, представленной здесь. Так как мы в отличие от Парсонса все же не исходим лишь из аналитических систем, а должны доказать их образование конкретно и эмпирически, то нам не так-то просто найти решение данной проблемы различия. Во всяком случае, недостаточно постулировать особую «бихевиоральную систему» как один из четырех аспектов действия.

Основной вопрос возникает в связи с понятием взаимопроникновения: в каком смысле в социальной системе используется комплексность телесного бытия и физического поведения для упорядочивания их связей? И как следует дисциплинировать тело в психическом плане, чтобы это было возможно?

Что есть человеческое тело само по себе — неизвестно⁶⁶. То, что оно может быть обоснованным предметом научного исследования в биологии человека, выходит за пределы тематики наших исследований. Нас здесь интересует повседневное использование тела в социальных системах. С точки зрения теоретических требований социология телесного поведения находится еще в своего рода чрезвычайном положении, тем более что здесь ей как раз нечему по-

⁶⁴ См.: *Parsons T. A Paradigm of the Human Condition // Parsons T. Action Theory and the Human Condition. New York, 1978. P. 361, 382 ff.* Стимул к тому и термин происходят из: *Lidz Ch. W., Lidz V. M. Piaget's Psychology of Intelligence and the Theory of Action // Explorations in General Theory in Social Science: Essays in Honor of Talcott Parsons / Ed. J. J. Loubser et al. New York, 1976. Vol. 1. P. 195—239 (в частности, p. 215 ff.)*. В немецком переводе: *Allgemeine Handlungstheorie / Hrsg. J. J. Loubser u. a. Frankfurt, 1981. S. 202—327 (265 ff.)*.

& *Lidz Ch. W., Lidz V. A./, a. a. O. P. 216.*

⁶⁶ Разумеется, это не мешает наблюдать, определять «жизнь», антиципировать поведение и т. п.

324

учиться у биологии⁶⁷. Это позволяет не многим более, нежели систематическое наблюдение и иногда классификация⁶⁸. Тем не менее Г. Мид для обозначения данного социального использования тел ввел понятие «жест». В его небольшом, но содержательном замечании говорится: «В чем заключается основной механизм, гарантирующий ход социального процесса? Это — механизм жестов, обеспечивающий взаимно адекватные ответы на поведение отдельных индивидуальных организмов, включенных в социальный процесс. В каком-либо социальном акте регулирование действий одного организма, включенного в действия другого, является эффективным за счет жестов; жесты есть движения одного организма, которые действуют как стимулирующий сигнал для (социально) уместных ответов другого организма»⁶⁹. Остается вопрос (полностью отвлекающий от неясности соотношения понятий поведения, действия, жеста), как должна проявляться спецификация телодвижений, чтобы служить специфическим стимулом поведения другого. Иными словами, как два тела обеспечивают свое весьма специфическое взаимодействие? Понятие жеста лишь называет результат, но не объясняет его.

В соответствии с общим допущением о составной конституции самореферентных систем и на основе теоремы двойной контингентности мы исходим из того, что лишь удвоение спецификации объясняет ее. Спецификация потенциала телесного поведения следует из специфического использования, использующего, со своей стороны, возможности спецификации. Тела обеспечивают друг для друга возможности редукции. Они способны на это при демонстрации своей комплексности, прежде всего в смысле возможностей пространственных передвижений, обещая тем самым обусловливаемость своей самостоятельно выполненной редукции.

Социальная спецификация, вызванная взаимно, является, конечно, лишь особой актуализацией некоего глобального положения дел. Более общее высказывание гласит: окружающий мир специфицирует телесное поведение, так как он уже всегда специфицирован. Если хотят сесть на стул, то делают это лишь определенным образом, так как стул есть стул. Однако эта уже-специфицированность

⁶⁷ О состоянии исследований см.: *Bohanski L. Die soziale Verwendung des Körpers // Zur Geschichte des Körpers / Hrsg. D. Kamper, V. Rittner. Mun-chen, 1976. S. 138—183.*

⁶⁸ В качестве хорошего примера ср.: *Mauss M. Les techniques du corps // Journal de Psychologie Normale et Pathologique 32 (1936). P. 271—293.*

⁶⁹ *Mead G. H. Mind, Self and Society From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, 1934; переиздано: 1952. P. 13 ff.*

325

окружающего мира недостаточна, когда речь идет об эмерджентности более высоких уровней образования систем. В таком случае она должна быть сначала вновь устранена, заменена, либо пробита неспецифицированностью специфических систем окружающего мира. Сферы, которые еще не специфицированы, в уже специфицированном окружающем мире приобретают особую стимулирующую значимость; и на этом основании уже не случайно, что тела приступают к исполнению взаимно вызванной спецификации.

Данные системно-теоретические высказывания являются, конечно еще слишком обобщенными для прояснения социальной проблематики телесного поведения. Такой уровень обобщения является необходимой основой всякого дальнейшего развития теории. В конечном итоге люди неизбежно полагают друг друга в телесной оболочке; иначе они не могли бы ни локализовать, ни как-либо иначе воспринимать друг друга. Телесность есть и остается общей (и в этом отношении теоретически тривиальной) предпосылкой социальной жизни. Иначе говоря, различие телесности и бестелесности (по крайней мере, для нашей нынешней общественной системы) не имеет какой-либо социальной значимости. Таким образом, нельзя придавать значение телесности посредством ее противоположности. Ее можно лишь выделять, с ее стороны, как особое условие, возможность, ресурс связей в социальных системах. В таком случае телесность является общей, а для особых контекстов — в то же время особой, если вообще не решающей предпосылкой операций присоединения. Ее можно развивать, подготавливать, совершенствовать для определенных социальных функций.

В книге Н. Элиаса «О процессе цивилизации» тело интенсивно использовалось, так сказать, совершенствовалось, прежде всего в качестве возможности жестов. Детализация жестов позволяет обойтись без пока отсутствующего психологического понимания. «Черный ящик» иного тела снабжается более дифференцированными входом и выходом, без попытки смоделировать, что происходит там «внутри». В научном отношении еще в 1700 г. в распоряжении имелось немногим более, чем учение о соках и темпераментах; моральные понятия смешивались с понятиями чувствительности на входе (в частности, страстью и впечатлительностью) и результатами на выходе (воля, мужество, самообладание, иногда—тщеславие) и поэтому не допускали какой-либо психологически ориентированной индивидуализации, не говоря уже о создании стратегий, адекватных ситуации. Соответственно приходится рассчитывать лишь на совершенствование жестов, включая языковые. В этом смысле еще верят в риторику, а также в хорошее поведение; вздохи, коленопреклоне-

326

ния, слезы могут, видимо, служить доказательством любви; а мораль и психология карманника состоит в телесных действиях, направленных на успех⁷⁰. Однако в XVIII в. начинается отступление риторики и жестикуляции и наступление психологии. То, что настоящая любовь не может разбиться об ошибки тела (поклонник, падая на колени, случайно задавил комнатную собачку), ясно уже для Мармонтеля⁷¹. Развитие завершается открытием «бессознательного» {и все-же не «телесного»!}. Теперь можно и в научном отношении, и в отношении повседневности ориентироваться на различие сознательного и бессознательного, и в «языке тела» нет тому какого-либо столь же продуктивного эквивалента. С помощью различия сознательного и бессознательного психическое освободилось от телесного (точнее, от схемы души и тела), стало самовольным, высококомплексным и, несмотря на это, легко поддающимся интерпретации. Однако тем самым культура тела потеряла свою ценность индикатора психических процессов. Хотя в социальной жизни взаимное проникновение по схеме сознательное/бессознательное и может включать в себя телесное поведение как управляемое психически⁷², однако именно этим оно упраздняет функцию культуры тела заменять обращение к психическому.

⁷⁰ Здесь вспоминается роман Д. Дефо «Молль Флендерс» (1722), содержащий изобилие доказательств тезиса, что наблюдение жестов готовит место для еще не возникшей психологии. Кроме того, следует вспомнить и о современном пристрастии к романам в письмах; о запутанном стиле Кре-биллона (сын), добивавшегося психологической сложности в форме диалогов с помощью высокой сложности языковых жестов и именно поэтому прославившегося, хотя в то же время и раскритикованного; и об изобилии слез, пролитых во французских романах середины века. Все это уже чрезмерно (или, по крайней мере, так воспринимается современным читателем) и показывает, что к телу как опоре сознательного и бессознательного в психике уже предъявляются чрезмерные требования.

⁷¹ Ср.: *Marmontel. Le scrupule ou l'amour mecontent de lui-meme ff* CEuvres completes. Vol. 11, 1. 1819—1820; переиздано: Genf 1968. P. 28 ff. (30). В порядке сравнения: в фильме «Добро пожаловать в Лос-Анджелес» «язык тела» выступает помехой — спонтанность чувств пропадает, если любовнику нужно сбежать в туалет. Сильная редукция к физическим процессам — несмотря на любое понимание необходимости и сколь угодно открытую коммуникацию на сей счет — как раз мешает восстановить коммуникацию.

⁷² Правда, в таком случае теории телесной презентации в стиле Гофмана живут утонченностью толкований, которая сама обязана собственно схеме сознательное/бессознательное. Однако тем самым эти теории основываются на присущей им привлекательности (в том числе языковой!), неконгруэнтной перспективе, чуждой самому телу. (См.: *Гофман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.—Прим. отв. ред.*)

327

Распространенный упрек гласит: тело насильно заставили молчать⁷³. В таком случае его следовало бы пожалеть и оживить, что не должно означать злоупотребление им как оружием протеста или немим свидетелем разрушения культуры. Однако это могло бы, скорее, убедить в необходимости большей дифференциации процесса взаимопроникновения, которое во многих отношениях обходится без прежнего многофункционального, спонтанного и целенаправленного, чувственного и семантического использования тела. Вместо этого, видимо, больше, чем когда бы то ни было, дело заключается в *генерализованном* потенциале тела *как такового* — молодости.

Это ни в коем случае не исключает, а скорее как раз проясняет, что и тело может быть использовано в социальных связях более специфически, так сказать, «в большем соответствии с телом». Одной из таких возможностей является тонкое согласование поведения и скорости его координации посредством телесности, невозможное через сознательный контроль. Пожалуй, самым верным примером тому является танец⁷⁴. Совместное музицирование также приводит к такому добавочному, непонятно откуда взявшемуся слаженному телесному поведению. Для этого не случайно требуется задать ритм, показывающий необходимый период непосредственного (без перерывов) вспоминания и предвосхищения⁷⁵. В совместном ручном труде, например пилой, такой ритм нужен лишь в самой работе; в таком случае требования к координации не так уж велики. В других случаях, например в играх с мячом, дело может состоять в умении использовать экстраполяцию партнера и возникающий у него ритм для обмана — в умении, угадав ритм партнера, пресечь его. Общее во всех названных случаях то, что в самом телесном согласовании заключается своего рода «прибавочная стоимость» и что деятель-

⁷³ В качестве таких воззрений помимо работ М. Фуко см.: *Zur Geschichte des Körpers / Hrsg. D. Kamper, V. Rittner. München, 1976.*

⁷⁴ Именно потому, что танец выделяется в качестве совершенной формы телесной согласованности, он может быть исходным пунктом оборачивания символики: одиночный танец-тряска в современной дискотеке меняет прекрасное на безобразное, меру — на чрезмерность, форму — на импульсивность и так подчеркивает отсутствие партнера.

⁷⁵ Свообразную социальную релевантность чисто темпоральной структуры ритма можно обосновать и обратным путем. Ритм не только осуществляет социальную координацию, но и предполагает ее в качестве адекватного понимания. Так, в современной лирике встречаются ритмы, которые уже невозможно понять просто чтением или чтением вслух, а можно — лишь при чтении перед слушателями. Этим знанием я обязан Ф. Р. Холлю.

328

ность становится нужна и по этой причине, а в танце — именно по данной причине.

Спорт является одной из особых областей современной физической культуры⁷⁶. В спорте прежде всего бросается в глаза крайняя редукция обширных смысловых отношений, служащая затем основанием комплексного оформления оценок результатов, их измерения, фиксации, сравнений, повышения и снижения. Сюда присоединяется обслуживающая индустрия, сопутствующий зрительский интерес и т. п. Тем самым не только подтверждается (еще раз), что редукции обеспечивают построение комплексности, затем уже более не контролируемой посредством редукций. Скорее всего, по-видимому, тело непосредственно подходит на роль точки схождения бессмысленного, если оно не упорствует в голой фактичности, а точка зрения спорта служит

исходной точкой собственной смысловой сферы⁷⁷. Спорт не нуждается и не терпит какой-либо идеологии (это, однако, вовсе не исключает его политического употребления). Он представляет тело, которое нигде больше не используется столь правомерно. Спорт легитимирует отношение к собственному телу через его собственный смысл — пусть и не без аскезы, но в сущности все-таки в точной противоположности аскетизму, т. е. не негативно, а позитивно. И он делает это без привязки к иным смысловым сферам. Известно, что спорт — это здоровье⁷⁸; но данное смысловое отношение указывает опять-таки лишь на само тело.

Еще одну сферу (наряду с танцами и спортом), где телесность познается и используется как особый феномен, можно назвать областью *симбиотических механизмов*TM. Здесь речь идет об аспектах телесности, имеющих особое значение для отдельных функциональных систем общества, — телесность как источник помех или как основа от-дифференциации. Всякая, даже самая невероятная от-диф-ференциация специфических функциональных областей опять-таки должна быть связана с тем фактом, что люди могут жить вместе, видеть, слышать друг друга, соприкасаться в телесном бытии. Даже самые одухотворенные, почти нематериально управляемые систе-

⁷⁶ Стимул для нижеследующего фрагмента исходит от Ф. Риттнера.

⁷⁷ Наблюдения, аналогичные (не случайно!) по форме, можно сделать в отношении «культуры наркотиков». См., в частности: *Gerstein D. R. Cultural Action and Heroin Addiction. Ms., 1981.*

⁷⁸ Разные суждения, которые может вызвать данное суждение, здесь неважны.

⁷⁹ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Symbiotische Mechanismen // So-ziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 228—244.*

329

мы, такие как экономика, право, научное исследование, не могут полностью оторваться от «телесного бытия». Эти системы могут свести телесность к «поцелую тени»⁸⁰, как в «Шелковой тувельке» П. Клауделя*; однако они должны как-то включать контроль телесности в символизм своих генерализованных средств коммуникации; они должны готовить для этого знаки, выражающие привод в действие или отказ, предусматривать формирование соответствующих ожиданий. Социокультурная эволюция не направлена от материи к духу, от энергии к информации, но приводит ко все более претенциозным, многоаспектным комбинациям телесности и функционально-специфической коммуникации. Это, как видно по деинтеллектуализации впечатлительности у Руссо, вполне может сводиться к новому открытию собственной значимости тела.

Поэтому не случайно, что все большие функциональные сферы должны регулировать свое отношение к телу и что вместе с от-диф-ференциацией особых символически генерализованных средств коммуникации это отношение должно быть точнее и специфичнее приспособлено к функции путем особых символизации, а именно механизмов симбиоза. Так, с XVI в. основной предпосылкой всякой политики становится неперемное превосходство в физической силе⁸¹. Наука в XVIIв. стоит перед необходимостью по-новому регулировать свое отношение к восприятию, чтобы иметь возможность доказательства посредством восприятия восприятий другого и тем самым встать на эмпирический фундамент; она становится социально организованным и (поэтому!) эмпирическим исследованием. В XVIII в. дело впервые доходит до обособления и повышения значимости механизма симбиоза в любви, в сексуаль-

⁸⁰ В театре это, конечно, уже символизация символизации минимально необходимого.

⁸¹ Парсонс говорит в этом смысле о «реальных активах». Ср.: *Parsons T. On the Concept of Political Power, and Some Reflections on the Place of Force in Social Process // Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York, 1967. P. 297—354 либо 264—296.* См., кроме того: *Luhmann N. Macht. Stuttgart, 1975. S. 61 ff.*; и в связи с этим о проблемах в отношениях политической и правовой систем (в частности, как темы XVIII в.), а также: *Luhmann N. Rechtszwang und politische Gewalt // Luhmann N. Aus-differenzierung des Rechts. Frankfurt, 1981. S. 154—172.*

* П. Клаудель — французский дипломат, известный и популярный в прошлом поэт и драматург, обратившийся в католицизм. Драма «Шелковая тувелька» — наиболее известное его произведение — впервые была поставлена во Франции в 1929 г. и часто исполнялась в послевоенной (но не современной!) Германии. «Поцелуй тени» следует понимать, исходя из строгости католических нравов, как допустимый этикетом поцелуй без эротического значения. — *Прим. отв. ред.*

330

ности⁸² в виде позитивной либо негативной сексологии, в романе и даже в автобиографии (Руссо). В конце концов и для экономики осуществление универсального управления через такое средство коммуникации, как деньги (т. е. через образование капитала), следовательно, «капитализм»,

возможно, по-видимому, лишь в том случае, когда физические потребности вполне удовлетворены именно таким путем; тогда репродукция человечества становится уже не только сексуальной, но и экономической проблемой, а «пауперизм» обсуждается как феномен современности⁸³.

Разумеется, во всех названных отношениях — как субъект и как объект физической силы, как воспринимаемое, как сексуально возбудимое, как носитель потребностей — тело уже всегда было значимым. Этот факт допускает весьма различные отношения с социальным порядком. В самых древних из еще известных общественных формаций, по-видимому, типична высокая степень произвола и тем самым высокая степень смещения данных способов в употреблении тела наряду со строгой регламентацией малочисленных ситуаций⁸⁴. Развитие происходит в направлении комбинаций, предусматривающих меньше произвола, а больше свободы, меньше ритуальных определений, а больше дисциплины, что оправдано эволюцией⁸⁵.

Предпосылку, из которой мы исходили выше, можно понимать теперь как результат данного развития и основываться на ней. Современная семантика тела уже не может пониматься с

помощью различия *res corporales/res incorporates*, посредством которого тра-
⁸² Ср.: *Luhmann N. Liebe als Passion: Zur Codierung von Intimitat*. Frankfurt, 1982. S. 137 ff. Впрочем, показательно, что именно французская литература способна подтвердить данный тезис. Во Франции XVII—XVIII вв. данная модель апробируется, доводится до предела и провала. В наше время необычайная свобода женщины распоряжаться своим телом требует сильной дисциплины вербального поведения (что в то же время придает большое значение широко обсуждаемому «языку взглядов»). В XVIII в. для соблазнения в конце концов необходим лишь «разум», а не «сердце», лишь стратегия, а не страсть, лишь ловкость и сноровка, а не привязанность — результат, против которого затем восстает его картина — опасная связь.

⁸³ В качестве свидетельства врача см.: *Hall Ch. The Effects of Civilisation on the People in European States*. London, 1805; переиздано: New York, 1965.

⁸⁴ Ср. также: *Berndt R. M. Excess and Restraint: Social Control Among a New Guinea Mountain People*. Chicago, 1962.

⁸⁵ Здесь мы касаемся масштабных исследований Н. Элиаса: *Elias N. Ober den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. 2 Bde. Basel, 1939.

331

диция придавала отношению к телу информационную ценность. Тем самым и различие (смертного) тела и (бессмертной) души теряет опору в различии, выходящем за его пределы и структурирующем все творение, даже формулирующем сам акт творения: Соответственно отношение к смерти меняется и нуждается в новом осмысленном истолковании⁸⁶.

Пожалуй, этот поворот еще отчетливее виден в литературе XVIII в., воспевающей дружбу⁸⁷. В ней соединяется воедино религиозный экстаз, высокая моральная оценка и символика тела теперь уже нереальным способом — «психоаналитически» либо с намеком на гомосексуализм⁸⁸. Однако при этом никому не придет в голову подозревать писателей XVIII в. в том, что их пером водила мысль о собственном теле. Они вполне непринужденно и уверенно исходят из различия *res corporales/res incorporates*, уверенно используя метафоры тела для указания на иную сторону различия. Лишь в последней трети XVIII столетия данные семантические рамки исчезают и заменяются частично менее яркой метафорой эстетическо-

⁸⁶ Здесь XVIII в., по-видимому, также достигает переломного момента, причем задолго до Французской революции и наполеоновских войн, судя по множеству эмпирических исследований. См., напр.: *Vovelle M., Vo-velle G. Vision de la mort et de Pau-dela en Provence d'apres des autels des ames du purgatoires, XVe—XXesiècles*. Paris, 1970; *Vovelle M. 1) Pieté baroque et dechristianisation en Provence au XVIII siècle: Les attitudes devant la mort d'apres les clauses des testaments*. Paris, 1973; 2) Mourir autrefois. Paris, 1974; *Chaunu P. Mourir a Paris (XVie—XVile—XVIIIe siècles) // Anna-les E. C. S. 31 (1976)*. P. 29—50; *Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800*. London, 1977. P. 246 ff.; *Koseileck R. Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden // Identität (Poetik und Hermeneutik. Bd VIII) / Hrsg. O. Marquard, K. Stierle. München, 1979*. S. 255—276. В качестве (малозначительного, но именно поэтому типичного) современного доказательства ср.: *Pernetti J. Les Conseils de l'amitié*. 2ed. Frankfurt, 1748. P. 110 ff., в частности, приведенную там хвалу погибшим за отечество: "Ce qui n'est pas utile a la Societe, seroit compte pour rien" (Бесполезное для общества не имеет ценности (*фр.*). — Прим. отв. ред.).

⁸⁷ Ср., в частности: *Milnes L. Freundschaft und Liebe in der deutschen Li-teratur des 18. Jahrhunderts // Festschrift flir Hans Heinrich Borchardt*. Mun-chen, 1962. S. 97—138. См. также более старые сочинения: *Kluckhohn P. Die Auffassung der Liebe in der Literatur des 18. Jahrhunderts und in der deutschen Romantik (1922)*. 3. Aufl. Tübingen, 1966; *Rasch W. Freundschaftskult und Freundschaftsdichtung im deutschen Schrifttum des 18. Jahrhunderts vom Ausgang des Barock bis zu Klopstock*. Halle, 1936.

⁸⁸ Но, пожалуй, уже не столь непринужденно, как в 1920-е годы. Ср., напр.: *Pfister O. Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf*. 2. Aufl. Zurich, 1925; *Dietrich H. Die Freundesliebe in der deutschen Literatur*.

го, частично — различием пристойной и явно непристойной литературы⁸⁹.

С исчезновением основного различия телесного и бестелесного выходят из употребления прежние семантические допущения. Однако в то же время смысл тела освобождается и для тех особых определений, которые мы развили на примере танца, спорта и механизмов симбиоза. Само тело отчасти становится точкой кристаллизации толкований, включающих в себя социальное; отчасти — разлагается на аспекты для использования в комбинаторных связях больших функциональных систем. Следовательно, семантика телесности со своим, пожалуй, бесспорным влиянием на ощущение и использование тела коррелирует с изменением форм, возникающим в ходе социокультурной эволюции. И это происходит потому, что человеческое тело не является ни голой субстанцией (в качестве носителя способностей), ни голым инструментом для социального использования, а включается во взаимопроникновение человека и социальной системы.

Как известно, ноги остаются ногами, а уши — ушами при любой социокультурной эволюции. В качестве окружающего мира тело пред-задано обществу (что не исключает, а скорее как раз включает в себя то, что социокультурная эволюция оказывает влияние и на органическую эволюцию). Как высококомплексный и вследствие этого обуславливаемый агломерат систем, тело, напротив, имеет смысл, позволяющий комплексности появляться в распоряжении социальных систем: в таком случае совершенно естественно можно видеть, учитывать, ожидать, что оно поведет себя так или иначе. Однако данное единство комплексности и непосредственная ориентация с его помощью не есть само тело; они становятся единством и непосредственностью лишь в схеме различий, следующих из взаимопроникновения.

Х

Отношения, объединенные под термином «взаимопроникновение», обладают комплексной структурой, которую можно обобщить разве что в предельно абстрактных формулировках. Мы разложили ее в ходе изложения на отдельные аспекты, которые, однако, тесно взаимодействуют друг с другом. В заключении следует еще раз подчеркнуть, что взаимопроникновение есть также и такое предметное

⁸⁹ Различие, которое в таком случае вновь может стать предметом социологических исследований нестабильности. См. прежде всего: *Pareto V. Der Tugendmythos und die unmoralische Literatur*. Neuwied, 1968. 333

содержание, которое исторически варьируется во всех затронутых отношениях, т. е. развивается и изменяется вместе, с эволюцией общественной системы. Основой данного допущения является тезис о том, что отношения комплексности не допускают ни произвольного, ни независимого от них порядка. Если комплексность, предоставляемая друг другу взаимопроникающими системами, усиливается, если контингентность ее редукции становится различимой, если обостряется избирательность всех определений, то это меняет и формы взаимопроникновения, которые в таком случае еще могут быть оправданы.

Великолепный (поскольку ясно сформулирован) исходный пункт такого анализа предлагает герой греческой трагедии. Он не действует по четкой бинарной схематизации, история его судьбы подтверждает справедливость перехода в несправедливость, *nomos agraphos** наделяет его и противоположную позицию правотой и неправотой⁹⁰. Таким образом, герой целиком и полностью отвечает за свои поступки. Без бинарной схематизации нет и никакого «исключенного третьего», никакого питомника для тела. Нет никакого спасения души, компенсирующего страдания, либо обеспеченного из милости. После преступления нет «права на пенсию». Поступки есть взаимопроникновение личности и закона, в котором не предусмотрено обоюдно свободного поведения (либо лишь в форме парадоксальных, безвыходных ситуаций). Величие в том, чтобы действовать. То, что приводится в действие полисом, отделяется от этого и дифференцирует взаимопроникновения. Становится ясно (этика формулирует это с учетом логики), чем можно снискать уважение, а чем — нельзя. Правильные поступки уже не порицаются. Социальное и межчеловеческое взаимопроникновения начинают расходиться. Личностная солидарность (любовь, дружба), хотя и подвергается этической обработке с точки зрения полиса, уже не совпадает с хорошей жизнью в полисе и для него; она уже не имеет безусловно политической природы. В конце концов в ходе цивилизации возникает отдельная субстанциализация тела и души с разной судьбой, и в обоих случаях возможно присоединение разной восприимчивости и утончений — процесс разделения, который в конце концов низвергает даже преисподнюю «Просвещения»: уже не понятно, зачем там жарят тело.

Если требуемые дифференциации понимаются как коррелят социально-структурных усилений комплексности, то становится ясно,

⁹⁰ См. интерпретации Софокла в: *Wolff E. Griechisches Rechtsdenken*. Bd II. Frankfurt, 1952. S. 198 ff.

что нельзя вернуть единство действия и личной судьбы. Именно это пытался сделать Ж. Жене, но неудачно. Действие и поэзия распадаются. Героям, чтобы быть тем, кем они хотят быть, необходимо наблюдать и комментировать себя на языке, который (несмотря на любой жаргон) не есть язык их поступков. Проблему нельзя решить путем переноса из позитивного в негативное и обратно; это стало недоступным хотя бы потому, что позитивное и негативное исключают друг друга.

Таким образом, имеет место диверсификация не только видов действия, не только ролей, не только функциональных систем, но и отношений взаимопроникновения и форм их использования. Прежде всего расходятся межчеловеческое и социальное взаимопроникновения. Общество не может ни обещать, ни выполнять того, чего ожидают от другого человека (хотя, конечно, любая коммуникация есть и остается общественным процессом). Возникают такие символы, как «счастье» или «случай», отражающие подобное положение вещей. Если на такое развитие проецируют использование морали, то значительное совпадение общества и морали (что включает позитивно и негативно оцениваемые поступки) не соответствует, по-видимому, ни исходной ситуации, ни сегодняшней действительности. Комплексному обществу необходимо для его аутопойесиса (а сюда же относятся и возможности завязывания и прекращения интимных отношений) такое множество столь разных ожиданий, что оно не может всех их санкционировать уважением, его сохранением или утратой. Это связано и с расстоянием между системами интеракции и общественными системами, чему мы посвятим отдельную главу. Отсюда следует, что для некоторых областей социальной жизни (не в последнюю очередь для любовных отношений) морализирование становится проблемой⁹¹. Тем самым ставится на карту слишком многое, но не хватает гарантий успеха.

Тем самым обозначены отношения, в которых социализация и ситуативное случайное воспитание уже недостаточны, чтобы человек обеспечивал предпосылки аутопойесиса общества. Так как мы понимали социализацию как последствия взаимопроникновения для людей, то можем утверждать, что взаимопроникновение репродуцируется не сразу, не просто само по себе; оно нуждается в обеспечении намерениями в качестве воспитания, в конце концов в организации, которая в таком случае со своей стороны производит особые взаимо-

⁹¹ Женщина должна полюбить мужчину с моральными изъянами — считается, напр., в: *DrozJ. Essai sur l'art d'être heureux*; переиздано: Amsterdam, 1827. P. 108 ff. Оборачивание данного тезиса заставило себя ждать несколько дольше.

проникновения с (непреднамеренными) эффектами социализации. На этом фоне «моральное воспитание» становится проблемой. На этом фоне — т. е. на основе опыта, показывающего, что общество не может контролироваться моралью, а социализация — воспитанием.

В заключение следует также учесть, что отношения взаимопроникновения есть отношения системы и окружающего мира, а именно отношения системы с особым окружающим миром взаимопроникающих систем. В каждом случае есть и другие области окружающего мира, и они также значимы для системы. Для социальных систем важны люди и вещи, окружающий мир познания и мотивов, а также окружающий мир ресурсов. Поэтому повышение комплексности имеет следствия и для отношения социальных систем с обоими этими окружающими мирами, а также для четкости, с которой они выделяются из социальной системы в качестве *ее* окружающего мира⁹². Репродукция предпосылок окружающего мира для потенциалов коммуникации и действия предъясняет в конечном итоге иные требования, нежели воспроизводство ресурсов природы; всегда речь идет о кругах взаимозависимостей, опосредованных иначе, и о все время разных источниках помех, а в таком случае и о все более разных цепочках последствий, которые запускает в обоих этих окружающих мирах сама социальная система. Когда это становится очевидным (в Европе данный процесс приобретает необратимость самое позднее в XVIII в.), человек уже не может традиционно рассматриваться по предметной схеме. Основное различие *ges* *corpore-les/res incorporeates* теряет свое центральное положение координатора множества семантических областей. Два окружающих мира не могут разделяться на основе понятия телесного воплощения. Человек становится субъектом, а «*ges*» — материей, сколь бы поспешно и недостаточно оба этих традиционных понятия ни формулировали то, что следует высказать. Все это в значительной степени сформулировано уже как теория общества, а не как общая теория социальных систем. Но это лишь подтверждает общее положение, что повышение комплексности социальных систем (а общество является самой комплексной системой, включающей в себя все

остальные) меняет отношения взаимопроникновения, диверсифицирует их и более опосредованно связывает опять-таки с их собственным «естественным» ходом. В таком случае должны быть созданы формы и разграничения, которые со своей стороны не остаются без следствий.

⁹² Мы продолжаем здесь рассуждения (гл.5, IV) о дифференциации окружающего мира.

Глава 7

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПСИХИЧЕСКИХ СИСТЕМ

I

Для рассмотрения предлагаемой здесь темы полезно напомнить некоторые отличительные признаки теоретических позиций, встречавшихся до сих пор. Мы рассматриваем социальные системы, а не психические. Мы исходим из того, что они не состоят из психических систем, тем более из живых людей. Поэтому психические системы относятся к окружающему миру социальных систем. Разумеется, они являются частью окружающего мира, особенно значимого для образования социальных систем. Мы учли это в предыдущей главе при помощи понятия взаимопроникновения. Такой тип значимости окружающего мира для построения социальных систем есть тип ограничения возможного, но он не препятствует тому, чтобы социальные системы создавались автономно и на базе собственных элементарных операций. В этих операциях речь идет о коммуникациях, а не о психических процессах самих по себе, следовательно, не о работе сознания.

Долгое время представители индивидуалистического редукционизма в социологии полагали, что имеют особые возможности доступа к элементарным, эмпирически доступным основам социальной жизни. В качестве первоначального источника эмпирических данных часто, даже чаще всего, выступает «индивид». Поэтому считалось, что наблюдение за поведением индивидов дает намного более непосредственное представление о детерминантах построения социального порядка, нежели статистические агрегации, не говоря уже о прекрасных теориях.

337

«Эти аргументы соответствуют действительности, но лишь отчасти», — вежливо комментирует Бернард Гизен¹. Я сказал бы жестче: они ошибочны по легко понятным причинам. Хотя материал наблюдения и является в конечном счете человеческим поведением, но как раз не как индивидуальное поведение. Уже Р. Дарендорф заметил данную проблему и, имея за собой Канта, привел ее к противоположности свободы и необходимости². Это, конечно, преувеличение, которое может быть оправдано лишь с помощью основных допущений трансцендентально-теоретической рефлексии. Мы смягчаем данный контраст тезисом о том, что речь идет о разных системных референциях, т. е. о разных отношениях системы и окружающего мира, следовательно, и о разных подходах к миру. Каждая из этих систем обладает своей собственной «внутренней бесконечностью». Ни одна из них не наблюдаема в своей целостности и в основах своего выбора. Поэтому принципиально неверно считать, что индивиды наблюдаемы лучше или, во всяком случае, непосредственнее, чем социальные системы. Если наблюдатель приписывает поведение индивидам, а не социальным системам, то это *ego* решение. Оно выражает примат не какой-либо онтологии человеческой индивидуальности, а лишь структуры самореферентной системы наблюдения, таким образом, в данном случае и индивидуальные предпочтения индивидов, которые тогда могут быть представлены политически, идеологически и морально, но не могут быть спроецированы в предмет наблюдения³.

Против такого рода индивидуалистического редукционизма постоянно возражают, что он в качестве такового не мог бы удовлетворять «эмерджентным» свойствам социальных систем. Добавим, что речь идет даже не о редукционизме, а лишь об отнесении (весьма урезанном) к психическим системам вместо социальных. Это обстоятельство меняется, если психические системы с легкой руки называют индивидами, таким образом, полагают их вполне охарактеризованными, если мыслят «неделимыми». Вместе с тем критические замечания в связи с этим часто оставляют впечатление, что

¹ O. G. evolutionstheorische Einführung. Hamburg, = Cp.: *Dakrendorf* R. Homo Sociologies. 7. Aufl. Köln-Opladen 1968

Впрочем, здесь также можно легко обнаружить принципиальную слабость *трансцендентально-теоретического* обоснования *индивидуальности* (вместо употребительных категорий разума). В соответствии с собственной теорией трансцендентальный теоретик должен в таком случае постулировать себя как свободного и поэтому непознаваемого индивида т е в качестве теоретика, не позволяющего себе подглядывать в карты.

338

отрицается, либо недооценивается одно важное обстоятельство. Поэтому мы включаем в изложение теории социальных систем главу об индивидуальности, скорее, маргинальную для настоящей теории. Ибо представление, что социальные системы состоят не из индивидов и не могли бы создаваться посредством физических и психических процессов, разумеется, не означает, что в мире социальных систем совсем нет индивидов. Напротив, именно теория самореферентных аутопойетических социальных систем провоцирует вопрос о самореферентном аутопойетическом психических систем и вместе с ним вопрос о том, как эти системы могут организовывать свою саморепродукцию от момента к моменту, «течение» своей «сознательной жизни», чтобы их закрытость стала совместимой с окружающим миром социальных систем.

II

Как всегда, одна из возможностей развития теории состоит в том, чтобы выяснить преемственность и разрывы с традицией. В понятиях индивида и индивидуальности содержится длительная и важная история, которую мы здесь можем обрисовать лишь кратко и лишь ради прояснения основополагающих предпочтений.

Вопрос, возникший уже в позднем Средневековье, о том, что есть в сущности индивидуальность индивида, привел к результатам, на которые мы можем непосредственно опираться⁴. Очевидно, что речь не могла идти о каком-либо дополнительном качестве, и так же мало — об определении, заданном извне. Скорее, индивида следовало понимать как индивидуализированного самим собой, тогда индиви-дуация заключалась в том, что именно она и составляет отличие от всего остального. После длительной дискуссии об истории понятия Ф. Суарез⁵ определяет индивидуальность через самореференцию: «*Modus substantialis, qui simplex est et suo modo indivisibilis, habet etiam suam individuationem ex se, et non ex aliquo principio ex natura rei a se distincto*»*. Все иные определения оказались несостоятельными.

⁴ Ср.: *Assenmacher J.* Die Geschichte des Individuationsprinzips in der Scholastik. Leipzig, 1926.

⁵ *Suarez F.* Dispositiones Metaphysicae. Disp. VI, 14; цит. по: *Opera Omnia*. Vol. I. Paris, 1866; переиздано: Hildesheim, 1966. P. 185.

* «Субстанциальный модус, являющийся простым и в своем роде неделимым, также получает свою индивидуальность в силу себя самого, а не в силу какого-либо принципа, в сущности отличного от него» (лат.). *Прим. пер.*

339

Однако вплоть до XVIII в. понятие индивида еще оставалось предметным, противоположным понятию комплексных и поэтому разложимых единств. Это понятие следовало первоначальному, исторически сложившемуся значению. Все неделимое можно было назвать индивидом; личность была лишь особым случаем неделимости рациональной субстанции. Вместе с индивидуальностью души в то же время гарантировалась ее неразрушимость и, таким образом, вечность жизни, что позволяло говорить об ответственности человека за себя на Страшном суде. На этой понятийной основе можно было проповедовать религию и мораль, постоянно настраивающие человека против его непосредственных интересов.

В остальном общество, дифференцированное пока еще сословно, обходилось крайней формой индивидуализма, героями и негодьями. Было достаточно указать лишь направление самоориентации и связать ее с общей шкалой качеств бытия. Самоориентация была связана с возможностью не просто отличаться, а быть лучше других, выше других.

Тем самым одновременно предreshалось, что в отношении данного узлового содержания человеческой индивидуальности не может быть каких-либо исторических изменений. «Я думаю, что человеческие души одни и те же во все времена», — пишет Э. Янг⁶, некий нетрадиционный автор, еще в 1759 г. Вся новая антропология неутомимых влечений и чувственности, интересов и удовольствия, страсти и себялюбия⁷, насчитывающая уже столетие, поначалу проскальзывала мимо данного понятия, гарантировавшего индивидуальность. Лишь трансцендентальная философия провозгласила абсолютный запрет использования понятия вещи для обозначения того, что, собственно, и делает человека человеком, — его самореферентного сознания, задающего собственные законы. Отныне человек должен, так сказать, сам знать, бессмертен он или нет. Разумеется, этот поворот подготовила специфически немецкая дискуссия об отношении особенного к общему, шедшая десятилетия. Проблемой данной дискуссии, развернувшейся отчасти в эстетике, отчасти — в теории познания, отчасти — в антропологии, был вопрос о том, как всеобщее может выступить в конкретно-особен-

⁶ См.: *Young E.* Conjectures on Original Composition// *Young E.* The Complete Works. London, 1854; переиздано: Hildesheim, 1968- Vol.2. P. 547— 586 (554).

⁷ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Frühneuzeitliche Anthropologie: Theorietechnische Lösungen für ein Evolutionsproblem der Gesellschaft // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 162—234.*

340

ном⁸. При этом исходили из континуума возрастающей определенности, в котором всеобщее как более или менее неопределенное составляло один полюс, а конкретные вещи как отдельный случай особенного — другой полюс; и таким образом, от человека вообще путем добавления дополнительных определений приходили в конечном итоге к конкретному индивиду. Такая схема мышления была совместима со стратификацией, так как в общечеловеческом можно было выразить тождественность (и отличие от животных и ангелов) и в то же время на ступенях конкретизации — сословные различия, национальность и т. п. Таким образом, индивиды понимались в связи с этим как конкретные личности и тем самым как реальная основа мироустройства, порядок которого заключался, однако, в более общих родо-видовых отношениях. Мучительный вопрос о том, что из всеобщего в таком случае доступно через особенное, разрушил данное построение мысли, после того как оно не могло уже больше опираться на сословный порядок. Мы можем в строгом смысле слова не задерживаться на трансцендентальной теории; вместе с возвратом индивида в теорию и с ре-антропологизацией трансцендентализма отношения становятся обратными — именно индивидуальность отныне является всеобщим, так как присуща всем без исключения. Разумеется, что мысли-телей-неогуманистов вплоть до Гегеля и Маркса не устраивает ссылка на то, что всякий человек есть индивид; но они все-таки исходят из этого и тем самым встают перед вопросом о том, как наполнить содержанием эту чисто количественную общность, эту голую всеобщность⁹. Сейчас все должно зависеть от того, как индивид реализует в себе всеобщее, человечество, мир. Для Гумбольдта, даже еще и для Гегеля — это вопрос образования¹⁰.

⁸ Социологически это можно интерпретировать на фоне распада стратифицированного общества, которое ради вкуса и способности суждения хотя еще и предполагало принадлежность к слою как основе гарантий, уже не могло дать каких-либо убедительных критериев тому. Об этом и о переходе к дискуссии о всеобщем в особенном ср.: *Baeumter A. Das Irrationalitätsproblem in der Ästhetik und Logik des 18. Jahrhunderts bis zur Kritik der Urteilskraft (1923). 2. Aufl. Darmstadt, 1967.*

⁹ Вопрос, эксплицитно затронутый Марксом в критике Гегеля по поводу § 308 «Философии права», см.: *Marx K. Kritik des Hegelschen Staatsrechtes (§ 261—313) // Marx K., Engels F. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Frankfurt, 1927; переиздано: Glashütten Ts., 1970. Bd 1, 1. S. 401—553 (539 ff.).*

¹⁰ «Последняя задача нашего бытия, заключающаяся в том, чтобы дать понятию человечества в нашем лице, как при нашей жизни, так и за ее пределами (ни слова о «неразрушимости»). — *И. Л.*), посредством признаков нашего живого воздействия столь большое содержание, сколь это воз-

341

XIX в. потратил много сил, чтобы дать индивиду его права, и в то же время вставить его в определенные рамки. В теории эти попытки были не очень успешными. На уровне описаний общества, которые теперь называют идеологиями, с 20-х годов названного века они привели к спорам между «индивидуализмом» и «социализмом» (позже — «коллективизмом»), которые шли как голое противостояние. Сам индивид, который, конечно, не обязательно должен был быть «индивидуалистом», оставался при этом без внимания. И если всеобщее могло быть предложено отныне как идеология, то это еще не обеспечивало возможности завоевания индивида для общества. От него требовалась реализация всеобщего в особенном путем самореализации, но именно эта программа была уже неосуществима в реальности психических и социальных систем. Начинаящая социология, озабоченная проблемой утверждения своей самостоятельности перед другими науками, не в последнюю очередь — перед психологией, должна была бороться прежде всего с противопоставлением индивидуализма и коллективизма. Она не могла полностью встать на ту или иную сторону, безоговорочно принять, например, утилитаристские или холистские (далее эмпирически неделимые) понятия целостности. Основное достижение социологии заключалось в опыте посредничества между индивидуалистскими и коллективистскими позициями и тем самым в уходе от политико-идеологической полемики. Важнейшим стимулом тому было понимание отношения индивида и общества не как вида противоположности интересов, а как вида отношений усиления — теоретический поворот, к которому затем возможно было подключать исследовательскую программу, обращающуюся в то же время к *специфическим условиям* усиления (либо, наоборот, утраты) индивидуальности и солидарности, свободы и государственности. Такое состояние теории зафиксировано Дюркгеймом в книге «О разделении общественного труда» (1893), но программа осталась невыполненной. Она и не могла бы ответить на вопрос, что, собственно, такое — «индивид», и как он делает себя возможным в меняющихся

общественных условиях.

Исследование ориентировано, скорее, на вывод о том, что отныне различие индивида и общества перемещается внутрь самого индивида как различие личной и социальной идентичности. В связи можно - такая задача решается лишь через связь нашего «я» с миром в самом общем самом живом и самом свободном взаимодействии. Г(яГ
sfcdt 1967s 23e5⁰ff^e) Un8ie8MenSChen, Wefke nBd n 2, Auf1, *TM_

342

с этим цитируют Дж. Г. Мида. Однако и независимо от Мида признано, что индивидуальность может рассматриваться не только как чисто личное достижение индивида и, таким образом, не как чистая саморефлексия". Тем самым, однако, лишь дублируют двучленную парадигму в индивиде, не выясняя, какие проблемы должны быть переработаны. Разумеется, это не может оставаться голым «как.., так и...». «Всеобщее» реконструируется как «социальное», мир задают другие. Это может быть выгодным эвристически, однако вопрос об отношении «я» ко всеобщему и о превращении его во всеобщее тем самым никак не продвигается вперед.

Эта проблема возникает и у Ю. Хабермаса. Правда, он принимает все меры в форме теоретических оговорок к тому, чтобы индивид, решившийся на коммуникацию, ориентированную на согласие, без принуждения мог проверить, *следует* ли считать основания тому общеобязательными. Но будет ли он это *делать*? И если Alter избегает такой проверки, должен ли Ego в таком случае взять ее на себя, хотя, по его мнению, это должен делать Alter? Иначе говоря, кто должен первый рискнуть довериться всеобщему — например, в случае разоружения? И если это дано каждому в отдельности, то может ли тогда кто-нибудь потребовать от себя начать с общей жизни?¹²

Как исключение из данной господствующей теоретической модели социально генерализированной, но именно поэтому и де-инди-видуализированной личной «идентичности» заслуживает внимания прежде всего общая теория социального действия как системы Т. Парсонса. На первый взгляд, здесь беспокоятся о четком разделении личностных и социальных систем. Обе они, каждая по своему

¹¹ Ср., напр.: *Durkheim E. Lecons de sociologie: Physique des mosurs et du droit. Paris, 1950. P. 68 ff.*

¹² С точки зрения техники построения теории эта проблема если не решается, то хотя бы сглаживается у К). Хабермаса благодаря тому, что в понятии основания совпадают когнитивные и мотивационные компоненты. Можно вообще не понимать оснований, не занимая положительной или отрицательной позиции по отношению к ним (*Habermas J. Theorie des kom-tunikativen Handelns. Bd 1. Frankfurt, 1981. S. 191*). Но такая позиция вынуждает (разве лишь ценой собственного непостоянства) к соответствующей ориентации на действие. Однако это исключает индивидуальность в Данном отношении, ибо она приобретает как раз через ориентацию на различие когнитивного и мотивов. То, что не следует *принуждать* себя в том числе и благодаря *собственному* пониманию, есть основание *свободы* следовать ему. В противном случае все мотивы были бы связаны с машиной мира. Иными словами, нет нужды дистанцироваться от мира с помощью понимания — это можно сделать с помощью мотивов.

343

основанию, т. е. всегда с учетом своих функций, есть подсистемУ общей системы действия. Если бы Парсонс задал; вопрос, чтб в таком случае является всеобщим в конкретном индивиде, то он мог бы ответить: его вклад в эмерджентность действия как такового. Разумеется, в таком случае эмерджентность действия нуждается в теоретическом пояснении, а оно оказывает обратное влияние на то, что в любой системе — следовательно, и в психической — функционирует в качестве всеобщего. Для комплексности парсоновских теоретических построений характерно, что здесь возможен двоякий ответ. С одной стороны, совокупность того, что необходимо для эмерджентности действия, выражается в схеме четырех функций. Отсюда, чтобы способствовать эмерджентности действия (во всяком случае, систематизировать свой вклад), психическая система должна выполнять четыре функции. С другой стороны, по парсоновской схеме, ориентация на основные ценности есть *специальная* функция, а именно функция латентного сохранения образца. Эта функция стоит в иерархии выше других. Сюда следовало бы отнести традиционную мистику целостности, во всяком случае, государство Гегеля. Решающим для системы Парсонса является то, что ее открытость остается всегда лишь единичным вкладом в образование системы наряду с другими и что схема четырех функций в каждой подсистеме обеспечивает то, чтобы и всем остальным функциям, как во внутренних, так и во внешних отношениях системы, уделялось должное внимание. В связи с данным требованием Парсонс говорит о взаимопроникновении. Однако в таком случае взаимопроникновение не является *конститутивным* для индивидуальности ни в культурном, ни в социальном отношении. Скорее, взаимопроникновения являются лишь последствиями системной дифференциации, а последней гарантией системности психических систем (можно ли сказать — индивидуальностей психических систем?) служит тезис,

что иначе невозможно удовлетворить существенным признакам понятия (!) действия. Данная теория, похоже, полностью отказывается от фактора самореференции, до сих пор владевшего темой¹³. Она заменяет его в архитектуре теории ориентацией на основные различия, при помощи которых образуется таблица четырех функций. В этом заключается и специфическая новизна данной теории: она начинает не с единства, а с различия. Однако она платит за это признанием, что речь в ней идет лишь о *понятии* действия, что она сформулирована

¹³ Ср. также: *Luhmann N. Talcott Parsons: Zur Zukunft eines Theoriepro-gramms // Zeitschrift fur Soziologie 9 (1980). S. 5—7 (12 ff.)*.

344

лишь из перспективы *наблюдателя*, что она может быть лишь *аналитической* теорией. Таким образом, в нее не входит все то, что происходит в черных ящиках самих систем, поэтому она не дает ответа на вопрос, в каком смысле и при каких условиях индивиды есть индивиды для самих себя.

Таким образом, весьма лапидарный обзор теорий индивидуальности приводит к следующему результату: если придерживаются фактора самореференции, то имеют проблему, состоящую в том, что следует указать, при каких ограничениях самореференция конституирует индивидуальность. Этот вопрос по традиции переплетался с проблемой условий приемлемой индивидуальности, с реализацией всеобщего в индивидуальной жизни, с отношением к целостности; в этой форме он, пожалуй, едва ли может быть сегодня вновь актуализирован¹⁴. Если же, напротив, отказываются от фактора самореференции, то отходят на позицию наблюдателя, который ничего не может сказать по поводу своей индивидуальности, т. е. никак не может объяснить, как он сам может быть наблюдателем. Возникает вопрос, исчерпаны ли тем самым все возможности.

III

В теории аутопойетических систем можно найти отправные точки для нового подхода к проблеме индивидуальности психических систем. Преодолеваются ли тем самым известные трудности философии самореферентного сознания (например, фихтеанского типа) и каким образом это делается — задача позднейшей проверки. Для нижеследующего важно прежде всего скрупулезно различать¹⁵ аутопойетическую социальных и аутопойетическую психических систем (несмотря на оперирование обеих на основе смысловой самореференции) и не стремиться лишь к еще одной попытке индивидуалистического редукционизма¹⁶. Скорее, основное понятие самореферент-

¹⁴ Ср. об этом: *Theunissen M. Selbstverwirklichung und Allgemeinheit: Zur Kritik des gegenwartigen BewuBtseins*. Berlin, 1982.

¹⁵ Это различие исключает позиции, относящие сознание к основным социологическим понятиям. Прочитируем лишь одно яркое свидетельство: «Возможно, что важнейшее понятие общественных наук — понятие сознания» (*BeShan J. Meanings and Situations*. London, 1973. P. 11).

¹⁶ В обоих случаях есть и противоположное мнение: *He/I P. M. 1) Sozi-alwissenschaft als Theorie selbstreferentieller Systeme*. Frankfurt, 1982; 2) *Die Theorie autopoietischer Systeme: Perspektiven fur die soziologische System-theorie // Rechtstheorie 13 (1982). S. 45—88*,

345

но-закрытой репродукции системы может быть применено не* у посредственно к психическим системам, которые воспроизводят со-'; знание через сознание и при этом настроены на самих себя, т. е. не || получают сознание извне и не возвращают его туда. При этом под ••. «сознанием» следует понимать не наличное субстанциально (к чему нас постоянно толкает язык), а лишь специфический модус операций психических систем.

Ввиду своего положения в окружающем мире не может быть сомнения в том, что психические системы являются аутопойетически-ми, причем не на основе жизни, а на основе сознания. Они используют сознание лишь в контексте своих собственных операций, в то время как все контакты с окружающим миром (в том числе и со своим телом) опосредованы нервной системой, т. е. должны использовать иные уровни реальности. Нервная система — закрытая система, и уже лишь на этом основании психическая система, также оперирующая сознанием, должна быть основана исключительно на самоконституированных элементах¹⁷. Как бы ни называли элементарные единицы сознания (оставим в стороне различие идей и ощущений и будем говорить лишь о представлениях¹⁸), только их объединение способно продуцировать новые. Представления необходимы для новых представлений. Непрерывный процесс образования новых представлений из представлений хотя и можно искусственно прервать, но лишь с тем результатом, что тогда возникает особое сознание времени, направленное вовне, которое известным образом ожидает нового начала воспроизводства представлений и для этого держит наготове потенциал внимания. Важную подготовку теории аутопойетической психических систем, основанных на сознании, проделал

Э, Гуссерль, и стоит потратить время на оценку близости к его трансцендентальной феноменологии и дистанции от нее. Соответствие заключается прежде всего в понимании темпоральности сознания, а не просто в его зависимости от времени! — таким образом, в тезисе Гуссерля выражается, что сознание во всех его ретенциях и протекциях всегда оперирует в настоящем и не может обладать здесь какой-либо длитель-

¹⁷ Ср.: Roth G. Cognition as a Self-organizing System // Bensele F. et al Autopoiesis, Communication and Society: The Theory of Autopoietic System in the Social Sciences. Frankfurt, 1980 P 45—52

» При этом можно было бы сослаться на Г. Фреге, но тогда следовало бы абстрагироваться от (скорее, попутного) определения представления как «внутреннего образа». Речь должна идти о любом элементе, идентифицирующем сознание как оперативное единство для производства дальней-

346
ностью. Оно должно постоянно сохранять и возобновлять себя (что ЭК. Деррида в дальнейшем назовет *differance**). Однако уже в «Логических исследованиях» Гуссерль определяет линии, направляющие всякий дальнейший анализ в форму трансцендентальной теории. Они заключаются в том способе, который определяет отношение сознания и коммуникации (т. е. психических и социальных систем)¹⁹.

Гуссерль рассматривает коммуникацию с позиций отдельного изолированного сознания как одну из вполне возможных операций, что выдвигает понятие сознания на теоретически приоритетную позицию. Сознание может придать коммуникации выразительную ценность и значение; но для того чтобы узнать, как это возможно и что означает, следует прежде всего проанализировать само сознание как «уединенную внутреннюю жизнь». При этом сталкиваются с проблемами самореференции, т. е. со структурами, которым в научной мысли того времени отказывали в «эмпирическом» качестве. Поэтому самостоятельная длительность сознания во времени не считалась эмпирической реальностью. Это функциональное место теории занимает понятие идеального, бесспорно гарантирующее безусловную повторяемость представлений, т. е. непрерывное содержательное наполнение трансцендентальной «жизни». Таким образом, феноменология может быть разработана как строгая наука и, вырабатывая такие идеальные сущности, обрисовывая смысловое содержание, обеспечивающее сознанию его трансцендентальную жизнь. При этом «жизнь» есть не что иное, как метафора того, что мы называем аутопойесисом. Именно фатальное различие эмпирического и трансцендентального рассекает единство аутопойесиса сознания. Оно устойчиво лишь до тех пор, пока считают, что сознание есть не что иное, как частный случай аутопойетической системы. Однако если в социальную систему включить органическую жизнь и коммуникацию, то общую теорию придется переписать с точки зрения множества системных референций, но тогда Нет смысла приписывать одной из них приоритет быть трансцендентальным субъектом. Следствие состоит в том, что различие эмпирического и трансцендентального можно опустить при анализе сознания как более не нужное удвоение феноменов.

Вернемся к теории аутопойетических психических систем. Если исходить из данной концепции, то индивидуальность не может быть не чем иным, кроме циркулярной закрытости этой самореферент-

¹⁹ Мы опираемся здесь на положения гл. 4, раздел III. * *Differance (фр.)* — различие. — Прим. отв. ред.

347
ной репродукции²⁰. В рефлексии (являющейся одним из процессий сознания наряду с остальными, который актуализируется лишь в случае необходимости) данная закрытость выступает в виде само-полагания сознания. Сознание знает, что оно такое, лишь благодаря знанию того, что оно есть. Однако сначала и до всякой рефлексии самореференция всегда уже имеется на уровне базальной операции, в которой одно представление производит следующее и является представлением, лишь совершая это. Уже на данном уровне базовых операций решено, что сознание не знает того, что оно не знает, не видит того, что оно не видит, и не подразумевает того, что оно не подразумевает, — и что именно данной негативности ничего не соответствует в окружающем мире. Отсюда следует, что реальность никогда не дана сознанию как таковая, а дана лишь таким образом, чтобы операции сознания контролировали сами себя²¹.

Подобно рефлексии, это справедливо и для целей, преследуемых психическими системами. Целеполагания также имеют место лишь в сознании и предполагают его аутопойесис. Цели кладут конец определенным последовательностям, но лишь тогда, когда последовательности не являются концом самопродолжения сознания; это особенно важно учитывать, когда достижение целей требует много контингентных, произвольных комбинаций. Сознание не может ставить целью

собственный аутопойесис — это прекратило бы его существование²². Таким образом, данную циркулярную закры-

²⁰ В случае равносильного тезиса, что аутопойесис есть индивидуальность, Матурана и Варела сильнее настаивают на императиве самосохранения. Ср. в немецком переводе: *Maturana H. R. Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit*. Braunschweig, 1982. S. 192. Основанием в данном случае является фактичность закрытой репродукции, которая может наблюдаться как отличие от окружающего мира, а не как норма или ценность, состоящая в том, чтобы быть и оставаться тем, что есть.

²¹ Ср.: *Foerster H. von. On Constructing a Reality II Environmental Design Research Vol. II / Ed. W. F. E. Preiser. Stroudsboung Pa., 1973. P. 35—46.*

²² Ср. в связи с этим различие хода мысли и целенаправленной речи в: *Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik und Kritik*. Frankfurt, 1977. S. 178 ff.: «Там — как в потоке бесконечного, в потоке неопределенного перехода от одной мысли к другой, без необходимой связи. Здесь, в закрытой речи, есть определенная цель, с которой связано все, — одна мысль с необходимостью определяет другую, — и если цель достигнута, то последовательность заканчивается. В первом случае преобладает индивидуальное, чисто психологическое, во втором случае — сознание определенного продвижения в соответствии с целью...» 3 отличие от Шлейермахера мы будем понимать психическое непрерывного течения мысли, разумеется, не только как отношение к своей внутренней бесконечности и не как всякий раз актуальное

348

• гость, в которую вносится все определенное, способствующее ее осуществлению, мы называем индивидуальностью, так как она, как и любой аутопойесис, неделима. Индивидуальность можно разрушить, прекратить, но нельзя модифицировать. Она жестка и необходима, пока сознание вообще существует. Однако в качестве условия функционирования индивидуальность дополнительно требует, как минимум, двух вещей: различия и ограничения. Примыкающие представления должны отличаться от того, чем в данный момент наполнено сознание; они должны быть ограниченно доступны, так как невозможно какое-либо продолжение, постигаемое как присоединенное, если в данный момент все возможно и равновероятно.

Посредством различия и ограничения сознание вынуждает себя учитывать свой окружающий мир.

В местах трения с окружающим миром оно должно производить информации, которые если не навязывают, то все-таки рекомендуют ему последующие представления. Закрытость принуждает сознание к открытости. При этом открытость вовсе не означает возбудимости окружающим миром в старом психологическом смысле, согласно которому наряду с идеями есть и ощущения, непосредственно связанные с ним. Это было бы несовместимо с закрытостью. Скорее, зависимость от различия и ограничения означает лишь то, что сознание находит свое подтверждение в окружающем мире и может представлять себе это. Оно усваивает, например, различие своей системы и окружающего мира и на этом основании может рассматривать представления как информации.

Следовательно, аутопойесис сознания является фактической основой индивидуальности психических систем. Он лежит вне каких-либо социальных систем — это не должно помешать дополнению, что его саморепродукция имеет шансы на успех лишь в социальном окружающем мире. Однако аутопойесис (и в качестве ауто-пойесиса сознания) слеп — он очарован следующим представлением, уже дающим знать о себе. Он может отвлекаться на себя, но лишь в тот момент, когда представляет себе себя. Но тем самым тема индивидуальности все-таки не исчерпана.

Теория аутопойесиса проводит понятийные различия между его осуществлением и наблюдением и соответственно его описанием. Аутопойетические системы могут быть наблюдаемы и описаны как иными системами, так и ими самими; и наблюдение и описание означают не что иное, как отношение части к целому, а как ту самую циркулярную замкнутость репродукции системы посредством ее самой и тем самым как условие отложения завершаемых эпизодов.

349

сение к различию при условии ограниченности, т. е. к различию в области различия, которая может быть и иной²³.

Наблюдение психических систем не означает 'необходимого наблюдения их сознания, что следует особо подчеркнуть вопреки ходячему, но непродуманному мнению²⁴. Наблюдения, создающие данное отношение, обычно называют «пониманием», а понимание, ориентированное посредством различия сознательного и бессознательного, является особенно редким, особенно претенциозным случаем, связанным с теорией.

Индивидуальная система может наблюдать и описывать себя, если способна создать для этого различие и ограничение. Данные предпосылки собственного аутопойесиса она может включать в представление о себе. Емкости отдельного представления (разумеется, минимальной) достаточно, чтобы учесть еще и нечто иное. Индивид может описывать себя в качестве баварца и понимать,

что поэтому не может быть пруссаком. Возникает вопрос, может ли индивид описывать себя и в качестве индивида. Он использовал бы свою индивидуальность в качестве формуляра самоописания и в описании констатировал, что он воспроизводится в качестве индивида и тем самым выделяется из окружающего мира. Зачем нужно такое самоописание, если оно фиксирует лишь то, что и так происходит, причем лишь средствами и так совершающегося аутопойесиса сознания, т. е. лишь средствами его длительности. Не обязан ли индивид, ради осмысленности данного самоописания, взамен соглашаться быть неким «всеобщим»? Не должен ли он, если сразу же не придает понятию человечества в себе самом наибольшее содержание, все-таки надеяться быть чем-то большим, чем просто чистой реализацией аутопойесиса? Почему и без того непрерывная репродукция сознания должна быть еще раз продублирована в процессе наблюдения и описания?

ГКН~="==---5^=

сам предмет. ^{основ}ываем свои аргумент ссылкой не на автора, а на

²⁴В качестве наблюдения действия см. также- Warrineer Ch к Th.

SS^c^Sr^, . 1 970 R24: **»°ZK£E

^^yc^^^TM; TMTMTM^

350

Могут ли существовать *социальные условия*, дающие импульс для этого!

Этот вопрос приводит нас к проблеме «социальной идентичности», социальной составляющей самоописания психических систем. При различии аутопойесиса и самонаблюдения/самоописания мы получили вспомогательное средство объяснения данной проблемы. Речь сейчас не о том, предполагает ли и каким образом предполагает общество сознание, появившееся и сохраняющееся в психических системах в ходе эволюции. Аутопойетическая индивидуальность, как бы она ни была обусловлена окружающим миром, является закрытой системой. Возникает другой вопрос: какие социальные стимулы нужны такой системе, чтобы она могла наблюдать и описывать себя. Аутопойесис либо существует, либо нет, точно так же и биологическая система либо жива, либо нет. В отличие от этого самоописание есть процесс, способный артикулировать и модифицировать себя и развивающий для этого семантику, с помощью которой система способна оперировать сознательно. Лишь с этой целью индивид может и должен использовать формулы, различения, обозначения, при помощи которых он может приобрести либо отклонить социальный резонанс. Здесь возникает вопрос, разрешено ли ему (или даже предписано) настаивать в самоописании на своей индивидуальности, и при каких общественных обстоятельствах это имеет место.

С помощью такой постановки вопроса можно было бы еще раз углубиться в историю развития семантики индивида/индивидуальности/индивидуализма. В качестве гипотезы можно допустить, что история понятий отражает процесс, в котором для индивида постепенно возникает возможность положить индивидуальность в основу самоописания. В таком случае первой попыткой будет героизм, годящийся лишь немногим и предназначенный, скорее, для лишения большинства веры в себя. Затем следует культ гениальности, не различающий творчество и продукты индивидов только лишь с точки зрения их большего или меньшего совершенства, а учитывающий еще и различия в исполнении и в качестве новизны, обусловленные индивидуальностью, которые еще и дополнительно социально застрахованы «вкусом»²⁵. «Человек универсальный» и установка на всеобщее в нем были переходной фазой: здесь уже возможно включение всевозможного, но все еще есть связь с культурной обусловленностью, которая должна в конечном итоге способст-

²⁵ Типичный пример: *Muratori L. A. Delia perfetta poesia italiana* (1706); пит. по изданию: Mailand, 1971.

351

вовать растворению индивида во всеобщем. Индивиды, пытающн4^| ся соответствовать индивидуальности, уже предполагаемой у ниаб^ выталкиваются тем самым на путь патологии — они идентифициру.; ют свой аутопойесис со злом, с шокированием нормального, с аввд*1 гардизмом, с революцией, с неперменной критикой устоев и другие! ми подобными самостилизациями. Между тем и это превратилось в копируемый жест и поэтому больше не подходит для формулы самоописания индивида в качестве такового. Это, похоже, верно в | отношении всего сейчас еще возможного, в том числе (и как раз) и для монотонного мотива об утрате смысла. Подтверждает ли эта история, что взлет индивида на самом деле был его падением

и что требование к нему описывать себя как индивида приводит к бессмыслице? Либо же мы, ослепленные культурным императивом «высокосортности», способны лишь ошибочно воспринимать те формы, на которые обречен индивид, когда дифференциация психических и социальных систем заходит столь далеко, что он может использовать для самоописания только свою индивидуальность?

IV

Форму, в которой индивидуальная психическая система подвергается контингентности окружающего мира, в общем и целом можно назвать *ожиданием*. Следовательно, речь идет о той же самой форме, что используется и для создания социальных структур. В одном случае она предстает как сознание, в другом — как коммуникация. Соответственно этому понятие ожидания должно быть широким, позволяющим его употребление в психическом и социальном контексте, а также для описания их зависимости. Оставим пока открытой зависимость любого ожидания от исторических условий, придающих разнообразие данной связи психических и социальных комплексов ожиданий. В отношении психических систем мы понимаем под ожиданием форму ориентации, с помощью которой система прощупывает контингентность своего окружающего мира в отношении себя самой и включает ее в качестве собственной неопределенности в процесс аутопоэтической репродукции. Ожидания обосновывают завершаемые эпизоды движения сознания. Они, как уже пояснено выше²⁶, возможны лишь на основе уверенности, что аутопоэтическая репродукция идет все дальше и дальше. Как сопутствующая реализация возможности возникновения новых элементов ожидания выступают моментом аутопоэтического процесса и в то же время так включены в него, что у них всегда остается возможность скачка на совершенно иные узловые структуры. При всей занятости конкретными смысловыми структурами сознание всегда остается настороже и — никогда целиком во власти лишь одного смыслового содержания; оно еще способно наблюдать за, так сказать, контурами реализации смысла (что У. Джеймс называл "fringes"*).

Ожидание зондирует неизвестную почву с помощью различия, определяемого на нем самом, — оно может оправдываться либо нет, что зависит не только от него самого.

Неопределенный окружающий мир, совсем не присутствующий в случае закрытого оперирования чистого аутопоэсиса, приводится к такой форме выражения, которую система способна понимать и оперативно использовать, намечая и затем отмечая, сбылось ожидаемое или нет.

Создание ожиданий является в основном типично примитивной техникой. Ее можно использовать практически без предпосылок. Эта техника не предполагает, что знают (и даже могут описывать), кем именно являются, и не требует хорошо разбираться в окружающем мире. Можно выдвигать ожидания, не зная мира, — на авось. Необходимо лишь, чтобы ожидание было использовано аутопоэтически, т. е. чтобы предварительно структурировало доступ к присоединяемым представлениям. В таком случае оно задает последующее переживание как удовлетворение ожидания либо как разочарование в нем вместе с репертуаром дальнейших возможностей поведения, опять-таки тем самым предварительно структурированных. Осознанная жизнь, обогащенная социальным опытом, быстро избавляет от совсем произвольных ожиданий. В ходе нормальной сукцессии от одного представления к другому полного отрыва от жизни не бывает. Приходится с необходимостью учитывать историю своего сознания, сколь бы своеобразной она ни была; и уже определенность переживания, актуального именно в текущий момент, гарантирует, что различия с ним не могут формировать произвольные ожидания. Для этого в распоряжении имеются социально стандартизированные типы, на которые можно, так сказать, приблизительно ориентироваться.

Ожидания могут сконденсироваться в *притязания*. Это происходит через усиление своей связанности и затронутости, вносимое в различие удовлетворения либо разочарования и тем самым вводи-

²⁶ С. 348—349 данного издания.

352

* "fringes" (англ.) — «отделками». — Прим. отв. ред.

'23ак. №4161

353

мое в игру. Это также возможно почти безпредпосылочно, правда, лишь при соответствующем росте риска. Соответственно процесс) внутреннего приспособления к удовлетворению либо разочарованию является комплексным и выступает в системе как *чувство*²⁷. При переходе от ожиданий к притязаниям растет вероятность и опасность

образования чувств, так же и наоборот, можно приглушать чувства, возвращаясь к голому ожиданию. Граница является текучей и подвижной — скорее, речь идет об измерении, имеющем статус ожиданий либо притязаний в зависимости от числа внутренних взаимозависимостей.

Различие ожиданий и притязаний помогает решить вопрос о том, что происходит в психологическом плане, если *индивидуальные* притязания все больше легитимируются также и *социально*; и если социальный порядок в конечном итоге побуждает индивидов к тому, чтобы они даже к своей индивидуальности относились как к претензии — претензии на признание и поддержку их стремлений. Это «новое право быть тем, кем хочется»²⁸ сегодня представляется в значительной степени само собой разумеющимся. Однако как возможно и как так получается, что индивид может строить притязания на индивидуальность, пользуясь, так сказать, королевской прерогативой «такова воля моя»?²⁹

Прежде всего следует исходить из того, что притязания должны быть уравновешены заслугами, так как встречный расчет был бы неверен и не было бы никакого социального согласия. Это, разумеется, лишь социальная, а не психическая потребность. Иными словами, у индивида не будет никаких затруднений при желании приписать себе заслуги. Тогда по семантике понятия «заслуга» можно узнать и ситуацию насчет претензий.

Стратифицированные об-

²⁷ Под «чувством» здесь понимается не неопределенное переживание (например, как в классической триаде «разум, воля и чувство»), а *внутреннее* приспособление к *внутренним* проблемным ситуациям психических систем. Мы не можем подробнее останавливаться на направлениях исследований, связанных с этим.

Пожалуй, достаточно ссылки на то, что в соответствии с представленным здесь функциональным понятием чувства можно ожидать, что чувственные качества угасают, если притязания сводятся к голым ожиданиям, равно как и рутинным образом находят свое удовлетворение либо разочаровывают. Это подтверждает любовная литература и классическая тема нестабильности чувств.

²⁸ См.: Klapp O. E. *Collective Search for Identity*. New York, 1969. P. X.

²⁹ Происхождение этой формулы произвола достойно специального исследования. Оно, по-видимому, социально, т. е. относилось сначала к alter Ego. «Si eis placuit» («Если будет угодно» (*лат.*) — *Прим. отв. ред.*) — с этой избитой формулой вежливости римские магистраты обращались к сенату.

354

щества уже манипулируют данным отношением, там по притязаниям высших слоев судят об их заслугах и заслуга видится в том, чтобы, будучи в слое более высокого социального положения, вести подобающую добрую (благую) жизнь. Однако если это не кажется необходимым, и различие благородного и простого как таковое не имплицитно наделяет заслугами, то баланс притязаний и заслуг уже нельзя воссоздать в масштабах всего общества. В определенной мере включается денежный механизм, обеспечивающий перевод заслуг в притязания (совершенно иного рода). Заслуги и притязания синтезируются в доходе. В то же время доход позволяет еще больше укрепить претензии на свои желания, представления, цели и интересы. Свой дом строят так, как хотят. Вместе с легитимацией (что означает устранение всех препятствий коммуникации) претензий на «самореализацию» общественная система начинает соответствовать социально-структурному отделению индивида, т. е. тому обстоятельству, что индивид со всеми его претензиями и заслугами не может больше войти ни в одну из подсистем общества.

Однако, что все это значит для самого индивида? Ожидания, как мы уже сказали, организуют эпизоды его аутопойетической экзистенции, а притязания реинтегрируют такие эпизоды в психическую систему. Из этого следует, во-первых, что если притязания невозможно сделать рутинными, то индивид все больше подвластен своим чувствам. Отсюда вытекает, что современное общество подвержено чувствам гораздо больше, чем обычно считают. Во-вторых, индивиды вынуждены говорить о себе и своих проблемах. Если принимается, что индивид может строить свои притязания не только на заслугах, но и (прежде всего) на самом себе, то он должен подготовить самоописания. Для этого мало слепого аутопойесиса его сознания, индивид должен быть «идентифицирован» как исходный пункт высказываний, т. е. рассматриваться как различие с другими. Однако в психической системе это возможно лишь как реализация аутопойесиса — таким образом, как завершимый и Трансцендируемый эпизод с нечеткой отделкой, способный быть настороже, отклоняться и т. п. Индивид принуждает себя к рефлексии и к самопрезентации (которая никогда не бывает «адекватной»). Тем самым

у него возникают трудности, потребность в помощи и в связи с этим дополнительная претензия на чуткое, если не сказать — терапевтическое, отношение к его претензиям. Претензия на помощь в обосновании претензий столь абсурдна, что ее с одинаковым правом можно признавать или отклонять. Врач в «Вечеринке с коктейлями» Т. С. Элиота считает последнее уместным на том основании, что та-

355

кая болезнь слишком абстрактна для лечения, В отличие от пси-, хологии сублимации З. Фрейда вытесненное всеобщее возвращает* ся в сознание не в улучшенном, а в ухудшенном виде — как болезнь.

В данной ситуации индивид может объявить больным не себя, а общество. Репертуар, открывающийся в таком случае, простирается от анархизма через терроризм до смирения — от претензии на произвол до претензии не иметь никаких претензий. Бесспорно, что это литературные крайности, а не реальная жизнь. Реальный индивид делает для себя копии (при случае копирует и названные экстремистские модели). Он живет как «человек-копия» (Стендаль). Протестовать против этого столь же бесполезно, сколь бесполезно протестовать против господства³⁰. В контексте социальных систем и с точки зрения социальных инноваций в науке, искусстве и технике приговор может выглядеть иначе, но психические системы способны лишь к индивидуальному копированию, и никто не в состоянии оспорить индивидуальность даже одной-единственной Эммы Бова-ри. Тяга к новому, то самое «vero nuolo e meraviglioso dilettevole»^{*31}, относится к различию с социальной оценкой, возникающей из тем-порализации комплексности общественной системы³². У последней отсутствует какая-либо непосредственная психологическая функция (во всяком случае, подготовленная ею ее копия).

V

На основе предшествующего анализа вернемся теперь к проблеме того, какое значение следует придавать социальным системам для конституирования индивидуальных психических систем.

Преж-

³⁰ Впрочем, и то, и другое осуществляется почти одновременно (может быть, путем копирования?). См.: Young E, *Conjectures on Original Composition (1759) II Young E. The Complete Works*. London, 1854; переиздано: Hildesheim, 1968. Vol. 2. P. 547—586 (561): «Будучи рождены оригиналами, как получается, что мы умираем копиями?» и «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». См.: *Rousseau J.-J. Du contrat social (1762)*, цит. по: (Euvres completes. Vol. III (ed. de la Pleiade). Paris, 1964. P. 347—470(351).

³¹ *Muratori*, a. a. O. P. 104.

³² Ср.: *Luhmann N. Temporalisierung von (Complexität: Zur Semantik neu-zeitlicher Zeitbegriffe // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 235—300.*

* Действительно новое и удивительно приятное (и/тшл.). —Прим. отв. ред.

356

де всего несомненно, что психические и социальные системы возникли в ходе ко-эволюции. Это проявляется уже в совместном использовании смысла для представления и редукции комплексности (как собственной, так и окружающего мира). Однако точно так же несомненно и аутопойетическое различие: психические и социальные системы в самореферентной закрытости своей репродукции (таким образом, и в том, что для них каждый раз является «единством») невозможно свести друг к другу. Те и другие используют разную среду своей репродукции — либо сознание, либо коммуникацию. Лишь при данном условии можно понять соответствующую репродукционную связь как непрерывное событие, обеспечивающее собственное единство. Иными словами, не существует какой-либо аутопойетической суперсистемы, способной интегрировать обе воедино: никакое сознание не входит в коммуникацию, и никакая коммуникация — в сознание.

Учитывая это, прежде всего можно осмысленно спросить, как коммуникация участвует в аутопойетической репродукции сознания. В предыдущей главе речь идет об отдельном случае взаимопроникновения. Социальная система предоставляет в распоряжение психической системы свою комплексность, выдержавшую проверку на удобство использования в коммуникации. Развитым эволюционным приобретением для данной трансляции является язык. Психические процессы не есть языковые, и мышление также ни в коем случае не есть «внутренняя речь» (как все время ошибочно утверждают³³). Не существует даже «внутреннего адресата». В системе сознания нет никакого «второго Я», никакой «самости», никакого "те" в противоположность "Г", никакой дополнительной инстанции, проверяющей все мысли, оформленные языком, принимать их или нет, решение которой сознание пыталось бы предвосхитить. Все это есть не что иное, как теоретические артефакты, созданные

³³ Из вводных очерков, заменяющих множество совершенно не учитывающих проблему, см.: *Charon J. M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration*. Englewood Cliffs, N. J., 1979. P. 86 ff. На всякий случай, не следовало называть данную точку зрения «феноменологией». Сам Гуссерль отклонял это на тщательно взвешенных основаниях: «внутренняя речь» требовала бы использования знаков, а сознание, предоставленное самому себе, как раз не зависит от этого (ср.: *Husserl E. Logische Untersuchungen* II, 1, § 8, цит. по: 3. Aufl. Halle, 1922. S. 35). Аргумент имеет основополагающее значение для теории трансцендентальной жизни сознания (ср.: *Derrida J. Die Stimme und das Phänomen: Ein Essay über das Problem des Zeichens in der Philosophie Husserls*, dt. Übers., Frankfurt, 1979, в частности S. 96, 101, 113, 125 ff.). Он исключает всякую попытку комбинации теоретических традиций Гуссерля и Мида.

357

в результате понимания речи (либо, параллельно ей, рефлексии! как интенциональной активности. Весьма вероятно, что имеются внутренние самоописания, служащие упрощению рефлексии. Каждый знает свое имя, день рождения, аспекты своей биографии и т. п. Однако эти самоописания не используются в качестве alter Ego, адресата коммуникации. Тем не менее нет и каких-либо знаков, функцией которых являлось бы пояснение «самости», что именно «я» хочет ей сообщить³⁴. Если весьма непредубежденно сосредоточиться на том, что на самом деле происходит, когда сознание в языковой форме движется к последующим представлениям (например, в тот момент, когда я это пишу), то станет ясно, что дано не более и не менее, нежели языковое структурирование перехода от одного представления к другому. Это способствует, например, сжатию отдельных дискретных представлений до формата одного слова, росту потенциалов разветвлений и альтернатив, финалу и новому началу без перехода. Язык переводит социальную комплексность в психическую. Однако течение сознания никогда не тождественно по форме языку, а также «использованию» языковых «правил» (точно так же, как в случае живых систем аутопойетика репродукции является структурированным процессом, но никогда не выступает лишь использованием структур)³⁵. Достаточно лишь понаблюдать за собственным постоянно ищущим мышлением, за поиском слов для объяснения, за опытом выхода из дефицита точных фраз, за задержкой приема, за невольным восприятием «шумов», за искушением позволить себе отвлечься, либо за пессимизмом, вызванным тем, что вообще ничего не происходит, как сразу же видно, что дано гораздо больше, нежели языковая последовательность смысла слов, выделяемая в качестве коммуникации. Мышление также должно участвовать в механическом самопродолжении сознания, и лишь так оно может подтвердить сознанию свое существование. Однако, что в таком случае означает, когда представления в языковом оформлении содействуют аутопойесису сознания, участвуют в его осуществлении, но не могут его заменить? Тем самым психическое, в первую очередь, аргумент Гуссерля.

Пожалуй вряд ли нужно специально подчеркивать, что для понятия речевого акта (Серл) верно как раз противоположное. Этот акт относится не к психическим, а к социальным системам; он тоже обозначает элементарное событие, но как раз в иной системной референции. Поэтому интенция, смысл и узнаваемость здесь совпадают. Он обязан своим событийным характером не репродукции индивидуального сознания, а воспроизводству понятного словоупотребления.

358

психическая система приобретает нечто, что можно назвать *способностью к построению эпизодов*. Она может дифференцировать и прерывать операции. Она может скачкообразно переходить от одного мысленно-языкового контекста к другому, не завершая саморепродукции сознания, не препятствуя возможности осознания сознанием последующих представлений. Психическая система может обеспечивать различие «до и после» в сукцессии представлений необъятным и постоянно меняющимся феноменальным содержанием. Например, читая в поезде газету, в которой от статьи к статье меняются горизонты отбора, пассажир может попросить прикурить у попутчика (а не у кого-то другого о чем-то другом), заметить, что еще не доехали до Кёльна и т. п. С помощью понятия, заимствованного из эволюционной психологии Г. Спенсера, можно было бы сказать: язык увеличивает «диапазон соответствий»³⁶, но способна ли и в какой степени способна данная возможность расширяться и быть пригодной для использования психикой, очевидно, зависит от множества иных причин³⁷. Все это обеспечивает совместимость и единство продолжения аутопойетической репродукционной последовательности с постоянным включением и развитием меняющихся структур, которые определяют аутопойетический процесс, осуществляют его, приводят к вехам и переходным состояниям без риска завершения. Если больше не говорят, то все-таки можно молчать. Если больше не размышляют, то все-таки можно дремать. И без такой уверенности вряд ли кто посмел бы положиться на слово, фразу, мысль.

Какой бы важной ни была языковая отделка сознания, социальные системы могут воздействовать на психические и другими, менее опосредованными, способами. Прежде всего следует вспомнить об удовлетворении и разочаровании в ожиданиях и претензиях, посредством которых возможно социальное управление сознанием, несмотря на то (и как раз потому) что оно само выдвигает ожидания, необходимые для его ориентации. Так может возникнуть, например, своего рода

уверенность в суждениях и чувствах, что-то подобное вкусу, который в то же время подтверждается объективно и социальным резонансом высказываний. В случае понимания невозмож-

³⁶ *Spenser H. Principles of Psychology. Vol. 1 (1899); переиздано: Osna-brück 1966. P. 300 ff.*

³⁷ В таком случае это опять-таки является отчасти, но лишь отчасти, вопросом самих навыков речи. Известное различие ограничивающих и развивающих кодов см. в: *Bernstein B. Class, Codes and Control. 3 vol. London, 1971—1975.*

359

ности придать какому-то суждению языковое оформление это можно считать за своеобразное превосходство³⁸.

Если исходить из данной основанной на сознании концепции аутопойесиса психических систем, то легко войти в область проблем, до сих пор весьма трудных для социологии (и отсюда едва затронутых), а именно к миру чувств³⁹. Чувства возникают и охватывают тело и сознание, если аутопойесис сознания в опасности. Тому могут быть разные причины — внешние угрозы, дискредитация самопрезентации, а также самоангажирование новыми возможностями, неожиданное для сознания, например любовь. В любом случае чувства не представители окружающего мира, а *внутренние* приспособления к *внутренним* проблемным ситуациям психических систем⁴⁰, точнее к внутренним проблемным ситуациям, относящимся к непрерывному производству элементов системы ее элементами. Чувства не обязательно возникают случайным образом и спонтанно; можно иметь большую или меньшую склонность к эмоциональным реакциям⁴¹. Тем не менее они нестабильны, так как затухают вместе с новым упорядочиванием самопродолжительности сознания. Предрасположенность и нестабильность — важные преиму-

³⁸ В XVII и начале XVIII в. об этом есть много литературы, например литературы, строящей выводы на провокационном «я не знаю, что...» и создающей впечатление, будто тем самым с почти уже оставленных позиций все еще обосновывается естественное превосходство представителей высших слоев, в то время как в специальной литературе о расслоении (прежде всего, юридической) уже подчеркивается искусственность всей общественной системы.

³⁹ Типичное высказывание социологии по данной теме можно выразить просто — пробел в исследованиях! Иногда еще — необходимость использования нетрадиционных методов. Ср. для многих случаев: *Denzin N. K. A Phenomenology of Emotion and Deviance // Zeitschrift fur Soziologie 9 (1980). S. 251—261.* На самом деле обстоятельства не поддаются прямому социологическому исследованию. Социология могла бы заниматься в социальных системах разве что коммуникацией чувств, их стимулированием, наблюдением, осуществлением, охлаждением и т. п., однако не ими самими. В качестве примера см.: *Goffman E. On Cooling the Mark Out // Psychiatry 15 (1952). P. 451-^63.*

⁴⁰ С учетом: *Pribram K. H. Languages of the Brain. Englewood Cliffs N. J., 1971. P. 208,* — можно было бы сформулировать, пожалуй, даже несколько осторожнее: «Эта внутренняя регуляция чувств ощущается так же, как ощущаются эмоции». К нейрофизиологическому аспекту, также подразумеваемому здесь, я сейчас вернусь.

⁴¹ По этому вопросу ср.: *Hochschild A. R. Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structures II American Journal of Sociology 85 (1979). P. 551— 575.*

360

ные характерные особенности переживания чувств вытекают из их психической, а не социальной функции.

С точки зрения функции чувства можно сравнить с иммунной системой; они, видимо, и берут на себя иммунную функцию психической системы⁴². Они обеспечивают дальнейшее осуществление аутопойесиса с учетом возникающих проблем в данном случае не жизни, а сознания необычными средствами и используют для этого упрощенные способы распознавания⁴³, позволяющие решения без учета последствий. Их можно усиливать либо ослаблять в зависимости от опыта работы сознания с самим собой, без непосредственной связи происходящего с окружающим миром. Однако важнейшим является, по-видимому, понимание того, что во всех чувствах речь идет в сущности о единых, однородных феноменах⁴⁴. Это следует не только из усилившейся взаимозависимости с телесным процессом, в рамках которого испытывают чувства⁴⁵, но и из иммунной функции, которая как раз не в состоянии иметь специальное чувство на любой случай непредвиденных помех аутопойесису. Можно констатировать единообразие чувств на биохимическом уровне; но чувство есть все-таки нечто большее, чем проинтерпретированная биохимия — оно есть самоинтерпретация психической системы в аспекте продолжения своих операций.

⁴² К сожалению, здесь приходится забегать вперед. Подробнее о концепции и системно-теоретической интерпретации иммунной системы в связи с такой же проблемой в случае социальных систем см. ниже, гл.

9.

⁴³ Этот момент часто отмечают. См., напр.: *Easier-book J. A. The Effect of Emotion on Cue Utilization and the Organization of Behavior // Psychological Review 66 (1959). P. 183—201*: «...количество реплик, используемых в любой ситуации, в тенденции уменьшается вместе с ростом числа эмоций». Вместе с тем известно, что чувства могут и повышать восприимчивость к определенной информации.

⁴⁴ Парсонс использует тот же факт бессодержательности аффекта в совершенно ином направлении, а именно чтобы интерпретировать «аффект» как символически генерализованное средство. Правда, он относит данное средство и, параллельно тому, «интеллект» не прямо к системе личности, а к общей системе действия. Ср., в частности: *Parsons T. Social Structure and the Symbolic Media of Interchange // Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. New York, 1977. P. 204—228 (214 ff.)*; далее по затронутой здесь точке зрения см.: *Parsons T., Plait G. M. The American University. Cambridge Mass., 1973. P. 83*: «Аффект не имеет содержания в том же смысле, в каком и интеллект не имеет его».

⁴⁵ Такое понимание восходит, по-видимому, к У. Джемсу. В качестве экспериментальной проверки ср.: *Schachter S., Singer J. E. Cognitive, Social, and Physiological Determinants of Emotional State // Psychological Review 69 (1962), P. 379—399*.

361

Известное многообразие разных чувств реализуется лишь вто-, ричным образом, лишь посредством когнитивной и языковой интер-с претации; таким образом, оно, как и всякое построение комплексности психических систем, обусловлено социально. В таком случае это тем более справедливо для всего того, что можно назвать «культурой чувств», — для совершенствований предлогов и форм выражения проявления чувств. Такие преобразования чувств, с одной стороны, уже служат социальному контролю над ними, но, с другой стороны, обременены и проблемами достоверности. Тот, кто способен сказать, о чем именно он страдает, уже не находится всецело в ситуации, о которой хотел сказать. Так возникают особые проблемы некоммуникабельности — не чувств как таковых, а их подлинности, — касающиеся социальных систем, но способные нагружать и психические системы.

VI

Размышления о психической значимости социальных систем для сферы языка и эмоций⁴⁶, изложенные здесь крайне лапидарно, могли бы стать исходным пунктом для изучения психических последствий, прежде всего рефлексивных нагрузок современного индивидуализма. Наверняка, проблему не следует понимать просто как отход сегмента общественного в индивидуальном сознании на задний план (при одновременном росте готовности к копированию?), как будто речь здесь идет о балансе в пределах постоянной суммы возможностей. Тем более не способствует продвижению вперед стремление взять за основу учение о двух идентичностях, личной и социальной, не говоря уже о том, что никто себя так двояко вообще не идентифицирует и никакой наблюдатель не смог бы различить эти идентичности⁴⁷. Скорее, стоит обратиться к Г. Спенсеру и при уже постоянной аутопойетической индивидуализации охарактеризовать психологические эффекты эволюции как «большую комплексность соответствий»⁴⁸. Это приведет к гипотезе о том, что структурирова-

⁴⁶ Социальную значимость психических систем мы будем рассматривать в гл. 8 в понятии *личность*.

⁴⁷ Завершая данную критику, следует отметить, что речь идет, следовательно, исключительно о теоретическом артефакте, а именно о голом корреляте понятия рефлексии, понимаемого как действие, что предполагает нечто в качестве субъекта и его же — в качестве объекта; в таком случае, чтобы обозначить различие, в объективность субъекта встраивается социальное определение.

⁴⁸ См. соч., указанное в прим. 36.

362

ние аутопойесиса предъявляет серьезные требования, что должна быть обеспечена большая контингентность и большая нестабильность, что следует учесть больше зависимостей, что необходимо больше индифферентности и что вместе со всем этим усложняется выбор «я».

Стоит ли теперь идти за философией рефлексии и эмпирически ожидать, что рефлексия станет более вероятной в направлении собственной «я»-идентичности? Если вопрос ставится эмпирически, то следует точнее определять, что именно здесь подразумевается. Если рефлексия мыслится как действие, а идентичность — как его коррелят, то данная теория приводит к своего рода излишней идентификации «я». Среди понятий системной теории для этого имеются понятия самонаблюдения и самоописания. Они уже содержат в качестве операций индивидуализирующий аутопойесис, также воспроизводящийся путем самонаблюдения и самоописания (но не только). Одновременно подразумевается и необходимость самоупрощения. Пожалуй, можно воспользоваться и предложением Р. Розена усматривать собственную комплексность системы именно в том, что в зависимости от интеракции (в данном случае — интеракции с окружающим миром, взаимодействующим с системой) создаются разные самоописания⁴⁹. Нужно ли тематизировать эти самоописания еще и в качестве единства, если само сознание не может не быть оперативным единством? Пожалуй, единственной актуальной проблемой является научиться делать переходы⁵⁰ и готовить возможные решения на случай конфликтов.

То, что тем самым не может быть охвачено, является, пожалуй, наиважнейшей проблемой аутопойесиса сознания — это проблема смерти. Свою смерть можно представить себе как конец жизни, но не как конец сознания⁵¹. «Смерть есть единственный сюрприз, пре-
⁴⁹ См.: *Roseb R. Complexity as a System Property II International Journal of General Systems 3 (1977). P. 227—232.*

⁵⁰ Здесь мыслят почти диалектически — допускают возникновение единства при переходах!

⁵¹ Интересные эмпирические доказательства тому обеспечивают исследования сознания в момент смерти (которые, конечно, дают не самое малое о «жизни после смерти»). Ср., в частности: *Osis K., Haraldsson E. At the Hour of Death. New York, 1977*; кроме того: *Ross E. K. Interviews mit Sterbenden. Stuttgart, 1969*; *Moody R. A. 1) Life After Life. New York, 1976*; 2) *Reflections on Life After Life. New York, 1978.*

В философской литературе подобная точка зрения имеется в: *Sartre J.-P. L'etre et le neant, 30 ed. Paris, 1950. P. 615 ff.*, в частности р. 624 ff.: «Это потому, что бытие-для-себя — бытие, которое требует, чтобы всегда было некоторое „после“, потому что в бытии-для-себя нет места смерти».

363

вращающий непостижимое в постижимое»⁵². Все элементы сознания настроены на репродукцию сознания, и им невозможно отказать в этом «и-так-далее», не лишив их характера элементов аутопойетической репродукционной зависимости. В такой системе не может быть создан какой-либо элемент без будущего, какой-либо конец всей серии, так как он был бы не в состоянии взять на себя функцию аутопойетического элемента, т. е. не смог бы стать единством, следовательно, определяемым. Таким образом, сознание не способно познать себя как реально завершаемое и потому оно присуждает себе, в значительной мере с ведома общества, жизнь вечную, абстрагируясь лишь от всякого известного содержания⁵³. Любой конец, предусматриваемый сознанием, есть конец эпизода в сознании, в этом смысле и «жизнь на земле» понимается как эпизод. Смерть не есть цель. Сознание неспособно достичь конца, оно просто прекращается. Таким образом, если наряду с единством аутопойесиса существует и «второе единство» целостности сознания, то это может быть лишь неприемлемым единством смерти, а именно возможностью прекращения, сопутствующей всякому возобновлению ускользающего сознания.

Недоступные для сознания (либо лишь в некоторой степени вербально доступные) представления о смерти также подлежат социальному оформлению. В XVIII в. вырисовывается исторически новый индивидуализм, в том числе и в типичных общественных установках относительно смерти⁵⁴. Смерть приобретает частный характер,

Собственная смерть остается для самосознания совершенно недетерминированной (а не просто неопределенной точно по времени), так как к детерминации самосознания всегда относится и аспект будущего. Поэтому собственная смерть не принадлежит онтологической структуре самосознания — она навязывается ему лишь чисто фактически, вследствие того что другой может ее наблюдать (о чем можно знать): «Она — триумф точки зрения другого над моей точкой зрения обо мне самом, о том, что я существую».

⁵² *Valery P. Rhumbs*; цит. по: (Euvres, ed. de la Pleiade. T. H. Paris, 1960. P. 611.

⁵³ Возможно, и Г. Зиммель имеет в виду этот, так сказать, структурно очищенный аутопойесис, когда определяет бессмертие как такое состояние души, «в котором она уже не переживает, в котором ее смысл, таким образом, уже не реализуется в содержании, существующем в каком бы то ни было смысле вне ее» (*Simmel G. Tod und Unsterblichkeit // Simmel G. Le-bensanschauung; Vier metaphysische Kapitel. Munchen, 1918. S. 99—153 (117).*

⁵⁴ Ср.; *Hahn A. Tod und Individuatitat: Eine Ubersicht iiber neuere franzosische Literatur II Kb'ln'er Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie 31 (1979). S. 746—765.* Необходимо хоть иногда вспоминать о том, что «типичное» для Нового времени реализуется отнюдь не везде и что одно-

364

что в интересах общества вновь требует наделения ее (особенно гибель на войне⁵⁵) особым смыслом. Однако и индивида — уже разговором молчания врачей — тоже отвлекают от смерти; а если это не удается, то от него требуют молчания — попытки говорить о смерти считаются неприличными и не находят особой поддержки.

Теория аутопойесиса, основанного на сознании, переформулирует лишь данные известные обстоятельства. Она постулирует своеобразную обратную зависимость между индивидуализацией и семантикой смерти: чем индивидуальнее психическая система понимает себя и осознает свой аутопойесис, тем менее она способна представить себе продолжение жизни после смерти и тем немислимее становится последний миг сознания. Коммуникация в таком случае также не способна помочь преодолению невообразимого. Она предоставляет это самому себе. Более резко различие социальной и психической систем едва ли можно подчеркнуть. Ни наличие непрерывного самопродолжения, ни постоянно сопутствующая ему возможность окончания в любой момент, ни позитивное или негативное единство своего аутопойесиса не могут ни гарантироваться, ни даже быть отняты социальной системой у психической.

временно нужно видеть одновременность не одновременного. Для предложенной здесь темы ср.: *Pardo I. L'elaborazione del lutto in un quartiere tradizio-nale di Napoli // Rassegna Italiana di Sociologia 23 (1982). P. 535—569.*

Глава 8 СТРУКТУРА И ВРЕМЯ

Ввиду наличия обширной литературы по структурализму и структурному функционализму отнюдь не просто вводить тему и понятие структуры в теорию, не являющуюся «структуралистской». Значение данной темы в ряду глав данной книги уже есть первый знак того, что теория систем не требует самопредставления понятия структуры в первую очередь. Правда, это может вводить в заблуждение, так как изложение теории не обязательно повторяет ее архитектуру. Поэтому нам необходимо дополнительно продемонстрировать, почему выбор структуралистской теории неприемлем для теории самореферентных систем.

Прежде всего давайте выслушаем главных свидетелей. Для К. Леви-Строса¹ понятие структуры относится не к эмпирической реальности как таковой, а к ее абстракции, имеющей форму моделей. Он пишет: «За основной принцип примем то, что понятие социальной структуры относится не к эмпирической реальности, а к моделям, построенным по ее подобию»². При этом следует учесть, что после Гегеля и Маркса едва ли можно отрицать, что и сама реальность производит такие структурные модели — «модели образуются в самой реальности; модели, уже созданные культурой, рас-»
¹ Мы придерживаемся представления, изложенного в: *Levi-Strauss C ыeTп" ЪЗГ pToз^{eП} з?T^{10gie} , LeVJ_StraUSS C*
² *Anthropologie* «££

*z^»!*i^"нем _перевод: Wvi _strauss c st ___ e ^

² А. а. О. Р. 305. 366

считаются в форме интерпретаций»³. Соответственно ключевым вопросом был бы вопрос о том, какие степени свободы все-таки есть у, научного анализа, работающего с реальностью, ввергнувшей себя в модель, которая уже выполнила свое самописание. Этот вопрос, как бы ни отвечали на него в конкретном анализе, уже не может быть выяснен структурализмом — ответ невозможно вывести из понятия структуры. Это, по-видимому, и есть причина того, почему структуралистские теории остаются амбивалентными в отношении критицизма и консерватизма, «левого» и «правого» использования. Теория больше не влияет на решение вопроса о том, желают (и в какой мере) продолжить или прекратить самописание общества с помощью аналитических моделей.

Возможно, по этой причине структуралисты с растущим интересом занимаются текстами — речами, сказанными где-то в другом месте, дискурсами, теориями, даже философией⁴. В таких предметах никто (конечно уж, не затронутый автор) не будет оспаривать реальность. Можно даже забыть вопрос о реальности. Зато названная выше амбивалентность обостряется. В случае предметов, содержащих самописание, так сказать, *ex officio** и конститутивно, тем более нужно спросить: какие степени свободы оставляет за собой структуралистский анализ в самописаниях своего предмета? И, как уже сказано, понятие структуры не может дать ответ, так как оно используется обеими сторонами. Структуралисты с легкостью попадают во власть чар техники теоретизирования, что симптоматично в случае интереса к комплексности, которую обычно называют «математикой». Она оставляет неопределенным вопрос о том, чем именно «являются» элементы как таковые, пробуя обойтись их характеристикой через соотнесения. Разумеется, что конкретный анализ не отвечает требованиям данной техники теоретизирования; на практике он заимствует у нее лишь право говорить о «моделях». Но как бы то ни было, теоретическое сознание структуралистов движимо проблемой комплексности.

³ А. а. О. Р. 309.

⁴ См. некоторые примеры, также подходящие для иллюстрации проблемы убедительности ухода от самописаний: *Marin L. La critique du disco-urs sur la logique de port-royal et les pensees de Pascal. Paris, 1975*, — причем, даже написание названия «Пор-Рояль» со строчной буквы следует, видимо, рассматривать как деградацию текстов; *Barthes R. Sade, Fourier, Loyola. Paris, 1971*; *Ladeur K. -Я. Rechtssubjekt und Rechtsstruktur: Versuch iiber die Funktionsweise der Rechtssubjektivitat. GieBen, 1978*.

* *Ex officio* — по должности (лат.). — *Прим. пер.*

Структурализм Леви-Строса эксплицитно ориентирован посредством различия неструктурированной и структурированной комг лексности⁵. Точно так же и у Парсонса. Парсонс замыслил создата прежде всего универсальную теорию в духе Ньютона, учитыван*-щую все переменные и все их взаимозависимости, но, тут же поняв невыполнимость этого проекта, удовольствовался теорией второго ранга, исходящей из структурных данных и не проблематизиру!о-щей их со своей стороны⁶. Позже Парсонс смягчил данную версию структурного функционализма и в конечном итоге отказался от него ради своей теоретической конструкции, ориентированной на четыре основные функции⁷. Однако более поздние тенденции развития теории лишь подтверждали их структуралистское начало, более того — сформулировали

его⁸ — оно содержится в допущении о том, что посредством анализа минимальных компонентов понятия (!) «действие» можно получить результаты, обеспечивающие контакт теории с действительностью, невзирая на все отклонения от теоретической модели, обнаруживаемые в эмпирической реальности.

В соответствии с этим структурализм и структурный функционализм можно назвать эпистемологической онтологией, т. е. аналитическим реализмом. Научному анализу систем, текстов, языковых игр и т. п. приписывается отношение к реальности, *которое гарантировано понятием структуры*. Вследствие того, что анализ сталкивается со структурами, что различимы четкие (например, бинарные) конфигурации, возникает ощущение неслучайности, само по себе подтверждающее связь с реальностью. Если анализ вообще обнаруживает порядок, а не хаос, если он, несмотря на абстрагирование, не попадает куда угодно, а сталкивается с хорошо очерченными обстоятельствами, то это выступает для него признаком того, что он касается реальности.

Переживание четкости в некоторой сте-

Ср. там же; S. 311 ff., 350 со ссылкой на влиятельную статью: *Weaver W.* Science und Complexity // *American Scientist* 36 (1948) P 536—544

• n . *5S" 2r5oJ J-P The Social S_ystem^{Glencoe U1} -> 1951. P. 19 ff., 202 ff.-' 2) *Infroduction / Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization Ed. T. Parsons. London, 1947. P. 20 ff.

, (CM^ParSON S J:-!) Die J^{un}sten Entwicklungen in der strukturellfunk-, Г]Гс, °Г!Io^K, °Л? Z^Sitechrift IIIr Soziologie und Sozialpsychologie 16 (1964). S. 30-49, 2) The Present Status of "Structural-Functional" Theory

New^IM^TloLmⁿ¹ SysCMS and thC EVOlUtioN oF Actbn Thewy⁸ Ср. в связи с этим критику данного момента с позиций теории познания в: *Bershady H. J.* Ideology and Social Knowledge. Oxford, 1973.

368

пени устраняет прежнее теоретико-познавательное сомнение, к которому не могли подступиться ни трансцендентальный синтез, ни диалектика. Все это гораздо проще, чем казалось Канту и Гегелю, — если анализ вообще сталкивается со структурами, то это можно приписать не только ему самому. Он всегда несет с собой сознание своей контингентности, открытую установку на иные возможности, и именно поэтому вынужден, сталкиваясь со структурами, приписывать это не себе, а реальности. Следовательно, именно радикализация сознания контингентности анализа приводит к установке, неизбежно проявляющейся в реальности в качестве редукции полностью открытой, неопределенной комплексности.

Если структуралистская позиция обрисована здесь правильно, то в ней должны содержаться признаки и трансцендентальной теории, и диалектики. Гуссерль, особенно в позднем творчестве, приходит к весьма близкому выводу⁹. Возможность диалектической стилизации всей концепции тоже очевидна, так как именно «свободная вариация» (Гуссерль) в виде отрицания свободы допускает появление структур, возникновение которых в таком случае сплавляет воедино анализ и реальность. Поэтому структурализм можно с полным основанием считать конечной формой долгого развития теории познания — развития, ищущего выход к проблемам реальности в самоанализе познания. Потому структуралисты любят такие ярлыки, как «транс-» и «пост-». Все теории познания можно проанализировать с точки зрения их структуры и поместить в перекрестные таблицы Парсонса. Но, спрашивается, готов ли структурализм создать свою теорию познания, свою «эпистему»¹⁰. Пока есть лишь ее фрагменты. Мы уже отмечали, что понятие структуры не обеспечивает какой-либо направленности; и невозможно отрицать угрозу того, что из-за отсутствия более достойных критериев реальности литературная структура текста — все-таки структура! — в конечном итоге считается достаточной для структуралистского анализа, особенно в Париже.

В отличие от изложенных теоретических основ структурализма и структурного функционализма теория самореферентных систем не обращается к исходным положениям теории познания (тем более, семиотическим). Она начинается с наблюдения своего пред-

⁹ Ср.: *Husserl E.* Erfahrung und Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Hamburg, 1948, в частности высказывания о свободной вариации как методе усмотрения сущности. S. 409 ff.

¹⁰ Ср.: *Qu'est-ce-que le structuralisme?* / Ed. F. Wahl. Paris, 1968; нем. перевод: *Einführung in den Strukturalismus*. Frankfurt, 1973. См., в частности, заключительную статью издателя.

369

мета. Поначалу вопросы теории познания исключаются¹¹. Сначала же вообще не используется различие познания и предмета. Это не сле^ дует путать с наивной установкой повседневной жизни, неотрес лектированной с теоретико-познавательной позиции. Сегодня оí была бы неприемлема в науке в виду длительной традиции рефл«_ fсии над познанием. Именно исключение, временный отказ от вопросов теории познания, и есть установка на нее. Отказ должен быть оправдан в теоретико-познавательном отношении, а также оправдываться ожиданием, что познание станет одним из предметов теории, как

только понятийный аппарат исследования достигнет достаточно высокого уровня абстракции. Кроме того, теория самореферентных систем дистанцирует нас от дискуссии, вызванной применением понятия структуры к системе. Вместе с описанием систем через относительно инвариантные отличительные признаки структуры возникла альтернатива объяснять поведение системы ее собственными существенными признаками либо существенными признаками ситуации, т. е. каким-либо актуальным моментом ее окружающего мира¹². Такой версией много занималась психология¹³. Платформа данной дискуссии сдвигается при понимании структуры из необходимости аутопоэтической саморепродукции. В таком случае это может привести к индивидуализированным узким направлениям, которые облегчают обнаружение примыкающих видов поведения; но которые должны быть в то же время чувствительными к требованиям, специфическим для ситуации, которые поэтому могут в любое время расширять и сужать вводную когнитивную область поведенческого выбора, когда апробированное неочевидно ведет к цели.

¹¹ Примером тому есть и остается, сколь ни удивительно это звучит поначалу, ероче из трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Однако здесь выносятся за скобки не только существование высказывания, т. е. не только вопрос о критерии реальности познания, но и различие познания и предмета в качестве теоретико-познавательной постановки вопроса, в рамках которой впервые обостряется проблема критерия реальности.

¹² В обоих случаях здесь выступает «онтологическое» начало структурализма в противоположность «аналитическому», рассмотренному выше. То, что теория самореферентных систем подрывает данное различие онтологического и аналитического, мы уже отмечали при рассмотрении понятия *элемента*. Ср. выше, гл. 1, II, пункт 4, а также о коммуникации и действии, гл. 4, VIII и X. Здесь мы сталкиваемся с тем же в отношении понятия структуры.

¹³ Критику этого см. в: *Mischel W.* 1) *Personality and Assessment*. New York, 1968; 2) *Toward a Cognitive Social Learning Reconceptualization of Personality* // *Psychological Review* 80 (1973). P. 252—283 (в частности, P. 273 ff. о решении посредством «саморегуляции»).

370

Мы не можем дать здесь подробное рассмотрение данных вопросов. Сейчас достаточно отметить, что понятие структуры тем самым теряет свое центральное место, оставаясь необходимым. Никто из представителей теории систем не будет отрицать, что комплексные системы образуют структуры, без которых они не могут существовать. Однако понятие структуры теперь входит в многостороннюю совокупность разных понятий, не претендуя на главную роль. Оно обозначает важный аспект реальности, возможно, даже необходимую помощь наблюдателю¹⁴, — но уже не именно тот момент, где имеет место совпадение познания и предмета в условиях своих возможностей. Поэтому здесь речь пойдет не о структурализме.

II

В абстрактном рассмотрении понятие структуры можно отнести к коммуникации или к действию. Структуры, связывающие коммуникации, включают в себя информацию, таким образом, являются структурами мира. Они включают в систему все, что вообще может быть значимо для нее. В той мере, в какой структуры готовят смысловые формы, которые рассматриваются в коммуникации как достойные сохранения, мы будем при необходимости говорить и о «семантике». В дальнейшем мы все-таки ограничимся структурами, упорядочивающими действия социальной системы, т. е. структурами самой этой системы. Это не оспаривает, что одно и то же понятие структуры можно применять и к структурам мира, языкам, с-м антикам.

С учетом актуальной дискуссии в общей теории систем¹⁵ и в структурализме мы получаем первый существенный признак понятия структуры путем его связи с проблемами комплексности. Структура осуществляет — но как? — перевод неструктурированной комплексности в структурированную. Неструктурированная комплексность была бы энтропийной и в любой момент распалась бы на нечто бессвязное. Образование структуры *использует этот распад* для создания из него порядка¹⁶. Именно из распада элементов, в данном случае из неизбежного прекращения любого действия

¹⁴ Ср. работу, заменяющую многие: *Lofgren L.* *Complexity Descriptions of Systems: A Foundational Study* // *International Journal of General Systems* 3 (1977). P. 197—214.

¹⁵ Ср. выше, гл. 1.

¹⁶ Наша аргументация здесь параллельна понятию «диссипативных структур».

371

оно извлекает энергию и информацию для репродукции элементов, которые тем самым всегда уже структурно категоризированы! и все-таки все время возникают заново¹⁷. Иными словами, понятие структуры уточняет соотношение элементов во времени. Таким образом, мы должны исходить из отношения между элементами и связями и рассматривать его¹⁸ как конститутивное для квалификации элементов, а в случае социальных систем — для квалификации смысла действий.

Согласие состоит в том, что структуры абстрагированы от конкретного статуса элементов. Это не означает, что любая структура может быть воплощена в любых видах элементов, но, наверное, означает, что структуры могут продолжать существовать и реактуализироваться и при замене элементов. Видимо, это имеет в виду и С. На-дель, утверждая что «составные части какой-либо структуры могут

широко варьироваться в своем конкретном выражении, не меняя идентичности структуры»¹⁹. Однако именно поэтому недостаточно следовать распространенной точке зрения и определять структуры как отношения между элементами — в данном случае вместе с каждым элементом непременно должны были бы исчезнуть и связи, скрепляющие его с другими. Эти отношения приобретают структурную ценность лишь потому, что связи, реализованные в каждом случае, представляют собой *выбор из множества комбинационных, возможностей* и тем самым вносят и преимущества, и риск избирательной редукции. И лишь *выбор* может оставаться *константным* при смене элементов, т. е. воспроизводиться новыми элементами.

Таким образом, структура, чем бы она, как правило, ни была, представляет собой *ограничение связей, допустимых в системе*²⁰.

¹⁷ См. об этом также: *Osterberg D. Meta- Sociological Essay. Pittsburgh, 1976. P. 64 ff.*

¹⁸ С историко-теоретической точки зрения это означает в первую очередь, что структура определяется уже не как отношение целого и частей. По поводу данной часто встречающейся точки зрения вот лишь одна цитата: «Под „структурой" я понимаю различное целое..., которое можно проанализировать... путем деления на части, упорядоченные в пространстве и во времени» (*Fortes M. Time and Social Structure: An Ashanti Case Study // Social Structure: Studies Presented to A. R. Radcliffe-Brown / Ed. M. Fortes. (1949); переиздано: 1963. P. 54—84 (56)*). О продолжении использования такого вида определения см., напр.: *Wendtti, Bemerkungen zum Struktur-begriff und zum Begriff Strukturgesetz // Deutsche Zeitschrift für Philosophie 14 (1966). S. 545—561.*

¹⁹ *Nadel S. F. The Theory of Social Structure. Glencoe 111., 1957. P. 8.* ²⁰ С подобным, но более узким понятием структуры сталкиваются при ориентации на ограничение связей, допускаемых в *описании* системы.

372

Это ограничение конституирует смысл действий и в непрерывном функционировании самореферентных систем мотивирует и разъясняет этот смысл и, конечно, то, что является связуемым. Без структурных параметров можно было бы лишь сказать: а ну-ка действуй! И, наверное, нельзя было бы даже проверить это. Только путем исключения почти всех возможных связей возникает однозначное высказывание: «Налей мне, пожалуйста, еще!»; «Ты забыл почистить заднее сиденье автомобиля!»; «Завтра в три возле кассы кинотеатра!»

Если перевести это в терминологию теории аутопойетических систем (которая, правда, использует понятие структуры не так), то это значит, что лишь благодаря ограничивающему структурированию система приобретает то количество «внутреннего руководства», которое обеспечивает самовоспроизводство. В таком случае каждому элементу должны быть доступны лишь определенные (а не любые) другие элементы, причем на основе особых свойств элементов, вытекающих из их доступности. В этом отношении структура выступает как отбор ограниченных возможностей в конституции определенных элементов и тем самым и в аутопойесисе; но она не является фактором производства, первопричиной, а есть не что иное, как ограниченность качества и связуемости элементов.

Таким образом, отбор структур нацелен на укрепление ограничений. Он придает системе способность различать внешние ограничения («параметры») и внутренние, т. е. выбирать ограничения. Кроме того, отбор структур может быть еще и обусловлен — уже имеющимися структурами (традицией) или предпочтительным углом зрения, в конце концов даже рациональной идеей об усилении ограничиваемогоTM системы.

Понятие отношения, некачественно употребляемое как отличительный признак структур, часто дополняют понятием *взаим-*

См., напр.: *Cavallo R. E. The Role of Systems Methodology in Social Science Research. Boston, 1979. P. 89.*

Кроме того, можно обнаружить параллели с использованием понятий "constraint" (ограничение (*англ.*) — *Прим. отв. ред.*) и структура, относящимся к статистическому анализу данных и определяющим constraint (и тем самым структуру) как ограничение независимости переменных. Ср., напр.: *Broekstra G. Constraint Analysis and Structure Identification // Annals of System Research 5 (1976). P. 67—80.* Правда, это начало требует процессуального определения «переменных» для описания реальной системы, оно не исключает необходимости учета комплексности системы за счет множества комплексов переменных (т. е. путем множества описаний). См. об этом, в частности: *Rosen R. Complexity as a System Property // International Journal of General Systems 3 (1977). P. 227—232.*

373

мозависимостей[^]. Однако и они реализуются лишь через отбор, так как абсолютная взаимозависимость недостижима. Специфич^{*^}ские аспекты зависимости выделяются на фоне других, нейтральных, индифферентных возможностей, и лишь благодаря этому предпочтительный образец обретает структурную ценность. Тогда успешно сформировавшиеся взаимозависимости в то же время служат позициями отбора структур, которые могут быть с этим связаны, и его ограничителями; ибо всякая инновация, включаясь во взаимозависимости, влечет последствия, приумножающие ее, которые нельзя предвидеть, но которые наверняка не нужно

оценивать лишь позитивно. Следовательно, отбор ограничений действует как ограничение отборов, *что и укрепляет структуру*.

Наконец, данный аргумент справедлив и для наиболее часто и почти всегда учитываемого момента понятия структуры — ее (относительной) *инвариантности*. Часто ее опрометчиво интерпретируют как стабильность системы, особенно критики. Здесь все-таки нужен более тонкий анализ. Прежде всего отметим, что именно инвариантность есть не что иное, как требование операционализации ограничений. Выключение иных возможностей требует, если вообще оно должно иметь место, относительной гарантии от нового включения исключенного. Только так может осуществляться функция структур.

Тогда для более подробного рассмотрения нужно различать предметную и временную инвариантность. В предметном отношении речь идет об освобождении от постоянного учета иных возможностей, во временном отношении — о длительности такой свободы. Ситуации меняются каждый миг, потому смещаются и те иные возможности, которые из них следуют. Против таких раздражений, а они не были бы ими, если бы не менялись, иммунитетом может быть лишь более или менее определенная программа действий. Бывают резкие, пронзительные требования действий, например телефонный звонок или запах гари из кухни; однако эффект такой тревожной информации основан на том, что она исключительна. При продолжительном раздражении со всех сторон вообще не выкристаллизовалось бы никакого смысла действий. В итоге все свелось бы к тому же, к чему сводится и отсутствие всякого раздражения, — к скуке²².

²¹ Ср., напр.: *Boudon R. A quoi sert la notion de "Structure"? Essai sur la signification de la notion de structure dans les sciences humaines. Paris 1968 P. 35.*

²² В семантике «ennui» также есть и то и другое: раздражение иным и раздражение отсутствием раздражения. И то и другое сводится к функцио-

374

В качестве селективного ограничения возможностей соотнесе-ния образование структуры ликвидирует равновероятность любой связи отдельных элементов (энтропию). Это является предпосылкой *саморепродукции* — замены исчезающих элементов другими. Однако по той же причине образование структуры является и предпосылкой всякого *наблюдения и описания системы* — как внешнего наблюдения (внешнего описания), так и самонаблюдения (самоописания). С этой точки зрения образование структуры понимается и как создание избыточности²³. Это означает, что в таком случае описание системы не требует выяснения конкретного состояния каждого элемента, что из одного наблюдения можно заключать о других (если из крана течет вода, то он плохо закрыт или неисправен)²⁴. Это упрощает задачу наблюдения и описания и обеспечивает ее соответствие способности реальных систем к переработке информации.

Несмотря на данную общность репродукции и описания, состоящую в том, что обе операции предполагают образование структуры, это не означает, что обе они используют одни и те же структуры. Возможны серьезные расхождения. Репродукция требует локальной гарантии, так сказать, достигаемости следующего элемента, например ответа на вопрос. Описание ищет, скорее, общие гарантии и потому связано со способностью небольшого количества индикаторов обеспечить множество заключений. Репродукция должна заменять конкретные элементы конкретными элементами. Описание может довольствоваться статистически вычисленными вероятностями. В одном случае требуется больше способности присоединения, в другом случае — больше избыточности; в высококомплексных системах то и другое могут сильно расходиться. Так, и современное мировое общество непрерывно воспроизводится на уровне интеракции, управляемой ожиданиями; но вряд ли оно способно адекватно описывать себя. нальным дефектам структур; в историческом аспекте — к функциональным дефектам структур интеракции высших слоев.

Французское слово «ennui», приводимое здесь Луманом, содержит Два значения: 1) скука, тоска (т. е. раздражение отсутствием раздражения) и 2) огорчение, неприятность, досада (т. е. раздражение иным). — *Прим. отв. ред.*

²³ Ср., напр.: *Cavallo, a. a. O. P. 84 ff.*

²⁴ Такая точка зрения имеет ключевое значение в: *Kuhn A. The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Social Science. San Francisco, 1974.*

375

III

.1

Теперь мы привели важнейшие дефинитивные признаки понятия структуры (многообразие которых оставляет в первую очередь впечатление неясного и спорного понятийного аппарата) к

общему знаменателю отбора ограничений. Только связанная с этим кон-тингентность придает связи между элементами структурную ценность — это справедливо как на уровне реально воспроизводящихся систем, так и на уровне их описаний. Тем самым нам удалось избавиться от расхожей альтернативы конкретного (касающегося действия) и аналитического (введенного методологически) понятия структуры и вместе с установкой на избирательность также объяснить, почему понятие структуры вообще необходимо и выражает нечто большее, чем просто рассуждения об отношениях, взаимозависимостях и инвариантности. Все это имеет функцию структуры лишь в том случае, если избирательно вводится как ограничение возможностей комбинации.

Все дальнейшие уточнения понятия структуры должны быть представлены на этом основании как ограничение ограничения. В соответствии с этим структурной ценностью обладали бы не любые ограничения, а лишь ограничения определенного рода. Так, Р. Мертон связывает свое понятие структуры с представлением о границах функциональной эквивалентности²⁵. Однако в качестве условия взаимозаменяемости такая связь предполагает некоторые феномены стабилизации, например «роли» из социологии 1950-х годов, которые, однако, уже не подпадают под данное понятие структуры. Тем самым остается в стороне гораздо более глубокая проблематика систем с темпорализированной комплексностью²⁶, предусматривающих в качестве элементов лишь события и поэтому не способных их удержать и, следовательно, заменять, что и должны взять структуры за отправную точку своего образования. Поэтому мы ограничиваем понятие структуры иначе — не стабильностью особого рода, а функцией обеспечения аутопойети ческой репродукции системы от одного события к другому. Для социальных систем это можно уточнить при помощи теоремы о двойной контингентности. Отбор ограничений приобретает структурную ценность лишь в том случае, если способствует репродукции при условии двойной контингентности. Не в последнюю очередь это означает, что в

²⁵ См.: Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. 2 ed. Glencoe Ill., 1957, в частности p. 52 ff.; см. об этом также: Nagel E. *Logic Without Metaphysics*. Glencoe Ill., 1956. P. 278 ff.

²⁶ Ср. выше, гл. 1, III.

376

структуру должно быть включено предвосхищение возможностей разочарования. Привлеченная здесь теория аутопойетических систем сводит воедино два разных компонента репродуктивного самоопределения. На языке традиционных понятий они называются «структурой» и «процессом». Так как (а не только несмотря на!) сама структура реализуется через отбор, она готовит пространство возможностей. Исходя из структуры реализуется непрерывное определение дальнейших элементов путем *исключения* иных наличных (системно допустимых) возможностей. Для процесса же решающим является *различие «раньше и позже»*. Процесс определяет себя исходя из актуального в данный момент, переходя к годящемуся сюда, но иному (новому) элементу. И то и другое — методы контингентности: как исключение, так и поиск присоединения. Именно поэтому они могут работать «рука об руку» и соответственно сводить контингентность другого компонента к минимуму, достигаемому, так сказать, скачкообразно. Пожалуй, наилучшим, во всяком случае самым внушительным, примером тому является обиходный язык.

Данная концепция полностью понятна лишь с учетом того, что в нее встроено время (и как). Но прежде всего следует радикально отнести понятие события и тем самым понятие действия к моментальному, тотчас же преходящему²⁷. По такому пути пошел Ф. Олпорт при анализе связи понятий события и структуры³⁸. При этом собы-

²⁷ Это не удастся, например, Дж. Дьюи в следующем определении структуры (само по себе оно нам очень близко): «Ряд признаков называют структурой из-за ее ограничительной функции по отношению к другим признакам событий... Это есть... соглашение в отношении меняющихся событий такого рода, что свойства, которые меняются медленно и направляют ряд быстрых изменений, придают им упорядоченность, которую они иначе не получают» (Dewey J. *Experience and Nature*. Chicago, 1926. P. 72). Ошибка заключается в представлении о том, что события, подобно субстанциям, могли бы быть носителями свойств, меняющихся более или менее быстро, причем те оказывали бы структурирующее влияние. Однако как раз данное различие противоречит понятию события как лишь моментально актуальному.

²⁸ См.: Allport F. 1) An Event-System Theory of Collective Action: With Illustrations from Economic and Political Phenomena and the Production of War // *The Journal of Social Psychology* 11 (1940). P. 417-445; 2) The Structuring of Events: Outline of a General Theory with Applications to Psychology // *The Psychological Review* 61 (1954). P. 281—303; 3) A Structuronomic Conception of Behavior: Individual and Collective I // *Journal of Abnormal and Social Psychology* 64 (1962). P. 3—30. Об альтернативе языка вещей и языка событий (недооценивающей, однако, предметное различие как языковое) см. также: Sellars W. *Time and the World*

тия оказываются (социально наименьшей) частицей времени: «неделимым, случаем все-либо-ничего». «Таким образом, отдельное событие есть „дихотомия“, случай, не поддающийся количественному определению, и больше ничего. Его изображение в пространственно-временной модели было бы лишь точкой»²⁹. Согласно этому, событие само по себе, равно как и действие, остается столь же неопишным, как и точка. Даже путем минимального расширения во времени нельзя ничего поделывать — разве лишь в отношении избирательных структурных связей³⁰.

Действие можно охарактеризовать в качестве события двояким образом — причем в обоих случаях необычно для «теории действия». С одной стороны, событие, если можно так выразиться, извлекает следствия из того факта, что ни один объект не может изменить свое отношение к течению времени. Объекты, существуя, должны со временем стареть. Событие же предпочитает исчезнуть. С другой стороны, всякое событие вносит общее изменение прошлого, будущего и настоящего — уже лишь потому, что передает статус настоящего следующему событию и становится для него (т. е. для его будущего) прошлым. Вместе с данным минимальным смещением в то же время может меняться и релевантная точка зрения, структурирующая и ограничивающая горизонты прошлого и будущего. В данном смысле всякое событие приводит к общей модификации времени. Пунктуализация элементов в качестве событий во времени *возможна лишь во времени и лишь благодаря ему*, но за счет исчезновения и общей модификации она реализует *максимум свободы в отношении времени*. За прибавку свободы приходится платить созданием структуры; отсюда возникает необходимость регулировать воспроизводство событий событиями.

Если социальные системы описывают себя как системы действия, то приобретают данный прирост свободы относительно времени. Поэтому они должны развивать структуры, способные связывать события и действия. Посредством данной функции (а не при более или менее продолжительном неизменном состоянии) структуры обретают ключевое отношение ко времени, так как присоединение может осуществляться лишь во временном измерении. Иными

²⁹ Обе цитаты там же, а. а. О. (1954). P. 292.

³⁰ Для ограничения единства действия («акта») во времени Мид вводит в этом месте объективные понятия стимула и реакции. Ср.: *Mead G. H. The Philosophy of (he Act. Chicago, 1938. P. 65 ff.* Это неприемлемо по разным причинам, не в последнюю очередь из-за влияния «действующего организма» на системную референцию и недостаточного учета самостимулирования.

словами, такая форма восприятия, как «событие», вынуждает к экспликации по схеме «раньше и позже». Без данной временной связи (которую невозможно заменить ни предметным, ни социальным определением смысла) система и даже действие вообще исчезли бы вместе с последним состоявшимся событием. При всяком событии и действии возникает некоторый минимум неожиданности, а именно снятие «бывшего прежде», так как новизна конститутивна для эмерджентности действия. Однако все новое появляется в первую очередь как единичное. Данному компоненту новизны, а не субъективной интенции, которая всегда может повторяться, действие обязано своей уникальностью и исключительностью. Не субъект, а время, разложенное на события, придает действию его индивидуальность.

В этом отношении ненадежность также есть и остается структурным условием³¹. При уничтожении всякой ненадежности структура также устранила бы себя саму, так как ее функция как раз и заключается в том, чтобы способствовать аутопойетической репродукции, несмотря на непредсказуемость. В этом отношении вместе с образованием структуры всегда возникает и необходимая мера ненадежности; и именно по таким фанатичным к определенности структурным образованиям, как бюрократия и правопорядок, не без злорадства можно констатировать, что с ростом бюрократизма и правопорядка множится и ненадежность.

Подобное предметное содержание можно рассматривать и наоборот — без какого-либо компонента неожиданности, без отклонения от предметно устоявшегося действия нельзя было бы темпорализировать, закрепить за определенным моментом времени. Без факторов неожиданности не возникло бы какой-либо структуры, потому что ничего подлежащего связыванию не происходило бы³². Однако новое, содержащееся в этом, не остается таковым; оно тотчас же вновь возвращается в континуум времени за счет того, что конституирует собственные временные горизонты прошлого (для себя) и будущего (для себя). Оно в некоторой степени вновь склеивается и рассматривается так, словно его могли ожидать³³. Впрочем, это

³¹ Мы вернемся к этому ниже, в пункте IX.

³² В социологии этой точке зрения уделяется слишком мало внимания. Исключение см.: *Mathiesen Th. The Unanticipated Event and Astonishment ff Inquiry 3 (1960). P. 1—II.* — Оно относится, однако, к совершенно неожиданным событиям; далее см.: *Osterberg, a. a. O. P. 64 ff.*

³³ Соответствующую интерпретацию понятия действия Дж. Г. Мида см. в: *Bergmann W. Zeit, Handlung und*

Sozialität bei G. H. Mead // *Zeitschrift für Soziologie* 10 (1981). S. 351—363 (в частности, S. 360 ff.); Кроме того, имеет важное значение: *Bachelard G. La dialectique de la duree*. 2 ed. Paris, 379

справедливо и для личных действий. Ими также можно удивить себя самого³⁴, и на сей счет даже есть уже теория ренормализации — теория переменных уровней притязаний К. Левина³⁵. ?

Данное восстановление ожидаемости есть потребность не в стабильности, а в репродукции. Ожидания, и в этом отношении они являются структурами, есть аутопоэтическая потребность воспроизводства действий. Без них система в данном *окружающем мире* за отсутствием *внутренней* способности присоединения просто прекратила бы свое существование — прекратила бы его сама по себе. Таким образом, речь не идет о проблеме дефицита способности к приспособлению к окружающему миру. (На данную проблему система реагирует не структурами как таковыми, а их гибкостью и управлением их отбора.) Структуры ожидания являются прежде всего совершенно простым условием возможности действий, способных к присоединению, и в этом отношении условием возможности саморепродукции элементов посредством их собственной организации. Элементы, поскольку они связаны со временем, должны непрерывно обновляться; иначе система прекратила бы свое существование. Настоящее исчезло бы в прошлом, и ничего другого не последовало бы. Этого можно избежать лишь благодаря тому, что смысл действия конституируется в горизонте ожидания дальнейшего действия — будь то ожидание продолжения ряда действий концентрированного смысла, например набор очередной цифры номера телефона; будь то ожидание комплементарного поведения другого при открывании двери по звонку. Здесь складывается впечатление, что действие само лишает себя мгновенного характера, выскакивает из себя³⁶. Однако такое возможно не за счет имманентной энергии, силы, жизненного порыва действия, а лишь через задание и непрерывную реактивизацию структуры ожиданий, настолько редуцирующих неопределенности будущего (и тем самым темпоральную самореференцию действия как отдельного элемента), что действие

1950; переиздано: 1972. — Так, на примере слушания музыки: «Мы не помним, что слышали ее, мы просто признаем, что должны были ее слышать».

³⁴ Эксплицитное рассмотрение см., напр., в: *Strauss A. Mirrors and Masks: The Search for Identity*. Glencoe III., 1959. P. 39.

³⁵ Ср., напр.: *Jucknat M. Leistung, Anspruchsniveau und Selbstbewusstsein* // *Psychologische Forschung* 22 (1937). S. 89—179; *Lewin K. et al. Level of Aspiration, Personality and the Behavior Disorders* / Ed. J. McV. Hunt. New York, 1944. Vol. 1. p. 333—378; *Reissman L. Levels of Aspiration and Social Class* // *American Sociological Review* 18 (1953). P. 233—242.

³⁶ Так, см. указания на теорию действия у Вовенарга (1715—1747). Ср.: *Luhmann N. Zeit und Handlung: Eine vergessene Theorie* // *Zeitschrift für Soziologie* 8 (1979). S. 63—81.

380

может специфицировать себя через отбор соотношений. То, насколько это справедливо и для иных систем, кроме социальных, нуждается в отдельном исследовании. Таким образом, стабильность ожиданий основывается на постоянном прекращении и возобновлении действий, на их «эвентуальности». Флуктуация материала базальных событий выступает предпосылкой того, что ожидания, в отличие от всего изменяющегося, можно формировать и удерживать.

Следовательно, понятие структуры комплементарно «событийному характеру» элементов³⁷. Оно обозначает условие возможности базальной самореференции и самореферентной репродукции системы³⁸. Поэтому структуру, что тоже сказано с «комплементарным понятием», ни в коем случае нельзя понимать как сумму или накопление элементов. Понятие структуры обозначает иной уровень реальности, нежели событие.

Соответственно и понятие события следует считать комплементарным понятию структуры. Это делается при помощи концепции базальной самореференции³⁹. Уже в философии А. Н. Уайтхеда понятие «актуального случая» заняло это основное место и в то же время было наделено способностью к самоотнесению («обладает значимостью для самого себя»), так как лишь так можно дать гарантию его соединимости. Самореференция становится типичным критерием реальности, причем на уровне элементов, не разложимых далее, потому что лишь так можно обеспечить когерентность. При этом самореференция является комплексным понятием. Под нею подразумевается способность ее внутреннего самоопределения путем комбинации «самоидентичности» и «расхождения с собой», в то же время оставляющая место внешнему определению⁴⁰. Не сле-

³⁷ Отчасти именно это место в теории благодаря И. Пригожину занято «диссипативными структурами» — понятием, базирующимся, однако, на понятии энергии. Ср., напр.: *Jantsch E. The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution*. Oxford,

1980.

³⁸ См. также: *Katz D., Kahn R. L. The Social Psychology of Organizations. New York, 1966. P. 20 ff.*, со ссылкой на Олпорта: «Структура находится во взаимосвязанном комплексе событий, возвращающихся к себе, чтобы закончить и возобновить цикл действий. Структурируются не предметы, а события, и поэтому социальная структура является динамическим, а не статическим понятием».

³⁹ Ср. с. 201 и 573 данного издания.

⁴⁰ Цитата взята из: *Whitehead A. N. Process and Reality: An Essay in Cosmology (1929). New York, 1969. P. 30.* В немецком переводе: *Whitehead A. N. Prozeß und Realität, Entwurf einer Kosmologie. Frankfurt, 1979. S. 69.* К сожалению, понятие "self-identity" упрощенно переведено как просто «идентичность», а понятие "self-diversity" — как просто «разнообразие». Впро-

381

дует опускаться ниже данного уровня артикуляции; он помогает адекватно реконструировать то, что мог бы подразумевать М. Ве-ј бер, говоря о «субъективно подразумеваемом смысле».

То, что достигается таким образом, можно описать и как связь! следующих, на первый взгляд, противоречащих друг другу перемен-^ных: (1) избирательного соединения элементов, (2) связывания сво-^, бодной энергии других уровней реальности путем взаимопроникновения, (3) постоянного мгновенного нового разрыва соединений и связей, (4) репродукции элементов на основе избирательности всех связующих и связанных отношений, (5) способности к эволюции в смысле отклоняющейся репродукции, открывающей возможности нового отбора⁴¹. Такая система не имеет какой-либо сущности, стабильной во времени. Она подчиняется необходимости приспособления и изменения структуры не только в темпоральном смысле. Даже взаимозаменяемость элементов (из чего исходила теория ауто-пойесиса в отношении макромолекул и соответственно клеток) недостаточно радикально характеризует ее отношение ко времени. Системы действия используют его, чтобы обеспечить непрерывное саморазложение; они обеспечивают это саморазложение для избирательности любого самообновления; и они используют избирательность, чтобы обеспечить свое самообновление в окружающем мире, выдвигающем постоянно меняющиеся требования.

IV

Следствия из введенной выше концепции события и структуры простираются вплоть до теории науки, что хорошо видно по философской космологии Уайтхеда. Ради этого стоит сделать краткое от-

ступление.

чем, ср.: *Wiehl R. Zeit und Zeitlosigkeit in der Philosophie A. N. Whiteheads II Natur und Geschichte; Karl Lowilth zum 70. Geburtstag. Stuttgart, 1967. S. 373—405*, а в качестве переноса в теорию действия см.: *Fararo Th. J. On the Foundations of the Theory of Action in Whitehead and Parsons II Explorations in General Theory in Social Science: Essays in Honor of Talcott Parsons / Ed. J.J. Loubseretal. Vol. 1. New York, 1976. P. 90—122.*

⁴¹ Очень похожи, хотя и без учета «событийности» элементов и рассмотрения взаимопроникновения, переменные компьютерной модели ауто-пойетических систем, с которыми работает М. Зелены, — а именно производство, связывание и дезинтеграция. Ср.: *Zeleny M. 1) Self-Organization of Living Systems: A Formal Model of Autopoiesis № International Journal of General Systems 4 (1977). P. 13—28; 2) Autopoiesis: A Paradigm Lost? ff Autopoiesis, Dissipative Structures, and Spontaneous Social Orders / Ed. M. Zeleny. Boulder Col., 1980. P. 3^t3.*

382

Чтобы не забыть исходный пункт, напомним, что система полностью конкретизирована лишь на уровне своих элементов. Только здесь она время от времени приобретает реальное существование. Однако темпорализированные элементы (события, действия) всегда содержат момент неожиданности, всегда являются новыми комбинациями определенности и неопределенности. Это исключает возможность научной программы, нацеленной на объяснение конкретного. В данном случае не удовлетворяют и «выжимки» из такой программы — так сказать, отказаться от бесчисленных деталей, ограничившись лишь приблизительным пониманием конкретного, так как проблема заключается не только в необъятной комплексности конкретного, но и в его временной прерывистости. Это понимание вынуждает к радикальной перестройке научной программы. В таком случае основным вопросом уже не является вопрос о том, как реализуется то или иное конкретное состояние? Вопрос, скорее, должен звучать так: как возможна абстракция?

Лишь такой поворот обеспечивает включение науки (в частности, познания) в ее собственную программу объяснения. Понятия, положения, теории науки должны не только признаваться инструментами адекватного понимания или даже отражения конкретного. Они выступают абстракциями, которые пытаются пережить мимолетность момента за счет отбора; и чтобы знать, как возможно такое, прежде всего необходимо выяснить, как вообще возможна абстракция на основе реальности, состоящей из конкретных событий. Если абстрактное становится целью объяснения, значит, наука имплицитно направлена и на свое объяснение. В процессе познания она познает и то, как возможно само познание.

Кроме того, данная смена диспозиции подрывает классическую связь основания, закона и необходимости. Необходимое необходимо не на основании основания и не на основании закона.

Необходимость есть не что иное, как сама аутопойетическая репродукция. Ее необходимость состоит в том, что у нее есть лишь одна-единственная альтернатива — прекратить, завершить систему⁴². В

таком

⁴² В строгом смысле это справедливо только для общественных систем. Только для них их прекращение в какой-то момент было бы чистой случайностью (и поэтому крайне невероятным). Другие системы могут структурно предусматривать свой собственный конец, могут создавать соглашения о своем прекращении, институционализировать церемонию прекращения — все это на основании уверенности, что общество продолжает существовать и имеет наготове иные системные основания социального действия. Системы интеракции, регулируя свое окончание, все еще воспроизводят общество: Ср.: *Albert S., Jones W. The Temporal Transition from*
383

смысле всякий порядок настроен *антителеологично* — он как *раз* не желает такого конца! Прекращение означало бы, что случайность события, актуального в данный момент, используют именно как повод больше ничего не делать. Таким образом, случайность остается понятием, противоположным необходимости. В условиях аутопойетических систем их прекращение было бы случайностью, а потому их продолжение есть необходимость. Основание необходимости есть не что иное, как данное различие. Теория, спланированная таким образом, переключена с идентичности на различие.

Если теория науки вынуждена рассматривать теории такого рода, то она уже не способна выступать в роли хорошего законодателя. Она может понимать себя как источник различий. В этом смысле мы во введении определили понятие парадигмы как основное различие. Теория науки лишь в том случае сама есть теория, если понимает свою необходимость как необходимость репродукции переживаний познания и если видит свою задачу в разработке отвлеченных понятий, требуемых для этого. Звание «теории» требует и готовности к ее пересмотру, но не только. Кроме того, оно сигнализирует и о комбинаторном взаимоусилении случайности и необходимости.

V

С таким углублением временного измерения и интерпретацией действия как события конвергирует теоретическое развитие в социальных науках, с 1940-х и 1950-х годов придающее понятию *ожидания* и, особенно, поведенческим ожиданиям, все больше значения⁴³. Отчасти данное понятие входит в употребление как определяющий компонент «роли», а затем и «нормы», отчасти служит объяснению интеграции взаимных перспектив, отчасти лежит в основе теорий принятия решений, которые, невзирая на неопределенное будущее, пытаются отыскать путь к рациональным решениям. При всем том понятие ожидания все-таки приобретало убедительность скорее преимуществами использования, нежели своим своеобразием как *Being Together to Being Alone: The Significance and Structure of Children's Bedtime Stories // The Personal Experience of Time / Ed. B. S. Gorman, A. E. Wessman. New York, 1977. P. 111—132.*

⁴³ Ср. важное для теории первостепенное место «ожиданий и оценок» и «взаимозависимости ожиданий» в работе «General Statement» // *Toward a General Theory of Action / Ed. T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge Mass., 1951. P. 11 f, 14 ff.* Дальнейшие ссылки на литературу см. в гл. 2, прим. 78.

384

тие. В названных отношениях оно в целом усиливало возможности научного анализа сравнительно с такими компактными понятиями, как роль, норма, социальность, польза. Поэтому мы ввели понятие ожидания уже в контексте теории смысла⁴⁴, чтобы подчеркнуть его центральное теоретическое значение и интегрировать его преимущества, до сих пор показанные, скорее, спорадически. С помощью тезиса о том, что социальные структуры есть не что иное, как структуры ожидания, данное теоретическое приобретение теперь можно объединить с теорией систем. Ожидание возникает путем ограничения пространства возможностей. В конечном счете оно есть не что иное, как само это ограничение⁴⁵. То, что остается, затем и ожидается; результат сжатия идет ему на пользу. Это можно быстро пояснить на примере наглядных стечений обстоятельств; но и процесс коммуникации за счет выбора тем и тематических выступлений быстро исключает многое и тем самым создает ожидания (даже если вообще ничего не обещают и не обязуются). Важным эффектом возникновения ожиданий является то, что отклоняющееся событие на основании ожидания считают помехой, не требуя выяснения его причин. Мы еще вернемся к этому при рассмотрении «иммунной системы» социальных систем (глава 9). В этом также состоит эффективная редукция комплексности. Формирование ожиданий уравнивает множество чрезвычайно гетерогенных событий общим знаменателем разочарования в ожиданиях и тем самым прорисовывает линии рассмотрения. Приходится реагировать на разочарования почти что обязательно. Это можно делать путем приспособления ожидания к ситуации разочарования (обучение) или, как раз наоборот, путем сохранения ожидания, невзирая на разочарование и

настаивая на поведении, которого следовало ожидать. Выбор способа реагирования можно предварительно структурировать в системе, он зависит лишь от того, в какой степени и в каком направлении нужно заниматься причинами отклонения. Ниже

⁴⁴ Ср. гл. 2, с. 142—144 данного издания.

⁴⁵ Ср. идентификацию «полевого опыта» и «ограничения условий» в: *Allpori, a. a. O.* (1954). P. 295. К данной точке зрения подходит и: *Buckley W. Sociology and Modern Systems Theory.* Englewood Cliffs N. J., 1967, где на с. 128 говорится: «Тогда структура такой системы рассматривается в терминах набора альтернативных действий, либо тенденций действовать в связи с компонентами и ограничениями, определяющими или ограничивающими эти альтернативные действия. Таким образом, генезис организации есть поколения таких наборов альтернатив и ограничений, их определяющих».

13 Зак. №4161

385

(пункт XII) мы приведем к данному различию различие когнитивного и нормативного стилей ожиданий. Здесь же пусть останется лишь то, что все функционирующее в семантическом аппарате культуры в качестве «знания» или «нормы», основывается на предшествующей редукции, приводящей совершенно разнородные события в форму разочарования в ожиданиях. В этом также проявляется степень четкости выбора при любом образовании структуры. В отличие от Парсонса мы не можем утверждать, что ожидания являются «качеством» действия⁴⁶. Скорее, отношение ожидания и действия есть не что иное, как отношение структуры и действия в аспекте действия; а отношение структуры и действия, видимо, без сомнения, есть отношение взаимного обеспечения⁴⁷. Правда, в данной концепции приходится отказываться от сведения порядка к началу, независимому от него. Вместо этого можно будет утверждать, что относительно случайные события и действия, если они имеют место, происходят через свое осуществление, образуя ожидания, и что примыкающее событие происходит в таком случае не столь случайным образом⁴⁸.

Теория события/структуры и теория ожиданий объединяются в тезисе о том, что структуры социальных систем представляют собой ожидания, что они есть структуры ожиданий и что для социальных систем, поскольку они темпорализируют свои элементы как события и действия, не существует иных, возможностей образования структур. Это означает, что структуры бывают всегда лишь в настоящем; они пронизывают время лишь во временном горизонте настоящего, которое интегрирует настоящее и будущее с настоящим прошлым. Таким образом, будущее разочарование в ожиданиях не

⁴⁶ Парсонс пишет: «Фундаментальным свойством действия является не то, что оно не состоит лишь из моментальных „ответов“ на специфические ситуативные „стимулы“, а то, что действующий развивает систему „ожиданий“ относительно различных объектов ситуации» (*Parsons T. The Social System.* Glencoe 111., 1951. P. 5). Все о'кей, особенно отказ от схемы «стимул — реакция» и мысль о том, что действие систематизируется ожиданием. Однако это не есть какое-либо свойство действия, так как можно аргументировать и в противоположном направлении, что лишь при помощи структур ожидания система способна конституировать и репродуцировать действия. Следует учитывать и амбивалентное отнесение ожиданий: отчасти — к действию, отчасти — к деятелю.

⁴⁷ См. лишь: *Giddem A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis.* London, 1979, например p. 49.

⁴⁸ «Естественное событие само по себе невероятно, но его наступление меняет вероятности „случайных вторжений“», — говорится в связи с общей теорией эволюции в: *Wilden A. System and Structure: Essays in Communication and Exchange.* 2. Aufl. London, 1980. P. 400.

386

означает, что не было никакой структуры. Это не есть «субъективное» понятие структуры (в отличие от «объективного»). Под ожиданием подразумевается форма смысла, а не внутренний психический процесс. Однако понятие структуры ожиданий относится к самореферентной системе, структурирующей себя ожиданиями. Насколько такие структуры доступны наблюдателю и насколько наблюдатель может видеть связи, недоступные самой наблюдаемой системе, — другой вопрос. Отсюда следует, что нужно осторожно обращаться с понятием «латентной структуры». Если подразумевают статистические артефакты или соответствующие зависимости⁴⁹, то это можно так и оставить с оговоркой. При этом речь может идти об инструментализации наблюдения и самонаблюдения. От этого нужно отличать латентность в смысле права и возможности формирования структуры ожиданий, возможной реорганизации смысловых связей системы, которая, однако, по историческим причинам, еще не видна или заблокирована по структурным причинам.

VI

Лишь после выяснения того, что структуры системы образованы ожиданиями, можно взяться за

следующую тему, которой обычно касаются, если вообще касаются, скорее, в связи с понятием действия. Я имею в виду *решения*.

Социология, видимо, боясь попасть в область психологии или экономики, избегала разработки своей теории решений⁵⁰. Она понимала себя как науку о действиях, а не о решениях. Конечно, она не могла игнорировать, что в социальной жизни решения имеют место, но отношение решений и действий оставалось неясным. Социологи ограничивались «казенным» пониманием решения, например как выбора из альтернатив, — и в таком случае ставили вопрос лишь о социальной обусловленности принимаемого решения. Ниже мы исправляем это, предлагая свое понятие.

Однако тем самым мы идем по целине и поэтому не вполне можем учесть последствия.

⁴⁹ Ср., напр.: *Lazarsfeld P. F. The Logic and Mathematical Foundation of Latent Structure Analysis ff Stouffer S. A. et al. Measurement and Prediction. Princeton N. J., 1950. P. 362—412.*

⁵⁰ Редко даже эксплицитное рассмотрение на систематическом уровне. Оно обнаруживается, напр., в: *Kuhn A. The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Social Science. San Francisco, 1974. P. 104 ff.*, — но лишь как калька экономического учения о принятии решений и без социологической разработки понятий.

387

О *решении* следует вести речь всегда, *если и поскольку истолкование действия реагирует на ожидание, направленное на него самого*. Само собой разумеется, что действие всегда идет с ориентацией на ожидания. Поэтому нет никакого давления при принятии решений. Такие ситуации возникают, когда ожидание направлено обратно на действие, либо на его несостоятельность, если оно само ожидается. В таком случае ожидание создает альтернативу конформности или отклонения, и тогда приходится принимать решение.

Тем самым мы отказываемся от ординарного допущения о том, что единство решения можно понимать как выражение единства (сколь бы ни агрегированного, включающего в себя издержки) предпочтения. В общей сфере «коллективных» решений оно и так устарело⁵¹, а для психических систем оно весьма нереалистично (за исключением специально созданных ситуаций).

Следовательно, вместо различия «лучше — хуже» относительно предпочтений, определение которых остается за системой, мы принимаем в качестве конститутивного для необходимости принятия решений различие между конформностью ожиданиям и отклонением от ожиданий. Это включает в себя как решение, ориентированное на предпочтения, так и особый случай оптимизирующего решения; ибо предпочтения и попытки оптимизации можно понимать как ожидания, предъявляемые к поведению тем, кто принимает решение либо другими. Наш аргумент гласит: с социологической точки зрения это не исходный и, наверное, не нормальный случай запуска поведения по принятию решения.

В определении понятия решения мы не касаемся вопроса о том, кто истолковывает смысл — сам действующий или наблюдатель. Деятельность, насколько она вообще есть решение, всегда есть решение *для кого-то* — часто для самого действующего, но иногда и только для другого⁵².

Поэтому часто оказывается так, что кто-либо бывает застигнут врасплох другими или самим собой, столкнувшись с необходимостью принимать решение. Тогда в смысл уже со-

⁵¹ Самое позднее, начиная с: *Arrow K. J. Social Choice and Individual Values. New York, 1951.* То, что именно благодаря этому важен *процесс* решения вместе со всеми его предпосылками, установлено прежде всего в: *Simon H. A. Models of Man: Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York, 1957.*

⁵² Такая относительность оправдывается при анализе организованного поведения по принятию решений. Ср.: *Luhmann N. Organisation und Entscheidung II Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981 S. 335—389.*

388

стоявшегося действия вкладывается, что оно соответствовало ожиданию или нарушало его.

Кроме того, это понятие относительно и в том, что речь может идти об ожиданиях других или самого действующего. Типичны смешанные ситуации. Не чистят зубы после еды, потому что такси уже подано и нежелательно затягивать время или платить за простой. Часто это конфликтующие ожидания, требующие принимать решения; но существенные признаки нашего понятия удовлетворены и тогда, когда отдельное ожидание либо выполняется, либо нет.

Необходимо лишь, чтобы отношение к ожиданию было включено в определение смысла и, таким образом, пришлось бы действовать, потому что есть такое ожидание. Простого осуществления недостаточно. Поэтому деятельность, становясь рутинной, теряет тем самым характер решения.

Однако в таком случае смысловое тождество с ожиданием все-таки обеспечивает в случае конфликтов или отклонений реактивацию содержания действия в отношении решения.

Таким образом, решение актуализирует самореференцию действия, реализуемую через ожидания.

Действие относится обратно к себе, потому что в его смысл входит то, что его ждут. Само собой разумеется, что для этого необходимо сознание, но оно является лишь предпосылкой, а не существенным признаком самого решения. Решение — это не состояние сознания, а смысловая структура. Насколько адекватным является сознание, используемое для этого, и кому оно принадлежит, а также в какой степени пересекается содержание сознания разных психических систем в случае какого-либо решения, — оставим исследованиям по психологии.

Ориентируясь на ожидания, обеспеченные структурно, т. е. относительно постоянные, решение перекрывает собственное различие «раньше» и «позже». Если можно так выразиться, решение является до решения иным, нежели после него. До принятия решения имеются альтернативы, явно следующие из повседневных ожиданий. Пока не ясно, какие из них будут выбраны. Любой выбор может быть иным. Можно искать основания тому или иному выбору, выдвигать решения в зависимости от обстоятельств. Должен посетитель ресторана вернуть тарелку супа, потому что тот пересолен (*ождается*, что посетители ресторана не жалуются)? После принятия решения выбор ясен — посетитель выразил недовольство и должен мириться с последствиями. То, что имело место решение, сейчас видно по тому, что сделанный выбор рассматривается как контингентный и присоединяющиеся действия мотивированы данной контингентностью (а не только фактичностью состояния, достигнутого тем самым). По поводу пересоленного супа официант делает

389

кислую мину, не несет замены, а ждет оплаты. Следовательно, до принятия решения есть различие альтернатив, после него — дополнительно еще и отношение к данному отношению, а именно отношение избранной альтернативы к данному различию альтернатив. Обе формы контингентности приходят к единству: открытая контингентность и возможность-быть-также-иным для принятого решения. Решение переводит контингентность из одной формы в другую; и то, что оно может это делать, гарантируется благодаря тому, что контингентность конституируется параллельно ожиданиям, структурирующим ситуацию. С необходимостью амбивалентна и семантика «решения». Обычное определение решения как действия выбора называет лишь частичный аспект этого общего обстоятельства.

Эта сложная внутренняя структура решения как преобразования контингентности проясняет, что различие альтернатив может меняться во время и после принятия решения. Решение может отказаться от прежних ожиданий и привлекать новые, чтобы удержать свою контингентность. В дальнейшем напрашивается упущенная альтернатива (не есть суп и не критиковать его). Это дало бы более изящное решение проблемы, которое не столь сильно акцентирует ситуацию принятия решения, так как избранная альтернатива находится ближе к ожиданиям, структурирующим ситуацию принятия решения. Иными словами, решение способно менять свое качество, причем как до, так и во время, и после принятия решения. Например, застигнутость врасплох часто выступает основанием переструктурирования горизонта альтернатив; и в таком случае участники (наблюдатели) могут иметь разное мнение об этом и придерживаться его, без того чтобы решение теряло из-за этого свой характер и свою идентифицируемость. Ситуация решения остается конституированной, но ее определение еще может меняться⁵³.

Это прежде всего такое пространство возможных вариаций, которое использует принимающий решение, если желает принять или получить относительно рациональное решение. Оно не стремится к предельным значениям — ни к оптимальному соотношению целей и средств, ни к максимизации ожидаемой пользы. Оно тяготеет к благоприятному сочетанию действия и ожидания, причем ожидания и альтернативы, вытекающие отсюда, образуют игровой материал в социальной и временной комплексности, т. е. относительно наблюдателя и течения времени. Это, скорее, чрезвычайные ситуации, в которых играет роль и ожидание рационального решения в смысле

⁵³ Данное различие конституции и определения ситуаций введено в: *Markowitz J. Die soziale Situation. Frankfurt, 1979. S. 164 ff.*

390

оптимизации и максимизации, т. е. в смысле единственно верного решения. Так, на хорошо организованных предприятиях, видимо, приходится считаться с такими ожиданиями и поэтому нужно принимать решение о порядке принятия решений, которое можно опубликовать. Обычная жизнь обходится без крайностей.

Социология будет искать результаты, скорее, в иных областях, например среди нарушителей, сталкивающихся со своими решениями неожиданно-ожидаемым образом, либо среди женщин до и после соблазнения, среди сдающих экзамен, либо при подготовке предлогов для отказа, порой необходимых бюрократии. Оставим открытым вопрос, можно ли создать для этого общие масштабы сравнения рациональности, или здесь хватает имеющихся. С точки зрения социологии важнее предполагаемые связи между структурами ожиданий, мерой их определенности либо многозначности и

их выражением в когнитивной или нормативной направленности, с одной стороны, и давлением необходимости принятия решений, их бременем и возможностями — с другой стороны. В таком случае речь меньше всего идет о субъекте или предпринимателе, определяющем свою волю после знакомства с ситуацией; речь идет о структурно необходимой вариации в модусе самореферентных действий, о более высоких требованиях к конституции элементов для социальных систем и прежде всего о множестве следствий, с которыми нужно считаться, когда социальная система поднимается на уровень принятия решений, где и рефлектирует себя.

VII

После этого ретроспективного экскурса о понятии действия вернемся к основной теме настоящей главы. Прояснив понятие структуры и идентифицировав их в социальных системах как структуры ожиданий, мы можем перейти к вопросу о том, у каких структур есть шанс оказаться выбранными и оправданными эволюционно. В контексте общей теории социальных систем речь при этом, разумеется, может идти не о содержательных отличиях, а лишь о формальных признаках. Таким образом, мы не ставим вопрос о видах и родах ожиданий и не пытаемся дать их типологию. Речь здесь не идет о таких разделениях, как экономика, религия, культура, политика, педагогика, — т. е. разных сферах жизни. В таких декомпозициях и без того уходит из виду связь с единством системы. Вопрос, скорее, о возможностях высказываний о том, как на уровне образования структур реализуется связь с единством системы и ее

391

отличием от окружающего мира, — о том, как эта связь обеспечивается посредством структурного отбора и, благодаря ему, в четкой форме. Иными словами, следуют ли передаваемые формы лишь из того, что открытая комплексность должна быть редуцирована и должна быть избрана структура независимо от всякого содержания ожиданий?

Пожалуй, самый распространенный ответ на этот вопрос в общей теории систем строится на принципе *иерархии*⁵⁴. Под ним можно понимать весьма разное — например, цепочки ссылок, иерархию целей и средств, разложение на подсистемы. В любом случае единство системы оказывается переданным как транзитивное строение порядка; и у всего, что этому не подчиняется, нет шансов превратиться в структуру. Могут возникать иные свободно парящие формы, но они не оправдывают себя сохранением на длительное время. Для этого они недостаточно просты в своих связях с единством системы.

Несмотря на то что данная концепция вновь и вновь используется и для социальных систем⁵⁵, она непригодна для этого типа образования систем. С реальной позиции просто неправильно, что социальные системы возникают сплошь в форме иерархий⁵⁶. Этот принцип, очевидно, придавал бы им чрезмерную четкость, централизацию, слишком упрощал бы их. Бесспорно, что иерархия есть форма образования систем, особо удобная для комплексности, что она в то же время в явном виде выражает единство комплексной системы. Бесспорно и то, что данная форма может быть и бывает выбрана и в области социальных систем. Очевидно, что все-таки существуют и иные возможности форм, пожалуй, не столь мощные, но зато и легче достижимые. Мы усматриваем их в стабилизирующем отборе применительно к *функциям*.

Функции всегда являются синтезом множества возможностей. Они всегда есть точки зрения сравнения реализованных возможностей с иными. В этом отношении они едины, подобно иерархии, как выражение единства и различия. Подобно субиерархиям, они могут

⁵⁴ Ср. гл. 1, II; 2.

⁵⁵ *C'P'D'napP.; Д'и/и^ Т*¹⁶ Cybernetic Laws of Social Progress: Towards a Critical Social Philosophy and a Criticism of Marxism. Oxford, 1982 напои-мер p. 63 f., 112ff.

р " *?£ n^rr'. V/f^ a nlder Ch_ A City is not a Tree " Architectural Forum 122 (1965) April. P. 58-62, May. P. 58-61. Для биологических систем см. также: Roth G. Biological Systems Theory and the Problem of Reductio-msm // Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach / Ed G Roth H. Schwegler. Frankfurt, 1981. P. 106—120.

392

относиться к частичным областям системы, но всегда находятся в «горизонте вопросов» системы. Так, можно изучать то, что способствует управлению дефицитом, и при этом получать комбинацию экономических и моральных мер, которые можно рассматривать и сравнивать отдельно⁵⁷; однако ответ на вопрос, зачем вообще нужно управлять дефицитом, выходит за пределы данной функции и в конечном счете может быть получен лишь с помощью указания на различие системы и окружающего мира. Таким образом, функция, точно так же, как и иерархия, направляет внимание на единство; но она не так надежно организует структуру. Следовательно, функции также служат самоописанию комплексной системы, введению в систему способа выражения идентичности и различия. Функции также служат самоупрощению и усложнению системы — парная функция, за которую приходится платить отказом от конкретной точности

самоописания. Поэтому можно предположить, что в функциональной ориентации есть готовый модус порядка, приобретающий первостепенное значение всегда, когда системы становятся слишком комплексными для иерархизации.

Функциональная ориентация есть одновременно *форма производства избыточности*, таким образом — надежности. Она позволяет разным способам реализации функций предстать функционально эквивалентными. Они могут подменять друг друга и поэтому представляют собой некоторую защиту от потери сил. Разумеется, это справедливо лишь для уровня абстракции, на котором существует проблема отнесения функционализации, а вместе с абстрагированием данной проблемы снижается запас избыточности. Поэтому никто не чувствует себя вполне уверенно, ибо все происходящее выполняет функцию редукции комплексности. (Здесь может быть уверен в себе лишь теоретик, которому если не приходит в голову ничего другого, может все это высказать и написать.)

Функциональная ориентация, несомненно, не есть потребность самореферентной репродукции — точно так же, как и целевая ориентация не есть потребность действия. Конкретно идущая общая репродукция всегда предшествует любым попыткам ввести в нее семантику ее единства. Действие в некоторой степени подготавливает примыкающее действие, и обычные требования скорости запрещают слишком много промежуточных размышлений — не должно быть такого, что слишком долго вообще ничего не происходит. Отнесение, причисляющее события, действия, обусловливания,

³⁷ Ср., напр.: *Foster G. M. Peasant Society and the Image of Limited Good // American Anthropologist 67 (1965). P. 293—315.*

393

ожидания, структуры к проблемам и скрепляющие с ними функции, отношение к единству, возможности сравнения в самом осуществлении действия не предусмотрено; оно является делом *наблюдения*, т. е. делом событий и соответственно процессов, не находящихся под непосредственным давлением ситуации.

Репродукция системы может и будет происходить без этого наблюдения. От наблюдения решительно ничего не зависит. Поэтому наблюдение, свободное от необходимости получения результатов, может позволить себе более комплексное видение системы. Соответственно то, что мы назвали функциональным анализом⁵⁸, в сфере общественной системы есть принцип научного наблюдения системы, а не *eo ipso** принцип самоорганизации повседневно воспроизводимых общественных отношений.

Несмотря на это, многое говорит о том, что функциональная ориентация есть основной морфогенетический принцип, управляющий отбором удачных структур в процессе эволюции⁵⁹. Это возможно, поскольку *действие и наблюдение не обязательно взаимно исключают друг друга*. Прежде всего в *социальных* ситуациях (и тем более в комплексных социальных системах) почти неизбежно возможно и то и другое синхронно, так как коммуникация исключает одновременное действие всех участников. Таким образом, имеет место постоянно варьирующееся распределение возможностей действия и наблюдения, причем они идут параллельно и взаимодействуют друг с другом, как только наблюдение становится пред-

«Ср.гл. 1,IV.

⁵⁹ По данному вопросу имеются обширные культурно-антропологические сравнительные исследования, продолжающие работы Э. Дюркгейма и подтверждающие данную точку зрения, а также доказывающие связь между функциональной спецификацией и социальной комплексностью. По поводу метода и результатов см., в частности: *Naroll R. A Preliminary Index of Social Development // American Anthropologist 58 (1956). P. 687—715; Tajfe T. A., Naroll R. Two Measures of Societal Complexity: An Empirical Cross-cultural Comparison // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / Ed. R. Naroll, R. Cohen. Garden City N. Y., 1970. P. 766—833.* Однако следует подчеркнуть, что функциональную спецификацию в смысле данной теории развития нельзя смешивать с функциональной дифференциацией системы.

Можно было бы даже выйти за пределы данной теории развития и спросить, не сводится ли своеобразная асимметрия эволюции к тому, что именно функции способны направлять *построение* специализированных порядков и, что, наоборот, их *деструкция* идет в катастрофической форме и не может быть поставлена в связь с функцией, когда типична лишь замена исполнителей функций при постоянстве последних.

* Тем самым (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*

394

метом коммуникации или даже наблюдения, В ситуативный отбор примыкающих действий, тем более в выбор, отклонение и новый выбор структурообразующих ожиданий может входить более комплексный взгляд сопутствующего наблюдения. Кто-то с некоторой дистанции от происходящего видит основы успехов или неудач, основы умиротворяющих ценностей, завершающих действий (*telos*) и их последовательности; и сохраняя такие позиции рассмотрения, можно пользоваться ими для некоторой модификации последовательности, приспособив ее к изменившейся ситуации, либо с тем же успехом организовать ее совсем иначе,

Отсюда в отношении системы социального действия также можно утверждать, что с большей или меньшей неизбежностью возникает *самонаблюдение* — оно возникает на основе сколь бы ни было малого, неуловимого различия действия и наблюдения. Тогда все дальнейшее есть лишь дело расширения,

использования случая, окказионального, но в данном случае систематического использования потенциала. В качестве различия действия и наблюдения, способного стать предметом коммуникации, самонаблюдение есть основополагающая операция в построении структуры социальных систем, приводящая ее в действие. Если (почти) во всех социальных ситуациях можно ожидать сколь угодно малой дифференциации действия и наблюдения, то тем самым задается исходная точка в экспериментировании с постановкой проблем и приписыванием функций, а самонаблюдение станет коммуникативным процессом, превращающим эту возможность в построение структур.

Исходные точки преобразования функциональной ориентации в направлении чего-то более невероятного следует искать в *более глубокой дифференциации действия и наблюдения.*, дифференциации, разделяющей их сильнее, но *все-таки не ставящей под вопрос коммуникативное осуществление самонаблюдения.* Тем самым мы избегаем всякого телеологического объяснения, а также каузального, рассматривающего функции, проблемы, потребности и тому подобное как действительный движущий фактор развития соответствующих приспособлений. Гипотеза, скорее, утверждает, что при большей дифференциации действия и наблюдения при условии непрерывной коммуникации самонаблюдения вероятнее, что возникают относительно невероятные (требующие больше предпосылок, например специализированные) функциональные ориентации и будут выбраны соответствующие структуры.

Более сильная дифференциация действия и наблюдения может быть достигнута по крайней мере двумя путями. Один — более прямой, другой — по всей вероятности, более надежный и, в пер-

спективе, успешнее. Первая, ближайшая, возможность состоит в том, чтобы выделить для наблюдателя роли. Освобождение наблюдателя от действий компенсируется особым престижем, обеспечивающим: в то же время релевантность наблюдений в отношении действий и их (наблюдений) семантику, таким образом — самонаблюдение в социальной системе. Наблюдателю приписывается мудрость, любовь к истине, религиозные побуждения и т. п.⁶⁰ Это может сгладить различие действия и наблюдения, не оставляя эффект лишь за содержанием наблюдения; престиж, например, подкрепленный возможностью контролировать доступ к социальным ролям, возникает на основе религиозной исключительности или завоеванной репутации. Наконец более или менее свободному приобретению престижа все больше способствует институционализация исследовательских учреждений, вплоть до от-дифференциации особой подсистемы науки. Лишь в самое последнее время необходимое здесь доверие, похоже, превратилось в недоверие.

Другой путь использует не ролевое, а техническое отделение наблюдения. Он вытекает из технического расширения возможностей коммуникации посредством письменности, а позднее — механического тиражирования (печати). Вместе с легитимацией ролей или без нее письменная либо печатная коммуникация прямо-таки вынуждает разделение действия и наблюдения — во время чтения едва ли можно совершать иное действие или участвовать в действиях других.

Вместо этого возникает возможность оценки прочитанной коммуникации и в этом узком смысле — возможность наблюдения. Правда, восприятие прочитанного формирует прежде всего лишь содержание сознания. Однако оно обеспечивает весьма высокую вероятность того, что присоединяющиеся коммуникации будут иными, нежели у участников, взаимодействующих по ситуации, особенно если читатели способны допускать, что их партнеры по коммуникации тоже читают и судят о реальности лишь по прочитанному. Пишущий для читателей также должен выделять коммуникацию; он должен пользоваться стилем описания, объективирующим предмет, который нужно представить читателю, а тот, в свою очередь, должен научиться читать соответствующим образом⁶¹.

⁶⁰ Классической монографией на эту тему является: *Znaniacki F. The Social Role of the Man of Knowledge.* New York, 1940. Ср. также: *Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study.* Englewood Cliffs N.J., 1971.

⁶¹ Ср.: *Giesecke M. Schriftspracherwerb und Erstlesedidaktik in der Zeit des "gemein deutsch"—eine sprachhistorische Interpretation der Lehrbücher Valentin Ickelsamers/"Osnabmcker Beiträge zur Sprachtheorie 11 (1979). S. 48—72.*

Следовательно, развитие структур начинается вместе с письменностью уже потому, что усиливается его базис — различие наблюдения и действия. В распоряжении не просто имеется «больше знаний», возникают также структурно иные диспозиции и семантики переработки знаний и, в связи с этим, — расширения тематики самонаблюдения. Общество и многие социальные системы в нем в гораздо большей степени становятся способны к коммуникации самонаблюдения, не ограничивая и не замедляя вследствие этого потенциал действий. Исторически взаимосвязанное возникновение письменности и телеологизации философской теории в данном аспекте приобретает характер не случайного, объяснимого взаимоотношения⁶². Книгопечатание усиливает

эту тенденцию, особенно с расширением читающей публики и с переходом к повседневной массовой коммуникации. Сегодня еще вряд ли можно оценить последствия этого для возможностей общественного самонаблюдения и его блокировок⁶³; впрочем, в то же время функциональная ориентация, вследствие перехода общественной системы к функциональной дифференциации и ее воплощения в организациях, стала в значительной степени независимой от этого.

Если самонаблюдение в перспективе «выкристаллизовывает» отношения функций на основе различия действия и наблюдения и кладет их в основание структурного развития, то налицо эволюция

⁶² Телеологизация рассматривается здесь как староевропейский предварительный этап функционализации, характеризуемый предпосылкой, что процессы (движения) имеют естественный конец, который, будучи достигнут или нет, объясняет их ход. О завершении данной формы мышления в Новое время и о ее ментальном переформулировании ср.: *Luh-mann N. Selbstreferenz und Teleologie in gesellschaftstheoretischer Perspektive // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 9—44.*

⁶³ Во всяком случае, можно констатировать высокую чувствительность процесса, реагирующего на самого себя, что также есть индикатор самонаблюдения. Уже в XVII в. отмечается ирреализм как результат чтения, который вводится в удобочитаемую форму; подобное касается слишком сильного интереса к ошибкам других. Ср.: *Huet P. D. Traite de Forigine des romans. Paris, 1670.* В XVIII в. добавляется приватизация чтения как перспектива автора, «о-посредствование» судеб, индивидуализация изображения личности. Ср. в отношении Англии: *Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. London, 1957;* для Франции, напр.: *Etienne S. Le genre romanesque en France depuis l'apparition de la "Nouvelle Heloise" jusqu'au rapproches de la Revolution. Paris, 1922.* С середины XIX в. ежедневная пресса и позднее радио, по-видимому, еще более избирательно настроены на темы, которые ожидаемы и в то же время неожиданны, — новости, отклонения от нормы, сенсации, рисуя слишком драматичную картину общества.

397

путем «слепой» вариации и отбора⁶⁴. Самонаблюдение на уровне элементарных коммуникативных процессов, а именно вторичное направление наблюдений действий в коммуникацию, не является методом все лучшего познания наличной системы. Именно поэтому речь идет о творческом, морфогенетическом механизме, прощупывающем события на их функции и, по возможности, удерживающем результат в форме успешных структурных достижений. Операция не зависит от антиципации ее результата. Она не гарантирует, что в ходе* построения структуры реализуется самое лучшее и что человеческая доля будет легче. Даже мир Лейбница, лучший из миров, бесспорно,¹ не давал никаких гарантий счастья отдельного человека, тем более не может дать их функциональное структурирование. Однако немало уже и то, что в принципе выбор структур, даже в случае высокой комплексности, можно, пусть и опосредованно, ориентировать на единство системы и на ее избирательность по сравнению с иными возможностями.

VIII

В случае социальных систем ожидания означают для нас темпоральную форму, в которой возникают структуры. Однако ожидания приобретают социальную релевантность, а с ней и пригодность⁶⁵ в качестве структуры социальных систем лишь в том случае, если они могут быть ожидаемы⁶⁵. Лишь так можно упорядочить ситуации с двойной контингентностью. Ожидание должно стать рефлексив-

⁶⁴ В смысле: *Campbell D. T. Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes // Psychological Review 67 (1960). P. 380-^00.*

⁶⁵ В анализах данного феномена нет недостатка; однако я не знаю автора, который эксплицитно придерживался бы тезиса, что без рефлексивного ожидания образование социальных структур невозможно. В качестве небольшой подборки материалов на тему ожидания ожиданий см., напр.: *Park R. E. Human Nature and Collective Behavior // American Journal of Sociology 32 (1927). P. 733—741; Blumer H. Psychological Import of the Human Group // Group Relations at the Crossroads / Ed. M. Sherif, M. O. Wilson. New York, 1953. P. 185—202; Maucorps P.-H., Bassoul R. Jeux de miroirs et sociologie de la connaissance d'autrui // Cahiers internationaux de Sociologie 32 (1962). P. 43—60; Closer B., Strauss A. Awareness Contexts and Social Interaction // American Sociological Review 29 (1964). P. 669—679; Laing R. D., Phillipson H., Lee A. R. Interpersonal Perception: A Theory and a Method of Research. London, 1966; Aubert V, Elements of Sociology. New York, 1967. P. 18 ff.; Scheff Th. J. Toward a Sociological Theory of Consensus // American Sociological Review 32 (1967). P. 32-^6; Lefebvre V. A, A Formal Method of Investigating Reflective Processes // General Systems 17 (1972). P. 181—188.*

398

ным, оно должно быть способно относиться к самому себе, причем не только в смысле сопутствующего диффузного сознания, но и с пониманием себя как ожидаемого ждущим. Только так ожидание может упорядочить социальное поле с более чем одним участником. Ego должен уметь ожидать то, что ждет от него Alter, чтобы согласовывать свое ожидание и поведение с ожиданиями другого. Лишь когда обеспечена рефлексивность ожидания, ею может пользоваться и самоконтроль. В

таком случае отдельный участник ждет от себя самого определенных ожиданий относительно другого; например, в таком случае он может полагать, что не обязан допускать поведение, перечеркивающее его собственные ожидания (к себе и другим). Он развивает чувство прецедентного значения определенных видов поведения. Они могут лишь перечеркивать некоторые ожидания, но и вызывать сомнение в надежности ожиданий, т. е. в их гарантированной вероятности. Отсюда в рефлексивном ожидании и только в нем возникает особая чувствительность и особая проблема контроля. Мирящийся с поведением, разочаровывающим его ожидания, должен считаться с тем, что другой будет ждать уже не разочаровывающих ожиданий, а соответствующих его поведению. Например, кто-то не пунктуален. Если окружающие это терпят, то социальная связь их ожиданий реструктурируется так, что включает в себя возможность чьей-то непунктуальности. Ожидаемая область толерантности расширяется. Если окружающие захотят заранее заблокировать подобное поведение, то для диагностики ситуации потребуется уже третья ступень рефлексивности. Собственное предусмотрительное поведение активируется ожиданием, что ожидания ожиданий изменяется, если неясно, чего ждать. То, что при этом речь идет об эмерджентном феномене, возникающем не просто из объединения психических состояний, особо подчеркивает Г. Блумер⁶⁶. Единство, возникающее из такого «принятия во внимание принятия во внимание», Блумер называет «транзакцией». Самобытная здесь — самобытная избирательность, проецируемая затем обратно на участников. Чтобы иметь возможность участвовать, участники должны развивать ингибирующие способности, т. е. сдерживать свои импульсы, уметь поступать избирательно, а для этого им нужна прежде всего социальная идентичность. Вслед за Дж. Мидом ингибирование можно рассматривать как необходимый компонент действия⁶⁷. Для актуальной здесь тематики это означает, что возможность действовать вообще появляется лишь

⁶⁶ Blumer H. Psychological Import of the Human Group, в частности p. 195

и далее.

⁶⁷ Ср., напр.: Mead G. H. The Philosophy of the Act, a. a. O. P. 353 f.

399

в зависимости от способа, которым координируются взаимосвязи действий посредством ожидания ожиданий.

Учитывая данные рассуждения, следует пересмотреть упрощенное понимание комплементарности ожиданий. Комплементарность ожиданий не есть лишь ментальное отражение комплементарности поведения. Речь идет не просто о том, что дающий, хотя он сам отдает, должен ждать от противоположной стороны приема, которым завершается его отдача; таким образом, он и не может ждать того же самого поведения — а именно отдачи! Конечно, и это правильно и необходимо. Однако уровень ожиданий предоставляет за его пределами дополнительное средство интеграции ожиданий для управления поведением. Уровень рефлексии образует эмерджент-ный уровень порядка с собственными формами чувствительности. Схема отдачи/приема еще раз в целом отражается на данном уровне, делая очевидным, что Alter должен быть готов не только к приему, но и к акцептированию отдачи; и что поэтому следует считаться с дальнейшими ожиданиями, а также с видами поведения, принимающими общий комплекс отдачи/приема для определенных ситуаций либо же отвергающими его (например, чтобы не оказаться в долгу). Только на этом уровне бывает такт. Только на этом уровне есть утонченные стратегии ускоренного определения ситуации, учитывающие возможность и даже пытающиеся ее реализовать, когда партнер оказывается настроенным на ожидание, которого он сам совсем не желал, и теперь должен считаться с ожиданиями ожиданий, перечеркивание которых нарушало бы его прежние действия и влекло бы за собой справедливое негодование⁶⁸.

Ожидания ожиданий побуждают всех участников взаимно подчиняться вневременным, и в этом смысле структурным, ориентаци-ям. Тем самым исключается образование социальных систем в форме голых цепочек реакций, в которых одно событие более или менее предсказуемо влечет за собой следующее. Так, система в обычных условиях быстро потеряла бы управление; в лучшем случае она была бы способна лишь корректировать уже необратимые события. Напротив, рефлексивность ожидания обеспечивает корректировку

⁶⁸ Такие ситуации известны, по крайней мере, с XVII в. Они обсуждаются прежде всего в связи с литературой о любовном соблазнении, причем в отношении как тактики соблазнения, так и тактики отражения. Ср., напр.: Hedelin F. Abbe d'Aubignac, Les conseils d'Ariste a Celimene sur les moyens de conserve! sa reputation. Paris, 1666; СгѣВШon C. (fils). Lettres de la Marquise de M. au Comte de R. (1932); цит. по изданию: Paris, 1970. Такая изысканность возникла после того, как утвердилось мнение, что любовь (по крайней мере, чувственная) есть преходящий феномен, следовательно имманентно ненадежный.

400

(и борьбу за нее) на уровне самого ожидания. Это преимущество '«ряд ли можно переоценить, так как ожидания придают структурам Недержание, которое можно пересмотреть. Уже нет чего-то

совершаемого, а есть лишь игра возможностей. Хотя ожидания и обязывают, особенно если они необратимо выражены в коммуникации и, таким образом, в действии; но в таком случае речь идет все-таки лишь о предпочтительной установке, которую еще можно пересмотреть вплоть до самого ожидаемого события. Структуры, образующиеся на рефлексивном уровне ожидания ожиданий, т. е. определяемые *лишь ожиданием* ожиданий, в принципе гарантируют обратимость⁶⁹. Если однажды выяснен этот главный механизм рефлексивного утверждения ожиданий, то понятен ряд феноменов, основывающихся на нем. Для социокультурной эволюции важна прежде всего узкая направленность области ожиданий, релевантная для структуры. Просто так ждать можно и явлений природы, и постоянства вещей, и их распада. Ожидания же ожиданий, напротив, должны быть адресованы — что, видимо, коррелирует с их повышенной неопределенностью и возможностью быть какими угодно. Ожиданий можно ждать лишь от того, кто может действовать⁷⁰. Область регулирования, способная к созданию порядка на данном уровне, ограничивается поведенческими ожиданиями. Относительно больших ушей, длинных носов, солнца и дождя не возникает каких-либо ожиданий ожиданий. Здесь достаточно общего социального измерения всякого смысла — совместного восприятия и ожидания восприятий других. Можно лишь ожидать ожидания, что никто не пугается при виде длинноносых. Само по себе наличие носа ждуть с полной уве-

⁶⁹ В этом состоит причина того, что развитие права долго использовалось для превращения *nuda pactio* (*nuda pactio* (лат.) — «голый договор»: понятие римского права, означающее простое соглашение, не имеющее признанной правовой формы и не сопровождающееся обязательными действиями. — *Прим. отв. ред.*) в обязательное соглашение, которое можно обжаловать. Во всяком случае, поначалу его нельзя было вполне отчетливо отличить от простого согласования ожиданий при использовании примитивных процессуальных техник поиска истины.

⁷⁰ Точнее: тот, кто может ориентироваться на свои ожидания, может превратить их в действие. В традиционной терминологии это можно сформулировать и так, что другого следует понимать как «субъект» своей собственной контингентности, — установка, как известно, филогенетически и онтогенетически весьма богатая предпосылками. Ср. об этом и о соответствующей проблеме атрибуции: *Jones E. E., Davis K. E. From Acts to Dispositions: The Attribution Process in Person Perception II Advances in Experimental Social Psychology / Ed. L. Berkowitz. Vol. 2. New York, 1965. P. 219—266; Breznitz Sh., Kugelmass S. Intentionality in Moral Judgement: Developmental Stages // Child Development 38 (1967). P. 469—79.*

401

ревностью, и лишь свое отношение к нему и соответствующее поведение требует регламента, закрепленного в ожидании ожиданий⁷¹. Следовательно, данный авансовый, более рискованный тип от- дифференциация приводит к выделению поддиапазона ожидаемых с бытием, а именно к выделению социальных систем. Это приводит нас к гипотезе об эволюционной связи усиления ненадежности от- дифференциации — связи, вызывающей свое собственное усиление, так как выделение и денатурализация поведения повышает определенность ожидания и тем самым требует еще большей опоры на ожидания ожиданий, которые в свою очередь обеспечивают дальнейшую от- дифференциацию.

Следующий пункт касается непросматриваемости комплексных ситуаций ожидания — прежде всего если принимают во внимание более двух участников, а также возможность изменения ожиданий. По этой причине М. Вебер не решился придать непреложную значимость ориентации на ожидания⁷² (хотя затем сфокусировал понятие «консенсуса» именно на это)⁷³. Однако из непросматриваемости можно делать вывод не о нерелевантности ожиданий ожиданий, а лишь о необходимости в символических сокращениях, представляющих собой высококомплексные ситуации ожиданий при ориентации. Абстракциями с такой функцией являются, например, высказывания долженствования, ценности, понятия и требования, ссылки на привычку, нормальность, ординарность. Ими населяют мета-уровень ожидания ожиданий, где они служат суррогатом слишком обстоятельного установления, учета и обнаружения фактических

⁷¹ См, в связи с этим социологический подход в: *Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs N. J., 1963.*

⁷² М. Вебер пишет: «Правда, возможный (субъективно предполагаемый) смысл общественно ориентированных действий не исчерпывается ориентацией индивида на „ожидание“ определенных „действий“ третьих лиц. В пограничном случае такую ориентацию можно просто не принимать во внимание, и действия, соотношенные по своему смыслу с действиями третьих лиц, могут быть ориентированы исключительно на субъективно предполагаемую „ценность“ содержания собственных действий как таковых (на «долг» или что бы то ни было); в таком случае действия будут ориентированы не на ожидание, а на ценность» (см.: *Weber M. Ober einige Kategorien der verstehenden Soziologie (1913);* переиздано в: *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 2. Aufl. Tübingen, 1951. S. 427—474 (442).*

⁷³ Под согласием следует понимать то, что «действия, ориентированные на определенные ожидания

поведения других, получают эмпирически „значимый“ шанс на то, что ожидания оправдаются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо договоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям, как к „значимым“ по своему смыслу и для их поведения» (Weber, а. а. О. S. 456).

402

имплицитных ожиданий. В таком случае в ожидания, которые могут быть востребованы в любое время, входят обратно в социальный горизонт данных суррогатных символов. Однако эти символы не были бы созданы, если бы не возникла ориентация при помощи ожиданий ожиданий. В качестве общих допущений они обеспечивают темп и непрерывность коммуникации. Они могут в большей или меньшей степени отвлекаться от фактической ситуации ожиданий и обещать то, что вообще не обеспечивается реальностью⁷⁴. Тем не менее даже в таком случае речь в сущности идет лишь об ожиданиях ожиданий. Это можно продемонстрировать с помощью эффекта разоблачения — эффекта Кинси, возникающего, если обнаруживают, что предполагаемые ожидания вообще не ожидаются*. Наконец, не следует упускать из виду, что структурный уровень ожидания ожиданий есть источник конфликтов. Он разжигает конфликты задолго до нужного момента, поскольку мотивирует участников блокировать или вытеснять ожидания, которые, как ожидается, могут стать неудобными. Кроме того, что чаще всего становится предметом обсуждения⁷⁵, данный уровень обеспечивает и специфические возможности управления конфликтами, позиционные преимущества или же символическую стабилизацию противоречий. В таком случае именно идентичность ожидания может быть поводом непрерывной репродукции противоположных оценок, и именно это ожидается вновь⁷⁶.

⁷⁴ Некоторое время в этом отношении говорили о "pluralistic ignorance" (неведение плюрализма (*англ.*) — способ ориентации во множестве сложных ожиданий при помощи более общих упрощающих подстановок (ожиданий). — *Прим. отв. ред.*). Ср., напр.: *Schanck R. L. A Study of a Community and its Groups and Institutions Conceived of as Behaviors of Individuals*. Princeton, 1932; *Rommetveit R. Social Norms and Roles: Explorations in the Psychology of Enduring Social Pressures*. Oslo, 1955; и с недавних пор снова: *Katz E. Publicity and Pluralistic Ignorance: Notes on "The Spiral of Silence" // Offent-liche Meinung und sozialer Wandel: Festschrift Elisabeth Noelie-Neumann. Opladen, 1981. S. 28—38.*

⁷⁵ См., напр.: *Schelling Th. C. The Strategy of Conflict*. Cambridge Mass., 1960; *Lainget al, а. а. О. (1966); Scheff Th. J. A Theory of Soc.al Coordination Applicable to Mixed-Motive-Games ff Sociometry 32 (1967). P. 215—234.*

⁷⁶ Примеры см. в: *Lainget al, а. а. О. P. И: «Я действую по отношению к себе осторожно, а по отношению к Вам — малодушно. Вы действуете по отношению к себе храбро, а по отношению ко мне — безрассудно», и т. п. Очевидно, что данная обратная стабилизация перманентных конфликтов облегчается тем, что соответствующая коммуникация идет посредством символических купюр.*

* Эффект Кинси — неожиданное предоставление информации интимного характера. — *Прим. отв. ред.*

403

Нельзя сказать, что, все это годится лишь для систем интеракции] хороших знакомых. Ни демократическая политика, ни монетаристч ски ориентированная рыночная экономика, ни научное исследование, исходящее из приемлемого уровня знания, были бы невозмож] ны без рефлексивных структур ожиданий. И это значит, что проблеме данных метаперспектив (например, собственная жизнь их купю| либо создание конфликтов) имеют значение и для крупных систе! общественной жизни.

IX

Бесструктурный хаос был бы абсолютно ненадежен — вот единственное, что было бы надежным. В сущности оба понятия не имеют значения для этого состояния. Посредством от- дифференциации структур ожиданий данное состояние заменяется комбинированием относительно надежных и относительно ненадежных ожиданий, позитивных и негативных. Таким образом, образование структур означает не просто замену ненадежности на надежность. Скорее, с гораздо большей степенью вероятности становится возможным нечто определенное и исключается остальное, и тогда ожидания могут стать более или менее надежными. За создание структур приходится платить необходимостью отдаваться во власть надежного/ненадежного. Создание структур способствует такому преобразованию проблемы, которое позволяет выкристаллизовываться побочным ожиданиям в отношении надежности/ненадежности реализации ожидаемого⁷⁷.

Мы относим понятие надежности к ожиданиям, а именно к встроенному в них ожиданию вероятности исполнения ожидаемого. В этом отношении ожидание может быть более или менее надежным. От этого следует отличать четкость либо двусмысленность

⁷⁷ Мы следуем здесь за: *Garner W. R. Uncertainty and Structure as Psychological Concepts*. New York, 1962. — Значение данного понимания подтверждает следующая подробная цитата: «Стоит сказать, что считать структуру результатом дефицита неуверенности неправильно. Структура *связана* с неуверенностью, а не с ее дефицитом,

ведь и при наличии структуры нельзя быть уверенным. Кроме того, усиление структуры также означает рост неуверенности, и именно этот аспект проблемы важен концептуально... Именно поэтому я использовал примечание, где каждый термин символизирует неуверенность, — чтобы показать, что неуверенность и структура, либо неуверенность и информация есть одно и то же» (а. а. О. Р. 339). Ср. также: *Katz F. E. Indeterminacy and General Systems Theory // Unity Through Diversity / Ed. W. Gray, N. D. Rizzo. Vol. II. New York, 1973. P. 969—982.*

404

определения ожидаемого. Чем однозначнее формулируется ожидание, тем оно, как правило, ненадежнее. Я могу твердо обещать, что приду домой между 5 и 7 часами вечера. Обещание же вернуться в 5 часов 36 минут чрезвычайно ненадежно. Его исполнение было бы весьма чувствительным к помехам, оно слишком зависело бы от не-контр^{оли}РУ^{емых} случайностей. Поэтому придание ожиданию амбивалентности является стратегией создания относительной надежности и защиты от помех, обусловленных влиянием окружающего мира. Поэтому логические, мыслительные, языковые возможности детализации никогда не исчерпываются. Ожидания уточняют лишь в той мере, в какой это необходимо для обеспечения присоединяющегося поведения.

Поэтому уже в формирование структур ожиданий входят моменты отражения риска и усиления внутрисистемной надежности. Если ожидания вообще образуются, они уже имеют степень надежности, которую невозможно вывести из окружающего мира, — она является собственным достижением системы. Внутрисистемным определяющим фактором здесь выступает, по-видимому, способность присоединения. Однако посредством придания ожиданиям двойного смысла поглощается лишь часть ненадежности — другая часть перерабатывается в форме решений. Как было продемонстрировано в разделе VI, поведенческие ожидания требуют от действий принятия формы решений. Они переводят контингентность из структуры на уровень, где осуществляется аутопойесис системы, — за выигрыш в определенности ожиданий приходится платить тем, что их исполнение становится предметом решений. При такой трансформации активизируются социальные ресурсы, прежде всего средства коммуникации, настойчиво рекомендуемые, чтобы Ego (а не только сам Alter!) выполнял ожидания Alter.

В ожиданиях проявляются временные горизонты системы. После того, как установлено, что именно ожидается, можно оценить будущее и прошлое. Через ожидания время также становится подвижным, а именно подвижно организованным в себе (когда я расплачусь с долгами, то смогу купить машину и еще...). В горизонте ожидания время является внутрисистемным и тем не менее относится к системе и окружающему миру. Система, в которой ожидания могут быть созданы и упорядочены, уже не зависит от пунктуального соответствия своему окружающему миру⁷⁸. Можно подготовить окружающий мир для совсем еще неактуальных действий системы.

⁷⁸ На языке психологии XVIII в. это означало бы: система ориентируется не только на «ощущения», но и на «идеи» и «отражения». На языке бихевиористской психологии это означает, что «стимул» и «реакция» опо-

405

Можно подготовить внутренние реакции на пока еще не наставшие] события окружающего мира. События, наступление которых малове-і роятно, можно покрыть с помощью надежных ожиданий, например] на случай пожара держат огнетушитель, а остаточную ненадежное!] работы этого аппарата компенсируют строгими ежегодными прЫ верхами. Таким образом, параллельно тематике надежности возникает и собственная системная темпоральность — не помимо всемирной хронометрии, а генерализованно в ее рамках; не в смысле иного времени, а в смысле особой релевантности горизонтов времени во времени. Так, внутрисистемное время пожарной готовности не зависит от времени, за которое перегорит электропроводка, и не зависит от вероятности того, что биография поджигателя приведет к тому, что он устроит пожар.

Маневренным пространством внутрисистемного образования структур может быть и то, что надежность и ненадежность являются не просто функцией времени. Хотя вместе с дистанцией во времени относительно настоящего ненадежность часто возрастает, это ни в коем случае не происходит регулярно в отношении всех смысловых полей. Уже следующий момент может принести события, перечеркивающие все расчеты; вместе с тем, существуют очень далекие по времени события, которые все же можно ждать с полной уверенностью. В остальном хронометрически размеренное время есть, безусловно, самое надежное, какое вообще бывает, — что бы ни случилось, оно идет дальше. По крайней мере хотя бы одно условие ненадежности является абсолютно надежным. Таким образом, в случае времени и в случае надежности и ненадежности речь идет о разных измерениях, и именно данное различие может быть использовано для управления отбором структур ожиданий. Уже органическая жизнь образует на базе данного различия антиципирующие системы; она выбирает в настоящем (только оно есть в наличии) индикаторы, коррелирующие с высокой степенью надежности с изменениями в будущем, и благодаря этому может, не «зная» того, готовиться к будущему⁷⁹.

Смысловые системы выстраивают данную

средуются «обобщениями». Впрочем, *связь* времени и различия системы и окружающего мира является принципом конструкции схемы четырех клеточек Парсонса. Ср., в частности; *Some Problems of General Theory in Sociology* // Parsons T. *Social Systems and the Evolution of Action Theory*. New York, 1977. P. 229–269. В этом состоит позднейшее обоснование центрального положения понятия ожидания в теории Парсонса.

⁷⁹ Ср. размышления о «направляющей корреляции» в: *Sommerhoff G* 1) *Analytical Biology*. Oxford, 1950. P. 54ff; 2) *Logic of the Living Brain* London, 1974. P. 73 ff.

406

технику, и это благодаря тому, что они создают ожидания и придают им структурную ценность, т. е. ценность присоединения.

Если такое возможно, то, в конечном итоге, можно «добровольно» примириться с ненадежностью и повысить ее. В конечном счете, вся эволюция, по-видимому, основывается на массивировании и амплификации ненадежности. В социокультурной эволюции и определяющем ее взаимопроникновении всего человека в социальный порядок этот принцип расширения ненадежности повторяется. Людей следует рассматривать как заслуживающих доверия, и в то же время крепить ожидания, препятствующие разочарованию. В конечном итоге можно формировать и более рискованные ожидания, если удастся добиться того, чтобы разочарования оставались отдельными событиями, а не аккумулировались бы, угрожая надежности. С такой точки зрения эволюция выступает все новым включением ненадежности в надежность и надежности в ненадежность, не гарантируя, что это удастся и в дальнейшем на любой ступени комплексности.

Из данных весьма общих размышлений о связи темпоральноеTM, структур ожиданий и выравнивания надежности и ненадежности в социальных системах вытекает ряд следствий, требующих последовательной обработки⁸⁰. Первый пункт, на котором мы хотели бы остановиться, касается следствий для временного измерения смыслового переживания и действия и для семантики «временности», с помощью которой в обществе репродуцируются временные ориентации.

Всякое настоящее надежно в качестве настоящего собственной актуальности. Лишь по мере того, как настоящее темпорализируется, а именно по мере постижения различия между будущим и прошлым⁸¹, возникает проблема надежности ожидания. Вследствие это-

⁸⁰ Здесь особенно вредит необходимость последовательного изложения текста, так как она приводит к «недовывявлению» взаимозависимостей. Теория, обрисованная здесь, с одной стороны, разрушает компактные символы для взаимосвязей, подразумеваемых здесь (например, «природа»), но с другой стороны, она вынуждена спасать взаимозависимости столь сложным путем, что их уже невозможно охватить единым взором. Это в особенности касается взаимосвязи времени и права после разложения естественного права, а также опять-таки связанного с этим наказа учиться.

⁸¹ Этот процесс темпорализации настоящего вполне доступен в исторической семантике понятий времени; таким образом, для самого общества он проясняется лишь постепенно. Ср.: *Luhmann N.* 1) *Temporalisierung* 407

го мир утрачивает черты присутствия, заслуживающего доверия^ц] обретает черты изменчивости, аспекты «еще не» и «наверное, уж не». Данная (уже зависящая от времени) проблема надежности — по-видимому, основная проблема, мотивирующая от-дифференциацию особого временного измерения смыслового переживания и действия. Она катализирует опыт времени и в таком случае развитие семантики темпоральности как области для себя, которую невозможно свести ни к предметному порядку мировых зависимостей, ни к суждениям о них.

То, что надежность ожиданий становится все более проблематичной, связано с комплексностью социальных систем, в частности с комплексностью общественной системы, усиливающейся в ходе эволюции. Совершенно очевидно, что ненадежность жизни, весьма высокая в древних общественных системах, сама по себе не имеет решающего значения. В гораздо большей степени все зависит от того, насколько само общество перечеркивает свои ожидания, создавая тем самым неэкстернализируемую ненадежность. В таком случае ни возврат к жесткому, безальтернативному ритуалу, ни политическая власть не дают достаточной надежности. Религия нагружает сомнениями, политика — опасениями⁸², и лишь само время, именно как условие всякой ненадежности, обеспечивает надежность. Его продолжение познается еще в настоящем, его ход есть в любом воспоминании, и поэтому его мера подходит для символа вечности. Если когда-либо проблема надежности становится актуальной как внутренняя проблема общества, то складывается и особый опыт времени, а на его основе — особый понятийный аппарат для него⁸³.

von Komplexität: *Zur Semantik neuzeitlicher Zeitbegriffe* // Luhmann N. *Ge-sellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 235—300, в частности S. 260 ff.; 2) *The Future Cannot Begin* // Luhmann N. *The Differentiation of Society*. New York, 1982. P. 271—288.

⁸² Ср., напр.: *Gese H.* *Geschichtliches Denken im Alten Orient und im Alien Testament* // *Zeitschrift für Theologie und Kirche* 55 (1958). S. 127—145; *Gunnell J. G.* *Political Philosophy and Time*. Middletown Conn., 1968.

⁸³ О начальном этапе развития ср. среди прочих: *Fraenkel H.* *Die Zeitauffassung in der archaischen*

griechischen Literatur II Fraenkel H. Wege und Formen fruhgriechischen Denkens. Munchen, 1958. S. 1—22; *Accame S.* Lacon-cezione del tempo nelPeta arcaica II Rivista di filologia e di istruzione classica, n. s. 39 (1961). P. 359—394. С точки зрения от-дифференциации временного измерения и специализированной на нем семантики можно особо выделить историю слова *aion*, включающую переход от жизненной силы, вместилища для жизни (вероятно, спинной мозг) ко времени жизни (в данном смысле: к значимости), а затем к длительности, вечности. Ср.: *Degani E.* AION da Omero ad Aristotele. Padova, 1961; *Obran A. P.* Les denominations du mon-de chez les premiers Chretiens. Nijmegen, 1970. P. 97 ff.

408

Временнбе и социальное измерения расходятся⁸⁴. С одной стороны, социальное поведение дисциплинируется указаниями пророков на последствия. С другой стороны, становится очевидной перевернутая символика: власть имущие оказываются Б наихудшем положении, последние становятся первыми. Представления о загробной участи начинают отделять от обстоятельств смерти, т. е. от непосредственных связей, и связывать с заслугами любого периода жизни⁸⁵. Вместе со всем этим само время абстрагируется в символ длительности, в конце концов при включении всяких изменений — в (саму по себе постоянную) меру всякого движения.

Однако так как время отвечает не только за надежность, но и за ненадежность, то у него возникает двойственная семантика, обнаруживаемая, например, в греческом различии *chronos* и *kairos*^{86*}. Затем в иерархической архитектуре мира средневековья может существовать сразу несколько уровней времени⁸⁷, а также Бог синхронно со всеми этими уровнями. Возникает различие между *aeternitas* и *tempus* (лат.). *Aeternitas* — это не просто длительное время без начала и конца, но и чистое настоящее: время без будущего и прошлого⁸⁸. Поэтому оно синхронно со временем, в котором каждый момент обнаруживает различие между прошлым и будущим (*tempus*). Между тем такие различия, если они возникают из интереса к вопросу, из соображений надежности, не могут быть доведены до крайностей. Они должны быть опосредованы. Так различием *chronos* и *kairos* обосновывают практику предсказаний (сколь бы ни была она загадочной), творящую из надежного в ненадежном⁸⁹.

⁸⁴ Всегда при наличии промежуточных фаз, направленных обратно. Хорошим примером тому является обработка «молодости» в лирике трубадуров не только как юного возраста, но и как основного морального качества, приобретаемого или утрачиваемого своим социальным действием. См. доказательства и анализ в: *LazarM.* Amour courtois et Fin'Amors dans la litterature du Xlle siecle. Paris, 1964. P. 33 ff.

⁸⁵ Ср.: *Furer-Haimendorf Ch. von.* The After-Life in Indian Tribal Belief// Journal of the Royal Anthropological Institute 83 (1953). P. 37-^9.

⁸⁶ Ср.: *RomillyJ, de.* Le emps dans la tragedie grecque. Paris, 1971.

⁸⁷ Другие высокоразвитые культуры также образуют подобные многоуровневые модели для устранения противоречий в представлениях о времени. См. в случае Индии, напр.: *SchayerS.* Contributions to the Problem of Time in Indian Philosophy. Krakau, 1938. P. 6 f, 15, 19.

⁸⁸ Либо с циклической точки зрения: время, в котором совпадают будущее и прошлое.

⁸⁹ Ср.: *Goldschmidt V.* Le systeme stoicienne et Pidee de temps. Paris, 1953. P. 80 ff. См. также: *Moore O. K.* Divination — A New Perspective // American Anthropologist 59 (1957). P. 69—74.

* *Chronos* и *kairos* — вечность и время (греч.). — Прим. пер.

409

Она основывается на знании текущих признаков не-настоящего, в том числе и будущего⁹⁰. Различие *aeternitas* и *tempus* опосредуется в иерархическом проникновении⁹¹, а также через *aevum**, через относительное постоянство эпохи. Это обеспечивает возможность (как всегда, глобального) исторического мышления.

Более сильная от-дифференциация временного измерения влечет за собой напряжение между временным и предметным измерениями. Совершенно безотносительно к вещам время, безусловно, нельзя ни познать, ни понять. Ответом на данную проблему, продержавшимся до позднего Нового времени, было понятие *природы*⁹².

⁹⁰ Допущение о том, что будущее обнаружит истину, представляет собой случай, когда предсказание недостижимо или не срабатывает: *veritas fi-lia temporis!* (истина — дочь времени! (лат.). — Прим. отв. ред.) О традиции ренессанса и ее античных основах ср.: *SaxlF.* Veritas Filia Temporis ff Philosophy and History: Essays Presented to Ernst Cassirer. Oxford, 1936. P. 197—222; *de Romilly, a. a. O.* P. 49 f.

⁹¹ При этом отношении вечности и времени жестко мыслится как *отношение господства*. Вот типичный отрывок из толкования Бозция В. фон Конхесом (цит. по: *Parent J. Ll.* La Doctrine de la creation dans l'ecole de Chartres: Etude et Textes. Paris; Ottawa, 1938. P. 125): «Noc tempus de-scendit ab evo, quia ab evo Deus omnia providit et per temporaies successiones disposuit» («Это время, прошедшее от начала времени (вечности), так как Господь все предусмотрел и упорядочил от этого начала через временные зависимости» (лат.). — Прим. отв. ред.). Таким образом, оба временных уровня связаны иерархическим проникновением вечности в настоящий момент. Как только невозможно больше мыслить такое проникновение в соответствии с представлением о мире и в него можно только верить (Паскаль), утрачивается надежность, содержащаяся в нем, а в результате прежде всего возникает страх.

⁹² Здесь особенно важно помнить происхождение понятийного аппарата (затем перегруженного традициями). Семантическое значение употребления термина *physis* первоначально состояло прежде всего в формулировке двух различий: по отношению к *nomos* и по отношению к *techne*. В обоих случаях понятие, противоположное к *physis*, формулировало область регулирования и соответственно производства, в которой была очевидна высокая контингентность общественной (городской) жизни. Таким образом, понятие природы получило свое семантическое продвижение как понятие отражения контингентности, и в этой функции оно должно было подчеркивать ценность времени для построения порядка. По поводу идейно-исторического контекста в целом ср., например: *Heinimann F. Nomos und Physis: Herkunft und Bedeutung einer Anlithese im griechischen Denken des funften Jahrhunderts.* Basel, 1945; *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks.* Oxford, 1956, в частности р. 34—72; *Ulmer K. Wahrheit, Kunst und Natur bei Aristoteles: Ein Beitrag zur Aufklarung der metaphysischen Herkunft der modernen Technik.* Tübingen, 1953; *Isnardi M. Techne: Momenti del pensiero greco da Platone al Epicure.* Firenze, 1966; *Kube J. TEXNH und APETH: Sophistisches und platonisches Tugendwissen.* Berlin, 1969.

* Бесконечность времени (лат.). — Прим. пер.

410

Природа есть становление, выросшее состояние, следовательно, ей требуется время для своего развития. Кроме того, речь идет об образцах, идеях, формах сущности, реализуемых либо нет в течение времени. Таким образом, в основе понятия лежит нормативный, по крайней мере оценочный, компонент, дающий различие удачи и неудачи, указывающий на человеческую способность суждений (*phro-nesis, ratio*). В этом рассудке, особенно когда его называли пруденцией и относили к чему-нибудь практическому, мыслится и момент времени, причем именно тот момент, который обеспечивал отличие человека от (других) животных: лишь человек рассматривает обстоятельства в свете прошлого и будущего, опыта и ожидания и поэтому способен манипулировать настоящим с некоторой дистанции.

Такая общая конфигурация вместе со встроенными в нее семантическими опосредованиями разрушилась в XVIII в. С точки зрения истории идей несомненно, что тому есть множество причин, отчасти имманентных, отчасти внешних. Однако мы не можем здесь больше заниматься этим вопросом, хотя это и дает яркое подтверждение нашей исходной гипотезы. В Новое время общество все больше и больше переходит к функциональной дифференциации системы. Тем самым оно становится настолько комплекснее по сравнению со всеми предшествующими общественными формациями, что даже такой зонд надежности, как время, должен быть снова подвергнут абстрагированию. (Надежное) настоящее уже не пригодно для гарантии и символизации длительности. *Отнесение к настоящему* во многих местах семантической традиции (например, в интерпретации страсти и удовольствия) заменяется *отнесением к разнообразию*⁹³. В связи с этим в историческом плане со второй половины XVII в. надежность как никогда раньше становится темой эксплицитной коммуникации⁹⁴. То же самое верно и для ненадежности и, не в последнюю очередь, для эксплицитно возникшей ненадежности. Вместе с тем в результате математизации изучения приро-

⁹³ См., напр.: *Le Sage G.-L. Le mecanisme de Г esprit (1699)*; цит. по: *Le Sage G.-L. Cours abrege de Philosophie par Aphorismes.* Genf, 1718. Для указанного образованного автора, сегодня совсем забытого, это влечет за собой следствие: надежность может быть достигнута уже не через пруденцию, а лишь через обладание!

⁹⁴ Ср. среди прочих: *Febvre L. Pour l'histoire d'un sentiment: Le besom de securite,* *Annales E. S. C.*, 11 (1956). P. 244—247; *Gilissen J. Individualisme et securite juridique: La preponderance de la loi et de l'acte ecrit au XVI siecle dans l'ancienne droit beige ff Individu et societe a la Renaissance: Colloque in-tematipnale 1965.* Brassel, 1967. P. 33—58; *Kaufmann F.-X. Sicherheit als so-ziologisches und sozialpolitisches Problem.* Stuttgart, 1970.

411

ды время абстрагируется понятийно, например оспаривается всякое его каузальное влияние на происходящее, оно не определяет ни благоприятные моменты, ни признаки еще скрытого будущего. Кроме того, время становится в самом себе рефлексивным; *та*-бой момент может стать носителем собственных горизонтов времени, любая эпоха подвергнута исторической индивидуализации лишь своим будущим и прошлым, значимым лишь для нее. Отказ от всякого директивного характера времени означает теперь также, что время может пониматься гораздо комплекснее; но вместе с тем сомнительно, имеет ли еще какую-то релевантность то, что в самом времени остается надежным. Даже сейчас все еще нужен календарь — но уже не затем, чтобы *знать*, что следует делать в определенное время⁹⁵, а чтобы *была возможность договориться* об этом.

Конечно, не следует думать, что реальное переживание протекает именно так, как предписывает семантика. Усилия по удержанию важного смыслового опыта, форм коммуникации, достойных сохранения, подчиняются собственной закономерности, особенно после изобретения

письменности и книгопечатания. Их не следует читать как суммарные формулы фактического переживания своего времени. Однако в конечном счете разработка серьезной семантики, достойной сохранения, должна иметь дело с теми же проблемами, что и повседневная жизнь, в противном случае она неубедительна. Если по семантике времени можно прочесть, что в течение долгого исторического развития мотивы надежного образования ожиданий (либо наоборот, опыт ненадежного образования ожиданий) от-дифференцируют временное измерение и очистят его от предметных и социальных импликаций, это будет иметь основания, имевшиеся в общественной повседневности, которые мы (опять-таки лишь глобально) пытаемся охватить понятием комплексности. Для дальнейшего это означает прежде всего то, что при использовании таких понятий, как время, структура, ожидание, следует учитывать и глубокие исторические зависимости, которые, однако, со своей стороны, могут быть прояснены путем общетеоретического исследования.

⁹⁵ Так, в отношении Китая: *Needham J. Time and Knowledge in China and the West / Frazer J. T. The Voices of Time: A Cooperative Survey of Man's View of Time as Expressed by the Sciences and by the Humanities. London, 1968. P. 92—135(100).*

412

XI

Возможность сравнительно прочно фиксировать ожидания во времени состоит в том, чтобы относить их к чему-то такому, что само по себе не есть событие и, таким образом, в строгом смысле само по себе не ожидаемо. Идентичности задумываются для связи ожиданий, и путем такого выделения остающегося идентичным ожидания упорядочиваются в предметном отношении. Так организуются связи и различия. При этом идентичности охватывают — на чем и строится их вклад в создание порядка — не тождественные или однородные, а различные ожидания; а они различны из-за их комбинации. Книгу можно нечаянно захлопнуть, уронить со стола, дать ей пожелтеть, но нельзя разбить, как стакан, или сорвать с головы, как шапку. Следовательно, идентичность не есть категориальная точка зрения порядка, она является пунктуализированным, высокоизбирательным аспектом миропорядка. Ожидание того, «что и на следующей странице что-то напечатано и текст продолжается» никак нельзя адресовать шезлонгам, и «неожиданное» (но по опыту весьма вероятное) «захлопывание» шезлонга опасно совсем иначе, нежели захлопывание книги. Идентичность слова «захлопывание» и сходство событий практически вообще не дают точки зрения на порядок, релевантной для опыта. Кто с помощью шезлонгов пытается разобраться в книгах!

Широкие сферы ожидаемой опытной реальности в этом смысле упорядочиваются за счет идентичности вещей⁹⁶. Однако для упорядочения поведенческих ожиданий вещная форма оказалась все-таки недостаточной. Вместе с ростом комплексности общественной системы, с разрешающей способности функциональных систем, не-

⁹⁶ Выше мы уже указывали на историко-семантическое значение предметной схемы для староевропейского представления о мире (гл. 2, II). Различие *res cogitantes/res incorporeates* правит мышлением как различие с притязанием на полноту, причем с помощью данного различия можно дистанцироваться от «мира» (если его понимают не как *universitas rerum*, а как *congregatio corporum*). Лишь вместе с дистанцированием от «вещи в себе» (таким образом, начиная с Канта) распрощались с данным основным представлением. Причины этого не раскрыты до сих пор. Мы предполагаем их в общественном развитии, приводящем к необходимости разложения представлений о предметах на отдельные ожидания, что позволяет поставить вопрос о функциях предметности, выступить против опредмечивания и затем рекомендовать, особенно для сферы поведенческих ожиданий, поиск иных точек зрения на идентификацию. Вышеизложенный анализ направлен на поиск соответствующей теоретической концепции.

413

стабильности и необходимости изменений, ориентация поведение-ских ожиданий уже не довольствуется представлениями, разработанными предметно, следовательно, и особым предметом «чело* век», причем полностью независимо от того, какие особые свойства приписаны предмету. Это связано с разрушением системы социального расслоения, откуда следует, что отныне от *каждого* человека ожидаемо *любое* поведение. Эту тенденцию хорошо иллюстрирует так называемое «открытие ребенка»⁹⁷. В конечном счете многообразие и вариации, в частности, человеческого поведения, уже невозможно определить путем надления особого предмета «человек» своеобразными качествами, например, разумом, свободой воли, восприимчивостью, наконец бессодержательной формулой о внутренней неопределенности⁹⁸. В конечном счете это исключает и тезис о том, что общество состоит из людей — будь то организованная масса, группа или народ".

Уже Гегелю было ясно, что к данной проблеме невозможно приблизиться через дизъюнкцию вещи и субъекта, предложенную в ответ. То, что необходимо — это более абстрактные позиции идентификации. Они должны отделять и обеспечивать самостоятельность в отношении друг к другу того, что

особый предмет «человек» уже не может выполнить, — ожиданий упорядочения поведенческих ожиданий. Тем самым семантика человека свободна для нового смысла, нового смысла свободы и самореферентной индивидуальности, возведенной на этом. Однако отсюда не следует больше никаких посулов порядка¹⁰⁰.

⁹⁷ См.: *Aries Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'ancien regime*. Paris, 1960.

⁹⁸ В качестве историко-семантической серии атрибутов человека, демонстрирующей все большую произвольность, это следовало бы изучить подробнее. Здесь также следует допустить отчетливую связь с возрастающей комплексностью общества, в конечном итоге подрывающей применение предметных понятий в отношении к людям.

⁹⁹ Ср. выше, с. 282—285 данного издания.

100 Остановимся на первой попавшейся иллюстрации, которая все проясняет. Во введении ко второму изданию (1828) своих «Воспоминаний о ста днях» Б. Констан (*Constant B. Memoires sur les cent-jours*) говорит: «Я вижу в индивидуальности, на которую все суют, совершенствование вида, поскольку вид в сущности своей есть лишь собрание индивидов. Он обогащается нравственной ценностью, которой достигает каждый из них. Интеллектуальная анархия, которую все оплакивают, кажется мне огромным прогрессом разума, поскольку триумф разума состоит не в том, чтобы открыть абсолютную истину, которую он никогда не обнаружит, а в том, чтобы укрепить себя, упражняя свои силы, прийти к частным и относительным истинам, которые он собирает на своем пути, и продвигаться»

В этом месте социологическая теория пробовала разные представления, но основное общее допущение состояло в том, что позиции определения взаимосвязей поведенческих ожиданий должны быть упорядочены в континууме от абстрактного к конкретному¹⁰¹. В отличие от других авторов мы закладываем понятие нормы в иное, во временное измерение¹⁰², и различаем в качестве позиций предметной идентификации взаимосвязей ожиданий *личности, роли, программы и ценности*.

Ожидания, фокусируемые такими идентично-стями, могут быть нормированы в большей или меньшей степени в зависимости от того, как будет воспринято возможное разочарование.

В качестве *личностей* здесь подразумеваются не психические системы и, тем более, не весь человек. Скорее, личность конституируется, чтобы обеспечить упорядочение поведенческих ожиданий, которые могут возникнуть благодаря ей и только ей. Кто-то может быть личностью для себя самого и других.

Быть личностью означает при помощи своей психической системы и тела привлекать ожидания и связывать их с собой, опять-таки связывать свои и чужие ожидания. Чем больше и разнообразнее ожидания, которые тем самым подвержены индивидуализации, тем комплекснее личность. Такая личность может демонстрировать отличия, совершенно специфические в зависимости от окружения. Например, Жан Жене так описывает личность магазинного воришки: в тюрьме — отменный герой, на свободе — безмолвный и блеклый¹⁰³. Именно такие конт-

на этом пути, где каждый шаг есть завоевание, несмотря на то что конец его неизвестен». Видно, что преимущество порядка заменяется временем, извлекающим свою надежность из будущего, которое неизвестно. И политическим следствием является то, что необходимое для этого спокойствие настоящего должно быть основано на порядке, а порядок — на свободе.

¹⁰¹ Katz J., Kahn R. L. *The Social Psychology of Organizations*. New York, 1966. P. 37 ff., 48 ff. — Авторы различают по степени абстрактности "roles", "norms" и "values". В качестве подобно иерархизированных различений ср. также «уровни нормативной культуры» Т. Парсонса, а именно: "roles", "collectivities", "norms" и "values", напр., в: *Parsons T. Durkheim's Contribution to the Theory of Integration of Social Systems* S Parsons T. *Sociological Theory and Modern Society*. New York, 1967. P. 3—34 (7 ff.); «уровни» Парсонса, перенятые с изменениями, см. также в: *Smelser N. J, Theory of Collective Behavior*. New York, 1963; *Mayhew L. Law and Equal Opportunity: A Study of the Massachusetts Commission Against Discrimination*. Cambridge Mass., 1968.

¹⁰² Ср. ниже, XII.

¹⁰³ «Он был столь же невзрачен на свободе, сколь ослепителен в тюрьме» (*Genet J. Miracle de la rose*; цит. по: *Genet J. (Euvres completes. Vol. 2. Paris, 1951. P. 265)*.

414

415

расты способны отличать личность и в то же время регулировать то, что можно ждать от нее.

С помощью данного понятия личности и различения личности и психической системы социология может найти доступ к темам, до сих пор относившимся к литературной традиции, но воспринявшим типичный опыт Нового времени. Это справедливо, во-первых, для тематического комплекса искренности и достоверности¹⁰⁴, во-вторых, для понимания, что нет надежных путей познания, ведущих от личности в глубины психической системы, и что все попытки не удовлетворяются личностью, а действительно узнать другого, теряются в бесконечности иных возможностей. Кроме того, тем самым становится понятным значение копирования личностных образцов или жестов (Стендаль) при все-таки неповторимых результатах — модель личности

копируют в конкретную и поэтому уникальную психическую систему; но одевают и причесывают по образцу удачных моделей все-таки всегда лишь собственное тело¹⁰⁵. Мы можем допустить, что данные проблемы и их литературное рассмотрение становятся актуальными лишь в том случае, когда общество нуждается в личностях для фокусирования взаимосвязей ожиданий и от- дифференцирует их.

При этом дело доходит до дифференциации личности и роли, что обнаруживается и в истории слова «личность» (маска, роль, правовой статус). В таком случае *роли* в отличие от индивидуальной личности могут выступать своими уже более абстрактными позициями определения взаимосвязей ожиданий. Хотя роль по своему объему все еще соответствует тому, на что способен отдельный человек, но по сравнению с индивидуальной личностью она выступает как более частная и в то же время — более общая. Речь всегда идет лишь о вырезке из поведения человека, ожидаемого как роль, а вместе с тем о целостности, которая может быть воспринята и заменена другими людьми, — о роли пациента, учителя, оперного певца, матери, санитаря и т. п. Вклад ролей в организацию реального поведения и поведенческие ожидания какое-то время весьма переоценивали в социологии. Этим мы обязаны обширному исследованию, на которое здесь можно указать лишь в общем. Пожалуй, важнейшие позиции в нем

¹⁰⁴ О специфических контурах данной тематики в Новое время см., напр.: *Peyre H. Literature and Sincerity. New Haven, 1963; Trilling L. Sincerity and Authenticity. Cambridge Mass., 1972.*

»» См.: *Popitz H. Der Begriff der sozialen Rolle als Element soziologischer Theorie. Tübingen, 1967.* — По-видимому, автор имеет в виду нечто сходное, когда говорит о социальных стандартах индивидуальности. 416

заключаются в том, что, с одной стороны, на уровне ролей могут быть созданы особые гарантии ожиданий, не предполагающие каких-либо знаний личности (либо же незначительные), анонимизи- рованные; а, с другой стороны, можно ожидать особых конфликтных ситуаций, дистанцирования, манипулирования, ухода от ответственности, которые никто не рискнул бы вызвать по отношению к себе.

Таким образом, лишь постепенно было осознано, что ожидания, адресованные лично и «умирающие» вместе с адресатом, четко отделенные от ролевых ожиданий, есть результат социокультурной эволюции¹⁰⁶. Это можно обнаружить в истории различия должности и лица¹⁰⁷. Но и сегодня формальная организация возможна лишь благодаря данному разделению¹⁰⁸. Это не означает, что «личностное» утратило бы свое значение. Не существует «тенденции» перехода от личностной ориентации к ролевой. Развитие характеризуется, скорее, тем, что *различие* приобретает значение как раз и во внутренней жизни формальных организаций^m. Здесь следует уметь различать, какие ожидания адресованы только определенным личностям, а какие осуществимы на основе формальной позиции. Только с помощью обеих контактных сетей одновременно — а ведь они мешают друг другу! — можно оптимизировать эффективность организаций. Лишь на фоне такого различия видно, что исполнение ро-

¹⁰⁶ Ср. лишь: *Bell D. The Disjunction of Culture and Social Structure: Some Notes on the Meaning of Social Reality // Science and Culture: A Study of Cohesive and Disjunctive Forces / Ed. G. Holton. Boston, 1965. P. 236—250 (241 ff.).*

¹⁰⁷ Этот вопрос затрагивал и клириков, и королей, а потому имел особое культурное и социальное значение. Кроме того, у него есть много практических следствий, прежде всего юридических, например продолжение исполнения должностных функций после исполнителя, вопросы ответственности, проблемы легитимности (фактического, неоспоримого) замещения должности, продолжение принятых обязательств при изменении учреждения, проблемы *ultra vires* (за пределами пределами сил, средств, правомочий (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*) и др. Ср., напр., с теоретически и исторически ориентированной работой: *Dreier R. Das kirchliche Amt: Eine kirchenrechtstheoretische Studie. München, 1972.*

¹⁰⁸ Ср.: *Luhmann N. Funktionen und Folgen formaler Organisation. Berlin, 1964.*

¹⁰⁹ Однако данное различие важно и для всех областей профессиональной работы с клиентами, пациентами, покупателями в организациях и вне их в том числе и как мешающая проблема, т. е. как угроза чрезмерной «персонификации» работы с личностью. Хорошим, но мало известным исследованием является: *Mayntz R. The Nature and Genesis of Impersonality: Some Results of a Study on the Doctor-Patient-Relationship // Social Research 37 (1970). P. 428^46.*

143ак. №416

417

лей приобретает «личный стиль», а личности выражаются в ролях — например, учителя могут все время учить¹¹⁰.

Если данное различие личности и роли однажды сложилось, то оно меняет окружающий мир психических систем. Они могут идентифицировать себя с личностями и в то же время ориентироваться на роли. Поэтому они испытывают «ролевой стресс». Они могут пытаться

манипулировать доступом к роли и уклонением от нее и даже научиться учитывать, что именно это ждут «лично от них». Они могут считать свою личность постоянной и в то же время представлять себе отдаленное будущее в иных ролях, например в виде карьеры¹¹⁰. Переживание различия может быть переживанием разлада, но не должно быть им. В любом случае благодаря этому происходит предварительное структурирование того, что воздействует на них в контексте взаимопроникновения.

Вместе с идентификацией ожиданий в связи с ролями возможности абстрагирования все-таки ни в коем случае не исчерпываются. Можно выйти за их пределы, если отказаться от ограничений поведенческих возможностей, связанных с отдельной личностью. В таком случае мы называем вытекающую упорядоченность ожиданий *программами*¹¹². Такое понятие, весьма необычное для социологии, выбрано, чтобы охватить ориентацию на цель и ориентацию на условия (целевые и соответственно условные программы). Программа есть комплекс условий социальной приемлемости поведения. Программный уровень отделяется от ролевого, когда дело состоит именно в данном уровне абстракции, т. е. когда поведение должно регулироваться и ожидаться более чем одной личностью. Так, сегодня хирургическая операция — это не просто исполнение роли, а программа. Примеров хватает: новая конструкция автомобильного двигателя, отвечающего определенным условиям, организация работы супермаркета по распродаже товаров зимнего сезона¹¹⁰ См. об этом: *Turner R. H. The Role and the Person II American Journal of Sociology 84 (1978). P. 1—23* (Тернер, правда, не различает психическую систему и личность).

¹¹⁰ См. об этом: *Turner R. H. The Role and the Person II American Journal of Sociology 84 (1978). P. 1—23* (Тернер, правда, не различает психическую систему и личность).

¹¹¹ Об этом и особенно о значении различия семьи и школы для возникновения карьерного мышления (в том числе и отрицания карьерных планов) ср.: *Luhmann N., Schorr K. E. Reflexionsprobleme im Erziehungssystem. Stuttgart, 1979. S. 277 ff.*

¹¹² Понятие стратегии может быть подчинено понятию программы. Программы можно назвать стратегиями, если и поскольку предусмотрено, что при реализации их можно менять по конкретным причинам. В таком случае вместо преимуществ твердого предварительного отбора указывают информацию, способную в определенных аспектах изменить программу.

418

на, постановка и исполнение оперы, приобретение колонией статуса самостоятельного государства, уменьшение уровня загрязнения морских вод. Благодаря высокой степени абстрактности фиксации ожиданий комплексность таких программ может быть весьма высока. Бывают как разовые, так и постоянно действующие программы. Степень детализации установленных ожиданий может быть различной, соответственно варьируется и потенциал включения случайностей и возможностей коррекции программы в ходе реализации. На уровне фиксации ожиданий, достигаемых в последнюю очередь, следует уйти и от фиксации адекватности определенных действий. На руках или в устах остаются лишь ценности. Ценности есть общие позиции относительно предпочтительных состояний и событий, символизированные как единицы¹¹³. Действия также могут быть оценены в этом смысле, например, как содействующие миру, справедливые, загрязняющие окружающую среду, выражающие солидарность, готовность помочь, расовую ненависть и т. п. Так как любые действия с точки зрения ценностей можно оценивать и позитивно, и негативно, а из оценки еще ничего не следует в отношении адекватности действий. Это часто упускают из виду и даже сознательно скрывают. Если бы из оценок хотели получить информацию об адекватности действий, то следовало бы допустить логическую иерархию, например транзитивность отношения множества ценностей — в том смысле, что сохранение свободы важнее сохранения мира, мир важнее культуры, культура важнее прибыли, причем невозможно было бы утверждать, что прибыль важнее свободы.

Тем не менее ценности не есть нечто малозначачее для вероятности реализации ожиданий. Их значение вытекает из *различия* ценностей и программ. Программы, если они должны реализовывать свой вклад наилучшим образом, часто должны формулироваться весьма комплексно, с возможностью коррекции и без стабильности в деталях. В таком случае ценностный консенсус облегчает коммуникацию о контингентности программ — о развитии программ, их адаптации к ситуации, изменении или старении¹¹⁴. С учетом

¹¹³ Подходит и типичное определение в: *Friedrichs J. Werte und sozia-les Handeln. Tübingen, 1968. S. 113*: «Ценности есть осознанные либо неосознанные представления о желаемом, которые воплощаются в предпочтениях при выборе альтернатив действий».

¹¹⁴ Об этом имеется подробная дискуссия в системе права и в соответствующей литературе — к сожалению, часто ошибочно объединяемой с позицией «телеологического» метода интерпретации. См. также: *Esser J.*

419

данных проблем, по крайней мере в коммуникации, можно использовать бесспорные исходные пункты (либо оспариваемые с большим трудом, прикрытые морализированием) и рассчитывать на

ожидание, что каждый должен быть, по меньшей мере, согласен с ними. В таком случае ценности служат в коммуникативном процессе своего рода зондом для проверки, функционируют ли и более конкретные ожидания, пусть не вообще, но хотя бы в конкретной ситуации, подразумеваемой в каждом случае. В таком случае следствие состоит, конечно, в том, что ранги ценностей не могут быть зафиксированы раз и навсегда, ими следует пользоваться с учетом их изменчивости, т. е. «оппортунистически»¹¹⁵.

Если учесть все эти четыре уровня абстракции вместе, то обнаруживается общая тенденция развития. Голое противопоставление фактического поведения и нормативных, морально нагруженных правил поведения, достаточных для прежних обществ, продолжается. Внутри данной двойной схемы от-дифференцируются даль-нейшие различия. На уровне ролей и на уровне программ могут быть выстроены схемы порядка очень высокой комплексности. На данных уровнях требования все более комплексного общества, все больше основанного на организациях, могут превращаться в поведенческие ожидания. Эта инновация означает революционный переворот в общем здании идентификации взаимосвязей ожиданий — чисто личное может быть изъято и индивидуализировано сильнее в отличие от того, что требует роль. Чисто ценностное может быть изъято и идеологизировано сильнее в отличие от того, чего требует программа. В таком случае индивиды и ценности взаимодействуют, символизируя во взаимной поддержке основы общей жизни в обществе, в то время как роли и программы выражают требования комплексности.

Важное следствие данной дифференциации уровней состоит в том, что «смена ценностей», наблюдаемая сегодня в высокоразви-

Vorverständnis und Methodenwahl in der Rechtsfindung: Rationalitätsganm-tien der richterlichen Entscheidungspraxis. Frankfurt, 1970. Впрочем, для юристов типична известная переоценка рационального содержания использования ценностных позиций. В таком случае, с точки зрения социологии, здесь помогает прибавочная надежность от-дифференцированной системы и сложившейся профессии. См. социологическое исследование по правовой тематике: *Mayhew*, а. а. О. (1968).

¹¹⁵ Ср. об этом мнения практиков: *Barnard G. I. The Functions of the Executive*. Cambridge Mass., 1938. P. 200 ff.; *Victors S. G. The Undirected Society: Essays on the Human Implications of Industrialization in Canada*. Toronto, 1959. P. 61 ff.

420

ть их регионах мирового общества¹¹⁶, неоднозначно связана с конкретными структурными уровнями. Она воздействует как возмущение и, таким образом, подвержена самоусилению. Вследствие сильной структурной от-дифференциации ценностей такую их смену реализовать относительно легко. Она не встречает на «своем» уровне какого-либо существенного сопротивления, но вряд ли вызывает радикальные структурные последствия. Можно допустить, что ценности и личности ищут новые симбиозы, при этом более или менее упуская из виду, что именно поддерживает комплексность общества на уровне ролей и программ. Вопреки любой смене ценностей и любому новому индивидуализму, роли и программы через требования комплексности остаются связанными с обществом.

Столь высокодифференцированное здание чревато конфликтами и в других отношениях, что хорошо известно, в частности, благодаря исследованиям ролевого уровня. Ему соответствует явно разрешающая установка в отношении того, что есть индивиды как личности. Ценность эволюции с таким результатом весьма сомнительна с точки зрения прогресса. Ее невозможно достоверно подтвердить какой-либо тенденцией социальной гармонии либо «органической солидарности» (Дюркгейм). Впечатляет, скорее, прирост комплексности и тем самым рост многообразия возможностей обуславливать поведенческие ожидания. Выигрыш заключается не в классической тематике свободы versus необходимости, так как растет и то, и другое, а в структурных формах, способствующих усилению *возможностей ограничения системы*.

XII

Следующий пункт касается возможностей усиления принятой ненадежности и тем самым возможностей сделать ожидаемыми больше ожиданий, придать более невероятным ожиданиям структурирующую функцию. Для этого в распоряжении есть две формы, которые мы хотели бы назвать нормативным и соответственно когнитивным модализированием ожиданий (т. е. нормами и соответственно когнитивностями).

¹¹⁶ Ср., напр.: *Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, 1977; *Herz Th. Der Wandel von Wertvorstellungen in westlichen Industriegesellschaften // Kblner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 31 (1979). S. 282—302; *Wertwandel und gesellschaftlicher Wandel // Hrsg. H. Klages, P. Kmieciak. Frankfurt, 1979.*

421

Модализирование непосредственно касается проблемы надежности, а именно вопроса, как следует вести себя, в случае разочарования. Отнюдь не все ожидания предусматривают возможность разочарования. Большинство повседневных ожиданий вполне привычны и надежны, и не вызывают беспокойства. Однако социокультурная эволюция дает повод связать ожидания с ожидаемой ненадежностью — возникает обратное влияние на сами ожидания. Они не могут быть просто оставлены ненадежными. На большую ненадежность в системе нельзя реагировать еще большей ненадежностью ожидаемого. Скорее, необходимо придать дополнительную форму модусу ожидания — «модус», или «модальность», понимается уже не в кантовском смысле как форма познающего сознания, а как форма, в которой нечто реагирует на становление проблематичности своей проблемы¹¹⁷. В ожиданиях встраивается предварительная установка на случай разочарования, и, таким образом, возникает поиск модели поведения в случае разочарования. Как показали многочисленные эксперименты, это приводит к добавочному ожиданию стабильности¹¹⁸. И, что самое важное, через модализирование ожидаемого эта предварительная диспозиция становится видна по самому стилю ожидания и тем самым сразу же способна к коммуникации. Так, техническими мерами предосторожности и социальными соглашениями уже сейчас можно создать гарантию в случае разочарования не оказаться беспомощным, скомпрометированным из-за того, что не знаешь мир и просто питаешься ложными ожиданиями. Ориентация на ожидания в случае разочарования означает ориентацию на *различие*. Различие исходит из случая разочарования, т. е. не заключается в вопросе, разочаровывает ли ожидание. Надежное, разочаровывающее рассматривается, скорее, как нечто надежное, и тогда вопрос состоит в том, отказываются ли в таком случае от ожидания, меняют ли его. Учиться или нет — вот в чем вопрос. Ожидания, настроенные на научение, стилизуются как *когнитивности*. Их готовы изменить, если реальность обнаруживает иные, неожиданные стороны. Например, друг должен быть сейчас дома, но он не берет трубку — значит, его нет. Приходится исхо-

¹¹⁷ При этом понятие «модус, или модальность» остается параллельным модальностям бытия. Заметно родство с более известными «кузина-ми» — возможностью и необходимостью. Подобно тому как последние появляются при вопросе о бытии бытия, т. е. когда осознается контингентность, так и модальности ожидания возникают в случае сомнения в ожидаемости ожиданий, т. е. когда осознается их контингентность.

¹¹⁸ Обзор исследования содержится в: *Stogditt R. M. Individual Behavior and Group Achievement. New York, 1959. P. 59—119.*

422
дить из этого и искать в данной ситуации наиболее уместное рациональное поведение. Ожидания, не подлежащие научению, стилизуются как *нормы*. Даже в случае разочарования они сохраняются вопреки фактам. Например, потом узнают, что друг все-таки был дома, но не хотел, чтобы ему мешали. Или: он обещал быть дома и ждать звонка. В таком случае не видят повода менять свои ожидания, так как не хотели бы отказываться от ожидания готовности друга снимать трубку и, тем более, от его обещания. При этом ощущают свою правоту и дают почувствовать ее другу. Он будет искать оправдание, поддерживающее ожидание.

Пример сознательно выбран так, чтобы когнитивное и нормативное ожидания вплотную примыкали, даже переходили друг в друга¹¹⁹. Нельзя не обращать внимание на факты, ведь нельзя же звонить по телефону до бесконечности! В такой момент переживают последствия протеста против вычеркнутого ожидания — как жаль! Надо было сообщить что-то важное, а приходится искать для этого иные пути. Поэтому полное разъединение когнитивных и нормативных ожиданий, установление различия на уровне ожидаемого вряд ли возможно — даже в случае такого невероятного ожидания, как возможность беседовать с кем-либо, совершенно не видя его. Смещение когнитивных и нормативных компонентов ожидания есть нормальный момент повседневности, требующий высокого мастерства (включая соответствующие проблемы согласования социального поведения), когда нужно дозировать реакции на разочарования. Лишь с помощью таких смешанных форм готовность к ожиданиям может быть распространена на смысловые поля и способы поведения, являющиеся столь комплексными, что нельзя слепо доверять начавшемуся ходу.

Кроме того, необходимость в определении модальных форм ожидания часто возникает лишь в случае разочарования. Например, из-за непредусмотрительного вживания в ситуацию возникает разочарование. Федеральный канцлер опять курит¹²⁰. Теперь прихо-

¹¹⁹ Это постоянно разъясняется в социологическом исследовании, работающем с данным различием. Ср. с исследованием, касающимся данного случая: *Frankel B. The Cautionary Tale of the Seven-Day Hospital: Ideological Messages and Sociological Muddles in a Therapeutic Community // Communication and Control in*

Society/Ed. K. Krippendorff. New York, 1979. P. 353—373.

¹²⁰ См. сообщение в газетах от 12 января 1982 г. — В данном примере речь идет о бывшем федеральном канцлере Гельмуте Шмидте, заядлом курильщике. В случае разочарования впервые возникает необходимость дифференцировать, отсутствие разочарования (федеральный канцлер действительно бросил курить) до (!) наступления события ожидали нормативно либо когнитивно. Событие, так сказать, вводит в заблуждение нормальную

423

дится выяснять, ожидали противоположного когнитивно или нормативно. Разочарование является событием именно в том смысле, который мы обозначили выше¹²¹, — событием, приносящим моменты неожиданности, и тем самым событием, которое при всем том именно поэтому должно быть уложено обратно в нормальные структуры ожидаемого.

Различие вырабатывается, невзирая ни на что. Запущенное однажды, оно ставит себе на службу случайности, создает восприимчивость, усиливает способность различения, вновь и вновь требует принимать решения. Различие становится исходным пунктом дальнейшего образования форм, дальнейших символизации, дальнейшей переработки информации и поэтому усиливает ожидания, считающиеся ненадежными. Нормативное ожидание, противоречащее фактам, можно укрепить прежде всего благодаря тому, что ожидающий, несмотря на разочарование, вправе и впредь придерживаться своего ожидания и публично выставлять его. В случае разочарования тем самым не решается судьба самого ожидания, и данное предварительное решение можно символически выразить как особую смысловую сферу действующего, должного¹²². В конечном итоге различие можно сформулировать как различие должного и сущего и с помощью данной семантики вновь ввести его в социальные системы¹²³.

структуру ожиданий и с помощью названной дифференциации «должно быть уложено обратно в нормальные структуры ожидаемого». (Здесь речь идет о вышеописанном различии когнитивных и нормативных ожиданий. Основное объясняющее понятие — понятие модальности — раскрыто выше, на с. 422 данного издания. Там отмечается, что «в ожидания встраивается предварительная установка на случай разочарования»). — *Прим. отв. ред.*

¹²¹ Ср. с. 376—377 данного издания.

¹²² В данном месте употребляются преимущественно этнологические и социологические определения; это означает, что они вовсе не ставят вопрос о функции представлений о должном, а определяют нормы через фактическое наличие таких представлений. Ср.: Bohannan P. *The Differing Realms of the Law* (1965); переиздано в: Bohannan P. *Law and Warfare: Studies in the Anthropology of Conflict*. Garden City N. Y., 1967. P. 43—56 (45): «Норма — это более или менее открытое правило, выражающее „моральные" аспекты отношений между людьми».

¹²³ В таком случае это различие может отрицать всякое отношение к эмпирии — такое известно в теории права Г. Кельзена. С точки зрения позднейших теоретических разработок ср.: Dreier R. *Sein und Sollen: Bemerkungen zur Reinen Rechtslehre Kelsens // Dreier R. Recht — Moral — Ideologic: Studien zur Rechtslehre*. Frankfurt, 1981. S. 217—240. В таком случае нужно спрашивать не о том, справедливо ли (или же лишь устойчиво) дан-

424

Семантика должного и сущего связана с онтологизацией предикатов — предикатов, символизирующих в системе коммуникации все-таки лишь ожидание принятия коммуникативного отбора¹²⁴. Это в свою очередь способствует опять-таки представлению об успешности либо о прогрессе, которые в качестве self-fullfilling prophesy* оказывают обратное влияние на социальную систему. Это выглядит так, словно путем нормирования обеспечивается в общем и целом конформное поведение; будто бы имеет место прогресс в познании, приумножающий знание и уменьшающий незнание. То, что достигается прежде всего и непосредственно, является все-таки лишь обнаружением новых различий: нормативному стилю ожиданий соответствует различие конформного и отклоняющегося поведения. Когнитивному стилю ожиданий — различие знания и незнания. Таким образом, выбранная модализация ожидания производит прежде всего лишь дальнейшие различия, подчиненные ему. В общей архитектуре это теперь уже третья ступень: различие оправдание/неоправдание ожиданий встраивается в различие нормативно/когнитивно ожидаемого и затем, в зависимости от этого, реконструируется посредством различия конформного/отклоняющегося и соответственно знания/незнания. Вопрос о том, улучшаются ли тем самым отношения, мы спокойно оставляем открытым. То, что достигается, — это изменившиеся исходные пункты обусловливающих в социальной системе, которые в таком случае, в зависимости от обстоятельств и от конкретных контекстов ожидания, могут более или менее достигать желаемых результатов.

Данная концепция напрашивается в случае тем, усиленно обсуждавшихся в последние десятилетия. Она учитывает «навешивание ярлыков» (разумеется, не утверждая, что

отклоняющееся поведение само по себе безобидно и терпимо и испорчено лишь обозначением)¹²⁵. Данная концепция учитывает также, что так называемый научный прогресс стандартным образом больше создает нерешенных проблем, чем решает, т. е. чрезмерно умножает незнание утверждение, а о том, что означает ориентация с помощью чистых (очищенных) различий для антиципации и ликвидации разочарований.

¹²⁴ Ср. выше, гл. 4, IV.

125 Утверждают ли (и насколько) сторонники «навешивания ярлыков» это на самом деле, чаще всего невозможно установить однозначно. В их теории здесь есть очень удобная неясность. Однако просветительский интерес односторонне направлен против инстанций «криминализации», которые представляются как инстанции для предотвращения вредного поведения и заявляют, что *лишь поэтому* должны вмешиваться.

* Самореализующиеся пророчества (англ.). — Прим. пер.

425

ние по сравнению со знанием. Однако мы здесь не удовлетворяемся лишь голым оборачиванием традиционных перспектив успеха. Мы не просто утверждаем обратное (что обычно приводит к столь же ошибочной теории), а кладем в основу иные структурные допущения. На место, занимаемое в прежних теориях ценностными позициями или целями прогресса (которые, со своей стороны, есть их преемники а priori), теперь заступает категория различия; а на место улучшения/ухудшения ситуации в отношении данных ценностей отныне заступает усложнение получения и переработки информации на основе различий, производящих различия. Оценка остается за наблюдателем, и как аспект самонаблюдения системы она возможна лишь в контексте именно такой самореферентной переработки информации.

Это не означает, что основополагающая теоретическая концепция повисает в данной абстрактной ситуации. Понятие обусловливания способствует переходу к перспективному анализу. Если однажды введено различие между когнитивно и нормативно ожидаемым, то можно облегчить использование той или иной формы. Для условий и для норм развиваются различные сети надежности и от- дифференцируются различные системы поддержки, прежде всего система науки и система права. На этом основании можно допустить новые ненадежности, предполагающие надежность модальной формы ожидания, — наука формулирует лишь гипотезы. Право допускает лишь позитивное право, подлежащее изменению, — в обоих случаях вынуждая к парадоксам, заключающимся в необходимости по крайней мере в одном месте все-таки утверждать обратное.

Тем не менее, в контексте науки и права можно выдвигать крайне невероятные ожидания и обеспечивать их высокую надежность. Платой за это является возможность их отзыва. Так получают все новые возможности структурирования. Лишь в самое последнее время возникает вопрос, не ограничен ли такой рост усиления¹²⁶. Но, кроме того, и в повседневных ситуациях можно установить, что в зависимости от когнитивных или нормативных ожиданий используются разные формы поглощения риска. Так, в нормативных ожиданиях социальное принуждение к конформности обычно может

¹²⁶ Скажем, в критических дискуссиях о засилье права в социальной жизни и пределах гарантий роста и благосостояния, его распределения, установленных правом. Ср., напр.: Voigt R. Mehr Gerechtigkeit durch mehr Gesetze? // Aus Politik und Zeitgeschichte 21 (1981). S. 3—23. — Здесь содержится много материалов по данной теме; кроме того, см.: Gegentendenzen zur Verrechtlichung / Hrsg. R. Voigt. Opladen, 1983.

426

быть сильнее, чем в когнитивных, где можно спокойно оставить за реальностью решение о том, что есть правильное¹²⁷. Кроме того, нормативное ожидание связывает его автора сильнее, нежели когнитивная проекция. Давление, позволяющее в таком случае выдержать его, пусть даже вопреки сопротивлению, растет, соответственно сразу же возрастает осмотрительность при нормативном включении в неопределенное¹²⁸. С этим связано то, что от нормативных ожиданий ожидают иного стиля взаимопроникновения, более сильного и решительного ангажемента и эмоций, соответствующих случаю¹²⁹. Это, конечно, не означает определения норм как эмоциональных установок. Однако более высокий риск явно контрафактной и сознательно необучаемой позиции ожиданий должен быть скомпенсирован соответствующими внутренними установками, потому что лишь так готовность выстоять до конца становится понятной и ожидаемой для других¹³⁰. В конце концов в случае нарушения нормативных ожиданий можно рассчитывать на готовность восстановить норму, по крайней мере в виде объяснений и оправданий; даже отрицания уже может оказаться достаточным для санации нормы¹³¹. Норма трансформируется в обязанность содействия при урегулировании ситуации. Она требует собственно символического подтверждения в том случае, если вред уже невозможно компенсировать.

¹²⁷ Для ценностных суждений в отличие от суждений о фактах см.: Blau P.M. Patterns of Deviation in Work Groups // Sociometry 23 (1960). P. 245—261 (258 f.).

¹²⁸ Ср. с точки зрения тематизации вопросов права в повседневной жизни: *Luhmann N. Kommunikation über Recht in Interaktionssystemen // Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt, 1981. S. 53—72.*

¹²⁹ См. об этом: *Goode W. J. Norm Commitment and Conformity to Role-Status Obligations // American Journal of Sociology 66 (1960). P. 246—258 (в частности, p. 256).*

¹³⁰ При этом остается совершенно неясным, так как здесь речь идет лишь о коммуникации, насколько убедительно (и почему) в психологическом отношении ждать от эмоциональных установок большего постоянства или соответственно меньше внутренних расхождений. Следующим вопросом, заслуживающим больше внимания, особенно для крупных обществ современного типа, является вопрос о том, ждут ли эмоциональных установок именно и лишь в том случае, если человека плохо знают лично, и отказываются ли от них в значительной мере при хорошем знакомстве.

¹³¹ Ср.: *Scott M. B., Lyman S. M. Accounts // American Sociological Review 33 (1968). P. 46—62; Blumstein Ph. W. et al. The Honoring of Accounts // American Sociological Review 39 (1974). P. 551—566; Hewitt J. P., Stokes R. Disclaimers // American Sociological Review 40 (1975). P. 1—11.*

427

Если однажды установлено различие нормативных и когнитивных ожиданий, то образуется своеобразная промежуточная область. Дело все больше сводится к несчастным случаям или иным акци-дентальным утратам¹³², не оставляющим повода ни нормативным санкциям, ни приспособлению ожидания, подлежащего научению¹³³. Речь идет о несчастливом совпадении разных обстоятельств, с которым никто не обязан считаться, в том числе и впредь (хотя газеты изо дня в день пишут как раз о чем-то подобном). Проблема структуры схватывается в интерпретации как единственная и неповторимая, и возникает страховка от ущерба.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности¹³⁴, мы придерживаемся в качестве центрального теоретического представления того, что включение и переработка большей ненадежности становится возможной посредством структур, генезис и репродукция которых должны быть обязаны различию¹³⁵. Образование структуры не является ни преобразованным в принцип, в начало, ни согласованным с объективными историческими законами, определяющими, как состояние *A* переходит в состояние *B*. Решающее значение имеет, по-видимому, перевод проблем образования систем в различия. Если при этом затрагивается пункт, которым все определяется, — а мы считаем таковым в социальном отношении двойную контингентность, а во временном отношении — ожидание, способное не оправдаться, — то со временем из случайных событий возникает порядок. Что бы ни произошло, (1) формирование ожиданий и (2) их проверка идут в альтернативе либо сохранения, либо прекращения. В таком случае неизбежно будут выкристаллизовываться идеи, со своей стороны обеспечивающие ожидаемость данного решения, поставляющие ему основания, возможности консенсуса, допущения исключений и т. п. Структуры ожиданий, создающиеся тем самым со временем, чувствительны к помехам, так что возникают новые слои смысла, более абстрактные семантики, теории, позволяющие говорить о таких помехах, устранять их либо преобразовывать в прирост структуры. На этом уровне и нормативные системы в таком случае вновь пригодны к научению; например, может

¹³² К сожалению, в немецком языке нет достаточно широкого понятия для перевода слова "accident".

¹³³ Ср.: *Suchman E. A. A Conceptual Analysis of the Accidental Phenomenon a Social Problems 8 (1960—1961). P. 241—253.*

"Ср. также: *Luhmann N. Rechtssoziologie. 2. Aufl. Opladen, 1983. S. 40 ff.*

¹³⁵ Более основательно об этом см. выше, с. 116 и далее данного издания.

428

возникнуть моральная казуистика, ориентированная на единичный опыт, или юридическая догматика. И наоборот, в когнитивные системы вводится нормативная поддержка. Обычно не спешат отказываться от систематизированных знаний, даже если отдельные случаи им противоречат, именно потому что отказ от них означал бы слишком большие потери, а замены не видно.

Установленный за длительное время и длительную эволюцию порядок едва ли можно охватить одним принципом или описать относительно простыми понятиями. Лишь генетическое регулирование легко понять, но результат — нет. Это справедливо для любого организма и социальных систем.

XIII

Размещение понятия нормы на теоретически второстепенном, производном месте не только необычно на фоне естественно-правовых традиций, но и противоречит важным социологическим теориям. В отличие от староевропейской теории общества мы не исходим из нормативных presuppositions. В отличие от социологии Дюрк-гейма и Парсонса мы не усматриваем в понятии

нормы последнее объяснение фактичности социального порядка либо возможность его как такового¹³⁶. Мы тем более не требуем от социологической теории сформулировать свои задачи в отношении общественных норм или ценностей. На этот счет накопилось слишком много обезкураживающего опыта, причем именно в последние годы. Так, совсем недавно воздвигнутые храмы эмансипации уже вновь зарастают бурьяном, а паства, видимо, отказывается от культа. Данная скептическая сдержанность в отношении нормоцентри-рованной теории, конечно, не означает, что можно вообразить общественную жизнь без норм. Связывание себя с нормами и ценностями есть всепроникающий аспект социальной жизни. Но оно возникает не потому, что людям нравится жить в условиях социального порядка и платить за него своего рода конституциональным консен-

¹³⁶ Сегодня этой позиции эксплицитно придерживается, например, К Суто в тезисе о том, что социальное осуществляется посредством нормативных редукций. См.: *Souto C.* 1) Die soziale Norm // Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie 63 (1977). S. 1-26; 2) Die sozialen Prozesse: Erne theo-retische Reduktion // Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie 66 (iwsuj. S 27__50- 3) Allgemeinste wissenschaftliche Grundlagen des Sozialen. Wiesbaden, 1984. Подобное см.: *Unger R. M.* Law in Modern Society: Toward a Criticism of Social Theory. New York, 1976.

429

сусом. Такого «общественного договора» не существует, так как нет ситуации выбора, заложенной в аргумент. Однако фактически в любое время и у каждой конкретной детали есть необходимость в самореферентно-смысловой (аутопойетической) репродукции и тем самым необходимость генерализаций, имманентных смыслу, а также необходимость их подкрепления там, где они становятся рискованными и могут разочаровать. Лишь в данном месте — теоретически производном и совсем не «фундаментальном» — находит свое место функция нормирования. Она используется, и нормы развиваются по мере того, как становятся необходимы генерализации, достойные утверждения вопреки фактам.

Вместе с данной реорганизацией теории не возникает возможности планировать социальную, общественную важность норм. Требуется лишь, чтобы социологическая теория умела соотносить нормативность как переменную величину с типами систем или с развитием структуры общества; делаются попытки выполнить данное требование путем функционального анализа, а не за счет голых обобщений, имманентных нормам (например, «*crata sunt servanda*»), и содержательного ослабления утвержденных норм и ценностей, считающихся фундаментальными. На основании этого теоретического эскиза можно, например, спросить, нет ли в общественных системах или в отдельных общественных сферах (например, в экономике, в науке) тенденции к смешению структур от нормативного стиля ожиданий — к когнитивному, и как такие изменения, если они есть лишь в подсистемах, сказываются на совокупной системе¹³⁷. Эмпирически бесспорный тезис о том, что *всякий* социальный порядок производит нормы и связан с ними, тем самым отделяется от данной (тривиальной) первичной формулировки и посредством уточнения исходной проблемы как «имманентный смыслу риск генерализации» переформулируется точнее и потенциально критичнее. Тем самым основная проблема переходит от понятия нормы к понятию генерализации.

Ожидания, в известной мере независимые от фактического события, к которому они относятся, можно также назвать *генерализованными*. Тем самым мы продолжаем рассуждения о генерализации смысла (глава 2, IX). Генерализованные ожидания в содержательном отношении оставляют неопределенным то, что конкретно ожидается, — например, какими будут осколки разбитой тарелки. Они могут оставлять открытым и время наступления ожидаемого

¹³⁷ См. об этом: *Luhmann N.* Die Weltgesellschaft // Luhmann N. Soziolo-gische Aufklarung. Bd 2. Opiaden, 1975. S. 51—71.

430

события, даже сам факт его наступления вообще. Наконец, они могут оставлять открытыми вопросы социального измерения, прежде всего вопрос о том, чьи ожидания тождественны. Благодаря временным, предметным и социальным генерализациям ненадежность оказывается воспринятой и поглощенной. Несмотря на это, ожидания тем не менее имеют силу и удовлетворяют требованиям, так как иначе от них бы отказались.

При введении этого понятия бихевиористской психологией на переднем плане находилась другая функция генерализации¹¹⁸. Она касается проблемы градиента комплексности между окружающим миром и системой. Это понятие фиксирует два наблюдения, затрудняющие использование простой схемы стимула и реакции, и объясняет *оба* этих наблюдения *одним* понятием. С одной стороны, система может отвечать одной и той же реакцией на различные раздражения окружающего мира; несмотря на разнообразие окружающего мира она выбирает единый способ реакции, таким образом, способна редуцировать комплексность окружающего мира. С другой стороны, на однообразные или постоянно встречающиеся ситуации система может также реагировать по-разному; таким образом, она

способна обуславливать себя, руководствоваться внутренними условиями, не имея в окружающем мире непосредственного коррелята. В этом отношении система также превосходит окружающий мир в специфических отношениях комплексности.

Обе функции поглощения ненадежности и выравнивания комплексности, очевидно, взаимосвязаны, и генерализация выступает понятием и для обозначения этой связи. Система берет на себя риск генерализации, ненадежность не вполне определенного и тем самым приобретает себе возможность рассматривать неодинаковое одинаково, а одинаковое — неодинаково в зависимости от проблематики отношений системы и окружающего мира.

¹³⁸ В качестве обзора ср., напр.: *Stendenbach F. J. Soziale Interaktion und Lernprozesse*. Köln, 1963, в частности S. 90 ff. Дальнейшие ссылки см. выше, гл. 2, прим. 81. Заимствование в социологию восходит к инициативе Т.

Парсонса. Ср.: *Parsons T.* 1) *The Social System*. Glencoe Ill., 1951, в частности p. 10 f., 209 ff.; 2) *The Theory of Symbolism in Relation to Action* *H Parsons T., Bales R. F., Shils E. A. Working Papers in the Theory of Action*. Glencoe 111., 1953. P. 31—62 (в частности, 41 f.). К решающим представлениям относится то, что генерализация есть условие возможности коммуникации, потому что ситуации Ego и Alter никогда не бывают полностью идентичны. В таком случае отсюда следует также, что вместе с символическими генерализациями варьируется и пространство возможных коммуникаций, т. е. оно может увеличиваться или уменьшаться.

431

Понятие генерализации, разумеется, *само* есть *генерализация*[^] Оно ничего не говорит о том, *как* система приходит к *каким-либо* генерализованным ожиданиям. Оно не есть (во всяком случае, необязательно есть) оперативное понятие системы, генерализующей свои структуры. Прежде всего оно еще ничего не говорит о различии удачных и неудачных генерализаций. Все это — далеко идущие формы отказа от познания¹³⁹. Тем более все определяется тем, чтобы вырабатывать специфический прирост в способе познания, возможный при помощи данного понятия. Он относится к *условиям и последующим проблемам усиления генерализаций*.

Прежде всего генерализация является неопределенностью, реконструированной в системе (самой системы или окружающего мира). Она отличается от голой неизвестности, диффузности, неопределенности тем, что требует *респецификаций* и дает им отправные точки. Для этого может быть много возможностей на относительно конкретных уровнях, например те, которые можно прояснить на типичных вещах или отношениях. Интерес усиления, интерес к более сильной генерализации, охватывающей много разного и еще неизвестного, действует в связи с этим строго избирательно. Он требует уточнения функции генерализации ожиданий. Это происходит путем модализации, путем выбора между, скорее, когнитивными и, скорее, нормативными ожиданиями. В зависимости от того, в каком направлении во времени происходит генерализация в отношении специфической проблемы ожидания разочарования, возникают различные условия респецификаций, а именно подготовки либо к научению, либо к отстаиванию ожидания, если не к его осуществлению.

В определенном аспекте генерализация есть *условие обучения*. Здесь обучения ожиданий рассматриваются как *знание*. Без какого-либо генерализующего предвосхищения обучение было бы невозможно ни в психической, ни в социальной системе, так как в таком случае разные обстоятельства ни в коем случае не могли бы подтвердить один и тот же опыт, т. е. упрочить прирост структуры (укрепление)¹⁴⁰. Для способности приобретать знание надо знать.

Они могут быть ослаблены при соединении с эволюционной теорией (или аналогичными теориями научения). В таком случае высказывание звучит так: ожидания могут быть успешно генерализованы, устанавливаются эволюцией (или научением).

¹⁴⁰ О «генерализованных усилителях» см., напр.: *Kuhn A. The Study of Society: A Unified Approach*.

Homewood 111., 1963. P. 84 ff. Обзоры психологических исследований см. в: *Stogdill, a. a. O.* P. 60 ff. или в статьях К. Эйфорта: *Handbuch der Psychologie*. Bd I. Gottingen, 1964 S 76—117 (103 ff.) и 347—370 (357 ff.).

*

432

Таким образом, обучение требует открытой комбинации сохраняемого и изменяемого знания, и *лишь в данной комбинации* генерализованные когнитивные ожидания рассматриваются как знание¹⁴¹.

«Знание» есть семантическая символизация именно этой функции. Случай, когда трансформируют незнание, также подпадает под данное понятие научения и знания. Любое миропонимание является завершенным. Поэтому приобретение знания там, где прежде вообще ничего не было, тоже требует изменения структуры существующей ситуации в отношении знания. Раньше не знали, что есть авокадо. Сейчас горизонт съедобного надлежало расширится — как известно, авокадо есть даже в «Карштадте»*.

В соответствии с этим знание есть условие и определяющий фактор процессов научения, а точнее, встраивания возможностей научения в структуру ожиданий, актуальную в данный момент. Если возможности научения должны расширяться, то соответствующим образом должна быть подготовлена ситуация со знанием. Она должна быть имплицитно и эксплицитно готова к собственному изменению. В таком случае она может обрести свою надежность ожиданий и структурную ценность уже не в

ригидности и инвариантности, а еще лишь в том, что могут быть точно заданы условия, в которых усматривается необходимость изменений. В таком случае надежность основывается на обусловленной изменяемости при условии, что «иначе нельзя!».

Готовность к обучению может относиться к крайне невероятным, к более или менее вероятным и даже к специально созданным (экспериментальным) условиям. В зависимости от того, насколько обучение связано с предметной схемой, оно осуществляется в целом кумулятивно. Если бы стало известно, что в случае авокадо речь идет о метательных снарядах индейцев, то это не уничтожило бы знание об авокадо как съедобном плоде, а лишь дополнило его. Мир становится комплекснее посредством процессов обучения. А забывание, особенно в обществах без письменности, есть поправка к тому¹⁴².

Следующий момент состоит в том, что можно достичь готовности к обучению лишь в том случае, если точно известно, при ка-

¹⁴¹ Это можно рассматривать как функциональное «определение» понятия знания с сохранением тем самым того, что в то же время это понятие отделяется от всяких антропологических определений, таким образом, понимается уже не как голый коррелят известных умственных способностей.

¹⁴² Ср. • *Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History* 5 (1963). P. 304—345 (308 ff.).

* «Карштадт» — сеть универмагов в Германии. — *Прим. отв. ред.*

433

ких условиях следует менять ожидания и в каком смысловом направлении. Эти условия должны быть быстро определены в ситуациях неожиданности и разочарования, что в свою очередь опять-таки требует знания альтернатив, знания окружения, сравнительно! знания — иными словами, критической массы условий, которые можно использовать. Все это — условия респецификации, обеспечивающие допуск ненадежности в качестве эквивалента надежности и генерализации требований надежности.

Данная обработка знания еще раз усиливается в функциональном направлении при переходе к понятийным и теоретическим познавательным конструкциям (которые, со своей стороны, получают главные импульсы от письменности и затем книгопечатания) — тем самым только и можно систематически от-дифференцировать готовность к научению именно там, где она идет за счет прежнего знания¹⁴³.

Как такое возможно, объясняется лишь на базе комплексной теории. Имеет место взаимодействие спецификаций, генерализаций и респецификации, и лишь так могут быть получены когнитивные структуры высокой степени ограниченности. Здесь также идет речь о расширении ненадежности в интересах специфической функции. Для приобретения знаний все зависит сейчас прежде всего от определения условий, при которых притязание на знание следует считать опровергнутым. Вместо надежности требуется лишь отнесение к измерению когнитивных ожиданий, простирающемуся от надежного до ненадежного, и данный структурный дефицит компенсируется разработкой требований к теории и методу, т. е. через указание на структуры функциональной системы, специально от-дифференцированной для этого, — для науки¹⁴⁴.

Данные размышления уводят в область специальных исследований и должны быть на этом прерваны.

Однако они хорошо поясняют, что «социология знания» классического стиля ставила себе

^ Ср. в связи с этим работу, посвященную книгопечатанию как важной, но, конечно, не единственной решающей инновации; *Eisenstein E The Printing Press as an Agent of Social Change: Communications and Cultural Transformations in Early-modern Europe*. 2 vol. Cambridge Engl 1979 Ср. также: *Goody J. Literacy, Criticism, and the Growth of Knowledge* ^ Culture and Its Creators: Essays in Honor of Edward Shils / Ed. J. Ben-David T. N. Clark. Chicago, 1977. P. 226—243.

¹⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. Die Ausdifferenzierung von Erkenntnis* ^ *Wissenschaft / Wissenssoziologie, Sonderheft 22 (1980)* Л» Ko per Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / Hrsg. N. Stehr, V. Meja. Opladen, 1981. S. 102—139.

434

слишком узкие задачи¹⁴⁵. Вместе со знанием выдвигаются требования когнитивного структурирования ожиданий — ожиданий в модусе готовности к изменениям, которую (во всяком случае, пока) не нужно реализовывать. Так, к знанию дела могут быть присоединены поведенческие ожидания. Можно надеяться, что востребованность товара гарантирует его сбыт, перекрытие улицы останавливает движение, болезнь оправдывает постельный режим. Тем самым бесчисленные поведенческие ожидания непосредственно гарантированы условиями. Без них социальная жизнь не могла бы функционировать. Это справедливо прежде всего для всего, что, по опыту, невозможно (например, невозможно одновременного быть в разных местах, на разных заседаниях), а также для множества сигналов, на которые реагируют, принимая их к сведению (так реагируют на рост цен, увеличение уличного движения или, не в последнюю очередь, на постоянную фактичность смерти). С точки зрения генерализации это означает, что структурная ценность когнитивных ожиданий, т. е. их способность связывать события и,

особенно, действия, может усиливаться, если удастся включить контингентное™ более высокого порядка. Так становится возможным образование более сложных социальных систем. Однако в то же время более четкое профилирование специфически когнитивного стиля генерализации ожиданий означает также, что различие когнитивного и нормативного становится важнее, что тем самым уходят прежние символизации — например, знание как мудрость или природа как основа системы норм¹⁴⁶. Точно такое же положение вещей можно обнаружить *mutatis mutandis** в области генерализаций, опирающихся на *нормативное*

¹⁴⁵ Здесь нет возможности подробно останавливаться на причинах этого. Они заложены отчасти в «материалистическом» наследии, отчасти — в проблематике истины, на которую полагаются в высказываниях об истине и которая недостаточно регулируется решениями, основанными на теории типологии, отчасти также и в противопоставлении строго научной истины и идеологий. Кроме того, по причинам дифференциации дисциплин, исследования по теории научения относятся прежде всего к психологии, а не к социологии. Тем не менее сегодня возрастают попытки расширить понимание социологии знания. Ср. уже цитированный сборник под редакцией N. Stehr и V. Meja.

¹⁴⁶ Как часто бывает в социокультурной эволюции, это также не есть какой-либо прямолинейный прогресс. Напротив, бросается в глаза, что семантические названия *sagesse* (мудрости (*фр.*). — *Прим. отв. ред.*) и природы как раз сильнее подчеркиваются при переходе к известным современным основам, прежде всего в 1600 г.; как будто речь идет о том, чтобы ввести теперь уже испытанную терминологию.

* С необходимыми изменениями (*лат.*), — *Прим. отв. ред.*

435

ожидание. Здесь усиление возможностей ожидания принимает форму *права*. Усиление происходит и через ограничение (тем самым и через уточнение) ожиданий, принимаемых во внимание с этой целью. Не всякое нормативное ожидание можно квалифицировать *eo ipso** как право. Следует добавить, что консенсус может быть допустим не только для нормативного стиля ожидания, но и в отношении готовности к санкциям и разрешения возможных конфликтов в случае разочарования. В этом отношении право — отнюдь не только средство разрешения социальных конфликтов, а изначально и прежде всего средство их производства: основание чрезмерных претензий, требований, отклонения в том числе и там, где ожидают сопротивления¹⁴⁷. Кроме того, из данного требования допустимого консенсуса следует и ограничение предметной генерализации; она должна быть де-субъективирована, освобождена от частных указаний на ожидаемое в отдельных случаях, так как лишь тогда можно надежно предположить социальную поддержку в случае разочарования без личного знания затронутых лиц. Следовательно, право возникает в случае специфических требований конгруэнтной генерализации во временном, социальном и предметном отношениях¹⁴⁸. Право, как и знание, рудиментарно возникает во всех социальных системах, даже не обращаясь к праву, официально установленному и санкционированному государством, — таким образом, также в организациях, семьях, в группах, обменивающихся почтовыми марками, в соседских отношениях и т. п. Ни одна система не может использовать когнитивные или нормативные ожидания на протяжении длительного времени, без того чтобы не возникало либо знание, либо право. При этом речь может идти об избирательно перенятом знании или праве, а также о новообразованиях с исключительно системно-специфическим радиусом действия. Поэтому с исторической точки зрения знание и право существуют уже задолго до возникновения муниципальных, стратификационных, политически консолидированных общественных систем. Однако в этом случае эволюция таких общественных систем дает прирост результатов, преобразующий то, что может находить широкое общественное признание как знание или право опять-таки путем ограничения и основанного на этом расширения возможностей образования структур.

Официально действующее знание или право записывается, кодифицируется,

¹⁴⁷ Ср.: *Luhmann N. Konflikt und Recht // Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts: Beitrage zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt, 1981. S. 92—112.*

¹⁴⁸ Подробнее об этом см. — *Luhmann N. Rechtssoziologie, a. a. O. S. 94 ff.* * Тем самым (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*

436

становится, так сказать, «последней инстанцией» для сомнительных новообразований¹⁴⁹. Однако, несмотря на это, системно-специфические структуры ожиданий сохраняются вместе в качестве знания или права — например, как знания и амбиции, возникающие в семье по вопросу о том, когда детям пора спать, по поводу подарков, привозимых из длительной поездки, привычек, связанных с питанием, и т. п. Наличие параллелей между структурными приобретениями, опосредуемыми знанием и правом, обнаруживает не только исходные точки социологии знания и социологии права. Параллели такого рода, которые не нужно считать чисто случайными, скорее, подтверждают и более общую установку теории систем. По крайней мере, они убеждают в том (здесь не место обсуждать требования к строго научной аргументации), что усиление структурированности возможно путем генерализации ожиданий, которые избирательно охватывают лишь частичную область возможного ожидания и ориентируются ради этого отбора на различие когнитивных и нормативных ожиданий; и это потому, что как раз с

помощью данного различия реформулируется проблема времени, доминирующая во всех темпорализированных системах.

XIV

В предыдущих разделах мы отстаивали идею, что ожидания, если они несут структурную нагрузку, более или менее подвержены разочарованиям. Возможность разочарования является, таким образом, проблемой самого ожидания, проблемой его надежности и стабильности. Должна существовать возможность поглощения опасности разочарования уже в самом ожидаемом; если этого не удастся, то возможность разочарования символически-деструктивно отражается на самом ожидании.

Определенные контексты ожидания здесь чувствительнее других — например, ожидания, связанные с жизнью или с пенсией: люди стремятся избежать всего, что может лишить жизни или пенсии. Это обстоятельство высокой структурной чувствительности по отношению к чистой возможности символизирует понятие *спокойствия* — понятие, противостоящее страху, с недавних пор покрывающее ожидания, связанные не только

¹⁴⁹ Это можно с успехом проследить и на семантическом уровне, например, на основе развития правовых понятий, типов права, в конечном итоге — в концепции «источников права». Ср. по поводу последней из упомянутых тем: *Luhmann N. Die juristische Rechtsquellenlehre in soziologischer Sicht // Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts, a. a. O. S. 308—325.*

437

с жизнью, но также с пенсией и даже с общим благом всякого рода¹⁵⁰ (пожалуй, при условии, что любое причинение вреда вызывает у человека агрессию). В этом смысле спокойствие есть структурное условие *par excellence*. Под спокойствием понимают не только позитивный коррелят негативной оценки определенных событий, но и структурообразующую ценность их избегания — если бы их ждали, то слишком многое стало бы невозможным.

Однако разочарования — это не только аспект ожидания, они могут происходить и реально. Поэтому к устройствам для защиты структуры социальных систем относятся и меры обращения с фактическими разочарованиями. Они входят в контекст ожиданий, защищают их. Однако эти меры служат также и для ослабления символического и фактического значения неожиданных разочарований. С этой точки зрения мы хотели бы назвать их *устройствами для ликвидации разочарований*.

По существу речь идет об объяснениях по поводу разочарований и о санкциях в зависимости от того, какие ожидания не оправдались — когнитивные либо нормативные. Объяснения служат для того, чтобы вновь нормализовать сложившуюся ситуацию. Множество примеров тому имеется в первую очередь в прошлых общественных формациях. Их можно отличить от нормального процесса познания благодаря тому, что они специализируются на ограничении чрезмерных требований к научению либо на изоляции отдельного случая и его локализации как особого случая, не имеющего последствий. Такой функцией обладают магические практики, вера в ведьм, а также представления о счастье и несчастье¹⁵¹. В современ-

¹⁵⁰ Это можно подтвердить с помощью следующего несколько пугающего определения: «Мир есть не только отсутствие войны, но и отсутствие любой формы личного или структурного насилия. Однако он включает в себя всеобъемлющую экономическую, политическую и социальную спра-ведливость, равно как и постоянное, всестороннее разоружение, новую систему мирового хозяйства и экологическое равновесие. Не следовало бы понимать его статически как конечное состояние. Скорее, он есть продукт динамических процессуальных всемирных связей, постоянно и, по возможности, ненасильственно обеспечиваемый посредством ассоциации и диссоциации» (*SchutzK. Mobilmachung fur das Oberleben als Aufgabe von Friedensforschung, Friedenspädagogik, Friedensbewegung, Waldkirch, 1981. S. 26*). Данное определение мира на самом деле претендует на суверенитет: ибо оно запрещает другим всякое насилие и («по возможности ненасильственно») оставляет его за собой.

¹⁵¹ Впрочем, удивляет и еще более интенсивное употребление этих быстро стареющих средств в XVI и XVII вв. С учетом прогрессирующей эволюции используют прежде всего старые формы урегулирования разочарований, пока они не потеряют своей убедительности.

438

ном обществе это место занимает, по-видимому, более сдержанная семантика «несчастливого случая»¹⁵². Несчастный случай не есть проявление особых сил или особая (редкая) причина, а, в соответствии с комплексностью, есть стечение причин, которое как таковое бывает редко. Тем самым затронутые ожидания ограждены от требований научения, в особенности в тех комплексах событий, где нет какого-либо столь же надежного альтернативного ожидания, способного прийти на помощь. Подобно этому кажется убедительным объяснение «неспособностью»; оно также ограничивает необходимость научения отдельным случаем, понятным дефицитом отдельной личности, оставляя остальной каркас нетронутым¹⁵³. Таким образом, объяснения по поводу разочарований дают точные результаты, которые можно включать в когнитивную картину мира и традиционное знание. Они восстанавливают надежность ожидания в модусе: «хотя и есть готовность к изменениям, но для них нет веских причин». В нормативных ожиданиях следует решать, скорее, проблему избыточного давления. Здесь

разочарованных побуждают продемонстрировать, что в своих ожиданиях они придерживаются своих ожиданий спровоцировать конфликт и, по возможности, настоять на своем. К тому, кто на этом основании делается агрессивным, трудно подступить, потому что приходится считать, что он сам по себе прав. Однако следствия могут выходить далеко за пределы повода. И то, что предусматривалось в качестве публичной поддержки и тем самым содействовало решимости ожидаемого, может стать проблемой общественного возмущения (Дюркгейм) правонарушением. Если доверять свидетельствам из древнейших обществ, то, по-видимому, контроль над данной проблемой явился толчком к возникновению правовых норм, которые затем лишь вторичным образом производили надежность ожиданий и потому сохранялись, поддерживались, совершенствовались¹⁵⁴. Таким образом, решение снова заключается в выборе форм, способных комбинировать усиление и канализирование. Это решение дается в том числе и развитием права, прежде всего удачной его моделью — иметь право на жалобу, но не на решение и принуждение.

¹⁵² Об см. выше, с. 428 данного издания.

"Особым аспектом данной темы является то, что тем самым нормативные ожидания можно дополнительно стилизовать в когнитивные. Ср.: *HaberL. D., Smith R. T. Disability and Deviance: Normative Adaptations of Role Behavior // American Sociological Review* 36 (1971). P. 87—97.

¹⁵⁴ Ср.: *Radcliffe-Brown A. R. The Andaman Islanders* (1922), цит. по изданию: Glencoe 111., 1948; *Berndt R. M. Excess and Restraint: Social Control Among a New Guinea Mountain People*. Chicago, 1962.

439

Системный базис такого вклада отбора и усилению (заключается) в общественной системе, в ее функциональных устройствах и под-*] системах. Хотя всякая социальная система формирует начала своего! знания и своего права, а также свои формы преодоления разочарова^ ний, он может быть гарантирован своими средствами не в любой со* циальной системе. Это также есть аспект избирательности в решении проблем, оказывающих содействие невероятному. Однако это имеет последствия. Прежде всего тем самым обостряется различие системы и окружающего мира на уровне систем интеракции. Официальная культура знания в повседневности едва ли пригодна для объяснений в отношении разочарований, что справедливо, в частности, и для переработки разочарований функциональными системами самого общества¹⁵⁵. Точно так же проблематичны и возможности привести в юридические формы ожидания и разочарования повседневной жизни, особенно в плотных системах интеракции, направленных на репродукцию¹⁵⁶. С одной стороны, интеракция должна иметь дело с модельным влиянием отточенных общественных решений проблем, с другой стороны, эти решения связаны с ярко выраженными типами общественной системы и включаются в интеракцию с оговорками¹⁵⁷. Различие осознается как таковое от случая к случаю и становится исходной точкой дальнейшего развития. Уже в XVII в. эту проблему если не рассматривали, то, по крайней мере, практиковали как альтернативу. С одной стороны, существовали явные тенденции заботы о спокойствии с помощью политического централизма при использовании системы права. Эти стремления в социально-структурном и семантическом плане имели продолжительное действие. С другой стороны, были и стремления заботиться о спокойствии на уровне интеракции путем вежливой общительности, галантной беседы, цивилизации жестов и языка, прежде всего посредством норм, направленных против пристрастия к конфликтам, открытого прекословия и против таких тем, как религия и политика, способствующих тому¹⁵⁸. Но все-таки данные поведенческие

у .J? В_ ВЯ_О И С ЭТим: *Lane R. E. The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society // American Sociological Review* 31 (1966). P. 649—662; дискуссию об этом см. в том же журнале: 32 (1967). P. 302—304

См. об этом: *Luhmann N. Kommunikation uber Recht in Interaktions-systemen*, a. a. u.

¹⁵⁷ См. различие нескольких форм организации социальных систем сделанное во введении. Ср. также гл. 10.

'« См. обзор и современную литературу в: *Ettas N. Die hofische Gesellschaft*. Neuwied, 1969; *Strosetzki Ch. Konversation: Ein Kapitel gesellschaftlicher und hteranscher Pra_gmat.k mi Frankreich des 18. Jahrhunderts* Frankfurt

модели были ориентированы на высшие слои. Во всяком случае, после исчезновения

стратифицированного общества их культивирования не ожидается. На уровне интеракции сейчас

предусматривается, скорее, разрешающая установка и свобода, в то время как забота о спокойствии

всечело отдана обществу, за что им же и недовольны.

XV

Последним средством структурных гарантий обычно считается *латентность* структурных функций и

даже латентность самой структуры. Что именно следует под этим понимать, требует более подробного

анализа¹⁵⁹. Социологи, если они не просто полагаются на употребительность и самоочевидность

понятия, как правило, довольствуются определением латентности как отсутствием осознанности.

Ситуацию часто обостряют тезисом о том, что речь идет о не-просматриваемости. В таком случае

причина невозможности обеспечить осознанность кроется в самой функции латентности; или речь идет

об удачном симбиозе неспособности все видеть и знать с затушевыванием по политическим соображениям¹⁶⁰. Соответственно латентность как отсутствие осознанности значима для психических и социальных систем. Таким образом, связь этих систем вытесняется в бессознательное. Социологи, которые больше не рискуют верить в природу и разум, все еще верят по крайней мере в латентность. В незнании невинны, в нем едины; в то же время социолог исключен из этого неознанного консенсуса бессознательного — он

1978; *Luhman N. Interaktion in Oberschichten: Zur Transformation ihrer Se-mantik im 17. und 18. Jahrhundert II* Luhman N. *Gesellschaftsstruktur und Se-mantik*. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 72—161.

159 Интересное предложение, хотя и полностью игнорирующее предметную проблему, восходит к: *Campbell C. A Dubious Distinction: An Inquiry into the Value and Use of Merlon's Concepts of Manifest and Latent Function // American Sociological Review* 47 (1982). P. 29—44. Автор редуцирует проблему к различию перспектив жизненного мира и науки (социологии).

¹⁶⁰ Такие воззрения не обязательно связаны с термином «латентный», но лучше всего передают его привычный смысл. Ср., напр.: *Moore W. E., Tumin M. M. Some Social Functions of Ignorance // American Sociological Review* 14 (1949). P. 787—795; *Gehlen A. Nichtbewußte kulturanthropologische Kategorien // Zeitschrift für philosophische Forschung* 4 (1950). S. 321—346; *Lane R. E. Political Life: Why People Get Involved in Politics*. Glencoe Ill., 1959. P. 113 f.; *Schneider L. The Role of the Category of Ignorance in Sociological Theory: An Exploratory Statement // American Sociological Review* 27 (1962). P. 492—508; *Popitz H. Über die Präventivwirkung des Nichtwissens: Dunkelziffer, Norm und Strafe*. Tübingen, 1968.

440

441

стоит у ворот, через которые может пропустить деструктивное значение. Социолог находится в позиции наблюдателя, который может] одновременно воспринимать знание и незнание, явные и латентные! «содержания»¹⁶¹, что невозможно для наблюдаемого предмета. В качестве наблюдателя он пользуется представлением о том, что латентность имеет некую функцию в системе¹⁶², чтобы связать явные и латентные структуры в определенный порядок и тем самым превзойти возможности самонаблюдения, присущие предмету наблюдения.

В рамках теории самореферентных социальных систем данную концепцию нужно менять во многих отношениях. Более четкое разграничение психических и социальных систем вынуждает прежде всего к тому, чтобы раскрыть проблему латентности в зависимости от системной референции. Следует различать психически обеспеченное сознание и коммуникацию. Соответственно следует различать латентность сознания и латентность коммуникации. Сознание относится к (взаимопроникающему) окружающему миру социальных систем, поэтому латентность сознания (неосознанность, незнание) есть прежде всего лишь предпосылка окружающего мира для образования социальных систем. Всесведующие психические системы были бы абсолютно прозрачными друг для друга и поэтому не могли бы создавать каких-либо социальных систем. От этого следует отличать латентность коммуникации в смысле отсутствия определенных тем для обеспечения коммуникации и управления ею. Несомненно, что связи существуют, так как коммуникация требует осознанности и, наоборот, сознание принуждает к коммуникации. Тем не менее существуют специфические социальные регуляторы, содержащие препятствия коммуникации и сознательно предотвращающие возможную коммуникацию; наоборот, есть гигантская индустрия терапии, пытающаяся сформировать сознание в том числе и там, где оно ломается о свои требования латентности. Именно в качестве сознания психическая система может постигать невозможность коммуникации. Лишь людям (а, например, не животным) в этом смысле можно препятствовать, лишь их коммуникативное поведение можно сознательно регулировать и подавлять.

¹⁶¹ Так, по Фрейдю, обстоит дело со сновидениями. И в социологии проблему латентности иногда формулируют в отношении идей, содержаний и тем. См., напр.: *Roethlisberger F. J., Dickson W. J. Management and the Worker*. Cambridge Mass., 1939. P. 265 ff. (явное, а не скрытое содержание жалоб); ср. полностью аналогичное в: *Gouldner A. W. Wildcat Strike*. Yellow Springs Ohio, 1954.

¹⁶² Соответствующие ссылки на литературу в связи с этим см. в гл. 1, прим. 120.

442

Наоборот, коммуникацию можно использовать для того, чтобы расширить сознание и вносить в него формулируемые темы¹⁶³.

Значит, общую теорию латентности следует разрабатывать с обеих сторон. Базовая концепция различия окружающего мира и системы требует различать латентность сознания и латентность коммуникации, причем именно тогда, когда теория направлена на проработку взаимозависимостей. Кроме того, для обоих видов латентности следует различать, по крайней мере, три ступени рассмотрения проблемы. Существует (1) чисто фактическая латентность в смысле незнания или неучета при выборе тем в процессе коммуникации; кроме того есть (2) фактическая латентность, основанная на невозможности знания, либо коммуницирования (так, греки не могли знать об игре на органе и коммуницировать об этом); и есть (3) структурно-функциональная латентность, т. е. латентность с

функцией предохранения структуры. Лишь последний случай по-настоящему актуален, причем также лишь в той мере, в какой он не является фактически невозможным. Если структуры требуют предохранения латентностью, то это еще не означает, что сознание и коммуникация были бы невозможны; а это означает, что они разрушали бы структуры или вызывали существенные изменения структур и что данная перспектива содержит латентность, т. е. блокирует сознание или коммуникацию. В особенности для анализа третьего случая структурно-функциональной латентности необходимо ориентироваться на различие латентности сознания и латентности коммуникации, так как оно придает структурно-функциональной латентности как психических, так и социальных систем характер затруднения. Сознание может подрывать социальные латентности тем, что вынуждает к коммуникации¹⁶⁴,

¹⁶³ Впрочем, здесь также нужно пересмотреть «модель переноса», заложенную в теорию коммуникации. Следует иметь в виду не только тот случай, когда Alter уже знает что-то, а Ego узнаёт это из коммуникации и тогда тоже знает. В гораздо большей степени коммуникация *по своей природе производит сознание с обеих сторон*: даже сообщающий зачастую производит содержание сознания лишь в процессе говорения.

¹⁶⁴ Здесь можно было бы дополнительно проанализировать шутку и иронию. В этих формах сознание может изображать себя как ошибочное, но все-же как сознательно ошибочное. Оно совершает, так сказать, категорические ошибки, ошибки в уровнях, невозможную атрибуцию, вламываясь в социальные латентности и в то же время уважая их. Хорошо, что «затыкают рот», — вот что может *сказать* тот, кому запрещают иронию. (В остальном история выражения «заткнуть рот» отражается в развитии кляпов, затыкании рта шуткой, сначала на сленге, а затем постепенно и в нормальной речи, и как иностранного слова — "gag").

443

и наоборот, коммуникация может саботировать психические латентности, особенно в форме коммуникации о коммуникации тогб, кто определен как пытающийся сохранить и скрыть свою латентность¹⁶⁵. Таким образом, психические и социальные системы взаимно угрожают друг другу уже потому, что их потребности в латентности не согласованы, а их оперативные процессы не идентичны. Учитывая проблематичную природу сохранения латентности, тем более важно понимать проблему, о которой здесь идет речь. Это особенно верно, если проблему не определяют просто как факт невозможности, таким образом, не сводят ее лишь к ограничению мощности, к пределу внимания или к тематической мощи социальных систем. Ограничения мощности, как мы видели в общем и целом, принуждают любые системы к редукции комплексности, к самоупрощению, к лишь избирательной реализации своих возможностей. Все, что вследствие этого отключается, остается латентным чисто фактически и является в этом отношении лишь остаточной величиной без функции. Многие из выключенных возможностей могли бы быть использованы при наличии свободных мощностей при подходящем моменте и благоприятном случае. Здесь можно было бы говорить о «невинной» латентности. Другие возможности все-таки противоречат предпосылкам или результатам структурного отбора — например, все обнаруживающее, что в брак вступают не «по любви»¹⁶⁶. В таких и лишь в таких случаях структура — в данном случае культурный императив любви — защищена «функ-Шутка может способствовать солидарности именно потому, что она использует скрытые предпосылки понимания, т. е. сознания, *не образуя социальных структур*. Именно поэтому здесь необходима форма разового события — шутка должна быть новой и неповторимой. Она должна огорошивать, а не поучать. Несмотря на комплексное использование сознания, шутка должна быть легко понятна, чтобы ее можно было актуализировать и как событие, не требуя консенсуса для присоединяемого. Таким образом, шутка актуализирует социальное измерение, не тематизируя его коммуникативно. Она не связывает. Выбирая форму парадокса, она резко обрывает любую дальнейшую коммуникацию, переспрашивание, иные усилия по дальнейшему объяснению. Впрочем, то, что шутка наносит основной удар по *социальным* латентностям, можно заметить и потому, что шутки в адрес присутствующих, т. е. в адрес сознания, запрещаются — норма, эксплицитную форму которой можно проследить глубоко в истории диалоговой литературы.

¹⁶⁵ Противоположностью шутке в данном случае выступает профессиональная деятельность терапевта и ее легитимация, определяемая понятиями здоровья.

¹⁶⁶ См. *обэтом*: Habermas J. Illusionen auf dem Heiratsmarkt//Merkur 10 (1956). S. 996—1004.

444

циональной латентностью», что чаще всего также означает, что функция самой структуры должна оставаться латентной. Таким образом, к избирательности относится и то, что она дифференцирует и еще не принято во внимание. Ее область элиминирования не есть просто лишь серая масса, а отражает требования структурного отбора.

В разделе VII мы различали в качестве форм этого отбора (и тем самым в качестве формы «манифестации» структур) иерархию и функциональную ориентацию. Каждая из этих структур производит, согласно нашей гипотезе, латентности, ей подчиненные. Чем сильнее иерархизация социальной системы, тем отчетливее выступают и формы, латентной функцией которых является сохранение латентности для иерархии¹⁶⁷. Это справедливо, например, для отчасти негативного, отчасти индивидуалистического, во всяком случае нацеливающего на «отказ» оттенка семантики жизненных

форм, разыгрывающихся за пределами индийского кастового устройства¹⁶⁸. Подобное можно предположить и для средневековых форм ироничного, подрывного (но тогда несерьезного) перевернутого рассмотрения официальных религиозных и политических претензий на значимость¹⁶⁹. При дворе всегда есть шут. Также знаменитые «суды

¹⁶⁷ Формулировка сознательно подчеркивает *удвоение* латентности. Официальная структура должна скрывать иные возможности, на которые она могла бы быть разложена, но это не может быть *ее* функцией. Поэтому создаются формы, функция которых связана с потребностью в латентности *иных* форм, и при этом *функция* должна оставаться латентной. Это обстоятельство ограничивают, сводя его к обычной формуле «стабилизации системы», и по той же причине уже давно введенные понятия контрструктуры, контркультуры, альтернативных нравов и т. п. также являются слишком неопределенными. Они включают в себя и всевозможные другие альтернативы, «поведенческие отдушины» и др. Ср., напр.: *Parsons T. The Social System*. Glencoe 111., 1951. P. 168 ff. — об «адаптивных структурах»; *Lasswell H. D., Kaplan A. Power and Society*. New Hawen, 1950. P. 49 f. — об «альтернативных нравах»; кроме того: *Yinger J. M. Contraculture and Subculture II American Sociological Review* 25 (1960). P. 625—635.

¹⁶⁸ Ср.: *Dumont L.* 1) *Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications*. London, 1970, в частности P. 184 ff.; 2) *Religion, Politics and History in India: Collected Papers in Indian Sociology*. Paris, 1970, в частности P. 31 ff., 133 ff.

¹⁶⁹ Ср. важные исследования: *Bakhtin M. Rabelais and his World*. Cambridge Mass., 1968; кроме того: *Warning R. Funktion und Struktur: Die Ambi-valenzen des geistlichen Spiels*. Munchen, 1974; *Gross D. Culture and Negativity: Notes Toward a Theory of Carnival // Telos* 36 (1978). P. 127—132; и, продолжая систематически: *Gumbrecht H. V. Literarische Gegenwelten, Kamevalskultur und die Epochenschwelle vom Spatmittelalter zur Renaissance Literatur in der Gesellschaft des Spatmittelalters / Hrsg. H. U. Gumb-*

445
любви», принимающие решения по вопросам любви как по правовым, производят максимы и казуистику и, таким образом, упорядочивают «свою империю»; эти суды любви представляют собой, по-видимому, лишь шутовскую инверсию господствующего (подчиненного мужчинам) порядка¹⁷⁰. Об этом свидетельствует и точность копирования при смене тендерных ролей¹⁷¹. Кроме того, можно вспомнить о ловкой прислуге в драматургии XVIII в., а также о сленге, жаргоне и иронии низших слоев по поводу своего положения. Следовательно, иерархия (особенно стратифицированный общественный порядок), по-видимому, типично подтверждает свой выбор формы тем, что допускает семантические варианты, привлекающие и связывающие с собой иные возможности, *но не выступающие альтернативой иерархии*. Иерархия рассматривается как *функционально незаменимая*, и именно такое предварительное решение способствует приданию идеям, свободно обыгрывающим иерархию, точной формы. Так розыгрыши, пародии, шуточные нападки ведутся столь же метко, сколь и несерьезно.

Функционально эквивалентные формы, хотя и совершенно иного рода, можно наблюдать и в иерархически организационных системах. В данной области имеется множество исследований так называемой «неформальной организации»¹⁷². Здесь разгадка состоит в том, что коммуникация об иерархически структурированной организации и соответственно критическом формировании сознания едва ли сталкивается с препятствиями неформального порядка, что

recht. Heidelberg, 1980. S. 95—144. Впрочем, модель карнавала практикуется и в неиерархических обществах — как обращение индивидуализма в социальность. Ср.: *Gait A. II. Carnival on the Island of Pantelleria: Ritualized Community Solidarity in an Atomistic Society // Ethnology* 12 (1973). P. 325—339.

¹⁷⁰ Правда, именно здесь факты и их толкования как раз чрезвычайно спорны. Ср.: *Remy P. Les >cours d'amouix: legende et realite // Revue de l'Uni-versite de Bnixelles* 7 (1954—1955). P. 179—197; *Lafitte-Houssat J. Troubadours et cours d'amour*. 4 ed. Paris, 1971.

¹⁷¹ Этот момент отсутствует и у более поздних, столь безнадежно серьезных феминистских движений, начавшихся в XVII в. и вошедших в современный мир.

¹⁷² Правда, и здесь обнаруживается слабость чисто альтернативного понятийного аппарата и соответственно переход на чисто альтернативные структуры (см. выше, прим. 167). Ср. критику теоретического содержания таких чисто классификационных дизъюнкций в: *Me Ll. Soziale Systeme: Eine kritische Analyse der Theorie von formalen und informalen Or-ganisationen*. Gottingen, 1963. На самом деле введенный и задокументированный материал должен быть глубоко проанализирован еще раз теоретически.

446

одновременно уже обеспечивает то, что неформальную коммуникацию невозможно перепутать с самим воплощением организации, нельзя использовать для изменения формальной организации, ее практик. Можно сколько угодно учить, как манипулировать начальником и обходить его; но все это, конечно, ничего не меняет в том, что он — начальник, а подтверждает это, так как лишь при таком условии неформальная коммуникация вообще имеет смысл.

Обобщенно говоря, иерархия переносит свою точность на свою область латентности. Она также

находит формы, выражающие именно это, и для смысловых отношений, ей не подчиняющихся, так как слишком строго выбирает, подтверждая в то же время свой выбор. *Это становится невозможным в той мере, в какой отнесение к единству системы может быть создано уже лишь посредством проблемной ориентации и функционального отношения.* Вопрос заключается в том, что еще поддерживает в таком случае необходимую латентную область структуры, специфичность ее отбора, самоупрощение системы?

Эту проблему можно рассматривать с точки зрения рисков, на которые идет система, фиксируя свое единство в качестве структурного отбора. Иерархия может быть перевернута, замкнута накоротко, детранзитивирована. Она уязвима в специфических отношениях, что и может быть использовано в альтернативной семантике для нахождения формы исполнения, в которую переводят контингентность иерархии. Функциональной ориентации не хватает не только необходимой точности, но и соответствующей спецификации рисков и возможностей оборачивания. Она сама есть уже сформулированная контингентность, а именно выраженная эквивалентность решений проблем, возможностей замены, альтернативных возможностей. Если что-то уже не получается, то происходит что-то иное. Давление конформности меньше, но в то же время и неизбежное, так как через структуру, сориентированную функционально, в то же время происходит канализирование доступа к альтернативам. В таком случае формы оказывают умиротворяющее воздействие уже лишь потому, что проясняют, что могло бы занять их место и чего бы это стоило¹⁷³.

¹⁷³ Типичный пример: экспертная комиссия по реформе публичного права на труд (1970—1973 гг.) рассмотрела возможность изменения существующей системы социального обеспечения путем включения социального обеспечения чиновников в общее пенсионное страхование. Оба варианта сравнивали в разных отношениях. Дополнительные расходы по реформе оценивались в сотни миллионов немецких марок ежегодно, однако все осталось по-прежнему. Ср.: Bericht der Commission. Baden-Baden, 1973.

447

Если удастся де-иерархизировать репрезентацию единства системы в системе, отнеся единство вместо иерархии к функциям, то тем самым иерархии не устраняются, а соизмеряются с их функциями и поэтому десубстанциализируются. Иерархии становятся до-ступны критике там, где не видно их удовлетворительной функции, — например, в усилении неравенства по классовому признаку; их оправдывают там, где их функция очевидна, а функциональных эквивалентов не видно, — например, прежде всего в формально организованных социальных системах¹⁷⁴. Однако функциональной заменой иерархии выступает лишь сама функциональная ориентация, и вопрос состоит лишь в том, как обстоит дело с ее потребностями в латентности.

Невозможно ожидать, что в отношении функций есть столь же выраженные контркультуры, как и в отношении иерархий. Очевидно, что однажды созданное формальное оснащение реализации функций не является вполне удовлетворительным. Оно заслуживает критики, так как его единство строится на принципе обусловленной заменимости любых фигур. «Альтернатива» как формула критики становится тем самым формулой легитимации как таковой. То, что может выступать в качестве альтернативы, имеет право быть услышанным и подвергнуться проверке. Такая организация могла бы быть самодостаточной. Мы будем обсуждать этот вопрос в следующем разделе с точки зрения границ социологического Просвещения. В настоящий момент без выверенных эмпирических и теоретических основ суждений, скорее, складывается впечатление, что сформулированная контингентность функционализма не может сформироваться как необходимая. Имеется необозримое множество «отклоняющихся» жизненных установок. Там, где речь заходит о «критике» и об «альтернативах», их языком является язык доминирующего порядка. Все-таки невозможно выносить суждения в латентной области функционально ориентированного порядка — это давно уже есть принцип отклоняемых систем. Таким обра-

S. 333 ff. Признаки подобной ментальности обнаруживаются и там, где меньше всего их можно было бы ожидать, например в представлениях, содержащихся в: Bruckner P., Finkielkraut A. Le nouveau desordre amoureux. Paris, 1977, по поводу смены сексуальных техник, ориентированных на оргазм, на феминизированный coitus reservatus китайского типа.

448

¹⁷⁴ То, что и здесь все время обсуждают, предлагают и пробуют такие функциональные эквиваленты, как множественная подчиненность (функциональная организация труда), проектная организация, рабочая группа и т. п., подтверждает тезис, содержащийся в тексте, что функциональная ориентация увеличивает сознание контингентное™, но не ведет с необходимостью к изменению структуры.

зом, должна быть возможность консолидации по ту сторону любой взаимозаменяемости и даже замены этого общества на общество с лучшими регуляторами техники распределения, даже мечты Г. Маркузе было бы недостаточно. Тем более любая попытка копирования прежней модели, а

именно атака на порядок как «власть», использование пародий и превращение в балаган таких официальных мест, как университеты или суды, упускает проблему. Даже небольших проволочек и обострения проблем вполне хватило бы для прекращения таких глупостей. Общая структура языка форм, осуществляющаяся через латентность, латентной функцией которого была поддержка самоупрощения системного порядка в необходимой ему латентности, по-видимому, устарела. Основанием тому мог бы быть факт, что системный порядок, ориентированный на функции, не может функционализировать то, что для него должно быть латентным, так как именно поэтому он включил бы это в сам порядок. То, что остается возможным, в таком случае является лишь разновидностью слепого, безмолвного, нефункционального терроризма — альтернативной контингентностью, редуцированной к существованию.

XVI

Если затруднительно обеспечить системе латентную защиту, то контингентное™ следует удалить в окружающий мир или включить в систему. Это соображение наглядно показывает связь (^функциональной ориентации, (2) более четкой от-дифференциации при соответствующем сознании окружающего мира, (3) преодоления контингентности и (4) Просвещения. В дальнейшем нас будет интересовать прежде всего отношение между утратой латентности и Просвещением. Обычно вытеснение всего оккультного, таинственного, неизвестного и непознаваемого считается следствием Просвещения. Однако и наоборот, Просвещение можно рассматривать как последствие течения, возникшего вместе с откатом зсего оккультного и по-необходимости латентного. Все сущее таинственно по своей природе — в XVII в. это было еще привычным, но уже ироничным высказыванием¹⁷⁵; а вскоре пришли к официальному утверждению разумного объяснения. Можно допустить, что прилив Просвещения и отлив латентности восходят к общему факто-

¹⁷⁵ Например, по поводу тайны любовных отношений.

15 Чак. №4161

449

ру — к постепенной смене в обществах Европы иерархии на функциональную ориентацию (затем в отдельных социальных системах).

Если эта теория верна, то при переходе от иерархически к функционально ориентированному устройству общества должны были бы обнаруживать проблематизацию латентности — так и было на самом деле. «Таинственное по природе» переводится в проблемы и препятствия коммуникации. Паскаль считает, что народ пребывает в иллюзиях. Понимающий это должен молчать. Следует скрывать не само положение вещей, а его понимание. Во многих местах Паскаль говорит о *mystere* и подчеркивает, что принятие существующего порядка основано на иллюзиях о справедливости существующего права, о достоинствах аристократии, о легитимности власти; что данное понимание не следует высказывать — оно должно оставаться *pensee, cachee, pensee de deigiere**; что данная коммуникативная сдержанность как раз и есть вклад христианства в общественное устройство, которое тем самым принимает грехопадение; и что проницательная аристократия также не должна показывать, как на самом деле обстоят дела с ее достоинствами и гуманностью¹⁷⁶. Теория светской беседы вскоре после этого также пронизывается коммуникативными запретами и требованиями молчания, необходимыми для поддержания общения¹⁷⁷. Теория морали начинает учитывать, что в коммуникацию нельзя включать интерес к уважению, а моральные действия нужно требовать ради самой морали (чем бы ни были истинные мотивы, в которые лучше не вдаваться).

Во второй половине XVIII в. данная проблематика становится острее. Просветитель в качестве философа выдвигает претензии на роль в обществе, символизируя собственной личностью саморефлексию общественной системы. Начинают взывать к общественному мнению. Именно *общественное* мнение провозглашают *незри-*

¹⁷⁶ Ср.: *Pensees*, Nr. 311 и 312 (цит. по: ed. de la Pleiade. Paris, 1950. P. 905): «Нужно иметь заднюю мысль и с ее помощью судить обо всем, говоря при этом на языке народа». Полуграмотные не доверяли народным верованиям, но образованные восхваляли их, но не как народ, а с некоей задней мыслью; набожные не верили им, но истинные христиане принимали это «на основе высшего знания иного рода». Даже сама аристократия обращается к этой более сокровенной, но и более истинной мысли, чтобы избавиться от любого естественного превосходства над простым человеком; однако и от нее требуется, несмотря на это понимание, привыкнуть к существующему порядку. См. об этом: *Trois discours sur la condition des Grands* (ed. de la Pleiade, a. a. O. P. 386—392).

¹⁷⁷ Ср. об этом выше, с. 209 данного издания.

* Мыслью, чем-то тайным, задней мыслью (*фр.*). — *Прим. пер.*

450

дью властью¹⁷⁸. Явное и латентное совпадают — и латентным остается лишь то, что это свершается¹⁷⁹. Параллельно с этой проблематизацией латентности (которая в то время могла относиться лишь к

предпосылкам прежнего общественного устройства) усиливается готовность ставить вопросы об альтернативах существующему, т. е. мыслить функционально. Критика как использование способностей суждения становится в XVIII в. универсальной добродетелью — понимаемой поначалу как способ выявления действительно разумного, а затем, в XIX в., как практика изменения ради изменения, как революция, переворот и в этом смысле как практика, самокритично задающая свою цель, свою меру, свой закон¹⁸⁰. Однако как раз эта радикализация должна обеспечивать переход к латентному касательству проблемы латентности. Она не радикальна по своей воле, а должна стать таковой по своему беспомощным образом, потому что больше не видит никаких форм признания латентных функций и структур. В результате она дает не многим более чем негативное изображение того, что и так уже ясно, и может быстро впасть в отчаяние и разочарование. Иначе новая элита опять попадает в положение Паскаля — знать, но молчать о том, что она не достойна быть ею!

Сегодня уже нельзя использовать семантику XVIII в. в сплетениях функциональной ориентации, дифференциации, критики, овладения контингентностью и Просвещения. Функциональную ориентацию нельзя понимать просто как выгоду, а в Просвещении речь идет не просто о реализации самоустановлений разума и не о реализации человека как человека. В конце концов, сталкиваясь с контингентностями эпохи Модерна, Просвещение становится независимым еще и от установок, приписанных ему мнительным разумом, и от того, чем должен быть человек как человек (на чей-то взгляд). Замедляется поиск своего рода противоположной инстанции, поддерживающей современное сознание контингентности. Бод-

¹⁷⁸ Так, см. *Necker J. De l'administration des finances de la France* (1784), цит. по: (Euvres completes. Paris, 1821; переиздано: Aalen, 1970. Т. 4. P. 50— где, очевидно, не замечается парадоксальность.

¹⁷⁹ Разумеется, не вполне. О латентных условиях Просвещения (в частности, благополучия) ср.: *Linguels.-N.-H. Le Fanatisme des philosophes*. London; Abbeville, 1764.

¹⁸⁰ Об изменении понятий ср.: *Rottgers K. Kritik // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd3. Stuttgart, 1982. S. 651—675. Кроме того, ср.: *Koselleck R. Kritik und Krise: Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*. Freiburg, 1959.

451

лер и многие другие вспоминают об искусстве¹⁸¹. Вместо этого социологическое Просвещение может быть связано с проблемами, относящимися к его предметной области. Оно будет пытаться по-1 высить сознательность и коммуникацию контингентностей системы] за счет более четкого собственного понимания реальности и путем анализа основных проблем.

Исходный пункт всякого преодоления контингентности состоит в понимании, что именно это всегда уже имеет место. Социальные системы воспроизводят постоянное различие аутопоэтической репродукции и самонаблюдения — из чего мы уже исходили выше (VII). В ситуациях с двойной контингентностью для каждого участника доступны оба способа операций. Каждый функционирует — если не одновременно, то в быстрой очередности — и как действующий, и как наблюдатель, и вводит обе позиции в процесс коммуникации. В системах интеракции обе эти позиции едва ли различимы. Однако после изобретения письменности и печати общество может их разделять очень хорошо. Это позволяет применять схемы различий, годные лишь для наблюдения. В этом смысле схема явный/латентный является схемой наблюдения, то же самое верно и для функционально ориентированного сравнения. Книгопечатание также является предпосылкой того, чтобы общество находило возможности коммуникации о некомуникабельном и о латентных структурах и функциях. Отныне оно на основе различий занимается самообъяснением с помощью обеих форм ориентации.

Однако во внутреннем отношении обе эти схемы не нейтральны друг к другу. Просвещение означает, с одной стороны, обнаружение латентных структур и функций, а с другой — функциональное сравнение. Обе схемы работают рука об руку. Однако они противоречат друг другу, когда функциональный анализ обнаруживает функцию латентности. В этой точке общество информирует себя о том, что оно может не знать, что может не знать того, чего может не знать. Функция латентности требует латентности функции. Выход из этой дилеммы известен с XIX в. Он заключается в возврате к предыдущему различию наблюдения и действия и в выборе действия. Кот Мурр, пока он остается филистером, может не знать, что значит быть филистером, а кот Муциус тоже не может объяснить ему этого. Сама коммуникация ломается о защитную функцию ла-

¹⁸¹ «Современность — преходящее, мимолетное, случайное, половина искусства, вторая половина которого есть вечное и непоколебимое» — говорится в: *Baudelaire. Le peintre de la vie moderne*, цит. по: (Euvres completes, ed. de la Pleiade. Paris, 1954. P. 881—922 (892).

452

тентности. Выход состоит в спасительном действии. В данном случае оно уводит на крышу¹⁸².

Действие всегда быстрее наблюдения. В отношении социальных систем отсюда следует, что эволюция идет быстрее, чем функциональный анализ. Таким образом, возврат к различию действия и наблюдения ведет рефлексию обратно к проблеме времени — проблеме автобиографизации Тристрама Шенди*. С первых выступлений против Просвещения разума в конце XVIII в. все время полагали, что оно наносит вред латентным областям, для которых невыносимо никакое Просвещение. Вместе с тем такие явно иррациональные образования, как религия (для низов) и вкус (для высших слоев), превозносились из-за их темпоральных преимуществ, т. е. по крайней мере в этом отношении понимались функционально¹⁸³. Находясь под давлением времени, любая социальная система должна тотчас выполнять присоединяющие отборы и не может ни реализовать всех возможностей, определение которых может дать функциональное сравнение, ни определить лучшие из них. Главный момент по-английски бегло затронут сэром Дж. Векерсом, который пишет: «Приумножение неопределенности возможного ничего не добавляет к тому, что становится реальным. Увеличение возможности и необходимости выбора увеличивает и объем того, что никогда не будет реализовано. Человек, способный читать на десяти языках, не может за всю жизнь прочесть больше, чем тот, кто читает лишь на одном. У него выбор шире, но выгодно ли ему это, или

¹⁸² Ср.: *Hoffmann E. T. A. Lebensansichten des Katers Murr*; цит. по: *Hoffmanns E. T. A. Werke. Teil 9. Berlin, s. a. S. 197.*

¹⁸³ Применительно к религии см., напр.: *Necker J. De l'importance des opinions religieuses. London; Lyon, 1788*, цит. по: (*Euvres completes. Vol. 12. Paris, 1821. P. 39 f.* — Политик, впрочем, недостаточно расторопный, был раздавлен Французской революцией. Именно его упрекали в том, что функциональный анализ религии не способен служить религиозной истине, не подвластной функциональному анализу. См.: *Villaume P. Uber das Verhaltnis der Religion zur Moral und zum Staate. Libau, 1791.* Однако именно этот критик сам потом запутался в проблеме времени и функции. На стр. 112 он заявляет: «Таким образом, нужно оберегать всякую устойчивую религию, даже если она уже абсурдна, *do tex por пока* нет ничего ей *vзамен*» (выделено Н. Луманом).

О параллельной области темпоральных преимуществ вкуса и (эстетических) способностей суждения (что исключало бы самонаблюдение при наблюдении) ср. указания в: *Baeumler A. Das Irrationalitatsproblem in der Asthetik und Logik des 18. Jahrhunderts. Halle, 1923*; переиздано: Darmstadt, 1967. S.48f., 69 u. 6.

* Тристрам Шенди (Tristram Shandy) — английский писатель XVIII в. — *Прим. пер.*

453

это его несчастье, либо это совершенно не имеет значения, зависит лишь от него»¹⁸⁴.

В тематической области общественной рефлексии это может привести к тому, что проблемы времени вытеснят иные заботы. Помимо всего прочего это означает, что коммуникация в качестве единства различия действия и наблюдения становится центральной проблемой. Может быть, и правда, что всякая рефлексия способна достигать точек, где она противоречит себе и где она как коммуникация не может ни продолжиться, ни прекратиться. Однако в таком случае, если она фактически что-то делает или нет, то именно это и происходит. Аутопойсис же рефлексии уходит от всякой рефлексии и меняет условия, при которых тогда снова верно, что для всякой рефлексии есть точки, в которых она как коммуникация не может ни продолжиться, ни прекратиться. Поэтому вместо требования разрешить данное противоречие (заранее ничего не делая) было бы важнее продолжить путь, еще в XVIII в. считавшийся по ту сторону любого разума иррациональным, — выдвинуть в качестве критерия наблюдения необходимость его ускорения и тем самым редукцию комплексности. И тогда, пожалуй, не потребуется оставлять латентным то, что именно это и должно происходить.

XVII

Мы завершаем данную главу много и, пожалуй, безуспешно обсуждаемой темой изменения структур. В случае социальных изменений, трансформаций, social change и т. п. не подразумевают ничего иного. Со времен Французской революции концепция социальных изменений заменяет константы природы и договорные конструкции естественного и разумного права; однако она заменяет их опять-таки лишь разновидностью «естественного» качества социальных порядков, названного изменением. Изменения идут, с чем трудно спорить. Что меняется и как далеко заходят изменения — вопрос лишь исключительно рассматриваемого отрезка времени. Из «неизменности» невозможно вывести какие-либо преимущества, которые на этом основании затем будут востребованы в качестве неизменных. Кроме того, концепция реальна вместе с нормативными выводами — она позволяет требовать признаний изменения как условия любого дискуссионного воззрения на реальность. Это и есть те

¹⁸⁴ *dickers G. The Undirected Society; Essays on the Human Implications of Industrialization in Canada. Toronto, 1959. P. 75.*

454

идейно-политические преимущества, поддерживающие концепцию. Данное позиционирование обеспечило спорам XIX в. устойчивую основную канву, не поддающуюся коррозии и не требующую

дальнейших понятийных и теоретических разъяснений. В этом идейно-политическом смысле концепция используется и сегодня. Хотелось бы знать не только то, что меняется и в каком направлении, но прежде всего то, что вообще подразумевают под изменениями. Прежде чем говорить об изменениях или трансформациях, нужно точно определить, к чему относятся эти понятия. И лишь выяснив, что следует понимать под изменениями или трансформациями, можно заняться вопросом, происходят изменения в виде процесса или в форме множества нескоординированных отдельных событий. Эти важные различия теряются при слишком сильном противопоставлении структуры и процесса либо статики и динамики. Не помогает даже понятие «динамическая система». Поэтому мы пользуемся понятием темпорализированной комплексности, заменяющим его, и соответственно понятием темпорализированной системы (системы с темпорализированной комплексностью). Такие системы являются, в известной мере, автоматически динамическими, так как они конституируют свои элементы в качестве событий и поэтому испытывают собственную необходимость изменять их, что бы полезного или вредного ни вносил в связи с этим окружающий мир. Однако говорит ли конституированная динамика о том, что системы могут менять свои структуры?

Об изменении¹⁸⁵ можно говорить *лишь в отношении структур*^{1K}. События не могут меняться, так как между их возникновени-

¹⁸⁵ В дальнейшем мы пользуемся термином «изменение». О «социальных изменениях» говорится в общем лишь тогда, когда речь идет о важных структурных изменениях. Так же определяется и "social change" (например, «существенное изменение социальных структур» в: *Moore W. E. Social Change, International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1968. Vol. 14. P. 365—375 (366)*). Однако пока все-таки нет общепризнанного критерия важности — есть лишь предложения, которые легко можно отклонить как недостаточные, например «равновесие» или «власть». По поводу возникшего в связи с этим «состояния замешательства» в дискуссиях о социальных изменениях ср.: *Randall S. C., Stmsser H. Zur Konzeptualisierung des sozialen Wandels: Probleme der Definition, des empirischen Bezugs und der Erklärung K Einführung in die Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. H. Strasser, S. C. Randall. Darmstadt; Neuwied, 1979. S. 23—50 (цитирована S. 24)*.

¹⁸⁶ Например, в: *Swanson G. E. Social Change. Glenview 111., 1971.* — На стр. 3 есть такое определение: «Понятие изменения относится к различию в структуре, причем такому различию, которое возникает с течением времени и инициируется факторами, внешними для данной структуры».

455

ем и исчезновением нет промежутка времени, включающего нечто «событийное», что могло бы длиться вопреки изменению. Идентичность событий, чтобы иметь смысл, связана с моментом времени — сколь бы ни было растянуто это «обманчивое настоящее». Только структуры поддерживают непрерывное (и потому изменяемое) относительно постоянным. Структуры, несмотря на *необратимость событий*, гарантируют определенную *обратимость отношений*. На уровне ожиданий, а не действий, система может обучаться, снимать установления, приспосабливаться к внешним или внутренним изменениям. Поэтому, строго говоря, нельзя утверждать, что «система» меняется, так как она состоит из неизменных элементов — событий (но по практическим и языковым соображениям мы игнорируем эту конвенцию). Вместе с тем системы идентифицируются посредством структур, а они могут меняться. Тогда в этом отношении справедливо утверждать, что система меняется, если меняются ее структуры, так как по крайней мере меняется нечто, относящееся к системе (причем именно то, что обеспечивает ее аутопоietическую репродукцию).

Классический дискурс об изменении структур шел по схеме «постоянное/варьирующееся». Поэтому он искал встречной поддержки структурных изменений в инвариантных либо относительно постоянных свойствах системы, т. е. опять-таки в структурах. В таком случае спор шел либо о мере учета постоянных структур, либо о радикальности насущных изменений. Теория самореферентных систем работает с совершенно иными предпосылками мышления и поэтому больше не зависит от классических споров, например о различии статического и динамического понятия системы. Единственное, что должно оставаться совершенно неизменным в данной теории — это связь событий с минимальным промежутком времени. Неизменно лишь то, что проходит столь быстро, что для изменений не остается времени. Тогда ограничение структурных изменений заключается не в структурах особого качества, препятствующих изменениям, а в проблемах избирательной комбинации в тотчас же исчезающих событиях; т. е. оно заключается в функции структур.

Это — лишь предварительные понятийные разъяснения. Они еще не сообщают о том, как вообще возможны структурные изменения, тем более о том, как они реализуются. Роль социологии в исследовании данного вопроса можно охарактеризовать несколькими чертами: есть много

относительно удачных объяснительных тезисов, не исключая друг друга, но и несводимых в единую теорию. Часто работают с противоречиями в структуре или с конфликтами, считая, что система, нестабильная по этой причине, имеет тенденцию к из-

456

менению структур. Наряду с этим из XIX в. унаследовали эволюционно-теоретические начала, применимые, однако, лишь к общественным системам, но не ко всем разновидностям социальных систем. Кроме того, существует и до-социологическая теория парадоксальных изменений, согласно которой именно умножение исполненных желаний, благосостояние и успех непропорционально усиливают недовольство и приводят к изменению структур. Некоторые видят главный стимул социальных изменений в символической структуре общества — например, вслед за М. Вебером, в религии и ее роли для мотивации действий. Не следует забывать теории, которые под влиянием Г. Тарда работают с имитацией и диффузией. Данные теоретические ядра окружены малоформатными теориями, объясняющими, например, фанатичность и радикализм неконгруэнтностью статуса либо техническими изобретениями (письменность, книгопечатание, изобретение плуга, паровой машины). Всем этим попыткам присущ редукционизм в постановке вопроса. Речь идет о постижении типов изменений в точках их обусловливания, обогащении модели дополнительными ситуативными либо историческими условиями (модель работает не всегда — например, книгопечатание вызвало революцию в Европе, но не в Китае) и отсюда — описанию изменений структуры как исторического процесса. При этом приходится учитывать, что исходные причины, для которых модель имеет решающее значение, в совокупности часто во многом теряют свою убедительность.

Мне кажется, с первого взгляда видно, что такой путь не обеспечивает увеличения агрегации общей теории социальных изменений. Можно довольствоваться такими результатами (что, конечно, не должно исключать новых тенденций развития в этих рамках). Однако общая теория должна быть заложена иным образом. Воспользуемся для этого понятием аутопойетического самосохранения. Так как социальная система (как и многие другие темпорализированные системы, как жизнь вообще) состоит из элементов событийного характера, она в любой момент может быть поставлена перед альтернативой: либо прекратиться, либо продолжиться. «Субстанция» исчезает, так сказать, непрерывно, и должна быть воспроизведена при помощи структурных образцов. Ответом на действие должно быть действие — либо вообще ничего! Аутопойетическая репродукция предполагает структурные образцы, но по ситуации она может идти и инновативно либо отклоняться, так как только действие остается пригодным для коммуникации, т. е. осмысленно-понятным и способным к присоединению. «Я не хочу сливовый торт», — заявляет муж удивленной жене в свое 57-летие на 31 -м го-

457

ду супружеской жизни; и тогда вопрос о праздничном торте надо решать заново. Если день рождения, торт, в супружество и порядочность не теряют свой смысл одновременно, то структура может быть изменена осмысленно¹⁸⁷.

Всегда было ясно, что изменение структуры предполагает самосохранение. Уже отсюда вытекает, что изменение и сохранение не могут быть объяснены разными теориями (например, с одной стороны, «прогрессивными», а с другой — «консервативными»), а каждая из них всегда должна рассматривать то и другое. Новым является лишь воззрение, что проблема заложена не на уровне «целого», наделенного множеством «качеств», которое сохраняется либо нет, а на уровне отношений между элементарными событиями, репродукция которых продолжается либо нет¹⁸⁸. Это означает, что в любой ситуации есть тройное различие, а именно: (1) присоединяющееся действие в рамках имеющихся структур ожиданий, (2) присоединяющееся действие на основе отклоняющихся структур ожиданий и (3) прекращение. Между (1) и (2) выбирают с точки зрения конформности и отклонения; между (1), (2) и (3) — с точки зрения аутопойетического различия. Следовательно, отбор можно сделать бинарным, но лишь за счет связывания двух различий.

Различие этих различий определяет матрицу помех и изменчивости структур. Если из возможностей берут просто лишь прекращение, то все-таки остается возможность конформного, либо отклоняющегося присоединяющегося действия, что включает в себя конформное отклонение (разрешенную инновацию, например законодательство), равно как и отклонение от еще неопределенных ожиданий, а именно уклонение в семантически еще не занятую структурную область. Таким образом, аутопойесис является условием для того, чтобы структура могла либо изменяться, либо нет. Благодаря аутопойесису принимается в расчет, что объект не может изменить свое положение за времени (а может изменить лишь себя либо

¹⁸⁷ Пример можно менять по-разному. «Я достаточно потрудились, — заявляет капиталист огорошенным

профсоюзным лидерам, — забирайте мои заводы и счета, я уйду на пенсию».

¹⁸⁸ Матурана вводит *это* различие как различие *наблюдателя*, располагающего выбором описания системы либо как простого единства на основе свойств ее элементов, либо как составного единства на основе организации ее элементов. Ср.: *Maturana H. R. Autopoiesis II Autopoiesis: A Theory of Living Organization* / Ed. M. Zeleny. New York, 1981. P. 21—33, в частности P. 24 и 31. Помимо этого можно предположить, что описание свойств привлекательнее для внешнего наблюдения, а соотносящее описание — для самонаблюдения.

458

другой объект). С изменением или без, объект остается во власти времени и поэтому должен, начиная с определенной степени комплексности, поддерживать себя посредством аутопойесиса.

Рассмотренная с позиции аутопойетической репродукции и обработанная при помощи аутопойетического различия данная проблема изменения структуры приобретает свои условия возможности и степени свободы относительно независимо от проблематизированной структуры (но, разумеется, всегда не без зависимости от всех структур, способствующих прежде всего нахождению и использованию присоединяющихся действий). При этом все гораздо больше, чем обычно, зависит от ситуации и ее аргументов.

Изменения *структуры* должны убеждать как раз *ситуативно*TM. Прежде всего вообще должна быть обеспечена возможность дальнейшей деятельности; только тогда можно понять, приобретает ли она структурную ценность и, таким образом, годится ли для формирования ожидания. Это означает также, что структурные изменения происходят постоянно, не будучи объявленными, произвольными, имеющими ответ как таковые. Следует вспомнить о семьях с подрастающими детьми или об организациях с историей развития, которую Ф. Зельцник описал как образование институций¹⁹⁰. И нередко бывает так, что структуры становятся осознанными и способными к коммуникации лишь тогда, когда должны меняться¹⁹¹.

На этой основе можно прийти к тезисам о связях между (1) комплексностью системы, (2) контингентностью и относительной невероятностью ее структур, (3) потребностью в специфической дестабилизации (например, в своенравных богах, меняющихся ценах, в правительствах, сменяемых на выборах), (4) чувствительностью к информации и (5) частотой или соответственно скоростью структурных изменений. Это также не приводит к теориям процесса, т. е. к теориям, объясняющим, как получается, что множество событий, меняющих структуру, последовательно обуславливают друг друга. Следует расстаться с представлением о том, что категория процесса

¹⁸⁹ Здесь заложено исходное положение теории кризисов и, особенно, надежд, связанных с кризисами. Ср., напр.: *Nisbet R. A., The Social Bond*. New York, 1970. P. 322 ff.

¹⁹⁰ Ср.: *Selznick Ph. 1) TVA and the Grass Roots*. Berkeley; Los Angeles, 1949; 2) *Leadership in Administration: A Sociological Interpretation*. Evanston 111., 1957.

¹⁹¹ Этому соответствует сформулированный выше (см. раздел All) тезис, что лишь особенно проблематизированные поведенческие ожидания настраиваются либо на нормативный, либо на когнитивный стиль ожидания, исключая один из них.

459

есть необходимая форма конкретизации проблемы структурных изменений.

До сих пор мы обходились без понятия *приспособления*. Под приспособлением обычно понимают приспособление структур системы к окружающему миру (а чаще всего еще ограниченной — к изменениям окружающего мира)¹⁹². Вместе с данным определением понятия можно сформулировать, что турбулентный, часто и необозримо меняющийся окружающий мир требует от системы более высокой способности к приспособлению, таким образом, большей структурной гибкости¹⁹¹. Однако если в таком случае следует допустить, что турбулентность окружающего мира как раз и создается системами (в окружающем мире рассматриваемой системы), пытающимися приспособиться к нему, то следует ожидать усиления и турбулентности, и гибкости, способных привести к катастрофе — как бы ни понималась здесь катастрофа в качестве иного, скорейшего пути к энтропии.

Однако, может быть, данные воззрения есть перспективы лишь слишком упрощенной теории. Социология всегда сдержанно относилась к биологическому понятию приспособления¹⁹⁴.

Например, для Парсонса приспособление есть лишь одна из четырех системных функций, его усиление должно происходить путем от-дифференциации соответствующих подсистем и координации с другими системными функциями, их усилением. Усиление, а не приспособление есть исторический закон структурного развития системы действия. Тем не менее понятие приспособления обладает непреложным авторитетом (как бы его ни принижали и ни игнорировали) до тех пор, пока основной парадигмой теории систем выступает различие системы и окружающего мира, так как оно канализирует переработку информации системы (либо ее

наблюдателей) с помощью альтернативы либо приспособления системы к окружающему миру, либо приспособления окружающего мира к системе. Когда перехо-

¹⁹² Если говорят о внешних и внутренних приспособлениях (напр.: *Berrien B, F. K. General and Social Systems. New Brunswick N. J., 1968. P. 136 ff.*), то понятие практически совпадает с понятием структурного изменения — разве что дополнительно допускают своего рода конструктивную или деструктивную (энтропийную) логику развития, которую можно вывести из имеющихся структур.

¹⁹³ Об активной адаптации и адаптивном планировании см., напр.: *Emery F. Futures we are in. Leiden, 1977. P. 67 ff., 123 ff.*

¹⁹⁴ См. также оговорки, инспирированные, скорее, политически, в: *Dickers G. Is Adaptability Enough? // Behavioral Science 4 (1959). P. 219—234; переиздано в: Modern Systems Research for (the Behavioral Scientist: A Sour-cebook / Ed. W. Buckley. Chicago, 1968. P. 460—473.*

460

дят к теории самореферентных систем, то понятие приспособления, не теряя своего значения, отходит на второй план. Тогда основной вопрос звучит так: с помощью какой семантики сама система определяет различие системы и окружающего мира, как эта семантика сказывается на процессах переработки информации и в чем заключается необходимость приспособления, возникающая отсюда на мониторах системы. Следует лишь напомнить, какое значение для экономики и политики имеет язык денег, и привести меткий пример тому: на этом языке различие системы и окружающего мира понимается как различие в распоряжении денежными ресурсами, т. е. как наличие или отсутствие денег. Тогда изменения в данном распределении усиливают процессы структурного приспособления, не затрагивая иных схем различий.

Самореферентные системы как закрытые таковы, что они сами производят свои элементы и тем самым — свои структурные изменения. Нет никакого непосредственного каузального воздействия окружающего мира на систему без ее содействия. Именно поэтому система придает своей структуре (хотя та и не является событием) каузальность. Это — форма и условие любого приспособления. В таком случае структура может действовать лишь в комбинации с окказиональными событиями системы и/или окружающего мира, и наоборот, события в системе действуют лишь в комбинации со структурно заложенными причинами. В таком случае соответственно непрерывные причины могут действовать дискретно, надежные возможности все-таки зависят от случайностей, их дополняющих, так что, например, правовой режим гарантирует высокую степень предсказуемости, но не позволяет предвидеть, когда и по каким причинам он будет использован. Это латентное участие каузальности, готовое к употреблению, можно приспособить к меняющимся требованиям путем изменения структуры. Без такого содействия системы окружающий мир остался бы лишь возможностью разрушения аутопойетической репродукции. (Например: лавина накрыла лыжников, и те уже не могут коммуницировать друг с другом. *Опасность* лавины, по мере возможности, локализуется путем коммуникации и изменения структуры, запущенного в результате этого.)

Отныне любое изменение структуры, приспособляющее ее к окружающему миру или нет, есть самоизменение. В социальных системах оно возможно лишь через коммуникацию. Это не означает, что изменение структуры должно быть темой коммуникации или вообще быть запланированным в некоем претенциозном смысле. Однако оно требует таких ситуаций в системе, в которых видно, по-

461

нятно и убедительно, что ожидания меняются. Такие ситуации возможны только на основе темпорализации системы и ее элементов. Окружающий мир остается стимулятором структурных изменений. Коммуникации в системе должны передавать информацию и поэтому постоянно поддерживают связь с окружающим миром. Изменения ожиданий интерпретируются исходя из различия системы и окружающего мира; они вообще понятны, пожалуй, лишь так.¹ Это делает вероятным (но не необходимым) то, что социальная система приспособляется к своему окружающему миру через структурные изменения. Однако так как элементы и структуры, ситуативность и семантика являются собственной работой системы, то в «приспособление» входит слишком много «своего», чтобы отсюда можно было бы заключить о совместимости системы и окружающего мира. Парадоксальным образом это есть, следовательно, именно свое участие в процессе структурного приспособления, которое может мешать системе надолго и успешно стабилизироваться в окружающем мире.

Понятие приспособления, относящееся к окружающему миру, ни в коем случае не охватывает всех форм структурного изменения. Прежде всего мы должны дополнить его понятием *самоприспособ-*

ления. К такому понятию мы приходим, если кладем в основу не различие системы и окружающего мира, а различие элемента и отношения, т. е. проблему комплексности¹⁹⁵. Самоприспособление устраняет внутрисистемные трудности, возникающие из неравновесия в соотношениях элементов, т. е. из редукции внутрисистемной комплексности (которая может возникнуть в результате приспособления к окружающему миру). Можно предположить, что процессы приспособления в бюрократических организациях в значительной мере следуют данному типу самоприспособления, так как требуется высокая степень тонкого согласования, постоянно нуждающаяся в коррекции, и поддерживается высокая чувствительность к малым различиям. Напротив, для малочисленных семей с высокой степенью самоопределения личностного своеобразия, по-видимому, типично, скорее, приспособление к окружающему миру — прежде всего в форме приспособления к старению (рождению, уходу) своих членов. В этом, может быть, состоит основание того, что в семьях царят иные конфликты, нежели в бюрократии. Конфликт видится как ре-

Таким образом, недостаточно противопоставлять приспособлению к окружающему миру просто приспособление к самому себе, ибо в таком случае не видно, на какую проблему реагирует самоприспособление (ею не может выступать еще одно различие системы и окружающего мира).

462

зультат нереализованноеTM требуемого приспособления, ибо в семьях через конфликт реализуется изменившийся личный интерес, а в бюрократии это, скорее, разные линии редукции в структуре сотрудничества, вступающие в коллизию.

Противопоставление приспособления к окружающему миру и к самому себе также не дает полной картины возможных форм структурных изменений. Следует рассмотреть третий случай, который мы, придерживаясь сложившейся терминологии, называем *морфо-генезом*^m. Морфогенез не вытекает из необходимостей приспособления, и его отсутствие не приводит к конфликтам. Он развивается на свободной территории. В его основе заложено не различие системы и окружающего мира или элемента и связи, а различие активирования и ингибирования (т. е. обеспечения и подавления). Морфогенез предполагает системы, возможности которых полностью ингибированы — например, смысловые указания, которые используются структурами ожидания, вынужденными к репродукции, лишь очень ограниченно. В таких случаях отношение активирования и ингибирования может эволюционно меняться, так что ингибированные возможности, в отличие от структур, могут в случае необходимости быть дезингибированы, т. е. реактивированы. Можно было бы говорить и о длительном ингибировании и краткосрочной реактивации, акцидентной, зависящей от ситуации. Лишь благодаря этому возникает ad hoc внутренняя проблема приспособления и, при случае, возможность приспособления, касающаяся окружающего мира, которая в таком случае может быть использована. Однако весьма вероятно, что развитие может идти как *circulus vitiosus*^{*}, если нет возможности реингибирования — например, в смысле известной «американской дилеммы» Мирдала или популярного сегодня «общества всеобщего благоденствия». В таком случае оно все

¹⁹⁶ Перенос этой терминологии в общественные науки и важные материалы о стабилизации за счет положительной обратной связи см.: *Матуа-ма М.* The Second Cybernetics: Deviation-Amplifying Mutual Causal Processes // *General Systems* 8 (1963). P. 233—241; переиздано в: *Modern Systems Research* / Ed. W. Buckley, a. a. O. P. 304—313; *Buckley W.* Sociology and Modern Systems Theory. Englewood Cliffs N. G., 1967. P. 58 ff. Кроме того, ср.: *Haken H.* Synergetics: An Introduction. 2 ed. Berlin, 1978. P. 299 ff.; *Gierer A.* 1) Socioeconomic Inequalities: Effects of Self-enhancement, Depletion and Redistribution // *Jahrbuch fuer Nationalokonomie und Statistik* 186(1981). S. 309—331; 2) Systems Aspects of Socio-economic Inequalities in Relation to Developmental Strategies // *Dependence and Inequality: A Systems Approach to the Problems of Mexico and other Developing Countries* / Ed. R. F. Geyer, J. van der Zouwen. Oxford, 1982. P. 23—34.

* Порочный круг (*лат.*). — *Прим. пер.*

463

больше и больше вынуждено реагировать на собственные проблем мы, не претендуя тем самым на улучшение отношений с окружающим миром и с самим собой.

Хотя морфогенез и создает *новые* структуры, он всегда есть и-их *изменение*. Он перестраивает наличную систему и по-иному вообще невозможен. Это следует из основного понятия аутопойесиса. Так, цитируя известную модель¹⁹⁷, развитие корпоративных организаций в архаичных обществах, состоящих в основном лишь из семей, не оставляет нетронутой общую структуру прежнего общества. Оно не довольствуется лишь некоторыми добавками. Прежний обществен-ный порядок на основе семей заменяется новым, устроенным из се-? мей и корпораций, который лишь в целом, но с большей специфика" цией и с соответствующими генерализациями, может продолжить прежнее общественное устройство. Например,

морфогенетически продвинутое состояние является системой, так как способно развивать прежний порядок лишь вместе со всеми его компонентами, что означает: и сохраняющиеся компоненты — семьи — приобретают новый смысл¹⁹⁸.

Понятийные различия, введенные сейчас, позволяют задаться вопросом об отношении структурных изменений и событий и, далее, об отношении структурных изменений и процессов. Несомненно, что любые структурные изменения предполагают события, так как системы, безусловно, состоят из событий и могут трансформироваться лишь через события. Однако являются ли событиями сами структурные изменения?¹⁹⁹ Они могут, но не должны быть ими²⁰⁰. Достаточно лишь представить себе структурные изменения семьи, когда дети подрастают, чтобы заметить, что описание изменений в качестве события имеет ясные (хотя и не резкие) ограничения. Изображение в форме событий рассматривается лишь тогда, когда различие «до» и «после» способно сконцентрироваться в идентичность, которая со своей стороны не может меняться более или ме-

¹⁹⁷ Из введения ко второму изданию: *Durkheim E. De la division du travail social*; цит. по изданию: Paris, 1973.

¹⁹⁸ Об этом, в частности, см. также: *Parsons T. Comparative Studies and Evolutionary Change II Comparative Methods in Sociology: Essays on Trends and Applications /1. Vallier. Berkeley, 1971. P. 97—139 (100 f.)*.

¹⁹⁹ По-видимому, это предполагается и в: *Nisbet R. A. The Social Bond: An Introduction to the Study of Society. New York, 1970. P. 322 ff.* — Здесь автор сетует по поводу пренебрежения темой о (неожиданной) событийности в теориях социальных изменений.

²⁰⁰ Таким образом, нужно говорить о структурных изменениях, которые не «происходят», а лишь принимаются. Понятие социальных изменений, пожалуй, целесообразно закрепить за ними.

464

нее длительное время, чтобы могли произойти изменения. Никогда нет смысла утверждать, что событие есть «причина» структурного изменения; оно лишь служит его идентификации. Возможность идентификации структурных изменений по событиям и их соответствующей реализации (например, в законодательных актах) способно послужить катализатором множеству причин, сфокусировать, связать их, и тем самым содействовать структурным изменениям, невозможным иначе. Это требует переинтерпретации события как причины изменений. Однако это нереалистично и не будет воспринято обществоведами. Переинтерпретация относится к меняющейся социальной системе в контексте сильно упрощенного самоописания.

С этим вопросом, затронутым здесь лишь кратко, не следует смешивать другой: не являются ли структурные изменения пусть не отдельными событиями, но хотя бы процессами, состоящими, со своей стороны, из событий. Однако множества событий по сути есть процессы. Таким образом, прежде всего на понятийном уровне следует проводить тщательное различие между структурным изменением и процессом. О процессе следует говорить лишь в том случае, если события неразрывно связаны друг с другом, точнее, когда отбор одного события обеспечивает отбор другого²⁰¹. Таким образом, понятие процесса обозначает усиление избирательности особого рода — учитывающее время.

В этом смысле вряд ли возможно понять как процесс множество приспособлений (к меняющемуся окружающему миру или к самому себе). Их связь следует лишь из единства системы, но не обязательно из того, что одно приспособление выступает необходимой предпосылкой другого, и наоборот. (Что-либо иное было бы справедливо лишь тогда, когда в каждом акте приспособления было бы поставлено на карту само существование системы. В таком случае она была бы процессом.) При морфогенетическом изменении структуры развитие в форме процесса более вероятно. Так как здесь создаются новые структуры, весьма вероятно, что они станут исходным условием дальнейших структурных образований: например, политическая власть — исходной точкой возникновения городов, возникновение городов — исходной точкой письменности, письменность — философии. Иначе говоря, сельское хозяйство спустя краткую промежуточную фазу цивилизации в несколько тысячелетий

²⁰¹ Ср. также гл. 1, III, пункт 3. Кроме того, ср.: *Luhmann N. Geschichte als Prozeß und die Theorie soziokultureller Evolution // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 178—197.*

465

становится исходной точкой атомного опустошения планеты. В таких случаях в реальности представлены лишь последовательности событий, организованные по своего рода шкалам Л. Гутмана, — без сельского хозяйства нет атомной бомбы²⁰². Но что придает таким последовательностям событий статус процесса?

Прежде чем подробнее остановиться на этом вопросе, следует подчеркнуть, что теории структурных изменений, наиболее претенциозные в настоящее время, не есть теории процесса. Ни Парсонс, ни тогда популярные неodarвинистские теоретические начала не доходят до понятия процесса. «Теория

эволюции» Парсонса, извлеченная из весьма разрозненных публикаций, рассматривает лишь четыре структурных требования развития систем, а именно повышение адаптивности, дифференциацию, инклюзию и ценностную генерализацию²⁰³. Они относятся к четырем функциям (или соответственно функциональным системам), необходимым, по Парсонсу, для обеспечения действия. В случае возрастающей комплексности условий реализации действия все четыре функции должны удовлетворять соответствующим структурным условиям — иначе развитие прерывается. При этом речь ни в коем случае не идет о теории нелинейного усиления а la Спенсер, с удовольствием считают критики²⁰⁴. На самом деле верно обратное. Парсонс подчеркивает, что какая-либо отдельная функция не могла бы совершенствоваться сама по себе. Вклад данной теории как раз в том и состоит, чтобы указать большинство структурных условий достижения более высокой комп-

²⁰² По поводу метода и предшествующих исследований ср. (с весьма скуными ссылками на литературу): *Carneiro R. L. Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / Ed. R. Naroll, R. Cohen. Garden City N. Y., 1970. P. 834—871; далее, напр.: Leik R. L., Mathews M. A Scale for Developmental Processes / American Sociological Review 33 (1968). P. 72—75; Graves Th. D., Graves N. B., Kobrin M. J. Historical Inferences from Guttman Scales: The Return of Age-Area Magic? // Current Anthropology 10 (1969). P. 317—338; Farrett J. P. Guttman Scales and Evolutionary Theory: An Empirical Examination Regarding Differentiation in Educational Systems // Sociology of Education 42 (1969). P. 271—283; Bergmann H. Einige Anwendungsmöglichkeiten der Ent-wicklungsskalierung von Leik und Mathews // Zeitschrift für Soziologie 2 (1973). S. 207—226.*

²⁰³ Ср., напр.: *Parsons T. Comparative Studies and Evolutionary Change // Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Systems. New York, 1977. P. 279—320.*

²⁰⁴ См., напр.: *Schmid M. Theorie sozialen Wandels. Opladen, 1982. S. 145 ff.* См. также: *Granovetter M. The Idea of "Advancement" in Theories of Social Evolution and Development // American Journal of Sociology 85 (1979). P. 489—515.*

466

лексности, которые взаимно обуславливают друг друга, т. е., подчиняясь условию совместимости, делают прогресс скорее невероятным. Однако даже если удастся подчеркнуть невероятность сильнее, чем это сделал бы сам Парсонс, — тем самым еще не вырабатывается теория процесса. Теория содержит лишь высказывания об условиях достижения более высокой комплексности и пытается на историческом материале показать, что эти условия в виде «эволюционных универсалий» действительно должны были быть выполнены там, где возникли более комплексные общественные системы.

Столь же малопригодны на роль теорий процесса и теории эволюции неодарвинистского толка. Здесь также речь идет лишь об объяснении вероятности и частоты структурных изменений, которые необходимо допускать, если хотят объяснить, как на удивление быстро возникло комплексное строение органического и социального миров. Объяснение в теориях такого типа (куда Парсонс ошибочно относил и свою концепцию) заключается в различии изменчивости, отбора и рестабиллизации, но из этого объяснения никак не следует, что история идет в форме процесса, не говоря уже о его управлении историческим законом.

Последовательность событий является процессом тогда и только тогда, когда удовлетворяет признаку усиления избирательности. Это может происходить, например, в форме антиципаторных (или телеологических) процессов²⁰⁵, а именно: благодаря тому, что события запускаются лишь тем, что действия избираются лишь потому, что они будут иметь последствия, которые со своей стороны могут наступать лишь тогда, когда произойдут стартовые события. Однако данная сильная форма взаимной избирательности предыдущих и последующих событий не является единственной возможностью образования процессов. Наряду с данными телеологическими процессами есть и названные эволюционные процессы морфогенеза. Они характеризуются тем, что используют усиление избирательности лишь в одностороннем порядке; они лишь связывают одно структурное изменение с другим, не ориентируясь при этом на результаты предвосхищающе-ретроспективным образом; благодаря

205 Q «телеологии» здесь следует говорить обязательно со ссылкой на аристотелевскую теорию. Мы исключаем лишь представление о том, что будущие события или состояния могут воздействовать на настоящее вопреки ходу времени, но особо подчеркиваем, что усиление избирательности процесса в то же время обусловлено выбором его окончания. Об идейно-исторических изменениях ср.: *Luhmann N. Selbstreferenz und Teleologie in gesellschaftstheoretischer Perspektive // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 9—34.*

467

этому они аккумулируют невероятности, не включая их в виде осмысленного результата в сам процесс. Именно поэтому они остаются, в зависимости от «случаев», т. е. от нескоординированного взаимодействия изменчивости и отбора. Так, из обмена сигналами возникает язык, затем письменность, потом — книгопечатание. В каждом случае дальнейшее развитие трансформирует уже достигнутую

ступень — речь идет, как отмечалось, об *изменении* структуры. Например, современные государственные языки возникают лишь как следствие книгопечатания. Это обеспечивает внутреннюю связь последовательности. Возникает направление, которое можно описать как достижение структур со все более высокой невероятностью²⁰⁶. Оставим открытым вопрос о том, обеспечивает ли это противопоставление телеологических и морфогенетических процессов полноценную схему понимания последовательностей структурных изменений как процессов²⁰⁷. Во всяком случае само сравнение поучительно (в узких рамках проблематики того, как возможны последовательности структурных изменений в качестве процессов). Важным пунктом сравнения является то, что телеологические процессы могут содержать свое завершение, а морфогенетические процессы — не могут. Лишь если включить в отбор также и выбор окончания процесса, то процесс можно завершить, когда он уже достиг своей цели или уже не способен на это²⁰⁸. Морфогенетические про-

²⁰⁶ Все схемы, выходящие за пределы данной смысловой направленности морфогенетических либо эволюционных процессов, работающих прежде всего с такими «критериями прогресса», как повышение адаптивности, усиление способности решать проблемы и т. п., спорны. Теоретически бесспорными являются сегодня лишь модели, провозглашающие голую последовательность фаз «законом истории». Ср.: Blule M. Sociocultural Evolutionism: An Untried Theory // Behavioral Science 24 (1979). P. 46—59. Остается приемлемым представление о развитии в направлении форм и систем более высокой сложности; но это все равно, что говорить о системах более высокой невероятности.

²⁰⁷ О полноте свидетельствует вид понятийного различия. Усиление избирательности либо взаимно, либо нет. Однако для невзаимного усиления избирательности, возможно, есть и другие точки единства, помимо аккумуляции невероятности.

²⁰⁸ То, что правило остановки действует и в том случае, если уже невозможно достичь конца, либо если он, в силу изменившихся обстоятельств или изменившихся ценностей, больше не желателен, является важнейшим аспектом телеологических процессов; он конституирует их чувствительность, их способность к научению, делая их, по сравнению с морфогенетическими процессами, более зависимыми и в то же время более независимыми от случайностей. Таким образом, они сильнее выделяются благодаря более высоким требованиям в связи с принципом взаимного отбора.

468

цессы, напротив, зависят от внешней интерференции или от недостатка возможностей новых структурных образований. Они не могут завершаться сами, так как вообще не способны учесть свой конец. Они имеют тенденцию к неожиданным скачкам в развитии, к застою, деструкции²⁰⁹. Сколь часто можно обнаружить целенаправленные действия и в этом смысле предусмотренные и планируемые структурные изменения, столь же редки до сих пор цепочки структурных изменений, составленные телеологически. Лишь современная техника организации создала новые формы планирования, но и здесь при переходе на новые структуры концентрирование во времени в значительной мере выступает условием успеха²¹⁰. Таким образом, в общем и целом структурные изменения происходят либо ad hoc как приспособления, либо бесконтрольно морфогенетически; и можно лишь предположить, что повышенная телеологизация процессов структурных изменений приводит к постоянному прекращению попыток, так как мимоходом становится очевидным, что невозможно достичь целей, во всяком случае в пределах предусмотренных затрат и побочных эффектов. В таком случае социологии было бы полезно больше заниматься наблюдением и описанием морфогенетических процессов, нормализующих и аккумулирующих невероятности, а не завершающих их.

Этот момент своеобразной рациональности телеологических процессов недостаточно освещен в новейшей дискуссии, слишком сильно зависящей от теорий ценностей.

²⁰⁹ Впрочем, это вообще справедливо для процессов с положительной обратной связью — таким образом, даже в том случае, если речь не идет о событиях, изменяющих структуры. Ср., напр.: Stanley-Jones B. D. The Role of Positive Feedback // Progress of Cybernetics / Ed. J. Rose. Vol. 1. London, 1970. P. 249—263.

²¹⁰ См., напр.: O'Connor J. J. Managing Organizational Innovation. Home-wood 111., 1968. Впрочем, под «развитием организации» понимают нечто совершенно иное, нежели можно было бы ждать от этого выражения, — а именно требующее времени, продуманное в социально-психологическом плане приспособление персонала к потребностям организации.

Глава 9 ПРОТИВОРЕЧИЕ И КОНФЛИКТ

I

«Противоречия» — распространенная тема в социологии. О них много говорят, но чаще всего все же неясно, что здесь имеется в виду. Структурный функционализм, например, быстро отказался от чересчур гармоничной картины социальных систем и стал говорить о структурных противоречиях и соответственно о противоречивых требованиях к поведению¹. Но что именно подразумевается, когда речь идет о «противоречии»? Например, является ли противоречием готовность экономической системы и к накоплению, и к потреблению, несмотря на то, что отдельный человек не может потратить

и в то же время сэкономить деньги?² Является ли противоречием, то

¹ К таким формулировкам постоянно побуждали исследования отдельных случаев. См., напр.: *Sutton F. X. et al. The American Business Creed. Cambridge Mass., 1956, особенно p. 263 ff.*; *Merton R. K. Priorities in Scientific Discovery; A Chapter in the Sociology of Science // American Sociological Review 22 (1957). P. 635—659*; *Clark B. R. The Open Door College: A Case Study. New York, 1960. См., напр., принципиальные высказывания (часто понапрасну обращенные против структурного функционализма): Sjöberg G. Contradictory Functional Requirements and Social Systems // The Journal of Conflict Resolution 4 (1960). P. 198—208; Bertrand A. J. The Stress/Strain Element of Social Systems: A Micro Theory of Conflict and Change // Social Forces 42 (1963). P. 1—9.*

Парсонс занимал по этому вопросу особую позицию. Он полагал, что аналитическая теория должна *полностью разлагать функциональные противоречия на структурные дифференциации* (что эксплицитно вытекает из дискуссии 21 апреля 1961 г.). Пожалуй, в основном данная позиция вызвала много неуместной критики.

² Будь это противоречием, социология могла бы констатировать, что экономика в тенденции затушевывает свои противоречия, внушая покупа-

470

что высшая суверенная власть, дана властителю не для произвола? Если в XVII в. это рассматривалось как противоречие, и был создан соответствующий понятийный материал, то оставалось ли это противоречием и в 1800 г.? Есть ли вообще общие критерии для определения того, является что-то противоречием или нет? Или это тоже полностью зависит от системы, создающей противоречия (чем бы они ни были), чтобы обеспечить образование структур?

Понятие противоречия внушает логическую точность и тем самым сдерживает дальнейшие исследования. Социология поначалу этим и довольствовалась — за редкими исключениями попыток точнее понять и прояснить понятие негативного³. Однако в состоянии ли логика выполнить задуманные уточнения? Если да, может ли социология принять такое предложение?

Противоречия обычно считаются логическими ошибками, нарушениями правил логики, которых следует избегать. Над научными данными следует работать до тех пор, пока в них не останется никаких противоречий. Для контроля изобрели логику, от-дифферен-цированную ради данной функции, так что она способна совершенствоваться как система контроля. Это совершается в контексте «науки». Ему соответствует представление о том, что познаваемая действительность должна полагаться «непротиворечивой». Если бы предметный мир, со своей стороны, был противоречив в смысле логики, то в его отношении были бы возможны любые высказывания и, таким образом, какое-либо познание было бы невозможно. Соответственно в самой действительности нет никаких «проблем». Проблемы есть непроясненные отношения между знанием и незнанием, и их можно решать, если вообще можно, лишь путем изменений в этом отношении.

Такое кредо с его стороны теперь можно снова рассмотреть глазами наблюдателя и тогда установить, что если есть предметы, содержащие противоречия, то они тем самым исключаются из области возможного познания. Они не подвержены ни позитивной, ни негативной, что они могут «сэкономить» деньги на удачных покупках. Однако есть ли это противоречие? И есть ли это структурное противоречие?

³ Заслуживает внимания: *Sjöberg G., Cain L. D. Negative Values, Cuon-terssystem Models, and the Analysis of Social Systems // Institutions and Social Exchange: The Sociologies of Talcott Parsons and George C. Homans / Ed. H. Turk, R. L. Simpson. Indianapolis, 1971. P. 212—229.* Далее см. прежде всего: *Wilden A. System and Structure: Essays in Communication and Exchange. 2 ed. London, 1980*; *Elster J. Logik und Gesellschaft: Widersprüche und mögliche Welten. Frankfurt, 1981*; *Barel Y. Le paradoxe et le système: Essai sur le fantastique social. Grenoble, 1979.*

471

гативной констатации. Даже невозможно установить, существуют они или нет. Они не проявляются в окружающем мире системы науки, упорядоченной логически. Поэтому приверженцы данного кредо, сталкиваясь с вопросом о противоречивом предметном мире, обычно заявляют, что они вообще не понимают, о чем идет речь. Им ясно, что не может быть быков с рогами и в то же время без них, и они готовы сделать вывод, что то же самое верно и для мужей. Не сдавая принципиальных позиций, они, наверное, допускают для таких случаев логику, способную рассматривать неясности, двусмысленности, некорректно сформулированные проблемы. В таком случае наблюдатель вновь находит подтверждения своей теории в том, что система пытается учесть необъятную комплексность своего окружающего мира путем собственного усложнения (инволюции) или структурной гибкости.

Однако со времен Гегеля в сущности известно, что вместе с логикой, постулирующей непротиворечивые предметы, социальное исключается из окружающего мира науки. Трудности, следующие отсюда, до сих пор не нашли какого-либо общего удовлетворительного истолкования⁴. В какой-то мере исходят из структурной обязательности противоречия в предложении и отсюда выступают за «логику социальных наук». В какой-то мере принимают противоречия в предмете, однако при помощи концепции «диалектики» приписывают им высокую степень порядка, из-за чего исследователь вынужден не исследовать, а занимать партийную позицию, что в таком случае

на практике означает участвовать в отрицании. В какой-то степени исходят из того, что адекватная логика (адекватная для таких тем, как время, самореферентность, социальность) должна быть многозначной, и в таком случае тратят все силы на придание такой логике формы исчисления. Ни один из этих путей не ведет к радикальным успехам, позволяющим отказаться от других. Таким образом, одновременно экспериментируют с несколькими попытками, и на нынешнем уровне знания ни одну из них нельзя считать заведомо обескураживающей или не выдерживающей критики. Для этого всегда не хватает собственной развитой позиции.

Поэтому мы не можем допустить, что можно чисто логическими средствами элиминировать противоречия в социальном и, в та-

⁴ Так называемый «спор о позитивизме» не привел, что тоже характерно, к какому-либо взаимопониманию по проблеме, ни даже к обзору уже рассмотренных путей решения. Так, без внимания осталось предложение Г. Понтера продолжить разработку «многозначной логики». Тогда ее значение в немецкой социологии, признавал, пожалуй, лишь Г. Шель-ски.

472

ком случае, в теории социального. Если сама социальная жизнь не работает логически чисто, то и теорию социального невозможно сформулировать логически непротиворечиво. Мы даже еще не знаем, знаем ли мы вообще, что такое противоречие и чему оно служит. Поэтому с помощью уже разработанных фрагментов теории социальных систем прежде всего следует выяснить, можно ли и в каком смысле можно вообще говорить, что область социального содержит противоречия.

II

Первое краткое рассуждение основывается на различии ауто-пойетической репродукции и наблюдения. Мы знаем, что тем самым имеется в виду не какое-то исключяющее отношение, а лишь различные операции, которые могут быть скомбинированы. Ауто-пойетические системы могут наблюдать другие системы и самих себя. Их аутопойесис есть их саморепродукция, их наблюдение ориентировано на различие и оперирует с помощью обозначений. Так, коммуникативная система репродуцируется посредством того, что коммуникация запускает коммуникацию. При этом наблюдение играет определенную роль в зависимости от того, в какой степени коммуникация (или иное действие) считается действием, а именно относится к тому, а не иному действующему.

Различение аутопойесиса и (само-)наблюдения оправдано проблемой, которой мы здесь занимаемся. Противоречия обладают совершенно разными функциями в зависимости от того, идет речь об аутопойетических операциях или о наблюдениях. В контексте ауто-пойетических операций (которые должны постоянно продолжаться, если наблюдение вообще должно быть возможно) противоречия образуют определенную форму, находящую операции присоединения. На противоречие реагируют иначе, чем на обстоятельство, воспринимаемое не как противоречие, *но реагируют*. Даже буриданов осел выживет, если поймет, что не способен принять решение; тогда он именно поэтому примет решение! Однако для наблюдателя ситуация выглядит иначе. Для него и только для него противоречие означает неразрешимость. Он не может продолжать наблюдение (но, невзирая на это, может жить дальше), так как не может заполнять различие взаимоисключающими обозначениями. Наблюдение стопорится противоречием, что еще больше справедливо для наблюдения наблюдения. Однако именно это может быть достаточным основанием что-либо предпринять.

473

Было бы грубой реификацией сводить данное обстоятельство к различию жизни и науки (или чему-то подобному). Различие ауто-пойесиса и наблюдения — это весьма элементарное различие, причем оба имеют место во всех аутопойетических системах, даже в тех, которые, как например наука, специализируются на наблюдении и основанном на нем прогнозировании и объяснении. Соответственно, во всех самореферентных системах имеется двойственная функция противоречий: блокировка и запуск — приостановка наблюдения, наталкивающегося на противоречие, и запуск операций присоединения, которые связаны именно с этим, именно поэтому осмыслены. Таким образом, напрашивается заключение, что противоречие есть семантическая форма, координирующая ауто-пойесис и наблюдение, опосредующая оба вида операций. Она разделяет и связывает их тем, что исключение операций, присоединяющихся к наблюдению, одновременно означает включение таких, которые тогда еще специально принимаются в расчет.

Отсюда нельзя вернуться к «диалектической» функции противоречий, но ее можно заменить перспективами теории эволюции. Эволюция предполагает саморепродукцию и наблюдение. Она осуществляется путем отклоняющейся саморепродукции. Таким образом, она не может быть

каким-либо выводом из наблюдения. Она не есть какой-то логический процесс. Эволюция допускает, что наблюдение потерпит крах (причем такой, который подконтролен самой наблюдающей системе), но сама продолжится. Эволюция идет через неразрешимости. Она использует возможности, выделяющиеся посредством неразрешимостей в качестве возможностей морфогенеза.

Если в этом заключается первый точный эскиз функции противоречий, то что тогда считать противоречием? Какой смысловой материал входит в эту функцию? Идет речь о логических константах или же о семантических артефактах, которым по потребности можно придать форму противоречия, чтобы наполнить эти функции?

III

Можно считать выясненным, что под «противоречием», которое имеется в виду в логике, подразумеваются не просто противоположности интересов, т. е. не просто то, что продавец хотел бы продать подороже, а покупатель - купить подешевле. Поэтому и противоположность «капитала» и «труда» тоже не есть противоречие. Конкуренция — тоже не противоречие; никакой логик не обязан исклю-

474

чать суждения о том, что *A* и *B* стремятся к одному и тому же благу. Однако о чем тогда идет речь в тезисе «о противоречии, имманентном предметам»?

При более внимательном рассмотрении оказывается, что в противоречиях, по-видимому, представлена прежде всего производная, вторичная неопределенность. То, что противоречиво, конечно же, определено; иначе было бы невозможно констатировать какое-либо противоречие. Лишь определенные представления, определенные коммуникации могут быть противоречивыми, и тогда форма противоречия, по-видимому, служит лишь новому пересмотру уже достигнутой смысловой определенности. Противоречие есть неопределенность системы, а не отдельных операций; но в таком случае оно лишает эти операции выигрыша от определенности, приобретаемого ими за счет участия в системе, извлекаемого из базальной самореференции в качестве элементов системы⁵. В чем может заключаться интерес системы, бойкотирующей самореферентное определение элементов? И как это происходит?

По форме противоречий можно прежде всего определить, что речь идет о тавтологиях — о тавтологиях с добавленным отрицанием. А есть не-⁴. Почему производится данная форма? Во всех тавтологиях и, следовательно, противоречиях речь идет о чрезвычайно сокращенной, чистой самореференции. Тем самым возникает возможность любого присоединения. В таком случае любое определенное или в дальнейшем определяемое присоединение предполагает развертывание тавтологии, воспринимающее дополнительные (что по необходимости означает: ограничивающие) определения⁶. Роза не есть роза, если она...

Тогда можно не придавать этому онтологического выражения в форме различия видимости и бытия, либо теории познания как инструменте прощупывания реальности — но это уже довольно рискованные интерпретации. Прежде всего форма и функция противоречия состоят в репрезентации чистой самореференции и в необхо-

⁵ Мы исходим здесь из анализа событийного характера элементов и базальной самореференции. Ср.: гл. 8, III и гл. 11, III.

⁶ С системно-теоретической точки зрения это относится к общему понятию обусловливания (гл. 1, II, пункт 5), со структурно-теоретической точки зрения — к определению структур и соответственно ожиданий в качестве ограничений (гл. 7, V). «Управление» данным процессом развертывания через обусловливание должно, конечно, быть связано с исходным смыслом. В этом смысле оно предполагает «релевантность» — так можно было бы функционально определить это понятие. Релевантность обеспечивает присоединимость обусловливаний, является, так сказать, феноменологическим панданом способности присоединения.

475

димости обусловливания, основанной на этом. Тем самым противоречие трансформируется во второе, оперативное, противоречие: *больше* ограничений означает *меньше* возможностей. В таком случае это уже не есть логическое противоречие, а есть проблема — проблема усиления способности нести ограничения и оставлять открытыми возможности.

Если исходят из того, что, как пояснено в главе 2, всякий смысл указывает на все возможное и, таким образом, на противоположный или неконцентрированный смысл, то в каждом переживании смысла латентно присутствует нечто противоречивое. Любой смысл способен к противоречию, любой смысл может быть достроен до противоречия. Вопрос состоит лишь в том, как это происходит и почему. В этом отношении всякая наука о смысле в своей предметной области имеет дело с противоречиями, имманентными вещам — разве что она строилась бы на нереальном допущении никогда не использовать такие возможности (но тем самым она изымала бы саму себя

из области смысловой реальности, так как должна была мыслить противоречие, чтобы быть в состоянии исключить его). Противоречие есть момент самореференции смысла, так как всякий смысл включает в себя собственное отрицание как возможность⁷. Однако в таком случае следует спросить: почему данное диффузное рассеяние возможного конденсируется в форму противоречия, на каких основаниях это происходит, кто отдает предпочтение противоречиям и какая еще свобода выбора формы остается при этом открытой? Или, спрашивая иначе, что приводит систему к тому, чтобы блокировать наблюдение (включая самонаблюдение) противоречием обеспечивая саморепродукцию?

Переформулируя вопрос еще раз, мы тем самым спрашиваем об условиях возможности противоречия, точнее, об условиях, при которых противоречивое изымается из открытых смысловых горизонтов и синтезируется в качестве единства. Тогда вопрос звучит так: как возникает единство, охватывающее нечто внутренне противоречивое, так что последнее предстает у него (или в нем) как единство, как «единое» противоречие. Что руководит ожиданиями, управляющими этим? Лишь за счет такого мощного требования единства различное, противоположное, конкурирующее складывается в противоречие, лишь противоречие делает то, что в него включено, противоречащим чему-либо. Таким образом, здесь мы также придержи-

⁷ Ср. подробнее: *Luhmann N. Über die Funktion der Negation in sinnkonstituierenden Systemen // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 3. Opladen, 1981. S. 35—49.*

наемся самореферентной, аутопойетической концепции: противоречие само производит то, из чего оно состоит, то, что противоречит, причем из -материалов, которые сами по себе могут существовать без противоречий. Что же, невзирая на это, стягивает их в единство? Что принуждает их, несмотря на это, выступать как противоречие? Более точный анализ возникновения единства в системах (включая единство самой системы и единство ее элементов) приводит к такому же результату. Всякое единство есть единство самореференции и инореференции, т. е. оно конституируется парадоксально. Вслед за Г. Бейтсоном, Э. Уилденом и И. Барелем это можно свести к «дигитализации» континуума⁸. Но при этом остается без ответа вопрос о том, какие особые условия высвечивают этот факт, т. е. выделяют его для внешнего наблюдения и для самонаблюдения как единство некоего противоречия.

Прежде чем заняться выяснением этого вопроса, следует составить представление о подобающей логике. Под нею можно понимать систему правил, обуславливающих⁹ конституцию противоречий. Соответственно, позитивным образом логики, состоящим в обеспечении непротиворечивости мышления, в таком случае был бы негатив ее функции — так сказать, необходимый побочный продукт на пути реализации ее функции обуславливания противоречий¹⁰. В таком случае выбор смысловых указаний и их соединение в противоречия не отданы произволу, а подчинены условиям, которые, со своей стороны, могут быть систематизированы для единообразного использования. Таким образом, логика не должна сразу же искоренять противоречия, а должна прежде всего предписывать формы их образования и распознавания. При этом всегда можно проделывать предварительную работу по отбору смысловых указаний и их конденсации в противоречие; но лишь если эти предпосылки унифицированы по форме, то можно прибегнуть к логическому обуславливанию прежде всего основным законом — законом непротиворечивости. Форма противоречия следует лишь из совокупности ее

⁸ Ср.: *Barel, a. a. O. P. 79 f. См. также: P. 74 f.*

⁹ Обуславливание употребляется здесь в системно-теоретическом смысле, введенном выше.

¹⁰ Здесь могут найти основания исследования по социологии логического знания, инициированные в: *Baldamus W. Zur Soziologie der formalen Logik // IColner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Wissenssoziologie, Sonderheft 22 / Hrsg. N. Stehr, V. Meja. Opladen, 1981. S. 464—477.* Предпосылкой выступает вариация потребности в противоречиях вместе с общественными изменениями, и то, что поэтому после возникновения системы современного общества в 1800 г. классической логики уже было недостаточно.

476

477

применений в логике. Ее не нужно задавать аисторически; можно; считать, что она варьируется вместе со способом ее общественного' употребления.

Таким образом, мы должны опираться на распознавательные услуги логики, не полагаясь на них. Основным остается вопрос о том, как конституируется то самое единство, которое потом в соответствии с логическими условиями может быть однозначно противоречивым либо непротиворечивым. На этот счет есть разные ответы в зависимости от того, идет речь о психических или о социальных системах. Все дальнейшее зависит от этого различия — что и отделяет нас от концепции, развертываемой в гегелевской феноменологии духа".

В психических системах образование единства оперативно идет через сознание, в социальных системах — через коммуникацию. Только в психических системах единство противоречия состоит в том, что противоречивое в невозможности¹² своего состава в то же время осознается и рефлексивируется как «чистое» сознание. Сознание может (но это остается предметом оперативного выбора) справиться с противоречием благодаря тому, что оно приписывает его самому себе и на этом основании контролирует свое отношение к реальности. В таком случае оно специализируется на приросте познания классического стиля. Между тем известны и многие другие возможности усвоения противоречий, в том числе — их «экстерна-лизация».

Способ обращения с противоречиями, связанный с сознанием (сознательный либо бессознательный), нельзя переносить на социальные системы и на отношения господства/подчинения, так как различия и даже противоположности в содержании сознания разных психических систем еще не есть противоречия. Они не есть противоречия, даже если воспринимаются затронутыми лицами как различия или противоположности. Они становятся противоречием

¹¹ Намерению от-дифференцировать «духовные» и «социальные» противоречия, выходя за пределы Гегеля, следует и: *Elster J. Logik und Gesellschaft: Widersprüche und mögliche Welten. Frankfurt, 1981.* Исследования Элстера все-таки пробуксовывают, так как нет удовлетворительной предшествующей теории социального. Философы, занимающиеся Гегелем, также зачастую не готовы строго ограничить сознание областью его эмпирического обнаружения, а именно психическими системами; в таком случае невозможно четко артикулироваться и различие, которое нам важно.

¹² И здесь то же самое: чего бы ни требовала логика как условий невозможности! — условий, которые с их стороны не следует мыслить одновременно.

478

лишь тогда, когда на этом основании психическая система ждет от себя самой несовместимого (например, господин нанимает слугу и рассчитывает на его уважение¹³). Однако и тогда речь еще не идет о социальном противоречии, а лишь о психическом: о противоречивом сознании.

Социальные системы существуют как коммуникативные, поэтому создают противоречия коммуникацией об отклонениях. Это тоже может происходить под контролем логики. Безусловно, каким-то образом должно быть ясно, противоречит сообщенное «нет» ожиданию или лишь профилирует его. Насколько сформирована как наука логика, применимая здесь, — вопрос исторический. В связи с этим прежде всего важен предыдущий тезис об исключительно коммуникативном (но тогда более или менее провокационном для сознания) существовании противоречий социальной системы. Это также означает, что противоречия включены в коммуникативную самореференцию социальных систем; что их следует понимать как момент этой самореференции, а не как атаку извне.

Коммуникация осуществляет единство (и тем самым возможное противоречие) благодаря тому, что она интегрирует тройной отбор¹⁴. Информация, сообщение и понимание (с принятием или без) практикуются как единство, сколь бы разными ни были и ни оставались содержания сознания участников и их горизонты отбора. Даже при самой плотной коммуникации верно, что никто не видит другого насквозь, и все-таки коммуникация создает необходимую прозрачность для присоединяющегося поведения. Социальная система конституирует значимые для нее противоречия при помощи данного единства коммуникации. Их синтез высвечивает невозможность их сосуществования. Лишь чрезмерное требование единства коммуникации конституирует противоречие путем выбора того, что объединяет это требование. Противоречие возникает в результате того, что оно коммуницируется.

Это может происходить открыто и провокационно, путем выбора коммуникационной формы противоречия. Она вбирает в себя (уже осуществленное или ожидаемое) контрарное высказывание и противоречит ему. Таким образом, противоречие не есть лишь противопоставляемое самому себе высказывание. Противопоставление

¹³ В таком случае еще одним историческим вопросом будет вопрос о возможности логики сообщения хозяину, что это есть противоречие. Во всяком случае, после Французской революции такая логика возможна на основе смысла, позволяющего стилизовать найм и уважение как несовместимые.

¹⁴ Подробнее об этом см. выше, гл. 4, II.

479

себя может совершаться не по ошибке (особая изысканность в избежании противоречия может состоять в допущении его возникновения без декларации противоречия). Оно становится противоречием лишь в том случае, если включает в себя коммуникацию, несовместимую с ним (а не просто смысл, отклоненный тем самым!).

Наряду с этим есть коммуникативные противоречия, относящиеся не к противоречивой коммуникации

другого, а к противоречию в коммуникативных намерениях сообщающего. Противоречат не другому, а себе. В таком случае речь идет не о разнице между Alter и Ego, включенной в коммуникацию, а о противоречии в своих намерениях у Alter. Пример — ироническая коммуникация. Здесь содержание коммуникации опровергается ее формой. Думают о чем-то, но думают не всерьез. Такие возможности широко распространены: коммуницируют, давая понять, что высказывание не следует воспринимать буквально — с явным преувеличением или подчеркнуто вежливо. Например, кого-то приглашают не указывая времени (и даже лишая возможности сразу или потом уточнить время), тем самым давая понять, что его, во всяком случае сейчас, не приглашают. Вообще коммуникация по поводу планов, искренности, доброй воли полна таких противоречий. Чем ярче намерение коммуникации, тем больше сомнений.

Причину этого можно прояснить при помощи нашего понятия коммуникации¹⁵. Тот, кто сообщает о своих намерениях, придает им статус информации об избирательном событии, которое могло бы совершиться так или иначе. В то же время он дает понять (чаще всего непреднамеренно, но неизбежно), что боится сомнений и надеется их устранить. Он публично оценивает партнера и там самым вводит его в сомнение, которого у него, наверное, не было. Так начинается коммуникация, слегка подпорченная противоречиями. На этом уровне необходимо отражать допущения, но как раз из-за этого собственную позицию все больше и больше вводят в противоречии с тем, что хотели бы сообщить.

Точно так же, как в противоречиях сознания, в коммуникативных противоречиях самореференция является контрольным условием и тем самым предпосылкой начала логических операций. Только если противоречие может конституироваться самореферентно, то можно решать, должно что-то произойти или нет. Лишь тогда генерирование противоречий можно поставить под контроль, осуществляемый психически, социально или согласно общим правилам логики.

¹⁵ Еще раз ср. гл. 4, II.

480

Наряду с психо-логикой, которая разрабатывается с точки зрения того, что психические системы пытаются избегать когнитивных противоречий¹⁶, можно, следовательно, подумать о коммуникативной логике, следящей, чтобы единство коммуникации не противоречило себе. В XVI и XVII вв. такими исследованиями занимались в основном в сочинениях в помощь правителям и в трактатах о светской беседе. Их темой было избегание открытых противоречий и самодисциплина в коммуникации, содействующая им¹⁷. Сюда входил запрет насмешек (в адрес других)¹⁸ и невысказывание слишком сильной заинтересованности (у других есть возможность держаться своего мнения)¹⁹, от грубой лести и похвал (раскрывающих намерения)²⁰. В литературе о страстной любви много высказываний с парадоксальной коммуникацией, означающей противоположное тому, что она притворяется выразить²¹, и в качестве таковой использоваться одной или обеими сторонами. Однако поначалу все это было представлено лишь как казуистика и, таким образом, вытеснено на обочину развитием профессиональной психологией. Лишь недавно вновь возник интерес к коммуникативным противоречиям, причем сейчас эта тема эксплицитно относится к проблемам логики²². Однако такие исследования направлены в первую очередь на последствия для психических систем и на социальные проблемы, возникшие

¹⁶ См. в основном: *Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanston III.; White Plains New York, 1957 с учетом множества последующих исследований.

¹⁷ Ср., напр.: *Charron P. De la sagesse* II, ch. IX, § 16; цит. по: *Toutes les (Euvres de Pierre Charron*. Paris, 1635; переиздано: Genf, 1970; *Buffier C. Traite de la societe civile: el du moyen de se rendre heureux, en contribuant au bonheur des persormes avec qui Ton vit*. Paris, 1726. II. P. 91 ff. — Эти темы вновь рассмотрены в: *Theodorson G. A. The Function of Hostility in Small Groups // The Journal of Social Psychology* 56 (1962). P. 57—66.

¹⁸ См., напр.: *Faret N. L'honnete ou l'art de plaire a la Cour*. Paris, 1630; переиздано: Paris, 1925. P. 81 ff.; *Thomasius Ch. Kurtzer Entwurff der politischen Klugheit*. Frankfurt; Leipzig, 1710; переиздано: Frankfurt, 1971. S. 133 f.

¹⁹ *Charron*, a. a. O. § 9.

²⁰ *Besset Ch. G. Schmiede deB Politischen Gluks*. Frankfurt, 1673. S. 55 ff; *Buffier*, a.a.O. S. 188ff.

²¹ В качестве литературного оформления этой темы ср.: *Lettres portu-gaises von Guilleragues* (1669) или: *Crebillon C. (fils), Lettres de la Marquise de M. au Comte de R.* (1732), цит. по изданию: Paris, 1970.

²² Особенно в: *Bateson G. Steps to an Ecology of Mind*. San Francisco, 1972, в немецком переводе: *Bateson G. Okologie des Geistes*. Frankfurt, 1981. Ср. также: *Wilden A. System and Structure: Essays in Communication and Exchange*. 2 ed. London, 1980.

16 Чак. №4161

481

отсюда. Они обеспечивают достойную связь с психиатрическими исследованиями, но при этом упускают ряд проблем, которые следовало бы решить еще в логике коммуникации.

Учитывая существующие неясности, было бы и неприемлемо для социологии подменять различие

психической и социальной системы различием парадоксальной (обременяющей психику) и открытой коммуникации, обнаруживающей конфликты. Это предпочитают прежде всего терапевтические практики. Однако с точки зрения социологии открытый конфликт и психическая деструкция являются, скорее, второстепенными явлениями, впрочем, отнюдь не исключаящими друг друга. Удовлетворительная теория возможна лишь после уточненного анализа проблемы противоречивой коммуникации.

IV

Противоречия артикулируют самореференцию, и, таким образом, они есть ее специфические формы. Их функция заключается в сохранении, даже в выделении единства формы смысловой связи; не в усилении, а, наоборот, в ликвидации надежности ожиданий, обычно связанной с этим. Противоречия дестабилизируют систему, что видно по ненадежности ожиданий. Ожидание двух направлений приводит к несовместимости; и непонятно, какое из них сбудется. Неясно, удастся обеспечить ожидаемый сбыт по определенной цене или нет; поймают в пьяном виде за рулем или нет; победит на выборах своя партия или нет — и все это в конечном итоге потому, что здесь затронуты противоречивые ожидания.

Однако следует остерегаться распространенной ошибки, состоящей в том, что дестабилизация как таковая уже дисфункциональна. Комплексные системы, чтобы все время реагировать на себя и свой окружающий мир, нуждаются, скорее, в высокой степени нестабильности и должны непрерывно воспроизводить ее — например, в форме постоянно меняющихся цен; в форме права, которое можно ставить под сомнение и даже менять; в форме браков, которые всегда можно расторгнуть. В таком случае нельзя полагать, что все остается как есть, а необходимо все время создавать новую надежность ожиданий, т. е. проверять происходящее на предмет информации по поддержке или изменению структур ожиданий. Проезжая мимо автозаправочных станций, почти автоматически смотрят на щиты с ценами; точно так же ненадежен и авторитет правительства — в газетах пишут о колебаниях его популярности, и лишь одно несомненно:

482

что это не есть раз и навсегда постоянная величина, независимая от событий.

О нестабильности следует говорить с учетом *ненадежности присоединения* событий. Таким образом, речь идет не просто об отсутствии стабильных структур и не об абстрактно допустимой ненадежности ожидания, которую можно представить себе в любом количестве. Скорее, понятие относится к аутопойетической репродукции системы и подразумевает, что коды или программы, действующие здесь, не точно определяют происходящее. Как уже обозначено выше, это, в известных пределах, есть требование самой репродукции, характера новизны событий, темпоральности системы. В связи с этим противоречия можно рассматривать как специальные устройства для соединения ненадежности; они вселяют неуверенность, так сказать, целенаправленно — и в анализе, специально ориентированном на это, и в противоречивой коммуникации. Противоречия артикулируют контингентности, лежащие в основе системы в качестве двойной контингентности, в направлении поведения присоединения. Возможности, находящиеся в поле зрения, выстраиваются в направлении не действительности, а невозможности. Это опять-таки приводит к тому, что репродукция должна заниматься невозможностью репродукции: система реагирует не на ту или иную взаимно исключаящую возможность, а на само поведение присоединения.

Поэтому противоречия часто считают стартерами системного движения или даже приводами диалектического развития. Однако их отношение ко времени заложено глубже — оно всегда уже дано, если актуализируют противоречия, и в конечном итоге восходит к темпорализации комплексности посредством постоянно исчезающих временных элементов. Вспомним о Ромео и Джульетте, которым нельзя оставаться на балконе, — возникает острое противоречие между возможностями, на которые они надеются, которых должны желать, осуществлять, избегать. Противоречие является, видимо, одной из форм реализации ситуаций, самостоятельно прекращающихся, чтобы все-таки обеспечить присоединения. Благодаря этому гарантируется репродукция, обеспечивается высокая чувствительность, актуализируется будущее — но как раз в семантической форме, согласно которой выбор одной из взаимно исключаящихся возможностей не бесспорен.

Такую позицию и функцию противоречий можно прояснить далее, используя строгое понятие аутопойесиса. Это понятие лишь утверждает, что саморепродукция на основе нестабильных элементов является необходимой, если только система не должна прекра-

483

тить свое существование. Тогда саморепродукция выступает, со своей стороны, предпосылкой эволюции. Понятие еще не дает указаний на структуры системы, оно не содержит каких-либо ограничений (давления) в отношении возможного образования структур²³, хотя, конечно, всякая конкретная репродукция предполагает какие-то структурные ограничения. Противоречия, подрывающие структуры и в какой-то момент подставляющие на их место себя, тем самым сохраняют аутопойетическую репродукцию, обеспечивают присоединенное действие, хотя неясно, какие ожидания имеют силу. Иначе говоря, противоречия можно включить в систему, потому что есть такое различие между саморепродукцией и структурой, между действием и ожиданием. Тем самым мы не возвращаемся к бессодержательной максиме самосохранения. Аутопойесис — это не просто новое слово о бытии и жизни. Точные ограничения условий возможности вытекают прежде всего из того, что следует учитывать время²⁴. Система должна сохранять не просто «себя», но и свои «существенные переменные» (Эшби), к ним относятся: взаимопроникновение распада и репродукции, способность самонаблюдения (способность распознавания), далее, все, обеспечивающее необходимую скорость непрерывной саморепродукции при постоянно исчезающих элементах, и тогда в рамках данной функции — структуры, обеспечивающие присоединения. Кроме того, необходима *соответствующая* структура со всеми ее исторически обусловленными случайностями, потому что служит матрицей обнаружения помех. Противоречия обладают свойствами, содействующими развитию *иммунной системы* тем, что делают возможным, но не необходимым устранение отклонений. Иммунная система должна быть совместима с саморепродукцией в меняющихся условиях. Она не просто механизм коррекции отклонений и восстановления status quo ante*; она должна использовать эту функцию избирательно — совмещая ее с принятием полезных изменений. Иммунная система не безусловно сохраняет поврежденные структуры, — для своей работы, т. е. распознавания противоречий, она требует структуры и ограничения.

²³ В соответствующей литературе это выражается различием «организации» и «структуры». Ср., напр.: Maturana H. R. Autopoiesis // Auto-poiesis: A Theory of Living Organization / Ed. M. Zeleny. New York, 1981 P. 21—33(24).

²⁴ Ср. гл. 1,111.

* Положение, которое было прежде (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*

484

Уже на уровне органической жизни для этой функции следует предположить способность к обучению и клеточную «память»²⁵. С помощью памяти первичные инциденты обеспечивают системную связь. Это приводит к направленной сенсibiliзации системы. В случае повторения инцидента система может реагировать усиленно, специфично и ускоренно. Таким путем при обучающем приспособлении могут быть отфильтрованы более вероятные (с точки зрения повторения) помехи, а более невероятные отделены как «случайности». Способ узнавания совершенствуется, не требуя «анализа» помех и их причин. Можно избежать тотального уничтожения всего «чужого», а существенные структуры и функции спасти от весьма вероятного разрушения.

Такой функциональный контекст иммунной системы позволяет прежде всего объяснить функции противоречий в социальных системах. Они служат репродукции системы путем необходимого воспроизводства нестабильностей, способных (но не обязанных) использовать иммунную систему. Однако эта общая функция дестабилизации столь же мало объясняет особо заостренный характер противоречия, как и то, почему дело доходит до конфликтов²⁶. Противоречие, подобно боли, по-видимому, требует реакции на себя и упрямо побуждает к ней. Для присоединения не нужно знать, что противоречит привычному, или пытаться узнать, что это такое само по себе; ни даже признавать правоту самого противоречия. Противоречие есть форма, позволяющая *реагировать без познания*. Ему достаточно характеристики, состоящей в том, что нечто укладывается в семантическую фигуру противоречия. Именно поэтому можно говорить об иммунной системе и отнести учение о противоречиях к иммунологии; ибо и иммунные системы оперируют без познания, без знания окружающего мира, без анализа мешающих факторов лишь на основе чистой констатации инородности.

Это и есть тот краткий путь, который всегда давал импульсы социологии. Например, ей важно выяснить, почему преступники совершают свои деяния (даже без юридических признаков состава преступления), почему неудачники неудачливы, почему протестуют протестующие. Тем самым социология насыщает иммунную систему общества удивительно непоследовательными когнитивными запросами познавая затем, общество как противоречие таким запро-

²⁵ Ср., напр.: Cooper E. L. Devolution de l'immunité // La Recherche 103 (1979). P. 824—833(824).

²⁶ В этом отношении и мои разработки требуют дополнения. См.: *Luhmann N. Konflikt und Recht // Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. I. Frankfurt, 1981. S. 92—112. 485*

сам и обслуживает его без должного познания, основываясь лишь на данном противоречии. Социологическая утопия живет за счет своей иммунной системы, несовместимой с иммунной системой общества. Так социология становится болезнью общества, а общество — болезнью социологии, если данная несовместимость теоретически не поставлена под контроль.

В любом случае иммунная защита не может быть обеспечена путем познания, лучшего знания; со своей стороны она может совершенствоваться лишь в направлении более высокой сложности, и сюда относится также более строгий контроль ею семантических ситуаций, которые, собственно, можно рассматривать как противоречия. Как всегда, существенно то, что развитие идет по пути сжатия ненадежности ожиданий в фигуру противоречия. Сжатая ненадежность становится в итоге чем-то почти надежным — должно что-то случиться для разрешения противоречия. С позиций логики можно было бы обратиться к «исключенному третьему» и уклониться от противоречия; но его семантическая форма требует, чтобы исключенное третье оставалось исключенным. Тем самым она канализирует поведение присоединения, не определяя его. Это может быть решением, которое своим обоснованием служит структурному развитию, или конфликтом, выполняющим ту же функцию через поражения и победы. В каждом случае, по-видимому, справедливо, что концентрированная нестабильность уже не есть таковая, что она является по крайней мере ясным сигналом, включающим внимание, готовность к коммуникации, а также чувствительность к случайностям, усиленную в данный момент.

Принятие данного тезиса означает, что противоречия не могут быть однозначно локализованы в системе. Их нельзя привязать к тому или иному представлению, они не являются чем-то «плохим», которое следует отделить от «хорошего». Противоречия служат сигналами тревоги²⁷, циркулирующими в системе, и могут быть активированы всюду при заданных условиях. Если желают позиционировать их как нечто определенное, то с помощью данной функции. Они служат иммунной системой в системе. Это требует высокой мобильности, постоянной готовности к работе, окказиональной активируемости, универсальной применимости и поэтому конституция их единства должна относиться к операциям, гарантирующим

Схожая формулировка, хотя лишь в форме метафоры без анализа имеется в: *Galtung J. Funktionalismus auf neue Art Galtung J. Methodologie und Ideologie, Aufsätze zur Methodologie. Frankfurt, 1978. S. 177—216(201)*

486

аутопоэтическое единство системы, — к сознанию или коммуникации.

Можно* представить себе, что иммунная система состоит из «несчастий» системы, из символов отклонения, находящихся в (относительно) свободном распоряжении, но использование которых может быть обусловлено как мир «нет» относительно мира «да». Обычно ждут принятия предложений отбора, иначе они не вошли бы в коммуникацию. Однако этому всегда сопутствует, пусть и маргинально, возможность отклонения. Система реализует иммунитет *не против отказа, а с его помощью*; она защищается *не от изменений, а при помощи изменений* от застывших и уже неадекватных окружающему миру моделей поведения. Иммунная система защищает не структуру, а аутопоэзис, закрытую саморепродукцию системы. Или, пользуясь старым различием, негация спасает от аннигиляции.

Сравнение с иммунной системой организмов приводит к потребности в иммунологической логике, в которую мы здесь не можем больше вдаваться. Имеется в виду не только метафорическое, но и функциональное сравнение с иммунной системой организмов. Вместе с тем его невозможно перетолковать в смысле пресловутой организменной аналогии²⁸. Прежде всего логика социальных систем не может, подобно иммунной системе организма, относиться еще и к стабильности пространственной связи, гарантированной формой. Безусловно, что и аутопоэзис при переходе от органических систем к социальным приобретает иной смысл — он обеспечивает здесь не непрерывность жизни, а способность действий к присоединению. Однако как это конкретно выглядит?

В качестве самореферентной артикуляции противоречия всегда предполагают отношение структуры и элемента (события). При этом структуры и события нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, нельзя проверять их на противоречивость и непротиворечивость по отдельности. Это исключает теории, допускающие «структурные противоречия» в смысле структур, относительно постоянных во времени и содержащих противоречие и, так сказать, обязанных ему своим постоянством и перманентным влиянием. Структурные противоречия существуют лишь для наблюдателя системы (включая ее самонаблюдение), так как лишь наблюдатель способен вводить

различия и с их помощью устанавливать противоречия. Для наблюдателя противоречие становится актуальным в качестве события каждой отдельной системы. Без такой актуализации противоречие

²⁸ Ср. введение, с. 25—26 данного издания.

487

в смысловых системах не имеет какой-либо реальности, а именно какого-либо значения и, тем более, какой-то сторожевой функции.

Точно так же исключается тезис о невозможности противоречивых событий и о том, что мир (как логически безупречное творение и сколь бы ни был он таковым) якобы их не допускает. Напротив, противоречия вообще реально возможны лишь как события, ибо в темпорализованных системах нет никаких иных основ реальности, кроме событий, произведенных в самой системе²⁹. Изъясняясь несколько фамильярно-разговорно, можно сказать: так как события все равно исчезают тут же, едва возникнув, нет ничего страшного в том, что они принимают форму противоречия; они и без того предопределены к саморазрушению, и именно в этом заключается их вклад в саморепродукцию системы. При исключении этих двух тезисов — о чисто структурном противоречии и о невозможности противоречивых событий — проступает смысл и цель тезиса о том, что противоречие есть артикуляция самореференции. Противоречия осуществляются лишь во взаимодействии структуры и события. Они предполагают структурное опосредование самореференции события. Лишь благодаря переадресации их смысла через иное структурированное событие, событие может стать противоречивым. В неструктурированных условиях было бы невозможно ни контрадикторное противоречие, ни ирония, ни парадоксализация, ни коммуникация о намерении с учетом встречных сообщений о сомнениях именно в этом намерении. Все формы противоречивой коммуникации идут через смысл, специально выбранный для этого, и данный выбор ориентируется на структурный отбор социальной системы. Таким образом, ясно, как именно противоречие выполняет свою охранительную, сторожевую функцию. *Оно на миг разрушает общую претензию системы быть упорядоченной, редуцированной комплексностью.* Тогда на миг воскрешается неопределенная комплексность, становится все возможно³⁰. *Но в то лее время у противоречия хватают формы, чтобы все-таки обеспечить способность к присоединению смысла в коммуникативном процессе.* Однако репродукция системы идет уже по иному пути³¹. Смысловые формы

²⁹ Наверное, не нужно постоянно повторять, что это предполагает окружающий мир системы.

³⁰ Разумеется, по этой причине логики стремятся исключать противоречия — они знают, что мир не может существовать как нечто произвольное.

³¹ В этом также состоит основание проводить осмысленное различие между стабильностью структуры и репродукции. Представители концепции аутопойесиса аналогичном образом проводят различие между «струк-

488

начинают казаться противоречивыми, что настораживает. Но *ауто-пойесис* системы все-таки *не прерывается*. Он продолжается. Данная предварительная формулировка является заслугой гегелевской концепции «диалектики».

Таким образом, противоречие сигнализирует, что контакт может прерваться, — вот в чем его функция. Социальная система может прекратиться. В таком случае на действие уже не последовало бы действия. Однако сам сигнал дается в условном наклонении, а для всей общественной системы — даже как нечто нереальное. Сам сигнал лишь предупреждает, лишь мигает, он является лишь событием — и поэтому вызывает соответствующее действие.

V

Для некоторого прояснения абстрактного и непривычного понятия социальных иммунных приспособлений нужно включить в данную главу раздел, скомпонованный с учетом социальной системы общества. Следовательно, из всей сферы социальной иммунологии рассматривается только одна вырезка. Тезис, который нужно здесь представить, гласит: система права служит иммунной системой общественной организации. Тем самым не утверждается, что право может быть понято лишь на основе данной функции. Оно создает также (и главным образом) надежность поведенческих ожиданий, не подразумеваемых само собой. Однако данная функция генерализации ожиданий из-за рискованных поведенческих ожиданий, по-видимому, связана с иммунной системой общества. Надежность, обеспеченная правом (не фактически достижимых состояний, а, пожалуй, своего ожидаемого), основывается именно на том, что коммуницирование ожиданий продолжает функционировать и в случае противоречия, пусть даже со сдвигом по отношению к нормальному способу коммуникации, с другими параметрами присоединения.

Эта связь права и иммунной системы видна отчетливее, если учесть, что право создается в *предвосхищении возможных конфлик-*

турой» (и круговой) «организацией». Ср. выше, прим. 23. «Организация» есть форма репродуктивного

единства системы, есть система *как единство*; ее прекращение было бы распадом системы. От этого следует отличать структурные формы, обеспечивающие определенный тип системы, т. е. канализирующие репродукцию в определенный тип; они могут, например, в отличие от собственно аутопойетической организации, быть более или менее важными для наблюдателя и понимаемы им более или менее абстрактно. 489

тов. Перспектива конфликта вырисовывает из массовых повседневных ожиданий те, что оправдываются в случае конфликта. Данная оправдательная перспектива ассоциируется с нормативностью ожиданий и подчиняется схеме правомерно/неправомерно, т. е. включается в заверченный универсум, в котором есть лишь два взаимоисключающих значения. На основании данной схемы опыт конфликтов может быть обобщен, предвосхищен и, таким образом, приведен к форме, в которой дело доходит до конфликтов на уровне интеракции лишь как исключение, даже если возникают ожидания, которые сами по себе весьма невероятны. Все прежние правовые порядки складывались в данной перспективе как предварительное разрешение возможных конфликтов. Лишь в современном обществе всеобщего благоденствия право начинает, так сказать, «обгонять» само себя — для предварительного решения конфликта вводятся новые условия, о которых никто бы не подумал, не будь на то права; и ожидания, следующие отсюда, объявляются правом³².

Правовая система начинает функционировать, все время действуя по схеме право/неправо³³. Эта схема служит от-дифференциации специфического способа получения информации; во всяком случае, она не служит в первую очередь познанию действий, их объяснению или предсказанию. Хотя вместе с профессионализацией юридической обработки проблем такие титулы, как учение, познание, наука, и были использованы системой права, но когнитивные стремления в них служат исключительно созданию предпосылок принятия решений, и их собственная гордость заключается в том, чтобы не делать ничего иного, кроме этого. Функционально важным отличительным признаком действия права является свое решение вопроса о том, какие познавательные процессы ему требуются, причем принятие решения без процесса познания (запрет отказа в судопроизводстве) — уподобляет право иммунной системе. Познавательный процесс системы права занимается собственными сложностями.

³² Сюда можно добавить все споры о социальной инженерии, о засилье
Т^ИсДР¹П¹Т???: Luhmann N. Die Einheit des Rechts // Rechtstheorie 14 (1983). S. 129—154.

³³ Пожалуй, нет необходимости специально подчеркивать, что схема правомерно/неправомерно не обозначает какой-то границы системы — это означало бы, что всякое законное действие входит в систему права а в ее окружающем мире нет никаких законных действий, что *vice versa* (обратно, наоборот (*лат.*) — *Прим. отв. ред.*) верно и для неправовых действий.

490

В развитых обществах данная схема правого/неправого дополняется вторичной кодировкой разрешено/запрещено. Это также служит увеличению количества противоречий и точному управлению иммунными событиями — действия могут противоречить разрешению или запрету: разрешению, если они препятствуют разрешенной деятельности, и запрету — если, несмотря на это, они совершаются. В таком случае противоречие делает очевидным, что есть нарушение, подлежащее устранению. Выгоды, связанные с двойным кодированием, заключаются в технике уточнения и в облегчении изменений в иммунной системе. Благодаря двойному кодированию право можно отделить от морали и отдать его собственному управлению — можно запретить что-либо разрешать или запрещать, и наоборот. Тем самым широкая область морально нейтральных способов поведения подпадает под действие иммунной системы.

Этаблирование схемы правого/неправого и соответственно разрешенного/запрещенного не приводит к лучшему пониманию сущности действий (как полагала бы теория естественного права). Скорее, вводится модус переработки информации, функционирующий еще (и как раз) тогда, когда дело доходит до конфликтов. Право не служит избежанию конфликтов, оно даже приводит к непомерному расширению их возможностей — в правовых обществах конфликты не подавляются в отличие от обществ, основанных на интеракции³⁴. Право пытается избежать лишь насильственного разрешения конфликтов и обеспечить каждому из них подходящую форму коммуникации. Как только кто-то взывает к праву, материал коммуникации пересматривается. Признаются релевантными тексты, обсуждаются сходные случаи, тщательно рассматриваются мнения разнообразных инстанций, обращаются к вековому и даже тысячелетнему опыту — все это в надежде получить информацию, релевантную для данного конфликта и устойчивую к ним. Право служит продолжению коммуникации иными средствами. Оно адекватно обществу не только тогда, когда схватывает возникающие конфликты, но и прежде всего тогда, когда может

производить множество конфликтов, предоставляя достаточную для их разрешения собственную комплексность.

Функция права не есть забота о том, чтобы происходило как можно больше законных действий и как можно меньше незаконных. Это было бы просто, следовало бы лишь все разрешить. Нет также и речи о том (как думали представители естественного права), чтобы

³⁴ Ср.: Luhmann N. Konflikt und Recht, a. a. O.

491

реализовать естественный порядок вопреки свободной, развращен* ной человеческой воле. Тем не менее различие правомерного и неправомерного вводится не произвольно. Проблема заключается не в альтернативе признания естественно-связующего минимума порядка и полной произвольности. Условия использования схемы правого/неправого и отношение системы права к окружающему миру намного сложнее, чем позволяют предположить эти слишком простые варианты теории. Право должно выполнять функцию иммунной системы и предназначено этому. Поэтому система права автономна в использовании своей схемы правого/неправого. Однако с помощью данной схемы она должна, насколько это возможно, защищать аутопойесис коммуникативной системы общества от множества помех, которые эта система производит сама по себе. Система права должна предупреждать общество путем производства своих ненадежностей и нестабильностей и при этом, конечно, не может действовать «ошибочно», не может находиться вне ожидаемых проблем.

VI

Абстрактный тезис, постулируемый иммунной системой, оставляет открытым вопрос о том, для каких проблем нужна эта система, — фокусирование на обществе и праве не дает ответа. Давайте вновь вернемся на уровень общей теории социальных систем, чтобы заняться вопросом о том, в каких связях социальные системы используют иммунную логику своих противоречий. Однако в такой форме вопрос стоит, наверное, слишком обще. Абстрактно говоря, он относится ко всеобщей истории и любым социальным системам. Логическая форма противоречия проста по сравнению с необозримым количеством поводов активации потенциала противоречивой коммуникации. Поэтому мы рассмотрим лишь несколько позиций, между которыми следует допустить исторические взаимозависимости. Можно считать, что увеличение возможностей коммуникации увеличивает и вероятность конфликтов. Язык создает возможность отрицания и сокрытия конфликта ложью, обманом, ложными символами. Письменность и книгопечатанье исключают подавление конфликта, типичное для систем интеракции. В связи с этим дифференциация и спецификация символически генерализованных средств коммуникации настолько завышает требование приема коммуникации, что не будь встречных мер со стороны этих средств, ве-

492

роятность отклонения коммуникации была бы гораздо выше. Вытекающая отсюда вероятность невероятного обнаруживается в форме дифференциации специфических мотивов и нормализации конфликтов по поводу средств. Экономические институты собственности и денег оправдывают отказ от переплат; в случае денег оправдывают особо утонченно — каждый может тратить их как хочет, т. е. никто не может обосновать особые претензии именно на мои деньги, это возможно разве что на правовой основе. Аналогичное верно и для использования власти. Политизация власти централизует разрешение конфликтов и тем самым исключает возможность конфликта с тем, кто разрешает конфликты; это возможно разве что на правовой основе³⁵. В любви, где исключена опора на право, данная проблема доведена до крайности — код требует полного и безотказного участия в другом, так что любой конфликт означает конец любви. С истиной все наоборот — здесь код поддерживает универсальную значимость для всех (по крайней мере, код символизирует ее), но всякая коммуникация связана с критикой, значит, с отклонением, с конфликтом. Иначе ученые встречались бы лишь для славословия об уже известном. Любой прирост знания влечет за собой критику. Таким образом, проблема столь же парадоксальна, как и в любви, но, наоборот, правило, что истина общепризнанна, на оперативном уровне вынуждает *любую* коммуникацию принимать форму противоречия. Так как проблема парадоксальна, право как механизм компенсации здесь тоже приходится исключить. Эти разные формы обеспечения особых мотивов и нормализации конфликтов могут иметь место лишь в случае высокой дифференциации системы. Научные контрверзы не ведут к экономическим убыткам, а собственность и деньги не улучшают шансы в политическом конфликте. Примеры показывают, что эти препятствия не могут исключить все помехи и особенно ненадежны на уровне отдельных случаев и конфликтного поведения в интеракции. Однако на уровне дифференцированной системы общества это как раз не требует коллективных эффектов. Интерференции будут лишь ослаблять функциональную способность систем (т. е. в наших примерах — скорость и масштаб научного прогресса или соответственно демократизацию политики) и тем самым препятствовать переходу к иной форме дифференциации общества.

³⁵ «Правовое государство» с такой точки зрения означает, что власть имущий может использовать власть лишь

для осуществления законных

решений, но не для сохранения или воспроизводства самой власти.

493

Дополнительно к данной форме повышения вероятности невероятного существуют, по-видимому, общие формы усиления чувствительности иммунной системы, которые должны быть активированы, когда общественная коммуникация становится комплекснее; и данная комплексность должна быть обеспечена. Использование противоречий в коммуникации приводит к ожидаемым, т. е. к структурным, ненадежностям. Общество, создающее более высокую комплексность, должно, следовательно, найти формы создания и выдерживания структурных ненадежностей. Оно должно будет гарантировать себе собственный аутопойесис, можно сказать, по ту сторону своих структур, что, не в последнюю очередь, требует большего вовлечения временного измерения в производство и отработку противоречий³⁶.

Время есть множитель противоречий. Однако оно же действует успокаивающе и снимает противоречия. С одной стороны, совокупные намерения противоречат друг другу в расширенных горизонтах времени. С другой стороны, многое, что не могло бы происходить одновременно, может осуществляться последовательно. Таким образом, очевидно, что время относится к противоречиям противоречиво³⁷ — оно увеличивает и уменьшает их. Поэтому с помощью изменения временных горизонтов можно управлять тем, что возникает как противоречие, а что — исчезает. Точнее, противоречия возрастают, когда в настоящем учитывают будущее, — надо было копить резервы на всякий случай или ради большой цели, но этому противоречат сегодняшние желания. *Настоящее будущее* есть мультипликатор противоречий. *Будущие настоящие*, напротив, открывают возможность что-то отложить на потом. Одна временная перспектива давит, другая — снимает или хотя бы ослабляет напряжение. Настоящее будущее соблазняет, видимо, и к сверхте-

³⁶ Тем самым мы не касаемся, например, всего комплекса логики примитивных обществ — обширная дискуссия, которая должна возобновиться на основе разработанных здесь предпосылок. То, что «примитивные» могут мыслить логически так же, как и мы, сегодня признано с таким подозрительным единодушием, как будто речь идет о запрете европейского высокомерия, сомневающегося в способности колониальных народов вообще мыслить. Однако европейские ритуалы самоочищения вряд ли есть уместное начало для изучения структур примитивного мышления. Прежде чем вернуться к тезису о «дологическом» мышлении в примитивных обществах (вслед за: *Levy-Bruhl. La mentalité primitive. Paris, 1922*), необходимо выяснить социальную функцию логик.

³⁷ И это независимо (?) от вопроса, является ли само время противоречием, — вопроса, который как таковой не имеет социальной релевантности.

494
леологическим максимам, предлагающим высокий потенциал противоречий, — например, *emento mori**: не оставляй грехи без исповеди, экономь, всегда будь прилежен (индустриализм) и, с недавнего времени, бойся катастроф. Будущие настоящие стимулируют, скорее, к целенаправленному планированию, а именно к организации последовательностей, наиболее соответствующих ценностям. В одном случае ориентируются на позитивные или негативные утопии, в другом — ориентация носит, скорее, технологический характер³⁸.

Обе эти возможности рефлексивного темпорального модализирования даны не как альтернативы, каждую из которых можно было бы выбрать саму по себе. Они взаимно имплицитуют друг друга в единстве времени. Чисто технологическая перспектива будущих настоящих и последовательной отработки противоречий сама есть утопия. Наоборот, всякая утопическая перспектива будущего апеллирует к действиям, прямые и косвенные последствия которых относятся к будущим настоящим. Тем не менее обе перспективы можно аналитически разделить. Лишь так можно понять, как эти ориентации, а вместе с ними и производство сигналов тревоги о противоречии коррелируют с другими структурными признаками социальных систем.

Для теоретически развитых постановок вопроса типичен дефицит эмпирического знания. Чтобы показать, по крайней мере, возможности конкретизации, воспользуемся небольшими моделями. Можно было бы предположить, что устаревание определенного типа дифференциации общественной системы порождает ненадежность в отношении будущего, что приумножает противоречия. Становятся заметнее усилия по поддержанию порядка, их дефицит и дисфункции виднее на богатом опыте³⁹. Это верно для периода перехода от Средневековья к Новому времени, когда бег времени вообще воспринимался как распад, и, пожалуй, для наших дней,

³⁸ Подробнее об этом см.: *Luhmann N. The Future Cannot Begin // Luhmann N. The Differentiation of Society. New York, 1982. P. 271—288.*

³⁹ Соответствующая, но намного более абстрактно сформулированная модель мышления имеется в: *Galtung, a. a. O. P. 210 f.* Сюда можно было бы отнести и фигуру «спирали молчания» Э. Нолле-Нойман. Ср.: *Noelle-Neumann E. 1) Die Schweigespirale: Ober die Entstehung der öffentlichen Meinung ff Noelle-Neumann E. Öffentlichkeit als Bedrohung: Beiträge zur empirischen Kommunikationsforschung. Freiburg, 1977. S. 169—203; 2) Die Schweigespirale: Öffentliche Meinung, unsere soziale Haut. München, 1980.*

* Помни о смерти (лат.). — *Прим. пер,*
495

на которые приходится весь груз негативных последствий принцип па функциональной дифференциации. В таких ситуациях будущее вклинивается в настоящее; невозможно актуализировать *горизонт* будущего, что совсем не зависит от конкретно предусматриваемого течения событий. В этом смысле наше будущее есть разрушение возможностей жизни на земном шаре абсолютно независимо от того, станет ли оно когда-нибудь реальным настоящим; оно вызывает непрерывное противоречие. Его нельзя умиротворить технологически ссылками на предусматриваемое будущее настоящее, так как оно конституируется в иной модальности времени — не для будущего настоящего, а для настоящего будущего.

Противоположная картина должна в равной мере использовать обе модализации времени, но в ином сочетании. Она вероятна в эпохи, выдвигающие как раз новый принцип дифференциации системы. Когда видны результаты, их мысленно распространяют на будущее, как то имело место в Европе примерно с 1660 г. Тогда противоречия становятся проблемами, решаемыми постепенно. Время как множитель противоречий становится множителем проблем. Это приносит гораздо больше трудностей, так как прежние жизненные нужды разлагают технологиями решения проблем; но разложение также демонстрирует множество новых возможностей рекомбинации. Допускаемое на основании этого будущее настоящее оправдывает позитивную окраску настоящего будущего⁴⁰. Ненадежность схватывается путем расчета риска, подлежит предварительному учету, страхованию. Принцип «открытого будущего» обещает, по-видимому, продолжение успешного развития, которое примет квазиавтоматический характер при устранении обломков прежнего порядка (в данном случае — сословные структуры, партикуляризм, функционально неоправданное неравенство, власть). Сюда гонится оптимистическая версия теории противоречия Гальтунга⁴¹: позитивным считается все еще растущее, безразличное считается позитивным, поскольку не мешает, а с негативным можно мириться как с сиюми-

⁴⁰ В связи с этим следует учесть семантические успехи начиная с середины XVIII в. таких понятийных рядов, как репродукция, эволюция, развитие, прогресс, объединение которых в то же время показывает, что будущее прочитывается по рядам будущего настоящего.

⁴¹ *Galtung, a. a. O. P. 212 f.* — Правда, следуя за Гальтунгом, необходимо учесть, что он неверно позиционирует феномен «революции» в предметном и историческом плане. Этот феномен относится не к негативной, а к позитивной трактовке противоречий. Он не есть «открытие основного политического конфликта общества» (р. 210), ведущее в конечном итоге к революции, а представляет собой соскальзывание на волне

путной неизбежностью, *Utilitas filia temporis** — так это можно теперь назвать. И теперь лишь мораль может запретить то, что точно имеет вредные последствия.

В середине XVIII в. стало очевидно, что о ценности действия судит будущее, т. е. настоящее будущее, а именно польза. Это происходит в виде освобождения от запретов, унаследованных ограничений, исторического балласта. Действие считается хорошим «по природе». То, что побуждает к действию — самолюбие или интерес — понимается как природа и подвергается моральной оценке, как хорошее или дурное, лишь через последствия. Соответственно награда и кара теряют свою прямую связь с действием и тем самым свою справедливость; они могут быть оправданы лишь благодаря тому, что меняют человека (частное предостережение) или людей (общее предостережение)⁴². В устах просветителя это звучит вполне оптимистично. Однако не определяется ли тем самым природа человека и его деятельности противоречиво — как хорошая и плохая? И не сводится ли это в таком случае к требованию перманентного решения данного противоречия в ситуациях, в которых лишь будущее показывает, что произошло? Правда, материалисты, моралисты, утилитаристы, руссоисты называют эту природу опять-таки хорошей. Тем самым они подтверждают оптимизм по поводу совершенствования. Однако данный выход основан на очевидных теоретических ошибках. О «хорошем» речь идет на двух разных уровнях теории: в дизъюнкции «хорошо или плохо» и на метауровне природы. Внутри данной семантики еще какое-то время можно не соглашаться с тем, что в конечном итоге речь идет об увеличении противоречивых «восхитительнейших надежд» (так выразился один из немецких наблюдателей Французской революции) и растущего экономического благосостояния в ситуации, позволяющей устранить мнимые препятствия прогресса.

⁴² В подтверждение достаточно нескольких строк. Возьмем их наугад. В книге Ш. Дюкло «Рассуждения о

нравах нынешнего века» (*Duclos Ch. Considerations sur les mœurs de ce siècle* (1751), цит. по изданию: de Magny. Lausanne, 1970. P. 198 f.) говорится: «Так можно подумать, читая эти труды о морали, которые начинаются с предположения о том, что человек ничтожен и испорчен и не может создать ничего достойного. Этот способ столь же ложен, сколь и опасен. Люди одинаково способны на добро и зло, их можно исправлять, поскольку они могут развращаться, иными словами, к чему тогда наказывать, вознаграждать, воспитывать». И далее: «Люди полны самолюбия и привязаны к своим интересам. Будем исходить из этого. Предрасположенности людей сами по себе не порочны, они становятся хорошими или плохими через свои последствия».

* Польза — дочь времени (лат.). — Прим. пер.

497

чий и об усилении требований к принятию решений и ответственности за последствия. Однако будущее настоящее принимается в расчет, лишь когда оно является настоящим. До этого оно служит лишь экстраполяции настоящего будущего. С XIX в. в поле зрения волнообразно попадают последствия реализации принципа функциональной дифференциации в настоящем настоящем, прежде всего как следствие от-дифференциации экономической системы, особенно индустриализация. Здесь надеялись помочь диалектикой и дальнейшей революцией. Между тем приходится сталкиваться и с последствиями от-дифференциации политической системы (демократизация, государство всеобщего благоденствия) и системы воспитания (мораторий на зрелость, новые неравенства, демотивация). Сюда добавляются проблемы контроля технических возможностей, возникающих как следствие от-дифференциации научной системы⁴³. Справедливо ли сейчас, что *veritas filia temporis*? *

Во всяком случае, хватает структурных стимулов, чтобы превратить концепцию разрешимых проблем обратно в концепцию противоречий и насторожиться. Будущее служит, но семантикой уже не упадка, а катастроф мобилизации и коммуникации противоречия против настоящего. Если бы и вправду противоречие более или менее принудительно меняло отношения, то можно было бы предвидеть катастрофические реакции на опасность катастроф. Однако эта предпосылка все еще берется из арсенала закона диалектики. На деле связь между противоречием и структурными изменениями гораздо сложнее и пока не понята⁴⁴.

Чтобы будущему придать релевантность настоящего и в то же время наступающего последовательно, требуется выполнить перевод — временное следует перевести в предметное.

Значимую формулу тому усматривают в *исчислении издержек*. Понятие издержек $P/Jr^0 J^0 !fT^X To^{MeHee}$ известных точках зрения см.: *Parsons T.*,

ΛΛΛΛΛΛΛ_ΛΛΛ

~Ж?ΛΛ

hch-technischenZwilisation/Hrsg. R. Lowu. a. München, 1981. S. 113-III

⁴⁴ Этот вывод смягчается в; *Galtung*, а. а. О. и *Elster*, а. а. О. У Галь-тунга - путем рассмотрения большого количества противоречий и их комплексных связей, исключаящих линейную процессуальное™ диа^ек* тического развития; у Эльстера _ прежде всего за счет учета активных пе-ременных сознания и коммуникации

* *Veritas filia temporis* - истина-дочь времени (лат.). -Прим. пер.

498

обозначает определенную форму противоречия — нечто такое, чего не желают, но тем не менее на них сознательно идут. Издержки выполняют предостерегающую функцию, свойственную иммунной системе. Они сходны с иммунной системой и в том, что могут функционировать не *ad hoc*, а предусматривать систематизацию. Иначе говоря, они связаны с экстернализацией, чтобы снижать внутренние издержки.

Вместе с исчислением издержек выявляют и «уничтожают» негативные аспекты действий, так как на основании исчисления издержек действуют лишь в том случае, если кажется, что преимущества превосходят недостатки. Чем больше издержек можно учесть, чем с большей вероятностью можно учесть, например, издержки времени, психические издержки и (как в известном вычислении Паскаля) угрозу⁴⁵ покою души, тем лучше можно действовать против противоречий. В таком случае нужны лишь максимы решений. Например, издержки необходимо, как минимум, покрыть, из сопоставимых действий выбрать наименее затратные — тогда из области избираемых возможностей выпадет огромное число действий. Они представляются лишь как возможности, производятся, так сказать, лишь как антитела во избежание рисков, ради изоляции отрицательного.

В этом отношении бросаются в глаза и исторические тенденции, указывающие, что с начала Нового времени и особенно с XVIII в. усиливается радение о социальной иммунологии. Порой это выглядит как желание обеспечить интеграцию общества исчислением издержек (сегодня это называется «либерализмом»): якобы если каждый будет учитывать нагрузку от своей деятельности на себя и на остальных в форме издержек, то только тогда и станет возможным социально приемлемое действие⁴⁶. Однако с точки зрения настоящей теории здесь явно переоценивается функция иммунной системы общества.

Наконец, социальное измерение, как временное и предметное, и может быть множителем противоречий и, таким образом, служить выстраиванию социальной иммунной системы. Это происходит при помощи семантики *конкуренции*. Тем самым мы не случайно затронули тему конкуренции, развитие которой идет «рука об ру-

⁴⁵ В качестве версии, разработанной современными средствами, см.: *Lehner H., Meran G., Matter J. De statu corruptionis: Entscheidungslogische Einubungen in die Hohere Amoralitat. Konstanz, 1980.*

⁴⁶ И сейчас встречаются похожие воззрения. Ср., напр.: *Moles A. A., Rohmer E. Theorie des actes: Vers une ecologie des actions. Toumai, 1977. P. 43 ff., в частности p. 57.*

499

ку» с развитием современного общества, как и темы пользы, риска, вероятности.

г

О конкуренции можно говорить, если цели одной системы могут быть достигнуты лишь за счет целей другой. Конкуренция ,мо-жет возникать между психическими и/или социальными системами. Она всегда предстает как ситуация, в которой система видит, что реализация ее целей отнимает или уменьшает шансы других систем по достижению их целей. Понятие артикулирует социальное измерение смысла целей. Оно не предполагает, что конкурирующие системы сами вступают в интеракцию или участвуют в совокупной социальной системе иначе, нежели через все общество. Это может относиться, например, к ученикам в школьном классе, но не относится к обязательным понятийным признакам. Следовательно, понятие требует теории, способной различать социальное измерение и социальную систему⁴⁷. Конкуренция есть не особый тип социальных систем, а особый тип социального опыта (в крайнем случае, од-ной-единственной системы!).

Не все, что касается социального измерения и замечает переживания и действия других людей, уже есть конкуренция. Разные возможности конкурируют лишь тогда, когда вместе видят необходимость единства. Ситуации конкуренции наиболее отчетливы в условиях дефицита, т. е. в экономике. Если можно так выразиться, здесь единство доступно в децентрализованной форме — в любом благе, которое один может получать лишь за счет другого. В политической системе тезис единовластия в определенной сфере усиленно внедрялся лишь вместе с развитием государств Нового времени, а допуск конкуренции за эту власть в большем, нежели фактический, т. е. в институционализированном, смысле, тем более представляет собой искусственный продукт политического устройства. Весьма затруднительна конкуренция в сфере «духовного» — тема известного доклада К. Мангейма⁴⁸. Мангейм относит конкуренцию к «публичному толкованию бытия», но не объясняет, почему бытие можно толковать лишь публично⁴⁹. Как можно видеть сегодня, это

⁴⁷ Ср. выше, с. 156 данного издания.

⁴⁸ *Die Bedeutung der Konkurrenz im Gebiete des Geistigen. Verhandlungen des Sechsten Deutschen Soziologentages vom 17.—19. September 1928. Tubingen, 1929. S. 35—83, цит. по переизданию в: Meja V., Stehr N. Der Streit um die Wissenssoziologie. Frankfurt, 1982. Bd 1. S. 325—370.*

⁴⁹ Развитая позже *социология науки* уже не касалась этого и, по-видимому, потихоньку отказалась от претензии на единое публичное истолкование бытия наукой. Она обеспечивает конкуренцию лишь в *претензиях на оригинальность* (определяются первой публикацией), которые путем со-

500

тоже вопрос исторический⁵⁰. Между тем «плюрализм» легитимировал себя, включая все свои следствия, в том числе сравнение и теоретическую дискуссию. Соответственно, интеллектуальная атмосфера сделалась свободной от конкуренции. Каждый трудится над своей теорией и находит признание, если вообще находит его, не считая иные мысли других противоречием или даже вызовом. Семантика конкуренции будет убедительна лишь тогда, когда есть возможность ее продемонстрировать. В социально-структурном отношении это требует высокой от-дифференциации ситуаций конкуренции, что, в свою очередь, возможно опять-таки лишь если конкуренцию можно отличать от обмена и кооперации⁵¹. Люди, с которыми конкурируют, не те, с которыми кооперируются или вступают в обмен. Соответствующие социальные модели следует разделять и реализовывать отдельно⁵². Общественные секторы, наиболее подходящие для этого, — рыночная экономика и, словно по ее наущению, наука и политика — стали особенно важны для современного общества. В каждом случае здесь речь идет всегда лишь о дополнительной ориентации, а не о единственной основе для реализации функций. Прежде всего экономика наряду с конкуренцией усиливает

ответствующей тематики исследований могут быть как угодно децентрализованы и раздроблены. Ср., напр.: *Merton R. K. Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science* // *American Sociological Review* 22 (1957). P. 635—659; *Collins R. Competition and Social Control in Science* // *Sociology of Education* 41 (1968). P. 123—140; *Hagstrom W. O. Competition in Science* // *American Sociological Review* 39 (1974). P. 1—18. Проблемой (дисфункцией) считается угроза сокращения коммуникаций, а не тематики исследований.

⁵⁰ Углубляясь в анализ рассуждений К. Мангейма, можно было бы к четырем его типам — консенсус, монополизация, атомизация и концентрация — добавить пятый: плюрализацию, но так и не получить ясного представления о том единстве, которое заставляет воспринимать других как конкурентов.

⁵¹ К данной точке зрения привело прежде всего изучение малых групп. В качестве одного из таких содержательных исследований, ср., напр.: *Gross E. Social Integration and the Control of Competition* // *American Journal of Sociology* 67 (1961). P. 270—277; *Miller L. K., Hamblin R. L. Interdependence, Differential Rewarding, and Productivity* // *American Sociological Review* 28 (1963). P. 768—778; *Cottrell N. B. Means-Interdependence, Prior Acquaintance, and Emotional Tension During Cooperation and Subsequent Competition* // *Human Relations* 16 (1963). P. 249—262; *Julian J. W., Peny F. A. Cooperation Contrasted with Intra-Group and Inter-Group Competition* // *Sociometry* 30 (1967). P. 79—90.

⁵² Тем самым любая социальная теория, пытающаяся обойтись лишь одной из таких моделей — кооперацией, обменом или конкуренцией, — ставится под вопрос.

501

обмен и кооперацию производства. Чего следует ожидать от того, что *и конкуренция важна?* Традиционные высказывания в пользу конкуренции, как правило, связывают с установками или мотивами индивидуальной деятельности. Конкуренция якобы лишает надежности и стимулирует инициативу, мотивацию достижения, чувствительность к шансам. На нее смотрят как на инструмент побуждения, необходимости, преодоления инертности в той степени, в какой считают, что все зависит от индивидуума. Но и разочарование в этом принципе сформулировано давно — конкуренция препятствует коммуникации и кооперации (что мешает созданию предпосылок высокой от-диф-ференциации) и поэтому, скорее, сдерживает прогресс и приспособление; а результатом является окопная война без продвижения вперед⁵³.

Если перевести данную дискуссию в концепцию социальной иммунологии, представленную здесь, то, прежде всего, следует пересмотреть допущение о том, что наличие или отсутствие конкуренции есть наиболее общественно значимый структурный принцип, например принцип различения капиталистической и социалистической экономики⁵⁴. Речь не идет о системообразующей структуре, так как конкуренция не требует коммуникации между конкурентами. Она может генерировать системы, но лишь тогда, когда пре-

⁵³ Ср. на примере политики: *Lowi Th. Toward Functionalism in Political Science: The Case of Innovation in Party Systems* // *American Political Science Review* 57 (1963). P. 570—583; *Barber J. D. The Lawmakers: Recruitment and Adaptation to Legislative Life*. New Haven, 1965. P. 1 ff. Сегодня социология науки также приходит, скорее, к скептическим оценкам. См., напр.: *Sullivan D. Competition in Bio-Medical Science: Extent, Structure and Consequences* // *Sociology of Education* 48 (1975). P. 223—241.

⁵⁴ В какой из этих экономических систем больше конкуренции — открытый эмпирический вопрос. Следует вспомнить лишь о поисках дефицита и о неформальной приобретательской сущности социалистических экономик, чтобы заметить, насколько сильно дефицит при необходимой децентрализации процесса производства приводит к тому, чтобы «противоречия» принимали форму предвосхищающей конкуренции. В целом возникает впечатление, что иммунная система таких экономик на официальном уровне ориентирована темпорально, а на неофициальном уровне — социально. На уровне планирования речь идет о будущей максимизации прибыли, на уровне поведения предприятия — об укреплении своего «положения» среди других предприятий. «Официальное политическое принуждение обостряет именно это различие и исключает его из коммуникации. Ср.: *Masuch M. Dis sowjetische Entscheidungsweise: Ein Beitrag zur Theorie des realen Sozialismus* // *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozial-psychologie* 33 (1981). S. 642—667.

502

вращается в конфликт. Конкуренция лишь усиливает восприятие противоречий в каждой позиции тем, что воззрения и намерения других выражает как провоцирование своих, и наоборот. Это предполагает как средство операционализации семантику единства для связи разного в конкуренцию. Однако семантика единства появляется в поле зрения лишь тогда, когда того требует функция усиления противоречий. Действительным единством является единство аутопойетической репродукции системы и иммунизация репродукции ради ее непрерывания. Ни конкуренция, ни аутопойетическое существование не обязаны. Однако иммунная система может развивать, по крайней мере, формы, в которых *единство* системы продолжается как *саморепродукция*, и это даже в том случае, если будущее и конкуренты, польза и консенсус *остаются коммуникативно недостижимыми*.

Такие важные в XVIII и XIX вв. понятия общественного порядка, как польза, издержки и

конкуренция, сегодня часто ретроспективно клеймят как проявление гипертрофированного индивидуалистического либерализма. Во всяком случае, их можно релятивизировать с точки зрения переоценки экономических аспектов общественной жизни. Однако эти понятия послужили и расширению иммунной системы общества и ее распространению с права на экономику (либо на социальные отношения аналогичного устройства). С такой точки зрения этот путь учит, что рост комплексности общественной системы должен иметь следствия и для иммунной системы общества; соответственно должна расти чувствительность к помехам. Если эти формы встраивания чувствительности к помехам в индивидуальное действие сегодня критикуют, то критиков следовало бы побеспокоить вопросом о том, как, по их мнению, можно повысить иммунитет. Можно лишь догадываться, что за этим стоит безмерная и слепая вера в бюрократию. Однако именно бюрократия, как известно, есть система с низкой чувствительностью к помехам.

VII

Противоречия, полагаем мы, есть синтезы, конституированные в самой системе, есть обобщения моментов смысла с точки зрения их несовместимости. Конечно, синтез противоречий не может быть произвольным, но и не имеет жесткой онтологической детерминации; он связан и с иной конститутивной деятельностью системы. Например, пространство конституируется из того, что две разные вещи не могут в одно и то же время занимать одно и то же

503

место⁵⁵. Логика, когда она действует, также обуславливает конституцию противоречий, не позволяя им быть любыми. Однако и пространство, и логика синтезируют противоречия лишь во избежание их. Они представляют собой специальные устройства для отрицания противоречий. Социальным же системам противоречия нужны для их иммунной системы, для продолжения саморепродукции при затруднительных условиях. Поэтому вопрос стоит так; *достаточно ли противоречий производит для этого логика* (включая логику пространства). Иначе говоря, достаточно ли социальным системам логических противоречий, для выработки сигнала тревоги?

Эта проблема тоже решается путем образования структур. Она приводится к форме противоречий в ожиданиях. Ожидания могут противоречить друг другу логически, когда касаются свойств или способов поведения, невозможных для одного и того же объекта в одно и то же время. Такие как будто очевидные противоречия, разрешимые путем анализа, могут усиливаться при подключении временного измерения⁵⁶. Мы сказали, что время как усиливает, так и ослабляет противоречия. Этим пользуются. Несовместимости, способные возникать в ходе времени, относят обратно к настоящему. Невозможно быть в Лондоне и в Париже одновременно, но можно быть там последовательно. Если я сейчас еду в Лондон, то некоторое время не могу быть в Париже. Поэтому план поездки в Лондон и

⁵³ Отношение социальных систем к конституции пространства нуждается в связи с данной концепцией противоречия в уточнении. С одной стороны, социальным системам всегда уже предшествует реальная противоположность других систем, в том числе пространственный аутопойесис жизни (точно так же, как им предзадана необратимость времени). С другой стороны, их вклад состоит в представлении пространства как избежания противоречий, организованного в виде мест пространства. В связи с этим работа с противоречиями может быть декомпонирована — например, как четкая граница, по отношению к которой все находится либо с одной, либо с другой стороны и ничего нет одновременно с обеих сторон; или как расстояние между крайними точками, определяющее, что такое «ближе» и «дальше» для всего остального и устанавливающее при этом взаимоисключающие значения измерений (см. различие «отрезков» и «шкал» в: *Ogden C. K. Opposition, 1932*; переиздано: *Bloomington 1967. P. 58 ГГ.*). Однако прежде всего пространство выступает, по-видимому, основной моделью развития логики. Логике обучаются по пространству. Точно так же, как исключается постройка дома там, где он уже есть, не следует мыслить один дом с качествами другого. По мере расширения логики на непространственные отношения растут степени свободы и осуществления контроля в фиксации противоречий.

⁵⁶ Ср. выше, раздел VI о времени как множителе противоречий.

504

в Париж противоречив в настоящем, но разрешим со временем. Теперь, если времени мало, то потенциал разрешения противоречий падает, а потенциал их создания растет. Если я еду в Париж лишь после визита в Лондон, то проблема состоит в том, что я могу быть в Париже лишь в тот момент, когда уже должен быть дома. Таким образом, я должен отказаться от той или иной поездки — не устранять противоречие, а принимать решение.

Такие проблемы противоречий пространства/времени с XVIII в., со своей стороны, усиливаются и в то же время ослабляются — усиливаются ростом ожиданий поездок, а ослабляются увеличением скорости сообщения: в XVIII в. — благодаря улучшению дорог и экипажей, в XIX в. — благодаря строительству железных дорог, в XX в. — благодаря воздухоплаванию, а в XXI в. — наверное, благодаря замене поездок телекоммуникацией. Однако дефицит времени имеет много других следствий. При четком разграничении работы и досуга — организационное требование! — возникает нехватка рабочего и свободного времени. Бесконечность временного горизонта, ограниченного лишь неизвестной (всегда возможной) смертью, благодаря этой дифференциации заменяется двумя ограниченными и поэтому

уплотненными массивами времени. Рабочего времени не хватает, даже когда из-за тяжелого труда кажется, что оно тянется бесконечно, и когда от скуки каждые пару минут смотрят на часы. Свободного времени не хватает, даже если не знают, куда его девать. Дефицит основан на постоянстве суммы, следующей из дифференциации. Он предписан человеку дифференциацией системы и тем самым повышает чувствительность к противоречиям повседневной жизни.

Так как дефицит основан не на нехватке времени, а на ограниченности его отрезков, он совместим с весьма разным распределением нагрузок. Дефицит времени воспринимается менеджером иначе, чем рабочим, учителем — иначе, чем учеником. Даже при скрупулезном затушевывании всякого «господства» дефицит времени производит противоречия по схеме господин/слуга, а именно: наверху — поспешность, а внизу — скука и соответствующее противоречивое удвоение контингентности. Так как искусственные временные границы, измерения времени, сроки и часы относятся к повседневным очевидностям, то они уже не воспринимаются как произвол; противоречия несколько архаично относят к личностям и их группам, ведущим себя иначе, нежели того ожидают, исходя из собственного дефицита времени.

Дополнительно к данному усилению противоречий путем ограничений во времени, время увеличивает противоречия и тем, что

505

позволяет относить будущее обратно к настоящему и понимать его здесь как противоречие, хотя будущее пока еще вообще не актуально. Это происходит, в основном, путем анализа причин. Как бы вдоль причинных связей уже сейчас просматривается, что определенным действием или бездействием открывают либо закрывают для себя будущие возможности. Тем самым ограничивают господство актуальной ситуации над настоящим — приходится отказываться, откладывать удовольствия, экономить, учиться, несмотря на то что настоящее предлагает гораздо более заманчивые вещи. Однако следует вспомнить и о том, как XVIII в. — от Ричардсона до Руссо — гиперболизирует восприимчивость вместе со всеми осложнениями и тяжелыми последствиями для человека; есть примеры тому, что социальное измерение также можно использовать для усиления противоречивых чрезмерных амбиций — браки втроем и т. п. Как ни странно, именно рост противоречий во времени всегда считался рациональным, Уже в древней традиции обучения «пруденция» именно в этом смысле, относящемся ко времени, считалась существенным признаком рациональных субстанций — людей, а не животных. Со второй половины XVII в. такие перспективы весьма усиливаются, прежде всего за счет исчисления вероятности и подсчета рисков, что расширяет область причинных связей, считающихся надежными, и за счет придания универсализации легитимности полезными последствиями — точка зрения, прежде оставляемая низшим слоям. Будущее становится горизонтом конфликтных последствий действий. Побочные следствия, наступающие помимо желательных результатов, также по возможности следует просчитать заранее; для чего, собственно, и нужна моральная ответственность. В таком случае ответственность следует брать уже не только при «управлении интенцией» — с точки зрения «этики ответственности» она должна войти целиком в будущее⁵⁷. с LI¹¹?, Те_н/Де_рЦГ такого рода с точки зрения Вебера и Парсонса см. • Schluchter JK Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus: Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte. Tubingen, 1979. Впрочем, именно в связи с этим понятны замыслы вернуться к Веберу через Парсонса Ве бер больше, нежели Парсонс, разбирался в росте конфликтного потенциала современного рационализма. Ангажированному импрессионизму Вебе-ра не хватает лишь убедительной теории. Однако только глубокий теоретический анализ может пробудить сомнение, заслуживает ли вообще и чем ц22ьно^и^{Данная Техника оСОВременивания} противоречий титула ра-

506

Умножение противоречий можно считать если не рациональным, то все-таки функциональным, учитывая их сторожевую функцию в иммунной системе общества. Отсюда сразу же следует вопрос о том (и лишь после ответа на него мы можем говорить о рациональности), что же происходит по сигналу тревоги. Тревога не обязательно означает сразу а Farme*, но, спрашивается: что именно? Рациональные техники решений ведут, с учетом противоречий в оценках, не очень далеко. Так же и замены логического устранения противоречий — герменевтические прояснения смысла или дискурса об обоснованиях — помогают мало, если есть у всех, кто борется за что-либо в противоречии с иным, например за или против атомной энергии. Если принять, что нам нужно так много противоречий, потому что только так наше общество может предостеречь себя (в данном случае это означает совокупность социальных систем) от последствий своей же деятельности, то социологический анализ должен бы объяснить, что можно поделаться с этими противоречиями; или как и при каких обстоятельствах они, вероятно, будут поддерживаться. Это ведет нас к проблемам теории конфликта.

VIII

Повсеместность общественных конфликтов была очевидна для социологии первых десятилетий XX в. В соответствующих высказываниях нет недостатка⁵⁸. Социальный дарвинизм, авторитетный в то время, придавал этим высказываниям убедительность, не требуя серьезной работы над понятиями и исследований⁵⁹. Учебник Дж. Девиса и Г. Бернса, посвященный пионерам американской социологии, все еще дает лишь психологическое объяснение тому, что называют "the universality of conflict"⁶⁰. С тех пор сетуют на пре-

⁵⁸ См. некоторые ссылки в: Coseriu L. A. Theorie sozialer Konflikte. Neu-wied 1965; переиздано: 1972. S. 13 ff.

⁵⁹ «Всякая деятельность есть столкновение атомов или мыслей, и ученый не должен попусту тратить время на разговоры с теми, кто пытается устранить борьбу из дел человеческих», — говорится, например, в: Giddings F. H. The Principles of Sociology. New York, 1896. P. 100. — К сожалению, здесь явно отодвигаются в сторону и заботы о большей понятийной точности, чем «трата времени».

⁶⁰ Davis J., Barnes H. E. An Introduction to Sociology (1927). 2 ed. Boston, 1931. P. 440.

* В ружье! (фр.). — Прим. пер. ** Универсальность конфликта (англ.). — Прим. отв. ред.

507

небрежение к теме, что означает лишь отсутствие результатов теоретических и эмпирических усилий. Многие говорят о том, что данная теория конфликта сама оказалась в конфликте с другими теоретическими усилиями, чем сама и повредила своему развитию*. Мы предлагаем новое начало — не в качестве альтернативы системной теории, а на ее базе⁶¹.

О конфликтах мы будем говорить всегда, когда возникает противоречие коммуникации. Можно было бы также сказать: когда противоречие становится предметом коммуникации. Конфликт есть оперативное придание противоречию самостоятельности благодаря коммуникации. Таким образом, конфликт имеется лишь тогда, когда коммуницируются ожидания и в ответ коммуницируется непринятие коммуникации. Ожидание не следует относить лишь к отклоняющемуся поведению; оно может касаться и третьих лиц или состоять в описании состояния, в которое тот, кому оно сообщается, не верит — *поскольку он говорит об этом*.

Тем самым понятие конфликта относится к точному и эмпирически доступному процессу коммуникации — к прокоммуницированному «нет», отвечающему на предыдущую коммуникацию. «Ты одолжишь мне свою машину?» — «Нет». «Капиталисты эксплуатируют нас» — «Я не верю в капиталистов». «В „Одеоне“ должен идти хороший фильм» — «Гм, я не знаю...» Принимается любой способ выражения ожиданий, если по реакции видно, что коммуникация понята; любое ослабление отклонения доступно нашему пониманию, когда ясно, что речь идет об отклонении. Таким образом, для конфликта должны быть две противоречащие коммуникации; единство смысловой формы противоречия синтезирует две коммуникации, каждая из которых со своей стороны есть социальный синтез трех отборов⁶², и конфликт на некоторое время перенимает аутопойезис, продолжение коммуникации.

Поэтому в принципе не следует сводить конфликты к неполадкам в коммуникации (как будто коммуникация есть что-то «хорошее», что может разрушиться). Коммуникация — это аутопоиетический процесс социальных систем, продолжающийся через все эпизоды кооперации или антагонизмов, пока он происходит. Таким образом, конфликты служат как раз для продолжения коммуникации путем употребления одной из возможностей, которая поддерживает ее открытость, — через использование отказа. Тем самым

⁶¹ В связи с нижеследующим снова см.: Luhmann N. Konflikt und Recht a. a. O.

,

62

Это связано с понятием коммуникации, введенным в гл. 4.

508

понятие конфликта четко отделяется от лишь предполагаемых, лишь наблюдаемых противоположностей. Общая противоречивая ситуация, противоположность интересов, взаимный вред (один автомобиль задел другой) еще не есть конфликт". Тем не менее наше понятие встроено в основные понятия социологической теории — речь идет об особой (всегда возможной) реализации двойной контингентности, речь идет о коммуникации, после всего этого речь идет о социальной системе особого рода.

В соответствии с этим конфликты — это социальные системы, а именно социальные системы, возникающие по данным поводам в иных системах, не являющихся подсистемами и существующих паразитически. Причиной их запуска и катализатором устойчивости выступает негативная форма двойной контингентности: я не сделаю того, чего ты хочешь, если ты не сделаешь того, чего хочу я. Взаимное отрицание имеет две стороны: с одной стороны, оно как отрицание оставляет полностью открытым вопрос о том, что именно происходит позитивно; а с другой стороны, благодаря удвоению оно получает возможность самореференции и тем самым своеобразную точность: Ego рассматривает (сначала ограниченно, затем вообще) то, что вредит Alter, как свою выгоду именно потому, что считает, что Alter рассматривает то, что вредит Ego, как свою выгоду. То же

⁶³ К сожалению, многие понятийные определения конфликта в этом отношении нечетки. Вот случайно взятые примеры: «все структурно обусловленные противоположности норм и ожиданий, институтов и групп» (*Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit: Zur soziologischen Analyse der Gegenwart. München, 1961. S. 125*); «конфликт существует всякий раз, когда сталкиваются несовместимые действия» (*Deutsch M. Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes. New Haven, 1973. P. 10*); «противоположность интересов и вытекающие отсюда столкновения и борьба между индивидуумами и группами, особенно между слоями, классами» (*Le-xikon zur Soziologie. 2. Aufl. Opladen, 1978. S. 410*). В данных и подобных определениях пытаются *соединить в одно понятие* структурные условия конфликтов (в частности, «возможные» конфликты) и конфликты на поведенческом уровне. Мы считаем эту понятийную технику ошибочной. Если желают эмпирически исследовать структурную инициацию конфликтов (лейтмотив такого понятийного образования), то следует давать независимое определение понятия.

Такие понятийные конструкции заслуживали бы обсуждения лишь в том случае, если бы опирались на сознательное намерение образования понятия, не включающего различий, т. е. такого, которое не исключает ничего. Такая социология ставила бы понятие конфликта на место понятия смысла в нашей теории; она просто утверждала бы (что, конечно, утверждаем и мы), что всякий смысл своими социальными указаниями имплицитно утверждает возможные противоположности. Следует вспомнить лишь об отпуске на солнцепеке — она загорает, а он ищет прохлады.

509

самое справедливо для Alter. Таким образом, с *обеих* сторон имеет место *двойная* контингентное™⁶⁴. Образец интерпретации срабатывает при ожиданиях относительно alter Ego: Ego считает, что Alter (как alter Ego) уже использует (сколь бы ни осторожно, скрытно, ограниченно) модель конфликта и отсюда делает выводы для себя. Alter наблюдает это и делает выводы для себя. Поэтому конфликт может возникнуть объективно почти без повода. Достаточно даже самого деликатного отказа на любое слегка завышенное ожидание. Такое событие побуждает, и чем отчетливее оно, тем тверже реагируют отказом на отказ — либо попытками изменения мотивации, либо, наконец, лишь санкциями по схеме «мне полезно то, что тебе вредит».

Таким образом, конфликты — это социальные системы, сработанные как раз по образцу двойной контингентности; причем это высокоинтегрированные системы, потому что существует тенденция любое действие подчинять им в контексте соперничества⁶⁵. Если однажды возник конфликт, то уже вряд ли можно воспрепятствовать втягиванию в него всей системы — разве что со стороны окружающего мира, цивилизованного поведения, права; мы еще вернемся к этому вопросу. Таким образом, в отличие от распространенной точки зрения (которая скорее принимается, нежели обосновывается) следует отметить, что соперничество является первостепенным и именно поэтому проблематичным интегрирующим фактором. Он стягивает действия, еще столь гетерогенные по содержанию, под углом зрения негативной двойной контингентности и включает их в систему — *каждый* может актуализировать *все* возможности обойти другого, и чем активнее, тем убедительнее. Система достигает слишком высокой степени взаимозависимости — любое слово, всякая активность требуют ответа. Деструктивная сила заложена не в самом конфликте и, тем более, не в ущербе для репутации, для возможностей действия, для благосостояния или жизни участников, а в отношении к системе, в которой конфликт нашел повод и выход — например, в отношениях с соседом, в брачно-семейных отношениях, в политической партии, на предприятии, в международных отношениях и т. п. Тут уместна метафора паразитического существова-

⁶⁴ Ср. выше, гл. 3, II.

⁶⁵ Тезис о том, что конфликты являются (слишком) сильно интегрированными социальными системами, нельзя смешивать с тезисом, принятым в классической социологии конфликта, согласно которому *из* конфликтов могут возникнуть *и позитивные* социальные отношения. См. об этом вслед за Зиммелем в; *Coser L. A. Theorie sozialer Konflikte. Neuwied, 1965; переиздано: 1972, в частности S. 142 ff.*

510

ния конфликтов; но для такого паразитизма типично не стремление к симбиозу, а тенденция поглощения конфликтом системы-хозяина по мере того, как в конфликт вовлекаются внимание и ресурсы.

В то же время конфликты обеспечивают то, что чаще всего тщетно пытаются достичь с помощью призывов к лояльности — высокоэффективное связывание в отношении взаимопроникновения⁶⁶ и структуры. Это верно не только в отношении солидарности в противоборствующих партиях, но и как раз для самого соперничества. Потерявший врага испытывает своего рода вакуум; ему не хватает мотивации действий. Если конфликт превращается в стабильную линию идентификации, то человеку не будет доставать поводов связать множество случайностей в историю⁶⁷. Мало найдется иных возможностей так прочно связать единство генерализации и обязанности действия в социальных системах со столь большим участием внутренних мотивов.

Лишь с тех пор, как в теории систем перестали определять системы через высокую или даже абсолютную взаимозависимость⁶⁸, можно непредвзято анализировать на понятийном уровне проблемы, возникающие из слишком тесной их взаимозависимости, причем конфликты есть характерные примеры такого анализа. Системы с высокой степенью взаимозависимости неизбежно перестают считаться со своим окружающим миром, так как заранее установлено, в каком смысле они используют материалы и информации; они должны вносить высокую внутреннюю эластичность в элементы (события, действия), если структурно гарантировано, что (более или менее) все связано со всем и все происходящее касается всего остального. Для конфликтов это означает структурно четкую редукцию к двустороннему соперничеству (при более чем двух участниках — тенденцию редукции к двум партиям путем образования коалиций), а на уровне действия — открытость для практически любых возможностей обделить, принудить, нанести ущерб, если только они

⁶⁶ Мы пользуемся здесь понятием, введенным в гл. 6, IV.

⁶⁷ В отношении конфликтов в организациях см.: *Pettigrew A. M. The Politics of Organizational Decision-Making*. London, 1973, в частности p. 76 ff.

⁶⁸ См., напр.: *Henderson L. J. Pareto's General Sociology*. Cambridge Mass., 1935. P. 11 ff. — для физических. P. 15 ff. — для социальных систем. Поворот возник прежде всего благодаря информационно-кибернетическому анализу Эшби и более точному учету проблем комплексности и времени. Ср. также: *Thompson J. D. Organizations in Action: Social Sciences Bases of Administrative Theory*. New York, 1967, в частности p. 52 ff.; *Classman R. B. Persistence and Loose Coupling in Living Systems* *J Behavioral Science* 18 (1973). P. 83—98.

511

укладываются в схему конфликта и не очень сильно противоречат своим интересам.

Обе эти характеристики — четкая структурная редукция к двустороннему соперничеству и высокая степень открытости для рекрутирования элементов в целях саморепродукции системы — послужат нам в следующем разделе обсуждению отправных точек регулирования конфликтов. Но прежде нужно дополнить и завершить характеристику конфликта как социальной системы особого рода. Одним из важнейших моментов является высокая степень произвольности, почти полное отсутствие предпосылок для начала и соответственно непомерная частота конфликтов.

Конфликты — это продукты повседневности, возникающие везде и чаще всего представляющие собой легко разрешимые мелочи. «Теория конфликтов», включающая в это понятие и структурные причины, либо вообще считающая настоящими конфликтами лишь «классовые конфликты» или «властные конфликты», упускает из виду данный феномен массовости и незначительности происходящего (но вместо этого включает в теорию ситуации, которые на деле совсем не ведут к реальным столкновениям). Вместо этого мы придаем большое значение возможности поставить вопрос, какие условия непосредственно ведут к тому, что некоторые из массы конфликтов не исчезают тотчас, не абсорбируются уже на уровне краткосрочных интеракций, а приводят к крупным последствиям, длятся долго, имеют большое влияние на общество; какие условия в особенности ведут к тому, что конфликты стимулируют, вызывают, создают и агрегируют новые конфликты в единый фронт. Конфликты подвержены и (что мы не называем «устранением конфликтов») естественной тенденции к энтропии, к ослабеванию, к разложению ввиду иных интересов или потребностей — спор прекращают, расходятся, через некоторое время вновь связываются по другим темам. Прошлый конфликт в таком случае как бы инкапсулируется, превращается в затвердевший нарост, который больше не трогают, но который не мешает и обращению по иным каналам. Если это либо иное полное избежание дальнейших контактов есть нормальный путь, выбираемый конфликтами, то что же тогда обеспечивает конфликтам исключительно большую общественную роль?

В предвосхищении следующей главы мы должны ответить на этот вопрос указанием на различие интеракции и общества — интеракции, понимаемой как социальная система, возникающая среди присутствующих, и общества как совокупности всех ожидаемых социальных коммуникаций. Если в интеракционных конфликтах (которые, как это хорошо заметно, всегда являются и общественными)

512

возникают признаки общественной значимости, выходящей за рамки интеракции, то повышается вероятность того, что конфликт распространится, углубится, станет бесконечным. Так, если в тематике конфликтов можно заметить связь с политикой, то вместе с ней возникает исходный пункт для возможной сторонней поддержки. Мораль и, в первую очередь, право также способствуют конфликтам, уверяя человека в правоте лишь его позиции, а позицию противника публично отклоняя или даже наказывая через суд. Научная аргументация тоже может вдохновлять

и поддерживать конфликты. Так, врачи могут позволить себе пойти на конфликт (причем, реализация их интересов в политике наиболее конфликтна), потому что они знают, как лечат болезни, и заявить оппонентам, что речь идет об их похоронах. Если никого невозможно принудить расстаться с богатством, то и капитал относится к источникам приумножения общественных конфликтов. К крупным достижениям так называемого капиталистического общества как раз и относится наделение капиталистов возможностью ухода от политики и тем самыми конфликта с нею, а та в свою очередь имеет механизмы обеспечения суверенитета и автономно распоряжается политическими средствами.

При этом речь идет не просто о том, что интеракция отвечает за мелкие, а общество — за крупные конфликты. Такое разделение на микро- и макро- не учитывало бы, что системы интеракции тоже воспроизводятся в обществе и только в нем. Структурный отбор важных конфликтов обусловлен *различием* системы интеракции и общественной системы — различием, объясняющим, что общественный конфликт не только важен для системы интеракции, но и обладает способностью присоединения социальных отношений за рамками данной интеракции. Тем самым это и есть граница, разделяющая систему интеракции и остальное общество, дающая признаки, по которым можно определить, есть ли у внутреннего конфликта способность внешнего присоединения; и прежде всего мораль и право служат операционализации таких признаков.

Там, где права и морали для этого мало, могут возникать специальные организации, усматривающие свою роль в отборе и повышении значимости отдельных конфликтов, важных для общества. Эту функцию часто выполняют профсоюзы. Семантика «дискриминации» также выполняет функцию повышения значимости конфликтов (гомосексуалистов увольняют с работы, противника конституции не берут на публичную службу, жена должна оставить жилье, негру негде жить) — и вот уже есть организации и терминология, придающие конфликту общезначимость. Впрочем, эти примеры показывают, что права уже недостаточно для восприятия неадекватно-

173ак. №4161

513

го поведения; даже на того, кто прав, оказывают встречное давление. Это опять-таки есть признаки изменений в иммунной системе общества. Меняют обусловленность противоречий и сигналов тревоги, смещается восприимчивость, усиливается или ослабляется готовность к отказу — и вряд ли будет ошибкой допустить, что это знаки структурных изменений общества.

IX

С точки зрения теории систем мы интересуемся не только «разрешением» и даже вовсе не «хорошим концом» конфликтов, а прежде всего их *обусловленностью*. Представители теории конфликта, даже уверяя в противном, часто грезят о бесконфликтном обществе. Считается, что конфликты мобилизуют силы отчасти для своего разрешения, отчасти для поиска путей по возможности наиболее безвредного, «мирного» компромисса. Это более или менее политические программы — меньше насилия и больше консенсуса при постоянной поддержке порядка. Как у политических программ у них есть свое право (в том числе и на научную поддержку). В рамках теоретической концепции, не подающей себя как приятную и готовую к кооперации, а направленной на нормализацию невероятного⁶⁹, все-таки должна быть иная, расширенная постановка вопроса, для которой «разрешение конфликта» есть не цель, а, скорее, побочный продукт воспроизводства конфликтов, причем такой, о котором можно говорить и весьма скептически.

В качестве отправной точки у нас есть следующие тезисы теории систем.

(1) Имеется множество иммунных событий как коммунициро-ванное отклонение. Однако, как таковые, как отдельные события, они не имеют серьезного значения; чтобы создать иммунную систему, их следует систематизировать, т. е. объединить и потому взаимно усилить. Это происходит путем обусловливания их использования.

(2) Всякое построение системной комплексности происходит через обусловливание, т. е. путем определения условий, при которых устанавливаются (в случае научного анализа: можно наблюдать, обоснованно ожидают, «имеют силу») либо не устанавливаются связи между элементами⁷⁰.

*⁹ Ср. с высказанным **выше по иному поводу**, гл. 3, III. ⁷⁰ **Понятие «обусловливание» было введено и объяснено** выше, в гл. 1, II, пункт 5.

514

(3) Конфликты — это операционализированные противоречия, ставшие коммуникацией. Они способствуют обусловливанию иммунных событий. Конфликты по возможности рано обращают внимание на проблемы, причем обладают высокой восприимчивостью будущего, т. е. растягивают во времени синтез противоречий.

(4) В качестве социальных систем конфликты есть аутопойети-ческие самовоспроизводящиеся

единства. Если они возникли однажды, то можно ожидать их продолжения, а не конца. Конец может прийти не из самого аутопойесиса, а лишь из окружающего мира системы — например, потому что один из конфликтующих убьет другого и тем самым удалит его из социальной системы конфликта⁷¹. Будучи объединены и скоординированы, эти четыре тезиса обеспечивают дальнейшую постановку проблемы. Тогда возникает вопрос, какие связи есть между обусловливанием конфликтов в системах и функцией противоречий поддерживать готовность мобильных сигналов тревоги и управления вниманием в отношении проблем. Или, ставя практический вопрос: применяется ли обусловливание конфликтов в качестве средства поддержания иммунной системы, и как это происходит?

Мы исходим из того, что новое начало конфликтов, заложенное смелостью отклонить чрезмерные запросы, пусть необязательно, но весьма вероятно связано с возможностью репродукции конфликта. Не станут говорить «нет», не видя шансов обеспечить это «нет». Если это так, то условия, способствующие репродукции конфликта, его консолидации как системы, есть непосредственный ключ к проблеме. Если общество желает воспроизводить свою иммунную систему, то оно должно обеспечивать свободные возможности конфликтов, что может достигаться не предписаниями о начале конфликта, потому что система должна иметь мобильную и *ad hoc* мотивацию⁷²,

⁷¹ Конфликты умели защитить себя даже от такой, в известной мере «естественной», формы их окончания — прежде всего в семейных распрах убийство противника становится основанием продолжения репродукции социальной системы конфликта.

⁷² Впрочем, пытались сделать и это — с не очень впечатляющими результатами. Пожалуй, самый убедительный пример обнаруживается в области семантики «чести» (*honour, honneur*). Оскорбление чести считалось в дворянском обществе основанием для конфликта с типичным разрешением в форме дуэли. *Начало* конфликта имело детальное регулирование и было спровоцировано концепцией чести и ее оскорбления, *ноход* конфликта, напротив, в значительной степени не поддавался регулированию. Таким образом, благодаря семантическому содержанию чести начало было спланировано, а развитие системы — нет. Как известно, вместе с началом кризиса дворянского общества в XVI в. (ср., напр.: *Stone L. The Crisis* 515

а именно путем обусловливания перспектив репродукции конфликтов, начавшихся по каким бы то ни было поводам. Поэтому систематизацию иммунных событий невозможно объяснить на уровне отдельных интерактивных систем конфликтов. Она возможна лишь как *общественная агрегация множества конфликтов*TM.

Если представить себе конфликты как системы, то можно допустить две разные формы обусловливания, повышающие внутреннюю комплексность системы и затрудняющие поведение. Одна возможность состоит в запрещении определенных средств, другая — сводится к повышению ненадежности в системе.

Ограничение средств, например запрет применения физической силы, мотивируется в основном предотвращением ущерба. Однако он выполняет и функцию усложнения, усовершенствования, увековечения систем конфликтов. В случае разрешения применения физической силы конфликты либо вообще не возникают, либо, если они разгораются, решаются довольно быстро и просто. То же самое, хотя и в более слабой форме, верно для всех видов давления. Лишь при подавлении таких возможностей (т. е. их центрировании в политической системе) возникает свобода в конфликтном поведении. Само собой разумеется, по-прежнему есть бесконечное множество соображений, избирательно воздействующих на вопрос о том, кто, почему и с кем пускается на конфликт. И также само собой разумеется, что этот отбор работает в соответствии со структурой расслоения и структурой организаций⁷⁴. Сегодня это часто оценивают негативно, и не без оснований. В таком случае при канонизировании возможностей конфликта место физической силы занимает иерархия, и соответственно начало конфликта теряет дух. Лишь выше-
of the Aristocracy 1558—1641. Oxford, 1965 возникает инфляция семантики чести, а потому начало конфликтов становится в высшей степени делом случая и провокации, причем такая форма системы конфликта может выполнять функцию иммунной системы (например, защищая цивилизованное поведение). Пример доказывает *e contrario* то, что мы утверждаем в тексте, — в случае роста комплексности общества иммунная система конфликтов развивается не через детализацию начала (как могло бы показаться сначала), а лишь за счет более открытого обусловливания репродукции конфликта, которое затем может оказывать обратное влияние на порог начала.

⁷³ Соответствующее изменение ориентации иммунных исследований организма предлагается в: *Vaz N. M., Varela F. J. Self and Non-sense: An Organism-centered Approach to Immunology II Medical Hypotheses* 4 (1978). P. 231—267.

⁷⁴ И это опять с весьма значительными региональными различиями. Ср.: *Gessner V. Recht und Konflikt: Eine soziologische Untersuchung privat-rechtlicher Konflikte in Mexico. Tübingen, 1976.*

516

стоящие могут отклонять; только они могут сказать «нет», потому что затем *не последует никакого конфликта*TM. Тем не менее, несмотря на эти условия, тематика конфликта и тем самым иммунная

система общества гораздо шире, чем это было бы возможно при непосредственном применении физической силы.

Повышение ненадежности происходит через включение в систему конфликта третьих лиц — лиц, которые прежде всего беспристрастны, т. е. заранее не солидарны ни с одной из партий или «сторон» конфликтных тем, но которые могут занимать позицию в дальнейшем ходе событий и благоприятствовать той или иной стороне. Поэтому системы конфликта дезинтегрируются⁷⁶. Социальная регрессия, заключающаяся в редукции к двустороннему отношению, снимается. Добавляются возможности склонить на свою сторону третье лицо. Нестабильность исходного положения, чистого противоречия, отчасти восстанавливается, но иным путем. Простое оборачиваемое отношение пользы и вреда модифицируется вопросом о том, на каких условиях можно завоевать третье лицо. От противника можно ожидать лишь вреда — так надежнее; но третий также способен распоряжаться своим вкладом в систему конфликта, и ради приобретения влияния он может некоторое время оставлять неясным, при каких условиях примет решение. Новое внесение ненадежности ожиданий в конфликт создает специально для данной системы возможность образования структуры, новые контингентности, новые шансы отбора. При таких условиях можно также дать понять публике, что придерживаются не столь жесткой линии и лавируют, не толкая понапрасну третье лицо в лагерь противника. В конце концов поведение третьего лица, особенно если ему дана моральная и даже правовая оценка, можно использовать как предлог уступить или даже выйти из системы, не оставляя впечатления слабости. Все это вместе позволило стать участию третьего лица важнейшей формой урегулирования конфликтов.

Не пускаясь в подробные размышления, подытожим. Регуляция средств и повышение ненадежности — вот две разные комплементарные возможности дополнительного обусловливания систем конфликтов. Тем самым облегчаются начало конфликтов, отрицательный ответ в ходе коммуникаций, отклонение чрезмерных запросов, предложение новшеств, которые, наверное, не примут. По край-

⁷⁵ О проблемах, возникших вследствие недостаточной гибкости и готовности к инновациям, ср.:

Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States. Cambridge Mass., 1970.

⁷⁶ См. об этом также: *Luhmann N. Konflikt und Recht, a. a. O. S. 107 ff.*

517

ней мере, слишком высокие планки для конфликтов, требующие немедленного начала борьбы, понижаются. Это идет во благо иммунной системе общества. В соответствии с ростом комплексности общественной системы все больше противоречий делается предметом коммуникации. Остается структурно открытым, когда они наступают, и все-таки ситуативно различимо и определяемо, как с ними следует поступать.

Здесь также можно использовать общую формулу, что более комплексные системы должны развивать свои структуры в направлении усиления отграничиваемоеTM. Это справедливо и для аппарата, который мы назвали иммунной системой, — для смысловых форм, способствующих аутопойетической репродукции несмотря на дефицит согласия. Здесь используется и одновременно культивируется высокая мобильность «нет», которое логически равносильно «да». Отклонение логически возможно всегда, а фактически — в широких пределах. Однако это не должно означать, что не знают, что делают, когда отклоняют, и что неспособны учесть последствия.

Отклонения — это обычно мелкие события, а конфликты — мелкие системы, возникающие и исчезающие без серьезных последствий для общества⁷⁷. Даже события, имеющие решающее значение для биографии, — человек объясняется в любви, а его не слышат; он все пытается, пытается и пытается устроиться на работу, а его не берут — исчезают в социальных системах почти без следа. Очевидно, что иммунная система развивает чрезмерную мощь, избыточность; тем самым нет недостатка в возможностях формулировать действительно важные противоречия и присоединять конфликты, имеющие крупные последствия. Но как отбирают то, что действительно приобретает значение?

Пытаясь ответить на этот вопрос, следует различать, скорее, традиционный и, скорее, современный способ. Можно было бы говорить и об относительно стабильной и об относительно нестабильной готовности к конфликту. Главным средством отбора перспективного отказа и рискованных конфликтов, пожалуй, всегда было право; точнее говоря, усиление экономических и политических по-
⁷⁷ Ср. с точкой зрения историка: *Laslett P. The World We Have Lost. 2 ed. London, 1971. P. 159 ff. (169).* — Автор полагает, что конфликты есть вполне типичная форма социальной интеракции, но лишь в исключительных случаях — толчок к социальным изменениям.

518

зиций, собственности и силы за счет права. Тот, у кого есть собственность и/или власть, может позволить себе конфликты. Он может отклонять чрезмерные запросы и в случае конфликта ставить других в безвыходное положение. Вместе со способностью к конфликтам его позиция выходит за пределы того, что она непосредственно содержит. Кроме того, у него возникает и прост

собственности и власти за счет общего воздействия доверия и эффекта устрашения. Он привлекателен. Он может выбрать и за счет этого достичь большего, чем непосредственно дают ему экономические блага или применение негативных санкций. Лишь так можно практиковать модель всякого господства — домострой. Этот эффект контроля конфликтов управляет коммуникацией вплоть до языка и морали — если кто-то обязан все время демонстрировать уважение, то он в конце концов и сам проникается этим уважением. Господин обладает «достоинством».

Стратифицированные общества можно по сути понять из данного механизма, четко не дифференцирующего экономику, политику, право, язык, мораль. Иммунная система защищает здесь не обязательно конкретные структуры — скорее, пожалуй, концентрацию потенциала изменений наверху. Крушение домостроя при переходе от средневековья к Новому времени лишило этот порядок его главной опоры и вызвало трансформацию политической и экономической систем⁷⁸. С тех пор каждый поддерживает свою способность к конфликтам *в индивидуальном порядке*TM. Однако тем самым обеспечивается регуляция индивидуальных диспозиций в конфликте со структурой общественной системы уже не безусловно, не от «природы». Семантика права переключается с природы на свободу. Тем самым меры предосторожности для иммунной системы сильнее отделяются от структуры, абстрагируются, делаются изменчивыми и при использовании сильнее подвержены кратковременной стимуляции ad hoc — как будто социальное тело общества на более высокой ступени цивилизации должно страдать от большего количества болезней.

⁷⁸ Весьма конкретным представлением и в то же время по-особому затрагивающим эту позицию является: *James M. Family, Lineage, and Civil Society: A Study of Society, Politics, and Mentality in the Durham Region 1500—1640*. Oxford, 1974. См., в частности, р. 174ff. о новых возможностях образования и религиозного выбора, об уходе от бессловесного послушания и о возможностях следовать за иными религиозными и политическими лидерами на основе «естественной» зависимости.

⁷⁹ О сформулированной здесь семантике «субъективных прав» ср.: *Luh-mann N. Subjektive Rechte: Zum Umbau des Rechtsbewusstseins für die moderne Gesellschaft II* Luhmann N. *Gesellschaftsstruktur und Semantik*. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 45—104.

519

Вторую форму отбора значимых конфликтов выявить гораздо труднее, так как она действует намного независимее от официальных структур. Знаменитые предтечи этой формы есть в религиозных движениях эллинизма и позднего средневековья; но лишь со второй половины XVIII в. ее обнаруживают как нормальное явление в самонаблюдении общественной системы. Обычным собирательным понятием социологии является понятие «социальное движение». Однако оно мало что дает в теоретическом отношении⁸⁰. Отсюда следует, что понимание нужно вырабатывать при помощи других понятий.

На уровне общей теории систем (и с помощью понятий, пригодных и для анализа химических условий жизни в макромолекулах) в комплексных системах можно констатировать связь трех переменных: (1) *ослабления внутренних связываний*⁸¹, (2) *спецификации вкладов*, для которых используется взаимопроникновение, и (3) *производства эффектов* путем случайно начавшейся и затем усиливающейся *кумуляции эффектов*. Применительно к общественной системе это означает, что общество, становясь более комплексным, производит больше эффектов и больше реагирует на эффекты, не управляемые установленными структурами ожидания, а осуществляющимися как бы свободно и за счет самих себя. Соответственно есть высокая вероятность того, что это производство классифицируется как девиантное и/или инновационное, потому что лишь так оно может вступить в отношения с этаблированными структурами. Однако это не объясняет ни способа возникновения, ни функции этих явлений.

Здесь достаточно краткого пояснения. «Ослабление внутренних связываний» в социальных системах, конечно, не может означать, что люди делаются менее зависимы от социальных условий их жизни.

Наверное, действительности соответствует обратное. Однако

⁸⁰ «Термин „социальное движение“... используется для обозначения широкого разнообразия коллективных попыток изменения определенных общественных институтов или создания нового общественного порядка», — говорится в репрезентативном представлении предмета в: *He-berle R. Types and Functions of Social Movements*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, 1968. Vol. 14. P. 438—444 (438 ff.). Вопрос о том, что же приводит к совпадению признаков «движения» и «изменения» (или противоречия, конфликта, инновации), не ставится. Для современного общества здесь идет речь, по-видимому, о семантически-ассоциативно обеспеченных очевидностях. К этому пробелу в теории мы вернемся ниже.

⁸¹ На уровне взаимопроникающих систем подразумеваются связи: для живых клеток — химические, для социальных систем — психические.

520

образ жизни не столь сильно определяется внутренне обязывающими социальными типизациями людей. Свои связи люди могут выбирать более или менее автономно, причем происхождение этих связей помнят. Таким образом, слово «связи» следует использовать в точном смысле. Подразумевают то,

что придает относительно случайным событиям длительность (раньше — скорее, рождение; сегодня — скорее, свой выбор) и сохраняется в качестве предпосылки поведения.

В соответствии с этим индивид больше участвует в своей социальной «настройке», благодаря чему ангажируется, скорее, сознательно, но тем самым становится способнее к отступлению и менее надежным. Аскриптивный статус заменяется приобретенным; а качества, способствующие результатам, заменяются результатами, предполагающими качества. Это открывает возможности большей спецификации отдельных вкладов и тем самым возможность более высокой сложности общественной системы. В этом смысле Парсонс изображал Модерн как смену корреляций в "pattern variables"*.

Это соответствует официальной историографии социологии. Однако природные связи не могут быть заменены только и всецело отобранными и специфицированными необходимостями. Они требуют еще одного, глобально действующего преемника. Он представляет собой кумуляцию эффектов. Дело доходит до неожиданных агрегаций, запускающих свои эффекты поверх определенных препятствий, — вплоть до резких изменений настроения, изменений в так называемом коллективном менталитете и, видимо, вплоть до социальных движений, способных вбурить действия.

Одним из наиболее ярких отличительных признаков этой кумуляции эффектов является их внезапное появление и быстрое затухание в таких словах, которые убедительны в данный момент. Эти флуктуации, по-видимому, не вредят ориентирующей роли всяких «модных» представлений.

Очевидно, что «темпоральное общество»⁸² требует лишь темпоральных гарантий. Вместе с тем индивиды живут дольше, чем продолжается то, что кажется им убедительным. Они выступают за (или против) чего-то лишь для того, чтобы через некоторое время убедиться, что консенсус на этот счет рушится, становится пресным и уже ни у кого не вызывает актив-

1968.

«г в смысле: *Bennis W. G., Slater Ph. E. The Temporary Society. New York,*

* *Pattern variables (англ.)* — «эталонные переменные», «стандартные переменные» социального действия. Это понятие обозначает нормативный комплекс поведения, представляющий собой образец, лежащий в основе общественного устройства. — *Прим. отв. ред.*

521

ности. В таком случае индивиды оказываются идентифицированы с тем, что больше не работает. Именно сугубо индивидуальный ангажемент и дефицит поддержки со стороны постоянных структур общественной системы обостряют проблему и исключают то> что для пловцов в потоках времени со сменой направления найдутся решения, которые можно было бы считать уникальными в своем роде и в то же время сугубо личными. К таким судьбам нельзя приблизиться даже путем рефлексии. Они определены структурно как отчуждение, членство в организациях, развенчание любых иллюзий. Но, наверное, их труднее пережить, так как их нельзя включить в свою жизнь как тайную обиду.

Такое производство эффектов путем их ненаправленной кумуляции относится к тревожным явлениям современного общества, плохо поддающимся пониманию и идентификации. Поначалу предполагали хитрость разума, но разумность хитрости никого не убедила. Очевидно, что ярлык иррационального есть знак неловкости, просто рефлекторная привычка считать основные структуры современного общества рациональными. Не лучше обстоит дело и с понятием массового общества. Напротив, дело идет, если следуют тем представлениям, с помощью которых само общество наблюдает и описывает такие явления в повседневных связях, когда они выявились и обрели свою самореференцию. Самонаблюдение общества выделяет такие явления при помощи понятий «движение» или «процесс» и тем самым отделяет их от иных событий. Затем это описание можно вновь ввести в описанное им же и тем самым усилить феномен за счет идентификации и самореференции (принимают участие в революционном, национальном, женском, молодежном движении, в движении за эмансипацию, за религиозное обновление, в левом, правом, красном, черном, зеленом или каком бы то ни было еще) — это четче и прежде всего рациональнее, чем просто кумуляция эффектов за счет совпадения ключевых событий, одинаковой интерпретации, сопротивления, общественных волнений, собраний, митингов и т. п. «Движение» — это категория, сама по себе приглашающая использовать ее рефлексивно. Что же движет движением? Все-таки не его начало, не его *arche*! Оно само себя движет. Но прежде всего это — лишь пустая формула, в лучшем случае — одно из выражений движения мысли⁸³. Лишь в случае развитой теории движения,

⁸³ Попытки уйти от этой пустой формулы определяли саму традицию понятия движения и в результате приводили именно к тому, чего желали избежать. Сюда относится прежде всего теория «импетуса» с ее более чем тысячелетними проблемами поиска непрерывной причины движения.

522

не требующей больше первых или сопутствующих причин, можно осмысленно говорить о «социальном движении», подразумевая самоактивирующийся процесс.

Семантика терминов «политическое движение», «социальное движение»⁸⁴ — один из примеров того, что теория вступает в описанную ею же область и начинает выполнять там свою функцию. По крайней мере, это отличает социальные движения индустриальной эпохи от религиозных движений эллинизма и позднего средневековья (которые, со своей стороны, тоже предполагают ослабление связей, специализацию и кумуляцию эффектов). Только современные социальные движения описывают себя с помощью понятия или даже теории движения. И даже высказывания о приоритете практики перед теорией, действия перед мышлением, о действительном (революционном) действии, вводятся в движение в роли теории и становятся обязывающими. Теория движения позволяет отличить комплекс действий, описывающий себя так, от простых волнений, восстаний, случаев насилия. Вместе с тем теория, предназначенная обыденному сознанию, недостаточна для научного постижения феномена⁸⁵. Теории, ориентированные на само понятие движения, осциллируют между представлениями о движении всего общества, о партийных движениях и понятием для любой случайной причины и цели. На самом деле концепция, взятая сама по себе, дает не более того, что с ней делает само движение. Лишь данное «повторное вхождение» описания в описанное и только организованное им самонаблюдение обеспечивает то, что О. Рамштедт назвал «телеологизацией кризиса»⁸⁶. Цель подчеркивает и усиливает различающую способность движения. Случайность возникновения становится риском удачи. В то же время цель выступает алиби, основанием невозможности прекратить движение, сим-

Ср. в связи с этим: *Wolff M.*, *Geschichte der Impetustheorie: Untersuchungen zum Ursprung der klassischen Mechanik*. Frankfurt, 1978.

⁸⁴ Об истории термина и понятия см.: *Frese J.* *Bewegung, politische 9 Hi-storisches Worterbuch der Philosophie*. Bd 1. Basel-Stuttgart, 1971. Sp. 880— 882; *Rammstedt O.* *Soziale Bewegung*. Frankfurt, 1978. S. 27 ff.

⁸⁵ Здесь использована известная критика историцизма: *Popper K. R.* *The Poverty of Historicism*. London, 1957. — Критика К. Поппера следует по ложному пути, принимая в качестве исходного пункта сравнение с физикалистским понятием движения и тем самым упуская своеобразный феномен вхождения теории в реальность, описанную ею.

⁸⁶ См.: *Rammstedt O.* *Soziale Bewegung*. S. 146 ff Впрочем, сначала см. это понятие на примере движения в позднем средневековье (но уже в эпоху книгопечатания): *Rammstedt O.* *Sekte und soziale Bewegung: Soziologische Analyse der Täufer in Munster (1534/35)*. Kfiln-Opladen, 1966. S. 48 ff.

523

волом его собственного аутопойесиса. Фиксация на цели в тенденции приводит к тому, что движение, не достигающее цели, становится радикальным. Радикализм есть условие не возникновения, а продолжения⁸⁷. Даже если желательный финал не поддается эмпирическому определению (в чем и может быть его прелесть), эмпирическое определение все-таки может способствовать тому, чтобы уже в настоящем выявить сопротивление и противников, подготовиться к конфликтам и задать направление совместной работы. Событие как движение есть остановка на обочине, с помощью которой можно определить направление к цели и то, что можно присоединить или отбросить. Далее, самописание в качестве движения позволяет прочесть предшествующие случаи как историю для усиления смысла, независимо от того, победы это теперь или поражения⁸⁸. Все вместе взятое приводит к самореферентным системам особого типа, способным функционировать в иммунной системе общества с высокой степенью готовности к противоречиям и конфликтам.

Таким образом, и здесь справедливо все то, что относится ко всем аутопойетическим системам: наблюдение (оперативное различие) возможно лишь на уровне элементов, и только так, что у наблюдателя есть в распоряжении описание, со-осуществляющее самореференцию элементов, благодаря чему становится заметна их принадлежность к системе в отличие от окружающего мира. Самонаблюдение также связано с данной предпосылкой. Представление «движения» является лишь менее выразительным понятием формы для этого. Однако оно необходимо, чтобы извлекать из самонаблюдений социальных систем, зависящих от структуры, материалы иммунной системы, возникающие в контексте ослабления связей, спецификации и кумуляции эффектов, и консолидировать их сами по себе. Лишь если это приводит к действиям, нужен рецепт — только в таком случае наблюдаемые элементы, а именно действия, подчиняют себя этому движению. Однако в таком случае за счет дальнейшей идентификации определенного социального движения быстро становится возможным и его самонаблюдение, что усиливает избирательность движения за счет создания ему возможности реагировать на себя, расти, организовываться, ускорять подъем и

⁸⁷ Ср.: *Vazquez J. A.* *A Learning Theory of the American Anti-Vietnam War Movement U Journal of Peace Research* 13(1976). P. 299—314.

⁸⁸ То, что на самом деле не было никакого поражения, можно легко показать, в частности, на религиозных и политических движениях, если движение однажды конституировалось и пришло к самонаблюдению.

524

поражение⁸⁹. Следовательно, данное событие действует избирательно и на, массу возможных противоречий и конфликтов. Оно дополняет увеличение конфликтного потенциала, исходящего из

права, способам[^], не столь зависящими от структуры, оперирующими скорее путем Иллучайной самоорганизации.

На примере обеих этих форм агрегирующего отбора, усиления противоречий и конфликтов еще раз видно, как функционирует иммунная система. Речь идет об устройстве общественной системы, предполагается закрытость ее коммуникативной самореференции. Ее системной референцией выступает единство этой совокупности. Пустая тавтология формы противоречия копирует аутопойесис общества — чем бы ни была коммуникация, она есть в то же время и общество, и что бы ни присоединялось как коммуникация, оно всегда будет поддерживать общество. При этом никогда нет речи непосредственно о сохранении общества как такового. Пока есть люди, есть и общество. В гораздо большей степени (и потому данное рассуждение необходимо в общей теории социальных систем) проблемой является репродукция значительного количества разных социальных систем в соответствии с комплексностью общества на определенном уровне развития. Обычно это происходит по рецепту, т. е. на основе структур ожиданий. Иммунная система обеспечивает аутопойесис даже тогда, когда этот обычный путь заблокирован.

Иммунная система отвечает за применение ответа «нет» — за отклонения коммуникации. Она оперирует *с окружающим миром без коммуникации*; так как общество является коммуникативно закрытой системой и не может коммуницировать с окружающим миром, оно не обнаруживает там никого, кто мог бы ему ответить, а если бы и нашло, то именно поэтому включило бы его в себя. Ответы «нет» есть и остаются коммуникативными событиями; если они как таковые невозможны и не могут относить себя через свою ба-зальную самореференцию к другим коммуникациям общественной системы, то коммуникации не имеют места. Ответы «нет» реагируют на помехи — не в отношении окружающего мира, а в самом круговороте коммуникации; и перед лицом опасности прекращения коммуникации обнаруживают тенденцию к отказу от структур ради спасения саморепродукции коммуникации. Отсюда может, но не обязательно, возникнуть улучшение приспособления общественной системы к ее окружающему миру. Так ли это на самом деле, решает, исходя из перспектив, сама эволюция.

⁸⁹ Ср. представление о «прибавке», полученной за счет рекурсивного отбора, в: *Smelser N. J. Theory of Collective Behavior. New York, 1963.*

525

В случае растущей комплексности общества все возможности используются сильнее и функционально специфичнее. Меньше вредит разрыв контактов на уровне интеракции (безответные/рождественские поздравления, расторжение брака, ликвидация фирм). Однако данная индифферентность основана на примерном равновесии прекращений и новых начал⁹⁰. Кроме того, становятся специфичнее структурные правила репродукции. Поэтому они делаются чувствительнее к помехам и быстрее устаревают. У обоих способов реакции на более высокую комплексность есть свои условия и свои проблемы. Двух способов, видимо, недостаточно. Тем самым соответственно усиливается и иммунная система общества. Она заключается не только в чисто негативном копировании структур и не только в «критическом» сознании относительно существующего, но и в особых, иных формах продолжения коммуникации, таких, которые, например, путем борьбы и побед так варьируют ситуации, что нормализация снова становится возможной.

В рамках данного формирования противоречия и конфликта, основанного на отборе, комплементарное значение приобрели укрепление позиций отклонения на базе права и артикуляция волнений, критики и протеста в форме социальных движений. Они разыгрываются друг против друга в обычном варианте социально-исторических представлений — как политэкономический комплекс современного капитализма и стимулированная им совокупность социальных движений. Теоретически продуктивнее было бы различение структуры ожиданий и иммунной системы. Во всяком случае, тогда было бы видно, что современное общество, по сравнению со всеми историческими предтечами, дестабилизировало структуры и значительно повысило возможность сказать «нет». В таком случае, может быть, не так важно, артикулируется отказ с правовой позиции или в контексте социальных движений. В настоящее время пытаются примирить то и другое в фигуре «цивилизованного неповиновения». В любом случае следует задать себе вопрос, как все-таки можно вновь получить и «да», необходимое обществу.

⁹⁰ L, точки зрения биографии здесь заложены структурные основы проблемы изоляции пожилых людей-онихпрекраш^йб^чеГна

Глава 10 ОБЩЕСТВО И ИНТЕРАКЦИЯ

В этой главе речь пойдет об определенном различии, пронизывающем всю область социальных систем. С формальной точки зрения — о различии двух видов систем: общественных систем и систем

интеракции¹. Таким образом, теперь речь идет о декомпозиции понятия социальной системы — о различных возможностях реализации ее существенных признаков и их различий.

Символический интеракционизм дает совершенно иное представление об отношении интеракции и общества, и, наверное, нужно сразу же указать на это различие. Для представителей символического интеракционизма общество в отличие от интеракции состоит из индивидуумов (из индивидуумов-в-интеракции); однако индивидуумы конституируются лишь в интеракции, и, таким образом, есть психически интернализированные социальные артефак-

¹ Третью форму образования социальных систем, которая не сводится ни к обществу, ни к интеракции, а именно *организацию*, мы здесь не затрагиваем, так как она не везде релевантна в той же степени в *качестве различия*.

Иными словами, во всех социальных отношениях, при всех обстоятельствах, дело доходит до различия общества и интеракции; но не во всех обществах известны организованные социальные системы. Тем самым мы исключаем организацию из рассмотрения лишь на уровне общей теории социальных систем. Однако на следующем уровне конкретизации теории следовало бы различать общественные системы, системы организации и системы интеракции и развивать соответствующие теории порознь, так как эти три особые формы образования социальных систем (т. е. формы обращения с двойной контингентностью) несводимы друг к другу.

527

ты². Тем самым то, что мы будем рассматривать как разные юнсти-туционные формы социальных систем, в конечном итоге переходит обратно в психические системы, а именно сводится к различию личной и социальной идентичности. Только благодаря умению индивидов пользоваться этим различием поверх интеракции/возникает общество. Такие понятия все-таки остаются социально-психологи-ческими и непригодны для работы с особыми проблемами высококомплексных общественных систем, несводимых ни/к индивидуумам, ни к их интеракциям.

/

Поэтому мы продолжаем исключать системную референцию психических систем из анализа социальных систем и понимаем различие общества и интеракции как различие разных видов социальных систем³. Отсюда следовало бы на конкретных уровнях развития теории рассматривать теорию общества и теорию интеракции как разные формы применения общей теории социальных систем. Каждая из них потребовала бы обширных разработок, которые мы не можем сюда включить. Тем не менее это различие релевантно и для общей теории социальных систем. Это на самом деле так не только потому, что есть попытки развивать общую теорию на основе понятия общества или понятия интеракции — попытки, которые следует критически рассмотреть и отвергнуть. Скорее, различие между обществом и интеракцией важно *в качестве различия* во всех социальных отношениях — у любого общества есть проблематичное *для него* отношение к интеракции, даже когда оно обеспечивает действия, свободные для интеракции и притом общественные, например письменность и чтение. Всякую интеракцию характеризует отношение к обществу, проблематичное для нее, так как она как интеракция не может достичь какой-либо автаркии в смысле абсолютной закрытости круговорота коммуникации. Соответственно любая социальная система определяется и через неидентичность общества и интеракции. То, что общественные системы не есть системы интеракции и не могут быть просто суммой наличных систем интеракции, — одна сторона данного тезиса; то, что системы интеракции всегда предполагают общество, без которого они не могли ни начаться, ни закончиться, но сами тем не менее не являются общественными системами — это другая сторона.

² Ср.: Charon J. M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. Englewood Cliffs N. J., 1979. P. 150 ff. Аналогично, однако расходясь в понятии общества: Warriner Ch. K, The Emergence of Society. Homewood 111., 1970.

³ Ср. схему во введении на с. 24 данного издания.

528

Важно сразу же уяснить, что данное различие общества и интеракции не совпадает с различием системы и окружающего мира — ни для общественной системы, ни для систем интеракции. Общество не является окружающим миром (даже не социальным окружающим миром) систем интеракции, так как и интеракция со своей стороны все равно есть общественное событие. Тем более интеракции не относятся к окружающему миру общественной системы, даже если они затрагивают и активизируют окружающий мир (прежде всего психические и физические способности людей) сильнее, нежели общественная система в целом. Несовпадение двух этих различий — система/окружающий мир и общество/интеракция — представляет собой большую нагрузку на общую теорию социальных систем. Поэтому ее изложение неизбежно становится сложным. Однако в этом месте невозможны упрощения без насилия над отношениями.

Важный временной аспект отношения общества и интеракции можно осмыслить при помощи понятия *эпизода**. Интеракции есть эпизоды осуществления общества. Они возможны лишь на основе уверенности, что общественная коммуникация закончилась до начала эпизода, так что можно предположить отложения предыдущей коммуникации; они возможны лишь на основе знания, что общественная коммуникация возможна и по окончании эпизода. Начало и конец интеракции есть лишь

вехи в аутопойесисе общества. Они служат получению структур, которые невозможно установить конгруэнтно обществу, но которые, встраивая различия, все-таки обеспечивают его комплексность. Таким образом, интеракция осуществляет общество тем, что избавляется от необходимости быть им. Лишь на основе данного различия само общество может приобретать комплексность, а сама интеракция — невероятность, богатую предпосылками. Лишь на основе данного различия возможна эволюция невероятной комплексности.

Традиция подготовила почву для искомого здесь различия общества и интеракции на основе различия комплексных (составных) и симплексных (простых) обществ (сообществ). Простые общества — например, муж и жена, хозяин и слуга, мать (огец) и дитя — состоят только из двух лиц. Их невозможно разложить на части, не теряя социального качества жизни участников.

Противоположное понятие — одиночество, которому можно предаваться лишь вре-

⁴ По параллельным причинам мы уже говорили об «эпизодах» (языковых, программных, целенаправленных) при анализе аутопойесиса сознания. Ср. гл. 7, V.

529

менно. Комплексные общества (например, домохозяйства, политические общества), хотя и состоят из простых, но, все-таки/будучи составными, разложимы и поэтому в значительной мере модифицируемы. Простые общества нестабильны, потому что они не могут быть модифицированы, а могут быть лишь разрушены, прежде всего смертью. Это ограничивает их интимизацию. Комплексные общества стабильны как раз из-за их разложимости/они обретают перманентность благодаря тому, что их состав может меняться. Они переживают смерть отдельных лиц. На их уривне возможно приспособление к меняющимся условиям, возможна история искупительного подвига Христа, политическая история, расцвет и падение эпох и империй. На их уровне воплощается смысл истории как история рода человеческого.

Это различие простых и составных обществ исчезло в XVIII в. вместе со староевропейской семантикой. То, что с тех пор называется обществом, в любом случае есть высококомплексная система. Понятие общества резервируется как производное понятие для специального случая *societas civilis**. Первую попытку обозначить эту преемственную область путем различия государства и общества (т. е. политических функциональных приоритетов перед экономическими) можно считать неудачной. Она не смогла сформулировать единство этого различия⁵. Отсюда возникает потребность вернуться к староевропейскому семантическому формату решения проблем. Этот формат требует образования понятия общества по аналогии с понятием мира, т. е. чтобы общество содержало само себя и все остальные социальные системы.

Однако и системы интеракции нельзя больше считать простыми и неразложимыми обществами. Системы из двух элементов не считаются сегодня особыми базальными случаями, имеющими в обществах и в интеракционных связях, скорее, маргинальное значение⁶. Структуру интеракции, хотя она и требует ограничений по величине, нельзя адекватно охарактеризовать по числу участников.

Основания такого изменения теории лежат в большей углубленности и темпорализации базальных элементов, из которых исходит теория, — в выросших возможностях разложения и рекомбинации

⁵ Гегель высвечивает структуру проблемы с помощью удвоения понятия государства, но терминологически неудачно, а традиция возникла лишь вследствие непонимания и одностороннего рассмотрения.

⁶ Ср. здесь: *Slater Ph. E. On Social Regression // American Sociological Review* 28 (1963). P. 339—364. — Автор выходит за рамки представлений Зиммеля.

* Гражданское общество (*лат.*). — *Прим. пер.* 530

со стороны социологии как науки. Поэтому нижеследующие размышления никак не связаны с данным различием простых и составных *аобществ, а закладывают новое теоретическое положение на основе теории самореферентного образования систем.

II

В социологии должно иметься понятие единства всего социального — называют его ныне (в зависимости от теоретических предпочтений) совокупностью социальных связей, процессов, действий или совокупностью коммуникаций. Мы используем для этого понятие общества.

Общество есть всеобъемлющая социальная система, включающая в себя все социальное и поэтому не имеющая какого-либо социального окружающего мира. Если сюда привходит еще что-либо социальное, если возникают новые партнеры или темы коммуникации, то общество разрастается вместе с ними. Они прирастают к обществу. Они не могут экстернализоваться, их нельзя рассматривать как предметы его окружающего мира, так как все, что представляет собой коммуникацию, есть общество⁷. Общество есть единственная социальная система в такой особой ситуации. Отсюда вытекают далеко идущие следствия и соответствующие требования к теории общества.

Единство общественной системы при таком положении вещей не может быть чем-то иным, нежели эта самореферентная закрытость. Общество — это аутопойетическая социальная система

par excellence. Общество использует коммуникацию, и все, что бы ни приводило коммуникацию в действие, — есть общество. Общество конституирует элементарные единства (коммуникации), из которых состоит; и что бы ни было конституировано таким образом, становится обществом, становится моментом самого процесса конституирования. В этой системе нет каких-либо отклонений от данного следствия, и даже отрицание, как показано в последней главе, включено сюда и служит если не поддержанию структур, то поддержанию самой аутопойетической репродукции. Поэтому общество можно обозначить и как самосубститутивный порядок⁸, так как все,

⁷ Того, что на уровне самоописаний, используемых в обществе, может иметь силу нечто иное, коснемся позднее.

⁸ По поводу данной формулировки см. также: *Luhmann N. Identitätsgebrauch in selbstsubstitutiven Ordnungen, besonders Gesellschaften II* Luhmann N. *Soziologische Aufklärung*. Bd 3. Opladen, 1981. S. 198—227.

531

что должно быть изменено или заменено *у него*, должно быть/изменено или заменено *в нем*.

Опираясь на анализ в предыдущих главах, мы можем поддержать-ваться того, что всякое смысловое указание, артикулирующее социальное измерение смысла, ведет в само общество (даже если сам смысл воспринимается как окружающий мир общества). От-дифференциация социального измерения (по отношению к предметному и временному) есть лишь один аспект от-дифференциации самой общественной системы. Равным образом все, что ожидается или воспринимается в качестве коммуникации, инкорпорирует в общество его активных и пассивных участников. Тем самым их поведение полагается общественно ожидаемым, чем бы ни были его естественные причины и психические мотивы. Социальное измерение указывает на сопереживание, способное коммуникативно заявлять о себе, и оба подразумевают не что иное, нежели рекурсивную саморепродукцию общества. Это особенно справедливо также и в том случае, если *в обществе формулируется противоположность*. Бог, сопереживающий все и коммуникативно достигаемый, но не относящийся к обществу, — это единственное исключение, которое является копией рекурсивной тотальности самой общественной системы, дубликатом, обеспечивающим религиозное постижение мира. Тем самым общество противоречит самому себе и приобретает уверенность в том, что самореференция не бессмысленна и что началом является не идентичность, а различие.

Пожалуй, важнейшее следствие из этого положения вещей касается отношения системы и окружающего мира. Для такой системы *на уровне собственного функционирования нет никаких контактов с окружающим миром*. Как организм не может продолжать жить за пределами своей кожи, так и психическая система не может оперативно простирает свое сознание в мир; как глаз не может создавать контакт нерва с тем, что видит, так и общество не может коммуницировать со своим окружающим миром. Оно есть полностью и без исключений закрытая система. Это отличает его от всех остальных социальных систем, таким образом, прежде всего от систем интеракции, способных устанавливать коммуникативные отношения со своим окружающим миром, приветствовать вновь прибывших, сообщать о решениях и т. п.

Эту закрытость следует сформулировать прежде всего как неспособность. Однако в отказе от распространения способа операций на окружающий мир как раз и заложена своего рода мощь системы. О глазе также следовало бы сказать, что он может лишь видеть окружающий мир; но лишь поэтому он и может его ви-

532

деть⁹. Общество может лишь коммуницировать об окружающем мире; но лишь поэтому оно может коммуницировать о нем. Если бы общество могло коммуницировать с окружающим миром, то потеряло бы дистанцию, необходимую для этого.

Само собой разумеется, что общество остается системой в окружающем мире, несмотря на свою самозакрытость и даже благодаря ей. Оно является системой с границами. Эти границы конституируются самим обществом. Они отделяют коммуникацию от всех некоммуникативных обстоятельств и событий, т. е. не фиксированы ни территориально, ни на группах лиц. По мере прояснения данного принципа самоконституирования границ общество совершает собственную от-дифференциацию. Его границы становятся независимы от таких естественных признаков, как происхождение, горы, моря, и тогда в результате эволюции в конечном итоге есть лишь одно общество — всемирное общество¹⁰, включающее в себя все коммуникации и ничего более и потому имеющее совершенно однозначные границы.

Коммуникативная система такого рода отнюдь не впадает в иллюзию самодостаточности коммуницирования. Этому препятствует уже трехкомпонентная структура коммуникации — коммуницируют о чем-либо, и лишь как исключение коммуницируют о коммуникации. Таким образом, внешний стимул постоянно представлен в качестве информации; если бы коммуникация забыла об этом, то сама себе бы и напомнила. Она может воспроизводиться лишь в качестве события и

действия по переработке информации. Соответственно закрытость рекурсивных коммуникативных отношений не имеет функции освобождения от окружающего мира. Она зависит от сенсоров, сообщающих ей о нем, и остается таковой. Ими выступают люди в полном смысле их взаимопроникновения — как психические и как телесные системы. Именно аутопойетические, самореферентно-закрытые системы в этом отношении зависят от взаимопроникновения. Или, формулируя иначе: взаимопроникновение есть условие возможности самореферентно-закрытого аутопойетиса. Взаимопроникновение обеспечивает его эмерджентность благодаря тому,

⁹ Лишь предусмотрительности ради следует добавить, что данная формулировка упрощает весьма комплексное положение вещей. На самом деле видит не «сам глаз», а мозг с его помощью.

¹⁰ Специально об этом см.: *Luhmann N. 1) Die Weltgesellschaft // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 2. Opladen, 1975. S. 51—71; 2) World Society as a Social System / Dependence and Equality: A Systems Approach to the Problems of Mexico and Other Developing Countries / Ed. F. Geyer, J. van derZouwen. Oxford, 1982. P. 295—306.*

533
что открывает аутопойетическим системам контакты с окружающим миром на иных уровнях реальности. Благодаря взаимопроникновению можно обеспечить разобщение и в то же время связь функциональных уровней оперативной обработки информации, т. е. реализацию систем, одновременно закрытых и открытых по отношению к своему окружающему миру. Данная комбинация, видимо, открыла возможность поддерживать стабильный градиент комплексности между окружающим миром и системой и при более высокой комплексности обеих сторон.

Таким образом, это есть автаркия, которую Аристотель провозгласил достижением полиса, политией. С тех пор это понятие остается проблемой, так как известно, что полис связан с другими городами, народами и государствами, в том числе экономически и политически. Соответственно автаркия могла быть отнесена лишь к условиям морального, человеческого образа жизни, а город понимался как идеальное место, где человек мог лучше всего реализовать свою человечность. В постоянно меняющихся общественных отношениях функциональные приоритеты занимали в конечном счете все больше места, утверждая самобытность прекраснейшего и наилучшего — полисного общества. Для этого постепенно принимались в расчет политическая самостоятельность, религиозное осмысление, экономическое благосостояние, но ни одна из этих семантик самотематизации никогда не смогла достичь, а тем более, осуществить обещанную автаркию".

Лишь в обществе можно оперировать общественно-теоретической семантикой, управлять процессом самонаблюдения и самоописания общества, причем также лишь с большей или меньшей полнотой, с большей или меньшей адекватностью положению вещей, с большей или меньшей зависимостью от традиций. Жизненный мир, в котором общество само себя создает и от-дифференци-ровывает, тем самым никогда не охвачен целиком. Наблюдение — это всегда различие, поэтому оно должно полагать единство различия как мир и возможность других различий в качестве кон-тингентности. Однако именно это можно сформулировать уже как высказывание об обществе, чем мы и занимаемся здесь посредством его искомой характеристики. Это есть именно такое единство самореферентной закрытости, которое снабжает все операции принадлежностью, самореферентностью и избирательностью, благода-

¹¹ См. об этом также: *Luhmann N. Selbst-Thematisierungen des Gesellschaftssystems // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 2. Opladen, 1975. S. 72—102.*

534

ря которым общественная система отличается от систем интеракции.

Концепция самореферентной закрытости разрешает проблему, которую вслед за Блаубергом можно было бы обозначить как системно-теоретический парадокс¹². В соответствии с ним смысл системы можно выяснить лишь через отношение к более обширной системе, в то время как ее понимание требует постичь ее внутреннюю дифференциацию. Вполне логично, что учитывая этот парадокс, само общество уже не рассматривают как систему (либо как систему лишь постольку, поскольку все социальные системы можно анализировать в конечном счете в связи с обществом). Тогда анализ общества оставляется диалектическому материализму¹³. Вместо этого мы предлагаем понимать под обществом систему, для которой на том же уровне операций нет какой-либо охватывающей системы, так что невозможно какое-либо внешнее понимание, а может быть лишь самонаблюдение, самописание, самообъяснение с помощью собственных операций.

III

Системы интеракции также можно ограничить весьма точно. Как и у всех систем, их границы определены, если проблемы, возникающие с проведением разграничительной линии и с внешним и внутренним использованием различия, могут быть решены с помощью оперативных возможностей самой системы. В случае общества это справедливо, когда возникает вопрос о том, является что-то коммуникацией или нет. Это можно выяснить посредством коммуникации. Подобно этому системы интеракции имеют вполне определенные, во всяком случае, определяемые границы. Они включают в себя всех, кого можно считать *присутствующими*, а при необходимости решать, кого из них считать

присутствующими, а кого — нет.

¹² Ср.: *Blauberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Systems Theory: Philosophical and Methodological Problems. Moskau, 1977. P. 268 ff.* Если искать предшественников, то прежде всего следует назвать Паскаля. См.: *Pascal. Pensees* Mr. 84 издания L'CEuvre de Pascal, ed de la Pleiade. Paris, 1950. P. 840—847 (845) = Nr. 72 ed Brunschwig. Ср. также: *Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik und Kritik / Hrsg. M. Frank. Frankfurt, 1977. S. 95, 187 f.*

¹³ Парадоксальности теории систем являются у Блауберга, Садовского и Юдина разве что исключительно парадоксами аналитических инструментов, в то время как из представленной здесь теории, по-моему, их следует рассматривать в более глубокой связи с теорией Маркса как реальные противоречия в предметной области теории.

535

Присутствие как критерий отграничения подчеркивает особую роль процессов восприятия для конституции систем интеракции. Восприятие в отличие от коммуникации является менее притязательной формой получения информации. Оно обеспечивает наличие информации, не связанной с тем, что она выбирается и коммуницируется в качестве информации. Это гарантирует от некоторых источников ошибок, особенно от иллюзий и от искажений по психическим причинам. С точки зрения эволюции восприятие также является первостепенным и наиболее распространенным способом информирования, и лишь в немногих случаях оно конденсируется в коммуникацию.

Восприятие есть прежде всего психическое получение информации, но оно становится социальным феноменом, т. е. артикуляцией двойной контингенции, если может быть воспринято то, что восприятие происходит. В социальных ситуациях Ego способен видеть, что Alter видит, и может видеть примерно то же самое, что видит Alter. Эксплицитная коммуникация может опираться на данное рефлексивное восприятие, может дополнять его, прояснять и отграничивать; и одновременно она встраивается в данную рефлексивную взаимосвязь восприятий, ибо, конечно, также зависит от восприятия и восприятия восприятия.

По сравнению с эксплицитной коммуникацией, которая считается действием, рефлексивное восприятие имеет специфические преимущества. Интеракция «капитализирует» эти преимущества и предоставляет их в распоряжение общества. Так, восприятие осуществляет прежде всего:

- (1) высокую комплексность приема информации при незначительной четкости анализа—таким образом, широкий, но лишь «приблизительный» модус понимания, который никогда невозможно достичь коммуникацией;
- (2) приближительную синхронность и высокую скорость работы с информацией, в то время как коммуникация зависит от последовательного модуса переработки информации;
- (3) малоспособность к отрицанию и самоотчету, таким образом, высокую степень общности обладания информацией (сколь бы диффузной она ни была);
- (4) способность к модализации коммуникации при помощи параллельных процессов ослабления, усиления или же противоположного сообщения на уровне (преднамеренной или непреднамеренной) «непрямой» коммуникации, позволяющем избежать большого риска эксплицитного действия; важно как уровень управления юмором и серьезностью, сексуальным сближением, подготовкой к

536

смене темы или завершению контакта, контролю тактом и вежливостью¹⁴,

Равным образом важно, что системы интеракции не исчерпывают себя, предоставляя такие возможности восприятия, а за счет рефлексивного восприятия обеспечивают течение коммуникаций. Если Alter воспринимает, что его воспринимают и воспринимают его восприятие того, что он воспринят, то он должен исходить из того, что его поведение интерпретируют как имеющее указанный настрой; в таком случае поведение понимается как коммуникация — устраивает это Alter или нет, но это почти неизбежно вынуждает его к контролю поведения как коммуникации. Даже коммуникация о том, что в нее не желают вступать, уже есть коммуникация; и в общем случае требуется институциональное разрешение на упорное прилюдное занятие своими ногтями, на скучающий взгляд, демонстративное чтение газеты. Практически верно следующее: в системах интеракции *не могут не коммуницировать*¹⁵; чтобы избежать коммуникации, следует отсутствовать¹⁶.

Несмотря на рефлексивную саморегуляцию, системы интеракции на уровне восприятия остаются высокочувствительными к помехам. То, что приходится на восприятие, возможно, имеет социальную значимость, способно вмешиваться в текущую коммуникацию, нарушать, останавливать ее. Восприятия восприятия недостаточно, чтобы избежать этого; оно сортирует события лишь по критерию воспринято оно другими (что повышает их значимость) или нет. Оно придает прежде всего телам участников стратегическое значение в распределении релевантностей и поводов к коммуникации. Вряд ли не заметят внезапную кровь из носа или пятно на скатерти. Вместе с растущими требованиями к социально-рефлексивной

¹⁴ См., напр., анализ в: *Buffier C. Traite de la societe civile, et du moyen de se rendre heureux, en contribuant au*

bonheur des personnes avec qui Ton vit. Paris, 1726. P. 123 ff. — Было бы крайне невежливо сказать человеку, что с ним скучно; и именно поэтому вежливо определять по глазам другого, не скучно ли ему. Иначе говоря, вежливость становится рефлексивной, не эксплуатирующей вежливости других; для этого нужно повысить уровень восприятия.

¹⁵ См. в связи с этим известные исследования: *Watzlawick P., Bea-vin J. H., Jackson D. D. Pragmatics of Human Communication: A Study of Interactional Patterns, Pathologies, and Paradoxes.* New York, 1967. — Исследования посвящены последствиям этой неизбежности.

¹⁶ Это (трудная) проблема не только окончания интеракции (или ухода из нее) — следует помнить и о формах, позволяющих избежать интеракции в ситуациях, которые сами по себе побуждали бы к интеракции (при встрече знакомого здороваются с ним, проходя мимо).

537

чувствительности в системах интеракции, т. е. вместе с их от-диф-ференциацией в ходе социокультурной эволюции, выросла и дисциплина тела¹⁷; но и, в первую очередь, склонность к бездействию как «чистой» возможности четкого сигнала о том, что продолжение коммуникации становится слишком трудным. Интеракция, дисциплинированная именно таким образом, становится тем более уязвимой для планомерных помех, обнаруживающих в защитной структуре системы информацию для нападения¹⁸.

То, что осуществляется в системах интеракции почти всегда вопреки любой возможности помех и избирательной чувствительности, есть тот двойной процесс восприятия и коммуникации, при котором нагрузки и проблемы приходятся отчасти на один, отчасти на другой процесс, и все время перераспределяются в зависимости от понимания ситуации и того, куда направляет внимание участников развертывающаяся история системы. Здесь также справедливо, что социальные системы осуществляются лишь благодаря коммуникации. Способ, которым присутствующие в интеракции вынуждены коммуницировать, в то же время обеспечивает доступность «внутреннего окружающего мира», благодаря которому становится возможной, подпитывается и, в случае необходимости, корректируется работа коммуникации. В таком случае восприятие и коммуникация могут разгружать друг друга в пределах собственных мощностных возможностей. За счет этого в самих системах интеракции возможна интенсификация коммуникации, для которой нет никаких эквивалентов вне интеракции.

Такая быстрая и конкретная комбинация восприятия и коммуникации может осуществляться лишь на узком пространстве. Разумеется, она связана с пределами восприятия. Однако этого недостаточно — не все, что могло бы быть воспринято, лишь поэтому уже социально релевантно.

Ожидаемая коммуникация служит дополнительным принципом отбора — воспринимаемое

прощупывают в от-
den ^LTd'er^vT^6?^ c^3BeCTHOГo описания этого см.: *Elias N. Uber ^.^B^-^o^^ -d Psychogeneusche Untersu-
site^ax^bcГГз'ис^6n110 ФТЗСТИЧНЬЕ ПОМБХИ в нниракщп. в университетах все без исключения обязаны этой
высокоизбирательной дисии*

плинированности математически-сконцентрированной интерГции ВcГон^ провоцируют неинтегрируемое
восприятие*. Из собственнТо опыта мо" назвать присутствие лишних людей на лекции, объявления на доске
ш^м (разговоры), выключение света и задерживание штор^распитие пива тол лГаГлТоч^д,,икГ^цино * ~ тм тм~ *
аудиТорГиГ

538

ношении того, что именно, по возможности, могло бы быть включено в текущую коммуникацию или хотя бы стать важным для ее хода. Иначе говоря, в качестве селектора используют прежде всего социальное измерение воспринимаемого смысла, что ведет к более узкому определению границ системы. Таким образом, присутствие является конститутивным и границеобразующим принципом систем интеракции, и вместе с присутствием подразумевается, что совместное пребывание лиц¹⁹ управляет отбором восприятий и обозначает перспективы социальной релевантности.

Это вновь подтверждает, что социальные системы являются аутопойетическими, выбирающими себя и свои границы. В конкретных повседневных ситуациях, и именно там, такая автономия также необходима для создания дистанции; и именно системы, зависимые от ситуации, подверженные любому восприятию, должны оставлять себе возможность присутствующих решать, кого считать присутствующими. Иначе как можно было бы отдыхать в ресторане, встречаться в фойе театра, сниматься в телепередаче, стоять в очереди на автобусной остановке или просто ехать на машине? Чем сильнее техническое воздействие на ситуации, подтверждению чего служат данные примеры, тем больше необходимости в определении социальной релевантности (и тем она автономнее!).

При более точном рассмотрении здесь обнаруживается также, что аутопойетические потребности

в продолжении коммуникации вынуждают к образованию структур, а значит и различие аутопойезиса и структуры. Образование структуры требуется прежде всего потому, что коммуникация должна быть оторвана от голого восприятия и что это требует ограничений во временном, предметном и социальном отношении — релевантные события должны быть упорядочены, структурированы предметными темами (все присутствующие не могут говорить одновременно — может говорить, как правило, лишь кто-нибудь один²⁰). Если дело доходит до такого образования структуры, то возникают централизованные взаимозависимости

¹⁹ «Лица» означают здесь социально идентифицированные коллажи ожиданий в строгом смысле слова. Ср. выше, гл. 8, XI.

²⁰ Гоффман создал для этого понятие "encounter" (нежданная встреча (англ.). — Прим. пер.) в смысле "focussed gathering" (фокусированное скопление (англ.). — Прим. пер.). См.: Gaffman E. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis Ind., 1961. Мы видим в этом скорее особый тип системы интеракции наряду с другими, нежели потребность интенсифицировать образование систем. Без фокусировки и структурного отбора системные образования возможны лишь в рудиментарном, быстро преходящем смысле — как нечто временной нагрузки.

539

мостей²¹. Централизование взаимозависимостей может быть больше заложено в социальном измерении; в таком случае оно сводится к ориентации на лидеров или аналогичных привилегированных ораторов²³. Оно может быть сосредоточено и во временном измерении, тогда возникает финализация системы. В любом случае именно так реконструируются взаимозависимости, существующие в системе. На место (невозможной) взаимозависимости каждого элемента от каждого (или же множества элементов от множества) заступает взаимозависимость всех (или множества) элементов от избранной прицельной точки, в которой система наилучшим образом репрезентирует свое единство в себе.

Благодаря централизованию и прежде всего тому правилу, что всегда может говорить лишь кто-то один, а другие должны слушать или хотя бы ожидать, возникает своеобразный избыток возможностей, который вслед за Мак-Коблом можно назвать «избытком потенциала управления»²³. Структурная эластичность систем интеракции основана на данной избыточности, т. е. на возможности выбирать, что попадает в центр общего внимания, а что остается вне его. Выбор требует самореферентных операций, облегченных здесь тем, что то, что в любом случае фактически находится в центре общего внимания, может восприниматься и быть почти бесспорным.

Какие бы степени централизования ни были достигнуты, структура распределяет возможности коммуникации (а не возможности восприятия!) среди участников²⁴. Однако вместе с данными условиями порядка, специфическими для интеракции, вступили в силу и

²¹ На прекрасном «франгле» в: *Le Moigne J.-L. La theorie du systeme general: theorie de la Modelisation.* Paris, 1977. P. 91 это называется "relations poolantes" (relations (англ.) — отношения; poolantes (фр.) — отношения. — Прим. отв. ред.).

²² Опыт дискуссионных групп, университетских семинаров и других систем также показывает, что меньшинство говорит много, а большинство мало — квазиестественное развитие, которое можно скорректировать (если это вообще возможно) лишь управлением.

²³ Ср. в связи с этим: *Pask G. The Meaning of Cybernetics in the Behavioural Sciences (The Cybernetics of Behaviour and Cognition: Extending the Meaning of "Goal")* // *Progress in Cybernetics / Ed. J. Rose. Vol. 1.* London, 1970. P. 15-44 (32 ff.).

²⁴ Ср. также "interaction-opportunity-structure" (взаимодействие-возможности-структура (англ.). — Прим. пер.) в: *McCall G. J., Simmons J. L. Identities and Interactions.* New York, 1966. P. 36 ff. — Это понятие возникает на основе исследований деликвентности и образовано в обратном порядке: целесообразность становится структурой, когда ситуации достаточно для этого структурированы.

540

ограничения роста мощности, типичные для этих систем, — под мощностью здесь понимается производительность переработки информации. Прежде всего необходимость последовательной обработки быстро приводит к слишком большому расходу времени, вступающему в коллизии с прочим ангажементом участников. Они помогают себе путем перерыва в контактах и новых встреч позже либо планируют это изначально — общество по изучению Библии еженедельно встречается в определенное время в определенном месте. Однако подобное планирование предполагает некоторые договоренности, которые уже нельзя гарантировать средствами системы интеракции, а также мотивы, воспроизводство которых в самой интеракции через длительное время, как известно, затруднительно. Высокая степень зависимости от времени в конечном итоге оставляет интеракции мало свободы в выборе форм дифференциации. У интеракций имеется немного возможностей создавать одновременно оперирующие подсистемы. По времени они делятся на эпизоды. Для общественных систем верно обратное. Их широта как раз требует дифференциации на подсистемы, в то время как для образования эпизодов и прежде всего для их смены не хватает конкретных отправных точек для общей

перестройки. Если общество желает создавать эпизоды, то оно должно использовать системы интеракции и предусматривать последовательности интеракций, в том числе и в случае отказа от деления, релевантного для всего общества. Эти различия в типе внутренней дифференциации систем в то же время высвечивают смысл дифференциации общества и интеракции — она обеспечивает тесное взаимное сцепление синхронной и диахронной дифференциации.

IV

Общество и интеракция являются разнородными социальными системами. Общество гарантирует самореферентно-смысловую закрытость коммуникативного события, таким образом, для любой интеракции, а также возможность ее начала, окончания, способность ее коммуникации к присоединению. В системах интеракции используется гидравлика взаимопроникновения. Здесь на присутствующих действует разрежение и давление присутствия и побуждает их ограничить свою свободу. Поэтому общество невозможно без интеракции, а интеракция — без общества; но обе разнородные системы не сливаются, а необходимы друг другу в своем различии.

541

Эволюция смысловых социальных систем, очевидно, использовала это различие и многого достигла с его помощью²⁵. Вследствие двойного базирования на восприятии и коммуникации интеракция с исторической точки зрения становится возможной в качестве относительно безусловной, окказиональной, естественной и зависимой от ситуации. Можно было бы говорить почти о дообщественной потребности в возникновении общества. Однако лишь тогда, когда интеракция понимается как общественный эпизод, она создает то самое различие и ту «прибавочную стоимость», которые способствуют эмерджентности общества. В таком случае интеракция создает и регенерирует смысл, способный к исключениям, который простирается за пределы ее границ в пространство и время, в релевантные объекты и темы. При этом для архаичных отношений следует предположить общественную реальность, весьма близкую к интеракции, которая еще не действует на интеракции формообразующе, но постоянно пересматривается вместе с их осуществлением²⁶. Измерения смысла (временное, предметное, социальное) еще едва дифференцированы, и поэтому их не толкуют расширительно. В таком случае личности обладают лишь минимальным собственным ауто-поэтическим сознанием, ограниченным отношением к своему организму. Конечно, им известно, что их голод не есть голод других; но они не отличают себя от тех, кем они представляются другим. Все социальные формы оказываются окказиональными, связанными с конкретными локализациями и должны быть представлены, чтобы воздействовать. Существуют понятные (и расцениваемые так) обусловливания, например такие, как взаимность, ибо без обусловливаний никаких социальных систем не было бы; но они не выходят далеко за пределы каждый раз актуальной социальной ситуации и не воспринимаются в качестве правил.

Следует допустить, что, несмотря на эти ограничения (в которые мы вряд ли можем вникнуть глубже), коммуникация уже возможна в полном смысле единства информации, сообщения и пони-

²⁵ См. аналогичные рассуждения, сделанные на основе социальной антропологии и социологии Дж. Мида: *Warriner, a. a. O.*, в частности р. 123 ff.

²⁶ *Warriner, a. a. O.* P. 134: «Эти общества примитивны по следующим трем важным критериям; (1) партикулярность, привязанность к специфическим акторам, а также к событиям и ситуациям возникновения общества; (2) аисторичность в том смысле, что прошлое всегда пересматривается в настоящем и не существует для акторов как автономный факт; (3) индифферентность, поскольку социальные формы еще не возникли в процессе интеракции».

542

мания, постоянно контролируемого пониманием. В таком случае непрерывно стимулируемая коммуникация будет формировать в море заявленных осмысленных возможностей островки взаимопонимания, облегчающие в самом широком смысле в качестве культуры вхождение в интеракцию и ее окончание. Формы культуры, в дальнейшем прежде всего коммуникативные техники письменности и книгопечатания, уже не организованы специфически в отношении интеракции и именно поэтому обеспечивают то, что в обществе от-дифференцируются системы интеракции, специфические по смыслу.

Однако как бы ни развивалось это различие, для всей известной истории человечества общество и интеракция не сводятся друг к другу — иначе пришлось бы отказываться либо от всеобъемлемости, либо от непосредственного присутствия, т. е. от существенного признака соответствующей другой системы. Но мы точно так же не можем удовольствоваться и голым различием, и соответствующей классификацией. Тогда не учитывалось бы, что неидентичность общества и интеракции воспринимается и действует как различие. При этом речь идет, как уже отмечено во введении, не о феномене границы, т. е. как раз не о возможности оставить без внимания иное. Также невозможно разложить общественную систему на системы интеракции либо объединить их в систему общества — это как раз лишает возможности различия. Различие является конститутивным моментом в построении общественных систем и систем интеракции. Его невозможно ни нейтрализовать редукцией или генерализацией, ни ослабить путем экстернализации до чисто категориального различения. Без отличия от общества была бы невозможна какая-либо интеракция, без отличия от интеракции было бы

невозможно какое-либо общество. Теперь это нужно показать подробнее.

Мы исходим прежде всего из системы интеракции. Интеракция предполагает во всех трех измерениях смысла анонимно конституированное общество, причем не только как иную социальную систему, но и как основание своего обособления.

С точки зрения времени интеракция не могла бы начаться и прекратиться, не будучи понимаема как эпизод, как продолжение совместной общественной жизни и в контексте продолжения репродукции общества. Структуры ожидания, нужные для быстрой репродукции, для непосредственного присоединяющего действия, не смогли бы в непрерывной интеракции развивать необходимое многообразие. Это справедливо не только и даже не в первую очередь по причине надежности ожиданий и необходимого согласия по по-

543

воду программированных типов, возможных тем интеракции. Важ*¹ но прежде всего то, что у общества есть наготове богатые возможности по ограничению начинающейся интеракции²⁷. Только в различии с общественно возможным интеракция может приобрести свой профиль; лишь так она способна начать с того, чтобы стать чем-либо обязанной самой себе. Особенно в случае «щекотливого» начала — в любовных отношениях; в случае девиантного либо даже криминального поведения; там, где нужно обеспечить доверие — отсюда возникает проблема связывания: кто первый связывает себя и тем самым оставляет другому свободу вступать или не вступать в связь, тем самым обуславливая систему?²⁸ Для того чтобы участники понимали интеракции как общественные эпизоды и могли снова выходить из них, тоже нужны общественные установления. Окончание не следует понимать как деструкцию смысла интеракции (иначе из-за ее зримого конца вообще не вступали бы в нее), тем более, интеракция не способна так узурпировать общественную жизнь, что после нее вообще больше ничего не произойдет (иначе от участников нельзя требовать завершить интеракцию)²⁹.

Что касается социального измерения, то из общества для интеракции следует такая организация свобод и связываний, которую сама интеракция была бы неспособна обосновать. Каждый участник вне системы интеракции оказывается подвержен ожиданиям иного рода, и он должен считаться с тем, что так происходит с каждым. В то же время эти внешние связывания, если они видны в интеракции, также приводят к самоконтролю каждого участника — от него требуется, чтобы он сам сохранял ролевое тождество³⁰. Таким образом, общественный окружающий мир выражается в системе интеракции как комплекс иных обязанностей участников — случай упрощенной *внутрисистемной* презентации различия системы и окру-

²⁷ Некоторые замечания по поводу открытости ситуаций начала см. в: McCall G. J., Simmons J. L. *Identities and Interactions*. New York, 1966. P. 182.

²⁸ См., напр.: Cohen A. K. *Delinquent Boys*. New York, 1955. P. 60 f.

²⁹ В качестве исследования случаев облегченного начала и конца контактов ср.: Cavan Sh. *Liquor License: An Ethnography of Bar Behavior*. Chicago, 1966,

³⁰ Данную точку зрения выработал, в частности, З. Ф. Надел. В простейших обществах она служит освобождению от официального аппарата нормирования и санкций. Ср.: Nadel S. F. *Social Control and Self-Regulation I Social Forces* 31 (1953). P. 265—273 ff Nadel S. F. *The Theory of Social Structure*. Glencoe 111., 1957.

544

жающего мира. Вместе с иными своими связываниями и ролевыми обязанностями участники в определенной мере есть и иные личности — где-то в другом месте с их личной идентичностью связана другая история и другие ожидания. Для отдельного человека в этом состоит основание понимать самого себя как индивидуума и отправную точку управления своей личностью и ролью³¹. Для системы интеракции в этом заключается основное условие свободы участников и тем самым основное условие двойной контингентное™. *Различие общества и интеракции трансформирует связывание в свободу*. Любой участник может требовать в интеракции учета того, что у него есть и иные обязанности, и тем самым набирать дистанцию³². Так можно уйти от давления ситуации, от назойливого взгляда; и это не в ущерб интеракции, а опять-таки (как и во временном измерении) для развития своих закономерностей на основе двойной контингентности. Постольку рекурсивность общественной системы является тем «гиперциклом» (собственным), который только и обеспечивает конституцию контингентностей системы интеракции и тем самым ее самоотбор.

Если верно, что системы интеракции конституируются во временном и социальном измерениях через различие с обществом, т. е. и через различие со своим общественным характером, то следует ждать последствий и для предметного измерения смысла, который реализуется в каждом случае. Последствия отмечаются в темах коммуникативной интеракции. Темы выбираются в интеракции конкретно и в то же время контингентно. Их контингентность презентует их общественный характер — отчасти в качестве ссылки на окружающий мир интеракции и на другие возможности

участников, отчасти как наличие иных возможностей осуществления самой интеракции. При этом речь идет не только об общей и бесполезной контингентности смысла и всего мира; не только о том, что все могло бы быть иным. В гораздо большей степени из-за того, что интер-

³¹ Это, как известно, одна из точек зрения, с помощью которых социология объясняет исторический генезис индивидуальности. Ср., напр.: *Durkheim E. De la division du travail social*; переиздано: Paris, 1973. P. 336 ff.; *Gerth H., Wright Mills C. Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York, 1953. P. 100 ff.

³² Разумеется, более точный анализ обнаруживает, что возможности оправдания ссылкой на связи распределены весьма неравно: у лиц с более высоким статусом их больше, чем у низкостатусных; у работающего супруга больше, чем у неработающего и т. п. Но в принципе, пожалуй, нет такого, кто был бы целиком подчинен лишь одной интеракционной связи.

183ак. №4161

545

акция осуществляется как общественная, эта контингентность конкретизируется. Интеракция все время делает выбор из определенных (или все же определяемых) возможностей в ситуациях, которые дают лишь ограниченные варианты течения. Нужно ли откладывать начало застолья до тех пор, пока не придет последний приглашенный? До каких пор ждать? Не используют ли здесь специально созданный общественный институт аперитива, чтобы затянуть время и снизить риск? Известно ли заранее, кто и перед кем должен извиняться? Наверно, лучше всего, чтобы каждый перед каждым? Начиная с какого момента ожидающих можно привлечь к теме ожидания, говорить о том, кто все еще отсутствует, вводя в ситуацию ее основания? Тогда в какой мере это ограничивает все еще доступные возможности распоряжаться временем? Продолжение интеракции возможно, лишь если эти вопросы задают устойчивую структуру, если исключается множество иных возможностей (общая гимнастика, просмотр телепередач, уход хозяев) и прежде всего если исключается неопределенное давление необходимости что-то предпринять, непонятно что именно.

Лишь артикулированная контингентность обеспечивает интеракции возможность управлять собой. Лишь она создает коллективную краткосрочную память как ресурс для позднейших эвентуальностей (нам всем пришлось довольно долго ждать) и объяснение для вытекающих проблем (оратор по ошибке выступил перед супом, успевшим поэтому остыть). Интеракция никогда не смогла бы сравняться со скоростью присоединяющего действия или ограничилась бы простейшими случаями, если бы не было постоянного воспроизводства различия общества и интеракции посредством артикулированной контингентности. При этом автономия системы интеракции может быть ограничена настолько, что она идет скучно, неинтересно; остается открытой почти что одна возможность — ошибаться". Противоположный случай чересчур открытой контингентности, безосновательного и бесцельного совместного пребывания (лишь потому что нет смысла быть где-либо еще) также проблематичен. По таким же пограничным случаям видно, что (и в чем) интеракция связана с различием с обществом. Интеракция должна реализовать свою событийность, должна мочь тем-порализировать себя, удивлять себя; но она может это лишь в силу надежных структурных параметров становится пригодной для бы-

³³ Известная проблема придворного церемониала; и почти что искушение видеть в этом причину перестройки морали в 1700 г. с греха на ошибки, а в качестве санкций — с потери святости на насмешки.

546

строго, непрерывного осуществления и самоотбора своей структуры и истории.

Если учесть, что (и как) в системе интеракции демонстрируется общественный окружающий мир, то можно вывести гипотезы о влиянии на системы интеракции изменений структуры общества. Если общественный окружающий мир становится комплекснее, то в интеракции это касается прежде всего *иных своих ролей*, учета которых должен ожидать и требовать каждый участник. Чем комплекснее окружающий мир, тем гетерогеннее эти иные роли, тем более обобщенно и без понимания в системе они должны быть оправданы. В то же время снижается мера, в которой сами участники интеракции дисциплинируют себя с учетом иных ролей. В традиционных общественных системах эти иные обязанности были вполне обозримы в любой интеракции (поэтому их невозможно было просто симулировать). По сути дела интеракции имели место дома, а если вне дома, то в тех же слоях. С переходом к современному обществу этот порядок распался. Это ослабляет возможность использования интеракции в качестве источника общественной солидарности; ибо опыт, приобретаемый в интеракции с другими, возникает за счет уступок их иному поведению. Представляется, что идея «партнерства» отражает именно это, перед лицом неконтролируемости ожиданий редуцируя по отношению к внешнему поведению внутренние привязки к лояльности и вере в нее³⁴.

При более сильной дифференциации общественной системы и систем интеракции оправданы формы интеракции, которые уже сами по себе приносят высокую степень индифферентности последствий для неучаствующих. В особой степени это верно в отношении обмена и конфликта. Обмен в принципе не учитывает то, как в условиях дефицита *не* участвующие в обмене относятся к тому, что *они не* получают в обмен предметы и услуги. Это может проявляться лишь косвенно, в том, что обменивающиеся могут подыскивать себе иные возможности обмена на более выгодных условиях. Для конфликта *mutatis mutandis** справедливо то же самое. В пылу спора участники обращают на других меньше внимания — разве что не хотят сделать их союзниками. Как раз из-за этих индифферентно-стей обмен и конфликт весьма соответствуют общественным условиям, возникающим при большей дифференциации общественной системы и систем интеракции.

Буржуазное общество XIX в. тоже

³⁴ Ср.: *Leupold A. Liebe und Partnerschaft: Formen der Codierung von Ehen II Zeitschrift für Soziologie* 12 (1983), S. 297—327.

* С учетом соответствующих различий (лат.). — Прим. отв. ред.

547

понимает себя прежде всего как регулирование обмена и конфликта, как экономика и государство и чисто фактически дает отношениям обмена и конфликтам гораздо больше свободы, чем любое прежнее общество³⁵.

V

Данный анализ, берущий за основу систему интеракции, можно повторить и закончить, если смотреть в обратном направлении — исходить из общественной системы. Общественная система обретает на основе различия с отдельными интеракциями способность к абстракции.

Общественная коммуникация осуществляется в обширном объеме (а не исключительно) как интеракция. Таким образом, и здесь не следовало бы заниматься различием системы и окружающего мира или вообще полагать, что общество состоит из абстрактных, а интеракция, напротив, из конкретных операций (коммуникаций, действий). Общество не исключает, а включает интеракцию. Таким образом, речь не идет о выделении разных сортов действий: общественного либо интеракционного. Различие структурирует, скорее, недифференцированную³⁶ область элементарных операций — прибавляет ей способность к абстракции, которая никогда не смогла бы развиться из одной интеракции. В таком случае абстракция в интеракции становится в значительной мере релевантной интеракции, но происходит не из нее самой, а из ее общественного характера и поэтому не существует локально. С семантическими коррелятами этой несвободы, например с понятием природы или моральными представлениями, мы иногда уже сталкивались³⁷.

³⁵ Для отношений обмена это вытекает уже из включения в систему денежного обмена недвижимости и труда. Применительно к конфликтам эту гипотезу можно было бы подтвердить ростом числа правовых споров. Ср., напр.: *Hurst J. W. Law and the Conditions of Freedom in the Nineteenth Century United States*. Madison Wis., 1956; *Wollschldger Ch. Zivilprozeßstatistik und Wirtschaftswachstum im Rheinland von 1822—1915//Das Profil des Juristen in der europäischen Tradition: Symposium aus Anlaß des 70. Geburtstages von Franz Wieacker / Hrsg. K. Luig, D. Liebs. Ebelsbach, 1980. S. 371—397.*

³⁶ Пожалуй, нужно пояснить, что «недифференцированную» относится здесь лишь к различию общества и интеракции. Само собой разумеется, что другие виды дифференциации, например образование подсистем общества, тем самым не отрицаются.

³⁷ Ср., в частности, выше, с. 311—318 данного издания.

548

Благодаря данному различию возникает существенная упорядоченность общественной системы. Не претендуя на полноту, это можно подтвердить некоторыми примерами.

(1) Общество может осуществлять *собственную* системную дифференциацию, т. е. образовывать подсистемы, не основывая это различие на различиях интеракций. Общественная дифференциация развивается, так сказать, сверху, а не снизу; она развивается благодаря вовлечению в общественную систему новых релевантностей системы и окружающего мира, а не за счет поиска и выбора подходящих интеракций. Иначе было бы возможно, что интеракции между дворянами и между крестьянами, либо интеракции в экономике и в политике также различимы как интеракции и могут быть соответствующе поняты наблюдателями. Однако в таком случае использование абстракции в конкретной реализации, а не основание дифференциации.

(2) Лишь общество может «в конечном итоге» распоряжаться отрицаниями, лишь оно способно создавать иммунную систему, которая все-таки еще обеспечивает продолжение коммуникации, осуществляющееся через отрицания³⁸. Конфликты тотчас же трансформировали бы отдельные интеракции в конфликты. Только для общества коммуницированные отсюда «нет» имеют смысл

иммунных событий, и их использование, их поощрение требует определенной бесцеремонности по отношению к судьбе системы интеракции. С точки зрения мотивов, если хотят приобщиться к отклонениям, то на карту ставят нечто более важное (например, честь или ответственность).

(3) Лишь общество способствует идентификации связей ожиданий (личностей, ролей, программ, ценностей)³⁹, которые могут быть использованы в отдельной интеракции, но в своих смысловых отношениях простираются за ее пределы. Тем более степень дифференциации этих коллажей ожиданий и вытекающие отсюда формы взаимозависимости заданы обществом. Прочность синтеза должна иметь смысл, простирающийся за ее пределы, как раз и для того, чтобы обеспечивать убедительность в интеракции. Чтобы быть личностью, нужно стремиться быть ею же и в другом месте.

(4) Лишь на уровне общественной системы и ее подсистем возможна эволюция, т. е. изменение структур посредством вариации, отбора и рестабилизации. Системы интеракции могут содействовать общественной эволюции или нет; они содействуют, если кладут начало образованию структур, оправдывающих себя в системе общест-

³⁸ Ср. выше, гл. 9.

³⁹ Ср. выше, гл. 8, XI.

549

ва. Без этого гигантского экспериментального поля интеракций и без неважности для общества прекращения большинства интеракций была бы невозможна эволюция общества; таким образом, и в этом отношении само общество зависит от различия общества и интеракции. (5) Следовательно, совокупность интеракций образует своего рода базальную анархию, посредством собственной квазистабильности интеракции и через квазинеобходимость прекращения интеракции эта совокупность создает материал для общественной эволюции. Из этого материала через отбор создаются претенциозные формы дифференциации общества. Они никогда не возникли бы, если бы общество не полагалось на развитую способность интеракции к самоупорядочиванию; и они также не предусматривают подчинение всякой отдельной системы интеракции лишь одной-единственной базовой общественной подсистеме.

Эти пять замечаний требуют следующего шага. Очевидно, что различие общественной системы и систем интеракции, со своей стороны, есть результат исторического развития. Это различие предполагает себя в рудиментарной форме и способно к усилению. Горизонт смыслового переживания и действия, видимо, всегда выходит за пределы присутствующих в данный момент. Ни одно общество не растворяется в отдельной системе интеракции. Однако примитивные общества возникают почти как интеракции. Их способность к абстрагированию незначительна, их границы, не заданные сферой восприятия и движения участников, неясны. Подсистемы примитивных обществ могут возникать лишь сегментарно и лишь в форме концентратов интеракции (семей, жилищных сообществ, поселков); иммунная система занята преимущественно поддержанием жизни, противодействием демографическому угасанию; образцы ожиданий связаны с личным знакомством; эволюция редко ведет к морфогенетически радикальным изменениям структуры, которые вряд ли станут стабильными. Лишь тогда, когда используется способность к абстрагированию, относимая к обществу, и когда возникают системы интеракции с большими степенями свободы (с выраженной двойной контингентностью и собственной темпорализацией), возможен импульс к дальнейшей эволюции. Прежде всего с возникновением городов участникам становится очевидно различие преходящей интеракции и общества, а домашние хозяйства вместе с сегментарной дифференциацией отходят на второй план⁴⁰. Усиленное выражение данного

⁴⁰ О соответствующих изменениях семантики ср. классический случай в: *Spahn P. Oikos und Polis: Beobachtungen zum Prozeß der Polisbildung bei Hesiod, Solon und Aischylos II Historische Zeitschrift 231 (1980). S. 529—564. 550*

различия общественной системы и систем интеракции, конечно, не следует понимать как рост взаимной независимости; оно одновременно усиливает взаимную зависимость и независимость, обеспечивая обоим видам образования систем возможность лучше реализовать свои специфические закономерности. Такие проблемы на примере «дружбы» обсуждаются уже в античности. Как модель концентрированной интеракции дружба есть, с одной стороны, принцип совершенства общества, с другой стороны (что обычно иллюстрируют дружбой Гракхов), нечто опасное для общества, система, порой направленная против него.

При переходе к Новому времени такие различия выступают еще острее. Общественно релевантная область интеракции, интеракция в высших слоях, нейтрализуется в религиозном и политическом отношении и вместо этого переключается на развиваемую социальную рефлексивность⁴¹. Однако теория общества все-таки остается понятийно связанной с представлением об интеракции. Это по-прежнему есть общение, связывающее людей в общество, — «живое стремление к законной общительности,

позволяющее народу составить прочную общность»⁴². Так утверждал И. Кант в 1799 г. Однако различие интеракционного и общественного события затем ярко проявляется во Французской революции. Вся Европа видит, что развитие уже нельзя контролировать с помощью интеракции. Логика интеракции не препятствует террору, она со-осуществляет его. Неуклюжесть революционных празднеств и их общественная идеология, отображенная в интеракции, также делают абсолютно ясным, что это уже невозможно. Таким образом, приходится оставить всеобъемлющую терминологию "societates"*. Современное общество четче, нежели любое прежнее, отделяет образование своей системы от возможностей интеракции. Еще оно отказывается подчинять все интеракции той или иной подсистеме общества⁴³.

⁴¹ Ср.: *Luhmann N. Interaktion in Oberschichten: Zur Transformation ihrer Semantik im 17. und 18. Jahrhundert II Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 72—161*; о теоретической рефлексии см. также: *Luhmann N. Wie ist soziale Ordnung möglich? // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 2. Frankfurt, 1981. S. 195—285*.

⁴² *Kant I. Kritik der Urteilskraft. 3. Aufl. 1799. S. 262*, цит. по изданию: *Vorlander K. 3. Aufl. Leipzig, 1902. S. 227*.

⁴³ Стратифицированные общества также должны были идти здесь на обозримый по форме компромисс: интеракции должны были либо идти с учетом специфики слоя, либо иметь отношение к дому. «Весь дом» был местом удовлетворения потребностей, требовавших интеракции между людьми разных слоев.

* От «societas» (лот.) — сообщество. — *Прим. отв. ред.*

551

Тем самым на уровне интеракции общество допускает высокую степень окказиональной, нефункциональной для общества, «повседневной» активности, но в смысловом отношении неоднозначно локализуемой^w, которую все-таки следует воспринимать как более или менее тривиальную, так как ее больше нельзя связывать с высокой общественной семантикой, развивавшейся в рефлексии функций и в символически генерализированных коммуникативных средствах для науки, экономики, политики, интимных отношений, искусства и т. п.⁴⁵ Нынешняя «политическая экономия» отказывается от директив по поводу индивидуального поведения в интеракции даже в наиболее известной ей сфере обмена и производства⁴⁶.

Стратифицированные общественные системы старого мира были весьма нечувствительными к осознанности и неосознанности мотивов. Поэтому они были способны выдерживать большой разрыв морали и реальности; ранг почти автоматически влек за собой моральность. Справедливость этого уменьшается в переходном обществе XVII и XVIII вв. и тем более в современном, функционально дифференцированном обществе. Интеракции, ориентированные на мотивацию, в таком случае должны быть либо стандартизированы, например путем организации, либо отданы на откуп рефлексивному «торгу», договоренности, «переговорам индивидуальностей»; но, невзирая на это, подозрение в наличии мотивации растет. Это тоже ведет к более четкому разделению общественного и интеракционного системобразования.

В случае значительной дифференциации общества и интеракции следует учитывать разобщение интеракционных связей. В таком случае для отдельной интеракции не так важны иные интерак-

⁴⁴ См- уже в: *Simmel G. Grundfragen der Soziologie (Individuum und Gesellschaft). Berlin, 1917. S. 13*. — Общество не могло бы состоять из одних крупных образований, таких как государство, корпорации, классы, не будь между ними множества эфемерных взаимодействий.

⁴⁵ Такое развитие все-таки не может объясняться Тенбруком как «три-виализация» науки и т. п. Ср.: *Tenbruck F. H. Wissenschaft als Trivialisierungsprozess // Wissenschaftssoziologie: Studien und Materialien, Sonderheft 18 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / Hrsg. N. Stehr, R. König. Opladen, 1975. S. 19—47*. Проблема тривиальности есть проблема «интерфейса» между обществом и интеракцией. Однако тривиальным становится не само исследование, не большая любовь, не капиталистическое хозяйство и даже не политика. Впечатление тривиальности возникает как раз не в высших функциональных сферах, а там, где действия утрачивают связь с ними.

⁴⁶ Ср., напр.: *Hodgskin Th, Popular Political Economy. London, 1827*; переиздано: *New York, 1966. P. 38 f*.

552

ционные связи участников. Интеграция их обязанностей осуществляется уже лишь формально диспозициями во времени и больше не гарантирована общим этосом. Кроме того, можно все меньше считаться с тем, что общественно релевантные проблемы могут быть решены посредством интеракции, например, за счет присутствия лиц в целях консенсуса или для предупреждения неподконтрольных действий. Было бы весьма иллюзорно считать, что проблемы взаимной координации различных функциональных систем общества (например, науки и политики, экономики и воспитания, науки и религии) могли бы быть решены или хотя бы ослаблены за счет дискуссии участников. Так возникает трещина между цепочками интеракций, переживаемых отдельными людьми, доступных и понятных им, и комплексностью общественной системы, которую невозможно понять и повлиять на нее в дальнейшем, не говоря уже о ее контроле. Это верно не только для интеракций «обычных людей», но в

принципе и для любой интеракции, даже для вершин «нового корпоративизма»⁴⁷.

VI

Преыдушие высказывания могли оставить впечатление, что все общественные действия идут как интеракции. Сейчас сюда нужно внести изменения. Для этого нам следует ввести понятийное различие, которым мы до сих пор пренебрегали. Оно соответствует различию социального измерения и социальной системы. Действия всегда являются *социальными*, если в их смысловом определении учитывается и социальное измерение; т. е. если учитывается, что подумают об этом другие. Однако действия являются *общественными* лишь если они задумываются и/или воспринимаются как коммуникация, потому что лишь так они реализуют и социальную систему общества.

⁴⁷ Здесь также можно еще раз предостеречь от слишком быстрого понимания. В тексте не предполагается, что интеракция теряет общественную значимость. Напротив, необходимо будет исходить из того, что все-таки есть направления с чрезвычайно богатыми последствиями (но не приводящими к решению проблемы), входящими в отдельные интеракции. Современное общество в общем более индифферентно к интеракции, но в специфических отношениях и более чувствительно, чем общества досовременно-го типа. Это не в последнюю очередь связано со снижением концентрации релевантной интеракции в высших слоях в пользу усиления релевантности и нерелевантности.

553

Существуют социальные действия, полностью свободные от интеракции. В конце концов люди могут действовать и без присутствия других и придавать своим действиям смысл, который указывает им (или возможному наблюдателю) на общество. Следует напомнить, например, о переходах от одной интеракции к другой без непосредственного присоединения — о действиях, связанных с личной гигиеной, которые исключают всякое наблюдение, о чем-то вроде одинокого ожидания в приемной, вечернего домашнего уединения, чтения, письма, одинокой прогулки и т. п. Одинокие действия всегда социальны, если их смысл имеет отношение к обществу. При переходе от одной интеракции к другой действия либо ускоряют, либо замедляют. Одиночеством пользуются для расслабления или для действий, исключающих присутствие других. К интеракции готовятся. Бывает ли вообще полностью свободное от общества, чисто «личное» поведение, принимающее также форму действия, — этот вопрос можно оставить открытым, так как он не в последнюю очередь есть вопрос образования понятий, т. е. зависит от того, насколько далекие от общества отношения позволяют считать действия социальными. Во всяком случае, при этом все должно зависеть от определения смысла самим действующим, а не от общественных обусловленностей, которые мог бы обнаружить наблюдатель.

Одинокое действие было для всех прежних обществ редким и незначительным — хотя бы потому, что дом и остальное жизненное пространство не способствовали обособлению⁴⁸. Лишь в ходе эволюции возникает область, в которой одинокое, свободное от интеракции, однако, все-таки общественное поведение постепенно пропитывается важным общественным и семантическим обратным влиянием: письменностью и чтением. Таким образом, изобретение письменности дает одинокому социальному действию шанс все-таки стать общественным, интеракцией. Тогда можно, даже если никого нет, участвовать в репродукции общества.

Мы уже отмечали (глава 4, VII) огромную значимость письменности и книгопечатанья в распространении коммуникации. Это частный, но важный вопрос, так как он влияет на различие общества и

⁴⁸ Как часто подчеркивают, это верно вплоть до Нового времени. О переходных ситуациях, дискутируемых в основном с точки зрения содействия интимной интеракции, ср.: Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800*. London, 1977, в частности p. 253 ff.; GadinH, *Private Lives and Public Order: A Critical View of the History of Intimate Relations in the United States // Close Relationships: Perspectives on the Meaning of Intimacy / Hrsg. G. Levinder, H. L. Raush. Amherst, 1977. P. 33—72.*

554

интеракции. Письменность и книгопечатанье содействуют выходу из систем интеракции и в то же время — общественной коммуникации с далеко идущими результатами. Решившись на письменную форму коммуникации, которая, со своей стороны, если не вынуждает, то все же побуждает к выходу из интеракции, можно, конечно, достичь больше адресатов через большие промежутки времени. От-дифференциация этого способа коммуникации из интеракцион-ных связей имеет, однако, не только количественное значение; она обеспечивает образ действия, недостижимый в интеракции, а вместе с ним — усиление различия общества и интеракции, на которое в таком случае ориентируются как общественная система, так и системы интеракции. Вместе с тем она требует компенсации отсутствия партнеров и предметов коммуникации за счет стандартного, дисциплинированного словоупотребления и в то же время умения с помощью языка выяснять многое такое, что было бы очевидным в ситуации присутствия⁴⁹.

Вероятно, тончайший анализ этого положения вещей сделан на примере соблазнения письмами, причем не в социологии, а непосредственно в романе в письмах. Письмо в шкатулке обеспечивает от-дифференциацию определенных отношений от домашней интеракции. Любовная связь может держаться в тайне, что уже действует как соблазн. Ею можно наслаждаться до либо после интеракции, в моменты, свободные от всякой интеракции, как с домочадцами, так и между влюбленными⁵⁰. Письмо является как бы символическим объектом, гарантирующим длительность (возможность перечитывать) в деле, которое по теории и опыту может не иметь длительности. Литературный роман XVIII в. добавляет сюда существенное понимание того, что само соблазнение идет через письмо — когда дама читает и отвечает на него, пребывая наедине со своими фантазиями. Средства физического присутствия — взгляды, жесты, вздохи, риторика — используются не в первую очередь; письмо приводит даму к собственному соблазнению — при чтении и письме она оказывается во власти своей фантазии и не в силах

⁴⁹ То, что после распространения книгопечатания эти обстоятельства стали сознательным процессом перестройки, показано М. Гизике. См. «народный язык» и «оживление письменной формы» в позднем Средневековье на примере генезиса печатной прозы в Германии, в: *Literatur in der Gesellschaft des Spätmittelalters* / Hrsg. H. U. Gumbrecht. Heidelberg, 1980. S. 39—70.

⁵⁰ Вот лишь один из бесчисленных примеров: *Segrais J. R. de. Les Nouvelles Françoises, ou les divertissements de la Princesse Aurelie*. Paris, 1657. Т. 1, в частности p. 93 ff.

555

ей сопротивляться⁵¹. После того как стилизованное в любви и галантности искусство обольщения воспринято, печатается и копируется, одиночество используют для усиления социальных эффектов. Эта находка отдается на тиражирование читателю как аутентично-личное в романах в письмах⁵².

Кроме того, письмо (и тем более книгопечатание) обеспечивает образ действий, который можно назвать техникой свершившегося факта. Письменная форма позволяет загодя сформулировать мнение, которое, очевидно, нельзя высказать или последовательно реализовать в интеракции. Без тезисов нет реформации, без ценников нет гладких продаж⁵³. Тогда в дальнейших интеракциях можно ссылаться на написанное, говорить о написанном и находить в нем опору, особенно если нужно начать конфликт.

В связи с этим стоит обратить внимание на историю семантики «естественного» поведения (начавшуюся уже в XVI в.) в противоположность жесткому, формальному, вынужденному поведению по правилам. Сегодня это уже устоялось и не режет глаз. Неформальность, если вообще не бесформенность, стала социальной нормой, против которой опять пишут книги по этикету, спекулирующие на снобистских призывах. «Естественность», или «неформальность», отнюдь не подразумевает желание самопрезентации. Тем самым, скорее, сознательно и под экспрессивным самоконтролем, опять-таки обязательно на основе социальной нормы утверждают, что в интеракции ведут себя, как наедине с собой. Под видом непринужденности, небрежности, «тщательной беспечности» в интеракции гарантируют поведенческую основу, не обязанную интеракции и не меняющуюся в ней, — как бы состоявшийся антропологический факт наподобие письменности. Именно принцип независимости поведения от присутствия других считается в казуистике морали свидетельством его подлинности⁵⁴, а истинная дружба проверялась по критерию: могли ли в присутствии друга вести себя так же не-

⁵¹ Пожалуй, самое изысканное изображение данного процесса содержится в: *Crebillon C. (fits). Lettres de la Marquise de M. au Comte de R. (1732)*, цит. по изданию: Paris, 1970. Ср. также: *Versini L. Laclos et la tradition: Essai sur les sources et la technique des Liaisons Dangereuses*. Paris, 1968, в частности p. 160 ff.

⁵² Одно из лучших исследований связи личной сферы, усиления чувств и пределов влияния содержится в: *Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*. London, 1957; переиздание: 1967. P. 186 ff.

⁵³ При попытке заговорить с хозяйкой магазина о цене плитки шоколада, я обратил внимание, что вместо аргументов она постоянно показывала мне на ценник.

⁵⁴ Так в сентенциях и максимах герцога Ф. де Ларошфуко, 556

принужденно, как в одиночестве". Контрапункт одинокого поведения становится в интеракции нормой и гарантией социального поведения; что, конечно, возможно лишь потому, что и одинокое поведение уже всегда определяли морально, т. е. в отношении общества.

В этих изменениях социальной семантики можно усмотреть лишь реакцию на возрастающую комплексность и предметную диверсификацию общественной структуры интеракции, потребность в большей легкости и большей скорости смены интеракций, в которых участвуют, а также потребность в быстродействующих гарантиях надежности, не столь зависимых от

предварительных знаний. Особенно впечатляет, что для этого все больше используют социальное поведение, свободное от интеракции. Интеракции должны как бы уходить в песок бесчисленных эфемерных единичных действий. Пожалуй, наиболее частой разновидностью таковых являются чтение, письмо и взгляд на часы — это типичные действия, протекающие по своей природе интеракционно-нейтрально, даже нарушая интеракцию, совершать их лучше всего в одиночестве. Вследствие того, что значение таких действий растет, усиливается и различие общества и интеракции. Сегодня меньше, чем когда-либо прежде, оснований считать, что общественная система состоит из интеракций, и менее адекватны теории, трактующие общество как «коммерцию», как обмен, как танец, как договор, как цепи, как театр, как дискурс. Сохраняется зависимость общественной системы и системы интеракции от различия общества и интеракции. Возникновение области общественного действия, свободной от интеракции и с помощью техник массовой коммуникации XX столетия распространяющейся от письменности на звук и изображение, ничего не меняет в этом, а лишь еще сильнее разводит осуществление интеракций и эволюцию общества. Высокая комплексность общества может сохраняться лишь тогда, когда общественная система сильнее структурируется как таковая, а системы интеракции — как системы интеракции: общественная система — как самореферентно-закрытая связь коммуникаций, а системы интеракции — как осуществление контингентностей на безе присутствия.

«Со напр- *Thomasius Ch. Kurtzer Entwurff der politischen Klugheit*, dt Obers."Frankfurt, 1710; переиздано: Frankfurt, 1971. S. 155 f. Такой критерий дружбы тем более примечателен, что он имплицитно обращается к традиции испытания дружбы в ситуациях, *выходящих за пределы повседневности* Сейчас речь заходит о повседневных навыках перед лицом проблем, возникающих в самом обществе и отягощающих интеракции.

557

VII

Общество сегодня — однозначно всемирное общество. Однозначно — во всяком случае, если в основу положить предложенное здесь понятие общественной системы. Тем самым пропасть между интеракцией и обществом становится глубокой и неодолимой (что опять-таки порождает высокую степень абстрактности теории социальных систем). Общество, хотя оно в значительной мере и состоит из интеракций, становится недоступно им. Ни одна интеракция, сколь бы высокопоставленными ни были ее участники, не может претендовать представлять общество. Поэтому никакого «хорошего общества» больше нет. Пространства опыта, доступные в интеракции, уже не передают общественно необходимых знаний; вполне возможно, что они систематически вводят в заблуждение. Поля интеракции, которые можно объединить и агрегировать с каких-либо точек зрения, в крайнем случае также обращают внимание на функциональные системы, возможно, и на региональные разграничения (нации), но не на всеобъемлющую систему общественной коммуникации.

В этой ситуации возникает вопрос о возможностях *самоописания всемирного общества*⁵⁶. То, что понятия, близкие по происхождению к интеракции, например старое понятие *societas*, больше недостаточны, известно в Европе примерно с 1794 г.⁵⁷ Одним из многих побочных следствий Французской революции было навязывание всякому описанию общественных событий различия между интеракцией и обществом, между интенцией и событием. Здесь заложена скрытая основа многих трансформаций семантики, пытающихся охватить социальные феномены и вновь внести их в общественную коммуникацию.

Например, нужно вспомнить о новой (и тут же наблюдаемой как новой) моде заменять понятия с конкретными референциями к ин-

⁵⁶ Этот вопрос поставлен и в: *ffaintz P. Die Weltgesellschaft im Spiegel von Ereignissen*, Diessenhofen, 1982. — Ответ на вопрос здесь дается с помощью представления о «коде» для эмпирического исследования, разработанного в Цюрихе.

⁵⁷ Об исследовании этой темы ср.; *Gumbrecht H. V, 1* "Ce sentiment de douloureux plaisir, qu'on recherche, quoiqu'on s'en plainte" (Это то болезненное ощущение, которое искали (*фр.*). — *Прим. отв. ред.*): *Skizze einer Funktionsgeschichte des Theaters in Paris zwischen Thermidor 1794 und Brumaire 1799 // Romanistische Zeitschrift für Literaturgeschichte* (1979). S. 335—373; 2) *Skizze einer Literaturgeschichte der Französischen Revolution // Europäische Aufklärung / Hrsg. J. von Stackelberg. Bd 3. Wiesbaden, 1980. S. 269—328.*

558

дивидуально познаваемому абстрактными идеями⁵⁸. Р. Козеллек говорит о «коллективных сингулярах». На этом основании возвращение конкретного, восхождение от абстрактного к конкретному превращается в программу. Романтизм пытается поддержать идеи разума метафизикой жизни. Реставрация занимается новым укреплением социальных гарантий и ограничений, теперь называемых институтами. Маркс реконструирует общество, во всяком

случае, в ранних произведениях как единство экономических и политических отношений. При этом он может опираться на новый смысл «диалектики» после того, как Кант извлек это понятие из его классического контекста, близкого к интеракции⁵⁹. Теперь диалектика с точки зрения интеракции и опыта — это уже не учение об искусстве ведения спора с противоположными мнениями, а рассмотрение противоречий, поначалу предстающих непостижимыми, тупиков непосредственной повседневной жизни мысли, которые затем все же можно достроить теоретически, обратив внимание на то, что противоречия становятся оперативно самостоятельными, и на то, как это происходит. В этом смысле «диалектическая» теория общества превращается в чрезмерное требование, для сохранения которого нужна политическая поддержка. Не в последнюю очередь можно вспомнить о понятии и эмфатии ценностей, утверждающихся во второй половине XIX в., — помимо всего прочего вместе с тенденцией противоречия в социологии, возникающей в то же время благодаря тем же исходным условиям различия интеракции и общества, ставшего непреодолимым⁶⁰.

Нашим основным вопросом был вопрос о том, пригодно ли собранное таким образом семантически как оперативное повседневное самописание общества? Ответ будет если не однозначным — «нет», — то в любом случае скептическим. Хотя сегодня и нет не-

⁵⁸ В качестве тогдашнего комментирования ср.: *Vinet A.* Individuality Individualisme, *Semeur* 13.04.1836; переиздано в: *Philosophic morale et so-ciale*. Т. 1. Lausanne, 1913. P. 319—335.

⁵⁹ Таковы высказывания о «трансцендентальной диалектике» в: *Kant J.* Kritik der reinen Vernunft B 349 ff.

⁶⁰ В последнее время как симптоматичное для данной ситуации дискутируется прежде всего негативное и позитивное значение Ницше для социологии. Ср.: *Fleischmann E.* De Weber a Nietzsche // *Europaisches Archiv für Soziologie* 5 (1964). S. 190—238; *Baier H.* Die Gesellschaft — em langer Schatten des toten Gottes: Friedrich Nietzsche und die Entstehung der Soziologie aus dem Geist der decadence // *Nietzsche-Studien* 10/11 (1981/82). S. 6—33; *Lichtblau K.* Das Pathos der Distanz: Praliminarien zur Nietzsche Rezeption bei Georg Simmel // Ms. Zentrum für Interdisziplinäre Forschung, Bielefeld, 1982.

559

достатка в словесных жестах, направленных на целое, но их успешное проникновение обусловлено, пожалуй, негативными коннотациями: эмансипацией (уходом от контроля), кризисом, неуправляемостью. Лиотар охарактеризовал Постмодерн именно как конец / любых «метаповествований», как «недоверие к метаповествовани-/ ям»⁶¹ (что лучше, чем формула конца идеологий, так как идеологии/ относятся к тому же самому синдрому и уже были ответом на него). На место обозначений заступают слоганы. Они удачны также лишь тогда, когда способны суммировать распространенный опыт. Не следовало бы делать ставку на беспочвенные абстракции, ибо тогда было бы невозможно объяснить их привлекательность. В этом отношении они вполне занимают функциональное место самоописания общественной системы. Пожалуй, можно даже пойти дальше, утверждая, что всемирное общество как единство вообще не могло бы существовать без самоописания, хотя оно, конечно, не может быть спланировано, создано и улучшено по типу самоописания. Если всеобъемлющая система коммуникации от-дифференцируется и отличает себя от всех иных, то это обстоятельство стимулирует потребность в самоописаниях, у которой, однако, нет оперативной определенности, и поэтому у нее возникает тенденция к негативному; ибо негативность есть наиболее общая форма, в которой можно распоряжаться смыслом.

Сегодня «утрата смысла», как никогда, выступает формулой, включающей познаваемое в самописание общества. Однако смысл, как и прежде, есть неизбежная форма переживания и действия. Без смысла общество, любая социальная система просто прекратили бы существование. Названная формула гипертрофирует это, чтобы обвинить общество. Факт в том, что никакая интеракция больше не может подтвердить участникам смысл общества убедительностью присутствия. В этом состоит злоупотребление высказыванием об утрате смысла. За данной формулой стоит исторически необычная дифференциация общественной системы и систем итеракции. Безосновательно реагировать на нее культурным пессимизмом.

В такой ситуации возникла социология⁶². Нет недостатка и в социологическом «резонансе». Однако социологии следует помнить, что ситуация возникла и благодаря ее теориям. Социология тоже оперирует как самореферентная система. Если как рефлексивная

⁶¹ *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris, 1979. P. 7 f.

наука системы общества она претендует на самописание общества и контроль над ним, то прежде всего должна развивать необходимый \ понятийный аппарат, способный учесть последствия преимуществ-, венно критического модуса самоописания и отвечать за это.

VIII

В итоге можно констатировать, что различие общества и интеракции *создает возможности отбора*. Системы интеракции могут и должны все время прекращаться и начинаться сызнова. Это требует

всеобъемлющей семантики, культуры, ведущей этот процесс в направлении вероятного и сохраняемого. В этом отношении общество избирательно воздействует на происходящее как интеракция, не полностью исключая противоречащее и отклоняющееся. Таким образом, общественный отбор не детерминирует, а манит легкостью и привлекательностью, что может отклоняться от официальных образцов. Если нужно, он предлагает интеракцию, давая тем самым образец, но именно поэтому отклонение привлекательно, интересно, выгодно. Сила отбора заключается не в механике, действующей по закону причинности, и не в дизайне или контроле комплексности; она возникает из того, что речь идет о *самых по себе невероятных типах порядка*, которые, *несмотря на это, функционируют с вероятностью*, но при определенных условиях.

Однако общество, со своей стороны, есть результат интеракций. Оно не есть инстанция, организованная независимо от того, что она выбирает. Общество не есть бог. Оно является экологической системой интеракций, которая по мере того, как она канализирует шансы интеракций, сама меняется. Общество достигает того, что одна лишь интеракция никогда не смогла бы все время превращать невероятное в вероятное; но оно достигает этого (с отмеченными все более важными исключениями) лишь благодаря интеракции. Можно утверждать, что общество выбирает интеракции, а интеракции — общество; и то и другое происходит в смысле понятия отбора Дарвина, т. е. без автора. Однако отбор не есть просто отбор подходящей системы окружающим миром, со стороны системы он не есть просто ее приспособление к окружающему миру⁶³.

⁶² Фактически так говорится в: *Heintz, a. a. O.*

560

⁶³ О соответствующих модификациях концепции Дарвина см. также: *Morin E. La Methode. T. 2. Paris, 1980. P. 47 ff.*

561

На уровне социальных систем он есть *сам себя обуславливающий отбор*, а *отбор отбора* приводится в действие различием общества и интеракции.

Тем самым различие общества и интеракции есть условие возможности социокультурной эволюции. При этом речь идет не об/ эволюции живых систем и, таким образом, не об эволюции, веду: шей посредством репродуктивной изоляции популяций к дифференциации видов и родов. Кроме того, социокультурная эволюция, в отличие от органической, не зависит и от смены поколений. Видимо, ей не требуется ждать появления новых организмов вследствие мутации. Результатом является необычайный выигрыш в скорости. Новые идеи интеракции можно в любой момент претворить в жизнь (хотя прежние участники интеракции часто не готовы их принять). Следует напомнить об утонченной беседе, о квазинаучной конференции, о медитации и йоге, о сидячих забастовках вплоть до захвата скваттерами всех частей города. Другие уровни эволюции не могут поспеть за ней, кроме разве что вирусов, бактерий и простейших насекомых. Социокультурная эволюция упрощает, ускоряет и тем самым высокоизбирательно влияет на все еще возможную эволюцию. Таким образом, отбор отбора выходит далеко за уровень социальных систем и вводит их в экологическую проблематику, во власти которой они — во всяком случае, пока — находятся.

Несмотря на все эти различия органической и социокультурной эволюции (у которых как у различий, в свою очередь, есть упомянутые последствия в виде проблем), в случае социокультурной эволюции речь идет и об эволюции в строгом смысле, т. е. о непланомерном выстраивании комплексности высокой степени невероятности. Предпосылкой выступает от-дифференциация аутопойетических систем, которые, со своей стороны, опять-таки являются результатом эволюции. Единство аутопойесиса есть не что иное, как его постоянное самообновление. Для этого в любой ситуации есть более или менее значительные возможности присоединения. В социальных системах речь всегда идет лишь о присоединяемой коммуникации (соответственно в самонаблюдении — о присоединяемых действиях). Присоединимость обеспечивается самореференцией элементов и структурами ожиданий. В этом избытке возможностей есть разные вероятности, фиксируемые в смысловом горизонте момента и наблюдаемые как вероятности⁶⁴. Это пространство, струк-

⁶⁴ Здесь следует учесть, что язык самого текста есть язык наблюдения, что, таким образом, он находится на уровне наблюдения наблюдений.

562

турированное разными вероятностями, можно понимать и как потенциал эволюции. В нем вероятно, что нет-нет да и выбирается невероятное, если в основе наблюдения лежит множество возможностей и времени⁶⁵. В таком случае это выглядит так, как будто система нет-нет да и приходит в экстремальные состояния, которые никто (ни она сама, ни внешний наблюдатель) не счел бы вероятными и которые именно поэтому влекут за собой серьезные последствия. Считается, что так возникли атомы, следовательно, что сама материя обязана своей эволюционной

невероятности.

В области социальных систем наступление относительно невероятных состояний облегчено тем, что риск распространяется на системы интеракции. Интеракции итак должны прекращаться, следовательно, их можно использовать для экспериментирования. Так, можно представить себе, что обмен или передача сообщений курьерами, табу на секс с близкими родственниками и многие иные элементарные нормы с высокоинституциональной степенью присоединения были введены прежде всего специфически в отношении интеракции, а затем нашли оправдание и в отношении общества. На карту поставлен лишь аутопойесис интеракции, а не общества. Возможно, что рискованное новшество уже не допускает какого-нибудь дальнейшего действия, но тем самым заканчивается лишь интеракция, а не общество. Меняют декорации присутствия и начинают новые интеракции. Внутри системы интеракции уже может быть апробировано новшество — например, будто бы открытая критика монархии и духовенства в масонских ложах XVIII в.⁶⁶ Интерак-ционная стабильность невероятного есть необходимая предпосылка его введения в эволюцию (так, мутации должны быть стабильны по крайней мере на уровне клетки). Таким образом, здесь совершает-

Реальное осуществление аутопойесиса всегда есть фактический процесс, идущий так, а не иначе. О вероятностях (и о присоединении мости) можно говорить лишь в отношении переработки информации наблюдателем. Причем наблюдение само может быть вновь введено в аутопойетический процесс и в таком случае участвовать в его определении — выбирает наблюдатель лишь вероятное или как раз избегает этого и стремится к новизне, риску, невероятности.

⁶⁵ Наблюдение подразумевается здесь с позиции, позволяющей выявлять вероятность невероятного.

⁶⁶ Это событие и его значение для подготовки Французской революции по-прежнему спорно. Однако можно представить себе, насколько сильно своеобразное инсценирование интеракций и культ таинственности благоприятствовали «случайным» инновациям, потому что не касались собственно смысла и цели нахождения вместе.

563

ся первая предварительная сортировка. Тем самым сразу же демон* стрируется первое подтверждение возможности. Однако отбор как эволюционное достижение далее предполагает, что используются особенности первоначальной системы интеракции, не слишком специфические для ситуации; но однажды продемонстрированная ин* новация убедительна и в другом месте.

Если принята эта основная схема социокультурной эволюции, то все дальнейшее внести легко. Теперь можно вывести гипотезы об ускорении эволюции. Ускорению способствует образование возможностей коммуникации, относительно свободных от интеракции; ибо тогда можно активизировать инновационный потенциал, сдвинутый относительно интеракции. Это происходит благодаря уже рассмотренным механизмам письменности и книгопечатания. Далее, ускорению способствует усиление различия систем интеракции и общественной системы, т. е. аутопойесис общества становится не столь зависим от «важных» интеракций⁶⁷. Легко видеть, что данные гипотезы выбраны не без учета фактически очевидного увеличения скорости социокультурной эволюции.

В контексте данной теории эволюции и при соответствующем обогащении понятий отбора и приспособления возникает новая оценка (прежде всего технических) изобретений общественной коммуникации, свободной от интеракции; а затем — новая оценка форм комплексности общества (которые уже не могут быть нарушены интеракцией — например, системная дифференциация). Возросшая дистанция по отношению к интеракции производит, как легко можно видеть, иной вид культуры — «высокую» культуру (как тогда считали), работающую и тогда, когда она должна была плодотворно влиять на интеракционную и неинтеракционную коммуникацию. Но наряду с этим возникает вопрос, что это может значить для отбора отбора. В настоящее время для этого нельзя подобрать даже первоначальное представление. Напрасно искать ответ в литературе о «массмедиа». Если допускают, что взаимопроникновением ведают специальные системы интеракции, вносящие свой непосредственный вклад в апробирование границ взаимопроникновения, то можно предположить, что теперь высвобождается все больше инноваций, которые уже не охватываются взаимопроникновением, но, несмотря на это, функционируют. Не случайно возникает множество вариаций на тему отчуждения. Кроме того, можно ожидать, что обусловленная вероятность самих по себе невероятных коммуникаций благодаря этому вновь усиливается и быстро достигает границы того, что еще терпимо в экологическом отношении. Эволюция, по-видимому, сводится к условиям, уже не согласующимся с природным и человеческим окружающим миром общественной системы, таким образом предполагающим сильное и постоянное влияние общества на свой окружающий мир для его

приспособления к обществу. В следующей главе мы займемся поиском понятия рациональности, нацеленным именно на это.

⁶⁷ Об этом см., в частности: *Luhmann N. Interaktion in Oberschichten,*

a. a. O.

564

Глава 11 САМОРЕФЕРЕНЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

i

В результате двойной смены парадигмы, с чего началось наше исследование, фигура самореференции оказалась в центре теории систем. Какой смысл в том, чтобы называть системами формы и объекты, не имеющие какой-либо самореференции, — этот вопрос в исследованиях социальных систем можно оставить открытым¹. То же самое относится и к вопросу теории познания (и теории смысла) о том, можно ли вообще наблюдать формы или объекты, не имеющие какой-либо самореференции; либо — всегда ли в акте наблюдения уже полагают, что наблюдаемое относится к самому себе, стремится быть и оставаться самоидентичным и отличает себя от окружающего мира. Такие вопросы выходят за рамки наших исследований. Несомненно, что социальные системы являются самореферентными объектами. Их можно наблюдать и описывать как системы, лишь принимая в расчет, что они в каждой операции относятся и к самим себе².

¹ Здесь должна была бы решать общая теория систем. Во всяком случае, есть авторы, имеющие смелость определять объекты как таковые через самореференцию. Так, прежде всего: *Glanville R. A Cybernetic Development of Epistemology and Observation, Applied to Objects in Space and Time (as seen in Architecture), Thesis. Brunel University, Uxbridge, Engl., 1975.*

² Несомненно, что социальные объекты можно наблюдать и описывать иначе; что всегда делалось. Поэтому в тексте сознательно (и присоединяясь к соответствующему различию в: *Blaubergerl. V. et al. Systems Theory: Philosophical and Methodological Problems. Moscow, 1977. P. 119 f.*) говорится, что *в качестве систем* социальные объекты можно наблюдать и описывать, т. е. учитывать их комплексность, лишь полагая их самореференцию. 566

За рамками теории систем оценки этого факта в социальных науках амбивалентны. С одной стороны, следуя внушительной традиции, самореференцию резервируют за сознанием «субъектов» (т. е. именно не за объектами!) и в таком случае истолковывают субъектов как индивидов, индивидуализирующих себя. В соответствии с этим самореференция имеет место исключительно в области сознания³. Согласно этому наблюдение могло бы осуществляться лишь при участии сознания и должно было бы противопоставлять себя объектам, у которых не всегда можно допустить наличие сознания. Поэтому различие субъекта и объекта становится предпосылкой всякой дальнейшей переработки информации. С другой стороны, именно в области общественных наук, причем не случайно, а систематически, постоянно сталкиваются с обстоятельствами, которые нельзя однозначно подчинить этому различию. Социальное невозможно целиком свести к индивидуальному сознанию; оно не укладывается в сознание полностью, его нельзя понимать как сложение содержания сознания разных индивидов и тем более как редукцию содержания сознания к зонам консенсуса. Опыт социального и, главное, практическая деятельность в социальных смысловых связях всегда исходят из данной несводимости. Лишь поэтому можно, например, ошибаться, либо бояться быть обманутым, придерживать информацию, сознательно идти на неоднозначную коммуникацию или лишь в целом понимать значение незнания. Только так вообще возникают релевантные различия в информационном положении разных лиц, связанные со временем, лишь так возможна коммуникация. Опыт нередуцируемости социального входит в конституцию социального. Он есть не что иное, как опыт самореференции социального.

Само собой разумеется, что тем самым сохраняется понимание психических систем как самореферентных. Как было показано в главе 7, они реализуют свою самореференцию в форме сознания. Психологи сталкиваются с данными фактами, например, в связи с критикой схемы стимула и реакции или критики концепции независимых переменных⁴. Чем точнее эти исследования относятся к сво-

³ Если же, наоборот, исходят из чистого понятия самореференции, то в соответствии с сегодняшним уровнем знания вынуждены пользоваться как минимум биологическим (если не физическим) понятием субъекта.

Биологизация имеет место в: *Morin E. La Methode. T. 2. Paris, 1980, в частности p. 162 ff.*

⁴ См., напр.: *Smedslund J. Meanings, Implications and Universal: Towards a Psychology of Man // Scandinavian Journal of Psychology 10 (1969). P. 1—15.*

567

им видам систем, тем труднее выводить отсюда прямые следствия для самореференции

социальных систем⁵.

Признание этого уже означает отказ от предпосылки, что сознание есть субъект мира. Удвоение «эмпирический и трансцендентальный» для фактов сознания излишне. При желании спасти терминологию субъекта еще можно заявить, что сознание есть мировой субъект, наряду с которым существуют другие виды субъектов, прежде всего социальные системы. Либо, что психические и социальные системы есть мировые субъекты. Либо, что смысловая самореференция есть мировой субъект. Либо, что мир — это коррелят смысла. В каждом случае такие высказывания подрывают ясное Декартово различие субъекта и объекта. Если желают полагать понятие субъекта, исходя из данного различия, то это понятие становится непригодным; различие, так сказать, само субъективируется. Самореферентный субъект и самореферентный объект мыслятся изоморфно — так же, как, собственно, разум и «вещь в себе» у Канта. Не обойтись ли тогда простым понятием самореференции?⁶

Правда, эта перестройка приводит к трудностям чисто языкового рода, сопутствовавшим и обременявшим предыдущий анализ. Не только философия субъекта, но и язык говорит о субъектах. Все глаголы подразумевают, что известно или хотя бы ясно, к кому или к чему они относятся; а самоотнесенность, обрезающую дальнейшие вопросы о том, кто и что делает (идет снег; стоит того, что положено), к сожалению, можно подтвердить лишь немногими исключениями. Многие глаголы, избежать употребления которых мы не можем и не желаем, в их повседневном понимании указывают на сознательного носителя операции; например: наблюдать, описывать, познавать, объяснять, ожидать, действовать, различать, относить. Однако такое повседневное понимание не входит в теорию⁷.

⁵ Следует еще раз напомнить, что опосредующим понятием здесь является понятие взаимопроникновения.

⁶ Не столь принципиально и без ссылки на концептуализацию самореференции «смена» Декартовой парадигмы на теорию систем обсуждается также в: *LeMoigne J.-L. La theorie du systeme general: theorie de la modelisation*. Paris, 1977. Аналогично в: *Morin E. La Methode*. Т. 1. Paris, 1977 (например эксплицитно, р. 23).

⁷ Это указание особенно важно потому, что чисто языковые традиции все время выдают за познание предмета. Все время приходится слушать и читать, что «на самом деле» действовать могут только отдельные лица (индивиды, субъекты). См. (на фоне Парсонса, знавшего этот вопрос лучше), напр.: *Schluchter W. Gesellschaft und Kultur: Oberlegungen zu einer Theorie institutioneller Differenzierung // Verhalten, Handeln und System: Talcott Parsons' Beitrag zur Entwicklung der Sozialwissenschaften / Hrsg. W. Schluchter*. Frankfurt, 1980. S. 106—149 (119 f.).

568

Мы должны были по теоретическим соображениям элиминировать предпосылки сознательности в (языковой) субъектной референции таких глаголов. В данном тексте их следует читать так, чтобы они относились к носителю, который можно описать как самореферентную систему, но который не обязательно есть психическая система, то есть его операции не обязательно осуществляются в форме сознания. Это следует из различения психических и социальных систем⁸.

Понятие самореферентной системы введено не столь удачно, но меньше подвержено злоупотреблениям, чем понятие субъекта. Прежде всего это понятие не предполагает какого-либо центрирования на субъекте (или же на субъектах определенного вида), т. е. лучше подходит для ацентрической картины мира сегодняшней науки. Но все-таки мы должны четко зафиксировать смысл этого понятия и тем самым границы его использования — не в последнюю очередь, чтобы, по возможности, воспрепятствовать чрезмерному использованию терминологии, связанной с субъектом. Это разъяснение приведет к различению нескольких видов самореференции, которые могут наряду друг с другом встречаться в социальных системах. Их более точное изображение составит основную часть данной главы и сформирует позицию по поводу рациональности.

II

Понятию «референция» нужно дать такое определение, которое сближает его с понятием наблюдения. Так мы вычленим операцию, состоящую из элементов различия и обозначения (дистинкции, индикации в смысле Спенсера Брауна). Таким образом, речь идет об обозначении чего-либо в контексте различия (введенного тоже оперативно) от иного. Создание референции становится наблюдением, если различие используется для получения информации об обозначаемом (что, в общем, требует более узко понимае-

⁸ Если здесь можно обойтись изменением нормального фонового понимания, то решение других языковых проблем гораздо труднее. Обременительно прежде всего, что зачастую невозможно выяснить оперативный смысл субстантивации. Тогда можно перейти к использованию отглагольного существительного «различение»; но для него нет множественного числа (в немецком языке. — *Прим. отв. ред.*) — совершенно бессмысленное языковое ограничение! Прежде чем языковедам и литераторам сетовать на терминологию, использование иностранных слов и непонятность научной прозы, им сначала надо бы устранить необоснованные шероховатости в функциях речевых выражений.

569

мых различий). Создание референции обычно будет направляться интересом наблюдения, т. е. интересом получения информации; однако, несмотря на это, мы хотим сохранить разделение терминов, чтобы иметь возможность использовать такие понятия, как системная референция и самореференция без импликации возможностей или интересов наблюдения.

Понятия референции и наблюдения, а тем самым — самореференции и самонаблюдения, вводятся с указанием на оперативное обращение с различием. Они имплицируют установление этого различия в качестве различия. В операциях системы это установление может быть использовано в качестве предпосылки. Обычно не требуется большего, нежели оперирование этой предпосылкой. Например, желают приготовить чай. Однако вода еще не закипела. Таким образом, следует подождать. Ситуацию структурируют различия чая и иных напитков, кипения и некипения, необходимости подождать и возможности пить — без необходимости или же полезности тематизации единства различия, используемого в каждом случае. Поэтому для особого случая, когда ориентируются еще и на *единство различия*, нам нужно особое понятие. Мы хотим назвать его *дистанцией*. Иными словами, системы приобретают дистанцию по отношению к информации (и, наверное, к самим себе), если они способны делать различия, используемые ими в качестве различий, доступных им как единствам. Это понятие должно выражать связи между от-дифференциацией социальных систем и приобретением дистанции.

Если желают тематизировать единство различия, то необходимо определить обе стороны различия. Было бы бесполезно и потому невозможно попробовать создать противоположность чего-либо определенного с чем-либо иным, остающимся совершенно неопределенным. Таким образом, введение единства различия в процесс получения и переработки информации требует использования ограничения как условия продуктивности операций. Пожалуй, простейший способ — это классификации: одну болезнь отличают от других, и лишь в силу такой возможности можно допустить использование неопределенного противоположного понятия здоровья, которое нельзя разделить на разные виды здоровья⁹. С помощью этой техники можно использовать различия как единства и тем самым решать, имеют дело со здоровьем и болезнью либо с чем-либо иным; и лишь

⁹ Ср. по поводу ВОДУ тмo примера: *Frake Ch. O. The Diagnosis of Disease Among the Subanum of Mindanao // American Anthropologist 63 (1961) 570*

когда это достижимо, можно создавать социальные системы, специфические в отношении различий, например системы, занимающиеся болезнями.

Данный метод классификации не есть единственно возможный. Существуют функциональные эквиваленты. К наиболее претенциозным из них относятся бинарные схематизации, в рамках которых всякое определение должно получаться через отрицание противоположности, например истина — через отрицание ложности (а не через интуицию или традицию!). Такие схематизации по сравнению с классификациями не дают надежных гарантий исключения. Они сами вырабатывают свой материал. Они постулируют, что под их специфическим углом зрения все принимает то либо иное значение. Поэтому они требуют специализированных на них закрытых функциональных систем, каждая из которых с помощью своей схематизации прощупывает весь мир в поиске информации и способна обеспечить индифферентность в отношении всех остальных схематизаций.

Если классификации могут и должны быть использованы в быстрой смене, ибо они слишком конкретны, то основа для от-дифференциации социальных систем с соответствующей специализацией создается с помощью бинарных схематизаций. Так, на основе различия множества болезней еще не возникает никакой социальной системы лечения больных. Это возможно лишь тогда, когда различие болезни и здоровья дает повод считать определенную систему компетентной и санкционирует ее индифферентность в иных отношениях.

Если использование различия усиливается в таком направлении — очевидно, что это один из признаков современного общества, — то растет и дистанция по отношению к феноменам, источникам информации, партнерам по коммуникации. Этот факт рассматривался в социологии профессий, но его значение гораздо больше. Он дистанцирует практически все функциональные системы от различий, практикуемых в жизненном мире (что ни в коем случае не исключает взаимных воздействий). Художник, мыслящий композиционно, видит в «природе» иные различия, нежели обыватель. Экономическая теория должна (иначе она была бы бесполезной) хранить хладнокровие к различию богатства и бедности, обычно вызывающему жгучий интерес у себялюбив. Различая истинное и ложное, наука производит знание, которое сама, может быть, не

переживет.

Простачки борются с этим с помощью этики. Немногим лучше гегелевское государство и Марксово упование на революцию. В об-
571

щественной реальности не видят множества перспектив этого слияния в конечном единстве различия, по отношению к которому тогда уже невозможна какая-либо дистанция, так что каждый присоединяется исходя из общего смысла. В крайнем случае, вопрос может состоять в том, можно ли привести функциональные системы к тому, чтобы практикуемое ими различие системы и окружающего мира рефлексировать в качестве единства. Это значило бы приобретение дистанции по отношению к себе самому. Мы еще вернемся к этому вопросу при рассмотрении рациональности (в разделе X).

III

Дальнейшая аргументация должна быть направлена прежде всего на прояснение отношений референции в системах. Уместно напомнить, что референция и наблюдение являются операциями, обозначающими нечто в пределах различения. Соответственно «системная референция» есть операция, обозначающая систему посредством различения системы и окружающего мира. Понятие системы (в терминологии наших исследований) всегда имеет реальное предметное содержание. Таким образом, под «системой» мы никогда не понимаем лишь аналитическую систему, лишь чисто мысленную конструкцию, просто модель¹⁰. Такому способу выражения отвечает понятие системной референции. Иными словами, мы заменяем распространенное, но в понятии системы неясное различие конкретных и аналитических систем различием системы и системной референции. При этом все-таки необходимо учитывать, что понятие референции (как и понятие наблюдения) понимается далее как понятие анализа и что оно ни в коем случае не должно ограничиваться научными операциями, т. е. оно обозначает любую ориентацию на систему (в том числе самореференцию).

«Самореференция» в строгом смысле также является референцией, т. е. обозначением с точки зрения различения. Особенность объема данного понятия заключается в том, что операция референ-

¹⁰ Однако таково гораздо шире распространенное, пожалуй, даже господствующее словоупотребление.

Характерно, что в текстах, в которых провозглашается такое употребление термина, оно не выдерживается, там постоянно говорится о конкретных «системах», т. е. о реальных объектах как «системах». Вместо множества работ см.: *Parsons T. Zur Theorie sozialer Systeme / Hrsg. S. Jensen, Opladen, 1976; Morin E., а. а. О. Т. 1 (1977); В/дц-bergl. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Systems Theory: Philosophical and Methodological Problems. Moscow, 1977.*

572

ции включается в обозначаемое им. Она обозначает нечто, к чему относится и сама. Ясно, что речь идет не о тавтологии. Например, операция референции не обозначает саму себя как операцию¹¹. Всегда руководствуясь различием, она обозначает нечто, с чем идентифицирует себя. Такая идентификация и тем самым подчинение самореференции самости может принимать разные формы в зависимости от того, каким различием определена сама самость. Соответственно нужно различать три разные формы самореференции; чтобы не смешивать эти формы, мы разделяем их также и терминологически.

(1) Мы будем говорить о *базальной самореференции*, если в основе лежит различие *элемента и связи*. Таким образом, в случае базальной самореференции самостью, реферирующей себя, является элемент, например событие, а в случае социальных систем — коммуникация. Базальная самореференция есть минимальная форма самореференции, без которой невозможна аутопоиетическая репродукция темпорализированных систем. Это мы продемонстрировали выше исходя из понятия события Уайтхеда¹². Следовательно, хотя базальная самореференция и является конститутивным требованием образования самореферентных систем, она не есть системная референция, так как обозначенная самость интендируется как элемент, а не как система, а основное различие — как элемент и отношение, а не как система и окружающий мир. Разумеется, тем самым не оспаривается, что понятие элемента предполагает систему, и наоборот; но это не снимает различия разных форм самореференции, а лишь обосновывает ожидание, что они коррелируют друг с другом.

(2) Мы будем говорить о *рефлексивности* (процессуальной самореференции), если в основе лежит различие элементарных событий как произошедших раньше и *позже*. В этом случае самореферирующаяся самость есть момент не различения, а *процесса*, конституированного благодаря этому различению. Процесс возникает с помощью различия «до» и «после» при дополнительном условии усиления избирательности. Так, коммуникация, как правило, является процессом — в своих элементарных событиях она определяется ожиданием реакции и реакцией ожидания. О рефлексивности речь всегда должна идти тогда, когда процесс функционирует как самость, " Можно представить себе, что под данное понятие подпадает такая тавтология, как самореференция самореференции; но это не вредит нашей дальнейшей аргументации.

¹² Ср. гл. 8, III.

573

к которой относится принадлежащая ему операция референции. Так, при осуществлении процесса коммуникации можно коммуницировать о процессе коммуникации. Таким образом, рефлексив-

ность учитывает образование единства, которое охватывает ббль-шую часть элементов (часто их невозможно сосчитать) и к которому самореференция сама себя относит. Это означает прежде всего, что самореферентная операция со своей стороны должна отвечать признакам принадлежности к процессу, т. е. в случае процесса коммуникации сама должна быть коммуникацией (коммуникацией о коммуникации), в процессе наблюдения — наблюдением (наблюдением наблюдения), а в применении власти — самим применением власти (ее применением к властителю). В этом смысле рефлексивность усиливает и конденсирует типичные признаки процесса.

(3) О *рефлексии* мы будем говорить, если в основе лежит различие *системы* и *окружающего мира*. Лишь в случае рефлексии самореференция отвечает признакам системной референции, лишь здесь пересекаются объемы обоих этих понятий. В этом случае самость является системой, к которой относит себя самореферентная операция. Она осуществляется в качестве операции, с помощью которой система обозначает саму себя в отличие от своего окружающего мира. Например, это происходит во всех формах самопрезентации, в основе которых лежит допущение, что окружающий мир не признает тотчас же систему такой, какой она желала бы быть в своем самопонимании.

В основе трех этих форм самореференции лежит общая основная идея. Самореференция является коррелятом давления комплексности мира. Нигде в мире его комплексность не может быть адекватно отражена, обработана, проконтролирована, так как это сразу же соответственно усилило бы саму комплексность. Вместо этого возникает самореференция, которая затем может быть респецифицирована для работы с комплексностью. Таким образом, никогда не бывает повторения, отражения комплексности мира в системах¹³. Нет и никакого отображения «окружающего мира» в системах. Окружающий мир является *основанием* системы, а основание всегда есть нечто, *не имеющее формы*. В системе возможна лишь организация различий (например, термостатах — включенное или выключенное, в логике — истинное и ложное), реагирующих на различия в окружающем мире и благодаря этому производящих информацию для системы. Для использования и преобразования этого метода в опе-

¹³ Ср. критику представлений данной традиции; *Forty R. Der Spiegel der Natur: Eine Kritik der Philosophie. Frankfurt, 1981. 574*

рации система должна уметь ограничить свою самореференцию, открытую любым состояниям мира; она должна уметь де-тавтологизировать ее.

Системы, образованные базальной самореференцией, в чем и состоит их системное единство (= аутопойетические системы), всегда являются *закрытыми*. Однако это понятие получает здесь новый смысл в сравнении с прежней теорией систем. Оно больше не обозначает системы, существующие (как бы) без окружающего мира и, таким образом, способные (почти) полностью детерминировать себя. Скорее, подразумевается лишь то, что все используемое такими системами в качестве единства (на какой бы то ни было основе комплексности), они сами же и производят как единство, рекурсивно применяя при этом единства, уже конституированные в системе. Как можно представить себе такое в случае смысловых, в частности социальных, систем?

Мы обнаруживаем ответ на этот вопрос в указании на «открытие» системы языковым кодированием, под которым понимаем удвоение всех возможных высказываний за счет различия «да» и «нет». Тем самым система дополнительно создает себе негативную формулировку всякого смысла, для которой нет никаких соответствий в окружающем мире и, следовательно, которая находится в распоряжении системы лишь в порядке самопрочитывания. Данное кодирование структурирует все операции любой содержательной системы как выбор между «да» и «нет». При этом любой выбор имплицитно отрицает противоположную возможность. Эта предпосылка неизбежно выполняется благодаря коду; но тем не менее она зависит от условий выбора между «да» и «нет». Таким образом, она закрыта и в то же время открыта.

На основании этого под закрытостью смысловой системы можно понимать *контроль собственных возможностей отрицания при производстве своих элементов*. Любой переход имплицитно (сколь бы ни неопределенное) «нет» и обусловлен в его использовании. Контроль этого «нет» ведет к рекурсивному прочитыванию про-считывания, и реальностью для такой системы является не что иное, как именно так идущая репродукция — ибо она удастся, если она удастся (что включает ошибки, заблуждения и их корректировку)¹⁴.

Эта общая концепция подтверждается и в случае социальных систем. Здесь закрытость также обуславливается как (и лишь как)

¹⁴ Об этом и, в частности, о мерах против каких-либо «солипсистских» выводов ср.: *Foerster H. von. Op*

контроль своих возможностей отрицания при производстве своих элементов, т. е. присоединяющихся коммуникаций. Однако в соответствии с двойной контингентностью возможность отрицания представлена здесь удвоенно в качестве двойной возможности отрицания¹⁵, соответственно усложняется аспект контроля — он указывает не только на то, чего желает достичь либо предотвратить Ego, но и дополнительно на возможность неудачи этого из-за непонимания либо отклонения со стороны Alter (неважно, что бы он желал или не желал как alter Ego). В соответствии с этим коммуникация кодируется как (позитивно или негативно сформулированное) предложение смысла, которое может быть понято или не понято, принято или отклонено. Такое удвоение и, в частности, такая негативность непонимания или отклонения с рекурсивным контролем тем самым уже определяет выбор предложения в случае, когда оно направлено на соглашение или на конфликт¹⁶. Так возникает знание об оценке возможности понимания, контролирующее всякую коммуникацию и социально презентующее мир (но недостаточно выраженное в «языке»), и в связи с этим — употребление символически генерализованных средств коммуникации, кодированное культурой. В то же время становится ясно, что для использования данной закрытой самореференции следует расширить временной базис коммуникации, т. е. придать переживанию горизонты времени; ибо лишь так можно оценить перспективы взаимопонимания и готовность принятия.

Поэтому социальная система конструирует свою реальность в ходе просчитывания своего просчитывания самим процессом коммуникации, а именно путем коммуникации о коммуникации, с помощью которой тестируют, реализована ли вообще коммуникация через понимание. Эта возможность всегда присутствует (она заложена уже в самой коммуникации¹⁷), причем, неважно, используется она сейчас или нет. Лишь если она используется либо обрывается, возникает повод для настройки и реакции на отклонение — например, с помощью аргументов или угроз. Так, коммуникация выступа-

¹⁵ Сформулировано в: Valery P. Animalites, цит. no: CEuvres (ed. de la Pleiade). T. 1. Paris, 1957. P. 402.

¹⁶ Факт, что возможно и *то и другое* основывается на том, что между пониманием и принятием (соответственно между непониманием и отклонением) можно провести различие. Не может быть каких-то сомнений, что это в принципе возможно. Тем не менее можно было бы заняться вопросом о том, при каких обстоятельствах социальная система склонна как раз стирать это различие и рассматривать отклонение как непонимание, — это было бы эмпирическим исследованием большого теоретического значения.

¹⁷ Ср. выше, гл. 4, И.

ет единственной гарантией реальности социальной системы, но не потому что она адекватно отражает или точно обозначает мир, каков он есть (что предполагало бы доступ к независимым критериям либо существование Декартова Бога), а потому что она обусловливается формой своей закрытости и тем самым сама подтверждена подтверждающему тестированию¹⁸.

Из данной мысли вытекает важное следствие о том, что самореференция, необходимая при любом аутопойесисе, всегда является лишь *сопутствующей самореференцией*. Чистая самореференция в смысле «только и исключительного отнесения себя к самому себе» невозможна. Если бы она существовала, то была бы детавтологизирована первой попавшейся случайностью¹⁹. Можно было бы сказать и так; если бы она имела место, то все случайности были бы избыточны и функционально эквивалентны в определении неопределенного²⁰.

Поэтому самореференция фактически имеет место лишь как один из моментов указания среди прочих. Самореферирование есть один из факторов оперативного поведения элементов, процессов, систем; оно никогда не составляет их тотальности. Самость — будь то элемент, процесс или система — никогда не состоит лишь из чистой самореференции, точно так же, как и самореференция в качестве самореференции обозначает не только саму себя. Самость транс-цендирует самореференцию, чтобы вобрать ее в себя. Так, смысл действия не исчерпывается его отражением и оправданием в последующих действиях. Хотя это и остается конститутивным моментом, но не наполняет смысл всего действия. Например, в переполненном трамвае мужчина уступает место даме: тогда в смысл данного действия входит и его оправдание, поощрение тем, что дама садится на предложенное место, т. е. что действие мужчины было адекватным, успешным. (Мысленно проверьте это по нестандартному варианту: дама не садится, а ставит на сиденье сумочку!) Но соответствующее ожидаемое дальнейшее действие в свою очередь тоже входит в смысл действия; в конечном итоге дело в том, что теперь дама по-

¹⁸ В стиле описания, используемом Ферстером и Морином, это звучало бы так: исчисление-| в случае социальных систем есть коммун и кация-t.

¹⁹ Соответствующие размышления о «самоорганизации» см.: Ash-by W, R. Principles of the Self-organizing System // Modern System Research for the Behavioral Scientist / Ed. W. Buckley. Chicago, 1968. P. 108—118 (II4).

²⁰ См. также: Allan H. Du bruit comme principe d'auto-organisation // Communications 18 (1972). P. 21—36.

лучила возможность сесть. Самореферентная аутопойетическая репродукция была бы совершенно невозможна без предвосхищающей рекурсивности; вместе с тем, чтобы обеспечить переход от события к событию, от действия к действию, мало замкнуть круг, нужно еще внести дополнительный смысл. Именно поэтому самореференция требует обозначения и различения, в нашем примере — полагания действием самого себя в отношении к другим элементам, своего бытия элементом и бытия-элементом-отношения.

Важно тщательно следить за данным несколько педантичным анализом, ибо из него следует, что теория самореферентных систем снимает данное различие закрытых и открытых систем и раскрывает то, как она его снимает²¹. Благодаря самореференции создается рекурсивная, циркулярная закрытость, которая не есть ни самоцель, ни единственный механизм сохранения или принцип надежности. Она является, скорее, условием возможности быть открытой. Всякая открытость опирается на закрытость²², что возможно лишь потому, что самореферентные операции не адсорбируют общий смысл, не обладают тотализирующим воздействием, а лишь сопутствуют, потому что они не есть завершающие, окончательные, целедостигающие, а как раз являются открывающими операциями.

В эмпирических системах всегда уже предусмотрено нечто для того, что обременяет логиков, — для «развертывания» чистых тавтологий в более комплексные, полные содержания системы самореференции²³. «Самость» самореференции никогда не является ни тотальностью закрытой системы, ни самим реферированием. Речь идет всегда лишь о моментах конституционной связи открытых систем, поддерживающих ее аутопойетическую: об элементах, процессах, о самой системе. Право говорить здесь о (частичной или сопутствующей) самореференции следует из того, что здесь идет речь об условиях возможности аутопойетического самовоспроизводства.

²¹ Мы указали на это во введении с точки зрения смены парадигмы в теории систем.

²² «Открытость основана на закрытости» — так это звучит в контексте прекрасного анализа данного отношения в: *Morin E., a. a. O. T. 1 (1977). P. 201.*

²³ О таком «развертывании» через взлом чистой идентичности объекта, относящегося к самому себе, см. в работах последователей Тарского: *Ldfgren L. Unfoldment of Selfreference in Logic and in Computer Science // Proceedings of the 5th Scandinavian Logic Symposium / Ed. von F. V. Jensen, B. H. Mayoh, K. K. M011er. Aalborg, 1979. P. 205—229.* Самым известным выходом отсюда у логиков является различение уровней или типов, которые используются при упорядочении высказываний.

Отсюда могла бы быть начата серьезная дискуссия об отношении функциональной теории систем к трансцендентально-теоретической и диалектической традиции. Исходный пункт для всех этих вариантов теории заключается в теореме о сопутствующей самореференции, ибо она, пожалуй, неоспорима. Таким образом, речь идет о разных формулировках данной проблемы синхронного указания на себя и на другого. Если это понимают как особенность сознания и поэтому (!) провозглашают его «субъектом», то приходят к трансцендентализму²⁴. Если с учетом этого синхронного указания на себя и на другого интересуются единством, лежащим в основе (т. е. в конечном счете ориентируются на идентичность идентичности и различия, а не на различие идентичности и различия), то приходят к диалектике. Диалектику можно, но не нужно соединять с трансцендентализмом. Мы считаем трансцендентальную теорию лишь ложной абсолютизацией системной референции (и в то же время хорошей моделью самореферентных теорий), а диалектику — слишком рискованной в ее ожиданиях идентичности (теоретические переходы и присоединения все-таки должны исходить из различия). Дистанцирование от важнейших теорий по данной проблематике ведет к функциональной теории систем, в которой считается, что самореферентные системы, различая указания на себя и указания на иное (т. е. за счет сопутствующей самореференции), добывают информацию для своего самовоспроизводства.

IV

Мы представили базальную самореференцию социальных систем исходя из дискуссии о понятии действия и через связь события и структуры. Этого здесь не нужно повторять. Однако нужно привести еще лишь две точки зрения, чтобы обозначить ограничения, вытекающие отсюда для всех системных образований.

Из потребности в базальной самореференции вытекают прежде всего типичные признаки образования систем. Репродукция внутри закрытых аутопойетических систем требует хотя бы минимального

²⁴ «В осуществлении трансцендентального синтеза (сознательный) субъект использует два вида действия, а именно: относится к объекту намеренно, а к сознанию — рефлексивно» (*Locker A. On the Ontological Foundations*

«сходства» элементов. Лишь живые системы могут быть репродуцированы жизнью, лишь системы коммуникации — коммуникацией. Невозможно «аутопойетически» присоединять химические события к событиям сознания и наоборот, хотя между ними, конечно, есть причинные связи. Поэтому важно различать базальную самореференцию и каузальность. Только из самореференции, а не из каузальности вытекает построение реальности как эмерджентности систем разных типов. Необходимость типов есть не что иное, как ограничение, накладываемое на операции элемента, например коммуникации, если она должна относиться к самой себе через иное. Вполне вероятно, что бывают химические эксперименты, и в связи с этим есть и обратная связь с опытом экспериментатора; но тогда в основе этого опыта лежит модель сознания действующего лица, предусматривающая обусловленную репродукцию действий, либо система коммуникации, координирующая действия многих лиц. Однако нет какой-либо системы, способной создать самореферентное отношение двойной контингентности между химическими и коммуникативными событиями.

Дальнейшее пояснение особенно важно, ибо оно противоречит расхожим взглядам. В полностью темпорализированных системах, использующих события как элементы, на уровне элементов не может быть *никакой каузальной циркулярности*. Теории, придающие такой циркулярности основополагающее значение, например теории кибернетического регулирования, упускают из виду темпоральную «ничтожность» элементов²⁵. События исчезают, едва возникнув; поэтому они уже в следующий момент недоступны обратному влиянию. Обратное каузальное воздействие предполагает формы (или *формирование связи событий*) более высокой степени порядка, которые опять-таки лишь способствуют событиям²⁶. События пред-

²⁵ См., напр.: *Morin E.*, а. а. О., в частности p. 257 ff.; *Loh W.* *Kombinato-rische Systemtheorie: Evolution, Geschichte und logisch-mathematischer Grun-dlagenstreit.* Frankfurt, 1980 (в частности, S. 3 ff. как пример отказа от чисто формальных, неэмпирических интерпретаций контурного регулирования); *Aulin A.* *The Cybernetic Laws of Social Progress: Towards a Critical Social Philosophy and a Criticism of Marxism.* Oxford, 1982. P. 51 ff.

²⁶ На языке теории каузальности (*MacIver R. M.* *Social Causation.* Boston, 1942. P. 129 f.) сформулировано: «Мы ищем причинную обусловленность событий вне событий, а процессов — в самих процессах». Это отчетливо показывает трудности, с которыми сталкиваются, ставя перед собой альтернативу понимать причины либо как предыдущие события, либо как неопределенную во времени охватывающую связь. В первом случае причинное объяснение мало что дает, во втором случае оно быстро становится перегруженным и приводит к нечеткости. ставляют в системе необратимость времени. Чтобы получить обратимость, следует создавать структуры.

Этот взгляд имеет принципиальное значение, свидетельствующее помимо всего прочего о том, что контурное регулирование не может быть фундаментальной наукой. Сначала очевидные порядковые преимущества циркулярной каузальности должны быть созданы без оснований. Базальная самореференция остается в смысловых системах без каузальной реализации.

Отсюда, по-видимому, следует наличие глубокой связи между необратимостью времени и генезисом смысла как формы переработки информации²⁷. На уровне элементов система может открываться необратимости времени лишь в том случае, если возникающие при этом проблемы базальной самореференции она способна решать не каузально, а иначе, т. е. если она может отказаться от каузальной циркулярности на уровне элементов. Базируясь на событиях, система копирует в себе необратимость времени, она конституирует себя в своих элементах относительно времени; но подобное конституирование возможно лишь в том случае, если, невзирая на него, можно создавать рекурсивные связи, способствующие взаимной настройке элементарных событий. На уровне органических систем это было подготовлено, наверно, «направляющими корреляциями»²⁸. Лишь генезис смысла способствует изящному решению данной проблемы. Будущее и прошлое поступают в распоряжение в настоящем в качестве горизонтов, и тогда отдельные события могут быть сориентированы при помощи воспоминаний или предвидений, а также прежде всего при помощи предвидения воспоминания, т. е. циркулярно. Разумеется, что это возможно лишь тогда, когда плотная сеть естественных «направляющих корреляций» предохраняет от слишком частых разочарований. При такой защите может возникать смысл, образующий временное измерение, включающее в себя базальные самореференции. В результате эти самореференции позволяют сократить длительность элементарных событий почти как угодно. В результате получается действие как привычная нам элементарная форма.

Тем самым смысл как достижение эволюции и возможность осмысленного действия

обосновывается необратимостью времени в виде отвоёванной у нее базальной самореференции.

Лишь так си-

²⁷ Ср. об этом же гл. 1, III и гл. 2, VI.

²⁸ Это понятие имеет центральное значение в: *Sommerhoff G. I) Analytical Biology. London, 1950. P. 54 ff.; 2) Logic of the Living Brain. London, 1974. P. 73 ff.*

580

581

стемы могут переключаться на полностью темпорализированную комплексность. Если бы смысл смысла когда-либо был утрачен, он тотчас же был бы репродуцирован — некаузальная базальная рекурсивность иначе невозможна.

V

Нам следует несколько обстоятельнее заняться процессуальной самореференцией, т. е. рефлексивностью процессов социальных систем. Ее исходный пункт всегда заложен в типизации формы социальных процессов, следовательно, в коммуникации. Разумеется, и в психических системах существуют рефлексивные процессы, направленные на самих себя, например мышление мышления или наслаждение наслаждением²⁹. Однако в анализе социальных систем следует исходить из того, что все процессы являются коммуникативными и что вся рефлексивность должна быть получена как коммуникация о коммуникации.

Это не в последнюю очередь есть следствие условий конституции процессов. Процессы возникают благодаря усилению отбора, т. е. через временное ограничение степеней свободы элементов. Это требует элементов одинакового типа. Голые последовательности событий (пожар, прыжок из окна, перелом ноги, доставка в больницу) не являются процессами в этом смысле, кроме того, они не могут быть рефлексивными. Хотя такую взаимосвязь событий можно ожидать и рассматривать как целое, например она может быть релевантной, для того чтобы определить, кто из страховщиков должен оплатить расходы; но ее нельзя применять к самой себе, она не может быть рефлексивной. Основной формой всякой процессуальной рефлексивности всегда является отбор отбора. Поэтому рефлексивность может возникать только на основе самоизбирательной структуры процессов, усиливающей отбор за счет отбора.

²⁹ Разумеется, то, что обращали внимание на психические самореференции такого рода и использовали их в теоретических формулировках, следовательно, коммуницировали об этом, опять-таки есть социальный феномен, требующий рассмотрения в контексте историко-эволюционной семантики. Очевидный рост интереса к таким фигурам в XVII и XVIII вв. четко связан с перестройкой общества в направлении функциональной дифференциации и с вытекающим отсюда переформулированием личной индивидуальности.

582

Как только сложились процессы, прежнее событие всегда утрачивает объяснительное значение, но приобретает прогностическое. Событие имеет место лишь в процессе, так как своим осуществлением оно обязано избирательности предшествующих и позднейших событий. «Причинность событий... следует искать не в предшествующих событиях, а главным образом в процессах, проявлениями которых они являются»³⁰. Именно поэтому наблюдатель способен видеть движения, следовать мелодиям, предвидеть в данный момент, что сейчас будет сказано. В случае сжатия процесс действует как предупреждение, так как слишком невероятно изолированное возникновение отдельных событий. В этом смысле в собственное единство процесса приходит каузальное значение. Его единство, состоящее из невероятных связей отборов, использует эту невероятность для ее утверждения в качестве вероятности. Таким образом, существует высокая невероятность всякого определенного содержания сознания и равным образом высокая невероятность всякой определенной коммуникации, которая, учитывая темпоральную нестабильность таких предметов, фактически вынуждает к тому, чтобы конституировать их как момент процесса. Следовательно, в процессы, по крайней мере установочно, встраивается момент самонаблюдения; единство процесса осуществляется еще раз в нем самом и в таком случае может повышать его внутреннюю невероятность, а именно невероятность его отдельных событий. Такое повторное вхождение единства комплексного в комплексность является более или менее явным признаком всех процессов. Иначе они не могут усиливать свою избирательность. Мы будем говорить о процессуальной самореференции или рефлексивности лишь тогда, когда данное повторное вхождение в процесс выражено средствами процесса³¹. Четкие границы не нужны. Однако в процессе должны быть отдельные события или процессы, берущие на себя повторное введение процесса в процесс и от-дифференциацию для такой функции. Так, должны быть коммуницированы хотя бы слабые ссылки на коммуникацию («Если я Вас правильно понял, Вы имеете в виду...»), чтобы можно было говорить о коммуникации о коммуникации. Однако это

дополнение может, конечно, быть расширено до отдельного промежуточного процесса, до процесса, который вмешивается в процесс. В соответствии с этим под понятием

³⁰ *MacIver R. M. Social Causation. New York, 1964. P. 129.*

³¹ Данное различие отсутствует в более ранней публикации на эту тему- *Luhmann N. Reflexive Mechanismen // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 1. Opladen, 1970. S. 92—112.*

583

рефлексивности мы понимаем от-дифференциацию функции демонстрации единства процесса в процессе и называем это применением процесса к себе самому³².

От-дифференцирование устройств рефлексии позволяет достичь прежде всего способности процесса контролировать и свою несостоятельность³³. Теперь можно коммуницировать о том, почему что-то осталось невысказанным; можно определять неправду; можно наслаждаться страданиями; можно тратить деньги или нет; можно доказывать любовь с помощью ненависти и ревности; можно принимать решение о том, чтобы не принимать решения; можно, основываясь на власти, избегать ее употребления. Поэтому рефлексивные процессы могут вводиться как процессы, меняющие структуру; и их развитие требуется, когда велика потребность в контролируемом изменении структуры. Разумеется, противоположный случай может возникать лишь в процессе, т. е. лишь с помощью его собственной типизации событий. Если это возможно, то процесс приобретает тем самым больше степеней свободы, больший радиус действия, лучшую способность приспособления.

Социологический анализ, исходящий из данных оснований, прежде всего мог бы заинтересоваться вопросом о том, могут ли отношения рефлексивности такого рода быть *нормализованы* и уси-

³² Здесь, в сфере процессов сознания, заложен исходный пункт для прояснения того, что можно было бы понимать под «бессознательным» (в отличие от неосознанного). О бессознательном можно было бы говорить, если сознание обеспечивает само себя лишь как процессуальную форму, а не как от-дифференцированную рефлексивность. В этом случае форма единства процесса сознания входит в процесс в качестве процессуальной формы, но не в смысле события сознания или особого subprocessa. Сознание оперирует с помощью сознания, но тем самым оно еще не осознает себя и поэтому еще не формирует у себя каких-либо опорных точек критического управления и самоконтроля.

³³ Так называемая «этнометодология», берущая начало в данной проблеме, идет еще дальше. Для нее отрезание рефлексивности, "taking for granted" (считая само собой разумеющимся (*англ.*) — *Прим. отв. ред.*), выступает отдельным случаем рефлексивности. В таком случае совершение рефлексии должно стать рефлексивным для включения нерефлексивности, достигая тем самым тотальности. См. об этом: *Chua B.-H. On the Commitments of Ethnomethodology // Sociological Inquiry 44 (1974). P. 241—256.* Результатом является своеобразная радикальность — и скука от постоянных ссылок при этом на этнометодологию. Это рефлексивируется еще и тогда, когда этнометодологи замечают, что такая тотальная рефлексивность неинтересна в практике повседневной жизни. Ср. также в связи с этим: *Eickel-pasch R. Das ethnomethodologische Programm einer "radikalen" Soziologie // Zeitschrift für Soziologie 11 (1982). S. 7—27.*

лены и при каких особых условиях. Осуществляется ли коммуникация о коммуникации во всех общественных формациях и общественных сферах одинаково часто или же, как и следовало бы ожидать, коррелирует с невероятностью и степенью новизны коммуникативных тем и сообщений? Какую нагрузку в отношении коммуникации о коммуникации может выдержать коммуникативный процесс, меняются ли и пределы этой нагрузки в зависимости от общества и общественных сфер? Как коммуникативно обрабатываются переходы от рефлексивного уровня к нормальному? Есть ли техники купирования, позволяющие успешно (т. е. безответно) препятствовать возникновению рефлексивности коммуникации? И какое обратное влияние имеет частая коммуникация о коммуникации на способ и четкость познания участниками друг друга как личностей?

Возьмем одну из этих проблем для ее более подробного изображения. *Ритуалы* можно понимать как купирования любых начал рефлексивной коммуникации³⁴. Коммуникация как фиксированный процесс утрачивает гибкость, и ее ригидность занимает место вопроса, почему это так³⁵. Элементы процесса и их последовательность установлены неизменными, со словом обращаются как с вещью, в счет идет настоящее, которое некорректируемо ни в отношении будущего, ни на основе какого-либо прошлого опыта. Риск использования символов сводится к минимуму. Ритуалы сравнимы с неоспоримой естественностью повседневной жизни, также исключая рефлексивность³⁶. Однако они выполняют данную функцию и в более напряженных ситуациях, где нет такой само собой разумеющейся естественности, а нужно свести к минимуму интересы, сомнения или страхи; для более проблемных ситуаций они вво-

³⁴ Между прочим, тезис о том, что ритуалы есть кодирование ограниченной и безальтернативной коммуникации, известен. Ср.: *Douglas M. Natural Symbols: Explorations in Cosmology. London, 1970; Rappoport R. A. 1) The Sacred in Human Evolution // Annual Review of Ecology and Systematics 2 (1971). P. 23—44; 2) Ritual, Sanctity and*

Cybernetics // American Anthropologist 73 (1971). P. 59—76; Block M. Symbols, Song, Dance and Features of Articulation: Is Religion an Extreme Form of Traditional Authority? // Europaisches Archiv für Soziologie 15 (1974). S. 55—81. Он касается прежде всего обрезания ссылок, свойственных смыслу, включая купирование рефлексивности.

³⁵ Это прямо противоположно сделанной выше констатации, что невероятность событий провоцирует поиск смысла процесса, в котором они имеют место.

³⁶ Ср.: Garfinkel H. 1) Studies of the Routine Grounds of Everyday Activities // Social Problems 11 (1964). P. 225—250; 2) Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs N. J., 1967. P. 35—75. Об этом см. выше, прим. 33.

584

203ак. №4161

585

дят более искусственные средства. Потому нарушения ритуалов считаются не странностью, причудой, шуткой, а опасной ошибкой; но вместо того, чтобы все-таки начать рефлексию, ошибку подавляют. Без ритуальной строгости такой эффект купирования можно достичь путем придания коммуникации торжественной формы, подчеркивающей ее. В греческой истории такую функцию выполняла, видимо, ритмизация коммуникаций, поддерживающих традицию³⁷. Она обеспечивает одновременное использование обязывающей формы как средства убеждения, исключая тем самым сомнения и уточняющие вопросы. Поначалу эту функцию могли выполнять письменные предписания.

Даже если социальная жизнь пронизана само собой разумеющимися ритуалами, связанными и особо изысканными формулировками, всегда следует принимать в расчет коммуникацию о коммуникации. Соответствующие преимущества и проблемы умножаются, если дополнительно затрагивается вопрос, могут ли рефлексивные отношения быть *специализированы* и при каких особых условиях это возможно. В таком случае они должны регулировать не коммуникацию как таковую, а особые виды коммуникативных процессов. Тому есть яркие примеры прежде всего из области функционально специфицированной коммуникации — особенно, но не только, в функциональных сферах, где возникли символически генерализованные средства коммуникации. Так, коммуникация в любовных отношениях стала сплошь рефлексивной: то, что (и как) коммуницируют о любви (это явно касается и телесного поведения), в то же время есть доказательство любви, причем вне данной самореференции нет возможностей доказательства. Другой пример: воспитание воспитателей. Процесс воспитания становится рефлексивным, потому что его могут осуществлять лишь профессиональные воспитатели, а «прирожденные» (отец и мать) уже не отвечают требованиям. Еще одним примером выступают отношения обмена. Как только в обмен включаются деньги, эти отношения становятся рефлексивными. В денежной форме идет обмен возможностями обмена. В случае денежного обмена коммуницируют, желая того или нет, о процессе обмена; и это происходит не вообще (тем, что упоминают об обмене!), а точно в соответствии с процессом, именно так, как обмениваются. Для юристов, с тех пор, как стали различать решения

³⁷ Об этом см.: Havelock E. A. Preface to Plato. Cambridge Mass., 1963. Ср. также: Kassei R. Dichtkunst und Versifikation bei den Griechen. Vortrage der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften G 250. Opladen, 1981.

по отдельным делам и преюдиционные эффекты и были вынуждены одновременно принимать решения по ним обоим (только решение по отдельному делу является преюдицией), существует подобная необходимость в рефлексивности в четких рамках процессуальной типизации ее правоприменения. Не в последнюю очередь следует упомянуть и об отношениях власти. Власть становится рефлексивной, потому что она применяется к власти, т. е. концентрируется в точности и именно на управлении властными средствами других. Это может идти сверху вниз, но в более тонком виде и снизу вверх. В обобщенном смысле это справедливо и для влияния³⁸.

Даже простой набор аргументов показывает, что эти примеры не произвольны. Они начинают накапливаться на заре Нового времени, и кажется, что вместе с возникновением рефлексивности специализированных процессов используется и далее усиливается от-дифференциация соответствующих функциональных сфер. По-видимому, должны быть присоединены системные образования³⁹, придающие спецификации процессов необходимую нормальность и повторяемость и в то же время повышающие собственную комплексность, контингентность и потребность соответствующих процессов в управлении и гарантиях. Так объяснимо, что переход к преимущественно функциональной дифференциации значительно расширяет палитру рефлексивных процессов и что такое изменение запускает множество трансформаций староевропейской семантики.

При разработке теории рефлексивной коммуникации в соответствии с вышеизложенными

характеристиками можно обнаружить, что ей соответствует и купирование начал рефлексивности. Прогрессирует деритуализация религии, приводя к проблеме достоверности веры, которую следует оценивать по критериям, ведущим тогда к расколу христианства. Этому следует усиленная эмфатичность к природному знанию; человеку, учитывая его рефлексивность, приписывается естественный доступ, естественное (познавательное и производительное) отношение к природе. Достоверность

586

³⁸ В придворной системе абсолютного государства такое влияние на влияние власть имущих снизу вверх называли "credit" и сравнивали с использованием чужих финансовых средств, что и сейчас называется кредитом. Ср.: *Duclos C/i. Considerations sur les moeurs de ce siecle* (1751); цит. по изданию; Lausanne, 1970. P. 269 ff.

³⁹ В случае любви, с учетом мимолетности таких систем, должны быть присоединены также литературные образцы (что просматривается уже в XVII в.).

587

основывается на индивидуальном переживании достоверности либо на индивидуальном опыте, а само собой разумеющийся здравый смысл рассматривают как особый тип истины, иногда даже просто как ее критерий⁴⁰. Исходят из наличного положения вещей и уровня знаний и проблематизируют (что и есть ограничение!) с позиции аккумуляции и улучшения — видеть можно просто так, но лучше видеть с помощью оптики: очков, телескопов, микроскопов. Этот краткий экскурс в историю должен прояснить, что такое коммуникативно-теоретическое начало может создавать не только микросоциологические, но и макросоциологические гипотезы; что оно применимо не только к системам интеракции, но и к общественным системам. Рефлексивность является весьма общим принципом от-дифференциации и усиления. Она обеспечивает управление и контроль процесса им самим. Однако она предполагает функциональную спецификацию процессов и поэтому развивается лишь в том случае, если эволюция предоставляет тому достаточно отправных точек⁴¹. Общества, обладающие слишком большой рефлексивностью, в таком случае сочетают легкость нарушений с многообразными последствиями и высокую способность к рекуперации. Наиболее выразительным примером тому являются, пожалуй, финансы.

VI

Вместе с формированием самореферентного круга в виде двойной контингентности каждую социальную систему следует поставить перед необходимостью отбора своих возможностей. Тем самым она в то же время откроется для обусловливающих. Отсюда может возникнуть потребность выбора этих обусловливающих, который не следует отдавать полностью воле случая. Этот контроль более высокой степени достигается тем, что социальные системы ориентируются на себя — в отличие от своего окружающего мира. Подобную форму самореференции мы назвали рефлексией. Таким образом, мы называем рефлексией совпадение системной референции и самореференции.

Система ориентирует свои опера-

⁴⁰ Здесь я имею в виду шотландскую философию морали (см. ее обзор в: *Graves A. The Scottish Philosophy of Common Sense*. Oxford, 1960), а также французские произведения того же времени, в частности: *Bujjier C. Traite des premieres veritez et de la source de nos jugements*. Paris, 1724.

⁴¹ О функции как принципе эволюционного отбора ср. выше, гл. 8, VII.

588

ции на свое единство. В качестве основного различия для этого учитывается не «раньше» и «позже» процессов, а различие системы и окружающего мира. Только внутри этого различия можно обозначать либо систему, либо окружающий мир, благодаря чему тематизировать как единство комплексность, называемую системой или окружающим миром. Иными словами, рефлексия требует ввода в систему различия системы и окружающего мира. Если это делается с точки зрения единства этого различия, то будем говорить о рациональности. Следовательно, рациональность может быть достигнута только через рефлексию, при этом не всякая рефлексия рациональна. Мы еще вернемся к этому в разделе X.

Подобно рефлексивности, рефлексия также развивается на базе нормального оперативного поведения социальных систем. И так же, как в случае рефлексивности, речь идет здесь не об общем своеобразии всех социальных систем, а об особой способности, возможной лишь при определенных условиях. Прежде всего системы интеракции обычно обходятся без рефлексии своего единства. Они приводятся к рефлексии, главным образом, по двум причинам, а именно: (1) если они должны действовать как система, т. е. выделять отдельные действия как связующие систему; и (2) если они прерывают контакт присутствующих и организуют их новую встречу, т. е.

должны сохранить свою идентичность в латентных фазах. Таким образом, должны быть особые ситуации, разрешимые лишь с помощью рефлексии. В остальном достаточно конституционного принципа присутствия в его непосредственном ориентирующем значении; он, так сказать, представляет единство системы в системе.

Так как всякое превращение двойной контингентности в операции, всякое коммуницирование и всякая конституция действий в то же время подчиняется системе, следует исходить из того, что у всех социальных систем есть рудиментарный опыт *самонаблюдения**⁴¹. Всякая коммуникация заявляет, сознательно или нет, тематически или нет, о своей принадлежности к системе. Это означает лишь то, что в случае дополнительного требования подчинения системам такие возможности ограничены. Это относится к необходимым смысловым импликациям любой коммуникации. В главе о коммуникации и действии мы показали, что коммуникация приводит саму себя в (редуктивную) форму относимого действия, чтобы обеспечить са-

⁴² На всякий случай повторимся, что самонаблюдение *социальных* систем может быть лишь коммуникативным событием и что психически-осознанное наблюдение социальной системы участниками является внешним.

монаблюдение процесса коммуникации, а именно адресной реакции коммуникаций на коммуникацию⁴³. В этом рудиментарном смысле самонаблюдение сопровождает все социальные системы, в какой мере и у кого осознанно — это другой вопрос; и оно обладает реальностью лишь как коммуникация.

Такое рудиментарное самонаблюдение системы на уровне ее операций становится *самоописанием*, если производит семантические артефакты, на которые могут указывать дальнейшие коммуникации, обозначающие единство системы. До четкой дифференциации наблюдения и описания (самонаблюдения и самоописания) впервые дело доходит лишь благодаря изобретению письменности. В таком случае описание может быть и устным; но оно все же основано на текстах, развивающихся лишь на основе письменности, — в частности, на длинных, дисциплинированных текстах, в значительной степени понятных независимо от ситуации. Если в рамках таких самоописаний участники говорят о «нас» или если они присваивают своим связям наименования, что позволяет говорить о них и в иных отношениях⁴⁴, то это влечет за собой совсем иное последствие, нежели просто передача самонаблюдения, — так сказать, коллективизацию эффекта присутствия. Для самоописаний типично производство сверхунификации, переоценка когерентности в наблюдении системы; в этом отношении они могут сбивать с толку и внешних наблюдателей. Как самонаблюдение, так и самоописание оставляют (принимая данную терминологию) открытым вопрос о том, с помощью каких различий обеспечивается переработка информации. Речь может идти и о подчинении отдельного случая целому, полагающему смысл (герменевтическое различие), или о различии определенного и неопределенного, или о «том» и «другом».

В противоположность *этому рефлексия* — более узкий, претенциозный случай, формально также входящий в понятия самонаблюдения и самоописания. Здесь основное различие уточняется семантикой, могущей представлять отношение системы и окружающего мира в системе. Это требует как минимум от-дифференциации в системе рефлексивной коммуникации — иначе невозможно прояснить, что речь идет о различении, практикуемом в системе и придающем смысл различию системы и окружающего мира, которое небезоговорочно справедливо и для окружающего мира, поскольку-

⁴³ Ср. выше, гл. 4, VIII.

⁴⁴ Такое наименование можно было бы назвать де-индексацией самоописания, чтобы тем самым дать понять, что первичные самоописания выполняются ситуативно и в связи с системой — так сказать, лишь для непосредственного использования.

590

ку самоописания в виде «асимметричных противоположных понятий»⁴⁵ еще не есть собственно формулы рефлексии. Для этого недостаточно ни греков и варваров, ни тела Христова и тела дьявола. Следовало учесть открытие, что язычники не считают себя язычниками⁴⁶.

Система, способная к своей репродукции, должна уметь наблюдать и описывать себя. Новые идеи на данную тему получили импульс и от изучения автоматов, воспроизводящих себя. Исходный вопрос звучал так: столкнется ли конструкция самовоспроизводящегося автомата с логическим противоречием или с бесконечным регрессом, т. е. с требованием того, чтобы в автомате содержалось его полное самоописание. Особенно Дж. фон Нейман⁴⁷ пытался обойти данную проблему. Как бы то ни было, для социальных систем (и, пожалуй, для всех систем, использующих события как элементы) вопрос может быть лишь в том, куда направляет

репродукцию упрощающее самописание или рефлексия. В любом случае возникает отклоняющаяся репродукция—такова жизнь. Однако так как упрощение самописаний происходит избирательно, т. е. устанавливается контингентно в определенном пространстве других возможностей, возможно, что данное установление влияет на развитие системы. Такие связи, в случае их обнаружения, представляли бы большой интерес для общественной теории, например для вопроса о том, что именно Модерн европейского происхождения позаимствовал из самописаний, и куда эти самописания ведут путем, по которому, наверное, не следовало бы идти.

К особенностям семантики новейшей Европы относится расширение системной рефлексии такого рода и приобретение ею теоретической формы. О *теориях* рефлексии можно говорить тогда, когда идентичность системы в отличие от ее окружающего мира не только обозначается (так что известно, что имеется в виду), но и понятийно разрабатывается так, чтобы можно было присоединять сравнения и соотношения. Так, начиная с XVII в. возникают теории государства, сориентированные на то, чтобы верховная политическая власть была бы мощнее всех сил на своей территории, была бы

⁴⁵ Ср.: Koselleck R. Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischer Gegenbegriffe II Koselleck R, *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt, 1979. S. 211—259.

⁴⁶ Семантическая трансформация, для которой Европе понадобился век. Ср. по поводу родоначальников: Rittner V. *Kulturkontakte und soziales Lernen im Mittelalter*. Köln, 1973.

⁴⁷ Ср.: *Theory of Self-reproducing Automata*/Ed. A. W. Burks. Urbanall., 1967.

591

способна разрешить любой конфликт, но несмотря на это, не могла бы использоваться по произволу. Результатом „является теория современного конституционного государства, функционально ориентирующая свои составные части на эту проблему, например — разделение властей, демократическое представительство, защита основных прав⁴⁸. В системе науки возникают теории познания, затем теории науки, призванные объяснить, как при различии познания и предмета вообще возможна идентичность — как самообусловливание трансцендентального сознания, в форме диалектического процесса или в форме прагматики, доступной проверке. Так же и в системе воспитания со второй половины XVIII в. возникают присущие ей проблемы рефлексии — например, проблема различия совершенства и пригодности как целей воспитания или проблема обеспечения свободы⁴⁹. В системе права прежде всего возникает вопрос, как после ухода от естественного права можно было бы обосновать всегда контингентное значение необходимости позитивного права; в 1800 г. в связи с этим говорят о философии позитивного права (Фейербах), а сегодня — о «теории права»⁵⁰. В экономической системе со времен физиократов и А. Смита на смену прежней литературе с советами для князей приходят системно-специфические теории рефлексии, выводимые из анализа обмена, производства и распределения. В области интимных отношений начиная с XVIII в. на основе прежних представлений о любовной страсти также начинают складываться концепции системного единства любви и брака; внешние негативные воздействия отходят на второй план, и все уже готовы признать, что всякую удачу и неудачу любовь готовит себе сама⁵¹. Совпадение такой массы подтверждений в столь краткий исторический отрезок времени не случаен. По-видимому, оно, как и возникновение рефлексивности функционально важных процессов, связано с усиленной от-дифференциацией общественных функциональных систем. В то же время данная от-дифференциация снима-

⁴⁸ Ср.: Luhmann N. 1) Politische Verfassungen im Kontext des Gesellschaftssystems//*Der Staat!*2(1973).S. 1—22, 165—182; 2) *Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat*. München, 1981.

⁴⁹ Ср.: Luhmann N, Schorr K. E. *Reflexionsprobleme im Erziehungssystem*. Stuttgart, 1979.

⁵⁰ Ср.: Luhmann N. *Selbstreflexion des Rechtssystems: Rechtstheorie in gesellschaftstheoretischer Perspektive* // Luhmann N. *Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtstheorie und Rechtssoziologie*. Frankfurt, 1981. S. 419—450. Ср. также: Giorgi R. de. *Scienza del diritto e legittimazione: Critica dell'epistemologia giuridica tedesca da Kelsen a Luhmann*. Bari, 1979.

⁵¹ Подробнее об этом см.: Luhmann N. *Liebe als Passion: Zur Codierung von Intimität*. Frankfurt, 1982.

592

ет староевропейское космически-иерархическое сознание порядка, способное ориентироваться на приоритет политики и религии. Очевидно, что высокая автономия функциональных систем, ни одна из которых все-таки не способна представлять все общество, отныне блокирует рефлексивность общественной системы. На этом уровне всякое предметное высказывание становится «идеологическим», и лишь во временном измерении удастся сформулировать убедительные высказывания — на основе веры в прогресс, понятий современности, эволюционных теорий или,

как сейчас, все больше и больше на базе страха перед катастрофами. В каждом случае самотематизи-рования такого рода определяются, скорее, темпоральными различиями — через различие с совершенно иным прошлым (традиционному либо современному обществу) или посредством различия с совершенно иным, если можно так выразиться, посткатастрофическим, даже постмировым будущим. Теории рефлексии в собственном смысле, основанном на различии системы и окружающего мира, не вырисовываются в совокупной общественной системе. Это, как будет показано ниже, мешает сформулировать рациональность и ее дефицит в таком обществе. Сколь бы изощренным ни было усиление самонаблюдения, самоописания, рефлексии и теории рефлексии, инструментализация операций, относящихся к самим себе, переработка информации, относящейся к самой себе, остается. Мы *не* связываем с понятием самонаблюдения представление о *привилегированном доступе* к знаниям. Это предполагало бы предварительные обстоятельства и масштабы сравнения, позволяющие (кому?) определить, что интроспекция работает лучше внешнего наблюдения. Особенность самонаблюдения основана на другом: «самость» самореференции должна *обращаться с собой как с несменяемой*. В случае самонаблюдения она должна идентифицироваться с наблюдаемым. В картезианской традиции проявляются особые возможности данной ситуации; подчеркивается, что самость занимает привилегированную позицию, что у нее есть особый доступ к самой себе и что отсюда возникают познавательные возможности, недоступные другим. Но обратная сторона состоит в том, что самость в самонаблюдении приневолена к эксклюзивности. Лишь она сама может наблюдать себя. Все возможности подтверждать себя параллельными взорами других отпадают. Она не может усиливаться опьянением консенсуса. Она остается наедине с собой. Таким образом, налицо высшая достоверность и высшая недостоверность. Это условие сохраняется при любом усилении процессов рефлексии (иначе вообще ничего бы не было). Здесь ничего не меняет

593

любая артикуляция понятий, любое теоретизирование, любое включение остального знания о мире. Речь идет о самореферентно-закрытом процессе, у которого с необходимостью нет объективирующих качеств внешнего наблюдения, нейтрализующих позиции. В понимании своеобразия теорий рефлексии для всего общества и для его функциональных систем следует исходить именно отсюда. При всей «научной» окраске, о которой пекутся теории эволюции и модернизации, национальная история, педагогика, теория права, науки, политики, экономическая теория и другие отрасли знаний при использовании данной идеи как теории рефлексии и для самонаблюдения соответствующих систем, возникает специфическое перенапряжение. Возникает больше определенности, чем это научно оправдано, и больше неопределенности, чем научно необходимо. С XIX в. этот эффект обсуждается с точки зрения идеологизированности, а социологию он довел до отказа от теории общества и даже от самой социологии⁵². Однако понятие идеологии здесь не помогает дальнейшему анализу; оно лишь помогает разоблачить неоправданные претензии на научность. Бесплодна и критическая позиция, так как она выводит возможность улучшений в том смысле, который следовало бы вынести из области рефлексии. Однако в любой рефлексии речь может идти лишь о том, чтобы расширять ее, обогащать, снабжать смысловыми качествами, обеспечивающими постоянно сопутствующему самонаблюдению комплексных систем лучшие возможности (более адекватные комплексности).

VII

Во всех рассмотренных формах самореференция никогда не носит характера тавтологии или полного удвоения обстоятельств, которые в каждом случае функционируют как самость. Речь не идет ни о принципе идентичности $L=L$, ни о целостном реферировании в смысле полного отображения общего в общем. Такие формы как раз не позволили бы получить то, что важно для аутопойетических операций системы — информацию. Из анализа самореферентных систем, ориентированного эмпирически, скорее, следует, что единст-

⁵² Ср., напр.: *Wiese L. von. System der Allgemeinen Soziologie. 2. Aufl. Munchen, 1933, в частности S, 44 ff.; Tenbruck F. H. Emile Durkheim oder die Geburt der Gesellschaft aus dem Geist der Soziologie II Zeitschrift für Soziologie 10 (1981). S. 333—350; и особо значимую работу: Schelsky ff. Die Arbeit tun die anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. Opladen, 1975.*

594

во системы, состоящее в конечном итоге в осуществлении аутопойетической репродукции, вновь вводится в систему лишь в форме «сопутствующей» самореференции. Для этого требуется операция, которую мы уже называли по ходу дела самоупрощением. Чтобы предстать в системе как единство системы, комплексность нужно редуцировать и затем осмысленно регенерализовать.

Семантика, предусмотренная для этого, не есть целое, но она реферирует его в качестве единства и предоставляет в распоряжение всем операциям как постоянно используемую нить указаний. Система оперирует все время в контакте с собой, но не только. Она функционирует как открытая и в то же время как закрытая система.

Эту идею, еще непривычную даже в литературе по теории систем, сейчас следует проиллюстрировать некоторыми штрихами на примере трех функциональных систем современного общества. При отборе примеров я руководствовался также желанием прояснить социологическую плодотворность данной концепции самореферентных систем.

Самореферентная автономия на уровне отдельных подсистем общества возникла лишь в XVII—XVIII вв. Ранее это функциональное место занимала религиозная картина мира. Пожалуй, можно утверждать, что отношение к Богу, примысливаемое всякому переживанию и действию, выступало скрытой самореферентией общественной системы. Например, считалось, что без Божьей помощи ничто не ладится. Тем самым в то же время устанавливались общественные и моральные требования. Однако религиозную семантику формулировали не как самореференцию общества, она была (и сейчас есть) сформулирована как внешняя референция, как трансцендентность.

Лишь с переходом общественной системы от стратификационной к функциональной дифференциации возникает необходимость смены сопутствующей внешней референции на сопутствующую самореференцию, так как новый тип дифференциации ломает иерархический порядок мира и учреждает автономию функциональных систем. В *экономической системе* современного общества сопутствующая самореференция реализуется через коммуникативное использование денег. Квантификация денег обеспечивает их любую делимость — не до бесконечности, но в соответствии с любой потребностью в делении. Благодаря этому деньги приобретают универсальное использование, сколь бы компактными ни были экономические блага. Они могут выражать любую экономическую операцию, особенно с неделимыми объектами, для которых иначе трудно было бы найти подходящий предмет обмена. Деньги есть

595

дивидуум по преимуществу*, подходящий для любой индивидуальности.

Единство современной экономической системы состоит в деньгах. Она полностью монетаризована. Это означает, что все экономически релевантные операции и лишь экономически релевантные операции связаны с деньгами. Экономические операции основаны на ценах, в том числе на ценах на сами деньги⁵³. Платеж есть ауто-пойетически элементарный процесс, последняя неразложимая далее коммуникация, образующая систему. Сам по себе платеж есть не что иное, как обеспечение дальнейшего платежа. Однако с платежами могут быть связаны и коммуникации, сами не являющиеся платежами, например решения об инвестициях или о процентных ставках. Большое количество платежей можно агрегировать и придать им форму глобального инструментального единства, например капитала, бюджета, баланса. Такие формулировки единства можно было бы сделать и для всей экономики. Однако практически единство самореферентной репродукции приобретает значение не в такой форме, а в форме изменения стоимости денег, будь то инфляция или дефляция. Это происходит потому, что элементарная операция платежа (что в то же время требует приема платежей) должна быть все время мотивирована, система не должна ни на миг прекращать своего существования. В этом и состоит осмысленная возможность различать цены и стоимость денег. В то время как цены выступают программами ожидания, стоимость денег регулирует аутопойетическую репродукцию системы. Благодаря платежам экономическая система является самореферентно-закрытой. Здесь для обозначения на самом деле запутанных процессов всегда использовали эвфемизм круговорота. Однако тем самым обозначается лишь половина смысла операции. Платежи всегда требуют встречного движения обмена благ, услуг или иных денежных величин. В этом отношении смысл операции в конечном счете указывает на окружающий мир — на вещи, деятельность, потребности. Полностью монетаризованная экономика служит отличным примером одновременно закрытой и открытой системы. В конечном итоге имеется *связь условий закрытости и открытости, способствующая от-дифференциации экономической системы;* и

⁵³

170.

Ср. также: *Luhmann N. Das sind Preise // Soziale Welt (1983). S. 153—*

* Термин, противоположный по смыслу латинскому слову «*individu-um*», означающему «неделимый», т. е. дивидуум значит «делимый». — *Прим. отв. ред.*

596

это потому, что *обязательная связь* самореферентных и инореферентных смысловых указаний во всех экономических операциях требует особых структурных условий, для которых нет каких-либо соответствий в окружающем мире системы⁵⁴.

В *функциональной системе политики* нет точной изоморфии, но, пожалуй, есть точные функциональные эквиваленты. Какой-либо точной изоморфии нет, потому что такое средство коммуникации, как власть, не обладает такой же технической точностью и такой же интегративной мощностью, как деньги. Использование власти само по себе уже не есть феномен политики. Поэтому в данной функциональной системе единство системы требуется вводить дополнительно путем самоописания, чтобы получить исходный пункт для самореферентного процесса обращения информации. Эту функцию выполняет понятие *государства*.

Несмотря на более чем двухсотлетнюю дискуссию, понятие государства остается непроясненным. Это может быть связано с поисками понятий с непосредственным отношением (эмпирическим или «духовным») к предмету, а в результате анализа моментов, важных для данного понятия (особенно понятий народа, государства, государственной территории, государственной власти), получали на выходе слишком много комплексности и гетерогенности⁵⁵. Типичным результатом были и теории государства без понятия государства (за исключением философии Канта и особенно Гегеля). Трудности повторяются и в попытках прояснить соотношение понятий государства и политики, ибо, с одной стороны, нет политической активности, отнесенной к государству, а с другой стороны (по крайней мере, согласно нынешнему словоупотреблению), нет какой-либо политики без государства.

Разработанная здесь системно-теоретическая концепция обеспечивает прежде всего переформулирование проблемы с помощью

⁵⁴ Я сознательно говорю, что нет никаких «соответствий», ибо не следует упускать из виду, что функционирование такого порядка вполне вероятно зависит от весьма специфических правовых и политических

мер.

⁵⁵ Даже современные «учения о государстве» излагают все то же тройственное определение понятия государства как государственного народа, государственной территории и государственной власти, не вдаваясь в то, как надо понимать единство столь гетерогенных вещей. См., напр.: *Zippeli-usR. Allgemeine Staatslehre*. 3. Aufl. Munchen, 1971. S. 33 ff.; *KrieleM. Einfuhrung in die Staatslehre: Die geschichtlichen Legitimitatsgrundlagen des demokratischen Verfassungsstaates*. Reinbek, 1975. S. 84 ff. Так же и общие дискуссии о разных возможностях определения понятия государства лишь наполняют страницы книг, но не дают конкретной помощи в этом.

597

различения системы и ее самоописания. Тем самым безуспешно дискутируемые вопросы о понятиях переносятся в реальность, и тогда можно сказать, что государство есть самописание политической системы. Оно есть семантический артефакт, позволяющий сконцентрировать самореференцию политической системы, обеспечить ее независимость от конкретного распределения власти и, подобно деньгам, сделать ее сопутствующим смысловым указанием всех операций, претендующих на функционирование в качестве элементов политической системы. Для этого важно, чтобы государство было конституировано как правомочное, как юридическое единство для отнесения, так, чтобы суверенные и фискальные меры составляли стержень всех политических операций; но вместе с тем так, чтобы была возможность осуществления политики, остающейся в юридическом отношении «вовне», но в политическом — в политической системе и направленной на обеспечение или предупреждение государственной активности. В любом случае ориентация на государство обеспечивает ту же закрытость самореференции, которая в экономической системе обеспечивается таким средством, как деньги, и в то же время связывает ее с решениями, интересами и структурными изменениями в окружающем мире политической системы. Таким образом, здесь также имеет место одновременное осуществление само- и инореференции и тем самым непрерывное воспроизводство порядка на основе порядка и хаоса. Последним примером является *система воспитания*. Здесь от-дифференциация собственной функциональной системы также привела к одновременному осуществлению само- и инореференции, и здесь это тоже справедливо в принципе для любой операции, приписываемой системе как воспитание. Еще меньше, чем политическая система, система воспитания способна выполнять данные предпосылки уже посредством символически генерализованных средств коммуникации. Нет какого-либо средства, специализированного на воспитании, так как оно стремится быть не только успешной коммуникацией, но и фактором изменения личности. Та самая циркулярная самореференция возникает здесь из-за того, что результаты обучения в типичном

случае учат само обучение и поддерживают его. Когда воспитанники начинают учиться, они овладевают также способностями, необходимыми для этого. Они не только учатся учиться, это всегда сопровождается и обратной связью со способностями к обучению. В этом же смысле обучение надеются сделать методическим, так чтобы оно со своей стороны в своей практике могло учиться на ошибках и совершенствовать себя.

598

Этот момент сопутствующей самореференции процесса уже в 1800 г. учитывался при формировании неогуманистических педагогических идей и был включен в понятие *образования*. Само образование понималось прямо-таки как методика умений, а обучение обучения было, по крайней мере, его существенным компонентом. Лишь такая рефлексивность могла допустить мысль, что тем самым индивида вооружают для «мира», т. е. для всего того, что бы он хотел освоить и попробовать в ходе обучения. То, чем первоначально должно было бы быть образование, а именно «внутренней формой» (еще и дифференцированной в зависимости от социального слоя), становится отныне индивидуализированным коррелятом мира⁵⁶.

Если «образование» понимают как подчиненную ему программу самоописания системы воспитания, то очевидно, что эта формула, как и понятие государства, демонстрирует признаки перегрузки и гипостазирования. Так как исходный пункт образует редукция комплексности эмпирической системы, т. е. самоупрощение, и так как речь идет о самонаблюдении, самоописании и рефлексии при незаменимости носителя, то формула приобретает стилизацию под нечто претенциозное, невзирая на ежедневные неудачи в повседневности организации. И уже почти можно допустить, что эйфория формул государства и образования, столь заметная в теории и практике в 1800 г., объясняется и тем, что эти формулы не могут столь же технически гладко, как деньги, решать свои проблемы одновременной реализации непрерывной репродукции само- и инореференции.

Если рассматривать семантическую карьеру таких концепций самоописания, как капитал, государство, образование, ретроспективно, то видно, что прежде всего в немецкой академической традиции все время пытались не удовлетворяться различием, а интегрировать его в формуле целостности. Для этого в Германии до образования единого национального государства предлагали понятие государства, именно потому что оно еще не накопило какого-либо негативного опыта — оно обеспечивало точку кристаллизации для иллюзорных генерализаций. Идея государства культуры, развитая Гумбольдтом, Фоссом, Фихте, Адамом Мюллером и др., включала в себя государственность и образованность. В теории Ф. Листа о государственно-организованной экономике совершенно аналогично сформулирована идея государства как полного единства полити-

⁵⁶ Ср. в связи с этим краткие указания в: *Luhmann, Schorr*, a. a. O. S. 74 ff., 85, 134 ff.

599

ки и экономики. Обе идеи при внешнем размежевании могли получить более четкие контуры, чем при внутренней артикуляции. Идея/ государства культуры была направлена против* Французской революции, против сочетания в ней идеологической абстракции и политического террора⁵⁷; понятие государства экономики было направлено против английского либерализма, обоснованного «микроэкономически» и исходящего из индивидуальных потребностей^{is}. Но то, что вполне достойно звучало в полемике, оказалось все-таки ошибочной академической спекуляцией. Функциональная дифференциация свершилась и больше не охватывалась идеей целостности. В качестве самоописаний реально могли работать лишь формулы, связанные с функциями, — они действительно могли быть введены в систему, в ее непрерывную коммуникацию.

Это влечет за собой невозможность задания позиции для адекватного наблюдения целого, неважно, называется оно государством или обществом. Выше⁵⁹ мы уже отмечали, что ни в естественном, ни в субъективном смысле нет очевидно истинной позиции наблюдения. Иначе говоря, системные референции контингентны, они подлежат выбору. Поэтому задачей описания в то же время может быть указание позиции, с которой наблюдатель будет делать описание. Указанные самоописания современных функциональных систем поначалу обязательны лишь для их самонаблюдений. Тем самым еще неясно, ориентируется ли по ним внешний наблюдатель, и в какой мере; например, свидетельствует повышение цен либо упадок образования о политических успехах или о неудачах. Практическое значение может иметь осознание того, что вместе с принятием таких релевантностей меняются и границы систем.

Так же и для данных форм организации сопутствующей самореференции и снабжения ее

самоописаниями возникает вопрос, куда тем самым направлено будущее общественной системы и соответствующих функциональных систем. Сегодня видно, что в этой триаде капитала, государства и образования кроются принципы усиления и что их кумуляция может привести к серьезным проблемам в общественной системе и ее окружающем мире. От этого уже нельзя просто отмахнуться как от буржуазного идейного наследия в надежде все решить экспроприацией. Однако с тем боль-

⁵⁷ Весьма эксплицитно см. об этом в: *Vofi Ch. D. Versuch Uber die Erziehung fur den Staat, als Bedürfnis unsrer Zeit, zur Beforderung des Burgerwohls und der Regenten-Sicherheit.* Halle, 1799.

⁵⁸ См., в частности: *List F, Das Nationale System der Politischen Ukonomie.* Stuttgart, 1841, цит. no: *List F, Schriften/Reden/Briefe.* Bd VI. Berlin, 1930.

⁵⁹ Гл. 5,1.

600

шим интересом следует относиться к драматизму, на который пошло общество посредством таких самоописаний; и пожалуй, релятивизация есть исходный пункт их подконтрольного использования.

Впрочем, необходимость учитывать здесь контингентности и возможные различия между отдельными функциональными системами показывает, что связь от-дифференциации функциональной системы и соединения оперативных само- и инореференций не осуществляется сама по себе в силу логики системы. Реализация требует высокоизбирательных условий, которые могут быть обнаружены отчасти в виде средства, отчасти — в более или менее искусственной дополнительной семантике. Найденные для этого решения обнаруживают не в последнюю очередь и регионально значимые различия⁶⁰. Таким образом, представленная здесь теория может лишь утверждать: от-дифференциация не заходит слишком далеко, если так или иначе не решается данная проблема.

VIII

Для самореференции любого рода, на что мы все время вскользь указывали, возникает проблема прерывания чисто тавтологического круга. Голое указание самости на саму себя следует обогатить добавочным смыслом. Круг, означающий лишь сам себя и ничего более, словно притягивает этот добавочный смысл. Он является крайним случаем единства закрытости и открытости, который, если возникает в реальности, тотчас же изменяется и обретает форму сопутствующей самореференции. Иными словами, самореферентные системы вынуждены ликвидировать избыточную внутреннюю потребность в информации и специфицировать то, в каких отношениях они могут чувствительно реагировать на окружающий мир, а где могут позволить себе индифферентность.

Можно продолжить разработку данной основной идеи с помощью понятия «асимметризация» и его производных (экстернализация, финализация, идеологизация, иерархизация, пунктуализация и др.). При этом речь идет об установлении формы для привлече-

⁶⁰ Ср., напр.: *Dyson K. H. F. The State Tradition in Western Europe: A Study of an Idea and Institution.* Oxford, 1980; *Schriewer J. Padagogik — ein deutsches Syndrom? Universitare Erziehungswissenschaft im deutsch-franzosischen Vergleich // Zeitschrift fur Padagogik* 29 (1983). S. 359—389.

601

ния дополнительного смысла и разрыва тавтологии чистой самореференции. Повторимся, что здесь мы близки к теории типо-/логизации. Однако при принятом здесь методе рассмотрения речь всегда идет о внутрисистемном процессе, а не просто о способе, которым внешний наблюдатель упорядочивает свои представления.

«Асимметризация» является у нас основным понятием. Оно означает, что система выбирает исходные точки осуществления своих операций, которые в этих операциях уже не вызывают сомнений и должны быть приняты как данность. Несмотря на то что данное постулирование само выполняет функцию прерывания взаимозависимостей и обеспечения операций присоединения, система исключает возможность (как минимум временно или для затронутых операций) искать альтернативу на базе данной функции. Асимметрия рассматривается не как момент аутопойесиса, а как данная алло-пойетически, что можно оправдать либо принципиально, либо прагматически. Но в любом случае это служит примером того, что и понимание функции, и даже осознание функциональности не смогло бы ничего изменить в необходимости такого метода.

Есть много возможностей асимметризации и соответственно разные виды семантики, обеспечивающие его гарантию и способность к присоединению. Выбор форм асимметрии и их семантики варьируется вместе с общественной эволюцией, что верно и для вопроса о том, в какой мере соответствующие представления выдерживают коммуникацию, сопутствующую их функции, либо подвергаются ей коррозии.

Весьма важные возможности следуют из необратимости времени. Необратимость времени сама по себе еще не означает необходимости принимать существующее, но ее можно прочесть именно так. Можно указывать на фактичность существующего и трудности его изменения, подкрепляя этот аргумент мифом особой исторической легитимации. Соответственно, запрет *venire contra factum proprium** считается одним из важнейших законов интеракции (и права).

Точно так же к временному измерению относятся и финализации. В таком случае система выбирает свои операции в зависимости от перспективы будущих состояний — для их достижения либо избежания. Здесь получается не асимметрия неизменности прошлого, а асимметрия неопределенности будущего. Именно потому, что еще не определено то, что будет, избыток нынешних операций можно

упорядочить с помощью перспективы будущего. Неопределенность будущего становится определенностью того, что в настоящее время нужно что-то делать, чтобы достичь ее, — но данное заключение функционирует лишь тогда, когда допускают асимметрию и отключают возможность выдвижения иных целей.

Предметное измерение со своей стороны также предлагает привилегированные асимметрии. Они связаны с различием окружающего мира и системы или (в несколько более разработанной форме) с различием контролируемых и неконтролируемых переменных окружающего мира. Тем самым система использует свою зависимость от окружающего мира, чтобы упорядочивать внутренние процессы, упуская из виду, что в случае структур иного рода были бы даны и иного рода зависимости от окружающего мира.

Для социального измерения соответствующую функцию долгое время выполняли представления об иерархии. Исходили из того, что есть люди лучшего «качества» по сравнению с другими, и что они первенствуют. Это допущение соответствовало стратификационному устройству общества и ушло вместе с ним. Однако отсюда не следует, что в социальном измерении больше нет никаких асимметрий. Иерархии были переданы в сферу формально организованных социальных систем и воссозданы там как иерархии компетенций. Но прежде всего в последнее время возник абсолютно новый вид асимметризации — признание за «индивидуумом» последнего слова по всем вопросам его личной сферы; его мнение, его интерес, его притязание, его желание во многих случаях есть последнее слово, из которого должно исходить любое присоединяющееся поведение⁶¹.

Упрощенные общественные системы обращаются с такими асимметриями весьма наивно.

Например, понятием природы они фиксируют такие исходные точки. Они не видят в этом никаких контингентностей, никаких возможностей, которые можно осуществить иначе. Функционально необходимые асимметрии подпадают под бесспорные самоочевидности; а если у кого-то возникнут сомнения, то их вряд ли можно включить в коммуникацию. Тому, кто попытался бы это сделать, пришлось бы корить себя за «ошибку».

* Противоречивое поведение (*лат.*). — *Прим. пер.*

602

⁶¹ Очевидность, интерес и «удовольствие» были понятиями, при помощи которых в XVII в. стали развивать эту семантику выражения своих притязаний и отклонения чужих. Показательно, что данные понятия (в отличие, например, от понятия чести, порядочности, любви, славы) уже не связаны с социальным расслоением.

603

Лишь преобразование традиционного общества в современное разрушило такие самоочевидности. Лишь сейчас обратное заключение от идеи к тому, кому она служит, стало универсальной формой подозрения. Это не означает, что можно удалить сами асимметрии и просто заставить действовать самореференции. Теперь решение проблемы находится на более высоком уровне рефлексии за счет *идеологизации* — функцию асимметризации делают прозрачной и оправдывают ее ею же⁶². Это отвечает возникшей благодаря науке и экономике тенденции, состоящей в разложении всех элементов и последних гарантий и переводе несущей способности в рекомбинацию. Понятие функции заменяет, как показал прежде всего Э. Кассирер, понятие субстанции⁶³, и обе фигуры, направлявшие логико-эмпирическое мышление, дедукцию и каузальность, утрачивают статус основных понятий, становясь понятиями, используемыми наблюдателем для размещения различий⁶⁴. Самореферентная система для своей асимметризации должна уметь наблюдать себя, так как это требует установления различия в отношении себя самой в каком бы то ни было оформлении.

Все это может быть фоном, еще раз отправляющим нас к тезису о том, что коммуникация асимметризируется как действие. Социальные системы являются прежде всего системами коммуникации, но они встраивают в избирательные синтезы коммуникации толкование коммуникации как действия и тем самым описывают сами себя как системы действий⁶⁵. Такое первичное самописание является предпосылкой всего дальнейшего, например, вовлечения в социальные системы некоммуникативного действия и темпорализации отношения к окружающему миру по схеме «раньше» и «позже» действия. Таким образом, общие предметные, социальные и временные условия асимметризации являются условиями

самоописания в качестве системы действия. Так как эти условия, как уже отмечалось, исторически изменчивы, следует принять, что понимание действия тем более исторически меняется вместе со сменой общественных структур в ходе эволюции. Идея «физикалистского» понимания дей-

⁶² По поводу соответствующего понятия идеологии ср.: *Luhmann N. Wahrheit und Ideologic // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 1. 4. Aufl. Opladen, 1974. S. 54—65.*

⁶³ *Cassirer E. Substanzbegriff und Funktionsbegriff. Berlin, 1910.*

⁶⁴ См.; *Foerster H. von. Cybernetics of Cybernetics // Communication and Control in Society / Ed. K. Krippendorff. New York, 1979. P. 5—8.*

⁶⁵ Ср. выше, гл. 4, VIII. Сказанное там о «самоописании» в порядке забегания вперед в вопросе отношений самореференции, имеет здесь дополнительное обоснование.

604

ствия по типу асимметрии в механике есть определенное основание того, что все это так и есть. Так XVII и XVIII века среагировали на меняющиеся общественные отношения.

IX

Из данного рассмотрения самореференции всех социальных систем следуют выводы, важные для теории планирования. Здесь речь идет не о предварительном обдумывании действий и их последствий, а о системном планировании. В таком планировании фиксируют некоторые будущие признаки системы и пытаются их реализовать. Это также еще слишком общее понятие, охватывающее весьма разные проблемные области. Интересующий нас вопрос звучит так: может ли *социальная* система планировать *себя*, и с какими проблемами сталкиваются в случае такой попытки.

Как известно, любое планирование недостаточно — оно либо не достигает целей, либо не достигает их в желаемой мере, кроме того, оно вызывает побочные следствия, о которых не задумывалось. На сей счет — ничего нового. Подлинная проблема самопланирования *социальных* систем заключается в том, что планирование в системе, планирующей себя, *становится наблюдаемым*. Планирование, как и все происходящее в системе, может быть лишь процессом наряду с другими процессами. Если бы система представляла собой лишь планирование, то вообще не было бы никакого планирования, так как тогда не осталось бы ничего, что можно планировать. Поэтому у системы всегда есть свободные мощности для наблюдения своего планирования; а так как планирование все подчиняет, то вероятно, что эти мощности тоже будут использованы. Всякое планирование создает недовольных — обделенных или тех, чьи пожелания удовлетворены не полностью. Недовольные будут стремиться понять и использовать свободные мощности коммуникации в системе, чтобы выяснить и, по мере возможности, изменить планируемое. Поэтому в случае планирования система реагирует не только на достигнутые состояния, на успехи и неудачи планирования, но и на само планирование. Планируя, она одновременно порождает реализацию планирования и сопротивление ему.

Это особенно заметно, если учитывать, что планирование может давать лишь предпосылки будущего поведения, а не само поведение, совершенно не актуальное в момент планирования. Таким образом, и у реакции на планируемое также есть время на подготовку. Кроме того, планирование как системное планирование должно

605

как-то ориентироваться на комплексность системы. Оно должно подготовить себе руководящую модель системы, т. е. ввести в систему упрощенную версию комплексности системы⁶⁶. Эта вторая комплексность, упрощенная вторичная комплексность системы, возникает лишь благодаря планированию. Она обнаруживается через планирование; и так как никакая система не может дать полное самописание, то всегда можно назвать неучтенные аспекты: обойденные интересы, незамеченные вероятные последствия, ошибочную оценку рисков и прежде всего отодвижение иных приоритетов и ценностных предпочтений.

Политическая теория всегда занималась этими вопросами с тех пор, как наблюдатели Французской революции отметили страшные последствия планирования, исходящего из упрощенных предпосылок⁶⁷. На этом основании консервативные критики требовали внимания к общественным и политическим отношениям⁶⁸. Либеральная теория искала решение во взаимосвязи общественного мнения, дискуссий в парламенте и обязывающих решений⁶⁹. Сейчас склоняются к рассмотрению планирования и достижению консенсуса, скорее, как разных требований к политике и соответственно ориентируются на преодоление комплексности в одном отношении и на легитимацию — в другом⁷⁰. Однако при этом само достижение консенсуса нежданно попадает в русло планирования, а в таком случае речь идет уже о проблеме многомерного планирования. Именно на многомерное планирование потом опять следует политическая реакция.

Данная галерея примеров и их формулировки лишь подтверждают то, чего можно придерживаться и в общей теории социальных

⁶⁶ Ср.: *Conant R. S., Ashby W. R. Every Good Regulator of a System Must be a Model of That System II International Journal of System Science 1 (1970). P. 89—97.*

⁶⁷ См. автора, известного прежде всего высоким литературным качеством своих произведений: *Burke E. Reflections on the French Revolution*, цит. по изданию: Everyman's Library. London, 1929. Ср. также: *Brandes E.*

Über einige bisherige Folgen der französischen Revolution in Rücksicht auf Deutschland. Hannover, 1792.

⁶⁸ Бёрк, например, учитывая высокую комплексность общественных отношений («общественные объекты наиболее сложны», а. а. О. Р. 59), усматривал специфическую трудность всякого планирования в том, что новшества невозможно просто ввести, потому нельзя все изменить сразу — *их следует ставить в связь с существующим* («сохраняя, преобразовывать...», а. а. О. Р. 164).

⁶⁹ См. ретроспективно: *Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus*. 2. Aufl. München, 1926.

⁷⁰ Ср. об этом и по вопросу взаимосвязей: *Scharpff W. Flaming als politischer Prozess // Die Verwaltung* 4 (1971). S. 1—30.

606

систем, — планирование есть прежде всего определенный способ реализации самоописания системы⁷¹. В случае планирования самописание ориентируется на будущее. Именно это всегда дает и возможность вести себя не так, как требуется по плану, — ради нетипичности поведения можно не желать предусмотренного, признанного многими, обходить, бойкотировать его, либо извлекать из него лишь выгоду. Кроме того, планирование можно понимать как «затянутый выбор»⁷²; при этом учитывая и вызванный им прирост комплексности и что «затянутый выбор» возникает не только у тех, кого имеют в виду планирующие, но и у недовольных планированием.

Систему, ориентирующуюся на собственную комплексность, понимаемую как комплексности, назовем *гиперкомплексом*; ибо даже попытка такого понимания, совершаясь в системе как самописание, порождает нечто большее, чем просто попытка. Такая попытка порождает и новые, не предусмотренные ею возможности реакции. Системное планирование неизбежно создает гиперкомплексность. Поэтому планирование, испытывающее его, будет пытаться учесть его, т. е. в то же время включить в план само планирование и свои результаты. Так, бюджетное планирование создает завышенные запросы, что может учесть планирующий. Однако для рефлексивного планирования планирование верно опять-таки то же самое, что и для просто планирования, — его также можно наблюдать, поэтому оно, со своей стороны, приводит к возможности реагировать на свое наблюдение планирования, но не так, как планировалось.

Поскольку невозможно элиминировать данное различие планирования и его наблюдения, как бы ни желал планирующий иметь «невидимую руку», постольку в системе не может быть какой-либо точки компенсации данного различия и напряжений, им созданных. Любая попытка компенсации опять-таки ставит себя под наблюдение. Желаящий быть представителем системы должен делать это в системе — иначе он не сможет присоединиться к системной комму-

⁷¹ Сегодня, будучи скромнее, иногда уже в этом усматривают собственный смысл планирования: «Планирование в организациях имеет много достоинств, но план часто бывает эффективнее как интерпретация прошлых решений, нежели как программа будущих. Это можно использовать как часть усилий организации по развитию новой последовательной теории самой себя, включающей недавние действия в достаточно всестороннюю структуру целей...» (*March J. G., Olsen J. P. Ambiguity and Choice in Organizations*. Bergen, 1976. P. 80). Ср. также: *Hall W. K. Strategic Planning Models: Are Top Managers Really Finding Them Useful? // Journal of Business Policy* 3 (1973). P. 33—42.

⁷² Так, см.: *Emary F. E., Trist E. L. Towards a Social Ecology: Contextual Appreciation of the Future in the Present*. London, 1973. P. 8 ff.

607

никации и ее самореферентной циркуляции. Следовательно, здесь тоже имеет место двойная контингентность.

Следовательно, в гиперкомплексных системах представление системы в системе также познается как контингентное. Оно должно (если ориентироваться на иное будущее) отказаться от несомненной и лишней критериев гарантии самонаблюдения. Самонаблюдение в качестве планирования приводит к самоописанию и тем самым само становится наблюдаемым. Следовательно, нужно отказаться от всех прочных оснований — их нужно всякий раз выработать путем необходимого консенсуса; а консенсус подчиняется тому же закону наблюдаемости.

Означает ли это, что отныне рациональность больше невозможна? Или это значит, что рациональность следует лишь мыслить иначе, чем прежде?

Х

Из самореференции нельзя заключать о рациональности. Самореференция есть условие усиления — усиления ограничиваемое™, создания порядка путем редукции комплексности. Порой это представление в форме естественного эгоизма, в форме самополагающего разума или затем в форме воли к власти, т. е. в антропологической упаковке, заступало на место принципа рациональности. Сегодня это можно считать специфически европейским жестом, направленным на компенсацию параллельного распада семантики рациональности. Учитывая проблематичные последствия желания все усиливать, окончательное суждение о рациональности лучше оставить открытым.

Требуемое тем самым разделение самореференции и суждения рациональности также имеет традицию.

По своему типу, прежде всего по типу отношения эгоизма и морали, оно также возникло в XVIII в. Это разделение требует промежуточного включения момента времени. Эгоизм хорош по природе, но в зависимости от последствий имеет морально позитивные либо негативные качества⁷³. Это приводит к констатации, что в зависимости от практических условий и воздействий самореференция может быть рациональной

Самым известным автором здесь является Руссо; однако речь идет уже о весьма распространенном в то время понимании, возникшем вместе с генерализацией вопроса о пользе, т. е. вместе с упадком специфической дворянской морали.

608

или иррациональной (либо более или менее рациональной). Тем самым, как бы ни определяли понятие рациональности, нарушается староевропейская традиция, согласно которой мир считается совершенным, а рациональность — мировым континуумом.

Этот континуум рациональности (в котором, разумеется, вполне допускалась коррупция, прегрешения, ошибки, заблуждения и т. п.) по-разному ломают начиная с XVII в. Сначала — субъективацией рациональности Декартом, затем с XIX в. все больше и с помощью разных различий, бинаризирующих проблему рациональности, т. е. через прерывание прерывностей. Например, суждение о рациональности переносят из принципов в направленность исторического процесса, который тогда описывают как прогресс. Схематизация идет как «рациональное» и «иррациональное». Существенное переносят в область предметного, где оно не может достичь какой-либо рациональности, — в материю, в одежду, в аморальность воли к власти. Либо под рациональностью понимают лишь рациональность действия, напоминающую остров в океане бушующей иррациональности, и затем разрушают эту рациональность уточненным анализом процесса принятия решений. Либо рациональностью интересуются меньше, чем вредом от нее, гетерогонией целей*, или дурными последствиями адекватного действия. Из всего этого следует твердое на сегодняшний день убеждение, что фактическое не есть рациональное само по себе — оно лишь должно быть приведено к рациональности (что позволяет теперь усомниться в рациональности данного процесса рационализации).

В обзоре данной трансформации семантики рациональность предстает как разрушение. По-видимому, к своеобразным амбивалентностям общественной саморефлексии относится и то, что современное общество считает себя в особой мере рациональным и разрушает семантику, принятую для этого. То, что остается, есть формальное своеобразие, обнаруживающееся в понятии рациональности и, пожалуй, больше ни в каком другом, — понятие рациональности должно подчиняться самому себе, оно должно быть образовано рационально, в то время как, например, понятие теплоты не обязано быть теплым, а понятие энергии не должно быть образовано или использоваться энергично и т. п. Заслуживает ли внимания дан-

* Гетерогония (от греч. heteros — другой и gone — происхождение) в психологии означает происхождение из инородного, чужого. Согласно В. Вундту, гетерогония целей заключается в том, что в действия всегда входят еще и побочные действия, не ожидавшиеся в предыдущих представлениях о цели и которые тем не менее все-таки входят в новые ряды мотивов, изменяя прежние цели или добавляя к ним новые. — Прим. отв. ред.

609

нал аномалия? По крайней мере, она выжила. Тогда является ли рациональность понятием для самореференции понятия? И есть ли здесь возможность переформулировать идею, которую нужно изменить при переходе от стратификационной к функциональной дифференциации и которая еще не нашла форму, отвечающую сегодняшнему обществу?

Эти вопросы следовало бы изучить особо. Мы опускаем их и спрашиваем: будь это так, то какие следствия возникли бы отсюда в контексте изложенной здесь теории самореферентных систем? Самореференция понятия различия есть единство различия. Социальные системы могут коммуницировать не только о своем окружающем мире, они могут использовать свое отличие от окружающего мира во внутренней коммуникации (например, представление о своих границах или об особых конститутивных признаках своих элементов). Иначе говоря, они могут повторно вводить в систему различие системы и окружающего мира и с его помощью информативно осуществлять процессы самонаблюдения, самоописания, рефлексии. Одно лишь это еще не заслуживает звания рациональности. Как уже отмечено, самореференция сама по себе еще не рациональна. Рациональность возникает лишь в том случае, если понятие различия используют самореферентно, т. е. *если рефлектируют над единством различия*. Следовательно, требование рациональности означает, что ориентации на различия подконтрольны своим понятийным самореференциям и отсюда извлекают соответствующие выводы⁷⁴. Для систем это означает, что они должны определять себя через свое отличие от окружающего мира и придавать данному отличию в себе оперативное значение, информационное значение, значение присоединения. С историко-теоретической точки зрения такое понимание и вытекающая отсюда концепция рациональности является следствием смены парадигм, отмеченной нами во введении, — перевода

теории системы и окружающего мира в теорию самореферентных систем.

При этом понятие окружающего мира следует использовать в точном значении — лишь оно проясняет проблему рациональности.

⁷⁴ В этом месте читатель может заметить близость к фигурам диалектики. Поэтому следует сказать, что для аргументации текста не характерны ни использование понятия движения, ни переходы к форме отрицания, полностью отвлекаясь от вопроса, не включают ли переходы (по крайней мере у Гегеля) каждый раз всю теорию. Рациональность понимается здесь (что также верно и для рефлексивных возможностей капитала, государства и образования, рассмотренных в разделе VII) не как телеология диалектического процесса, а как невероятность, вызванная самореференцией.

610

Окружающий мир не следует понимать как всеобъемлющую систему (хотя у многих систем могут быть всеобъемлющие системы, например, для интеракций — это общества, которые в значительной степени задают предварительную структуру условий рациональности).

Окружающий мир есть мировой горизонт, корреспондирующий с внутренним горизонтом.

Поэтому рациональность системы невозможно прояснить путем указания на вышестоящую охватывающую систему⁷⁵. Это привело бы лишь к парадоксальности, известной со времен Паскаля, что рациональность охватывающей системы может быть видна с ее стороны лишь в случае рассмотрения ее частей. Мы сводим эту парадоксальность к чистой форме самореференции, и поэтому рассматриваем рациональность как повторное вхождение различия в различное, как встраивание открытого различия системы и окружающего мира в систему, которая определяется через само это различие.

Под таким углом зрения проблематика планирования (раздел IX) также предстает в ином свете.

Планирующий никогда не будет полностью согласен со своими наблюдателями по поводу ценностной иерархии целей, возможных последствий, пределов риска и т. п. Уже то, что он должен определять свои планы и допускать их наблюдение, ставит его в неблагоприятное положение. В таких обстоятельствах ни рациональность действия, ни ценностная рациональность не обеспечивают возможность общей рациональности. Однако все-таки можно представить себе некую конвергенцию при использовании планирующим и наблюдателем различия системы и окружающего мира как схемы получения информации. Тем самым расхождение в оценках и конфликт интересов не устранены, но собственная позиция может претендовать на рациональность лишь в том случае, если учитывает, что планируемая система должна реинтернализировать свое отношение к окружающему миру.

На языке теории каузальности эта идея гласит, что система, претендующая на рациональное поведение, должна контролировать свои воздействия на окружающий мир на предмет его обратных воз-

⁷⁵ Аргументы теоретиков систем часто связаны с данным условием, напр.; *Ackoff R. L. Redesigning the Future: A Systems Approach to Societal Problems. New York, 1974. P. 54 ff.* — Автор говорит о «инвайроментализ-ме» как о том, что «процесс включения в систему противоречит его отношению ко всему тому, что есть его часть». Ср. также: *Klir G. J. An Approach to General Systems Theory. New York, 1969. P. 47 ff.* Критику представления о том, что рациональность можно создать за счет указания на суперсистему, см. в: *Pizzorno A. L'incompletude des systemes II Connexions 9 (1974). P. 33—64; 10 (1974). P. 5—26.*

611

действий на нее. Система, управляющая своим окружающим миром, в конечном итоге владеет собой⁷⁶. Несомненно, что окружающий мир адсорбирует бесчисленные влияния, не втягивая систему, производящую их, в каузальную связь. Без данной адсорбции для системы не было бы особого смысла различать систему и окружающий мир. Это показывает, что рефлексия над единством различия не должна сводить на нет выгоды от различия, а должна привлекать и уметь использовать их в форме отбора отборов. Таким образом, в зависимости от системных мощностей бывают более или менее проблемные исходные ситуации претензий на рациональность. Лишь современное общество везде создает себе нелегкие условия для рациональности. В то же время это может служить одним из объяснений того, что лишь для него семантика рациональности попадает под бремя претензий и рушится.

Это можно лучше показать, если вернуться к тезису, представленному в главе 10 о том, что в ходе общественной эволюции усиливается различие систем интеракции и общественных систем. Такая дифференциация приводит к росту производительности обоих видов систем, делая их в рациональности проблематичнее, чем прежде, с тем следствием, что претензии на рациональность в большей или меньшей степени переносят на организованные социальные системы, занимающие высокоизбирательное и лучше контролируемое промежуточное положение.

У систем интеракции вряд ли есть отчетливое влияние на свой естественный окружающий мир, опасное для них самих. Они подвергают себя опасности тем, что влияют на психическую готовность

участников продолжить или прервать интеракцию. В этом секторе своего окружающего мира у систем интеракции находится насыщенно-важный фокус рациональности. Поэтому вместе с растущим выделением личной интеракции из общественно-структурных связей регулирующий мотив также сдвинулся в направлении данного вопроса удобства, обходительности, снятия помех в интеракции для ее участников. В XVII и XVIII вв. этот сдвиг получил оформление в теории светского общения⁷⁷.

Психологическая утонченность была

⁷⁶ Ср.: *Wilden A.* System and Structure: Essay in Communication and Exchange. London, 1972. P. 207: «Система, разрушающая свою окружающую среду, разрушается». О проблемах, которые следуют из этого для классической теории систем, ср. также: *Га/ E.* The Environment and System-Response Capability//Futures 12(1980).P. 113—127.

⁷⁷ Ср. по этому вопросу работу, содержащую дальнейшие указания: *Strosetzki Ch.* Konversation: Ein Kapitel gesellschaftlicher und literarischer Pragmatik im Frankreich des 18. Jahrhunderts. Frankfurt, 1978; *Luhmann N.* 612

условием и в то же время основой нового распада такой формы рациональности. Она не вынесла реального взгляда в бездну психического — главную область своего окружающего мира⁷⁸. Если сегодня говорят о «коммуникативном взаимопонимании» в смысле принципа рациональности, то при сознательном вынесении за скобки вопросов психики⁷⁹; т. е. тем самым устанавливают предпосылки, заранее вообще отклоняющие постановку проблемы рациональности в разумеемом здесь смысле. Положение рациональности, достигаемое в системе современного общества и ее окружающем мире, совсем иное. Готовность к продолжению не является здесь проблемой, так как всякая коммуникация репродуцирует общество. От общества невозможно уйти. Тем важнее вопрос о том, как влияние общества на его окружающий мир отражается на обществе. Благодаря функциональной дифференциации общественной системы здесь было достигнуто колоссальное повышение интенсивности. Средства некоторых функциональных систем, прежде всего научная истина и деньги, обладают в отношении всех естественных (самостоятельно вырастающих) физических, химических, органических, человеческих отношений разлагающим воздействием, нарушающим данные взаимозависимости и тем самым высвобождающим причинные связи, неподконтрольные ограниченному потенциалу планирования и рекомбинации соответствующих систем. Разгрузка, которой общество обладало в окружающем мире, уже сбалансированном эволюцией, все больше и больше подвергается опасности. Это особенно справедливо, потому что рекомбинации (новые продукты, новые комбинации действий в организациях) нацелены не на восстановление нарушенной стабильности окружающего мира, а на новые возможности комбинаций. К тому же школьное воспитание огромных (и важнейших) людских масс на протяжении долгих и важных лет жизни формирует знания и мотивации, т. е. чрезвычайно деформирует окружающий мир общества, не учитывая и вообще не подчиняя планированию то, как этим затронуто общество. То, что учебные планы более или менее четко настроены на продуктивность, конечно, ничего не гарантирует. И тем более в самоописаниях системы воспитания

Interaktion in Oberschichten: Zur Transformation ihrer Semantik im 17. und 18. Jahrhundert // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd 1. Frankfurt, 1980. S. 72—161.

⁷⁸ Можно пойти на исключение для литературы о любви, которая именно поэтому — пример отказа от контроля рациональности.

⁷⁹ Наиболее обширный обзор, ср.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bde: Frankfurt, 1981. 613

в качестве системы образования нет ничего такого, что могло хотя бы обозначить данную проблему. Подобно секторам производства и организации материальных и человеческих* артефактов, здесь стремятся лишь к специфическим рекомбинациям, не учитывая каузальные связи, высвобождаемые соответствующими пусковыми процессами (достаточно напомнить лишь о специфическом давлении интеракционной системы школьного класса)⁸⁰. Разумеется, взаимозависимости и их прерывания, имеющие место в дальнейшем, из-за этого распадаются и рекомбинируются лишь частично. В итоге возникает обратное влияние на общество.

«Дезорганизация природы ставит проблему организации общества»⁸¹.

Общественная рациональность должна бы потребовать, чтобы отныне проблемы окружающего мира, вызываемые обществом, отображались в общественной системе, т. е. включались бы в общественный процесс коммуникации, — ведь они вновь затрагивают общество. В отдельных функциональных системах это может происходить в ограниченной мере — например, когда медики сталкиваются с болезнями, распространившимися по их вине. Однако типичнее, если одна функциональная система через окружающий мир дает нагрузку на другие системы. Но прежде всего отсутствует общественная подсистема для восприятия взаимозависимости с окружающим миром. В случае функциональной дифференциации ее быть не может, так как иначе само общество еще раз входило бы в общество. Принцип дифференциации современного общества делает вопрос о рациональности настоятельнее и в то же время неразрешимее. Любое обращение

к традиционным семантикам рациональности здесь не помогает. На этом основании одни требуют абсолютной компетентности политики, другие пробуют самоустраниться. И то и другое невозможно. Пожалуй, есть лишь возможность с необходимой четкостью сформулировать проблему того, как улучшить ориентацию на окружающий мир, специфическую для функциональных систем, и обеспечить больше прозрачности и подконтрольности для внутренней обратной нагрузки на общество и для смещения проблем.

Такие вопросы здесь невозможно ни решить путем дискуссии, ни даже осмысленно затронуть. Их анализ следует отдать обществу. Эти вопросы показаны здесь лишь для того, чтобы пояснить, что означало бы, если бы современное общество задалось вопросом о своей рациональности. Очерк проблемы рациональности не означает, что общество должно решать проблемы такого формата ради своего дальнейшего существования. Для выживания достаточно эволюции. Широко используемое понятие кризиса также не адекватно. Оно внушает безотлагательность глубоких структурных изменений, а это во всяком случае невозможно обосновать лишь очевидным дефицитом рациональности. В понятии рациональности сформулирована лишь наиболее претенциозная перспектива саморефлексии системы. Это понятие не подразумевает какой-либо нормы, ценности, идеи, противостоящей реальным системам (это означало бы, что некто утверждает, будто этими нормами разумно руководствоваться). Понятие рациональности обозначает лишь заключительный пункт логики самореферентных систем. Если его вводят в систему как исходную точку самонаблюдения, то оно становится своего рода амбивалентным, т. е. выступает точкой зрения критики всех отборов и степенью своей невероятности.

⁸⁰ Хотя в теме «неявного учебного плана» и обращают внимание на латентность структурного воздействия, однако до сих пор она приводила к слишком оптимистичным оценкам соответствия структурам современного общества. Ср., в частности: *Dreeben R. Was wir in der Schule lernen*, Frankfurt, 1980. Жалобы школьников на стресс, замороженность оценками, строгие проверки и прежде всего задержка зрелости являются трудносовместимыми симптомами. Во всяком случае, запуск воздействия и его результаты по своему контрастируют с тем, чего желают достичь или избежать педагоги.

⁸¹ *Morin E., a. a. O. Vol. 2 (1980). S. 92.*

614

Глава 12

СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

I

В работах, выполненных в рамках системы науки, уместно дать описание допустимых операций, т. е. теорию познания. Данная система, как любая иная, должна уметь определять свои элементы (в данном случае прирост знания) и владеть ими. Как минимум с XVIII в. эта задача относится к особой теории рефлексии, теории системы в системе. Ни у кого, даже у философии, нет права указывать науке условия, при которых смысл можно считать познанием и даже приростом знания. Наука здесь автономна — можно сказать, автономна от мира и тем более от общества. Она сама издает себе законы; причем отнюдь не произвольно (чего всегда опасались), а с учетом всего предметного знания и всех ограничений, налагаемых на себя при выполнении самоописания. Специалисты по теории науки по-прежнему выступают в качестве законодателей. Но можно не беспокоиться — их выбирают и их можно отозвать в случае широкого противоречащего консенсуса. Хотя при мгновенном снимке отношение теории науки и науки кажется асимметричным, но все дело лишь во фрагментарности рассмотрения. В принципе уже совсем неприемлемо утверждение, что перед началом исследования следует ознакомиться с теорией науки. С точки зрения истории науки, на всякий случай, отметим, что теория науки есть поздний продукт ее использования. Теории рефлексии — это не только теории, рефлексиирующие самореферентность как идентичность системы; они и сами есть момент самореферентного аутопойесиса. Они сами приводят в действие то, что описывают.

Если взглянуть на новейшее развитие теории познания, то прежде всего заметен отход от трансцендентально-теоретических обоснований и возврат к *натуралистическим эпистемологиям*¹. Это влечет за собой значительные изменения обычных постановок теоретико-познавательных и методологических вопросов². Пожалуй, независимо от этого начинают понимать, что самореферентия не является особенностью сознания, а имеет место в эмпирическом мире³. Для натурализованной эпистемологии в таком случае также неудивительно, что она сталкивается со своей самореферентией. Понимая себя как науку о естественных процессах, она уже пошла на это; и именно этим она отличается как пострасцендентальная от до-трансцендентальных теорий

познания, которые указывали в качестве основы познания лишь на здравый смысл, на ассоциации или на адекватность представлений.

Однако все это еще не проясняет, как такое познание, возвращенное в мир, выполняет свою задачу; и тем более неясно, как *теория* познания может контролировать, выполняет она свою задачу или нет. Как теория рефлексии системы науки теория познания имеет дело в первую очередь с отношением познания и предмета, т. е. с отношением познания к реальности. Чистая самореференция в данном месте означала бы: реально все, что познание считает реальным. Такое объяснение имелось всегда, и сегодня оно также неудовлетворительно. Однако следует не избегать порочного круга, а прерывать его посредством обусловливания. Это — функция оснований. Однако, они превращают *circulus vitiosus** лишь в бесконечный регресс, так как сейчас необходимо спрашивать об основаниях оснований. Поэтому бесконечный регресс сопровождается надеж-

¹ Сформулировано в: *Quine W. van O. Epistemology Naturalized // Qui-ne W. van O. Ontological Relativity and Other Essays. New York, 1969. P. 69—90.* Есть много подтверждений данной тенденции.

² Особенно хорошо это видно в: *Campbell D. T. Natural Selection as an Epistemological Model // A Handbook of Method in Cultural Anthropology / Ed. R. Naroll, R. Cohen. Garden City N. Y., 1970. P. 51—85.* Пример усиливает методологический принцип «сходящихся подтверждений» и тем самым функциональной эквивалентности. Ср. выше, гл. 1, прим, 123.

³ «Главным образом основанный на опыте», — утверждается, напр., в: *Cavallo R. E. The Role of Systems Methodology in Social Science Research. Boston, 1979. P. 20.* В работе: *Quine, a. a. O. P. 75 f., 83 f.* отчетливо выделяется связь «натурализации» эпистемологии и принятия циркулярное™, но отсутствует понимание того, что реальность структурирована циркулярно и независимо от познания.

* Порочный круг; приведение в качестве доказательства того, что само нуждается в доказательстве (*лат.*). — *Прим. отв. ред.*

616

21 Зак. №4161

617

дами на аппроксимацию, которые в конечном итоге снова подстраховываются функционирующей комплексностью. Если основания подвергаются новому обоснованию и каждый этап оставляют открытым критике и пересмотру, то становится все менее вероятно, что такое здание можно возвести безо всякого отношения к реальности. Циркулярность не элиминируется, она постоянно используется, разворачивается, детавтологизируется. Без этого базального самоотнесения любое познание потерпело бы крах. Лишь с его помощью можно строить структуру, чувствительную к окружающему миру, получающую информацию из того, что наука затем называет реальностью (предметы, объекты и т. п.).

Теоретико-познавательная семантика XVIII в. в момент возникновения такого положения вещей отказалась его признать. Это понятно! Оно было слишком ново. После весьма рискованного отклонения всякого религиозного или метафизически-космического установления познания нельзя было сразу же сделать следующий шаг и дать ход какой бы то ни было мысли о внешнем обосновании. Этому шагу по возможности препятствовали, относя к сознанию функцию внешнего обоснования. Для этого нужно было понимать сознание как «трансцендентальный» предмет, выходящий за пределы эмпирики, как «субъект» мира. Так можно было использовать самореференцию сознания, названную субъектом в качестве источника познания и в то же время источника познания условий познания. Стал мыслим уровень подконтрольных условий, уже недоступный управлению в процессе познания; в то же время любой желающий заняться познанием должен был постичь его в себе самом как неопровержимую достоверность.

Гениальный, чрезвычайно успешный, замечательный компромисс между уступкой и отклонением самореференции. Априорность в функции обоснования будто бы уже не есть противоречие в себе. Традиция сохранила эти идеи, эксплуатировала и снова оживила их. Фактически при серьезном подходе к проблеме, стоящей перед названным компромиссом, его невозможно превзойти. Но неудержимо падает убедительность. Сегодня вряд ли можно найти того, кто реально так и мыслит. Те, кто придерживаются трансцендентального мышления, — что, разумеется, можно в книгах и на конгрессах, — приводят этому историческое обоснование знанием теории, а именно Канта. Наука и типология предпосылок исследования радикально изменились со времен Ньютона. Стали играть большую роль мощная аккумуляция знания и огромное расширение мира в сторону макро- и микромира. Но отказ от любых последних элементов и

618

исторически инвариантных закономерностей прежде всего влечет за собой смену менталитета, проникновение которого в теорию науки, по-видимому, еще только предстоит. Пожалуй, необхо-

димо признать, что атомы и даже субатомные элементы есть высококомплексные системы, обязанные своим возникновением крайне невероятным случайностям. Тем самым такие понятия, как эмер-джентность, самореференция, энтропия и неэнтропия, приобретают преимущественное положение, заслуживающее поддержки и в теории науки, потому что оно касается одновременно генезиса систем и генезиса наблюдаемости. Следствием является необходимость считать дискриминацию (в смысле оперативного введения и использования различия) основным процессом и рассматривать взаимодействие и наблюдение как его вариации, если не отождествлять их с ним.

Вторая линия привела к схожим результатам. Характерной особенностью универсальных теорий является то, что они сами опять возникают в своей предметной области — пусть лишь как один из многих факторов. То, что физики занимаются физикой (включая условия и границы, от которых это зависит), также есть физический процесс⁴. Как должны были бы заметить сами физики, физический мир возник, «чтобы видеть себя»⁵. Было бы нетрудно сделать соответствующие убедительные выводы для химических, биологических, психических, социальных процессов. Следствие состоит в том, что все асимметрии, которые закладываются в основу переживания и действия, вносятся в самореферентный круг в виде, так сказать, искусственно спрямленных отрезков, считающихся по

⁴ Отсюда можно констатировать и для естественных наук, что традиционная теория науки не соответствует эпистемологическим проблемам универсальных теорий. Ср.: *Hooker C. A. On Global Theories // Philosophy of Science* 42 (1979). P. 162—179.

⁵ Физики и логики! Цитата заимствована из: *Spencer Brown G. Laws of Form*. 2ed. New York, 1972. P. 105. На эпистемологические следствия постоянно указывает, в частности, Х. фон Фёрстер. Ср., напр.: *Foerster H. von, 1) Notes pour une epistemologie des objets vivantes // L'unité de l'homme/Ed. E. Morin, M. Piatelli-Palmarini. Paris, 1974. P. 401^17; 2) Kybernetik einer Erkenntnistheorie // Kybernetik und Bionik, Berichtswerk über den 5. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Kybernetik / Hrsg. W. D. Keidel, W. Handler, M. Spreng. Nürnberg, 1973; München, 1974. S. 27—46; 3) The Curious Behavior of Complex Systems: Lessons from Biology // Futures Research: New Directions / Ed. H. A. Linstone, W. H. C. Simmonds. Reading Mass., 1977. P. 104—113. Сквозной темой является это и в: *Selforganizing Systems: An Interdisciplinary Approach / Ed. G. Roth, H. Schwegler. Frankfurt, 1981.**

619

практическим соображениям конечными. Это верно для дедукции, это верно для каузальности. Однако спрямление, асимметризация, экстернализация и, если можно так выразиться, априоризация, со своей стороны, являются самореферентными процессами, сколь бы ни маскировали их (будто бы не видно!) под суждения о природе или сознании. Отсюда — любые «регулятивные идеи» остаются проекциями; они верны лишь постольку, поскольку будто бы верны, причем только как паллиативное решение.

Верное для физического мира и физиков тем более и с более плотными зависимостями верно и для коммуникации. Теория коммуникации сама есть не что иное, как руководство по коммуникации, и должна быть возможность коммуницировать ее и как руководство. Таким образом, она должна предусматривать себя, во всяком случае, оглядываться на себя — она не может утверждать о своем предмете ничего такого, что не готова принять как высказывание о самой себе.

Тем самым и «эпистемологическое научение», а также развитие теории науки превращается в самореферентный процесс. Всякое исследование отныне предстает реализованным самореференциями, связанными с исследовательским полем. Разрабатывающий теории самости развивает и теории собственной самости⁶. Обнаруживший, что наблюдатель и действующий используют разные принципы отнесения⁷, должен испытать шок, обратив внимание на то, что он как раз намеревался подтвердить своим наблюдением действия других. Если известно, что всякие суждения основываются на ранее установленных категоризациях, т. е. на предубеждениях, то изучение предубеждений должно быть самоисследованием; оно вновь возникает в своей предметной области вместе с собственными предубеждениями (или предрассудками?); оно может и должно испытать на себе границу между нормальными предубеждениями и достойными критики (выясняемыми, излечимыми). Всякий сводящий чужую идеологию к объективным интересам и социальным статусам должен партикуляризировать свою теорию либо применить ее и к себе⁸. Историзм сам есть историческое понятие, и это может быть вер-

⁶ См. об этом: *Holland R. Self in Social Context*. New York, 1977.

⁷ Ср.: *Jones E. E., Nisbett R. E. The Actor and the Observer: Divergent Perceptions of the Causes of Behavior // Jones E. E. et al. Attribution: Perceiving the Causes of Behavior*. Morristown N. J., 1971. P. 79—94.

⁸ Умиляет оправдательная формула для интеллигенции, выдвинутая К. Мангеймом, — свободное парение (формула предлагает представителю интеллигенции считать *самого себя* независимым от отношений).

620

но даже для скользкого понятия «постистория». Изучение систем само есть система; в нем вообще

невозможно так сформулировать основное понятие, чтобы самому не подпасть под него⁹. Этот же вывод верен и для теории символически генерализованных средств коммуникации — при желании вынести за скобки истину (ради своей истины) пришлось бы принять локальный закон, легитимирующий противоречие в качестве исходного понятия, так как признаки понятия в принципе подтверждаются. Тогда теория эволюции сама была бы результатом эволюции, а теория действия не могла бы возникнуть без действий, и т. д.

В традиционных теориях познания такие круги служат основанием заподозрить фальшь, если не произвол в суждениях. На самом деле имеет место обратное. Круги вынуждают. От них невозможно уйти. Их можно заострить в качестве парадокса и так оставить¹⁰. Однако их можно встраивать и в саму теорию науки, так как они содержат точные указания для самоконтроля. Теории следует, как минимум, всегда формулировать так, чтобы их предмет подпадал под сравнение. Если они сами всплывают в своих предметах, то подвергаются сравнению самих себя. Теории должны функционировать под бременем сравнений еще и как собственные предметы. То, что выявляется для системы, самости, коммуникации и средств коммуникации, отнесения, действия, эволюции и т. п., должно подтвердиться и в теории, сколь бы неловким (например, относительным) ни оказался итог самосравнения.

Здесь может играть роль то, что повторное появление теории в своей предметной области оказывает на нее воздействие, понижающее и уменьшающее ее значение. Физики по сравнению с солнцами или атомами физически не так уж важны для мира. Истина есть лишь одно из многих средств коммуникации, теория сублимации З. Фрейда — лишь одна из многих попыток сублимации. Теория, как в зеркале, видит себя и иное, и в таком случае располагает поводом пересмотреть свою самооценку. Концепция ее самой начинает зависеть от обилия одновременно перерабатываемых предметных опытов, что обостряет ограничения; беспристрастность проек-

⁹ В этом Ю. Хабермас усматривал повод для возражений против претензий теории систем на универсальность. Ср. его статью в: *Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung?* Frankfurt, 1971. S. 142 ff., в частности S. 221 ff.

¹⁰ Тогда, когда в теории науки, полностью нацеленной на решение проблем, утверждается, что «нерешенные проблемы считаются настоящими, если они вообще неразрешимы» (*Laudan L. Progress and Its Problems: Toward a Theory of Scientific Growth. Berkeley, 1977. P. 18*).

621

ции выходит наружу. И чем больше реализованы аналитические и рекомбинационные возможности современной науки, тем ярче эти ограничения влияют затем на саму науку.

II

Обобщая, можно отметить два новшества по сравнению с традиционными предпосылками теории познания. Одно состоит в распространении концепции самореференции на все последние элементы, другое — в понимании, что изучение предмета в универсалистских теориях приводит к исследованию их же самих, так что исследование невозможно отделить от предмета. С обеих этих позиций можно проанализировать товар на теоретико-познавательном рынке — какие теоретические разработки отвечают данным условиям?

Теория аутопойетических систем может дать предложение, отвечающее им, — правда, если только не ограничиваться живыми системами и распространить ее на психические и социальные. Она выражает утрату любой всемирной субстанциальной общности всех систем, основанной на конечных элементах, в тезисе о том, что любое единство, в том числе единство элементов, может быть произведено лишь аутопойетически. Нет иных возможностей усматривать единство во множестве, синтезировать многообразное, редуцировать комплексность к единству и тем самым регулировать присоединения. Так исключается любое введение неподконтрольных предпосылок, причем как на уровне «оснований», так и на уровне «элементов». Аутопойетическая система является рекурсивным, отсюда — симметричным, отсюда — неиерархическим событием¹¹. Всякое регулирование само регулируется, всякий контроль сам контролируется. Ничто не может быть репродуцировано в закрытой системе, если она сама не удовлетворяет этим условиям. Конечно, можно использовать асимметрии, причинно-следственные связи, каузальность, телеологию, отношения элементов и агрегата, различение зависимых и независимых переменных и т. п.; но тогда это всегда связано с отключением возможностей, имеющихся у системы самой по себе.

¹¹ В связи с этим поучительно сравнение с соответствующей теорией органических систем. См.: *Roth G. I) Biological Systems Theory and the Problem of Reductionism II Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach / Ed. G. Roth, H. Schwegler. Frankfurt, 1981. P. 106—120. В качестве следствий для теории эволюции см. также: 2) Conditions of Evolution and Adaptation in Organisms as Autopoietic Systems // Environmental Adaptation and Evolution / Ed. D. Mossakowski, G. Roth. Stuttgart, 1982. P. 37—48 (40 f.).*

Познание является неиерархическим качеством, вытекающим из рекурсивной подстраховки в системе¹¹.

Особенно важен вывод о том, что допущение о рекурсивно-закрытой системе, которая сама создает все используемые единства, исключает непосредственное внешнее наблюдение единства. Всякое наблюдение направлено на поиск единства; а для этого оно должно ориентироваться на различия, чтобы суметь установить, чем является нечто в отличие от иного. Всякое наблюдение использует (что и определяет понятие) схему различия. При этом единство различия определяется наблюдателем, а не его предметом. Наблюдатель также (иначе как бы он пришел к такому единству?) есть аутопойетическая система. Он может использовать различия, недоступные самому предмету, — например, сознательное и бессознательное в психических системах или явное и латентное в социальных системах. В этом смысле наблюдатель может просвещать, но просвещение действует лишь при использовании схемы различия, которую может принять и просвещаемый. Схемы различия, в отличие от потребности в аутопойетисе, имманентной системе, всегда включают в себя момент контингентности. «Иная сторона» различия, различие «в каком отношении» — есть дело выбора, который можно сделать по-разному. Выбор схемы наблюдения следует оставить за аутопойетической системой наблюдателя. Согласно стандартизованным ожиданиям классической теории науки в отношении «интерсубъективно требуемой достоверности» отсюда вытекает момент неопределенности, относительности, даже произвола. Но можно ли, невзирая на это, как-либо ручаться, что наб;*эдение, претендующее на познание или даже на научное познание, поддерживает контакт с реальностью?

Первый шаг в направлении ответа заключается в переориентации с психических систем на социальные¹³. Социальные системы могут быть в большой степени избавлены от психологической обусловленности. Их коммуникацию можно отстыковывать от специальных условий самонепрерывности индивидуального сознания и

¹² То, что оно не сводится к твердому постоянству или к полной взаимозависимости любых познавательных актов, — в современной теории систем само собой разумеется, но лучше напомнить об этом еще раз.

¹³ Уже это отделяет нас от трансцендентальных теорий, техника которых состояла в том, чтобы разыскивать в сознании психических систем трансцендентально значимую достоверность познания — в виде правил или в виде непосредственных «феноменологических» предметных достоверностей.

623

в противоположность этому придавать ей самостоятельность, если удастся создать запасные мотивы (например, репутацию). Кроме того, коммуникация может получить свое обуславливание, например, в виде «теорий» и «методов»¹⁴. Принцип отбора таких обуславливаний в науке Нового времени заключается, по-видимому, в получении *нового* знания. Все это обеспечило сенсационное развитие познания, связь которого с реальностью никто, по крайней мере в нашем обществе, не будет оспаривать.

Все это, правда, не дает ответа на главный вопрос традиционной теории познания и, во всяком случае, не заменяет субстанциальные общности, считавшиеся в метафизике бытием сущего. И социальная система общества, и социальная система науки есть лишь особые самообусловленные аутопойетические системы. То, что они наблюдают и описывают, остается их собственным результатом и не снимает принципиальной системной относительности всех наблюдений и описаний, основанных на зависимости всякого аутопойетиса от системы. Таким образом, на вопросы о последних обоснованиях можно дать ответ лишь в рамках самореферентных теорий самореферентных систем. При этом ответом может быть сама логика универалистских теорий, требующая от них на себе испытать все, что она решает по поводу своего предмета.

Эти размышления обеспечивают концепции самореферентной системы центральное значение и в теории науки. Причем речь идет не только о том, является ли вообще системная теория научной и если да, то как тогда теория науки должна изменить самопонимание¹⁵. После того как системная теория вобрала взрывчатку самореферентности и распространяет ее в теории науки в виде сердцевины понятия системы, нельзя уже впредь закладывать столь ограниченные начала. Отныне это имеет следствия, выходящие далеко за пределы простой адаптации понятия теории к явно удачным нововведениям. С одной стороны, при работе с концепцией самореферентной системы под нее может и должна подпадать и наука, и собственное исследование. Это требует отказа от всякой онтологической метафизики и априористики. Системы, обладающие встроенной рефлексией

¹⁴ Подробнее об этом и об эволюционном контексте таких обуславливаний см.: *Luhmann N. Die Ausdifferenzierung von Erkenntnisgewinn: Zur Genese von Wissenschaft // Wissenssoziologie, Sonderheft 22 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / Hrsg. N. Stehr, V. Meja. Opladen, 1981. S. 101—139.*

¹⁵ Данная проблема анализируется в: *Bunge M. The GST Challenge to the Classical Philosophy of Science // International Journal of General Systems 4 (1977). P. 29—37.*

сией, должны отказаться от абсолютов¹⁶. И если наука обнаруживает это обстоятельство в своей предметной области, то оно неизбежно действует и для нее самой.

С другой стороны, теория самореферентных систем позволяет дать интерпретацию и вышеуказанному феномену встречи с самим собой. Он основан на дифференциации познания и его предмета и в то же время отмечает точку ре-идентификации в предметной области. Однако прежде всего логика и теория самореферентности могут теперь учиться у системных исследований. Уже давно ищут выход из тавтологических структур самореферентных отношений. Теория типов есть одно из предлагаемых решений, порой навязываемое и эмпирическим наукам. Все едины в том, что следует различать вредные и безвредные формы самореферентности, т. е. ведущие к парадоксам и не приводящие к ним¹⁷. При анализе эмпирических систем сталкиваются с феноменом сцепленной, структурно сочлененной, обязательно сопутствующей самореферентности, социологически значимые примеры которой были даны в связи с триадой капитала, государства, образования. Здесь выявляется, что (и как) самореферентность может быть встроена в условия и в комплекс, обеспечивающие усиление закрытости и открытости. Данное открытие требует от теории науки спросить: а наука делает это точно так же? Если нет, то почему? А иначе как? Как бы не отвечали на этот вопрос относительно самой системы науки, уже тот факт, что наука как самореферентная система занимается самореферентными объектами, имеет далеко идущие последствия. В таком случае отношение науки к объекту, со своей стороны, есть отношение двойной контингентности. Объект можно изучать лишь благодаря тому, что используют его самореферентность, либо опираются на ее самодвижение¹⁸. Тогда любая обретенная транспа-

¹⁶ Развитие системной теории можно рассматривать как ответ на данное открытие — во всяком случае, так делается в: *Pizzorno A. L'incomplete-tude des systemes // Connexions* 9 (1974). P. 33—64; 10(1974). P. 5—26 (60 f.).

¹⁷ Из множества работ ср.: *Wormell C. P. On the Paradoxes of Selfreference // Mind* 67 (1958). P. 267—271.

¹⁸ Предусмотрительно следует заметить, что это верно лишь тогда, когда научный интерес направлен на самореферентную конституцию объекта. Конечно, наряду с этим всегда возможны и традиционные способы классификации и измерения, абстрагирующиеся от самореферентности и вместо этого подставляющие аналитические рамки своего наблюдения. Именно в этом смысле Г. Паск различает (терминологически не очень удачно) специализированных наблюдателей и естественных историков. Лишь последние учитывают самореферентность и поэтому входят в «общение» с объектом. Ср.: *Pask, The Natural History of Networks // Self-organizing Systems / Ed. M. C. Yovits, S. Cameron. Oxford, 1960. P. 232—260.*

625

рентность есть транспарентность интеракции с объектом и необходимых тому объяснений¹⁹.

Двойная контингентность (самореферентных систем) вызывает, что было уже рассмотрено для межличностных отношений²⁰, эмерджентность на новом уровне реальности.

Таким образом, познание самореферентных систем является эмерджентной реальностью, которую нельзя сводить к признакам, уже имеющимся у объекта или субъекта (чтобы еще раз подтвердить: это не исключает возможности систем наблюдать и описывать свой окружающий мир в своих категориях и аналитических схемах, например подсчитывать количество мотоциклов на острове Мэн). Такое понимание подрывает субъектно-объектную схему теории познания, не оспаривая возможности (она, скорее, остается допустимой) предварительных качеств и проекций окружающего мира, относительных системе. Нет речи и о возобновлении конструктивных учений или даже о повторе тезиса, согласно которому познать можно только то, что можно сделать. Мы лишь делаем вывод и для теории познания из понимания, что двойная контингентность, становясь проблемой самореферентных систем, действует автокаталистически, т. е. по-новому организует заготовленные «материалы» на эмерджентном уровне реальности. Отсюда мир видится по-новому. На этом уровне у него вновь имеются специфичные неопределенности и поэтому специфичные технические приемы редукции неопределенностей через интеракцию с объектом, что опять-таки означает: путем стимулирования его самореферентного осуществления.

При изложении данной тенденции развития от трансцендентальной эпистемологии к натуралистической и его причин особой нужды в социологии не было. В социологии ситуация в принципе та же, что и в других науках. Граница проходит не между естественными и гуманитарными науками, а между теориями, претендующими на универсальность, которая вовлекает их в проблематику самореферентности, и более ограниченными исследовательскими теориями, лишь тематически раскрывающими ограниченные фрагменты мироздания. Однако больше других специальных наук, в которых лишь недавно стали поднимать проблемы теории познания и порочного

¹⁹ «Естественный историк не может сказать ничего определенного о способе работы этих (или иных) систем. Он комментирует лишь их взаимодействие», — утверждает также в: *Pask, a. a. O. P. 234. Ср. также: Glan-*

ville R. The Form of Cybernetics: Whitening the Black Box U General Systems Research: A Science, a Methodology, a Technology. Louisville, Kentucky, 1979. P. 35—42.

²⁰ Ср. выше, гл. 3.

626

круга в нем с позиций специализированных исследований²¹, именно социология может опираться здесь на собственные традиции. «Идеологический» компонент общественных теорий осознан ими уже сто лет назад. То, что социология знания основана в отношении темы истины на круговых структурах, является проблемой, обсуждение которой ослабевает лишь из-за отсутствия новых идей²². То, что методы исследования втягивают исследователя в отношения с его предметом, исключая беспредпосылочность и, как минимум, затрудняющие объективность, относятся к сокровищнице дисциплинарного опыта, способствовавшего бесчисленным методологическим размышлениям. В последнее время социология извлекает пользу и из обращения теории науки к ее истории и может показать, что развитие теории с течением времени происходит не без влияния общественных, организационных условий и условий повседневной интеракции. Однако все это воспринималось, скорее, как нагрузка, во всяком случае, как проблематичное положение вещей и не описывалось как свойство реальности, как верификация теории, предсказывающей именно это. Модные концепции, прежде — «социального априори», ныне — «жизненного мира», заимствованные из философии, служат лишь итоговыми формулами, занимающими место, на котором можно было бы создать такую теорию. Только если и в социологии думают об общих, универсалистских началах теории, то в ней возможны изменения. Социальная эпистемология может возникать лишь как побочный продукт такого развития теории.

Теория самореферентных социальных систем, конечно, не претендует быть единственно возможным или даже наилучшим вариантом; но у нее для этого есть особое сродство. Оно заключается в центральном положении концепции самореференции. Для теории, рассматривающей свои предметы как самореферентные системы,

²¹ Для биологии см., напр.: Wahrnehmung und Kommunikation / Hrsg. P. M. Hejl, W. K. Kbeck, G. Roth. Frankfurt, 1978; Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. New York, 1979; Riedl R. Biologie der Erkenntnis: Die stammesgeschichtlichen Grundlagen der Vernunft. 3. Aufl. Berlin, 1981; Maturana H. R. Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit. Braunschweig, 1982.

В данной литературе бросается в глаза, что эпистемологические осложнения становятся и более необходимыми, и более серьезными, и более «интересными», если исходная теория сама делается более строгой. Только тогда, например, становятся релевантнее логические проблемы самореферентных отношений. Подобный опыт предстает и социологии.

²² Полезный обзор немецкого вклада в данную дискуссию содержится в: Der Streit um die Wissenssoziologie / Hrsg. V. Meja, N. Stehr. 2 Bde. Frankfurt, 1982.

627

легче удастся презентация своей самореференции. Именно этого и ничего иного следует ожидать по теории, если теория еще раз обнаруживает себя в своем предметном поле как один из своих предметов среди прочих. Исследование, направляемое теорией (в том числе и теорией самореферентных систем), собственно, может быть не чем иным, как самореферентной социальной системой, а именно одной из многих, подсистемой подсистемы подсистемы общества, т. е. системой, малозначимой для всего общества. Если теория самореферентных социальных систем вообще работает, то многое свидетельствует о том, что она работает и в данном случае. Чем больше разработана общая теория, тем богаче ограничения, следующие отсюда для теории науки. Так, теория науки может использовать прежде всего общее понимание, что в ее самореференции тоже есть чувствительность к случайности, но тогда она сама себя обуславливает и тем самым создает такую структурированную комплексность, что система способна сочетать высокую индифферентность со специфической чувствительностью по отношению к своему окружающему миру.

В данном случае также, и опять-таки в согласии с самой концепцией теории, особым образом скомбинированы самореференция и инореференция. Речь идет о сопутствующей самореференции — одном из многих случаев. С одной стороны, теория должна учитывать, что она возникает как свой собственный предмет. В случае претензии на универсальную значимость такая самореференция структурно обусловлена. С другой стороны, данная самореференция возникает лишь в том случае, если «развернута» логическая концепция теории, подходящая и к другим предметам, если она тем самым включает в себя инореференции, т. е. если параллельно осуществляет самореференцию и инореференцию. Концепция re-entry* (Дж. Спенсера Брауна) или, лучше говоря, повторного появления различия в его предметной области, является, с одной стороны, просто опытом, который изо дня в день приобретают в работе с универсалистскими

теориями, с другой стороны, формой для того, что также можно ожидать согласно теории, — структурно обусловленного принудительного соединения самореферентных и инореферентных ссылок во всех операциях системы. Теоретики науки, обладающие широтой взгляда, могли бы усмотреть в этом верификацию научно-теоретической гипотезы.

Столь запутанные понятийные отношения могут напугать социологов. Однако в конце нашего исследования невозможно написать

* Повторное вхождение (англ.). — Прим. пер.

628

еще одну книгу в книге, переводя тем самым намеченную программу теории науки в веские высказывания²³. Заключительные замечания должны лишь указать точки подключения таких исследований и предупредить возражение о том, что, до того как приступить к исследованию, следует прояснить логические и теоретико-познавательные проблемы своей исследовательской позиции; т. е. как при выходе из гавани, поднять свой флаг, чтобы была видна принадлежность к какой-либо позиции в теории науки, чтобы была ясность предпосылок образа своих действий. Мы действовали наоборот и теперь можем предложить сове Минервы, кычащей в углу, начать свой ночной полет. У нас есть приборы, чтобы проследить его; наша цель — понять современное общество.

²³ Ср., в частности, о проблемах выделения науки и о различии теории и метода: *Luhmann N. Die Ausdifferenzierung von Erkenntnisgewinn: Zur Genese von Wissenschaft*, а. а. О.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абстракция 24—25

Автаркия 534

Автобиография 134 прим. 69

Автокатализ 172—176, 257

Актуальность/возможность 105—106, 116—117

Alter Ego 124, 184—185 см. Ego; Социальное измерение

Альтернатива 448

Альтруизм см. Эгоизм

Аналогия 39, 284

Аннигиляция 101, 487

Аномия 114

Антропология см. Человек

Асимметризация 70, 77, 112, 179—180, 226—227, 231—232, 260, 274, 601—605, 619—620

Атрибуция см. Отнесение

Аутопойесис 50, 66—70, 83, 91, 106, 170, 223, 228, 232—233, 239, 256, 291—294, 375, 377, 457—459, 473—474, 476—477, 484, 515, 531, 539, 562, 575, 579—580, 595, 622

— сознания 203, 292—295, 345—349

Бесконечность внутренняя 133—134,

308, 338; см. Горизонт Беспокорство имманентное 83, 86,

103—105, 235—236 Беспорядок см. Порядок/беспорядок,

помехи (шум) Беспристрастное третье лицо 517

Бессмысленность 101—102, 114—115

Бессознательное; см. Сознательное/бессознательное

Бихевиоризм 98

Бог 352, 595

Брак 265 прим. 45, 316

Будущее 137, 494—498, 602—603; см. Прошлое

Быстрота 81, 84, 171, 266, 453, 484

Бытие 147—149, 425, 624; см. Онтология

Бюрократия 462—463; см. Решение; Организация

Ведьмы 438

Вера в легитимность см. Ценностный консенсус

Вероятность см. Невероятность Вечность 408—410; см. Семантика

времени Вещь телесная/вещь бестелесная

см. Res corporales/incorporales Взаимное влияние 157 Взаимозависимость 373—374, 510—

511

—, центрирование 539—541 — прерывание 70, 601—602, 614;

см. Асимметризация; Детавтоло-

гизация Взаимопроникновение 73, 88, 153,

285—336, 344, 357—359, 427,

511, 533, 541, 564 — межличностное 298—305

630

Взаимность 186—187; см. Ожидания; Договор

— перспектив 156—157
Включенность 292
©кус 341 прим. 8, 351, 359, 453
теНугреННее/внешнее см. Предметное измерение
Возбудимость, эндогенная 86,235— 236; см. Беспокойство
Возможность см. Актуальность; Указания, избыточность указаний
Возникновение городов 550
Воспитание 322—323,335—336,586, 613—614; см. Социализация
Восприятие 211, 536—539
Временное измерение 120—123,136, 407^*08, 543—544, 602—603
Вред см. Польза
Время 75—77,177—179,204,251— 254, 346—347, 405—406, 407— 410, 494-^95, 541, 581; см. Настоящее;
Необратимость; Прошлое; Событие
— рабочее/свободное 505 —, агрегация 81
—, выигрыш 80—82, 85, 505
— дефицит 252—253, 265, 453— 454, 504—506
—, измерение 120, 252, 406 —, самореференция 136 Всемирное общество 533, 558—
560
Всеобщее 29 см. Генерализация - /особенное 340—341, 351—352 Вход/выход 271—278 Выражение 203
Генерализация 139—145, 216, 312, 313—314,430—437
—/респецификация 39, 113,432
Гений 351
Герменевтика 114
Герои/негодяи 340, 351
Гибкость структурная 460
Гиперкомплексность 607—608
Гипотезы 426
Горизонт 43,98—99,109—ПО, 119, 279, 308—309; см. Двойные горизонты
Господин/слуга 479, 505
Господство, критика господства 28— 29, 43, 268, 356, 448-449, 519
Государство 500, 591—592, 597— 598, 600
— культуры 599
— экономики 600
Градиент комплексности 54, 247— 250,431
Гражданская религия 177; см. Ценностный консенсус
Границы см. Смысловые границы; Системные границы
—, от-дифференциация 267
Гуманизм 123, 282—284; см. Человек
Движение 87,102 прим. И, 103,121
— социальное 520—526
Двойная контингентность 151—156, 256,288—289,301—302,325,376, 398—399,483,508—509,536,546, 575—
576,589,608,625—626; см. Контингентность
Двойное описание 120, 241—242
Двойные горизонты 117—119; см. Горизонт
Двузначность 404—405
Дедукция 604, 620
Действие 128—129, 162—164, 170, 184—185, 225—229, 274—275, 289, 577—578, 604—605
— коллективное 267—271, 589
— социальное 553—554 —/наблюдение 303,394—398,452—
454
Действующее (значащее) 79, 424
Декомпозиция 257—258; см. Способность разложения
Деньги 355, 461, 493, 586, 596
Детавтологизация 117,170,186, 575, 577, 578, 601—604, 618; см. Тавтология
Дефицит 500, 547; см. Дефицит времени
Децентрированне ПО
Децизионизм 18—19
Диалектика 369, 472, 474, 483, 489, 498, 559, 579, 610 прим. 74
Диалог см. Составная конституция
631
Дигитализация 477
Дискриминация 513
Диссенсус см. Консенсус
Дистанция 570
Дифференциация 254—262; см. Системная дифференциация; Дифференциация окружающего мира
— информации и сообщения 197— 198,200,201,203—204,206—207, 209,210,212,223

— когнитивных и нормативных ожиданий 421—428
— общества и интеракции 527—531
— принятия и отклонения 163,204— 208,218,237,308,575—576
— смысловых измерений 131—133
— удовлетворения и разочарования 353, 359, 385—386, 422
— уровней абстрагирования 419— 421
— функциональная 259, 262, 317— 318,397—398,411,449-^*50,493, 495—496,498, 582 прим. 29, 587, 592—
593, 595—601, 613—614; см. Общество современное
Дифференциация окружающего мира 254—255, 261
Доверие 182—184
Догадка 201
Договор 178, 284, 296; см. Ожидания; Общественный договор
Договорный порядок 179,265,296— 297, 552
Должное 424—425; см. Норма
Должность 417 см. Роль
Допущение 159, 402—403, 480
Достоверность 587—588
Дружба 126 прим. 55, 300, 304, 314, 332,334,551,556—557
Его 124; см. Alter Ego
—/Alter 130—131, 154—155, 184—
185, 197—198, 399—400, 509—
510
Единство 64, 391, 392, 398, 447— 448, 477, 570, 583, 610, 622; см. Аутопойесис
Enni 374 прим. 22; см. Скука Естественное право 283—284, 306— 307,454-^55,491,492
632
Желание 603 Жесты 325, 326—327 Жизненный мир 111, 571 Жизнь 283, 292—293, 347
Забывание 433 Зависимость 250
—/независимость 248, 275,286,291, 550—551
Завышенность запросов 181, 202, 264—266, 270
Закрытость, самореферентная 32— 33; см. Система открытая/закрыва
Заслуги 354—355
Здравый смысл 588, 617
Знак 111—112, 141,210,220—221; см. Признак
Знание 386,425-^426,432—435; см. Когнитивность
Идеализация 29
Идеология 342, 420, 560, 593, 594, 604
Идентичность 105, 116—117, 139— 140, 249—250, 347; см. Рефлексия
— как условие ожидания 413— 415
— личная/социальная 342—344, 351, 362—363, 528
Идея 103
— регулятивная 620
Иерархия 45-^6,259,270,276,392, 445—448,516—517,603
Иерархия типов 142, 578 прим. 23, 601—602, 625
Избыточность 99,236—237,250,375, 393,518,540
Изменения 76, 108, 132, 454—460
—, обусловливание 433
Изменение структуры см. Изменения
Измерения мира см. Смысловые измерения
Иллюзия 450; см. Латентность Иммунная система
— психическая 361
— социальная 484—490, 549
Инвариантность 374; см. Постоянство
—/изменений 78—79; см. Социаль-
— ные изменения
Цнгибирование 399, 442—443, 463
ИЦдетерминированность см. Неопределенность
Индивид, индивидуализация 133— 134, 282—283,294, 299 прим. 22, 300—301, 307, 337—339,414,420, 521—
522, 545, 603
Интеллект 161—162
Интенция 118, 184
Интерес 227, 603 прим. 61
Интерсубъективность 124, 203, 279
Интимность 299—305, 311; см. Любовь

Информация 74, 85, 107—109, 196—197, 250, 551—552
Ирония 443—444 прим. 164, 480; см. Шутка
Исключенное третье 127, 281, 307, 486
Искренность 416, 480; см. Некоммуникабельность
Искусство 452
Истина 95—96
История 122—123, 178
Исчисление
— вероятности 506, 562—563 прим. 64
— издержек 498—499 Интеграция см. Взаимозависимость
— общественная 311—312
Капитал 513, 599, 600
Карнавал 445—446 прим. 169
Карьера 418
Катастрофы 495, 498, 593
Классики 15—16
Классификация 570—671
Книгопечатание 222—224, 253, 396—397, 434, 452, 492, 554—555
Кодирование 199, 575
Коллектив см. Действие коллективное
Коллективные сингуляры 559
Коммуникативные выступления см. Темы
Коммуникация 71—72, 131, 145—146, 193—228, 289, 480—482, 508—509, 575—577, 603—604
— непрямая 209—211, 536—537
— парадоксальная 481—482, 536—537
Компенсация низкой комплексности 247—248, 431
Комплексность 17, 19, 51—58, 94, 99—100, 286, 308, 420, 574, 605—606; см. Взаимопроникновение
— определенная/неопределенная 57, 293, 367—369, 371—372; см. Самоопределение
— структурированная (организованная) 52, 143—144, 186, 293, 367—368, 371—372, 488
—, редукция 20, 53, 55—57, 108, 228, 235, 246, 259—260, 392, 444, 608
—, темпорализация 82—88, 102, 230, 290, 376, 455, 483, 581—582
—, транспарентность 17, 159, 161
—/системная дифференциация 257—260
Конкуренция 500—503
Консенсус 137, 236, 306—309, 313, 606, 608; см. Ценностный консенсус
—/диссенсус 117—118, 124—125, 179—180
Контингентность 53, 88—89, 94, 155—156, 368—369, 376—377, 389—390, 545—546; см. Двойная
контингентность
— опыт 162—163, 172, 250, 289 —, преодоление 447, 451—452 Континуум рациональности 609 Контроль
68—69, 200, 575—577 Контрструктура, контркультура 445
прим. 167
Конфликт 190, 206, 207, 261, 303—304, 3 И—312, 403, 421, 436, 439—482, 489—490, 507—520, 547—548, 549
Конформный/отклоняющийся 80, 258, 306—307, 319—323, 388, 425, 458—459
Кооперация 501—502
Копирование 356, 416
Космология 113—114; см. Семантика мира
633

/ I

Кредит 587 прим. 38
Кризис 560, 615
Критика 448, 451, 526
Культура 153, 177, 224, 543, 561,
564 Кумуляция эффекта см. Социальное
движение
Латентность 39, 93—94, 176—177,
387, 441—445, 449—453, 623; см. Легитимация 271, 606 Либерализм 499, 503, 606 Личность 130, 158, 161—162,
181,
184—185, 312, 415—416, 545, 549 Логика 142, 147, 281, 471—473, 477—
478, 503—505 — классификации 40 Любовь 300—303, 314, 316—317,
330—331, 400 прим. 68, 444—446,
493, 555—556, 586, 592

Межсистемные отношения 43—44, 163—164, 247; см. Взаимопроникновение
Метафизика 146—147
Метафора 212
— переноса 195—196, 226, 236 прим.75
Мир 100, 101, 109—111, 155—156, 163—164, 279—281, 299
Множество 5 i
Модальность 421—422
Молодость 328
Молчание 209,359,450; см. Латентность
Момент времени см. Событие
Моментальность любая 80
Мораль 126, 216, 283, 311—318, 335—336,450,491, 513, 519, 552, 608—609
Морфогенез 171—172, 463^64, 467—469
Мотив, мотивация 227
Мудрость 396, 433
Музицирование совместное 328
Мутуалистическая конституция см. Составная конституция; Двойная контингентность
Мышление 147—148
634
Наблюдение 33, 69, 115, 241—243, 349—350, 375, 394—395, 442, 473-^74, 562^-563, 566, 569—/ 570, 619,
623 см. Самонаблюдение •/
—/действие 303, 394—398, 452— 454
«Навешивание ярлыков» 425
Награда/кара 497
Надежность
— ожиданий 398—399, 407—412; см. Ненадежность
—/ненадежность 404—497; см. Ненадежность
Намерение 209—210, 227, 480 Настоящее (время) 121—122,252— 253, 288—289, 346—347, 378, 386—387,
409—412
— темпорализация 407
Начало интеракции 543—544 см.
Эпизод; Система интеракции Невероятность нормальности 165—
168,217—219 Неврозы 319 Негативность 175, 348, 560, 575—
576
Недоверие см. Доверие Незнание см. Латентность Некоммуникабельность 208—209,
304—305, 452; см. Латентность Неконгруэнтная перспектива 93 Ненадежность 250, 379, 404—407,
483, 494 —, повышение 402,406—407,422—
424,483,517—518 —, поглощение 160—161,250—251 Необратимость/обратимость 76—77,
82, 121—122, 178, 232, 298, 401,
456, 580—582, 602 Необходимое разнообразие 54, 247;
см. Градиент комплексности Необходимость 383—384; см. Кон-
тингентность
— отбора 53, 76, 99, 189—190, 250 Неожиданность см. Новизна Неопределенность
— из-за противоречия 475
— возникновения 157—160, 174 Неопределенность/определенность;
см. Самоопределение
— комплексности 56
Непознаваемость основ порядка 176; \ см. Латентность
Неразрешимость (для наблюдателя) 474—475; см. Противоречие
Нервная система 346
Неспособность 439
Нестабильность 170, 482—483; см. Стабильность; Беспокойство
Неуверенность 160—161
Несчастный случай 428, 439
Неформальность 556; см. Формальный
Новизна 379
Норма 306—307,384,386,421—423, 429—430,435^137
Нормальность, невероятность 165— 168,217—219,514,561,584—585
Нравственный закон 313, 315
Обмен 207, 501,547—548 Обозначение 105, 229, 569—570 Обоснование 296—297; см. Основа,
основание Образование 341, 599, 600, 613—
614
Обратимость см. Необратимость

Обусловливание 50—51, 101, 173,
187—189, 235,270—271,287,291,
312—313, 425—126, 475—476,
477—478,514—515,542,575,588
Обучение, готовность к обучению
161, 422—423, 432—434, 598 Обществе см. Составная конституция
Общественное мнение 450—451 Общество 66—67, 137, 208, 222— 223,247,280,292—293,311—312, 314—
315,335,404,408,420,446, 438—439, 489-^*92, 512—514, 525,531—535,541,547—553; см. Стратификация;
Всемирное общество
— архаическое 542, 550
— современное 138, 148—149, 260, 526, 551—552, 558—560, 571— 572, 603—604, 610, 613—614
Общественный договор 268, 283—
284, 429—430 Общительность 214, 215, 264, 314,
440,450,551,612
Общность 126 прим. 55, 294 Ограничение 349, 570—571; см.
Структура; Энтропия Ограничение (лимитирование) 51, 63,144,160—161,205,256—257, 372—375,
385,421,475—476,484, 518, 608; см. Обусловливание; Принуждение к отбору; Структура
Одиночество 529—530, 554, 556 Ожидания 142—144, 161, 187, 199, 219, 352—355, 380—381, 384— 387, 388,
398-^04 —, комплементарность 400 Окружающий мир 32—33,43,240— 242,246—247,575,610—611; см.
Система/окружающий мир
— внутренний 43—44, 257, 259— 260, 538
— однородный/инородный 254,257
— турбулентный 460 Онтология 149,206,241—242,624—
625; см. Предметная схема; Метафизика
Операция 84—85, 249, 309, 346— 347, 569—570, 572; см. Коммуникация
Определенность см. Неопределенность
Опредмечивание 114,413 прим. 96; см. Предметная схема; Отчуждение
Организация 265—266, 276—277, 416, 462, 516—517, 527 прим. 1, 603, 612
— формальная/неформальная 256 прим. 31,266 прим. 48,446—447
Организм 324, 485, 487; см. Тело;
Жизнь Организменная аналогия 25—26,
284, 487 Основа, основание 383, 574, 617—
618, 622; см. Обоснование Основное различие 27, 63, ПО; см.
Различие Отбор 47, 48, 62—63, 170—171,
173—174, 189—190, 196, 258—
259, 288—289, 561—562
— структур 79—80, 372—373 Ответственность за последствия действия 506
635
От-дифференциация 60—61, 85—86, 101,211,248,254,275—276,402
— во времени 251—254
— временнбо измерения 408—412
— коммуникации 201—202, 211, 212—214
— конкуренции 501—503
— рефлексивности 583—585, 588
— ролей наблюдателя 396
— функциональных устройств 89; см. Дифференциация функциональная
—/внутренняя дифференциация 256—258, 261—262
Отклонение (поведения) см. Конформный/отклоняющийся
Отклонение (непринятие) см. Принятие
— коммуникации 478—480, 507— 508 см. Конфликт; Противоречие
Отнесение 193—194,227—228,289, 299, 300—303, 338—339
— внешнее/внутреннее 128—130 Отношение 157; см. Элемент/отношение
Отражение как метафора 157 Отрицание 101, 476, 487, 509—510,
525, 531, 549
Отчуждение 133—134, 564 Оценивание 144
Память 107 прим. 21, 161, 485
Парадигма 26—27, 384
—, смена 26—36, 568 прим. 6, 610
Парадокс 64—65,142,209,212,301— 303,305,477,493, 535,609—610, 621
Партнерство 547
Переживание 128—129, 164
Персонализация социальных систем 158
Письменность 131,219—221,221— 224, 396—397,434,492, 554—556, 590

Планирование 605—608, 611
Платежи 596
Плюрализм 16, 501
Поведенческое ожидание см. Ожидания
Повторение 68, 84, 232, 347
Повторное вхождение 229, 249, 523;
583, 589, 590—591, 610, 628 Пограничные пункты 276 Подозрение 208, 223 Познание, когнитивное ожидание 421^{^29}; см. Знание Полис 334, 550 Политика, политическая система 271, 408, 493, 498, 513, 514, 516, 597;
см. Государство Польза/вред 163 Помехи 236; см. Порядок Понимание 115, 136, 198, 200—201, 218—219, 254, 350 Понятия 19—20, 24—25, 115 Порог утраты уверенности 219 Порядок/беспорядок, помехи (шум) 127, 154, 199, 235, 287 Постоянство/изменения 130, 455—460
Потребность 161 прим. 14, 596 Правила построения 171—172, 428;
см. Различие Право 312, 435—437, 439, 513—514, 518—519, 586—587; см. Естественное право; Норма — позитивное 426 —/неправовое 490—491 Практика 234
Предикаты, предикация 119, 206, 425 Предметная схема 103—104, ИЗ—114, 119—120, 195, 336, 340, 413—414; см. Реальность Предметное измерение 116, 118—120, 410—412, 413—414, 498—499, 544—547, 603 Предпочтение 388 см. Ценности Предсказание 409—410 — поведения 174—175 Представительство 28—29 Представления 346 Преисподняя 334 Признак 202—204 см. Знак Принуждение к отбору см. Ограничение
Принятие/отклонение (неприятие) 163, 204—206, 218, 237, 308, 575—576
Природа 124, 148, 176, 283, 313, 315, 410^{^11}, 435, 497, 519, 587, 603
Приспособление 62, 246, 460—465 636
Присутствующий/отсутствующий 120, 535—536, 538—539; см. Система интеракции
Притязания 353—356, 603
Причинность 33, 46, 74—75, 89—90, 249, 506, 580—582, 583, 604, 611—612, 619—620 — структурная 74—75, 461 Проблемы, их взаимозависимость 217—220
Программа 216—217, 274—275, 418^{^19}, 549 — условная 275, 418—419 — целевая 275, 418^{^19} Прогресс 178, 425—426, 468 прим. 206, 594, 609
Производство 46—47
Проникновение 286; см. Взаимопроникновение
Просвещение, социологическое 448—453, 623
Пространство 503—505
Противоречие 142, 147, 186—187, 456—457, 470^{^89}
Процесс 78—80, 377, 454—455, 459, 465^{^69}, 573—574, 582—584; см. Процесс коммуникации — коммуникации 213—214 Прошлое/будущее 117—118, 120—123, 252—253, 378—379, 407 Пруденция 80—81, 123, 410—411, 506 Психотерапия 321, 442, 444 прим. 65, 482
Равновесие 272
Радикализм 542
Различение 105, 229, 569
Различие 21, 34, 63, 74, 88, 102, 105—106, 111, U5—117, 163, 241—246, 281, 309, 320—321, 344, 349—350, 384, 426, 428, 570, 610; см. Основное различие; Системная дифференциация — конформного/отклоняющегося 80, 258, 306—307, 319—320, 425, 458
Разложение —/рекомбинация 137, 165, 496, 530, 531, 604, 613 —/репродукция 83—85, 371—372
Разнообразии 411
Разочарование 422—424, 437—440, см. Удовлетворение
Разум 139, 451^{^52}
Раньше/позже 222, 276, 344, 402, 419^{^21}, 549, 559; см. Событие; Процесс
Распад 371—372; Разложение/репродукция

Рациональность 234, 506—507, 589, 608—610
— решений 390—391
Реализм аналитический 368—369 Реальность 242—244, 575, 576—577, 617—618; см. Предметная схема;
Совершенство; Революция 496 прим. 41 Редукционизм 55—57, 337—339 Re-entry см. Повторное вхождение
Реификации см. Определенность Рекутирование 265—266 Рекуррентность см. Самореференция
Релевантность 475 прим. 6 Религия 176,314,408,453,587,595,
618 Репродукция 67—68, 83—85, 256;
Аутопойесис; Производство —, отклоняющаяся 458—459 Res corporales/incorporales 103,331—333, 336; 413
прим. 96; Предметная схема Ресурсы 250
Референция 569—570; см. Самореференция Рефлексивность 573—574,582- —585
— власти 587
— воспитания 586
— восприятия 536—539
— допущения 159—160
— коммуникации 200—201, 211—212,582—585
— любви 586
— обмена 615
— образования системы; см. Системная дифференциация
— обучения 598—599
— ожиданий 398—404; см. Взаимность; Договор
— планирования 606—608
— процесса отбора; см. Селективное усиление
637
Спорт 329 Способность
— присоединения 68, 128, 143, 162, 171,206, 232, 256, 288—289, 353, 375, 380—381, 405, 475 прим. 6, 513,
484, 562—563; см. Энтропия; Указания
— разложения 225—226,243—244
— связывания 84, 315 Сравнение 15, 24—26
— функциональное 89—92 Средства 220—224; см. Средства
коммуникации; Язык; Средства распространения
Средства коммуникации, символически генерализованные 206, 207—208, 222—223, 264, 330—331,492—
493,586,598
Средства распространения 221; см. Книгопечатание; Письменность
Стабильность см. Сохранение существования
— динамичная 83—85, 454—455 Статика/динамика 78, 455 Стратегия 418 прим. 112 Стратификация 261—
262, 341, 354—
355, 413—414, 440—441, 516—517, 519, 547—548, 552, 603; см. Иерархия
Структура 68,78—80, 186—187,248, 249,293,366—382,484,478,539
Структурализм 272—273,366—369
Структуры мира 371
Сублимация 159
Субъект 57, 113—114, 115—116, 124—125,148,233,242,289,310—311,401 прим.70,567—569,618
Супертеория 27; см. Универсальность
Существенные признаки 40,127,626
Схематизация бинарная 127—131, 306—307, 309—310, 312—313, 490—491, 571
Сцепление 297
Счастье 335, 438-439
Тавтология 38, 475, 572—573, 594—595; см. Детавтологизация; Самореференция
Такт 93, 400, 537
Танец 328 Текст/контекст 115 Телеология 178—179, 383—384, 398, 467—469; см. Финализация; Цель Тело
267—268, 283
— человеческое 323—333,537—538 Темп см. Быстрота Темпорализация см. Комплексность Темы 118,264—
266 -^выступления 213—214, 224, 385 Теория 15—22, 384, 434, 624—625
— действия 193, 603—604
— диффузии 457
— науки 17,93,165—167, 382—384, 592,616—617,618—619
— общества 26, 529—530, 534—535, 558—560, 627—628
— познания 37—38,67,95,243—244, 368—369,592,616—622; см. Теория науки
— права 592
— рефлексии 277, 313, 315, 591—594, 616; см. Этика; Теория права; Теория экономики; Теория науки
— самореференции 16, 40—41, 628
— универсальная 16—17, 40—41, 619, 628
— экономическая 317, 592 Теория систем

— аналитическая 37—38, 48, 60, 244—245, 368—369, 572—573
— общая 23—27, 39[^]0
— функциональная 579
— и функциональный метод 91—93 Территориальность 263, 533 Терроризм 449
Техника убеждения см. Риторика Технология 495—496 Типы 127, 140—141, 143
— действия 234 Тотализация 247 Трансакция 207 Транспарентность 17, 156—160, 161, 625—626
Трансцендентальная философия 149, 203, 288 прим. 10, 338, 341, 346— 347, 369, 568, 579, 617, 618, 623 прим. 13; см. Сознание; Субъект
Трансцендентность 102, 595
Труд 253—254, 317
640
Уважение/неуважение см. Мораль
Удовлетворение/разочарование 353, 359, 385, 422; см. Притязания; Ожидания
Указания, избыточность указаний 98—99
Универсальность
— смысла 102—103, ИЗ, 117—118, 122
— теории 17—18, 40—41, 619— 620, 628; см. Супертеория
Усиление
— избирательности 78—80, 582— 583
— отклонений 258
Ускорение 81—82, 253; см. Быстрота; Выигрыш времени
Условия возможности 50; см. Обусловливание
— абстракции 383
— двойной контингента ости 289
— действия 152—153
— противоречия 476—477
— социального порядка 166—168 Установка разрешающая 307, 421, 441
Уступка свободы 159—160, 162 Утилитаризм 163 прим. 15, 497 Утопия 494—496 Участие 28
Феноменология 98, 127, 156, 202, 347, 357 прим. 33
Физика 619
Философия 148—149, 220
Финализация 602; см. Телеология
Форма 118—119
Формальный/неформальный 258; см. Организация; Неформальность
Функциональный анализ 88—96, 165—166, 240—241, 394, 430, 452—453
Функция
— как принцип отбора 392—=395, 447—449, 451—452, 588; см. Дифференциация, функциональная
—, понимание 602; см. Просвещение; Латентность
Хронология см. Время, измерение
Целое/часть 28—32
Цель 85, 348; см. Эпизод
— и средство 276, 390
Цена 86; см. Деньги
Ценности 222, 276, 344, 402, 419—
421, 549, 559; см. Оценивание Ценностный консенсус 153, 177 Центр/периферия 258 Циркулярность 169,
183, 185—186,
260, 580—581; см. Двойная кон-
тингентность; Девтологизация;
Тавтология
Часть см. Целое/часть
Человек 73, 104, 123—124, 133, 228—229, 262, 282—285, 340— 341, 413—414, 451—452
— универсальный 351, 451
Черные ящики 158—160, 272
Честь 515—516 прим. 71
Членство 266
Чтение 396, 555—556; см. Книгопечатание; Письменность
Чувствительность, обеспечение чувствительности 236, 262, 368, 399— 400, 484-[^]*85, 494
Чувство 298, 354, 355, 360—362, 427
Шум 236, 287; см. Порядок/беспорядок, помехи (шум)
Шутка 212, 413 прим. 164; см. Ирония
Эволюционные достижения 109, 397—398

Эволюция 18,27,47,53,54,97, 108, 132—133,139,144,145,164,171, 174,188,207,209 прим. 24,217— 220, 223, 238, 248, 258, 289, 333, 394—395, 397—398,402,407,457, 466—461, 474, 525, 542, 549— 550, 562—563, 615;
 см. Смысл, эволюция
 — языка 210
 641
 Эгоизм 608
 —/альтруизм 299—300 см. Своя выгода Эквивалентность, функциональная
 89—92, 240—241, 393, 447 см.
 Контингентность Экология 61,292—293 Экономическая система 498, 501—
 502, 596—597 Эксклюзия 294 Элемент 36, 48—50, 185, 201, 213,
 243—244,260,264,287—288,619;
 см. Событие; Самореференция ба-
 зальная —/отношение 47—50,372—374,462,
 573, 578
 —/состав 121—122, 252 Эмерджентность 50,160,162,169—
 170, 198, 399, 5«0, 619, 626 Энтропия 85,108,205,219,348—349,
 375, 460 Эпизод 352—353,355,359—360,364,
 529, 541, 543—544; см. Цель Этика 313, 315, 334 Этикет 556 Этнометодология 584 прим. 33
 Язык 141, 209—211, 220—221, 224, 357—360, 492, 575

ОГЛАВЛЕНИЕ

Социологическая теория как часть социальной системы (Я. А. Головин)	5
Предисловие.....	15
К введению: смена парадигмы в теории систем.....	23
Глава 1. Система и функция	37
Глава 2. Смысл.....	97
Глава 3. Двойная контингентность.....	151
Глава 4. Коммуникация и действие.....	193
Глава 5. Система и окружающий мир.....	240
Глава 6. Взаимопроникновение.....	282
Глава 7. Индивидуальность психических систем.....	337
Глава 8. Структура и время.....	366
Глава 9. Противоречие и конфликт.....	470
Глава 10. Общество и интеракция.....	527
Глава 11. Самореференция и рациональность.....	566
Глава 12. Следствия для теории познания.....	616
Предметный указатель.....	630